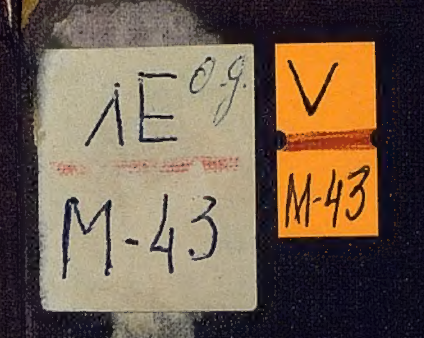

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ

1878 – 1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ [illegible]
ЧАСТЬ [illegible]

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
5	10 сверху	is make	is to make
50	14 снизу	27/17	27/14
60	25 сверху	be found	been found
80	8 снизу	от 4 июля/22 июня	от 4 июня/22 мая
84	16 сверху	представляем ся мне недопустимым	представляется мне недопустимым
96	15 „	refrain the period	refrain during the period
126	18 „	[Себенико и]	(Себенико и)
148	6 снизу	17/4 июля	17/4 июня
156	11 „	от 29/9 июня	от 22/9 июня
159	11 „	18/5 июля	18/5 июня
172	10 „	25/12 июня тел. за № 3021 (№ 1) Нератов передавал Неклюдову	25/12 июня тел. за № 185 (№ 1), (см. стр. 205, прим. 1) Неклюдов передавал Нератову
191	2 „	№ 36	№ 6.
214	9 „	200 тысяч	£ 200 тысяч
274	6 сверху	Второй [?] греческий	Вчера греческий
275	2 снизу	политичес кихио	политических то-
279	16 сверху	of the British	on the British
280	21 снизу	через месяц	через 6 месяцев
283	1 сверху	военному агенту Болгарии	военному агенту в Болгарии
335	7 снизу	co tinuous of	continuous supplies of
365	1 „	[2] Так в оригинале	[Должно быть отнесено к странице 366]
371	16 сверху	which be	which will be
437	1 снизу	прим. 1	прим. 2
533	12 сверху	consentira	consentir à
553	3 снизу	sauf le cas	dans le cas

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

1935
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
по изданию документов эпохи империализма

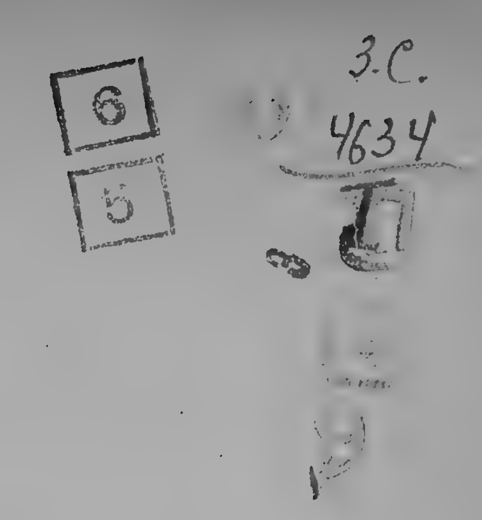
1935

ТОМ ВОСЬМОЙ

24/11 МАЯ — 16/3 ОКТЯБРЯ 1915 г.

ч. 1.

Подготовил к печати Е. А. АДАМОВ
при участии Б. Г. ВЕБЕРА и С. Р. ДИМАНТ

Редактор *Н. Рубинштейн.* Технический редактор *В. К. Мартынюк.*

Ог з 1234. Сдано в производство 7|X—1933 г. Подписано к матрицированию 5|XI—19 5 г.
Уполном. Главлита Б 37004. Тираж 000 экз Заказ № 2087. Формат бумаги 62x94/16 см.
Об'ем 41,17 авт. л., 37 3/8 печ. л., 18 2/16 бум. л. (40000 тип. знак. в листе). Цена 9 р., переплет 1 р.

Набрано во 2-й типографии „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига". Ленинград, Гатчинская, 26
Отпечатано в типографии „Печатня", Ленинград, Прачечный, 6.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ[1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Выпуск — вып.
Генеральное консульство — ген. кон ульство.
Депеши — деп.
Доверительно — довер.
Докладная записка — докл. зап.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Морское министерство — мор. м-во.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Правительство — прав-во.
Памятн я записка — пам. зап.
Телеграмма — тел.

Viscount Grey of Fallodon. Twenty Five Years, 1892—1916. (1925) — Grey.

Die deutschen Documente zum Kriegsausbruch 1914, herausg geben im Auftrage des Auswärtigen Amtes, Berlin, 1921 — K.D.

Европейские державы и Греция, изд. НКИД, Москва 1922 г. — Е.д. и Гр.

Конста тинополь и Проливы, изд. НКИД, Москва 1925 — 1926 гг.— К-поль и Пр. (1), (II).

«Кра ный Архив», — изд. Центрархива — Кр. Арх.

Mac Murray. Treaties and Agreements with and concerning China (1921) — Mac Murray.

Раздел Азиатской Турции, изд. НКИД, Москва 1924 г. — Р. Аз. Т.

Schulthess'. Europäischer Geschichtskalender. Herausgegeben von Ludwig Riesz, 1915 — Schulthess'.

Царская Россия в мировой войне, изд, Центрархива, Л., 1926 г. — Ц. Р.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. т. I, стр. XXV — XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Том VIII

(24/11 МАЯ — 16/3 ОКТЯБРЯ)

Часть первая

(24/11 МАЯ — 4 АВГУСТА/22 ИЮЛЯ 1915 г.)

№	Дата	Обозначение документов	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
67	5.VI/23.V	Тел. № 391	Бенкендорф — Сазонову	К. 5	99
68	5.VI/23.V	Письмо	Кудашев Н. — Сазонову	П. А. 4186	101
69	6.VI/24.V	Письмо № 83/п	Сазонов — Янушкевичу	С. А. 554	103
70	6.VI/24.V	Тел. № 368	Извольский — Сазонову	С. А. 554	105
71	6.VI/24.V	Тел.	Самойлов — в отд. ген. кварт. ген. штаба	А. В. 45	106
72	7.VI/25.V	Тел.	Сазонов — Извольскому	С. А. 554	106
73	7.VI/25.V	Тел. № 169	Гирс — Сазонову	К. 36	107
74	7.VI/25.V	Тел. № 338	Гильдебрандт — Сазонову	К. 107	108
75	7.VI/25.V	Тел. № 618	Миллер — Сазонову	К. 42	109
76	7.VI/25.V	Нота № 89	Росс. посланник в Пекине — кит. м-ру ин. дел	К. ст. 665	109
77	7.VI/25.V	Нота № 115	Кит. м-р ин. дел — росс. посланнику в Пекине	К. 39	110
78	7.VI/25.V	Тел. № 265	В. кн. Николай Николаевич — Сазонову.	С. А. 115	111
79	7.VI/25.V	Тел. № 528	Кудашев Н. — Сазонову	П. А. 4236	111
80	8.VI/26.V	Тел. № 2685	Сазонов — Штрандтману	П. А. 1734	113
81	8.VI/26.V	Поденная запись		С. А. 791	113
82	8.VI/26.V	Тел.	Самойлов — в отд. ген. кварт. ген. штаба	А. В. 76	113
83	9.VI/27.V	Тел. № 2717	Сазонов — Поклевскому	С. А. 554	114
84	9.VI/27.V	Поденная запись		С. А. 791	115
85	9.VI/27.V	Проект тел.	Палеолог—Делькассе	С. А. 554	116
86	9.VI/27.V	Тел.	Ферхмин — Сазонову	П. А. 4242	116
87	9.VI/27.V	Письмо	Савинский — Сазонову	П. А. 3798	117
88	9.VI/27.V	Тел.	Зографос — Драгумису	С. А. 633	118
89	9.VI/27.V	Тел. № 293	Эттер — Сазонову	К. 47	119
90	9.VI/27.V	Тел. № 296	Эттер — Сазонову	К. 47	119
91	9.VI/27.V	Письмо	Эттер — Сазонову	П. ст. 1622б	120
92	9.VI/27.V	Тел. № 341	Гильдебрандт — Сазонову	К. 107	123
93	10.VI/28.V	Тел. № 371	Извольский — Сазонову	К. 107	123
94	10.VI/28.V	Тел. № 324	Поклевский — Сазонову	С. А. 554	124
95	10.VI/28.V	Тел. № 609	Штрандтман — Сазонову	К. 64	125
96	10.VI/28.V	Тел. № 612	Штрандтман — Сазонову	К. 63	126
97	11.VI/29.V	Письмо	Демидов — Сазонову	П. А. 338	127
98	12.VI/30.V	Пам. записка	Англ. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 554	133
99	12.VI/30.V	Пам. записка	Рум. м-во ин. дел — м-ру ин. дел	С. А. 554	134
100	12.VI/30.V	Тел. № 2769	Сазонов — Штрандтману	П. А. 1734	137
101	12.VI/30.V	Тел. № 179	Гирс — Сазонову	К. 36	138
102	12.VI/30.V	Тел. № 181	Гирс — Сазонову	К. 36	139
103	12.VI/30.V	Тел. № 169	Неклюдов — Сазонову	К. 79	139
104	12.VI/30.V	Тел. № 306	Эттер — Сазонову	К. 47	140
105	13.VI/31.V	Пам. записка	Франц. пос-во в Петрограде — м-ру ин. дел	С. А. 610	141
106	13.VI/31.V	Тел. № 2786	Нератов — Обнорскому	П. А. 1734	142
107	13.VI/31.V	Письмо	Кудашев Н. — Сазонову	С. А. 341	143
108	14/1.VI	Тел. № 2811	Сазонов — Штрандтману	П. А. 1735	144
109	14/1.VI	Тел. № 616	Штрандтман — Сазонову	К. 63	145
110	14/1.VI	Тел. № 309	Эттер — Сазонову	К. 47	145

24 МАЯ — 16 ОКТЯБРЯ 1915 г.

ч. I.

№ 1. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

№ 554. 24/11 мая 1915 г.

Les Puissances alliées admettent l'occupation immédiate et l'incorporation par la Bulgarie de la Thrace orientale jusqu'à la ligne Enos — Midia en échange de son entrée en action contre la Turquie. Les Puissances alliées garantissent à la Bulgarie à l'issue de la guerre la possession de la partie de la Macédoine sise entre les frontières actuelles de la Grèce, de la Bulgarie et la ligne Egri-Palanka, Sopot, Ochrida—les villes Egri-Palanka, Keprülü, Ochrida et Monastir y comprises-ceci à la condition de compensations équivalentes à offrir à la Serbie en Bosnie-Herzégovine et sur le littoral Adriatique et de l'assurance de la Bulgarie de ne pas occuper cette partie de la Macédoine avant la conclusion de la paix. Enfin les Puissances s'engagent de s'employer auprès du gouvernement hellénique pour assurer à la Bulgarie l'obtention de Kavala. A ces fins les Puissances sont obligées, toutefois, d'être en mesure de recompenser la Grèce en Asie Mineure, et l'armée bulgare pour faciliter leur tâche, devra entreprendre en Thrace une action militaire contre la Turquie.

Les alliés sont prêts en outre à accorder à la Bulgarie leur assistance financière [1].

Les alliés sont disposés à prêter leur concours diplomatique à la Bulgarie pour lui faciliter la récupération d'une partie de la Dobroudja (retour au Protocole de St.-Pétersbourg [2]) cedée à la Roumanie [3].

---

[1] Первые два абзаца публикуемого документа представляют собой предложенную Греем редакцию заявления болг. прав-ву (см. т. VII, № 767); последний абзац (написанный на отдельном листе карандашом) предлагался Сазоновым в виде дополнения тел. от 24/11 мая за № 2400 (опубл. Ц. Р., стр. 120, № 105).

[2] Протокол конференции послов в Петербурге, принявшей в совещании от 26 апр. 1913 г. резолюцию по спорным рум.-болг. вопросам и наметившей (п. 1) новую рум.-болг. границу. См. «Оранжевая книга» о событиях на Балканском полуострове (август 1912 — июль 1913 г.) М. И. Д., 1914 г., № 382, стр. 257 — 258; Livre Jaune — Les Affaires Balkaniques, 1912 — 1914, t. II (Paris, 1922) № 239, pp. 154 — 155 и № 297, p. 190.

[3] Извольский тел. от 25/12 мая за № 336 сообщал Сазонову, что «французскому посланнику в Софии уже предписано сговориться со своими коллегами

Перевод.

Союзные державы соглашаются на немедленную оккупацию и присоединение Болгарией Восточной Фракии до линии Энос — Мидия взамен ее вступления в войну против Турции. Союзные державы гарантируют Болгарии по окончании войны владение частью Македонии, расположенной между нынешними границами Греции и Болгарии и линией Эгри-Паланка, Сопот, Охрида — города Эгри Паланка, Кепрюлю, Охрида и Монастырь включительно, при условии предложения равноценных компенсаций Сербии в Боснии-Герцеговине и на Адриатическом побережье и заверения со стороны Болгарии, что она не займет этой части Македонии до заключения мира. Наконец, державы обязуются воздействовать на греческое правительство, чтобы обеспечить для Болгарии получение Кавалы. В этих целях однако державы должны иметь возможность вознаградить Грецию в Малой Азии, и болгарская армия, для облегчения их задачи, должна приступить во Фракии к военным операциям против Турции.

Союзники, помимо того, готовы предоставить Болгарии финансовую поддержку.

Союзники склонны оказать Болгарии свое дипломатическое содействие, дабы облегчить возвращение ей части Добруджи, уступленной Румынии (возврат к Петербургскому протоколу).

№ 2. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

№ 42. 24/11 мая 1915 г.

His Britannic Majesty's Embassy has been directed by Sir E. Grey to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that His Majesty's Ambassador at Paris has been instructed to urge on Mr. Delcassé the importance of the Allied Representatives at Sofia being in a position to chose a suitable moment for making a formal offer to Bulgaria [2].

Sir F. Bertie is to point out that even if the greek elections go in favour of Mr. Venizelos, which is not certain, the definite cooperation of Greece must necessarily take some weeks to arrange. The situation in the Dardanelles has, in the meantime, rendered it most important

относительно редакции предположенного заявления и момента вручения его болгарскому правительству». Савинский в тел. от того же числа за № 287 (опубл. Ц. Р., стр. 120, № 106) сообщал, что Панафье получил: 1) сообщение Делькассе о заявлении Стáнчева (см. т. VII, ч. II стр. 498, прим. 2), причем Делькассе отмечал «малоутешительность» поднятия болгарами вопроса о спорной зоне; 2) «приблизительный текст обращения к болгарскому правительству, идентичный с полученным английским посланником» и Савинским, и 3) оговорку, что окончательные инструкции по поводу Кавалы, Сереса и Драмы будут сообщены «после сегоднешнего министерского совета».

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 279, № 203.

[2] См. т. VII, №№ 787, 808.

that Bulgaria should enter into the war as soon as possible. The fact alone of making offers to the Bulgarian Government, even if they should prove insufficient, would lend weight to the arguments which our supporters in Sofia might use in bringing additionnal pressure to bear on them.

It may be some time before so favourable an opportunity for speaking as that provided by the entrance of Italy recurs and ground is being lost by not making any offers.

As soon as the necessary instructions have been sent to his French colleague, Sir H. Bax Ironside is make to the Bulgarian Government a formal communication either as an offer from the three Allied Powers or as coming from His Majesty's Government and supported by the Russian and French Governments, whichever may appear most desirable to him and his colleagues.

He is to add that Sir E. Grey does not think that the Powers can give a definite undertaking as suggested by Mr. Sazonow[1] but that they will do their utmost to obtain the cession of Drama as well as that of Kavala.

Sir Edward thinks that the communication could most suitably be made when Italy declares war, and presumes that Mr. Fitzmaurice or some other suitable person will be employed to inform the leaders of the opposition and Mr. Vladoff of the offer that we are prepared to make[2].

Перевод.

Посольство его британского величества получило указание от сэра Э. Грея довести до сведения императорского министерства иностранных дел, что послу его величества в Париже было поручено убедить г. Делькассе в важности того, чтобы союзные представители в Софии имели возможность выбрать подходящий момент для передачи формального предложения Болгарии.

Сэр Ф. Берти должен указать на то, что даже если греческие выборы окажутся благоприятными г. Венизелосу, в чем нет уверенности, понадобится несколько недель, чтобы окончательно оформить сотрудничество Греции. Между тем положение в Дарданеллах придало особое значение тому, чтобы Болгария вступила в войну как можно скорее. Один лишь факт получения Болгарией предложений, даже в случае если они окажутся недостаточными, подкрепит аргументы наших сторонников в Софии, дав последним дополнительное средство давления.

---

[1] См. т. VII, № 816.

[2] Тел. от 27/14 мая за № 293 Савинский возражал против последнего предложения Грея, сообщенного Савинскому Айронсайдом, считая «подобную нескромность способной напрасно задеть самолюбие правительства и короля и повредить делу»; он просил при этом, если Сазонов разделяет его мнение, «вызвать соответствующую категорическую инструкцию Айронсайду».

Может пройти некоторое время, прежде чем представится столь удобный повод к выступлению, какой дает вступление Италии в войну; позиция наша будет ослаблена, если мы не сделаем никаких предложений.

Как только нужные инструкции будут посланы его французскому коллеге, сэр Г. Бакс Айронсайд сделает болгарскому правительству формальное сообщение в виде предложения, исходящего либо от трех союзных держав, либо от правительства его величества и поддержанного российским и французским правительствами, в зависимости от формы, которая представится наиболее желательной ему и его коллегам.

Он уполномочен добавить, что сэр Э. Грей не думает, чтобы державы могли дать окончательное ручательство, как предлагает г. Сазонов, но что они сделают все возможное, дабы добиться уступки как Драмы, так и Кавалы.

Сэр Э. Грей считает, что было бы целесообразнее всего сделать это сообщение в момент объявления Италией войны, и предполагает, что на г. Фицмориса или на другое подходящее лицо будет возложено осведомить лидеров оппозиции и г. Владова о предложениях, которые мы намерены сделать.

№ 3. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 43. 24/11 мая 1915 г.

Confidential.

His Britannic Majesty's Embassy has the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that the Italian Minister at Bucharest has explained to Sir G. Barclay the nature of the understanding between Italy and Roumania.

At the beginning of the war the two Governments undertook that when either of them desired to abandon their neutrality it should give notice to the other [1].

When the Austro-German armies were threatening Roumania last February the two Governments agreed that if either of them were attacked, the other come to its assistance [2]. Though this arrangement was nominally reciprocal, the Italian Minister pointed out that as Italy was in no danger of being attacked, it was really all to the advantage of Roumania. When Italy informed Roumania at the end of February of her intention of abandoning her neutrality, Roumania declared that she would at the beginning of May take the same course.

---

[1] Договор, заключенный, по словам Диаманди, 23 сент. 1914 г. в Бухаресте, см. C. Diamandy, «La guerre vue du versant oriental» («Revue de deux Mondes» 15 нояб. 1930, p. 426). Итал.-рум. переговоры того же времени о создании под эгидой Италии и Румынии противосербского балканского блока, в составе Румынии, Греции, Албании и Турции,—там же, стр. 426 — 427.

[2] Договор 6 февр. 1915 г., см. Diamandy, там же, стр. 427 — 428.

Although therefore no solemn engagement bound Roumania to take the field when Italy did so, the Italian Minister thought his Government had good ground to expect her to do so and could hardly absolve her of bad faith if she failed to act accordingly.

Перевод.

Доверительно.

Посольство его британского величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что итальянский посланник в Бухаресте объяснил сэру Дж. Барклаю характер соглашения между Италией и Румынией.

В начале войны оба правительства взаимно обязались в том, что если одно из них пожелает отказаться от своего нейтралитета, то оно должно осведомить об этом другое.

Когда в течение минувшего февраля Румынии грозило наступление австро-германской армии, оба правительства заключили соглашение о том, что в случае если одно из них подвергнется нападению, то другое должно притти к нему на помощь. Хотя это соглашение и имело по своей форме характер взаимности, но итальянский посланник указал, что, так как Италия не рискует подвергнуться нападению, в действительности соглашение выгодно для одной лишь Румынии.

Когда Италия в конце февраля уведомила Румынию о своем намерении выйти из нейтралитета, Румыния заявила, что в начале мая она сделает то же самое.

Хотя Румыния таким образом не связана формальным обязательством вступить в войну, когда это сделала Италия, итальянский посланник считает, что его правительство имеет серьезное основание ожидать от нее этого, и что она едва ли может избежать упрека в недобросовестности, в случае если этого не сделает.

№ 4. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2409. 24/11 мая 1915 г.

Агентские телеграммы передают, что, пользуясь военной цензурой, Братиану задерживает известия из Италии, опасаясь их воздействия на румынское общественное мнение. Если бы правительство желало выступления Румынии, оно, напротив, было бы радо воспользоваться подъемом народного духа. Но Братиану, повидимому, придерживается обычного образа действий, продолжая сдерживать общественное мнение. С этой целью он уже прежде скрывал наше предложение [1] совместно занять Буковину и искажал настоящий смысл нашего сентябрьского соглашения [2].

---

[1] См. т. VI, № 263.
[2] См. т. VI, № 340.

По сообщению газеты «Dimineatza», 7 мая состоялся совет министров, на котором Братиану, будто бы, говорил об «ультимативном» предложении, сделанном Румынии Россией, Францией и Англией. Если это правда, то подобные утверждения Братиану, очевидно, рассчитаны на то, чтобы восстановить Румынию против держав. Между тем последние, с Россией во главе, дошли до крайнего предела уступчивости, а именно Братиану в «ультимативной» форме настаивает на неприемлемых условиях[1]. Было бы желательно, чтобы в беседах с Таке Ионеску, Филиппеску и другими политическими деятелями вы разъясняли румынам истинное положение вещей[2].

Сазонов.

№ 5. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 141[3]. **24/11 мая 1915 г.**
Срочная.

Австрийский посол, получив паспорта, выезжает сегодня вечером. Одновременно с ним выезжает германский посол и баварский посланник, потребовавшие свои паспорта сегодня утром[4].

Гирс.

---

[1] Письмом от 24/11 мая (опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 23) Кудашев сообщал Шиллингу, что в связи с известием об объявлении войны Италией настроение в ставке «несколько приподнялось» и что верх. главнокомандующий и Николай II, по словам нач. штаба, «против дальнейших уступок Румынии».

[2] В ответ на публикуемую тел. Поклевский сообщал тел. от 26/13 мая за № 295, что «статья «Dimineatza» от 7 мая была на следующий же день опровергнута при помощи Таке Ионеску в «Adeverul».

[3] Опубл. Ц. Р., стр. 296, № 115.

[4] Тел. от 25/12 мая за № 144 Гирс сообщал со слов Соннино, что последний в частной беседе на просьбу турец. посла «сообщить ему совершенно частным образом, в каком положении находится Турция по отношению к Италии», ответил: «Пока войны между обоими государствами нет, но... такое положение, вероятно, не продолжится». 29/16 мая Гирс телеграфировал за № 157: «Несмотря на разрыв дипломатических сношений, здесь не считают себя еще официально в войне с Германией и, захватив австрийские суда, не трогают еще германских, ожидая со стороны Германии первого враждебного действия». (Ср. инструкцию Бетман-Гольвега от 22 мая — Bülow, «Denkwürdigkeiten», t. III, S. 224.) Отмечая, что турец. пос-во еще не выехало из Рима, Гирс добавлял: «Италия не торопится порвать сношений [с Турцией], чтобы дать время итальянским подданным выехать из Турции».

№ 6. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2424. 25/12 мая 1915 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Рим.

После двух недель, в течение коих он воздерживался от всяких сношений с министерством иностранных дел, румынский посланник посетил меня вчера и передал записку[1] с указанием на некоторые уступки, которые Братиану готов был бы сделать. К сожалению, таковые столь ничтожны, что едва ли заслуживают даже упоминания, так как они сводятся к отказу Румынии лишь от требования верхнего течения Тиссы выше устья Виссо, на весь бассейн коего Румыния продолжает предъявлять притязания. Относительно Баната румынское правительство соглашается только принять обязательство не укреплять местности против Белграда. Кроме того, в записке говорится о согласии Румынии уступить Болгарии часть Добруджи по линии Добрич—Балчик с целью побудить болгар к меньшей требовательности в Македонии и соответственно позволить сербам проявить большую уступчивость в отношении Баната[2].

Не говоря о том, что подобный расчет совершенно неоснователен, последнее заявление не имеет прямого отношения к вопросу о земельных приращениях за счет Австро-Венгрии, которые Румыния должна получить за свое выступление.

Поэтому не могу считать сообщение румынского посланника ответом на мою памятную записку от [14]/1 мая[3] и продолжаю ожидать таковой ответ, напоминая, что, пока Братиану не откажется от линии Прута, от Угорской Руси и от юго-западного Баната, соглашение между нами невозможно.

Сазонов.

№ 7. Поденная запись министерства иностранных дел[4].

25/12 мая 1915 г.

Английский посол сообщил министру, что согласно полученной им телеграмме влиятельный венгерец явился на-днях к великобританскому

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел имеется записка без даты, но с пометой, сделанной рукой Шиллинга: «Notice remise par le ministre de Roumanie à Pétrograd au ministre des affaires étrangères le 25/12 mai 1915». Содержание этой записки в общем совпадает с содержанием первого абзаца публикуемого документа.

[2] Этой мотивировки (начиная со слов: «с целью...» и до конца абзаца) в записке рум. миссии нет.

[3] См. т. VII, № 757; ср. № 7.

[4] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 18.

послу в Риме и старался от него узнать, согласились ли бы Англия, Франция и Россия заключить отдельное соглашение с Венгрией на почве отделения последней от Австрии и Германии взамен обеспечения ей державами ее нынешних владений. Сэру Д. Бьюкенену было поручено Греем осведомиться о точке зрения императорского правительства на этот счет.

С. Д. Сазонов высказал мнение о необходимости отнестись крайне осторожно к означенному предложению, так как если даже оно и оказалось бы серьезным, следовало бы принять во внимание возможные последствия подобного соглашения, а именно, есть известная опасность, что в таком случае Румыния, против которой главным образом было бы направлено соглашение с Венгрией, немедленно перейдет на сторону Германии и Австрии, и таким образом прежде всего России пришлось бы испытать существенное неудобство от появления нового противника на своей границе, тогда как отложение Венгрии от своих нынешних союзниц не даст достаточно осязательных результатов.

Румынский посланник просил приема у министра, но последний, будучи принужден ехать в совет министров, ответил, что примет посланника лишь на другой день. Тем не менее, заехав после совета министров, уже в седьмом часу, к итальянскому послу как новому союзнику и встретившись у него с румынским посланником, С. Д. Сазонов пригласил г. Диаманди, несмотря на позднее уже время, приехать к нему в тот же день, что Диаманди и сделал. Румынский посланник передал министру маленькую записку[1], в которой указывалось на согласие Братиану: 1) уступить Болгарии часть Добруджи по линии Добрич — Балчик; 2) обязаться не укреплять местности в Банате против Белграда и 3) отказаться от притязаний на течение Верхней Тиссы выше впадения Виссо.

С. Д. Сазонов обратил внимание посланника на крайнюю ничтожность делаемых Братиану уступок и на опасность для Румынии усвоенной ее первым министром несговорчивости. Он напомнил Диаманди, что только в союзе с Россией, Францией и Англией Румыния может надеяться на получение Трансильвании, и выразил сожаление, что переговоры, которые могли привести к наилучшим результатам, имеющим важное значение и для будущего, ныне приняли столь неблагоприятный оборот, благодаря тем способам их ведения, которые применяет Братиану. Чтобы не порывать сейчас же означенные пере-

---

[1] См. стр. 9, прим. 1.

говоры, министр сказал, что сообщит на всякий случай содержание записки верховному главнокомандующему и доложит об ней государю императору.

№ 8. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 362. 25/12 мая 1915 г.

Personnel.

Il me revient de source sérieuse que mesures de politique rigide de notre administration à Lwow deviennent de plus en plus intenses et menacent devenir source de réaction polonaise, qui peut se répandre et renverser sympathies avec lesquelles notre occupation a été au début acceuillie. Ces critiques s'adressent surtout aux employés envoyés de Russie dont activité deviendrait toujours plus exclusive et méticuleuse. Tout en faisant la part de l'exagération, ces avertissements deviennent trop fréquents et trop empreints d'inquiétude pour résultats politiqu s généraux pour que ne m'abstienne plus longtemps de vous les signaler. Il semble évident qu'une contradiction même apparente entre les principes politiques proclamés et application sur place ne peut avoir autre résultat que fournir arme la plus efficace pour éléments polonais sympathisant encore avec Autriche et politique allemande et préparer difficultés supplémentaires très regrettables pour l'avenir [1].

Benckendorff.

Перевод.

Лично

Мне известно из серьезного источника, что суровые меры нашей администрации во Львове становятся все круче и грозят вызвать со стороны поляков недовольство, которое может распространиться и рассеять симпатию, с которой наша оккупация была первоначально встречена. Эта критика касается главным образом чиновников, присланных из России, деятельность которых становится все более нетерпимой и придирчивой. Если даже эти предупреждения преувеличены, они все же настолько учащаются и отражают такое беспокойство за общие политические последствия, что я не могу, наконец, не довести о них до вашего сведения. Представляется очевидным, что даже кажущееся противоречие между провозглашенными политическими принципами и применением их на месте может повлечь за собой лишь предоставление симпатизирующим еще Австрии и германской политике польским элементам самого действительного оружия и подготовить лишние трудности, о которых придется в будущем пожалеть.

Бенкендорф.

[1] Ср. № 19.

№ 9. Греческий министр иностранных дел Зографос греческому посланнику в Петрограде Драгумису.

Телеграмма[1]. 25/12 мая 1915 г.

Dans les milieux anglais et français on ne dissimule pas un certain malaise pour ..., dont fait preuve le gouvernement russe au sujet des demandes roumaines. Le ministre de France au cours d'un entretien avec un homme politique roumain lui a dit que dans son propre intérêt la Russie fait bien de ne pas entraîner l'entrée en lice des neutres dont la coopération contribuerait à une prochaine solution de la guerre car, s'il arrive que la France repousse les Allemands du territoire français et de l'Alsace-Lorraine, aucun gouvernement français ne pourra imposer au peuple français de continuer la guerre, et la Russie risque de se trouver alors en fâcheuse posture.

Перевод:

В английских и французских кругах не скрывают некоторой нервности по поводу ..., которую проявляет российское правительство в отношении румынских требований. Во время разговора с одним румынским политическим деятелем французский посланник сказал, что с точки зрения своих собственных интересов Россия права в том, что не стремится вызвать вступления в войну нейтральных держав, содействие коих способствовало бы окончанию ее в ближайшем будущем, так как в случае, если Франция заставит немцев очистить французскую территорию и Эльзас-Лотарингию, то никакому французскому правительству не удастся принудить французский народ продолжать войну, а в таком случае Россия оказалась бы в неприятном положении.

№ 10. Министр иностранных дел наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову.

Телеграмма № 2430. 26/13 мая 1915 г.

Ссылаюсь на телеграммы Эттера за № 256[2] и Долгополова за № 143[2].

Ничем не вызванное вторжение турок в Керманшахский округ вызвало среди персов негодование против турок, каковое желательно всячески поддержать. Между тем внезапное прибытие в Хамадан, без видимых оснований, взвода наших пограничников грозит нарушить

[1] Тел. расшифрована в российском м-ве ин. дел.

[2] Тел. от 25/12 мая за № 256 Эттер, ссылаясь на тел. Долгополова № 143 о том же, сообщал: «Появление в Хамадане 33 пограничников произвело здесь также самое тягостное впечатление».

впечатление от турецкого насилия и вместе с тем дает туркам повод не уводить своего отряда. Ввиду сего присоединяюсь вполне к ходатайству Эттера об отозвании пограничников в Казвин. Прошу также распоряжения вашего сиятельства, чтобы миссия предупреждалась о всяких передвижениях наших воинских частей вне Азербайджана.

Сазонов.

№ 11. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 2432. **26/13 мая 1915 г.**

№ 1.

По получении от Савинского извещения о дне, когда в Софии состоится заявление трех посланников болгарскому правительству[1], благоволите чрезвычайно осторожно и в самых дружеских выражениях изъясниться доверительно с Пашичем по смыслу телеграммы № 2[2], текст коей сообщается союзникам. Оговорите при этом, что целью вашего сообщения является желание императорского правительства поставить лично Пашича в известность о шаге, предпринимаемом в столице Болгарии, и дать ему в руки оружие, чтобы он мог своевременно подготовить общественное мнение Сербии к необходимости, являющейся следствием нынешнего международного положения. Обязав Пашича обещанием строго хранить в тайне нижеследующее, вы можете ему сообщить, что уступки, сделанные Италии на Адриатическом побережьи[3], окажутся умеренными, когда соглашение с нею сделается предметом гласности, что Россия будет приветствовать слияние хорват, словинцев и сербов в одно государство и что Россия не войдет в соглашение с Румынией, если не будет обеспечена Сербии часть Баната, населенная преимущественно сербами и могущая служить целям стратегической защиты Белграда. Ваши французский и великобританский сотоварищи должны получить указания поддержать вас, но вы можете действовать единолично, если бы почему-либо инструкции им запоздали.

Сазонов.

---

[1] См. №№ 37, 38.

[2] См. № 12.

[3] В оригинале слова: «уступки, сделанные Италии на Адриатическом побережьи» вписаны вместо зачеркнутых: «участь Боснии и Герцеговины решена безоговорочно в пользу Сербии».

№ 12. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 2436[1]. 26/13 мая 1915 г.
Секретно.

Сообщается в Париж и Лондон.

№ 2[2].

Державы Согласия принимают во внимание, что продолжительная война потребовала от участниц весьма значительных жертв и что дальнейшее ее ведение потребует еще новых. Поэтому они озабочены возможным сокращением ее длительности, что будет отвечать интересам и Сербии. По ходу военных операций наиболее ценным представляется ныне участие Болгарии, которой вследствие сего надлежит обещать особые выгоды при заключении мира. В силу принесенных державами на пользу Сербии жертв, они ожидают от Сербии предоставления им определения условий привлечения Болгарии к совместным военным действиям.

Доверительно следует устно добавить, что нынешнее обращение преследует исключительно облегчение положения Пашича в связи с твердым решением держав взять в свои руки вопрос о болгаро-сербских отношениях. Жертва, выпадающая на долю Сербии, является в виде уступки в пользу Болгарии после войны в пределах македонских земель до линии Эгри-Паланка, Сопот, Охрида, признававшейся принципиально допустимой с точки зрения сербских прав и интересов. Эта уступка обусловливается немедленным вступлением Болгарии в войну и приобретением Сербией при заключении мира обширных территорий и выхода на Адриатическое море. Это решение признается державами важным и для упрочения в будущем продолжительного мира[3].

Сазонов.

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 121, № 108.

[2] Тел. от того же числа за № 2435 (опубл. Ц. Р., стр. 121, № 107), Сазонов предлагал Бенкендорфу и Извольскому, «ввиду ожидаемого со дня на день заявления болгарам», приложить все старания к тому, чтобы англ. и франц. прав-ва приняли «без возражений и изменений» предложение, содержащееся в № 2, составленное «в общих выражениях, дабы избежать обычных споров о редакции».

[3] Содержание публикуемой тел. повторено было для союзных послов в Петрограде пам. запиской м-ра ин. дел от 26/13 мая за № 560. Извольский ответил на №№ 2435 и 2436 (см. прим. 2 и № 12) тел. от 27/14 мая за № 341, сообщавшей, что Делькассе принимает предложенный Сазоновым текст обращения к серб. прав-ву и поручает франц. посланнику в Сербии сговориться с коллегами относительно соответствующего выступления. Бенкендорф телеграфировал 28/15 мая за № 376, что Греем принято предложение Сазонова.

№ 13. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 254. 26/13 мая 1915 г.

Телеграммы за №№ 2388 [1] и 2390 [2] получены.

Не перестаю настаивать на необходимости противодействовать немецкой агитации. Обратил внимание министра иностранных дел на предупреждения, доходящие до нас с различных сторон, о предстоящих террористических актах и указал на необходимость арестовать или иначе обуздать трех главарей германской агитации, имена которых удалось добыть Евреинову. Мохтешам-эс-Солтане обещал серьезно обсудить положение с министрами. Об усилении отряда в Казвине он спросил меня лишь вскользь, причем я подтвердил полную возможность дальнейших подкреплений из Баку. Весьма благоприятно, что отправление отряда из Баку случайно совпало с исфаганским убийством [3]; Марлинг, несомненно, телеграфировал о шеститысячном отряде после свидания с Эйн-эд-Доуле. Шоа-эд-Доуле пугает нас экс-революционерами. С другой стороны, Керим-хан пытается доказать, что именно наши доброжелатели приветствовали бы волнения с целью побудить Россию оккупировать Персию [4]. Мне поэтому кажется полезным распространять здесь слухи, что в случае каких-либо событий в Тегеране следствие не ограничится средой националистов и экс-революционеров, но распространится на представителей всех оттенков и направлений. Нет возможности быть вполне уверенным в последних.

Эттер.

---

[1] 22/9 мая Сазонов телеграфировал Эттеру за № 2388: «Едва ли можно сомневаться, что убийство Кавера было последствием германских интриг... Словесно настаивайте на энергичном противодействии германо-турецкой агитации»; ссылаясь на тел. от 20/7 мая за № 2341 (см. т. VII, № 798), Сазонов по поводу требований, выставленных росс. прав-вом в ответ на убийство Кавера, писал: «Вам предоставляется право по обстоятельствам внести в них необходимые дополнения».

[2] См. т. VII, № 811.

[3] См. т. VII, ч. II, стр. 486, прим. 3.

[4] «Бывшие революционеры [по терминологии Эттера — общее наименование для «конституционалистов и демократов»] уверяют, — писал Эттер в письме от 27/14 мая, — что наши друзья, якобы, что-то замышляют с целью побудить Россию оккупировать Персию. Трудно этому доверять, хотя, с другой стороны, не только официальные «руссофилы», но и некоторые члены правительства не перестают недвусмысленными намеками доказывать необходимость принятия этой меры».

№ 14. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 261. 26/13 мая 1915 г.

Копия в Исфагань.

Продолжение моей телеграммы за № 253 [1].

Ввиду желания шаха оставить при себе своего личного секретаря Сахиб-Ихтиара, генерал-губернатором Исфагани, вероятно, завтра будет назначен принц Нусрет-эс-Солтане, сын Мозаффер-эддин-шаха, кандидатура которого была миссией выставлена одновременно с Сахиб-Ихтиаром, вследствие его известной порядочности. Выбор вице-губернатора состоится после назначения губернатора. Консул будет участвовать в общих собраниях следственной комиссии и держаться всецело в курсе дел. Министр иностранных дел ознакомил меня сегодня с некоторыми мерами для пресечения агитации, принятыми правительством:

1) Полицейский надзор за кофейнями для недопущения политических заговоров.

2) Твердая решимость воспрепятствовать агитации Пюжена, прибытию этого авантюриста в Тегеран.

3) Беспроволочной телеграф в Исфагани убран, также отозван оттуда Цукмейер.

В Тегеране заметно некоторое успокоение, а в среде официального мира — большая уверенность в себе. Считаю возможным приписать это легкому усилению Казвинского отряда и распространившимся слухам о приближении к Персии более сильной воинской части. Этому слуху склонны верить даже некоторые осведомленные лица. Перепуганные известиями о приближении русских подкреплений, представители германской, австрийской и турецкой миссий потребовали у министра иностранных дел гарантии, что не будут арестованы, в противном случае собирались выехать из Персии. Мохтешам-эс-Солтане дал им требуемое обещание об их безопасности.

№ 15. Вербальная нота французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 183 [2]. 27/14 мая 1915 г.

Mr. Radovitch, ancien président du Conseil du Monténégro, vient d'être envoyé à Paris et à Londres à la tête d'une délégation chargée d'obtenir de nouveaux crédits de la part de la Triple Entente. Le

[1] Тел. от 25/12 мая за № 253 Эттер сообщал, что перс. м-р ин. дел «не предвидит затруднений кандидатуре Сахиб-Ихтиара» на пост ген.-губ. в Исфагань.

[2] Лит. копия.

Monténégro, qui n'a pourtant pas encore utilisé le crédit de 10 millions de francs qui lui a été consenti en principe [1], le trouve déjà insuffisant; ses délégués déclarent que lorsqu'ils ont demandé ce crédit, ils comptaient sur le matériel de guerre que la Russie avait promis depuis le début de la guerre et qu'elle se trouverait maintenant dans l'impossibilité d'envoyer; ils ajoutent que le gouvernement russe en donnant avis de cette impossibilité à Cettigné a conseillé lui-même au Monténégro d'acheter tout le matériel qui lui serait utile sur les crédits ouverts par la Triple Entente.

En conséquence, les délégués du Monténégro demandent aujourd'hui en sus du crédit de 10 millions de francs, un crédit supplémentaire de 26 millions de francs, soit ensemble 36 millions de francs pour couvrir, jusqu'au mois de novembre prochain, les achats et les frais d'entretien de l'armée monténégrine.

Mais les renseignements provenant de Mr. le ministre de France à Cettigné et les avis confidentiels du gouvernement serbe, qui signalent soit le manque absolu d'ordre et d'organisation de l'armée monténégrine, soit son défaut de coopération avec l'armée serbe, de même que le vague et l'imprécision des explications présentées par Mr. Radovitch, tout contribue à détourner le gouvernement français d'accueillir une nouvelle demande aussi considérable.

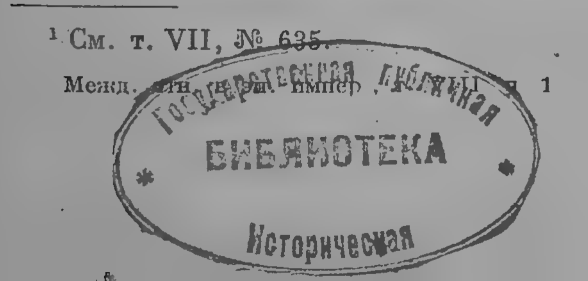
De son côté, le gouvernement britannique se déclare résolu à réduire au strict minimum le concours financier accordé au Monténégro. Dans ces conditions, le gouvernement français estime qu'il convient de s'en tenir actuellement au crédit de 10 millions de francs consenti en principe par les trois Puissances Alliées et d'en contrôler soigneusement l'emploi.

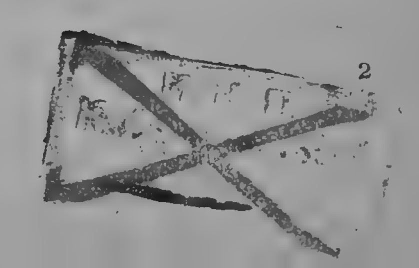
Il serait, de plus, reconnaissant au gouvernement impérial de lui faire savoir si les déclarations du Monténégro en ce qui concerne le matériel de guerre promis par la Russie sont exactes, et de lui donner son avis sur le rôle de l'armée monténégrine ainsi que sur sa coopération avec l'armée serbe.

Перевод.

Г. Радович, бывший президент черногорского совета министров, только-что послан в Париж и в Лондон, дабы получить новые кредиты от Тройственного согласия. Черногория, несмотря на то, что еще не воспользовалась кредитом в 10 000 000 франков, в принципе ей предоставленным, находит его уже недостаточным; ее делегаты заявляют, что когда они испрашивали этот кредит, то рассчитывали на военное снаряжение, обещанное Россией в начале войны, каковое она теперь не в состоянии поставить; делегаты добавляют, что россий-

[1] См. т. VII, № 635.

ское правительство, сообщая о невозможности этого в Цетинье, само посоветовало Черногории купить весь нужный ей материал в счет кредитов, предоставленных Тройственным согласием.

Поэтому черногорские делегаты теперь испрашивают, помимо кредита в 10 миллионов франков, дополнительный кредит в 26 миллионов франков, в общем 36 миллионов франков, дабы покрыть до будущего ноября покупку снаряжения и расходы по содержанию черногорской армии.

Но сведения, получаемые от французского посланника в Цетинье, и доверительные сообщения сербского правительства, указывающие то на полное отсутствие порядка и организации в черногорской армии, то на неоказание помощи ею сербской армии, а равно неточность и смутность объяснений, представленных г. Радовичем, — все это побуждает французское правительство отклонить новую столь значительную просьбу.

Со своей стороны британское правительство объявило о своем решении уменьшить до пределов крайней необходимости финансовое содействие, обещанное Черногории. При этих условиях французское правительство считает, что следует теперь придерживаться кредита в 10 миллионов франков, на который дано в принципе согласие тремя союзными державами, и тщательно контролировать его употребление.

Помимо того, оно было бы благодарно императорскому правительству за сообщение, являются ли черногорские заявления касательно обещанного Россией военного материала точными и каково мнение его о роли черногорской армии и об ее сотрудничестве с армией сербской.

№ 16. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

27/14 мая 1915 г.

Par un télégramme en date de ce jour, je prescris[1] au ministre de France à Bucarest de se concerter avec ses collègues de Russie et d'Angleterre pour éclairer la Roumanie sur l'importance des avantages qu'il ne dépend que d'elle de s'assurer, et sur la nécessité de ne pas laisser passer l'heure où elle les pourra réaliser.

Mes instructions se terminent ainsi:

«Il importe de ne laisser aucune équivoque sur l'accord russo-roumain et sur la situation de la France et de l'Angleterre vis-à-vis de cet accord. D'abord, rien dans cet accord n'est promis à la Roumanie en échange de sa neutralité. Au contraire, c'est la Roumanie qui s'engage a garder une neutralité bienveillante envers la Russie jusqu'au moment ou elle jugera opportun d'occuper les territoires que le gouvernement impérial consent à lui reconnaître. Mais le bon sens et la justice ne sauraient admettre que le moment opportun se confonde pour le gouvernement roumain avec l'heure

[1] Из текста видно, что публикуемый документ воспроизводит сообщение франц. м-ра ин. дел Палеологу.

qui sonnera la fin de la guerre. Le partage des résultats préssuppose la communauté d'effort pour les obtenir.

L'opinion française avait salué avec la plus vive sympathie les assurances successives d'intervention que plusieurs hommes politiques roumains ont proclamées en présence des représentants officiels de la Roumanie. Cette opinion commence à s'étonner, qu'au lieu de la précéder, la Roumanie ait laissé l'Italie entrer seule en campagne. La déception qui suivrait une attente trop prolongée ne permettrait pas, le moment venu, au gouvernement de la République ni d'adhérer à l'arrangement du 1 octobre 1914, ni même de souscrire à son exécution»[1].

Перевод.

Телеграммой от сего числа я предписал французскому посланнику в Бухаресте сговориться со своими русским и английским коллегами о том, чтобы разъяснить Румынии важность приобретений, получение которых зависит от нее одной, и необходимость не пропустить момент, когда она их сможет реализовать.

Моя инструкция заканчивается следующим образом: «Существенно не оставить места никакому недоразумению по поводу русско-румынского соглашения и позиции Франции и Англии по отношению к этому соглашению. Прежде всего это соглашение ничего не обещает Румынии в обмен за ее нейтралитет. Напротив, Румыния сама принимает обязательство сохранять нейтралитет, благожелательный по отношению к России, до того момента, который она сочтет подходящим для занятия территорий, которые императорское правительство согласно за ней признать. Но здравый смысл и справедливость не допускают, чтобы румынское правительство этим подходящим моментом сочло момент, который ознаменует конец войны. Раздел приобретений предполагает общность усилий для их достижения.

Во Франции приветствовали с живейшей симпатией последовательные заверения о вмешательстве в войну, которые делались различными политическими деятелями в присутствии официальных представителей Румынии. Теперь во Франции начинают удивляться, что, вместо того, чтобы опередить Италию, Румыния предоставила ей одной открыть военные действия. Разочарование, которое последовало бы за слишком продолжительным ожиданием, не позволило бы правительству Республики в соответствующий момент ни примкнуть к соглашению 1 октября 1914 г., ни даже дать свое согласие на его осуществление».

---

[1] Своей тел. от 29/16 мая за № 2502 Сазонов сообщал Поклевскому точку зрения Саландра по тому же вопросу, высказанную последним рум. воен. агенту полковнику Рудеану. По мнению Саландра, русско-рум. соглашение «отнюдь не обеспечивает Румынии земельных приращений за сохранение нейтралитета, а только обещает согласие России на овладение со стороны Румынии некоторыми частями Австро-Венгрии, причем Россия и ее союзницы вполне свободны заключить мир с Австро-Венгрией, не дожидаясь, чтобы Румыния осуществила свои пожелания» (см. т. VI, № 24).

*

№ 17. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 2449. **27/14 мая 1915 г.**
Секретно.

Сообщается в Париж и Лондон.

По просьбе Делькассе [1] я согласился на следующее изменение заключительной части заявления болгарскому правительству, переданной вам в телеграмме моей № 2400 [2]: «Державы готовы содействовать переговорам, к которым Болгария и Румыния могут пожелать приступить в целях разрешения вопроса о Добрудже» [3].

Сазонов.

№ 18. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 153 [4]. **27/14 мая 1915 г.**

Как личное свое мнение Соннино высказал мне, что он находит действия держав Согласия на Грецию [5] недостаточно энергичными. По мнению министра иностранных дел, зависимость Греции от хозяев Средиземного моря настолько велика, что она не может не прислушиваться к их добрым советам и к последствиям непринятия этих советов во внимание.

Гирс.

№ 19. Посланник в Берне министру иностранных дел.

Телеграмма № 192 [6]. **27/14 мая 1915 г.**

16-ое сообщение Сватковского: Профессор Масарик, приехавший в Женеву из Лондона, представил Грею меморандум по чешскому вопро-

---

[1] Тел. от 26/13 мая за № 338 Извольский сообщал Сазонову, что Делькассе по поводу последнего параграфа заявления болг. прав-ву предложил «предоставить решение этого вопроса непосредственно переговорам между Болгарией и Румынией, ибо иначе Братиану может воспользоваться этим пунктом для обвинения против союзных держав».

[2] См. стр. 3, прим. 1.

[3] В ответ на публикуемую тел. Извольский телеграфировал 28/15 мая за № 343, что Делькассе «принимает переданную министерством измененную редакцию заключительной части заявления болгарскому правительству» и что Панафье «снабжается соответствующими инструкциями».

[4] Царск. экз.

[5] Так в оригинале.

[6] Опубл. Кр. арх., т. XXXIII, стр. 18.

су в русском духе [1]. Из бесед по этому поводу с английскими и французскими политиками и журналистами он убедился в растущем последнее время охлаждении союзников к России. После взятия Перемышля в этом преобладала нотка страха перед Россией, которая однако сменилась недовольством по поводу хода военных действий на востоке. Ныне недоброжелательство сказывается особенно по поводу нашей галицийской политики [2]; в старых либеральных кругах Масарику пришлось слышать о ней самые резкие суждения. Ему указывалось, что обеспечение [3] западных парламентарных держав, принужденных допускать в составе правительств радикальные и социалистические элементы, станет невозможным поддерживать тесные отношения с державой, в которой преобладают настроения, ведущие к галицийской политике. Один из влиятельных политиков Англии, имени которого Маса-

---

[1] В Арх. Вн. Пол., в деле Особ. Пол. Отд. № 120, хранится печатный экз. упоминаемого («конфиденциального») меморандума на англ. языке под заглавием: «Independent Bohemia». В отношении России в нем сказано:

«Для Чехии и для балканских славян важна дружба и помощь России. Чешские политические деятели считают, что Константинополь, а следовательно, и Проливы, могут принадлежать только России. Это—заветное стремление всего русского народа; это стремление освящено религией (св. София!) русского народа и является естественным разрешением политической и экономической потребности России обеспечить Черное море и свободный путь в Средиземное и Красное моря. Чешские политические деятели рады англо-русскому сближению и тому, что персидский вопрос (Персидский залив!) разрешен. У России, обладающей Константинополем и Проливами, нет никаких жизненных интересов в Персидском заливе... Константинополь и Проливы означают тяжкое административное и финансовое бремя, которое способна нести только великая держава. Греция и Болгария, даже соединившие свои силы, неспособны были бы справиться с этой задачей. Надо надеяться, что обе они признают этот факт и примирятся с ним за счет будущего размежевания в Малой Азии. Чешские политические деятели придают большое значение англо-русскому соглашению, так как они опасаются, что старая бисмарковская политика сближения с Россией возродится после войны... Предполагается Чехию сделать монархическим государством; за Чешскую республику стоят лишь немногие радикальные политические деятели... Чешский народ, — это надо подчеркнуть еще раз, — весь проникнут руссофильством. Русская династия в какой-либо форме была бы наиболее популярной. Чешские политические деятели желают, по меньшей мере, установления Чешского королевства в полном согласии с Россией. Желания и планы России будут иметь решающее влияние». (В извлечениях меморандум этот был зачитан в заседании австро-венгерской палаты депутатов 5 дек. 1917 г. и по парламентскому стенографическому отчету опубликован в «Das Verhalten der Tschechen im Weltkriege», Wien, 1928, S. 188 — 194.)

[2] См. № 8.

[3] Так в оригинале.

рик не хочет назвать, не желая участвовать в порче англо-русских отношений, сказал ему, что к его сожалению, ближайшей войной будет, вероятно, война Англии и Германии с Россией. Участие в нынешней войне Италии, по сведениям Масарика, связано с обеспечением Англии теперь планом позднейшего тесного единения Италии с Англией и, вероятно, Францией, причем сближение первых будет намеренно или в силу вещей направлено против России, и Франция, вероятно, будет втянута в эту комбинацию.

Бахерахт.

№ 20. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Письмо. 27/14 мая 1915 г.
Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После свидания моего с Братиану [1 мая] 18 прошлого апреля [1] я с ним не виделся до [18] 5 мая, причем я нарочно избегал встречи с румынским первым министром, так как, с одной стороны, я не считал особенно желательным вновь выслушивать от него непримиримые заявления, вроде тех, которые он за это время делал моим французскому, английскому и итальянскому коллегам, с другой же стороны, мне была совершенно ясной бесполезность каких-либо новых обменов мнений с г. Братиану, пока мне не было бы вполне точно известным отношение императорского правительства к выставленным румынским правительством притязаниям.

Я не переставал однако за указанный выше срок видеться с другими министрами и с выдающимися румынскими государственными деятелями, и мне пришлось убедиться в том, что все они сочувствуют выставленным г. Братиану требованиям, и что им даже в голову не приходила мысль о предоставлении всего Торонтальского округа Сербии или о проведении границ в Буковине по реке Сучаве. При этом один из самых влиятельных министров, г. Костинеску, особенно горячо отстаивал, по национальным и сентиментальным соображениям, необходимость оставления за Румынией города Черновцев. Эти беседы и побудили меня высказаться в секретной телеграмме от [13 мая] 30 прошлого апреля за № 277 [2] за предпочтительность более неопределенного с нашей стороны ответа, в случае, если бы наша точка зрения широко расходилась с румынской, а также я позволял себе в других телеграм-

[1] См. т. VII, № 654.
[2] См. т. VII, № 753.

мах донести вашему высокопревосходительству о точке зрения Костинеску на некоторые вопросы, касающиеся будущей границы Румынии.

[18] 5 мая я передал Братиану памятную записку, содержащую наш ответ на румынские предложения и изложенную в секретной телеграмме вашего высокопревосходительства за № 2231 [1]. Проследив по карте будущую границу, Братиану не скрыл от меня своего разочарования и показался мне совершенно подавленным. В дальнейшем разговоре он вновь подробно изложил мне все уже известные доводы в пользу предоставления Румынии границ рек Прута и Тиссы в Банате; из них самым популярным среди румын является тот, что доведенная до этих пределов Румыния не будет более стремиться к расширению своих владений, а займется мирным, культурным своим развитием. Новым в словах Братиану показалось мне только желание его придать эвентуальной уступке Добрича и Балчика Болгарии характер заслуги, за которую Румыния могла бы быть вознагражденной в Банате или даже в Буковине.

Я вновь старался всеми имеющимися в моем распоряжении доводами доказать Братиану неприемлемость предъявляемых им требований, и я также не преминул высказаться вполне отрицательно по поводу ультимативного их характера, указав, что такой способ ведения переговоров, несомненно, производит самое неблагоприятное впечатление на державы Тройственного согласия и порождает подозрение в том, что Братиану сознательно ищет их отказа, дабы под этим предлогом откладывать активное выступление Румынии. Я позволил себе также высказать мое личное мнение, что новое примирительное и идущее нам навстречу предложение румынского правительства рассеет только-что высказанное мною подозрение и во всяком случае создаст благоприятную атмосферу для дальнейших переговоров.

Братиану довольно долго призадумался над моими словами, но затем стал объяснять, что лишь полное удовлетворение его требований может действительным образом обеспечить будущее существование Румынии, так как допущение Сербии в Торонтальский округ должно в корне испортить отношения между этим государством и Румынией, а проникновение наше в Буковину по-за реку Прут неминуемо возбудит в румынах опасение не только за остальную часть этой провинции, но и за те местности Молдавии, которые окажутся охваченными нашими старыми и новыми владениями. Он говорил так[же] довольно много о

---

[1] См. т. VII, № 757.

военном и политическом значении выступления Румынии, коему он придает при нынешних условиях особенную важность, и добавил, что, если, несмотря на это румынские требования будут отклонены, то он сочтет своим долгом доложить королю, что он не берет на себя ответственности за немедленное объявление войны Австрии и предпочтет ограничиться в будущем оккупацией румынских земель Австро-Венгрии, как то предоставлено ему соглашением с нами от [1 октября] 18 прошлого сентября [1].

Я возразил на это моему собеседнику указанием на предшествовавшие помянутому соглашению переговоры и на то обстоятельство, что оно было заключено нами без ведома наших союзников, а самим Братиану — без ведома короля, вследствие чего этот дипломатический акт носит чисто переходной характер к договору о военной кооперации, которая даст Румынии полные и бесспорные гарантии для осуществления ее национального идеала. Братиану па это ответил, что он относится с полным доверием к подписи вашего высокопревосходительства, и наш разговор закончился его просьбой передать вам, что наш ответ его ошеломил, и что он не находит возможным отступиться от двух предъявленных им условий.

На мой вопрос о том, последует ли за этим официальный письменный ответ румынского правительства, Братиану заметил, что он должен еще посоветоваться с другими министрами.

Вскоре за тем Братиану ознакомил с содержанием нашего ответа своих товарищей по кабинету и тех из представителей оппозиции, с коими он имеет обыкновение совещаться по вопросам иностранной политики, после чего сведения, относящиеся к нашим переговорам с Румынией, быстро проникли в здешние политические круги и в печать и произвели именно то впечатление, которого я опасался. Министры единогласно признали наши условия неприемлемыми и одобрили решение Братиану добиваться границ рек Прута и Тиссы; вышеупомянутые представители оппозиции были крайне разочарованы содержанием нашего ответа и нашли невозможным вести на этих основаниях дальнейшую агитацию за немедленное выступление; в здешнем же обществе с быстротою молнии распространилось известие о том, что Россия хочет, будто бы, притеснить Румынию, что она не только не идет навстречу пожеланиям последней, но стремится даже отнять у нее Черновцы и половину Буковины и т. п., что, конечно, способствовало распространению тут вялого и угнетенного настроения, мало соответствующего тому, ко-

[1] См. т. VI, № 340.

торое должна бы испытывать страна, находящаяся накануне своего выступления.

Что же касается до румынской прессы, то, вероятно, не без некоторого внушения свыше в газетах «Dimineatza» и «Universul» появились статьи враждебного нам содержания, и притом извращающие ход наших переговоров с Румынией и вполне оправдывающие политику и требования Братиану. Другие независимые органы печати тоже, хотя и в более умеренной форме, одобрили образ действий румынского правительства, а купленные австрийцами и германцами газеты воспользовались создавшейся обстановкой для самой беззастенчивой агитации против нас под предлогом, что мы требуем выступления Румынии исключительно для достижения наших собственных целей, что мы вновь, как в 1877 году, покушаемся на румынскую территорию и т. п. Одновременно в городе стали раздаваться прокламации, образчик коих имею честь при сем представить [1].

Здешние представители союзных нам держав и я не замедлили принять все доступные нам меры, как личного воздействия, так и при посредстве наших друзей, дабы остановить начавшуюся в здешней независимой печати кампанию против России, и при нашем содействии в газете «Adeverul» сейчас же появилась статья, разъясняющая, что переговоры велись нами в самом дружественном для Румынии и примирительном духе, и что причина разногласия между обоими правительствами заключается в разнице их принципиальных взглядов на некоторые национальные вопросы. Получив затем от г. Таке Ионеску надлежащие разъяснения, «Adeverul» в ряде статей нападал на Братиану, обвиняя его в непримиримости и в неумении выбрать момент для переговоров с нами. Кроме того, здешний итальянский посланник, заподозрив румынское правительство в инспирировании некоторых газетных статей, в коих выражались сетования на Италию за то, что она, будто бы, стремилась только к обеспечению своих собственных интересов и пренебрегла румынскими, — пригрозил одному из министров, что, в случае дальнейшего появления подобных статей, он не преминет разъяснить, что итальянское правительство поступило по отношению к Румынии вполне лойяльно, и что, если вообще может быть речь о «mauvaise foi» с чьей-либо стороны, то только с румынской [2].

Сообщенное нами здешним главнейшим политическим деятелям известие о том, что Россия при известных условиях готова была бы до-

[1] Упомянутые в тексте публикуемого документа прокламации в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

[2] См. № 3.

пустить изложенные в телеграмме вашего высокопревосходительства № 2320 [1] улучшения будущей румынской границы, произвело на них благоприятное впечатление, но, к сожалению, не удовлетворило их вполне, несмотря на то, что и я, и мои коллеги не преминули придать этому шагу характер последнего нашего слова.

Вообще создавшееся ныне здесь положение представляется в следующем виде. Братиану продолжает быть уверенным и старается внушить и другим уверенность в том, что ход военных событий позволит ему добиться удовлетворения всех поставленных им условий. Он так далеко зашел в своем упрямстве, что едва ли он может пойти в будущем на уступки по собственному почину, и такой поворот мог бы в нем произойти разве только под единодушным давлением других румынских политических деятелей, как я позволил себе уже донести об этом вашему высокопревосходительству в одной из моих телеграмм [2]. Эти же политические деятели, в сущности, сочувствуют требованиям Братиану, и хотя они более склонны к уступчивости, но все же наши условия их не удовлетворяют. Именно все они придают огромное значение обладанию Черновцами, которые являются для них духовным и культурным центром румынской Буковины, и, выражая готовность на предоставление небольшой части Торонтальского округа Сербии, они в способе размежевания Буковины видят критерий искренности нашего расположения к Румынии и нашего желания закрепить с нею дружеские отношения. Людей, как Таке Ионеску и Филиппеску, давно высказывавшихся за активное выступление Румынии, скорее можно было бы привести к отказу от Черновцев, но они недостаточно влиятельны для успешного воздействия на Братиану, им необходимо было бы заручиться содействием некоторых выдающихся членов либеральной партии, вроде Костинеску и его друзей, которые однако соглашаются на предоставление нам северо-западной части Буковины к югу от Прута лишь при условии, что Черновцы останутся за Румынией.

Ввиду вышеуказанных обстоятельств, представители оппозиции пока старались лишь побудить Братиану к формулированию какого-нибудь, лишь бы примирительного контр-предложения, но и эти их старания до сих пор разбивались об упорство первого министра.

Ко всему этому надо прибавить, что под влиянием последних событий в Галиции и вследствие распространяемых здесь сведений о ходе переговоров с нами, настроение румынского общественного мнения сде-

---

[1] См. т. VII, № 788.
[2] См. т. VII, № 753; ср. также т. VII, № 739.

лалось вялым, и оно даже пока еще не реагировало на выступление Италии. Конечно, все изменилось бы при известиях об успехах союзных войск, и тогда у здешних политических деятелей явился бы страх упустить удобную минуту для выступления Румынии, и это заставило бы всех иначе смотреть на предложенные нам условия.

С целью поднять здешнее настроение, некоторые патриотические организации устраивают послезавтра большой митинг и затем процессию в честь выступления Италии. Подобные манифестации весьма полезны в настоящую минуту, и будут приложены все старания к тому, чтобы сделать их более частыми.

Примите и пр. Поклевский-Козелл.

№ 21. Меморандум персидского министерства иностранных дел российскому и английскому посланникам в Тегеране — Эттеру и Марлингу [1].

27/14 мая 1915 г.

Le ministère des affaires étrangères de Perse a l'honneur d'attirer à nouveau l'attention des légations de Russie et d'Angleterre sur les différents faits détaillés ci-dessous, qui ont précédemment été portés, à maintes reprises, à leur connaissance tant par écrit que verbalement.

1) La guerre européenne, qui a causé des pertes d'ordre économique à tous les pays, n'a pas épargné la Perse, où la crise s'est fait sentir d'une manière particulièrement grave et a affecté sérieusement les revenus des douanes [2]. La participation de la Turquie à cette lutte a naturellement accentué de beaucoup la baisse des recettes, et ne permet pas au gouvernement persan de disposer d'un reliquat suffisant pour faire face aux obligations résultant des emprunts. En outre, les dépenses occasionnées avant la guerre par certains événements d'ordre intérieur, empêchant le recouvrement des impôts, vinrent aggraver la situation financière et rendirent difficile au Trésor le payement des dépenses courantes du pays. C'est pourquoi le gouvernement persan se vit obligé et autorisé à faire appel au concours des gouvernements créditeurs en proposant un mora-

[1] Лит. копия.

[2] В письме к Эттеру от 29/16 мая за № 134/с Видеман (временно управляющий Учетно-Ссудным банком Персии) сообщал: «Таможенные пошлины не покрыли даже взноса по конверсии 1910 г., и поэтому с 1 января с. г. главное казначейство должно было вносить малиат и другие государственные доходы Персии в учреждения нашего банка, притом доходы всей Персии». Правление банка, «чтобы показать свое дружелюбие по отношению к Шахиншахскому банку, согласилось получить только доходы Северной Персии».

torium. Cette demande fut réitérée maintes fois, par écrit et de vive voix, mais aucune suite n'y a été donné jusqu'à présent. Or, l'embarras financier devenant de plus en plus aigu, le gouvernement impérial de Perse se voit dans la nécessité de renouveler sa démarche, et il a recours aux sentiments d'équité des deux légations en exprimant le désir de voir suspendre jusqu'au mois de juin 1918;

A) Toutes les échéances, aussi bien des emprunts «or» de 1900—1902 et de l'emprunt consolidé de 1911, que de l'avance de £ 200 000 consentie en 1913.

Obligations financières contractées vis-à-vis de la Russie.

B) Des échéances aussi bien de l'emprunt dit «des Indes» de 1904, que de celui de 1911, dont l'amortissement doit commencer en 1916, et des avances de 1912, 1913 et 1914, dont les amortissements n'ont pas encore été fixés.

Obligations financières contractées vis-à-vis de la Grande Bretagne.

Pour régulariser la situation qui résulterait de cette suspensions, sans aggraver ses charges annuelles, le gouvernement impérial de Perse proposerait de créer, pour le remboursement de chaque emprunt, une ou plusieurs échéances supplémentaires.

En résumé, le gouvernement impérial persan propose de suspendre tout payements jusqu'au mois de juin 1918, de capitaliser pour chaque emprunt séparément toutes les annuités à échoir à partir de juin 1915, d'y ajouter les intérêts moratoires résultant de la suspension proposée et de diviser le total ainsi obtenu par un nombre d'annuités tel que le montant de chaque annuité à échoir à partir de juin 1918 ne soit pas supérieur au montant des annuités actuelles, et que, partant, les obligations annuelles du Trésor persan envers les deux gouvernements ne soient pas augmentées [1].

2) Au lendemain même du jour où éclata la guerre entre les pays d'Europe et notamment lorsque la Turquie commença une mobilisation générale, le gouvernement persan pressentit que cette conflagration menaçait de gagner ses frontières. Pour conjurer ce danger et empêcher que le territoire persan ne devienne le théâtre de la guerre, le président du conseil et le ministre des affaires étrangères du jour ne manquèrent pas à

[1] 3 июня/21 мая шахским м-вом ин. дел были дополнительно представлены Эттеру «специальные» финансовые пожелания перс. прав-ва, в основном сводившиеся к тому, чтобы доходы с таможен, начиная с июня 1915 г. по июль 1918 г., по мере поступления передавались в пользу перс. прав-ва; с июня же 1918 г. доходы эти поступали бы прав-вам Англии и России.

plusieurs reprises, tant avant qu'après la proclamation de la neutralité persane, d'attirer l'attention des ministres de Russie et d'Angleterre sur les conséquences funestes de la présence continue des troupes russes en territoire persan. Afin d'épargner à la Perse les pertes morales et matérielles qu'une extension de la lutte sur son sol n'aurait pas manqué d'entraîner, les deux représentants furent priés de se mettre d'accord avec le point de vue du gouvernement persan sur la nécessité du retrait des troupes russes.

Malheureusement, l'absence d'un concours efficace de la part de la Russie et d'une appréciation réelle des intentions loyales du gouvernement persan, qui n'avait en vue que la sauvegarde de ses intérêts propres et ceux des Puissances alliées, eurent pour conséquence la création d'un foyer d'hostilité en Azerbaidjan.

D'autre part, le gouvernement persan, prévoyant clairement que le conflit entre les deux parties ne se bornerait pas à l'Azerbaidjan, renouvela ses démarches auprès des deux légations et insista sur la nécessité de retirer les troupes russes des autres points de l'Empire et de faire suivre cette évacuation par les troupes d'Azerbaidjan.

L'accueil réservé à cette dernière proposition ne fut malheureusement pas plus favorable qu'auparavant. C'est ainsi que se produisit l'état de choses actuel.

Pour prévenir d'autres complications à l'avenir et pour prémunir le pays de nouvelles pertes morales et matérielles au delà de celles qu'il a déjà souffertes, le gouvernement persan, confiant dans la bonne volonté et dans les sentiments d'humanité des deux Puissances voisines, demande instamment qu'elles se rallient au plus vite à son point de vue sur la nécessité urgente du retrait des troupes des deux Puissances du territoire persan.

3) La légation impériale n'ignore pas l'ingérence des agents consulaires russes dans les affaires financières du pays. Son attention a été maintes fois tant par écrit que verbalement attirée sur ces procédés illégaux qui constituent tous une violation des droits les plus sacrés et essentiels de la Perse. La légation impériale de Russie a été priée instamment de remédier, dans le plus bref délai, à un état de choses contraire à l'indépendance de la Perse et incompatible avec les assurances non équivoques données par la Russie.

Malgré les représentations réitérées du gouvernement impérial de Perse, la situation ne s'est point améliorée: ces incidents, qui se répètent, ont d'ailleurs soulevé une agitation dans l'esprit public qu'il serait nécessaire de calmer dans l'intérêt même des relations entre les deux pays.

Le gouvernement persan qui, par suite des assurances amicales données par la Puissance amie et voisine, avait la conviction de pouvoir compter sur son concours pour continuer tranquillement son organisation financière, se vit, au début de son oeuvre, et se voit encore, à son plus grand étonnement, en proie à un bouleversement de ses finances suscité par les ingérences injustifiables des autorités consulaires russes.

Se trouvant de ce fait en présence d'un état de choses anormal et intolérable qui l'empêche de rétablir sa situation financière, le gouvernement persan a l'honneur de prier la légation impériale de Russie de provoquer, dans le plus bref délai possible, les ordres nécessaires aux agents consulaires russes de s'abstenir de toute intervention dans les affaires financières du pays et de ne point entraver les agents du fisc persan dans le libre exercice de leurs fonctions.

4) La légation impériale s'est, également, rendu compte par les nombreuses communications écrites et verbales qui lui ont été adressées à cet effet, que les sujets russes, forts de l'appui des agents consulaires, se livrent à l'achat et à la location des propriétés foncières en Perse en violation de l'article V du Traité de Turkmantchaï [1] consacré par les usages déjà trés anciens. Cette manière d'agir a fait l'objet d'une série de représentations à la légation de Russie; on a trop souvent insisté sur les inconvénients et les conséquences facheuses qui doivent résulter du fait de la continuation de cet état de choses et les difficultés qu'entraîne cette innovation au point de vue judiciaire et administratif, pour avoir besoin d'en énumérer ici les détails.

Le ministre des affaires étrangères se borne, donc, à faire encore une fois appel à l'esprit de conciliation et de justice de la légation impériale et s'attend à ce que des dispositions soient prises pour mettre terme à une situation, qui dès son origine, a fait l'objet des vives protestations du gouvernement persan; il aime à espérer que des ordres très précis seront donnés invitant les sujets russes à se conformer au texte du Traité, dont la bonne foi n'a jamais été contestée.

5) En conclusion, le ministre des affaires étrangères ne saurait passer sous silence l'importante question des protégés. La légation impériale n'ignore pas, en effet, que la tendance de certains sujets persans d'invoquer la protection de la légation et des consulats impériaux, principalement dans le but de nuire aux intérêts de leurs compatriotes et pour se soustraire à la justice, a créé une situation anormale et des difficultés inouies pour le gouvernement persan; l'attention de la légation impériale

[1] Приобретения рус. подданными недвижимости, домов и складов касаются ст. V «Особого акта» Туркманчайского трактата.

a souvent été attirée sur les conséquences funestes de l'existence de cet abus. Le ministère des affaires étrangères a l'honneur de prier la légation impériale de retirer la protection russe à ceux parmi les nationaux persans, auxquels on l'a déjà accordée, et d'interdire catégoriquement aux agents consulaires russes l'exercice, à l'avenir, d'une pratique non seulement contraire aux principes du droit international, mais tout à fait subversive de l'ordre et de la justice dans le pays [1].

Перевод.

Персидское министерство иностранных дел имеет честь снова привлечь внимание российской и английской миссий на ниже подробно изложенные факты, неоднократно доведенные до их сведения, как письменно, так и устно.

1. Европейская война, причинившая ущерб в экономическом отношении всем странам, не пощадила и Персии, вызвав там особенно острый кризис и серьезным образом отозвавшись на таможенных доходах. Участие Турции в этой борьбе естественно способствовало значительному уменьшению доходов и не позволяет персидскому правительству располагать остатком, достаточным для выполнения вытекающих из займов обязательств. Помимо того, расходы, вызванные до войны событиями внутреннего порядка, препятствовавшими взиманию налогов, осложнили финансовое положение и затруднили казначейству покрытие текущих расходов страны. Поэтому персидское правительство сочло себя вынужденным и в праве обратиться к правительствам-кредиторам с просьбою о моратариуме. Эта просьба была неоднократно возобновляема письменно и устно, но никакого движения этому делу до сих пор дано не было. Так как финансовые затруднения становятся все более острыми, то императорское персидское правительство вынуждено возобновить свое обращение и прибегает к чувству справедливости обеих миссий, выражая желание, чтобы были приостановлены до июня 1918 г.:

А) Все платежи, как по «золотому» займу 1900 — 1902 гг. и консолидированному займу 1911 г., так и по авансу в 200 000	Финансовые обязательства, принятые в отношении России.

[1] Вербальной нотой от 17/4 июля франц. пос-во в Петрограде передало Сазонову содержание сообщения перс. посланника в Париже (Самад-хана) о том, что Эйн-эд-Доуле выражал сожаление по поводу поддержки, оказанной Францией России в вопросе об увеличении количества русских войск в Персии, и излагал «перечень просьб», врученный им посланникам Англии и России (см. публикуемый документ). Самад-хан, передав Делькассе этот «перечень просьб» в виде пам. записки, пояснял в ней же, что «предъявленные персидским правительством пожелания должны рассматриваться как вполне дружественные и внушенные искренним желанием поддержать и увеличить в Персии популярность дела союзников...» Делькассе ответил Самад-хану, что эти заявления перс. прав-ва будут доведены до сведения союзных держав, и поручил франц. послу в Петрограде выяснить, как намерено росс. прав-во реагировать на перс. заявление. В ответной вербальной ноте от 2 авг./20 июля росс. м-вом ин. дел излагался ответ, переданный Эттером перс. прав-ву (см. № 176).

фунтов стерлингов, предоставленному в 1913 г.

В) Платежи по так называемому «индийскому» займу 1904 г., а равно по займу 1911 г., погашение которого должно начаться в 1916 г., и авансов 1912, 1913 и 1914 гг., сроки для погашения коих еще не назначены.

Финансовые обязательства, принятые в отношении Великобритании.

В целях урегулирования положения, которое получится в результате этих отсрочек, императорское персидское правительство предлагает установить для погашения каждого займа один или несколько добавочных сроков для платежей.

Резюмируя, императорское правительство предлагает отсрочить все платежи до июня 1918 г., капитализировать по каждому займу в отдельности все ежегодные платежи, начиная с июня 1918 г., добавить к ним проценты за время мораториума, имеющие быть уплаченными вследствие предполагаемой отсрочки, и разделить полученную таким образом общую сумму на столько ежегодных взносов, чтобы размеры каждого взноса, начиная с июня 1915 г., не превышали таковых в настоящее время, а следовательно, годичные обязательства персидского казначейства на имя двух правительств не были увеличены.

2. На следующий же день после того, как вспыхнула война между европейскими странами, а в особенности с момента начала общей мобилизации в Турции, персидское правительство предвидело, что пожар войны угрожает переброситься через его границы.

Во избежание этой опасности и дабы воспрепятствовать тому, чтобы персидские территории стали театром военных действий, тогдашние председатель совета министров и министр иностранных дел не преминули несколько раз, как до, так и после провозглашения персидского нейтралитета, привлечь внимание российского и английского посланников на пагубные последствия, вызываемые присутствием на персидской территории русских военных отрядов. Дабы отвратить от Персии моральный и материальный ущерб, который неизбежно навлекло бы перенесение борьбы на ее территорию, к обоим представителям была обращена просьба согласиться с точкой зрения персидского правительства на необходимость отозвания русских войск.

К сожалению, отсутствие действительного содействия со стороны России и правильной оценки лойяльных намерений персидского правительства, которое имело в виду лишь охранение интересов, как собственных, так и союзных держав, привели в результате к созданию враждебного очага в Азербайджане.

С другой стороны, персидское правительство, ясно предусматривая, что конфликт между обеими сторонами не ограничится Азербайджаном, возобновило свои шаги перед обеими миссиями и настаивало на необходимости отозвать русские войска из других пунктов империи, а вслед за тем эвакуировать Азербайджан.

Прием, оказанный последнему предложению, был, к сожалению, не более благоприятен, чем прежний. Таким образом создалось нынешнее положение вещей.

Во избежание других осложнений в будущем и в ограждение страны от нового морального и материального ущерба, превышающего тот, который она

уже понесла, персидское правительство, убежденное в доброй воле и в человеколюбии обеих соседних держав, настоятельно просит, чтобы они присоединились как можно скорее к его точке зрения на неотложную необходимость удаления войск этих двух держав с персидской территории.

3. Императорской миссии небезызвестно вмешательство русских консульских агентов в финансовые дела страны. Ее внимание было неоднократно обращаем письменными или устными заявлениями на эти противозаконные действия; они все являются нарушением самых священных и существенных прав Персии. Императорской российской миссии была неоднократно заявлена настойчивая просьба повлиять на изменение в короткий срок положения вещей, находящегося в противоречии с независимостью Персии и не согласного с определенными заверениями, данными Россией.

Несмотря на многократные представления императорского персидского правительства, положение не улучшилось: эти постоянно повторяющиеся инциденты вызвали к тому же возбуждение общественного мнения, которое следовало бы успокоить в интересах отношений между обеими странами.

Персидское правительство, которое вследствие дружеских заверений со стороны дружественной и соседней державы было убеждено, что может рассчитывать на ее содействие, дабы спокойно продолжать организацию своих финансов, оказалось при начале выполнения своей задачи и находится еще, к своему большому удивлению, и теперь в очень трудном положении в силу расстройства своих финансов, вызванного ничем не оправдываемым вмешательством российских консульских властей.

Очутившись ввиду этого лицом к лицу с ненормальным и недопустимым положением вещей, препятствующим восстановлению его финансов, персидское правительство имеет честь просить императорскую российскую миссию испросить в возможно краткий срок для российских консульских агентов необходимые инструкции о том, чтобы они воздержались от всякого вмешательства в финансовые дела страны и не создавали препятствий агентам персидского казначейства при выполнении ими своих функций.

4. Императорская миссия, равным образом, неоднократно имела случай убедиться путем получения ею по этому поводу письменных и устных сообщений, что русские подданные, опираясь на поддержку консульских агентов, занимаются покупкой и арендой земельных участков в Персии вопреки V статье Туркманчайского договора, освященной исконными обычаями. Этот образ действий явился предметом ряда представлений по адресу российской миссии; слишком часто подчеркивались неудобства и нежелательные последствия, которые должны явиться результатом продления этого порядка вещей, и затруднения, к коим приведет это нововведение, с юридической и администартивной точки зрения, чтобы необходимо было перечислять их здесь подробно.

Министр иностранных дел поэтому ограничивается обращением еще раз к чувству миролюбия и справедливости императорской миссии и ожидает принятия мер к прекращению этого положения, которое с самого начала явилось поводом к горячим протестам со стороны персидского правительства; оно льстит себя надеждой, что будут даны вполне точные приказания русским подданным соблюдать текст договора, обязательность которого никогда не оспаривалась.

5. В заключение министр иностранных дел не считает возможным обойти молчанием важный вопрос о «покровительствуемых». Императорской миссии в

самом деле небезызвестно, что стремление некоторых персидских подданных прибегать к покровительству императорской миссии и консульств, главным образом, с целью принести вред интересам своих соотечественников и избежать правосудия, создало ненормальное положение и неслыханные затруднения для персидского правительства. Внимание императорской миссии часто привлекалось к пагубным последствиям существования этого злоупотребления. Министерство иностранных дел имеет честь просить императорскую миссию лишить русского покровительства тех из персидских подданных, на которых оно уже распространено, и категорически запретить на будущее время российским консульским агентам применение практики, не только противоречащей принципам международного права, но и совершенно подрывающей порядок и правосудие в стране.

№ 22. М. Васильчикова Николаю II.

Письмо [1]. Берлин, 27/14 мая 1915 г.

Ваше величество,

Осмеливаюсь еще раз [2] писать вам, государь, и этот раз из Берлина, куда меня просили приехать, или, вернее, за мной приехали в Klein Wartenstein, под предлогом, что я могу в Германии видеть моего племянника, который находится здесь в плену, а в сущности, чтобы я могла передать вашему величеству разговоры, которые тут имела. Вашему величеству известно, что с августа месяца я в Klein Wartenstein более или менее в плену — мне запрещено выходить из моего сада. Здесь же в Берлине я пользуюсь полной свободой, и мне даны всяческие права, которыми никто из иностранцев, теперь живущих в Берлине и Германии, не пользуется, и это с ведома императора Вильгельма, который знает благосклонное и милостивое отношение вашего величества и государыни императрицы ко мне. Я горько раскаиваюсь, что покинула Россию и теперь в эти тяжелые времена не могу быть полезной, но, может, воля всевышнего так решила, и далеко от родины я все же могу ей служить, поэтому и дерзаю передать все слышанное. Уже с конца февраля ко мне в Klein Wartenstein приезжали говорить о мире — как писала вашему величеству. Теперь, хотя, конечно, не официально, но из всех разговоров можно ясно понять, что желание мира с Россией очень усилилось. Тут многие ко мне приезжали, и министр иностранных дел von Jagow, которого давно знаю, был у меня несколько раз и долго говорил о теперешнем положении, скажу больше: с его желания и ведома передаю наши разговоры. Так как они велись на французском языке, стараюсь дословно их передать на том же

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 370, № 332.

[2] См. т. VII, №№ 347, 454.

языке, и вы усмотрите, что Германия искренно желает прекратить войну как можно скорее и сделаться не врагом, а другом и союзником России.

«Tous ici sont d'accord que la paix entre l'Allemagne et la Russie est une question vitale pour les deux pays qu'unissent tant d'intérêts commerciaux et en réalité aucunes divergences politiques ne séparent. Certes l'Autriche devrait y être comprise, car l'Allemagne ne peut et ne veut lâcher l'Autriche qui en tous cas sortira de cette guerre affaiblie. Il faut faire cesser le carnage justement maintenant où malgré les grandes pertes de part et d'autre pas un des pays qui est en guerre n'est battu. La Russie gagnerait beacoup plus si elle faisait une bonne paix avec l'Allemagne, même dans la question des Dardanelles que l'Allemagne admet est une question de première importance pour la Russie. On est convaincu ici que l'Angleterre voudra et insistera à avoir les coudées libres dans la mer Noire, autrement dit qu'elle voudra y dominer, car elle se dit être la «maîtresse de la mer». Ce serait un grand danger si un jour la Russie avait une guerre avec l'Angleterre. On m'a fait observer que l'Angleterre n'a jamais été la vraie amie de ses alliés, — elle aime qu'on lui tire les marrons du feu. L'Angleterre vise à obtenir l'influence dominante à Constantinople et malgré toutes ses promesses elle ne permettra jamais à la Russie de prendre cette ville ou de la garder, si la Russie l'occupe.

En Allemagne on a besoin d'une Russie forte et monarchique et les deux maisons voisines et régnantes doivent soutenir les vieilles traditions monarchiques et amicales. La prolongation de la guerre est considérée comme un danger pour la dynastie. On conçoit parfaitement que la Russie ne veut pas abandonner la France, mais là encore l'Allemagne comprend le point d'honneur russe et ne fera aucune difficulté à un arrangement équitable.

Ici on ne songe pas à créer un nouveau royaume de Pologne qui serait une source de discordes et outre cela finira bien vite par être suffoquée n'ayant pas de libre issue car ni la Russie, ni l'Allemagne ne songeront à sacrifier pour la Pologne un de ses ports sur la mer du Nord [1].

On comprend aussi que pour la sécurité de l'Europe contre la race jaune il faut une Russie Puissante. Du reste le testament de Bismarck était de laisser la politique de la Russie libre en Asie.

La guerre avec l'Italie n'effraye personne. Depuis l'automne tout le sud du Tyrol est rempli de troupes autrichiennes et les Allemands depuis quelque temps y ont également envoyé des forces. La guerre d'après des

---

[1] Так в оригинале.

*

sources certaines est faite avec l'argent anglais et les meneurs politiques, franc-maçons, radicaux et tutti quanti, dont le vrai but est de renverser les trônes, ont recueilli quelques millions de lires. Du reste on croit savoir ici que votre majesté a été contre que l'Italie se mêlât à cette guerre. Et de la manière la plus positive on m'a répété maintes fois qu'il n'y a aucune haine dans le pays contre la Russie.

On m'a aussi parlé du mauvais traitement des prisonniers allemands civils en Russie et on m'a raconté que votre majesté l'ayant appris a daigné écrire de sa main propre d'améliorer le traitement et qu'au ministère de la guerre on avait ajouté «seulement avec ceux de provenance slave». A Pétrograd les civils ne se plaignent pas autant, mais un secrétaire de l'ambassade d'Amérique a écrit ici que le traitement en province «is a scandal», plus encore pour les prisonniers civils que militaires. On est aussi fort impressionné du sort du consul allemand à Kowno baron Lerchenfeld qui depuis neuf mois se trouve à la forteresse Petro-Pavlovsk, étant accusé d'avoir eu chez lui des cartes éditées dans la topographie militaire. Une autre chose qu'on ne comprend pas est la condamnation à mort des deux officiers aviateurs M-rs de Knobelsdorf et de Ruville, changée par la grâce de votre majesté à une condamnation aux travaux forcés. Ils auraient jeté des proclamations, simple truc de guerre dont on se sert, paraît-il, dans toutes les armées. En général de toutes ces conversations il est clair de comprendre que l'Angleterre n'est pas une vraie amie à la Russie et cela n'etonnerait pas l'Allemagne si en quelques années elle propose ses forces à l'Allemagne contre la Russie, — mais l'Allemagne veut la paix durable avec la Russie»[1].

[1] «Здесь все согласны в том, что мир между Германией и Россией является жизненным вопросом для обеих стран, которые объединяет столько коммерческих интересов и которых в действительности не разделяют никакие политические разногласия. Конечно, Австрия должна быть включена в этот мир, так как Германия не может и не хочет покинуть Австрию, которая во всяком случае выйдет из этой войны ослабленной. Надо прекратить кровопролитие именно теперь, когда, несмотря на большие потери с обеих сторон, ни одна из воюющих стран не разбита. Россия гораздо больше выиграла бы, если бы она заключила хороший мир с Германией, даже в вопросе Дарданелл, который Германия признает для России за вопрос первостепенной важности. Здесь убеждены, что Англия пожелает и будет настаивать на том, чтобы иметь свободные руки в Черном море; иначе говоря, она будет стремиться там господствовать, так как она считает себя «владычицей морей». Это было бы большой опасностью, если бы когда-либо Россия оказалась в войне с Англией. Мне указывали, что Англия никогда не бывала настоящим другом своих союзников, — она любит, чтобы для нее таскали из огня

Из вышеизложенного ваше величество усмотрите, что первая попытка о сближении с Россией, хотя не официальная, но все же исходит из

каштаны. Англия добивается преобладающего влияния в Константинополе, и, несмотря на все свои обещания, она никогда не позволит России захватить Константинополь или удержать его за собой в случае, если она его оккупирует.

В Германии нуждаются в мощной и монархической России, и оба соседние царствующие дома должны поддерживать исконные монархические и дружественные традиции. Затяжка войны признается опасной для династии. Здесь прекрасно понимают, что Россия не хочет бросить Францию на произвол судьбы, но и тут Германия отдает себе отчет в том, чего требует честь России, и не будет чинить никаких препятствий к справедливому соглашению.

Здесь не помышляют о создании нового Польского королевства, которое явилось бы источником раздоров и, помимо того, очень скоро задохнулось бы, не обладая свободным выходом к морю, так как ни Россия, ни Германия не подумают принести в жертву Польше один из своих портов на Северном море.

Равным образом здесь понимают, что для обеспечения Европы от желтой расы необходима могущественная Россия. К тому же еще Бисмарк завещал не стеснять политику России в Азии.

Война с Италией никого не пугает. С осени весь Южный Тироль полон австрийскими войсками, и Германия за последнее время тоже отправила туда свои военные силы. Из достоверных источников известно, что война ведется Италией на английские деньги, а политические вожаки — масоны, радикалы и все им подобные, целью которых служит ниспровержение престолов, — получили несколько миллионов лир. Впрочем, сюда дошли сведения, что ваше величество были против того, чтобы Италия вмешалась в эту войну. Самым положительным образом мне повторяли многократно, что здесь нет никакой вражды против России.

Мне также говорили о дурном обращении в России с германскими гражданскими пленными и рассказывали, что ваше величество, узнав об этом, изволили собственноручно написать о том, чтобы положение их было улучшено, а к этому в военном министерстве приписали «только тех из них, кто по происхождению славяне». В Петрограде гражданские пленные не очень жалуются, но один из секретарей американского посольства писал сюда, что обращение [с пленными] в провинции «является скандальным» еще больше в отношении гражданских пленных, чем военнопленных. Большое впечатление произвела также судьба германского консула в Ковно, барона Лерхенфельда, который в течение 9 месяцев находится в Петропавловской крепости, будучи обвинен в том, что держал у себя военно-топографические карты. Здесь не понимают также присуждения к смерти двух офицеров-авиаторов гг. фон Кнобельсдорфа и фон Рувиля, замененное волей вашего величества каторжными работами. Они, будто бы, разбрасывали прокламации — простой военный прием, которым, повидимому, пользуются во всех армиях. В общем из всех этих разговоров легко понять, что Англия не является настоящим другом России, и если через несколько лет Англия предложила бы свои силы Германии против России, то это Германию не удивило бы, но Германия хочет прочного мира с Россией».

Германии. Здесь говорят, что в последнее время великий князь Николай Николаевич делает ошибку за ошибкой и что он совсем не жалеет солдат, — это говорят и раненые русские и пленные. «Жизнь солдата ему ни по чем». По 2 или 3 мая нового стиля в Германии числилось пленных русских: офицеров 5 500, солдат 520 000. Теперь после последних сражений в Карпатах число значительно увеличилось. Офицеры находятся в 25 лагерях, а солдаты — в 90. (Точные сведения из военного министерства.) В Австрии за последнее время было перевезено по железным дорогам 194 000, а сколько вообще находится русских пленных в Австрии, — мне не известно.

Чтобы я могла видеть и судить, как содержатся русские военнопленные здесь, мне прислали военный автомобиль с молодым адъютантом von Prittwitz, и, как огромное изъятие (женщины не допускаются в военные лагеря, где находятся военнопленные), позволено было показать мне весь лагерь в Döberitz около Берлина и свободно говорить, с кем хочу из пленных. Конечно, очень грустно было видеть наших солдат в плену, но слава богу, у них вид бодрый, здоровый и, казалось, рады были, что могли со мной говорить. Почти все говорят: «Грех сказать, чтобы нас обижали, только страсть скука, так и тянет на родину, куда жизнь дома лучше, — а что слыхать, скоро мир?».

Конечно, ваше величество, говорила с ними о вас и смела сказать, что напишу вам, что их видела, у всех глаза засверкали, лица оживились, и один фельдфебель просил сказать: «Земной поклон нашему царю, мы все у его ног».

В Döberitz около пяти тысяч пленных, живут они в более чем сорока бараках, везде очень чисто, везде канализация и воздух чистый. Наши солдаты, столяры, сапожники, портные занимаются своим мастерством в светлых мастерских. Повара готовили ужин в больших кухнях. Хлеб хороший, напоминает наш черный. Я спросила, что бы они желали иметь. Все просят русские книги для чтения, — учебники русско-немецкие, некоторые — молитвенники, евангелия, святцы, тоже польские книги. Может быть, ее величество соблаговолит приказать послать книги в Döberitz (bei Berlin). Вообще наши солдаты жалуются, что так мало получают из России, и начальник лагеря Obertleutnant Alberti мне это подтвердил и удивлялся, что в сравнении с англичанами русские почти ничего не получают, я сама видела в отделении для посылок более половины большой комнаты заставлено английскими посылками, а русских лежало только несколько на полке

Alberti мне сказал, что часто означенное на посылке (в русских) не находится там, или же иногда съестные припасы до того испорчены, что ради гигиены приходится их уничтожать. Все лагери для пленных построены, как лагерь в Döberitz. В настоящее время в Döberitz 2 000 человек русских, остальные находятся на полевых работах у помещиков, артелями по 30—50 человек. Им положена ежедневная плата, которую они получат на руки по заключении мира. Каждые пятнадцать дней приезжает в лагерь русский священник.

В Döberitz, кроме врачей, нет офицеров. Я говорила с одним доктором, который сказал, что больных очень мало, есть некоторые с больными глазами, но и те все выбежали, даже добрый хохол, у которого горло болело, посмотреть на свою землячку.

Мой племянник Милорадович, сын моей сестры, переведен теперь со всеми офицерами, которые были в Burg, в Mainz, и я получила позволение его видеть в Франкфурте, куда его перевезли на автомобиле в General Commando, — где я его два часа видела без свидетелей. Конечно, он очень скучает, и ему больно, что именно теперь он не может служить своему дорогому отечеству. Вместе с ним в Mainz много англичан, французов, бельгийцев. Он говорит, что англичане симпатичнее других, но прямо, не стесняясь, говорят: как только будет мир, мы немедленно заключим союз с Германией, чтобы напасть на Россию!!! Да, недаром Хомяков говорил про Англию «Коварный Альбион».

Великий герцог гессенский, узнав, что я в Франкфурте, немедля телефонировал приехать завтракать в Wolfsgarten. Лишнее говорить, с какой любовью он говорил про вас и императрицу и как искренно он желает мира и как радовался, что von Jagow решился со мной высказаться.

Это письмо будет доставлено в Царское Село и передано дежурному флигель-адъютанту для передачи в собственные руки вашего величества. Смею просить приказать мне дать ответ, который могу передать v. Jagow. Я буду его здесь ждать, а потом — увы! —должна вернуться в Klein Wartenstein, который до окончания войны не имею права покинуть. Если ваше величество решит с высоты вашего престола произнести слово «мир», вы решите судьбу народов всего мира, и если вы пришлете доверенное лицо, единовременно такое же лицо будет послано отсюда для первых переговоров.

Вашего императорского величества с чувством глубочайшей преданности верноподданная

Мария Васильчикова.

Если бы ваше величество пожелали, чтобы я лично передала все слышанное и все, что видела здесь и в Германии, мне всячески облегчат путешествие в Царское Село, — но я должна все же вернуться в Австрию до окончания войны.

№ 23. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу и посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2454. 28/15 мая 1915 г.

Палеолог сообщил мне содержание телеграммы Делькассе французскому посланнику в Бухаресте, которому предписывается разъяснить румынам выгоду для них выступления против Австро-Венгрии на предлагаемых державами условиях и опасность упустить настоящую минуту [1]. Делькассе отвергает толкование русско-румынского соглашения [1 октября] 18 сентября минувшего года в смысле обеспечения, будто бы, Румынии земельных приращений за один лишь нейтралитет. Он, напротив, весьма твердо заявляет, что если Румыния своевременно не выступит, общественное мнение Франции и Англии, уже начинающее разочаровываться в ней, еще более от нее отвернется, и названным державам нельзя будет ни присоединиться к означенному соглашению, ни даже согласиться на его осуществление, ибо право на выгоды по окончании войны получат лишь участники ее. Искренно приветствуя почин Делькассе [2], считаю весьма полезным разъяснить румынам, что только при нашем содействии они могут надеяться на достижение значительных выгод, которых они легко могут лишиться при дальнейшем упорстве Братиану в усвоенной им несговорчивости.

Сазонов.

---

[1] См. № 16.

[2] Тел. от 28/15 мая за № 2452 Сазонов предписал Извольскому передать Делькассе «выражение искренней... признательности за оказанную нам поддержку его твердым выступлением в Бухаресте». Делькассе в ответ на это сказал Извольскому (тел. последнего Сазонову от 28/15 мая за № 345), что «он продолжает всячески поддерживать нашу точку зрения в Бухаресте. Он присовокупил, что румынская дипломатия прилагает чрезвычайные усилия, чтобы убедить некоторые парламентские сферы и печать в том, что ответственность за колебания Румынии падает на несговорчивость России. Делькассе, — заканчивал свою тел. Извольский, — прилагает энергичные меры, чтобы парализовать эту кампанию».

№ 24. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2461. 28/15 мая 1915 г

Срочно.

Румынский посланник в Лондоне сказал доверительно Камбону, что Братиану зашел слишком далеко в своих заявлениях о неприемлемости иных границ, кроме Прута и Тиссы, чтобы теперь от них отступиться. По мнению Мишу, единственный выход из положения заключался бы в созыве на совещание главарей оппозиционных партий, Таке Ионеску и других, которые могли бы заявить, что, с своей стороны, считают предложенные Россией условия с дополнительными уступками, намеченными Делькассе [1], вполне приемлемыми для Румынии. Это позволило бы Братиану заявить, что он склоняется перед волею большинства. По сведениям здешнего французского посла, подобное совещание действительно созывается на будущее воскресенье [30]17 мая. Если это правда, благоволите безотлагательно свидеться с Таке Ионеску, Филиппеску и другими, кого сочтете полезным, и ясно представить им настоящее положение дела [2], обратив их серьезное внимание на невозможность надеяться на дальнейшие уступки ввиду полного единения в этом вопросе России и ее союзниц. Укажите им на значение недавнего заявления французского правительства [3] об отказе признать какие-либо земельные приращения Румынии на основе нашего сентябрьского соглашения в случае невыступления Румынии теперь же. Такую своевременную подготовку представителей оппозиции считаю тем более необходимой, что примеры прошлого позволяют опасаться, как бы Братиану опять не постарался

---

[1] См. т. VII, № 777.

[2] В уже цитированной выше (см. стр. 19, прим. 1) тел. от 29/16 мая за № 2502 Сазонов, отмечая, что сохранение в тайне русско-рум. соглашения от 1 окт./18 сент. «позволило Братиану ввести в заблуждение насчет его истинного смысла даже лиц, занимающих видное служебное положение», предлагал Поклевскому рассеять «создавшееся, повидимому, в Румынии мнение, будто на основании нашего соглашения можно получить Трансильванию и другие области и без участия в войне».

Поклевский в ответ на это в тел. от 1 июня/19 мая за № 306 писал, что, ознакомившись с соглашением, Таке Ионеску, по его словам, еще более утвердился в своем мнении, что сохранение Румынией нейтралитета не даст ей «осуществления ее национального идеала».

[3] См. № 23 и прим.

скрыть настоящее положение дела или даже извратить факты, чтобы оправдать свою несговорчивость. Новой попыткой такого рода является, повидимому, появившаяся [23]10 мая в газете «Universul» заметка, носящая явно официозный оттенок. В этой заметке ход наших переговоров с Румынией намеренно изображен в таком виде, чтобы создать неблагоприятное для нас впечатление и приучить румынское общественное мнение к мысли о необходимости добиваться наиболее широких границ. Сожалею, что миссия не обратила внимания на эту заметку, которая, по моему мнению, требовала бы скорейшего возражения в румынской печати [1]. Необходимо делать все возможное, чтобы не дать в Румынии укорениться взглядам в желательном для точки зрения Братиану смысле. Итальянский посланник в Бухаресте сообщил своему правительству, что Таке Ионеску и Филиппеску считают предложенные державами условия совершенно достаточными для немедленного выступления. Постарайтесь использовать это настроение [2].

Сазонов.

---

[1] Тел. от 31/18 мая за № 301 Поклевский отвечал на это, что «на статью «Universul» от 23/10 мая миссия обратила должное внимание, но ввиду появления уже в «Adeverul» выпущенной нами статьи и вследствие невозможности возражать на каждую отдельную газетную заметку, упоминаемая выше статья осталась без специальной отповеди».

[2] В ответ на эту тел. Сазонова Поклевский тел., цитированной в предыдущем прим., сообщал, что «Братиану трудно теперь отступить от своих требований и что он мог бы только уступить давлению со стороны других общественных деятелей и общественного мнения». Но «постоянное общение» союзных дипломатов с деятелями либеральной оппозиционной партии не дало пока «благоприятных результатов». Причины этого Поклевский формулировал так: «1) Наш ответ произвел здесь то впечатление, которого я опасался и о коем я позволил себе предупреждать в тел. № 277 [см. т. VII, № 753]. 2) Наши дополнительные уступки всеми считаются здесь недостаточными и, даже порицая Братиану за способ ведения им переговоров, в сущности сочувствуют выставляемым им требованиям. 3) И самое, может быть, главное, что, несмотря на все наши разъяснения, никто не верит, что Румыния упускает последний случай для своего выступления». «Что же касается Таке Ионеску и Филиппеску, — писал в заключение Поклевский, — то, по словам здешнего итальянского посланника, он отнюдь не сообщал своему правительству, что эти лица находят эти [т. е. союзнические] условия совершенно достаточными, а лишь упомянул, что с ними легче было бы сговориться, каковое мнение я вполне разделяю... Если бы они даже решились прибегнуть к давлению на первого министра, то, по их собственному сознанию, они не могли бы добиться успеха без поддержки влиятельных членов либеральной партии вроде Костинеску, который... не удовлетворен нашими условиями».

№ 25. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

28/15 мая 1915 г.

В числе прочитанных в этот день итальянским послом барону Шиллингу телеграмм из Рима, была одна, исходившая от итальянского посланника в Бухаресте, в которой г. Фашиотти высказывал мысль, что поспешное сообщение французского посланника о могущих быть сделанными Россией новых уступках [2], прежде чем румынское правительство успело ответить на русскую ноту 14/1 мая [3], явилось тактической ошибкой, укрепив румын в убеждении, что, упорствуя в своей непримиримости, они могут добиться еще дальнейших уступок. Поэтому, по мнению Фашиотти, в настоящее время наилучшей тактикой со стороны держав было бы намеренное выказывание полного равнодушия к вопросу о выступлении Румынии [4].

№ 26. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 344 [5]. 28/15 мая 1915 г.
Секретно.

Делькассе сказал мне весьма доверительно, что недавняя попытка турок завязать переговоры с французским правительством [6] была на-днях возобновлена, причем на этот раз она исходила от еще более авторитетного лица. Как вам известно, предложение Джавида встретиться в Швейцарии с кем-либо из чинов французского министерства иностранных дел было безусловно отклонено [7]. Ныне Делькассе, оговорившись, что он твердо намерен довести дело до конца и не допускает иного исхода, кроме совершенного удаления турок из Европы, высказал мнение, что, может быть, следовало бы осторожным образом пойти навстречу этому новому турецкому предложению, хотя бы с целью удостовериться о господствующем в Константинополе настрое-

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 19.

[2] См. т. VII, №№ 814, 815.

[3] См. т. VII, № 757.

[4] 27/14 мая за № 147 Гирс, на основании сделанного ему Соннино сообщения, телеграфировал Сазонову о том, что итал. посланник в Бухаресте советует «выказать некоторое равнодушие в вопросе о выступлении Румынии». По его мнению, это «усилит нападки на Братиану сторонников вмешательства». 3 июня/21 мая тел. за № 164 Гирс вновь сообщал, что «Фашиотти продолжает настаивать на желательности выказывать некоторую холодность к Братиану».

[5] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 316, № 267.

[6] См. т. VII, № 803.

[7] См. т. VII, ч. II, стр. 496, прим. 3.

нии. Делькассе просит меня довести о вышеизложенном до вашего сведения и осведомиться о том, как вы отнеслись бы к осуществлению этой мысли.

Извольский.

№ 27. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 28/15 мая 1915 г.

Копия в Рим.

Получил вашу телеграмму № 2412 [2].

Сделал предписанное заявление министру иностранных дел, который просил меня заверить ваше высокопревосходительство, что и он сам и все черногорское правительство намерены согласовать свои действия с общими указаниями России. Вполне разделяя наш взгляд на необходимость для Черногории не разбрасывать свои силы в настоящее время, правительство против Скутари в настоящее время не выступит. При этом Пламенац выразил надежду, что известные императорскому правительству заветные мечты и пожелания Черногории по отношению к скутарийскому вопросу будут в свое время приняты Россией во внимание. Что касается доставления в Черногорию хлеба, то, не имея в Риме дипломатического представителя, министр обратился с соответствующим ходатайством к здешнему итальянскому посланнику, который сегодня сообщил мне, что передал своему правительству срочной телеграммой это ходатайство, усердно поддержав его.

Обнорский.

№ 28. Военный агент в Англии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 678 [3]. 28/15 мая 1915 г.

Сегодня лорд Китченер мне лично снова повторил, что он уступил нам первенство в получении от японского правительства

---

[1] Номер отсутствует.

[2] 25/12 мая за № 2412 Сазонов телеграфировал в Цетинье, что он предполагает у черног. прав-ва намерение «выступить против Скутари», и поручал Обнорскому «вновь настоять перед черногорским правительством на необходимости не разбрасывать сил»; кроме того, в той же тел. Сазонов рекомендовал черног. прав-ву снестись с итал. по вопросу о доставке хлеба в Черногорию.

[3] Маш. копия.

трехсот тысяч винтовок возможно скорее [1]. Он при мне послал за японским военным агентом в Лондоне и поручил ему срочно передать японскому послу его просьбу безотлагательно об этом телеграфировать в Токио.

Китченер также сказал мне, что в том же смысле уже была послана телеграмма английскому послу в Токио [2], причем выразил предположение, не делают ли сами японцы затруднения, выставляя английское правительство как предлог.

Ермолов.

№ 29. Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу.

Телеграмма № 2498. 29/16 мая 1915 г.

Секретно.

Сообщается в Ниш, Париж и Лондон.

Для личного вашего сведения.

Охотно принимая предложение итальянского правительства поручить своему представителю в Софии поддержать заявление посланников Согласия болгарскому правительству [3], я счел бы участие Италии в доверительном подготовлении Пашича не соответствующим ее собственным интересам. Слишком сильна еще горечь, возбужденная в сербах итальянскими притязаниями на Далматинском побережьи, в коих они видят отступление Италии от всегда проповедывавшейся ею же программы уважения прав народностей. Советы Италии об известных уступках в Македонии могут только усилить неприязнь к ним сербов.

Сазонов.

---

[1] 29/16 мая Савоновым был передан япон. послу перечень пожеланий росс. прав-ва в отношении военного снабжения России: 1) 300 миллионов патронов к обещанным 300 000 ружей; 2) сверх 100 000 ружей, о продаже которых уже состоялось принципиальное соглашение, еще 200 000 ружей и патроны к ним; 3) 120 000 снарядов в месяц для купленных в Японии легких орудий; 4) некоторое количество тяжелых орудий новейшего образца; 5) 20 батарей полевых орудий системы Аршака образца 1907 г.

[2] Об этом Сазонов был поставлен в известность пам. запиской англ. пос-ва, датированной 26 мая.

[3] В делах б. м-ва ин. дел письменной формулировки этого предложения не обнаружено.

№ 30. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2512. 29/16 мая 1915 г.

Совершенно лично.

Прошу расшифровать лично.

В подкрепление своих доводов в пользу уступок Румынии со стороны России ваши французский и английский сотоварищи ссылаются на ваше сочувствие их мнению, будто «из-за вопроса самолюбия Россия не должна отвергать помощи Румынии, особенно при нынешнем неблагоприятном для нее военном положении» [1]. Если это правда, могу только выразить удивление, что вы, который в качестве русского представителя обязаны всемерно поддерживать точку зрения императорского правительства, высказываете иностранцам такие убеждения, играя этим в руку нашим противникам и, очевидно, обрекая таким образом на неудачу порученные вам переговоры [2].

Сазонов.

№ 31. Французский посланник в Румынии Блондель французскому министру иностранных дел Делькассе [3].

29/16 мая 1915 г.

J'essaie vainement de calmer l'opinion publique surexcitée par une campagne de presse violente contre la Russie, et, par voie de conséquence, contre la France et l'Angleterre que l'on accuse de soutenir Mr. Sazonow dans son refus de céder Czernowitz. On se demande avec inquiétude pour quelles raisons le gouvernement russe ne veut pas laisser la Roumanie rentrer en possession de l'ancienne capitale moldave et l'on y voit la preuve de secrets desseins pleins de menaces pour l'avenir. S'il est impossible de nier l'exagération des prétentions de la Roumanie sur le Banat, il faut bien reconnaître la justesse de ses revendi-

---

[1] См. № 31.

[2] В ответ на публикуемую тел. Поклевский 31/18 мая телеграфировал (без номера), что содержащаяся в тел. Сазонова фраза в кавычках является выражением личного мнения Блонделя (см. № 31) и что, «совершенно объективно» обсуждая со своими двумя коллегами «способы скорейшего побуждения Румынии к выступлению», он «отдавал себе отчет в недостаточности для достижения этой цели» уже сделанных предложений.

[3] Маш. копия. На полях рукой Палеолога написано: «Confidentiel et personnel. Paléologue».

cations en ce qui concerne Czernowitz [1]. Je suis sûr que le décret de mobilisation de l'armée roumaine sera signé le jour même de l'assentiment du gouvernement russe.

J'adjure de nouveau votre excellence de bien vouloir attirer tout spécialement l'attention de Mr. Sazonow sur ce point.

Je ne puis croire que, dans les circonstances actuelles le grand Etat-Major général russe veuille dédaigner la diversion qu'opérerait une armée de 500 000 hommes sur les derrières de ses adversaires.

Devons nous pour une simple question d'amour-propre nous priver d'un concours d'autant plus précieux à l'est que l'Italie commence l'attaque dans le sud?

Je suis entièrement d'accord sur tous ces points avec mes collègues anglais, italien et russe et ce dernier m'affirme avoir plusieurs fois télégraphié dans ce sens à Mr. Sazonow.

Перевод.

Я тщетно пытаюсь успокоить общественное мнение, возбужденное резкой кампанией прессы против России, а в силу логической связи — и против Франции и Англии, которые обвиняются в поддержке г. Сазонова в его отказе уступить Черновцы. Ставится с тревогою вопрос, по каким мотивам российское правительство не желает позволить Румынии вернуться во владение древней молдавской столицей, и в этом усматривается доказательство тайных замыслов, полных угроз для будущего. Если нельзя не признать, что притязания Румынии на Банат преувеличены, то следует согласиться со справедливостью претензии на Черновцы. Я убежден, что декрет о мобилизации румынской армии будет подписан в тот самый день, когда будет получено согласие России.

Я снова заклинаю ваше превосходительство не отказать обратить внимание г. Сазонова именно на эту сторону дела.

[1] В тел. Бенкендорфа от 25/12 мая за № 363 сообщалось, что Камбон прочел ему донесение Блонделя с отчетом о его беседе с Братиану. Блондель писал, что, несмотря на энергичный тон, которого он придерживался, Братиану оставался непреклонным. Блондель сказал ему, что, поскольку Братиану дал общественному мнению возможность узнать об отказе держав согласиться на поставленные Румынией условия, он не должен удивляться, если то же самое общественное мнение будет осведомлено им, Блонделем, о той исключительной уступчивости, к которой были расположены державы Согласия и более всех — Россия. Братиану ответил, что в вопросе о Черновцах ставится на карту безопасность Румынии и что уступить в этом вопросе он может не иначе, как уйдя в отставку, но что последнее слово России по этому вопросу еще не было сказано. По мнению Блонделя, Братиану настаивает на вопросе о Черновцах более, чем на вопросе о границе с Сербией. Бенкендорф добавлял, что, со своей стороны, он будет настаивать на невозможности для России уступить Румынии округ с преобладающим русским населением.

Я не могу верить, что при нынешних обстоятельствах русский главный штаб пожелал бы пренебречь диверсией, которую произвела бы армия в 500 000 человек в тылу у неприятеля.

Должны ли мы из-за простого вопроса самолюбия лишить себя на востоке содействия, тем более полезного, что Италия начинает наступление на юге?

Я вполне разделяю во всех этих отношениях мнение моих коллег английского, итальянского и русского, а последний, как он мне утверждал, несколько раз телеграфировал в этом смысле г. Савонову.

№ 32. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 586. 29/16 мая 1915 г.

Срочно.

Ваша телеграмма № 2458 [1] получена.

Немедленно исполнил предписание [2]. Пашич отказался взяться за подготовку общественного мнения, считая это совершенно невозможным. Все его возражения были полны горечи и отличались крайней узостью взгляда. Разбивать их не стоило большого труда, но тем не менее он упорно стоял на своем. По его словам, каждый член скупщины и каждый серб предпочтет погибнуть вместе с Сербией, нежели сделать уступку в пользу болгар, которые режут и сжигают сербов. Зрелые и долгие размышления, сказал он, привели его к заключению, что ныне предъявленное требование неисполнимо. За всю оказываемую державами помощь Сербия глубоко благодарна. Ему больно отказывать России, он готов ради нее пожертвовать жизнью, но не может поступить нечестно, отдав Болгарии родное кровное население ради приобретения других земель. Он усматривает большое несчастье в том, что в России считают Македонию болгарской. Пусть Сербии ничего не дадут, но нельзя отнимать у нее лучшую часть, и он не видит, как державы исполнят свое решение. По его мнению, с выступлением Италии война скоро кончится и без Болгарии. Он говорил, что «Сербию распинают; в самую критическую минуту ее ампутируют». Даже Австрия предпочла итти на войну с Италией скорее, чем уступить чрезмерным требованиям. Тяжесть войны для держав он сознает, но не в силах по внутренним политическим причинам помочь указанным путем. Быть может, найдутся другие, которые

---

[1] Тел. от 28/15 мая за № 2458 Савонов, ссылаясь на № 2436 (см. № 12), предписывал Штрандтману исполнить возложенное на него поручение «безотлагательно ввиду желательности, чтобы объяснение с Пашичем предшествовало выступлению в Софии».

[2] См. №№ 11, 12.

согласятся взять на себя решение предлагаемой задачи, но он сомневается, чтобы таковые нашлись. Когда я назвал линию Эгри-Паланка — Сопот — Охрида, он воскликнул: «старая линия — невозможна». Два раза с особенной горечью и обидой он упомянул о договоре с Италией, указывая на испытанные им по этому поводу трудности, несмотря на то, что были отданы земли, не принадлежащие Сербии. Ныне он должен будет удалиться. Со вступлением Италии в ряды сражающихся он думает, что вопрос об уступках Болгарии отпадает. Между тем за болгарскую измену ей предлагаются компенсации. Завтра английский и французский посланники сделают тождественное сообщение, и я увижу Пашича еще раз. Окончательное свое решение он сообщит после совещания с министрами. В отрицательном их отношении к делу он не сомневается. Совершенно секретную часть заявления [1], о сохранении коей в тайне я получил его честное слово, ему было приятно узнать, хотя он и заметил, что с румынами сербам удастся сговориться самостоятельно.

Штрандтман.

№ 33. Управляющий консульством в Исфагани министру иностранных дел.

Телеграмма № 312. **29/16 мая 1915 г.**

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на мою предыдущую телеграмму [2].

Бахтиары, получив из Тегерана сведения о решении персидского правительства изъять из их рук управление Исфаганью, готовятся к энергичному противодействию назначению нового генерал-губернатора [3]. Бахтиарские ханы съезжаются в Исфагань, со-

[1] См. № 11.

[2] Тел. от 28/15 мая за № 311 Гильдебрандт сообщая, Сазонову, что германцы в своей «разбойной банде» укрывают одного из убийц Кавера — Ибрагима, высказывал опасения по поводу пребывания этой «разбойной банды» в Исфагани, притом официально на службе европейского консульства (германского), считая это угрозой «спокойствию, жизни и имуществу иностранцев, главным образом русских».

[3] Поводом к этому решению были жалобы населения Исфаганской провинции в Тегеран на «притеснения и грабежи» уездных чиновников, назначаемых исфаганскими губернаторами-бахтиарами. Исфаганская провинция, по объяснению Гильдебрандта, была отдана бахтиарским ханам на «кормление»; была установлена «особая очередь занятия губернаторского поста в Исфагани между двумя родами бахтиар — «Ильхани» и «Хаджи Ильхани», а также раз-

бирают своих всадников и нисколько не скрывают своих планов. Сердар-Мухташим и его брат вице-губернатор обратились к духовенству с просьбой, в награду за их всегдашнюю покорность, способствовать сохранению за ними постов. Германцы продолжают усиливать свою разбойную банду, что, в связи с последними событиями, действует развращающе на население. Капитан Глируп заявляет, что вместо обещанных ему из Шираза 150 жандармов прибудут, вследствие беспорядков в Фарсе, лишь 50. Такой ничтожный отряд, при настоящих условиях в самом городе и на дорогах, не может нисколько уменьшить опасность положения. Сверх того, духовенство, демократы и германцы, не встречая до сего дня никаких реальных препятствий, усиливают свою зловредную деятельность. Положение представляется крайне опасным, ввиду чего долгом считаю вновь усердно ходатайствовать о скорейшей посылке в Исфагань надежной и достаточной воинской части. В противном случае серьезнейшие последствия неизбежны. Мой английский коллега совершенно со мною согласен как в отношении оценки здешних условий, так и изложенных мер, могущих устранить грозящую нам опасность, и одновременно по телеграфу обращает серьезное внимание своей миссии на положение дел в Исфагани.

Гильдебрандт.

№ 34. Памятная записка российского министерства иностранных дел французскому послу в Петрограде Палеологу.

№ 575 [1]. 30/17 мая 1915 г.

En réponse à la note verbale en date du 27/17 mai No 183 [2] le ministère des affaires étrangères a l'honneur d'informer l'ambassade de France que d'après l'avis du chargé d'affaires de Russie et celui de l'agent militaire russe à Cettigné, un crédit de 12 millions plus une

мер контрибуции, которую взимал старший в роду... с очередных губернаторов». Перс. прав-вом еще перед войной были выделены в самостоятельные административные единицы несколько уездов Исфаганской провинции с «губернаторами из персов» во главе, так что в подчинении губернаторам-бахтиарам оставался лишь город Исфагань с ближайшими к нему уездами (донесения бывшего в то время управляющим росс. консульством в Исфагани Евреинова от 23/10 мая 1914 г. за № 442 и Гильдебрандта от 9 дек./27 нояб. 1914 г. за № 1347).

[1] Маш. копия.

[2] См. № 15.

allocation mensuelle de 1 300 000 francs, couvriraient amplement les besoins du Monténégro pour toute la durée de la guerre.

Le gouvernement monténégrin avait effectivement demandé au gouvernement impérial de lui fournir en outre des crédits accordés une certaine quantité de munitions. Le gouvernement impérial n'a pu à son regret faire droit à cette dernière demande.

Il serait peut-être utile en conséquence de porter le crédit ouvert au Monténégro de 10 millions à 12 millions et de lui accorder une subvention mensuelle dans les limites ci-dessus indiquées.

Quant au rôle de l'armée monténégrine, il est évident que sa coopération avec l'armée serbe n'a pu encore donner les résultats attendus; mais il est à constater que tout dernièrement le roi Nicolas a mis toute son armée à la disposition de son altesse impériale le grand duc généralissime et qu'il y a donc lieu d'espérer que le concours du Monténégro se fera plus sentir à l'avenir.

Le ministère des affaires étrangères serait reconnaissant à l'ambassade de France de vouloir bien lui communiquer le point de vue du gouvernement de la République sur une augmentation éventuelle des subsides à accorder au gouvernement monténégrin.

Перевод.

В ответ на вербальную ноту от 27/14 мая № 183 министерство иностранных дел имеет честь уведомить французского посла, что, по мнению российского поверенного в делах и военного агента в Цетинье, кредит в 12 миллионов и, сверх того, ежемесячное ассигнование 1 300 000 франков вполне покрыли бы нужды Черногории в течение всей войны.

Действительно, черногорское правительство просило императорское правительство снабдить его, помимо предоставленных кредитов, некоторым количеством снарядов. К сожалению, императорское правительство не могло удовлетворить последнюю просьбу.

Вследствие этого было бы, быть может, полезным повысить открытый кредит с 10 до 12 миллионов и предоставить ежемесячное пособие в вышеуказанных пределах.

Что касается роли черногорской армии, то очевидно, что ее сотрудничество с армией сербской не могло еще дать ожидаемых результатов; но следует указать на то, что за самое последнее время король Николай поставил всю свою армию в распоряжение его императорского высочества великого князя главнокомандующего и что можно надеяться, что содействие Черногории в будущем даст себя более почувствовать.

Министерство иностранных дел было бы благодарно французскому посольству, если бы оно соблаговолило сообщить точку зрения правительства Республики на возможность в будущем увеличения пособий, предоставляемых черногорскому правительству.

№ 35. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2513 [1]. 30/17 мая 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 344 [2] получена.

Сожалею, что Делькассе не счел возможным даже в «весьма доверительном» с вами разговоре назвать «еще более авторитетное лицо», чем Джавид. При условии, что в предполагаемой беседе с турками им будет объявлено бесповоротное решение союзников предоставить России Константинополь и Проливы с прилегающими островами, я не видел бы препятствий к осторожному ознакомлению с новым турецким предложением [3].

Сазонов.

№ 36. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 350. 30/17 мая 1915 г.

Копия в Лондон.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 298 [4].

Делькассе прочел мне телеграмму из Бухареста, в коей французский посланник сообщает, что сделанное им заявление о том, что Франция не считает себя обязанной предоставить Румынии какие бы то ни было территориальные приобретения, если она не будет участвовать в войне, несомненно, вызвало среди румынского правительства некоторое волнение. Блондель присовокупил, что, по его убеждению, если бы мы обещали Румынии границу по Пруту, тотчас последовал бы декрет о мобилизации. Французский посол в Лондоне, которому была сообщена эта телеграмма, сообщает, что в разговоре с Никольсоном была упомянута возможность комбинации, по которой к России отошла бы местность по правому берегу Прута, населенная

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 317, № 268.

[2] См. № 26.

[3] Далее зачеркнуто: «Не могу однако не высказать, что возможность принятия упомянутого выше условия представляется мне маловероятной ввиду полной зависимости от Германии нынешнего оттоманского правительства и его армии».

[4] В тел. Поклевского от 28/15 мая за № 298 сообщалось, что сделанное франц. посланником по предписанию Делькассе заявление (см. № 23) не произвело на Братиану особенного впечатления. «Братиану продолжал утверждать, что румынские требования справедливы, и выразил надежду, что это в конце-концов будет признано державами Тройственного согласия».

русскими, а Румыния получила бы город Черновцы, население коего состоит из евреев и румын [1]. Делькассе сказал мне, что, несмотря на крайнюю желательность для союзников поддержки румынской армии, он отнюдь не берет на себя поддержать перед нами эту комбинацию, ибо российское правительство — единственный судья необходимой ему границы. К тому же он далеко не уверен, что Братиану взамен этой уступки откажется от чрезмерных притязаний в Банате [2]

Извольский.

№ 37. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 298. 30/17 мая 1915 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

№ 1.

За № 2 передаю вам подлинный текст заявления, врученного сегодня четырьмя посланниками [3] Радославову. Копия с него передана

---

[1] Бенкендорф в своей тел. от 29/16 мая за № 380 сообщал Сазонову, что с начала переговоров с Румынией Грей подходил к вопросу о Черновцах как к вопросу, «касающемуся исключительно России. Между тем, — писал Бенкендорф, — я заметил, что во время моей последней беседы с Греем он очень категорически высказывался относительно Баната, ни разу не упомянув о Буковине. С другой стороны, заметно, что выступление Румынии считается здесь в связи с общим стратегическим положением, в частности в связи с положением в Дарданеллах, все более неотложной необходимостью, в то время как кампания бухарестской прессы ведется прежде всего вокруг вопроса о Черновцах».

[2] 31/18 мая тел. за № 357 Извольский сообщал Сазонову, что полковник Рудеану, «посетив Делькассе в качестве доверенного лица Братиану, старался склонить его к тому, чтобы он воздействовал на Россию в смысле большей уступчивости румынским требованиям». Делькассе ответил, что «румынское правительство должно само формулировать перед Россией свои предложения; со своей стороны, он, Делькассе, мог бы поддержать подобные предложения лишь в том случае, если он получит гарантию, что Румыния, ходатайствуя в пределах, приемлемых для России, о той или другой уступке в Буковине, тем самым отказывается от недопустимых с точки зрения интересов Сербии притязаний в Банате».

Тел. от 9 июня/27 мая (сообщенной Палеологом Сазонову) Делькассе передавал Блонделю свой разговор с Рудеану по вопросу о русско-румынском соглашении. На просьбу Рудеану поддержать Румынию в вопросе о Буковине, «в частности по поводу Черновцев», Делькассе ответил, что, только имея в руках формальную гарантию в немедленном выступлении рум. армии, франц. прав-во могло бы предложить росс. прав-ву пойти на новые уступки.

[3] 28/15 мая за № 2460 (опубл. Ц. Р., стр. 122, № 109) Сазонов телеграфировал Гирсу: «Считаю весьма желательным, чтобы итальянскому посланнику в Софии было поручено поддерживать заявление посланников Согласия болгар-

Добровичу для доклада королю. Сначала предполагали во вступительной фразе к словам «entrée en campagne»[1] прибавить «sans délai»[2], но, дабы отнять у заявления ультимативный характер и не оскорблять напрасно самолюбие короля, воздержались. В 3-м пункте упомянули только Кавалу, дабы впоследствии, в случае надобности, иметь возможность прибавить Драму и Серес. На словах сказали Радославову, что надеемся на определенный и скорый ответ на наши предложения, которые не могут не удовлетворять вполне общественное мнение всей страны, когда оно с ними ознакомится, и выразили уверенность, что до этого ответа он сохранит тайну переговоров. Первое впечатление Радославова было удивление. Он сказал, что обращение четырех великих держав для Болгарии большая честь, обратил особенное внимание на уступки Монастыря, отметил, что владение Кавалой без Драмы и Сереса невозможно. В заключение прибавил, что, если бы решение зависело от него лично, то он сейчас же дал бы утвердительный ответ. О факте передачи Ниш извещен.

Савинский.

№ 38. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 299. 30/17 мая 1915 г.

No 2.

Copies Londres, Paris et Rome.

Les gouvernements des quatre Puissances alliées ont décidé de faire au gouvernement de Bulgarie les déclarations suivantes si il est prêt à entrer en action contre la Turquie avec toutes ses forces armées[3]:

скому правительству... В случае получения вашими французским и великобританским сотоварищами таковых же указаний, благоволите высказаться по содержанию этой телеграммы с министром иностранных дел». 29/16 мая за № 297 (опубл. Ц. Р., стр. 122, № 110) Савинский телеграфировал Сазонову и Трубецкому: «Только-что окончательно установили вчетвером текст заявления болгарскому правительству и вручим его Радославову сегодня».

[1] «Открытие военных действий» (см. текст, № 38).

[2] «Безотлагательно».

[3] Тел. от 8 июня/26 мая за № 2686 Сазонов поручил Савинскому опровергнуть «опасения оппозиции, будто бы державы ожидают выступления Болгарии против Турции «со всеми вооруженными ее силами». «Само собой понятно, что союзники не могли не осознавать, что известная часть вооруженных сил необходима Болгарии для защиты ее границ. Было бы весьма полезно, чтобы и ваши сотоварищи высказались в указанном выше смысле». Савинский ответил 10 июня/28 мая тел. за № 328, что «все коллеги будут высказываться в том же смысле» и что «Радославов выразил намерение предать это разъяснение гласности путем печати».

«1) Les Puissances alliées consentent à la... [1] jusqu'à la ligne Enos—Midia, qui deviendra possession bulgare. 2) Les Puissances alliées garantissent à la Bulgarie, à la fin de la guerre, la possession de la partie de la Macédoine limitée: a) au nord et à l'ouest par la ligne Egri-Palanka, Sopot sur le Vardar et Ochrida, les villes d'Egri-Palanka, Keprülü, Ochrida, Monastir y étant compris; b) au sud et à l'est, par les frontières actuelles serbo-grecque et serbo-bulgare. Engagement est subordonné aux conditions suivantes: a) la Serbie recevra des compensations équitables en Bosnie, en Herzégovine et sur la côte de l'Adriatique; b) la Bulgarie ne fera aucune tentative pour occuper une partie quelconque du territoire ci-dessus indiqué jusqu'à la conclusion de la paix. 3) Les Puissances alliées s'engagent à employer tous leurs efforts auprès gouvernement hellénique pour assurer la cession à la Bulgarie de Kavala. Les Puissances alliées devront pour cela être en mesure d'offrir à la Grèce des compensations équitables en Asie Mineure, l'armée bulgare doit entrer en action contre la Turquie. 4) Les Puissances alliées sont disposées à favoriser les négociations que la Bulgarie et la Roumanie désireraient ouvrir en vue de régler la question de la Dobroudja. 5) Les Puissances alliées s'engagent à fournir à la Bulgarie toute l'assistance financière dont elle pourrait avoir besoin». D'ordre de son gouvernement, le ministre de Russie a l'honneur de porter la communication qui précède à la connaissance de son excellence le président du Conseil, ministre des affaires étrangères.

S a v i n s k y.

Перевод.

№ 2.

Копии в Лондон, Париж и Рим.

Правительства четырех союзных держав решили сделать болгарскому правительству — в случае, если оно готово выступить против Турции всеми своими вооруженными силами — следующее заявление: «1) Союзные державы согласны на [немедленное занятие и присоединение Болгарией Восточной Фракии] до линии Энос — Мидия, которая станет болгарским владением. 2) Союзные державы гарантируют Болгарии, по окончании войны, владение частью Македонии, ограниченной: а) на севере и западе линией Эгри-Паланка — Сопот на Вардаре — Охрида, со включением городов Эгри-Паланка, Кепрюлю, Охриды и Монастыря; б) на юге и на востоке нынешними границами сербо-греческой и сербо-болгарской. Обязательство это зависит от следующих условий: а) Сербия получит справедливые компенсации в Боснии, в Герцеговине и на Адриатическом побережьи; б) Болгария не сделает ника-

---

[1] Очевидно, пропущено: «...l'occupation immédiate et l'incorporation par la Bulgarie de la Thrace orientale...» (см. № 1).

кой попытки занятия какой бы то ни было части вышеуказанной территории до заключения мира. 3) Союзные державы обязуются оказать все свое влияние на эллинское правительство, чтобы обеспечить Болгарии уступку Кавалы. Для этого союзные державы должны быть в состоянии предложить Греции справедливые компенсации в Малой Азии, болгарская же армия должна выступить против Турции. 4) Союзные державы готовы содействовать переговорам, в которые Болгария и Румыния пожелали бы вступить, в целях урегулирования вопроса о Добрудже. 5) Союзные державы обязуются оказать Болгарии всю ту финансовую помощь, в которой она могла бы нуждаться». По указанию своего правительства российский посланник имеет честь довести предыдущее сообщение до сведения его превосходительства председателя совета, министра иностранных дел.

Савинский.

№ 39. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 588. 30/17 мая 1915 г.

Срочная.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 586 [1].

Сегодня английский и французский посланники сделали тождественное заявление Пашичу, который вкратце дал им тот же отрицательный ответ. Затем я был у него вторично. Беседа носила, как и вчера, самый дружеский характер. Ко всему уже сказанному он добавил, что решение держав означает торжество политики короля Фердинанда и австрийцев, и что, если бы он мог предвидеть нынешние требования, то подал бы в отставку по поводу «итальянского дела». По ходу разговоров я неоднократно обращал его внимание на постановку им вопроса исключительно на узко-сербскую почву и заметил, что его отказ не имеет оправдания. На это он возразил, что уступка Македонии означала бы неминуемую войну в близком будущем. В вопросе проведения договорной линии он сегодня пытался отстранить от себя всякую ответственность, говоря, что она была признана возможной Миловановичем, он же сам всегда считал ее недопустимой как в стратегическом, так и в этнографическом отношениях. Пашич был спокойнее, чем вчера, но еще упорнее, говоря, что не может подчиниться. Долг ему приказывает о создавшемся положении осведомить короля и регента, а затем уже дать окончательный ответ державам. Несомненно соглашение с Италией сильно огорчило чувство Пашича к державам и поколебало его положение в стране и армии. Отчасти поэтому ныне у него нехватает мужества отречься от своей политики балканских

[1] См. № 32.

войн, опасаясь быть сваленным в партийной борьбе[1]. Осмеливаюсь добавить, что выступление Болгарии при настоящих условиях для нас важнее вероятного ухода Пашича и возможного временного возбуждения в Сербии[2].

Штрандтман.

№ 40. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 85. **30/17 мая 1915 г.**

Копия в Ниш.

По секретным сведениям миссии, подтверждаемым сербским посланником, черногорское правительство, отказавшись под нашим воздействием от своего первоначального намерения держать особый отряд между Подгорицей и Никшичем для самостоятельных действий на западе или для занятия Скутари, ведет под рукой переговоры с Италией о совместных операциях на Адриатическом побережьи, причем итальянцами предположено устроить высадку... в Антивари. Повидимому... король Николай на-днях у заведующего[3] черногорским верховным командованием сербского делегата генерала Янковича выделение в собственное его величества распоряжение 10 000 отряда. Озабоченные этими сепаратистскими планами, посланник Михайлович и Янкович обращаются по телеграфу за поддержкой к своему правительству.

Обнорский.

---

[1] В деп. от 5 июня/23 мая за № 23 Штрандтман писал: «Если македонский вопрос для сербов сделался вопросом болезненного самолюбия, то для Пашича, создателя нынешней Сербии, он имеет исключительное значение не только с точки зрения личной, но и партийной. Поэтому об уходе Пашича, если бы таковой состоялся после выступления Болгарии, чрезмерно сожалеть не придется».

[2] 1 июня/19 мая Сазонов телеграфировал Штрандтману за № 2551, ссылаясь на №№ 586 и 588 последнего (см. №№ 32, 39): «Одобряю все сказанное вами Пашичу. Ваша оценка значения последствий возможной его отставки и выступления Болгарии — правильна. Никакого ответа державы на сделанное ими доверительно сообщение бесповоротного их решения не ожидают; тем не менее вам не следует уклоняться от дальнейших переговоров с Пашичем по этому вопросу».

[3] Так в оригинале.

№ 41. Старший секретарь дипломатической канцелярии при ставке поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 258 [1]. 30/17 мая 1915 г.

Для королевича Александра: «Если состояние дорог позволяет, то считаю начало вашего наступления своевременным. Генерал-адъютант Николай» [2].

Муравьев.

№ 42. Нота греческого посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 1207 [3]. 31/18 мая 1915 г.

La légation royale de Grèce d'ordre de son gouvernement a l'honneur de porter à la connaissance du ministère impérial des affaires étrangères ce qui suit:

«Le gouvernement royal hellénique est sûrement informé que, dans le désir de s'assurer la collaboration de l'armée bulgare, les grandes Puissances de l'Entente, ayant à cet effet entamé des pourparlers avec le Cabinet de Sofia, auraient le projet de lui promettre des compensations territoriales au détriment des autres Etats balkaniques et que pour ce qui concerne spécialement la Grèce, elles seraient disposées à faire à la Bulgarie la promesse d'agir auprès de la Grèce, pour satisfaire au dépens de l'intégrité territoriale de la Grèce les convoitises bulgares.

Le gouvernement royal hellénique faillirait à ses devoirs les plus sacrés, s'il ne s'empressait pas de formuler sur l'heure auprès des grandes Puissances de l'Entente les plus vives et les plus solennelles protestations contre l'atteinte qui serait ainsi jetée à l'indépendance et l'intégrité territoriale du royaume, en déclarant, en même temps, de la manière la plus formelle qu'entre la Grèce et la Bulgarie il n'y a et il ne saurait y avoir aucune question à régler au sujet de Kavala, qui est un territoire exclusivement grec acquis au royaume à la suite d'une guerre victorieuse et en vertu d'un titre légal, accepté par la Bulgarie,

---

[1] Лит. копия. Муравьев управлял дипл. канцелярией с 29/16 мая вследствие поездки Кудашева в Петроград и увольнения Базили от должности вице-директора дипл. канцелярии (Красн. арх., т. XXVII, стр. 24 — 25).

[2] 11 июня/29 мая Сазонов тел. за № 2734 передавал Кудашеву тел. Штрандтмана № 611 о том, что королевич Александр полагает возможным перейти Саву через 2 недели, т. е. около 23/10 июня, и что Артамонов разделяет это мнение.

[3] Лит. копия.

titre auquel nul ne saurait porter atteinte sans violer les principes fondamentaux du droit régissant les relations entre les nations civilisées.

Mais en formulant ces protestations, le gouvernement royal hellénique est convaincu que le projet, contre lequel il a l'impérieux devoir de s'élever préventivement, ne sera nullement réalisé. Il se refuse, en effet, de croire que les grandes Puissances de l'Entente, qui sont par tradition les protectrices de la Grèce, puissent jamais entreprendre quoique ce soit contre l'intégrité de son territoire. Il est de même persuadé, si fort que soit leur désir d'ab... er[1] la guerre et de s'assurer la victoire, qu'elles ne voudront chercher à se procurer un nouvel auxiliaire au prix de la spoliation d'un tiers et surtout d'un pays, qui, comme allié loyal d'un de leurs propres alliés, la Serbie, leur a rendu les plus signalés services, précisément contre l'Etat, dont il s'agirait maintenant de payer le concours»[2].

Перевод.

Греческая королевская миссия, по приказу своего правительства, имеет честь довести до сведения императорского министерства иностранных дел нижеследующее:

«Эллинское королевское правительство осведомлено из достоверного источника, что в стремлении обеспечить себе сотрудничество болгарской армии великие державы Антанты, начав с этой целью переговоры с софийским кабинетом, намерены обещать ему территориальные компенсации в ущерб другим балканским государствам, и, в частности, в отношении Греции, они готовы дать Болгарии обещание воздействовать на Грецию с целью удовлетворить за счет территориальной целости Греции болгарские вожделения.

Эллинское королевское правительство не исполнило бы свои самые священные обязанности, если бы оно не поспешило тотчас же предъявить великим державам Антанты самый горячий и торжественный протест против покушения, сделанного таким образом на независимость и неприкосновенность территории королевства, заявляя в то же время самым формальным образом, что между Грецией и Болгарией нет и не может возникнуть никакого подлежащего урегулированию вопроса по поводу Кавалы, являющейся исключительно греческой территорией, приобретенной королевством в силу победоносной войны и на законном, признанном Болгарией основании, на которое никто не может посягнуть, не нарушив основных принципов права, определяющего взаимоотношения между цивилизованными нациями.

Но, предъявляя этот протест, эллинское королевское правительство убеждено, что предположение, против которого оно имеет настоятельную обязанность заблаговременно выступить, отнюдь не будет осуществлено. Действи-

---

[1] Так в оригинале; повидимому, следует читать: «abréger».

[2] Документ этот (за исключением первого абзаца) опубл. E. Driault «Histoire Diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours» (Paris, 1926), V, pp. 191 — 192.

тельно оно отказывается верить тому, чтобы великие державы Антанты, являющиеся искони покровительницами Греции, могли когда бы то ни было предпринять что-либо против неприкосновенности ее территории. Оно равным образом уверено, что, как бы сильно ни было их желание [укоротить] войну и обеспечить себе победу, они не будут стремиться добыть себе нового союзника ценой ограбления третьей стороны, и особенно страны, которая, как лойяльный союзник их собственной союзницы Сербии, оказала им выдающиеся услуги именно против государства, содействие которого теперь преднолагается оплатить».

№ 43. Английский посол в Петрограде Бьюкенен статс-секретарю по иностранным делам Грею.

Телеграмма № 696 [1]. 31/18 мая 1915 г.

Secret.

Japanese Ambassador called to-day and told, after our conversation of yesterday he has discussed military situation with military attaché and that it caused him much anxiety. Russians had retired about 100 kilometers, and their losses could not be much under 175 000 men. There is no hope now they will be able to take serious offensive for some months, and he looks at a second winter campaign as almost inevitable. He believes allies should join simultaneously with a view to securing a closer cooperation, and he begged to consider he said as expressing his own personal view.

Japan, be continued, was England's ally, but though she did all she could to assist France and Russia, she is not officially their ally. Question of alliance was discussed at begin of war, but it had not be added be found favorable in London. I said I believed N. N. had not thought moment opportune for concluding such alliance, and that N. N. expressed view it would be better to await outcome of war. Japanese Ambassador told he thinks if Japan should cooperate in war she must enter alliance with three allied Governments. She would then be able to render Russian assistance of which she stood so much in need, I enquired whether he means that she would be prepared to send troops to Europe. His Excellency replied that staff considers this impossible, but as Russia's ally Japan would have certain obligations to fulfil. She may place country in state of war, mobilise its... s, and even place at Russia's disposition considerable quantity of guns and ammunition belonging to her own army. If however she made this latter sacrifice, Government would expect some promise of compensation to satisfy Japanese public opinion. I asked what will be the compensation, but beyond saying Russia was only country which could give it His Excellency will not more define.

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

With approval of Japanese Ambassador I went to see Mr. Sazonow and stated what former had said. His Excellency said he had always been in favour of including Japan in our alliance, but there had been apparently confusion between Tokio and London, and that one had thought other to be opposed to this idea. He hoped that you will now be able to clear up this confusion. Russia he said would give Japan money necessary for ... her... guns etc. and he could not understand other compensations Japanese Ambassador had in view. Latter he said was probably inclined to go farther than his Government was prepared to go certainly [1] will not telegraph whole what I said you. I then called Japanese Ambassador, and stated Mr. Sazonow was entirely in favour of Japan joining our alliance, but question of compensation had rather taken him by surprise. I then enquired what he wished me to do. He replied all he wished is an assurance that you will approve of idea of alliance, and that you will approve of idea of quadruple alliance, and you will support it with all your influence at Tokio. Some Japanese were of opinion such alliance may damage Anglo-Japanese Alliance to which they attach such great importance. If you gave him through me such assurances he will sound his Government privately and it would be better you should say nothing either at Tokio or to Japanese Ambassador London before he had ascertained what his Government was prepared to do. He is doubting, unless they could hold out some hope of compensation, his Government will be prepared to adopt the course which he had showed to me.

From what Mr. Sazonow said me about military situation he seemed to look at a winter campaign as almost certain. As general Williams communicates directly with Lord Kitchener, I do not receive his reports from headquarter, but N.N. expressed view on the subject ... were Japan able to furnish immediately sufficient guns to about 600 000 trained men who are at present disponible, whole situation in his opinion would be changed. General staff here hopes to place three new army corps in field every month if there are enough guns.

Перевод.

Секретно.

Сегодня посетил меня японский посол и сообщил, что после нашего вчерашнего разговора он обсудил положение с военным агентом; в результате он очень обеспокоен. Русские отступили на 100 километров, и их потери не могут быть

[1] Так в оригинале. Повидимому в тексте пропуск.

намного ниже 175 000 человек. В настоящее время нельзя надеяться на то, чтобы они могли в течение нескольких месяцев перейти в серьезное наступление, и он считает почти неизбежной вторую зимнюю кампанию. Он полагает, что союзники должны объединиться в целях обеспечить более тесное между собой сотрудничество, причем просит считать то, что он сказал, за выражение его личного мнения.

Япония, — продолжал он, — является союзницей Англии, но хотя она помогает всем, чем может, Франции и России, официально она не в союзе с ними. Вопрос о союзе обсуждался в начале войны, но к нему отнеслись в Лондоне неблагоприятно. Я сказал, что, повидимому, N. N. не счел момент для заключения подобного союза благоприятным и N. N. выразил мнение, что было бы лучше выждать результатов войны. Японский посол сказал, что в случае, если Япония должна сотрудничать в деле ведения войны, то ей необходимо заключить союз с тремя союзными правительствами. В этом случае она была бы в состоянии оказать России помощь, в которой последняя так нуждается. Я спросил, подразумевает ли он под этим посылку войск в Европу. Его превосходительство ответил, что главный штаб считает это невозможным, но, как союзница России, Япония должна будет выполнить некоторые обязательства. Она может перевести страну на военное положение, мобилизовать свои .... и даже предоставить в распоряжение России значительное количество ружей и снарядов, принадлежащих ее собственной армии. Если однако она принесет последнюю жертву, правительство будет рассчитывать на некоторую компенсацию для удовлетворения общественного мнения. Я спросил, что это будет за компенсация, но, помимо указания, что Россия является единственной страной, могущей ее предоставить, его превосходительство не захотел ее уточнить.

С согласия японского посла, я повидался с г. Сазоновым и передал ему то, что сказал мне японский посол. Его превосходительство сказал, что он всегда стоял за то, чтобы включить Японию в наш союз, но что, повидимому, произошло недоразумение между Лондоном и Токио, считающими друг друга противником этой идеи. Он надеется, что теперь вы будете в состоянии выяснить это недоразумение. Россия — сказал он, — могла бы уплатить Японии деньги за ...... ее ..... ружья и т. д., и он не понимает, какие другие компенсации японский посол имеет в виду. Последний, — сказал он, — вероятно, решился пойти дальше, чем его правительство [1], наверно не протелеграфирует всего того, что я сказал вам. После этого я зашел к японскому послу и сказал, что г. Сазонов стоит вполне за то, чтобы Япония присоединилась к нашему союзу, но что вопрос о компенсациях его несколько озадачил. После этого я его спросил, что он желает, чтобы я сделал. Он ответил: все, что он желает, это знать, что вы одобрите мысль о Четверном союзе и что вы поддержите ее всем вашим влиянием в Токио. Некоторые японцы полагают, что подобный союз может причинить ущерб англо-японскому союзу, которому они придают такое большое значение. Если вы дадите ему через меня подобное заверение, то он частным образом осведомится о точке зрения своего правительства, и было бы всего лучше, чтобы вы ничего не говорили ни в Токио, ни японскому послу в Лондоне, пока он не выяснит, что его правительство собирается делать. Он сомневается, что его

[1] Дальше неясность в англ. тексте.

правительство, без предоставления ему некоторой надежды на компенсацию, было бы склонно усвоить линию поведения, которую он мне указал.

Из того, что мне сказал г. Сазонов о военном положении, следует, что он повидимому, считает зимнюю кампанию почти несомненной. Так как генерал Вильямс сносится непосредственно с лордом Китченером, я не получаю его донесений из главной квартиры, но N. N. высказался по этому поводу .... если бы Япония оказалась в состоянии доставить немедленно достаточно ружей приблизительно для 600 000 обученных солдат, которые имеются теперь налицо, то, по его мнению, все положение могло бы измениться. Здешний главный штаб надеется выводить на фронт ежемесячно по три новых корпуса, если только будет достаточно ружей.

№ 44. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 2550. 1 июня/19 мая 1915 г.

Секретно

Сообщается в Париж и Лондон.

Для вашего сведения и руководства.

Греческий посланник передал мне словесную ноту [1] с протестом его правительства против обещания державами Болгарии Кавалы, слух о коем дошел до Афин. Нота заканчивается выражением надежды, что державы не посягнут на целость земель, принадлежащих «верному союзнику их же собственного союзника» — Сербии. Действительно в целях привлечения Болгарии к совместным военным действиям против Турции, Радославову было 29/16 сего месяца заявлено, что «Les Puissances alliées s'engagent à employer tous leurs efforts auprès du gouvernement hellénique pour assurer la cession à la Bulgarie de Kavala» [2].

Я сказал Драгумису, что мы главным образом озабочены установлением после войны прочного мира на Балканах и в этих целях ожидаем, что Греция, взамен широкого осуществления своих народных стремлений на Малоазиатском побережьи, которое ей обеспечат державы, — возвратит Болгарии часть того, что последняя потеряла по Бухарестскому договору. Получение по окончании войны значительных выгод может быть предоставлено отдельным государствам взамен и в мере тех жертв, которые каждое из них будет нести на пользу общего дела.

Особенно неубедительной представляется ссылка на «верного союзника» Сербии. В то время, когда последняя стояла на краю по-

[1] См. № 42.

[2] «Союзные державы обязуются оказать все свое влияние на эллинское правительство, чтобы обеспечить Болгарии уступку Кавалы». Ср. № 38.

гибели, Греция не сочла нужным поспешить ей на помощь и вспоминает о существовании договора, только поскольку таковой может дать выгоды лично ей [1].

№ 45. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 386 [2]. 1 июня/19 мая 1915 г.

Je viens de voir Lord Crewe pour la première fois au ministère des affaires étrangères [3]. Crewe me dit que la veille il avait reçu du ministre grec une notice contenant sous forme diplomatique une plainte sérieuse contre des promesses qui auraient été faites à Bulgarie, une protestation, que vous auriez reçue aussi [4]. Il ajouta que dans son opinion il fallait donner des éclaircissements au gouvernement grec, que cela lui paraissait légitime et aussi plus prudent. Il croit que le document qui lui a été remis est destiné à être publié en vue élections [5], mais que cette circonstance n'en rendrait situation que plus délicate. Il me dit qu'il expédiait un télégramme à ce sujet à Buchanan pour vous être communiqué. Je fis observer à Crewe qu'au mieux il fallait s'attendre à ce que Grèce demande renseignements exactes sur compensations qu'on lui réservait. Crewe me répondit: — Smyrne, mais que le Hinterland ne pourrait jamais atteindre les proportions auxquelles s'attendait Vénizélos. Il admit que c'était là une difficulté à laquelle il faudra réflêchir.

Confidentiellement. Je vis Nicolson après Crewe. Il me dit qu'une communication à la Grèce était selon lui nécessaire et inévitable, mais qu'il s'agissait des élections et que peut-être on pourrait donner une réponse immédiate sans entrer en détails qui seraient promis pour plus tard, après élections. Il me fit observer que Grèce se plaignait qu'on êut disposé de Kavala par dessus sa tête, mais que ceci n'est en réalité pas le cas, attendu que les Puissances avaient promis leur appui diplomatique qui n'excluait pas pour la Grèce le droit de formuler ses arguments

---

[1] В тел. Демидова от 1 июня/19 мая за № 185 сообщалось о высказанной Политисом угрозе опубликовать греч. ноту от 31/18 мая (см. № 42) в том случае, если державы не откажутся от своего проекта отчуждения греч. территории. Демидов указывал, что союзные посланники склоняются к тому, чтобы отложить ответ, поскольку общие выборы должны состояться в течение ближайших двух недель.

[2] Опубл. Р. Ав. Т., стр. 136, № 42.

[3] С 27/14 мая Крю — лорд председатель Тайного Совета. (В мае Грей на 6 недель уехал лечиться — Grey, II, p. 246.)

[4] См. № 42.

[5] Выборы назначены были на 13 июня/31 мая.

et faire valoir ses postulata à la paix. Nicolson pense qu'on peut nier avoir disposé de Kavala par dessus la tête de la Grèce, mais il ajouta que c'est son opinion personnelle[1]. J'ai trouvé Crewe et Nicolson fort préoccupés de la situation en Grèce, et, à un moindre degré, en Serbie aussi. Crewe à la fin de notre entretien avait insisté sur l'importance de l'entrée en action de la Roumanie, en ajoutant que les conditions regardaient en premier lieu la Russie.

Benckendorff.

Перевод.

Я только-что виделся в первый раз в министерстве иностранных дел с лордом Крю. Он мне сказал, что, накануне получил от греческого посланника записку, заключающую в дипломатической форме серьезную жалобу по поводу обещаний, данных Болгарии. Этот протест вы, вероятно, тоже получили. Он добавил, что, по его мнению, следовало бы дать объяснения греческому правительству, что это ему представляется правомерным, а также более осторожным. Он думает, что переданный ему документ должен служить для выборов, но это делает положение лишь более щекотливым, и сказал мне, что по этому поводу он посылает телеграмму Бьюкенену для передачи вам. Я заметил Крю, что было бы целесообразнее дождаться запроса от Греции о точном определении компенсаций, которые ей предназначены. Крю мне ответил: «Смирна», но что хинтерланд никогда не мог бы достигнуть размеров, которых ожидает Венизелос. Он согласился с тем, что в этом кроется затруднение, о котором следует подумать.

Доверительно. После Крю я зашел к Никольсону. Последний мне сказал, что сделать сообщение Греции, по его мнению, необходимо и неизбежно, но дело идет о выборах, и, быть может, следовало бы дать немедленно ответ, не входя в подробности, передача которых была бы обещана на позднейшее время — после выборов. Он мне заметил, что Греция жалуется на то, что распорядились Кавалой помимо нее, но в действительности это не так, раз державы обещали свою дипломатическую поддержку, которая не исключает для Греции права изложить свои доводы и выставить свои пожелания при заключении мира. По мнению Никольсона, можно отрицать, что Кавалой распорядились помимо Греции, но, как он добавил, это его личное мнение. Я нашел, что Крю и Николь-

[1] Согласно тел. Бенкендорфа от 31/18 мая за № 385, по мнению Никольсона' «лучше всего было бы известить греческое правительство, что дипломатическая поддержка обещана Болгарии в том случае, если Греция в результате своего сотрудничества с союзниками получит в Малой Азии законные и достаточно широкие компенсации».

Аналогичное пояснение греч. прав-ву предлагал дать, согласно тел. Извольского от 2 июня/20 мая за № 362, и Делькассе, добавляя при этом, что «заявление это однако должно быть сделано еще до окончания греческих выборов, ибо иначе оно может служить греческому правительству оружием против Венизелоса».

сон весьма озабочены положением дел в Греции, а также, в меньшей мере, и в Сербии. Крю, заканчивая наш разговор, настаивал на важном значении выступления Румынии, добавляя, что условия его прежде всего затрагивают Россию.

Бенкендорф.

№ 46. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 2587. 2 июня/20 мая 1915 г.

Хотя румынское правительство и старается уверить, что недавнее заявление Франции [1] касательно сентябрьского русско-румынского соглашения не произвело на него впечатления, я имею основание думать, что в действительности дело обстоит иначе, и что французское заявление было [2] полезно. Это заставляет меня тем более желать, чтобы Англия, в свою очередь, сделала скорее в Бухаресте подобное же заявление, которое подчеркнуло бы тождественность отношения и великобританского правительства к вопросу о возможности для Румынии рассчитывать на земельные приращения в будущем. Благоволите высказаться в этом смысле перед министром иностранных дел и вызвать соответствующие указания английскому представителю в Бухаресте.

Сазонов.

№ 47. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

2 июня/20 мая 1915 г.

За отсутствием министра французский и английский послы посетили барона Шиллинга, причем г. Палеолог передал содержание своего разговора накануне с румынским посланником. Повидимому, г. Диаманди выказывал некоторую нервность ввиду того, что державы как будто воздерживаются от дальнейших переговоров с Румынией. Он особенно сетовал, по словам французского посла, на Англию, говоря, что она поддерживает в русских несговорчивость и слишком близко принимает к сердцу интересы сербов в Банате.

Английский посол в свою очередь сообщил, что накануне у него также был румынский посланник, который в разговоре с ним сильно бранил Францию, обвиняя ее в неудачном для румын обороте ведущихся переговоров.

---

[1] См. №№ 16, 23.

[2] Далее зачеркнуто слово: «очень».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 20.

Обоих послов Диаманди старался уверить, что в случае принятия румынских требований, Румыния выступит «немедленно».

По этому поводу барон Шиллинг высказал сомнение в основательности утверждения румынского посланника. Барону Шиллингу, наоборот, представляется, что румыны стремятся только заручиться нашим согласием на удовлетворение их требований с тем, чтобы потом, под всякими предлогами, отсрочить свое выступление. По всем вероятиям, они начнут с того, что по заключении политического соглашения, потребуют предварительного соглашения военного, причем как присылка румынского уполномоченного в ставку, так и ведение там переговоров, и, наконец, вопрос о пополнении боевых припасов даст им целый ряд удобных предлогов для затягивания дела, на которое потребуется не менее нескольких недель.

№ 48. Временное положение об управлении Константинополем и примыкающими к нему областями Турции, занятыми по праву войны [1].

§ 1.

Управление Константинополем, его районом и примыкающими к нему областями Турции осуществляется от имени оккупирующих держав назначенными ими главноуполномоченными.

§ 2.

Главноуполномоченным принадлежит право издавать указы по всем частям гражданского управления.

Они назначают и увольняют всех высших должностных лиц гражданского управления, руководят их деятельностью и, в частности, осуществляют высший надзор за оттоманскими властями и установлениями, сохранение коих на время оккупации они признают возможным.

§ 3.

Решения главноуполномоченных принимаются единогласно. В случае разделения голосов дело передается на разрешение правительств трех оккупирующих держав.

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 355, № 319. На оригинале имеется помета карандашом: «Редакция, выработанная князем Трубецким и бароном Нольде [2 июня] 20 мая 1915 г.».

§ 4.

При главноуполномоченных состоит совет гражданского управления.

В совет гражданского управления входят начальники управлений внутренних дел, юстиции и финансов.

Председательство в совете принадлежит начальнику управления внутренних дел.

§ 5.

Распределение дел между начальниками управлений определяется указами главноуполномоченных.

§ 6.

Все меры управления, кои имеют общее значение или касаются двух или нескольких министерств или управлений, предварительно доклада главноуполномоченным, обсуждаются в совете гражданского управления. Могущие последовать в совете разногласия разрешаются главноуполномоченными.

§ 7.

Константинополь и его район разделяются на три сектора, из коих каждый занимается войсками одной из оккупирующих держав.

Во главе местного гражданского управления каждого сектора стоит военный губернатор, назначаемый главноуполномоченным того правительства, войска коего занимают сектор, по соглашению с начальником отряда оккупирующих войск.

По делам гражданского управления военные губернаторы секторов подчиняются начальнику управления внутренних дел и через его посредство главноуполномоченным держав.

§ 8.

Права и обязанности военных губернаторов секторов определяются указами главноуполномоченных держав.

§ 9.

Ведению военных судов каждой из оккупирующих держав подлежат совершаемые в пределах ее сектора нижеследующие преступные деяния:

1) бунт против верховной власти, преступные деяния против глав союзных государств, государственная измена и противодействие правосудию;

2) сопротивление властям и нападение на чинов армии и флота союзных держав или сопротивление им, или оскорбление их при исполнении или по поводу исполнения ими обязанностей службы;

3) составление злонамеренных шаек;

4) убийство, покушение на убийство, нанесение ран и увечий и тяжких побоев должностным лицам, равно чинам войска и полиции при исполнении ими или по поводу исполнения ими обязанностей службы;

5) совершенные по политическим убеждениям убийства, разбои, поджоги, а равно истребление и повреждение чужого имущества взрывом пороха, газа или легко воспламеняющихся веществ, или покушения на сии преступления;

6) учинение скопищем нападений или вторжений, сопровождавшихся убийством, нанесением ран, побоев или поджогами;

7) умышленное повреждение железных дорог, телеграфов или телефонов, а также покушения на сии преступления;

8) изготовление, приобретение, хранение, ношение и сбыт без надлежащего разрешения оружия, взрывчатых веществ и снарядов.

Главноуполномоченным предоставляется, по соглашению с начальниками отрядов, распространять ведомство военных судов и на иные, кроме перечисленных в пунктах 1—8 сего параграфа, преступные деяния.

Военным судам сектора принадлежит разбирательство всех означенных в предыдущих частях сего параграфа преступных деяний, независимо от подданства обвиняемого. Однако подданные одной из оккупирующих держав, совершившие преступные деяния в пределах сектора, занимаемого чужими войсками, при производстве предварительного следствия или дознания, передаются для суда военным властям своей национальности.

§ 10.

Губернаторы секторов обязаны содействием всеми предоставленными в распоряжение их средствами к удовлетворению потребностей оккупирующих войск и к облегчению сношений между войсками и местными властями и населением[1].

---

[1] В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4199, имеется еще два варианта «Положения о временном управлении Константинополем»: 1) франц. текст с пометой: «От-

№ 49. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 387. 2 июня/20 мая 1915 г.

Crewe m'écrit billet personnel. Se référant à entretien d'hier, il me dit qu'après avoir examiné à neuf texte protestatien grecque il avait, au sujet d'une réponse immédiate, modifié sa première opinion qui avait été de mettre gouvernement grec au courant de toutes les promesses faites à Bulgarie. Aujourd'hui il pense qu'il vaudrait mieux se borner à répondre au gouvernement grec qu'il n'était pas exact que Puissances avaient intention ou avaient pris engagements de céder Kavala over their heads et de remettre à plus tard une réponse plus complète. Crewe a ajouté qu'il a en vue les élections en Grèce le 13 et qu'il faudrait éviter toute réponse qui serait de nature à les compromettre[1]. C'est ce qu'il télégraphie à Buchanan et à Bertie. Confidentiel. Il s'en suit que Crewe a adopté opinion que Nicolson me formulait hier comme vous l'ai télégraphié[2].

Benckendorff.

Перевод.

Крю прислал мне личную записку. Ссылаясь на вчерашний разговор, он мне пишет, что, вновь изучив текст греческого протеста, он изменил по поводу немедленного ответа свое первоначальное мнение, которое сводилось к сообщению греческому правительству всех обещаний, данных Болгарии. Теперь он полагает, что было бы лучше ограничиться заявлением греческому правительству, что неверно, будто державы имеют намерение или приняли обязательство вопреки ему уступить Кавалу, и отложить на позднейшее время более подробный ответ. Крю добавил, что он имеет в виду греческие выборы, назначенные на 13-е число и что следовало бы избежать всякого ответа, который мог бы испортить их. В этом смысле он телеграфирует Бьюкенену и Берти. Доверительно. Из этого вытекает, что Крю присоединился к мнению, которое вчера высказал мне Никольсон, как я вам об этом телеграфировал.

Бенкендорф.

правлено в Париж по телеграфу [11 сентября] 29 августа 1915 г., № 4455» и 2) русский текст без даты (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 365). Между этими двумя текстами, почти дословно совпадающими, и публ. документом нет существенного расхождения.

[1] Тел. Нератова от 2 июня/20 мая за № 2573 Демидову передавалось, что франц. и великобр. послы от имени своих прав-в просили Нератова не поручать Демидову официально ответить на греч. ноту, «дабы противники Венизелоса не могли использовать наш ответ во враждебных для союзников целях».

[2] См. № 45.

№ 50. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 361. 2 июня/20 мая 1915 г.

Секретно.

Копии в Лондон и Рим.

Делькассе сказал мне, что, по сведениям из Ниша, сообщение о заявлениях союзных держав болгарскому правительству произвело удручающее впечатление на Пашича, который грозит подать в отставку. По мнению Делькассе, следовало бы постараться успокоить Пашича, сообщив ему, с согласия римского кабинета, точные сведения о будущих приобретениях Сербии на Адриатическом побережьи, а также поставить его в известность об усилиях, прилагаемых союзными державами, дабы защитить Сербию от чрезмерных притязаний Румынии в Банате.

Извольский.

№ 51. Посланник при святейшем престоле министру иностранных дел.

Депеша № 18. 2 июня/20 мая 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По получении письма вашего высокопревосходительства от [13 апреля] 31 марта с. г. за № 56 п.[1] я не преминул воспользоваться первым свиданием с кардиналом статс-секретарем, чтобы изложить ему причины, вследствие коих, по мнению императорского правительства, не представлялось возможным допустить в пределах империи чтение молитвы о ниспослании мира, составленной папой.

Я старался наилучшим образом использовать соображения, приведенные по этому поводу г. министром внутренних дел, но остался под ясным впечатлением, что доводы мои не показались кардиналу убедительными.

«Очень сожалею о таковом решении императорского правительства, — сказал он мне приблизительно, и притом без той резкости выражений, к коей охотно прибегал кардинал Мерри дель Валь, — но совершенно не понимаю, отчего общее патриотическое настроение могло бы быть нарушено испрошением у бога скорейшего возвращения благ мира и прекращения бедствий войны. Победа зависит от единого бога, и мы не претендуем вмешиваться в его решения, так что

[1] Упоминаемое в тексте публикуемого документа письмо в арх. б. м-ва ин. дел не обнаружено.

всякий, прося мира, может представлять его себе как ему угодно, как то и разъяснили французские епископы». Мне пришлось ограничиться оговоркой, что французские епископы решились взять на себя таковые объяснения папской молитвы и уже post factum получили одобрение его святейшества, наши же епископы не были в состоянии так поступить.

Я не могу судить, насколько было бы глубоко и будет продолжительно то несомненно неблагоприятное впечатление, которое произвело мое сообщение, и насколько оно отзовется на общем отношении Ватикана ко всему происходящему в России. Но, принимая во внимание, что для чтения папской молитвы в России был допущен — и не без моего участия (моя депеша от 22 января/4 февраля, за № 5[1] — весьма поздний срок, когда определился бы уже характер влияния этой молитвы на настроение населений в других государствах, я не могу не высказать мнения, что департаментом духовных дел иностранных исповеданий был в этом вопросе упущен прекрасный случай осуществить начала полной веротерпимости, провозглашенной манифестами 1905 г., и на несоблюдение коих так часто сетует Ватикан, на деле доказать, что преданность католической церкви не препятствует никому быть верным сыном России и наоборот, — одним словом, наглядно и положительным актом — молитвою — проявить то «единение всех подданных его величества без различия религии и национальности», о необходимости коего в текущую историческую минуту упоминается в письме[2] вашего высокопревосходительства.

Примите и пр.

Нелидов.

№ 52. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Письмо. **2 июня/20 мая 1915 г.**

М. г. Сергей Дмитриевич,

Выступление Италии не повлекло за собой перемены в нейтралитете Швеции.

Тем не менее считаю долгом поделиться с вашим высокопревосходительством теми тревожными мыслями, которые не перестают осаждать меня за последнее время.

Как я неоднократно доносил вам в телеграммах и письмах[3], за со-

---

[1] См. т. VII, № 131.

[2] См. стр. 71, прим. 1.

[3] Тел. от 31/18 мая за № 151, а также см. т. VII, № 762.

хранение Швециею нейтралитета ратуют благоразумие нынешнего кабинета, настроение большинства риксдага и нескрываемое отвращение к войне со стороны рабочей партии, большей части сельского населения, промышленников, купцов и финансистов.

Но рядом с этим невозможно упускать из виду настойчивой агитации сторонников и друзей Германии и их стараний вовлечь свою родину во что бы то ни стало в войну с Россией.

Эта воинственная партия обнимает собой шведский двор, аристократию, огромное большинство офицеров и весь генералитет, значительную часть лютеранского духовенства, среднее чиновничество, литературные и интеллектуальные круги и всю консервативную печать. Все эти общественные сферы верят в окончательную победу Германии; все они считают таковую победу единственным обеспечением целости и независимости Швеции против неминуемых русских поползновений; все они глубоко и искренно проникнуты культурными и племенными симпатиями к германскому народу, убеждены в его нравственном превосходстве и лучезарной будущности. И не излишне заметить, что если увлечение германской империею, ее строем и идеалами не разделяется противной партией сторонников мира и нейтралитета, — партией, среди коей живы и часто проявляются симпатии к Франции и Англии, — то другие доводы сторонников войны, а именно страх перед Россией и уверенность в непобедимости Германии, принимаются почти поголовно всем шведским народом.

Самой влиятельной и опасной частью партии войны является, очевидно, шведское офицерство, с генералитетом во главе.

Нынешний кабинет, как известно, представляет собой прежде всего правительство государственной обороны (försvar); оно призвано было королем в начале 1914 года с нарочитой целью провести реформу усиления и готовности шведских сухопутных и морских сил. Шведская военная партия не преминула использовать как это положение правительства, так и исключительные события европейской войны. Она выговорила и у «риксдага обороны», и у нынешнего риксдага возможно широкую программу увеличения и вооружения армии и флота путем ассигнования необходимых сумм и принятия риксдагом последовательного ряда узаконений. И программа эта проводится шведским военным ведомством неукоснительно. Чуть не ежедневно принимаются и становятся известными новые меры, принимаемые для обеспечения боевой готовности шведских войск. Если мы будем разбирать каждую из этих мер в отдельности, то ни одна из них не выходит

из рамок принятых и узаконенных решений риксдага, ни одна не выходит из законной нормы и не имеет исключительного характера, но общий результат тот, что шведская армия приведена в полную готовность, что она может отныне в две-три недели представлять собой до 250 000 вполне готового к выступлению и обладающего значительным снаряжением войска (не считая ландштурма) и что в частности на самой границе нашей расположена одна полная дивизия шведских войск, не считая ополчения и крепостных гарнизонов.

Кроме того, за последнее время нельзя не заметить в здешней прессе нового подъема финляндского вопроса. Здешние эмигранты-финляндцы снова и всячески стараются обратить внимание и сочувствие шведского общественного мнения на мнимые бедствия и опасности своей родины, на ее «руссификацию» и т. д. И, сравнивая эти проявления с тем, что печатается по тому же предмету в германской прессе, становится очевидным, что в Берлине начинают интересоваться подогреванием финляндской агитации.

Несмотря на расточаемые мне с разных сторон заверения и успокоения, меня неотвязчиво преследует мысль, что в известную минуту военная готовность может послужить для воинственной партии искушением, с одной стороны, и доводом — с другой. Допустим, чего боже упаси, что германское наступление в нашем Прибалтийском крае увенчается успехом, что Рига, например, и часть Лифляндии заняты будут неприятелем. Тогда для Германии может действительно явиться интерес вызвать наступление Швеции. Натравливаемая из Берлина шведская военная партия в таком случае, конечно, должна будет прибегнуть к известному внутреннему насилию. Ей придется преодолеть нерешительность короля, убедить его расстаться с нынешним кабинетом и распустить риксдаг, без согласия коего нельзя ни объявить войны, ни созвать ополчения. Но мы видели уже в начале 1914 года, как Свен Хедин и его сообщники подготовили демонстрацию тридцати тысяч крестьян перед королевским дворцом, падение либерального кабинета и избрание «риксдага государственной обороны». Кто может поручиться, что в случае роспуска нынешнего благоразумного риксдага, тем же агитаторам не удастся, пользуясь обострением всеобщей нервности, провести такие выборы, при коих большинство нового риксдага окажется за войну. И тогда шведская аристократическая и военная партия, ничем уже не сдерживаемая, и имея в руках готовое орудие армии и флота, не преминет ринуться в безумное предприятие войны с Россией, возобновляя исторические предания 1741, 1788 и 1809 годов.

Я должен здесь оговориться, что мои коллеги, французский и английский, не разделяют в настоящую минуту моих опасений. Согласно тому, что было условлено между нами, они оба на этих днях беседовали с некоторыми выдающимися лицами либеральной и социал-демократической партий, дабы внушить им необходимость бдительнее наблюдать за происками военной партии и заранее заготовить, если нужно, отпор всякому насильственному обороту шведской внутренней и внешней политики. Как г. Стааф, так и другие заверили г. Тьебо и г. Говарда, что аристократическая и военная партии никоим образом не могут рассчитывать на успех своей агитации; что ни один из выдающихся членов консервативной партии в обеих палатах риксдага и не решится взять на себя сформирование нового министерства; что партия эта продолжает и будет волей-неволей продолжать следовать за нынешним кабинетом, который, в свою очередь, вполне понимает, насколько мысль о войне претит широким слоям шведского народа.

Что же касается финляндского вопроса, то, в сущности, шведское общественное мнение заинтересовано им только косвенно, и во всяком случае финские жалобы никоим образом не могут увлечь шведский народ к военному выступлению.

Все это совершенно верно, и я сам вполне спокоен за ближайшее будущее, тем более, что никакая партия и не помыслит о вовлечении Швеции в войну ранее окончания летних земледельческих работ — жатвы и осеннего посева, т. е. ранее конца августа нашего стиля.

Но все таки я не могу еще поручиться за дальнейшее будущее и, с точки зрения охранения мира на шведско-финской окраине, горячо желал бы, чтобы наши войска продолжали в пределах Курляндии и Ковенской губернии свои доблестные успехи в отражении и преследовании неприятеля.

Заключая эти строки, я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство не придавать преувеличенного значения моим опасениям. Во всем вышеизложенном нет никаких недомолвок, и все, что я говорю, представляет собой крайнее выражение моих забот.

Самым опасным было бы с нашей стороны предпринимать какие бы то ни было военные меры на севере Финляндии. Это было бы именно дать оружие в руки шведской воинствующей партии и прямо-таки вызвать выступление Швеции [1].

---

[1] Пам. запиской от 3 июня/21 мая за № 59 англ. пос-во в Петрограде сообщало м-ру ин. дел содержание тел. англ. посланника в Стокгольме Говарда о военных приготовлениях Швеции на финл. границе и об опасениях, высказанных по этому поводу Неклюдовым. Передавая заявление Стаафа о невозмож-

Я не думаю также, чтобы политическое положение Швеции оправдывало бы и излишнее сосредоточение в Южной Финляндии наших войск, которые могли бы быть полезны на других фронтах.

Но, быть может, своевременным и уместным было бы озаботиться заранее возведением таких оборонительных укреплений в средней, изборожденной к тому же озерами Финляндии, которые при первой опасности могли бы быть снабжены и орудиями и войском [1].

Примите и пр.

Неклюдов.

№ 53. Памятная записка министерства иностранных дел румынскому посланнику в Петрограде Диаманди [2].

3 июня/21 мая 1915 г.

Copie aux ambassadeurs de France, d'Angleterre, d'Italie.

Mr. Diamandi ayant déclaré, au nom de son gouvernement [3], que la Roumanie est disposée à céder à la Bulgarie une partie de la Dobroudja jusqu' àla ligne Dobritch — Baltchik, le gouvernement impérial a pris acte avec plaisir, de cette déclaration espérant que ces bonnes dispositions aideront à consolider les rapports de bon voisinage, entre la Roumanie et la Bulgarie.

Pour ce qui concerne les territoires que la Roumanie pourrait obtenir si elle entrait en guerre, sans délai, contre l'Autriche-Hongrie, Mr. Sazonow a le regret de constater, que le gouvernement roumain ne fait pas suffisamment droit au principe des nationalités que, par ailleurs,

ности для «военной» партии сменить неугодный им кабинет, Говард так же, как и его франц. коллега, выражал уверенность в том, что в настоящий момент нет достаточного повода опасаться выступления Швеции, тем более, что вследствие объявления войны Италией, воинственные настроения швед. офицерства сильно понизились. Кроме того, Говард выражал опасения, что «концентрация русских войск в Финляндии» может «воспламенить» швед. общественное мнение и приведет к нежелательным результатам.

[1] В письме нач. штаба командующего VI армией на имя и. д. нач. ген. штаба от 8 июня/26 мая за № 6076, указывалось, что «главнокомандующий, вполне присоединяясь к мнению о нежелательности давать повод Швеции к вмешательству, приказал сообщить, что в этом направлении до настоящего времени в Финляндии не производилось никаких значительных перегруппировок или усилений войск». (Это письмо было препровождено Нератову 11 июня/29 мая при письме Беляева за № 6084.)

[2] Тел. от 4 июня/22 мая за № 2612 публикуемый в тексте документ был сообщен Поклевскому.

[3] См. №№ 6 и 7.

il invoque lui-même pour justifier ses aspirations. A ce point de vue l'abandon par la Roumanie de ses revendications pour ce qui touche la région de la haute Tisza ne peut résoudre la question, car, en dehors de cette région fort limitée, le gouvernement roumain continue à réclamer de vastes territoires habités par une incontestable majorité russe ou serbe.

Désirant cependant donner une preuve de ses dispositions conciliantes, bien qu'il n'ait pas encore reçu du gouvernement roumain une réponse à son aide-mémoire du [14] 1 mai [1], le gouvernement impérial serait pour sa part, prêt à apporter quelques amendements à la ligne frontière tracée dans cet aide-mémoire, notamment pour ce qui concerne la partie nord-est du comitat de Torontal ainsi que de Bukovine, où la ligne du Sereth pourrait, à la rigueur être substituée à celle de la Suczawa, mais il faudrait pour cela que le gouvernement roumain, de son côté, se montre réellement animé du désir d'aboutir à un accord sur une base, équitable en tenant compte de devoirs que la Russie et la Serbie ont chacune vis-à-vis de leurs nationaux respectifs [2].

Перевод.

Копия послам Франции, Англии и Италии.

Г. Диаманди заявил от имени своего правительства, что Румыния готова уступить Болгарии часть Добруджи до линии Добрич — Балчик; императорское правительство с удовольствием приняло к сведению это заявление в надежде, что эти хорошие намерения помогут укреплению добрососедских отношений между Румынией и Болгарией.

Что касается территорий, которые Румыния могла бы получить, если вступит безотлагательно в войну против Австро-Венгрии, то г. Сазонов, к сожалению, должен констатировать, что румынское правительство не считается в достаточной мере с принципом национальностей, на который, с другой стороны, само ссылается для оправдания своих притязаний. С этой точки зрения отказ Румынии от своих требований касательно района Верхней Тиссы не может разрешить вопрос, так как, помимо этого, весьма незначительного по размерам района, румынское правительство продолжает предъявлять притязания на обширные территории, населенные бесспорным большинством русской или сербской национальности.

---

[1] См. т. VII, № 757.

[2] Тел. от 4 июня/22 мая за № 2624 Сазонов сообщал послам в Париже, Лондоне и Риме о передаче Диаманди публикуемой пам. записки с пояснением, что «хотя несговорчивость Братиану оставляет мало надежды на возможность достигнуть соглашения с Румынией», но он стремится к тому, «чтобы нельзя было упрекнуть Россию в разрыве переговоров оставлением без ответа последнего румынского предложения».

Желая тем не менее доказать свое стремление притти к соглашению, хотя и не получив еще ответа от румынского правительства на свою памятную записку от [14] 1 мая, императорское правительство было бы со своей стороны готово внести некоторые изменения в пограничную линию, намеченную в его памятной записке, именно в отношении северо-восточной части Торонтальского комитата, а равно Буковины, где линия Серета могла бы в крайнем случае заменить линию Сучавы, но для этого было бы нужно, чтобы румынское правительство со своей стороны выказало искреннее желание притти к соглашению на справедливых основаниях, считаясь с обязательствами, которые имеют Россия и Сербия в отношении лиц их национальности.

№ 54. Английский посол в Петрограде министру иностранных дел.

*/. Письмо. 3 июня/21 мая 1915 г.

Personal.

My dear Sazonow,

As I do not wish to discuss the question before Paléologue, I am sending you this private letter.

As I told you this afternoon I received a telegram from Grey on Sunday instructing me to discuss with you the question of further concessions to Roumania. I did not act on that telegram and explained my reasons for not doing so in a telegram which I sent to Grey.

He replied that he quite understood the delicacy of the situation and that he left it to my discretion to chose the moment that I considered the most opportune for speaking. I am not even now making an official communication; but, as I think that you ought to know his views, I will briefly summarise his telegram:

«The immediate cooperation of the Balkan States is of immense importance. It will enable Russia to throw back the German advance in Galicia and it will ensure our early success in the Dardanelles. Without them it will perhaps be months before either we or the Russians can succed in accomplishing our respective tasks.

I am very reluctant to press Mr. Sazonow to abandon his present attitude, with which I have hitherto been in perfect agreement, but time is of essential importance and the military situation is not reassuring. By meeting Roumanian aspirations Russia would render certain the acquisition of Constantinople and would obtain other compensations or her sacrifices.

You should therefore discuss these considerations with Mr. Sazonow and inquire whether he could not agree to cede to Roumania the Bukovina up to the Pruth and the Banat with the exception of the South Western zone necessary for the defense of Belgrade and Semlin in return

for an undertaking on her part to restore the Dobrudja to Bulgaria and to enter the war at once. The sacrifice would, I am convinced, be well worth while».

I believe that, if we were to promise Roumania the Pruth and the coveted town of Czernowitz she would not press her claim to the Maramaros to the portion of the Banat opposite Belgrade. I should not have approched you even unofficially on the subject, were I not seriously disquieted by the outloock in Galicia, and by the possibility of your having to abandon Lwow.

Please do not allude to this letter before Paléologue.

Sincerly yours

Buchanan.

Перевод.

Лично.

Дорогой Сазонов,

Не желая обсуждать вопрос в присутствии Палеолога, я посылаю вам это частное письмо.

Как я говорил сегодня днем, я получил в воскресенье от Грея телеграмму, дающую мне указание обсудить с вами вопрос о дальнейших уступках Румынии. Я не предпринял шагов, предписанных мне этой телеграммой, и объяснил Грею причину этого по телеграфу.

Он ответил, что вполне отдает себе отчет в щекотливости положения и предоставляет на мое усмотрение выбор момента, который я счел бы наиболее подходящим для этого разговора. Я даже и теперь не делаю вам официального сообщения, но, так как полагаю, что вы должны знать его точку зрения, то я вкратце передам сущность его телеграммы:

«Безотлагательное содействие балканских государств имеет громадное значение. Оно даст возможность России отразить германское наступление в Галиции, и обеспечить ускорение нашего успеха в Дарданеллах. Иначе потребуются, быть может, месяцы, пока нам и русским удастся успешно выполнить выпавшие на долю каждого из нас задачи.

Мне крайне не хочется оказывать на г. Сазонова давление в целях его отказа от занимаемой им позиции, в отношении которой я был до сих пор в полном с ним согласии, но выигрыш времени имеет решающее значение, а военное положение внушает опасения. Идя навстречу румынским стремлениям, Россия обеспечит себе приобретение Константинополя и получит другие компенсации за свои жертвы.

Вам поэтому надлежит обсудить эти соображения совместно с г. Сазоновым и спросить его, может ли он согласиться на уступку в пользу Румынии Буковины до Прута и Баната, за исключением юго-западной его зоны, нужной для защиты Белграда и Землина, в обмен на обещание Румынии вернуть Добруджу болгарам и немедленно вступить в войну. Жертва, я в этом убежден, вполне окупится».

Я полагаю, что если бы мы обещали Румынии Прут и предмет ее вожделений, город Черновцы, то она не будет настаивать на своем домогательстве в от-

ношении Мармароша или части Баната, лежащей против Белграда. Я бы не обратился к вам даже неофициально по этому поводу, если бы не был серьезно обеспокоен предстоящей судьбой Галиции и возможностью, что вы будете вынуждены покинуть Львов.

Пожалуйста, не упоминайте об этом письме в присутствии Палеолога.

Бьюкенен.

№ 55. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 2598. 3 июня/21 мая 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

В дополнение к моим телеграммам №№ 2550 [1] и 2573 [2].

В согласии с вашей телеграммой № 185 [3] я не считаю удобным давать какой бы то ни было дальнейший ответ эллинскому правительству на его заявление, до выяснения исхода предстоящих выборов. Я высказался в этом духе перед союзными послами [4].

Сазонов.

№ 56. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Письмо. 3 июня/21 мая 1915 г.

Совершенно доверительное.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Цель моего последнего посещения Эйн-эд-Доуле состояла в желании вновь подтвердить ему необходимость спешно принять самые решительные меры к ограждению безопасности иностранцев в Исфагани. Я ознакомил его с содержанием тревожных донесений г. Гильдебрандта [5] и потребовал немедленного усиления личного состава хотя бы жандармерии.

Обещав распорядиться в этом смысле, первый министр горько стал жаловаться на свое трудное, почти безвыходное положение вследствие

---

[1] См. № 44.

[2] См. стр. 70, прим. 1.

[3] См. стр. 64, прим. 1.

[4] В ответ на публикуемый документ Бенкендорф тел. от 4 июля/22 июня за № 392 сообщал, со слов Никольсона, что Делькассе дал греч. посланнику предварительный ответ, точный текст которого Бенкендорфу неизвестен, но который предположительно выражал ту идею, что «державы не имеют намерения распоряжаться Кавалой вопреки греческому правительству». «Поскольку Делькассе говорил об этом, Крю также предполагает сказать нечто подобное греческому посланнику в Лондоне».

[5] См. № 33.

недружелюбного, по отношению к правительству, общественного мнения. Он снова старался убедить меня, что успокоение возможно при единственном условии — отозвания наших войск из Персии [1].

Я отметил первому министру бестактность содержания и редакции последнего меморандума от 27/14 мая [2] и посоветовал ему, до окончания войны во всяком случае, совершенно не касаться вновь этого вопроса, а скорее принять все возможные меры к обезоружению и дезорганизации навербованных агентами наших врагов разбойничьих банд. Я отказался, — в интересах самой Персии, — представлять на ваше усмотрение повторные, неблагоразумные пожелания персидского правительства касательно отрядов в Казвине, предоставив Эйн-эд-Доуле, если он желает, действовать через Исаак-хана. Едва ли он захочет последовать этому совету.

В заключение, я позволил себе предупредить министра, что императорское правительство, в конце-концов, могло бы потерять терпение и решиться выполнить настойчивые просьбы персидского, но что одновременно с уходом наших войск, вероятно, удалились бы все русские, пребывающие в Персии.

Я попрежнему думаю, что эти протесты министров против оккупации можно объяснить желанием их, а может быть, необходимостью для них, обелять себя перед меджлисом для дальнейшего удержания в своих руках власти.

Принц Нусрет-эс-Солтане, с которым я встретился у первого министра (в его загородном доме близ Зергендэ) производит впечатление неопытного еще молодого человека. Назначение его в Исфагань представляется благоприятным лишь вследствие его личного положения и близкого родства с шахом. Важен поэтому вопрос о его помощнике или пишкаре. Эмир-Джанг, о котором я упоминаю в телеграмме от [31] 18

---

[1] Деп. от 3 июня/21 мая за № 31 («Обзор событий в Тегеране») Эттер сообщал, что Эйн-эд-Доуле, ссылаясь на протесты нового кабинета против пребывания русских и английских войск в Персии, заявил, что он не в силах прекратить германо-турецкую агитацию в городе, так как, по его мнению, агитация эта основана на «пребывании наших войск на персидской территории и на тех опасностях, кои грозят Персии вследствие этого».

[2] См. № 21. В письме к Клемму от 3 июня/21 мая Эттер передавал объяснения Мохтешама-эс-Солтане по этому вопросу: «Мохтешам в оправдание свое объяснил, что памятка предназначалась лишь для нас, что она секретна и т. д... Вчера содержание (выписка) ее появилась в персидских газетах..., причем сообщение называется «нотою», т. е. именно наименование, которое отказался ему дать Мохтешам, когда я заявил ему, что неприличный слог и ненужный смысл «ноты» составлены с расчетом угодить членам меджлиса».

мая за № 275 [1], также молодой человек, повидимому, энергичный и, несмотря на то, что он бахтиар, находящийся в дружбе с семьей влиятельного в Исфагани Зилль-эс-Султана.

Назначение его способно было бы, может быть, примирить бахтиар с фактом общего удаления их, в настоящее время, от кормила правления.

Самсам-эс-Солтане (его дядя), как я телеграфировал [2], старался на-днях добиться и заручиться нашим расположением, и мне кажется, что в наших интересах по возможности не отталкивать от себя бахтиар, ныне охладевших к раздраженным также против них англичанам.

В бытность мою в Петрограде, когда проект об уничтожении в будущем нейтральной зоны был впервые поставлен на более реальную почву, обсуждался, насколько я помню, вопрос о проведении разграничительной черты севернее или южнее бахтиарского района.

Великобританский посол ссылался тогда на традиционное покровительство, издавна оказываемое Англией бахтиарам.

Покровительство это за последнее время во всяком случае более чем ослабло, и проявление с нашей стороны некоторого благоволения по отношению к этому наиболее культурному в Персии племени могло бы в свое время оказаться для нас небесполезным.

При этом я должен однако оговориться, что интересующее нас в данную минуту предположение о кандидатуре Эмир-Джанга легко может не удаться, вследствие несогласия персидского правительства. В общем положение здесь остается крайне неопределенным. Считая коалиционное правительство Эйн-эд-Доулс и Ферман-Ферма единственным еще способным проявить некоторую твердость, Марлинг и я попрежнему стараемся, по мере возможности, оказывать ему поддержку в видах продления на некоторое время сравнительного спокойствия.

Мне до последнего времени еще казалось, что министры преисполнены хотя бы наилучшими намерениями и желанием следовать нашим советам. Но я не могу не сознаться, что у меня ныне зародились в

---

[1] Имеющаяся в делах б. м-ва ин. дел тел. Эттера за № 275 датирована 1 июня/19 мая. В указанной тел. Эттер писал о желательности назначения в Исфагань Эмир-Джанга на пост пишкара или вице-губернатора при Нусрет-эс-Солтане.

[2] Той же тел. (см. пред. прим.) Эттер передавал разговор с посетившим его Самсам-эс-Солтане, который, жалуясь на неблагоприятное в данное время положение бахтиар, вследствие враждебности к ним прав-ва и неудовольствия англичан, просил «возможного заступничества миссии в случае острых для бахтиар осложнений... Имея в виду возможное развитие событий в будущем, — писал Эттер, — я счел нужным отнестись к жалобам Самсам-эс-Солтане с некоторым сочувствием».

этом отношении большие сомнения. Слова и действия их доказывают или неспособность или нежелание служить интересам и благу своей страны и что все у них основано на личных расчетах и на взаимных между ними неладах.

Я при каждом случае с настойчивостью считаю своим долгом обращать внимание первого министра и его сотоварищей на роковые для Персии последствия теперешней неурядицы, подчеркивая все усиливающееся против них негодование нашего общественного мнения.

Они как будто сами сознают опасность, принимают слова к сведению — и ничего не предпринимают. Как к важным, так и к более второстепенным вопросам и требованиям они относятся часто совсем без внимания, даже забывают о них, и вести дело с ними поэтому довольно трудно.

Я вполне сознаю, что прожил здесь слишком еще мало времени, чтобы иметь право уже приходить к определенным выводам; тем не менее я не могу скрыть, что, пробыв очень недолго под впечатлением внешнего восточного лоска персов, я постепенно, но быстро в них разочаровываюсь [1].

Как ни жаль страны и народа, лишающихся своего самостоятельного бытия, мне кажется, что персы прямой дорогой и неминуемо, но как будто сознательно, идут к этой цели.

Уже предусмотренный протекторат, по-моему, почти неизбежен. Но для осуществления его без трений надо будет воспользоваться удобной минутой для совместного с Англией проведения пограничной между нами линии.

Я поэтому счел нужным упомянуть о бахтиарах, так как дальнейшее обострение их недоразумений с англичанами могло бы сослужить нам в этом отношении службу.

Примите и пр.

Эттер.

P. S. Евреинов затронул сегодня вопрос о назначении пишкаром при Нусрет-эс-Солтане Эмир-Джанга в совершенно частном и доверительном разговоре с Ферман-Ферма.

---

[1] В упоминавшемся выше письме к Клемму (см. стр. 81, прим. 2) Эттер писал. «...Я уже потерял всякое к ним доверие и убедился в их полной неспособности что бы то ни было предпринять и делать. Они наивны или представляются таковыми, думают только о себе, страшно ленивы и разоряют и губят свою, как мне кажется, окончательно приговоренную Персию. Народ беспечен, но добр. министры просто преступны, и спасти этот народ против его воли, мне кажется, невозможно».

Мысль эта очень понравилась последнему, сознавшемуся, что выбор подходящего лица на эту должность связан был для правительства с большими затруднениями.

Всецело согласившись с целесообразностью замещения ее бахтиаром, министр внутренних дел предпочел бы однако предоставить ее Сердару-Ашджу, о котором упоминалось в телеграмме вашего высокопревосходительства [1], а также в телеграмме Гильдебрандта за № 292 [2].

Ферман-Ферма категорически опровергает приписываемые ему германофильские тенденции; с другой стороны, он не думает, чтобы Эмир-Джанг согласился принять несамостоятельную административную должность.

Мне на этих днях было передано, что сам Ферман-Ферма тяготится своим настоящим положением и что он желал бы сделаться генерал-губернатором Мешеда.

Я ответил, что выход его из настоящего коалиционного кабинета представляем ся мне недопустимы

Эттер.

№ 57. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 39. 3 июня/21 мая 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя в настоящий момент еще преждевременно высказывать заключение о политическом значении для Японии нового японо-китайского соглашения [3], официально еще не распубликованного, однако нельзя не отметить того впечатления, которое вызвано здесь самым ходом пекинских переговоров, насколько они были известны читающей публике.

То обстоятельство, что японская дипломатия сперва вовсе скрыла от заинтересованных иностранных держав пятую группу своих наиболее обидных для Китая требований [4], а потом сообщила их державам в смягченной форме и, наконец, вовсе отложила их обсуждение, произвело здесь крайне неблагоприятное впечатление, как и последовавший в самую последнюю минуту отказ Японии от Циндао. Общественное мнение приписывает эти неожиданные уступки не чему иному, как давлению извне, преимущественно со стороны Англии и Америки.

[1] Тел. от 20/7 мая за № 2341 (см. т. VII, № 798).
[2] Тел. Гильдебрандта за № 292 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.
[3] См. т. VII, ч. 2, стр. 427, прим. 3.
[4] См. т. VII, № 249.

Официальные опровержения этих слухов здешним министерством иностранных дел не имели успеха; запросы в парламенте, резолюции публичных митингов и статьи оппозиционных листков явно показывают, что в общественном мнении страны твердо засела мысль, что Япония вынуждена была отказаться от первоначального плана — подчинить Китай своему исключительному влиянию — ввиду противодействия третьих государств. Такому представлению много способствовала как американская, так и китайская прессы, распространявшие преувеличенные сведения о неудовольствии Америки и Англии в связи с предъявленными Китаю требованиями. Повидимому, и лондонский «Times» повлиял на укрепление создавшегося здесь впечатления, что Великобритания крайне неодобрительно относится к домогательствам Японии в Собственном Китае и особенно в долине Янтцзы.

Неудовольствие против Англии нашло себе весьма характерное выражение в целом ряде газетных и журнальных статей, из коих наибольшее впечатление производит статья некоего Хаякавы, бывшего одно время начальником политического бюро в министерстве иностранных дел, а ныне посвятившего себя коммерческим предприятиям. Хаякава пишет, что он занимал ответственный пост в японском дипломатическом ведомстве, когда заключен был союз с Англией. Он тогда уже находил его бесполезным для Японии и приписывал его появление главным образом интригам германской дипломатии, имевшей интерес поссорить Россию с Японией и отвлечь внимание Европы на Дальний Восток. Интрига эта удалась вдвойне, так как англо-японский союз привел Россию и Японию к вооруженному столкновению, задержав выполнение целей русской национальной политики на Ближнем Востоке, и тем дал возможность Германии усилить свое влияние на Балканах и в Малой Азии. Но что извлекла из этого союза Япония, — спрашивает Хаякава, — и не обратился ли англо-японский договор ныне в «лист чистой бумаги»? Переговоры с Китаем кажутся ему несомненным тому доказательством. Англия не только не содействовала, в силу своего союзного обязательства, успеху японской политики в Китае, но, наоборот, ей ставит препоны. Отсюда автор делает смелый вывод: Япония, чтобы достигнуть своих целей в Китае, должна стремиться к сближению с Россией и Германией, а не держаться за бесплодный договор (waste paper agreement) с Англией.

С большим негодованием отнеслись некоторые шовинистские листки и к предложению Англии принять меры против австро-германской торговли в Китае. «Ямато» по этому поводу пишет (24 мая): «Мотив, побуждающий Англию выступить с подобным предложением, есть не

что иное, как желание расширить за счет других свою торговлю на Дальнем Востоке. Япония сама знает, что ей предпринять, и вовсе не намерена разрушать миролюбивые предприятия немцев в пользу Англии. Англичанам неприятно, что японская торговля развивается в Китае, и они предвидят там столкновение своих интересов с японскими». «Кокумин» говорит на ту же тему: «Японской дипломатии предстоит всесторонне обсудить, выгодно ли Японии ограничивать германскую торговлю в Китае; Японии надо остерегаться, как бы не стать «собакой» Англии на Дальнем Востоке».

К американскому выступлению по японо-китайским переговорам здешняя пресса относится несколько спокойнее, повидимому, сознавая, что Америка менее, чем союзная Англия, обязана считаться с интересами Японии в Китае.

Примите и пр.

Малевский-Малевич.

№ 58. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 40. 3 июня/21 мая 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вопрос о двух новых дивизиях, волновавший Японию с 1911 года, вызвавший три министерских кризиса и приведший к роспуску парламента в прошлом году, разрешен в положительном смысле принятием проекта дополнительного военного бюджета в текущей сессии японского парламента. Решение это давно предвиделось, так как последние выборы в нижнюю палату дали правительству значительное большинство, и посвященным в дело было известно, что в экстренную сессию парламента, созванную на конец мая и первые числа июня нового стиля, вносятся кабинетом графа Окума дополнительные бюджеты по разным ведомствам и, между ними, по военному, с включением кредита на сформирование двух новых дивизий для Кореи [1].

[1] 30/17 июня в донесении за № 25 Лютш, ген. консул в Сеуле, сообщая, что «известие об утверждении парламентом законопроекта о создании двух отдельных дивизий для Кореи было принято официальным миром в Сеуле с большой радостью», передавал в извлечениях напечатанное в одной из газет заявление по этому вопросу ген. Игучи (командующий войсками Кореи). «Расширение государственной территории вызывает всегда необходимое усиление военной мощи, и недавние недоразумения Японии с Китаем особенно обнаружили недостаточность японских вооруженных сил в Корее и Южной Манчжурии, которые уступали в количестве силам китайским... Манчжурия для Кореи, что

Состоявшееся принятие палатами этого бюджета является, несомненно, победой военной партии, настаивавшей на проведении постепенного увеличения японской армии с 19 дивизий до 25, по первоначальному плану, утвержденному покойным императором Мейдзи. Плану этому, вызванному в 1906 году опасением «отместки» с нашей стороны, ныне не сочувствуют ни широкие слои населения, видящие в нем утрату всякой надежды на уменьшение налогов, ни члены правительства, как я имел честь доносить депешей от [22] 9 декабря минувшего года за № 94 [1]. Проект принят по соображениям внутренней политики, вследствие настойчивости военного клана и безответственного влияния его главы — князя Ямагата. В помянутой депеше моей приведены слова министра иностранных дел, что кабинет принужден провести бюджет двух новых дивизий, чтобы избегнуть повторных министерских кризисов и разлада между армией и народом.

Нужно признать, что момент, выбранный правительством для принятия этой меры, очень удачен: Япония находится в войне с Германией; отношения ее к России тем самым сделались фактически союзными; в Китае только-что миновал кризис, который мог повести к военным действиям со стороны Японии. Такое стечение обстоятельств наряду с численностью колоссальных армий, ведущих титаническую борьбу в Европе, давало японскому правительству право, не опасаясь упрека в агрессивных замыслах, потребовать у страны, имеющей население, почти равное по числу германскому, кредита на увеличение армии на 20 000 человек. Что значило это ничтожное количество по сравнению с теми миллионами, которые сражаются в Галиции!

Все это, быть может, и так, но нельзя казалось бы, упускать из виду двух соображений: во-первых, принятый парламентом бюджет для двух новых дивизий есть только начало; военный министр еще на вчерашнем заседании верховной палаты предупредил, что в ближайшие годы будут потребованы кредиты на дальнейшее увеличение армии до 25 дивизий. Таким образом, ныне положен лишь почин в этом деле; в сущности, речь идет не о 20 000, а о 60 000, которые в военное время растягиваются в 240 000, доводя японскую армию почти до миллиона. Во-вторых,

губы для зубов: когда губы открыты, зубам холодно, а в положении зубов находится Корея». Далее, указывая на то, что формируемые для Кореи дивизии увеличивают также вооруженные силы всего государства, ген. Игучи сказал: «В будущем у нас возможны столкновения с Россией и с Францией и с Америкой, нужно поэтому постоянно следить за событиями и предупреждать... всякого рода осложнения... Никогда не знаешь, откуда может появиться неприятель».

[1] Содержание деп. от 22/9 дек. 1914 г. за № 94 в основном изложено в публикуемом документе.

официальные мотивы, вызвавшие план увеличения вооруженных сил Японии до 25 дивизий, остались те же, что были и прежде. Вот как их излагает японский ежегодник на 1914 год в отделе «Армия и флот»:

«Необходимость увеличения армии до 25 дивизий вызывается следующими основаниями:

1) Россия постепенно увеличивает свои вооруженные силы на Дальнем Востоке, и уже 25 дивизий в мирном составе расположены ею в различных местностях на восток от Байкала.

2) Вторая колея Сибирской железной дороги будет закончена постройкой весной 1915 года; Амурская дорога откроется для движения лишь на 2 года позже.

3) Со времени китайской революции пограничная линия, разделяющая сферы Японии и России, значительно удлинилась и ныне, начинаясь у Приморской области, достигает Чжили и Монголии.

4) Будущность Китая крайне неопределенна, и Япония, чтобы иметь полновластный голос, в случае чрезвычайных событий должна опираться на достаточную вооруженную силу.

5) В случае возможных осложнений между Японией и Россией, последняя сперва мобилизует 5 корпусов и отдельную дивизию, стоящую к востоку от Омска, а затем будет опираться на свои общие резервы в 7 корпусов, расквартированные в окрестностях Москвы. Общие силы, которые Россия выставит, таким образом, для операций на Дальнем Востоке, достигнут приблизительно $12^1/_2$ корпусов, или 25 дивизий, то есть 400 баталионов по 800 штыков в каждом. Численный состав такого количества корпусов на мирном положении достигает 320 000, но при мобилизации может быть удвоен. При этом в каждом корпусе 12 полевых батарей по 8 орудий в каждой и две «шрапнельных» батареи по 6 орудий в каждой, так что общее число орудий в корпусе достигает 108, что на 12 корпусов даст 1 296 орудий».

Привожу эти данные в дословном переводе, не ручаясь за их достоверность. Они достойны замечания не сами по себе, а по внутреннему смыслу, в них вложенному: Япония стремится получить 25 дивизий, чтобы иметь возможность противопоставить их такому же числу дивизий с нашей стороны.

Приписывать японцам недружелюбные против нас замыслы нет пока никаких оснований. Но начавшееся выполнение плана японских вооружений, задуманного в 1906 году, несомненно приведет к сознанию необходимости и нам озаботиться при первой возможности восстановлением равновесия военных сил на Дальнем Востоке.

Примите и пр. Малевский-Малевич.

№ 59. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. **3 июня/21 мая 1915 г.**

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я вам только-что послал телеграмму весьма неутешительного свойства [2]. Собственно говоря, ее дополнять нечем: благодаря своему превосходству в артиллерии и, главное, в снарядах, германцам удалось, правда, ценой значительных жертв, овладеть более чем половиной укреплений Перемышля, причем самый город нами уже очищен. За нами сохранились еще несколько фортов, но теперь ясно, что нам и эти форты придется отдать. Конечно, все это делается с б о я, нет ни паники, ни позора, но... все же поражение! Стрый тоже взят германцами. Не знаю, удастся ли нам удержать Львов. При таком положении вещей на главном театре военных действий даже странно говорить о Константинополе, десанте и т. д. Тем не менее я вчера вечером доложил начальнику штаба о сделанном нами шаге в Софии [3], который, при благоприятном исходе переговоров с Болгарией, легко может поставить на очередь нашу военную кооперацию с последней. Генерал Янушкевич мне сказал на это, что если только Болгария выступила бы, то наш десантный корпус, конечно, был бы готов присоединиться к болгарским войскам; при этом корпус будет состоять если не из «x», то из «y», а если не «y», то «z». Этим он хотел сказать, что в Одессе наготове всегда будет находиться столько войска, сколько мы обещали для англичан [4], но что до той поры, когда эти войска фактически выступят, ими будут пользоваться по мере надобности, заменяя забираемые части новыми. Совершенно ясно, что в критические минуты нет никакой возможности «замариновывать» войска, необходимые на опасных местах, — их берут и заменяют другими. Все это — полбеды. Беда же в том, что с голыми руками никакие войска драться не могут, а у нас прямо «голод» снарядный! Не знаю, успеет ли комиссия, образованная Сухомлиновым, что-нибудь сделать. Дай-то бог! Янушкевич говорит, что Литвинов-Фалинский обещал, что через 6 недель Путиловский завод увеличит на 80% свою производительность. Он сожалеет о том, что великий князь Сергей Михайлович не покидает

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 176, № 84.

[2] Тел. от 3 июня/21 мая за № 262 Кудашев сообщал об очищении Перемышля и о том, что «окончательное завладение крепостью неприятелем является вопросом лишь нескольких дней».

[3] См. №№ 37, 38.

[4] См. т. VII, ч. 2, стр. 79, прим. 3.

свой пост: великий князь много сделал для обучения офицеров, но в вопросах технических, повидимому, слаб и слушается недостойных советчиков. — Прошу прощения за более чем минорный тон настоящего письма.

Примите и пр.

Н. Кудашев.

№ 60. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 393. 4 июня/22 мая 1915 г.

Copie Paris. Reçu No 2587 [1].

Nicolson me dit que Buchanan avait télégraphié votre désir que Barclay à Bucarest se prononce comme Blondel. Nicolson me dit qu'il craint que de revenir encore une fois sur déclaration du ministre de France serait dépasser le but et dans moment actuel surtout aurait plus d'inconvénients que d'avantages. Barclay insiste sur la nécessité de prudence à cet égard [2]. Buchanan reçoit télégramme à ce sujet.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон мне сказал, что Бьюкенен телеграфировал о вашем желании, чтобы Барклай в Бухаресте высказался в том же смысле, как это сделал Блондель. Никольсон выразил опасение, что возвращаться еще раз к заявлению французского посланника значило бы бить дальше цели и, особенно в настоящее время, представляло бы больше неудобств, чем преимуществ. Барклай настаивает на соблюдении в этом отношении осторожности. Бьюкенену посылается по этому поводу телеграмма.

Бенкендорф.

---

[1] См. № 46.

[2] Поклевский тел. от 3 июня/21 мая за № 314 сообщал, что «из разговора с королевой третьего дня здешний великобританский посланник вынес впечатление, что Германия и Австрия делают в настоящее время Румынии заманчивые предложения, дабы побудить ее к сохранению нейтралитета до конца войны». Запрошенный Барклаем Братиану ответил, что «ему неловко говорить о подобном предмете, но что он считает себя нравственно связанным с державами Тройственного согласия, и, покуда последние признают себя одинаково связанными с Румынией,... никакие германские и австрийские предложения не могут иметь здесь успеха». Упомянув о заявлении, сделанном по поручению Делькассе франц. посланником (см. №№ 23 и 36), Братиану сказал, что «считает это заявление привходящим инцидентом, о котором он уже забыл». «Барклай выводит из этого разговора заключение, что было бы очень опасным настаивать здесь на точке зрения Делькассе на наше соглашение от 18 прошлого сентября», — заканчивал свою тел. Поклевский.

№ 61. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 395. 4 июня/22 мая 1915 г.

Reçu votre télégramme No 2536 [1].

Avant que je n'eusse reçu ce télégramme des informations de sources sérieuses m'étaient parvenues concernant le ... groupe des marchands qui sont venu m'entretenir de la création à Londres d'une Chambre de Commerce. J'ai approfondi cette question, il se trouve que le comité de commerce de la Chambre des Communes n'est pas une institution officielle mais privée, n'ayant pas en réalité d'autorité. J'ai appris que l'initiative du projet provenait surtout de Mr. Sinclaire, sur lequel j'ai réuni renseignements très peu satisfaisants. Finalement j'ai sondé quelques sommités de la Cité et de la Banque d'Angleterre. Leur opinion est, qu'une Chambre de Commerce à Londres est extrêmement désirable, qu'il n'en est que d'autant plus désirable, que l'initiative et l'organisation proviennent d'un groupe réellement représentatif et au dessus de tout soupçon d'intrigue privée. En conséquence de ce qui précède, je me vois obligé de modifier l'opinion que j'ai formulé dans mon télégramme No 280 [2] et sollicite de nouvelles instructions. Je pourrais être chargé de répondre au groupe actuel, que le gouvernement estime, que création à Londres d'une Chambre de Commerce russe est de tout point désirable dans l'avenir, mais qu'il est préférable de remettre étude du projet et les pourparlers à Londres pour après la guerre [3].

Benckendorff.

---

[1] 31/18 мая Арцимович телеграфировал за № 2536 Бенкендорфу, что м-во ин. дел и м-во торг. «одобряют проект устройства российской торговой палаты в Лондоне».

[2] Тел. от 26/13 апр. за № 280 Бенкендорф сообщал о своих переговорах по поводу устройства росс. торговой палаты в Лондоне. Обращаясь к Сазонову с просьбой снабдить его соответствующими инструкциями, Бенкендорф писал, что он по этому вопросу ответил, что лично он в принципе сочувствует всему, что может способствовать обеспечению экономических интересов обоих государств.

[3] Сазонов в ответ на публикуемую тел. Бенкендорфа телеграфировал 3 июля/20 июня за № 3165, что м-во ин. дел и м-во торг. одобряют предположенный послом ответ по вопросу о торговой палате; вместе с тем Сазонов просил посла, если он найдет это возможным, сговориться с «влиятельными представителями Сити о направлении и дальнейшем ходе, какой желательно было бы дать этому делу теперь же, не ожидая окончания военных действий».

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 2536.

Еще до получения этой телеграммы, до меня дошли из серьезного источника сведения касательно ..... группы коммерсантов, посетивших меня, чтобы переговорить о создании в Лондоне торговой палаты. Я выяснял этот вопрос. Оказывается, что торговый комитет палаты общин является не официальной, но частной организацией, не имеющей в действительности веса. Я узнал, что почин проекта главным образом исходил от г. Синклера, о котором я собрал весьма мало благоприятные сведения. Наконец, я прозондировал нескольких виднейших представителей Сити и Английского банка. Их мнение сводится к тому, что торговая палата в Лондоне крайне желательна и тем более желательно, чтобы инициатива и организация исходила от группы, действительно представляющей общие интересы и стоящей выше всякого подозрения в частной интриге. На основании изложенного выше я вижу себя вынужденным изменить мое мнение, выраженное в моей телеграмме № 280, и испрашиваю новых инструкций. Мне могло бы быть поручено ответить нынешней группе, что, по мнению правительства, создание в Лондоне российской торговой палаты желательно со всех точек зрения, но что предпочтительнее отложить изучение проекта и начало переговоров в Лондоне на послевоенное время.

Бенкендорф.

№ 62. Вице-консул в Скутари министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 4 июня/22 мая 1915 г.

Телеграфирую в Цетинье. Сообщаю в Ниш.

Бибдода только-что уведомил меня, что, по полученным им сведениям, сербские регулярные войска перешли третьего дня на албанскую территорию в район Хаси и вступили вчера в пределы Миредитии. Появление сербских войск объясняется, по словам Бибдоды, концентрацией 6 000 албанцев на сербской границе, вызванной тем, что сербы, будто бы, сожгли дома в одном из тамошних албанских селений [2].

Ферхмин.

№ 63. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 308 [3]. 4 июня/22 мая 1915 г.

Ответ болгарского правительства на наше предложение еще не представлен, и, по имеющимся у меня сведениям, не принято окончательного решения. Предложение признается весьма серьезным и не

---

[1] Номер отсутствует.

[2] См. № 79.

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 281, № 205.

менее важным. Хотя официально секрет соблюдается, однако все знают главные положения и усиленно обсуждают. Так как наши враги, австро-немцы и враждебные болгары, употребляют все усилия, чтобы дискредитировать наше предложение и представить его в ложном свете, старался ... разъяснить самым разнообразным и наиболее влиятельным факторам значение нашего шага и важность для Болгарии, чтобы в ответе державы не увидели злой воли. Из многочисленных разговоров с наиболее серьезными людьми из правительственных партий, македонцев и оппозиции, сознающими, что от ответа зависит будущее Болгарии, убедился, что наши враги стараются истолковать особенно неблагоприятно для нас, во-первых, обязательство выступить «со всеми вооруженными силами», указывая, что оставление границы без защиты до выступления Румынии и Греции было бы гибелью для Болгарии [1] и, во-вторых, подчинение болгарских компенсаций территориальному расширению Сербии, в чем усматривается укол болгарскому самолюбию и опасение, что в случае неполучения сербами совершенно определенных приращений и Болгария останется без компенсаций. Сообщившие мне это благожелательные и разумные лица — в том числе известный вам Владов — не без основания указывают, во-первых, что если выступление Болгарии последовало бы до определения Румынии и Греции, то нужно было бы предоставить болгарам оставить часть войск для защиты границы, и, во-вторых, что раз державы-победительницы будут в конце войны устраивать распорядок, то оне и дадут Сербии то, что признают нужным, без необходимости предварительного упоминания о том. Что король, повидимому, понимает... что придется переменить политику, но, как мне сообщили из очень достоверного источника, открыто говорит, что предпочел бы, чтобы если не «румынский Гогенцоллерн», то, по крайней мере, муж сестры германского императора раньше его вынул шпагу против «старика Франца-Иосифа, которому де он столь многим обязан». Во всех разговорах и всеми способами даю понять, что разные более мелкие под-

[1] 3 июня/21 мая за № 309 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 283, № 206) Савинский телеграфировал, что «в числе мест нашего предложения, которыми наши враги могут злоупотребить перед общественным мнением, мне указывают, якобы, на отсутствие указаний, что содействие болгарских войск кончается падением Константинополя и что им не потребуется итти ни в Малую Азию, ни на Кавказ». Тел. от 5 июня/23 мая за № 2628 Сазонов ответил, что «не подлежит сомнению, что державы имели в виду участие болгарской армии в военных действиях против Турции исключительно на европейском берегу и ближайшем районе Константинополя. Вы можете осторожно и лично от своего имени высказаться в этом смысле на случай предъявления вам запросов».

робности можно будет уладить путем переговоров, если только в ответе Болгарии державы усмотрят совершенно определенное принципиальное согласие. Возбуждался вопрос и о «спорной» зоне и указывалось, что после того, что ее судьба была в свое время предоставлена решению государя императора, для Болгарии обидно, что она теперь отдается без всяких оговорок сербам. Высказывались пожелания, чтобы державы взяли на себя решение вопроса о местностях спорной зоны с болгарским населением. Я советовал не касаться совсем этого вопроса и в крайнем случае высказать лишь пожелание, чтобы державы по окончании войны обещали рассмотреть его с точки зрения общей политической справедливости и целесообразности. Расположенные к нам болгарские патриоты — в их числе Владов — задавали мне вопрос и об участии наших войск в осаде Константинополя с суши. Это участие, с точки зрения подъема духа болгарского солдата, ими признается как совершенно необходимое условие. По всей вероятности, это пожелание совпадает с нашими (намерениями), так как, кроме высказанного соображения, есть еще и другое, более важное — невозможность допустить ни с какой точки зрения, чтобы наши войска не приняли самого активного участия во взятии Царьграда, предоставив его другим. Я позволил себе высказать все вышеизложенное, во-первых, чтобы дать вам отчет о здешних настроениях и, во-вторых, чтобы предупредить, что даже если принципиальное решение о выступлении Болгарии возьмет верх, то придется иметь дело с подробностями и отдельными пожеланиями, к которым для успеха дела нужно будет отнестись с внимательной снисходительностью, не отталкивая их в их целокупности.

Военный и морской агенты возбуждают предо мной вопрос о координации военных распоряжений, действий и операций, в случае благоприятного отношения к нашему предложению [1].

Савинский.

---

[1] На основании опубликованной в официозной прессе декларации министра Тончева и других данных, Савинский предполагал, что «ответ на наше предложение будет уклончивым с указанием на желание сохранять нейтралитет и впредь. Если решение будет таково, то ему безусловно будут содействовать известия о неудовлетворительном ходе наших переговоров с Румынией и утрате нами Перемышля» (тел. Савинского от 4 июня/22 мая за № 312, опубл. Ц. Р., стр. 124, № 112).

№ 64. Финансовое соглашение между правительствами Англии и Италии[1].

5 июня/23 мая 1915 г

1. After negociations between the British and Italian Governments for the purpose of the floatation on the British market of an Italian loan supported by the British Governement, the circumstances of the moment being unfavourable for such an issue, the following arrangements have been entered into by the Chaneellor of the Exchequer and the Minister of the Italian Treasury, on behalf of their respective Governments, to facilitate the advance of funds to the Italian Government.

2. The British Treasury undertake to set up a credit at the Bank of England in favour of the Italian Government to an amount not exceeding £ 60 000 000.

3. Against this operation the Italian Government agree to remit in gold one-sixth part of the above credit, up to £ 10 000 000 in all, and to transfer Italian twelve month Treasury Bills to a value equivalent to the remaining five-sixths.

4. These Treasury Bills shall be discounted in the first instance and shall be subsequently renewable up to a period of two years after the conclusion of peace at the rate current on the date of each operation for twelve month British Treasury Bills.

5. The Italian Government shall remit the aforesaid sum in gold in such instalments as may be convenient to them and by such means of transit as may be agreed with the Bank of England subject to the conditions, first, that the aggregate credit established at the Bank of England in favour of the Italian Government shall not at any time exceed six times the amount which has been received by the Bank from the Italian Government in gold second, that this aggregate credit shall not be available at a rate in excess of £ 2 000 000 weekly from the date of this agreement.

6. The Italian Government shall be free to draw on that portion of their credit at the Bank of England, namely five-sixths, which has been placed at their disposal in return for the discount of Italian Treasury Bills.

7. The credit at the Bank of England in favour of the Italian Government, arising out the shipment of £ 10 000 000 in gold or any part of it, shall be a deposit not to be withdrawn untill after the repayement

---

[1] Заголовок оригинала.

of the advances as provided in Clause 8 below, when the sum in question will be returned to the Italian Government in gold.

8. When the time comes for the final repayement of the above mentioned Italian Treasury Bills, not later than two years after the conclusion of peace or at any convenient opportunity within that period, the Italian Governement shall be given every facility for bringing out a loan on the British market. The British Treasury engage to use their good offices and best endeavours to secure the successful floatation of the loan, which could be brought out, if the Italian Government wished it, under the auspices of the Bank of England.

9. The Italian Government intend to utilise the services of the Bank of Italy for all or part of the above operations.

10. The Bank of Italy, in the interests of the two contracting parties will make every effort to maintain the exchange at a level not unfavourable to Great Britain and with this object will refrain the period of this transaction from importing gold from London directly or indirectly.

11. The two Ministers agree that it will be in the common interest to take action for the purchase of war material and payement therefor in America. For this purpose a joint organisation will be set up at the earliest opportunity between the Governments.

12. This agreement concluded by the Ministers, on behalf of their respective Governments, will be finally executed in London after the British Governement have communicated it to the Government of France and Russia [1].

(Signed) R. Mac Kenna, Chancellor of the Exchequer.

Paolo Carcano, Ministre del Tesoro Italiano.

Nice, June 5 1915.

Перевод [2].

1. На основании переговоров между британским и итальянским правительствами о выпуске на британском рынке итальянского займа при посредстве британского правительства, ввиду неблагоприятности момента для эмиссии

---

[1] Пересланная лондонским пос-вом в м-во ин. дел копия этого соглашения была отправлена Нератовым 7 июля/24 июня Барку. Барк ответил Сазонову 16/3 июля за № 593, что с его стороны текст соглашения «никаких замечаний не вызывает».

Тел. от 21/8 июля за № 3509 Нератов поручил Бенкендорфу, ссылаясь на § 12 англо-итал. финансового соглашения «уведомить великобританское правительство, что означенное соглашение не вызывает возражений со стороны императорского правительства».

[2] Перевод в публикуемой редакции хранится в арх. б. м-ва фин., в деле II отд., 1 ст. № 5.

займа, было заключено нижеследующее соглашение между канцлером казначейства и министром итальянского казначейства, по поручению соответствующих правительств, о выдаче авансов итальянскому правительству.

2. Британское казначейство берется открыть кредит итальянскому правительству в Английском банке в размере, не превышающем 60 миллионов фунтов стерлингов.

3. Со своей стороны итальянское правительство соглашается передать золото в размере $^1/_6$ части означенного кредита, в общем до 10 миллионов фунтов стерлингов и передать итальянские обязательства казначейства сроком на 12 месяцев на сумму, соответствующую остающимся $^5/_6$.

4. Эти казначейские обязательства будут первым делом учтены и впоследствии могут быть возобновлены на срок до двух лет по заключении мира из учетного процента, действительного в момент каждой операции для двенадцатимесячных британских казначейских обязательств.

5. Итальянское правительство передаст упомянутую выше сумму золота такими частями, какие ему будут угодны, и такими способами пересылки, которые будут установлены по соглашению с Английским банком, с соблюдением нижеследующих условий: во-первых, чтобы общая сумма кредита, открытого в Английском банке в пользу итальянского правительства, никогда не превышала шестикратного размера суммы, полученной банком от итальянского правительства золотом, и, во-вторых, чтобы общая сумма кредита не требовалась в размере, превышающем два миллиона фунтов стерлингов еженедельно, считая с заключения этого соглашения.

6. Итальянское правительство будет свободно распоряжаться той частью своего кредита в Английском банке, а именно $^5/_6$, которая ему предоставлена по учету итальянских казначейских обязательств.

7. Кредит итальянского правительства в Английском банке, возникший на основании высылки 10 миллионов фунтов стерлингов золотом или части этой суммы, должен быть вкладом, который не может быть истребован до возмещения авансов порядком, установленным п. 8, после чего означенная сумма будет возвращена итальянскому правительству золотом.

8. С наступлением срока для окончательного расчета по упомянутым итальянским казначейским обязательствам, не позже чем по истечении двух лет по заключении мира или в любой момент до этого срока, итальянскому правительству будет оказано полное содействие для выпуска займа на британском рынке. Британское казначейство обязуется принять все меры к обеспечению успешного выпуска займа, который мог бы быть выпущен, при желании итальянского правительства, с содействием Английского банка.

9. Итальянское правительство намерено пользоваться услугами Итальянского банка для всех или для части означенных операций.

10. Итальянский банк в интересах обеих договаривающихся сторон примет энергичные меры для поддержки курса на уровне, не неблагоприятном Великобритании, и с этой целью он воздержится за все время операции от вывоза золота из Лондона прямым или косвенным путем.

11. Оба министра признают, что в интересах обеих сторон необходимо будет принять меры для закупки военных снаряжений и для расплаты по таковым в Америке. С этой целью будет установлена общая организация в ближайшем по возможности времени обеими правительствами.

12. Это соглашение, заключенное министрами по поручению их правительств, будет окончательно выполнено в Лондоне после того, как британское правительство сообщит его правительствам Франции и России.

Р. Мак-Кенна, канцлер казначейства.
Паоло Каркано, министр итальянского казначейства.
Ницца, 5 июня 1915 г.

№ 65. Советник III политического отдела министерства иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 2647. 5 июня/23 мая 1915 г.

Исаак-хан сообщил, что последнее выступление обеих миссий в пользу Саад-эд-Доуле [1] приписывается опять его влиянию и что, по-видимому, вновь будет поднят вопрос о его отозвании [2]. Если это так, не откажите защитить Исаак-хана, дав понять, что при настоящих условиях смена представительства здесь допущена не будет.

Клемм.

№ 66. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

5 июня/23 мая 1915 г.

После торжественного заседания, устроенного русско-итальянской торговой палатой по случаю присоединения Италии к союзникам, маркиз Карлотти заехал к барону Шиллингу и прочел довольно интересную телеграмму итальянского посланника в Бухаресте, рисующую общую картину нынешнего политического положения в Румынии. По словам барона Фашиотти, политические партии по своему отношению к войне распределяются следующим образом: за выступление Румынии против России на стороне Австро-Германии — незначительная кучка консерваторов с Карпом во главе, которая однако по своей малочисленности не имеет никакого значения. За выступление на стороне России против Австро-Германии — консерваторы-демократы под руководством Таке Ионеску. К ним примыкает группа консерваторов последователей Филиппеску, а в последнее время — также часть либеральной партии, объединившаяся вокруг Ивана Лаговари. За невмешательство в настоящую войну — остальная часть либералов, остав-

---

[1] См. т. VII, № 656.

[2] Ответной тел. от 9 июня/27 мая за № 301 Эттер сообщал Сазонову: «Вопрос об отозвании Исаак-хана в нынешнем кабинете не возбуждался и, по заявлению Эйн-эд-Доуле, возбуждаться не будет».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 20.

шаяся верной Маргиломану. Наконец, правительственная партия, подчиняющаяся руководству Братиану и хотя и высказывающаяся за войну против Австро-Венгрии, при известных условиях и в известную минуту, однако в душе поддерживающая политику невмешательства [1]. Повидимому, даже и среди кабинета есть министры сторонники войны, но Фашиотти уверен, что Братиану останется хозяином положения, главным образом потому, что почти все румынские государственные и общественные деятели погрязли в темных денежных делах, которые хорошо известны Братиану, имеющему возможность благодаря этому держать их в своих руках. Фашиотти утверждает, что даже Костинеску, если не сам, то вследствие причастности к подобным делам его многочисленных родственников, находится в известной зависимости от Братиану.

№ 67. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 391. **5 июня/23 мая 1915 г.**

Copie Paris.

Impression produite à Londres par évacuation Przemysl [2] ne peut être considérée comme désappointement parce qu'on s'y attendait depuis quelques jours. Elle est pourtant considérable sans que je puisse constater aucun signe de découragement. Opinion du ministère de la guerre est, autant que j'ai pu m'en rendre compte, que munitions d'Amérique commencent à peine à arriver à Archangel, Suède n'étant pas considérée voie sûre, que par conséquent une offensive sérieuse de l'armée russe devra être remise pour un temps prolongé, par exemple deux mois. Gouvernement anglais insiste au Japon sur fournitures fusils à Russie dans mesure la plus large. Question Dardanelles va être soumise à neuf à examen du Cabinet pour décider s'il suffit de continuer comme main-

---

[1] В тел. воен. агента в Румынии от 3 июня/21 мая сообщалось, что «с 26 по 30 мая... войска прикрытия на границе с Венгрией будут... отозваны назад... Меру эту следует считать, как и предстоящий роспуск ста тысяч запасных и резервистов из армии, как протест и косвенную угрозу по отношению к России оставаться в дальнейшем нейтралитете впредь до наших уступок требованиям Братиану».

[2] См. № 59. Гирс телеграфировал от 4 июня/22 мая за № 166, что Саландра находится «под сильным впечатлением германских сведений касательно Перемышля». Опасаясь, что «сведения эти возымеют крайне неблагоприятное впечатление на Румынию и балканские государства», он «глубоко убежден, что вся дипломатическая деятельность ныне должна быть направлена к скорейшему побуждению этих государств выступить против наших врагов».

tenant, ou bien d'envoyer renforts considérables de troupes anglaises qui sont bien nécessaires en France, mais qui peuvent le devenir encore plus aux Dardanelles depuis que temporairement nous avons dû renoncer à envoi troupes préparées dans ports de la mer Noire pour agir contre Constantinople. L'abandon du projet est hors de question. Bien entendu question de l'entrée en action de la Roumanie se présente comme encore plus urgente. Cette opinion du ministère de la guerre est, je crois, partagée au palais et au ministère des affaires étrangères.

Confidentiellement. Veuillez être persuadé que si on ne vous en parle pas plus ouvertement, c'est par égard pour la circonstance que les sacrifices à porter sont russes, ou serbs. C'est pour quoi ingérence directe française a été regrettée ici [1]. Mais en réalité la pression des événements agit ici très fort, d'autant plus que question munitions, tout à fait à l'ordre du jour, pèse dans un certain degré aussi sur Angleterre, qui de façon inattendue se trouve plus riche en hommes qu'en équippements. Je tenais à vous prévenir confidentiellement de ce qui précède à cause de la retenue qu'on observe à en parler même avec moi.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Впечатление, произведенное в Лондоне эвакуацией Перемышля, не может рассматриваться как разочарование, так как этого ожидали уже несколько дней. Оно все же значительно, хотя я и не могу отметить никакого признака упадка духа. Насколько я мог выяснить, мнение военного министерства сводится к тому, что так как снаряды из Америки едва начинают прибывать в Архангельск, ввиду необеспеченности, по общему мнению, пути через Швецию, переход в серьезное наступление русской армии должен быть отложен на продолжительное время, например, на два месяца. Английское правительство настаивает перед Японией на поставке России ружей в возможно большем количестве. Вопрос о Дарданеллах будет вновь поставлен на обсуждение кабинета, который должен вынести решение, следует ли продолжать прежнюю систему операций или послать в подкрепление значительное количество английских войск, хотя и необходимых во Франции, но могущих стать еще более необходимыми в Дарданеллах, раз мы на время должны были отказаться от отправки войск, приготовленных в черноморских портах для операций против Константинополя. Об отказе от выполнения плана нет и речи. Само собой разумеется, вопрос о выступлении Румынии представляется еще более неотложным. Это мнение военного министерства, как я полагаю, разделяется во дворце и в министерстве иностранных дел.

Доверительно. Будьте уверены в том, что если не говорят более открыто, то это во внимание к обстановке, при которой требующиеся жертвы выпадают

[1] См. № 25.

на долю или русских или сербов. Поэтому здесь сожалели о непосредственном вмешательстве французов. Но в действительности здесь очень сильно сказывается давление событий, тем более, что вопрос о снарядах стоит на очереди и в известной мере угнетает и Англию, которая неожиданным образом оказывается богаче людьми, чем снаряжением. Я желал доверительно вас предупредить об изложенном, ввиду проявляемой даже со мной при разговорах на эту тему сдержанности.

Бенкендорф.

№ 68. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо. **5 июня/23 мая 1915 г.**

Лично.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Телеграмма ваша от 2 июня/20 мая № 2583 [1] была доложена великому князю, и я вчера имел по ее содержанию разговор с генералом Янушкевичем. Вот что мне поручено сообщить вам. Посылка некоторых войсковых частей к Дарданеллам имеет тот же характер, как и участие «Аскольда» в операциях союзного флота. Мысль о ней возникла месяца полтора-два тому назад, но была оставлена, ибо считалось, что операция форсирования пройдет так скоро, что наши части не успеют из Владивостока прибыть на место во-время. Теперь же выясняется, что операция эта очень не скоро закончится, и наши сибиряки не опоздают к участию во взятии Константинополя. Обещание, данное союзникам, поддержать их со стороны Босфора также остается в силе. Но оно может получить практическое значение лишь в связи с выступлением Болгарии. По этому поводу генерал Янушкевич меня просил напомнить вам о первостепенном значении Бургаса и о необходимости, в случае благоприятного оборота наших переговоров с Болгарией, обеспечить с ее согласия за нашим флотом полное хозяйничание в Бургасской бухте. Только тогда возможно будет спокойно ис-

[1] В тел. Сазонова от 2 июня/20 мая за № 2583 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 175, № 83) Кудашеву предлагалось доложить верх. главнокомандующему представленные Сазоновым Николаю II «соображения» о том, что «с политической точки зрения... посылка наших войск к Дарданеллам может соответствовать нашим интересам при условии, что отряд не будет слишком незначителен, ибо иначе намеченная цель не была бы достигнута». При этом, по мнению Сазонова, должно остаться в силе и «данное... союзникам обещание поддержать их со стороны Босфора». «Обеспечение такого нашего содействия было бы тем более важно, что появление союзников перед Царьградом могло бы состояться ранее того срока, когда наши воинские части могли бы подойти из Владивостока к Дарданеллам».

пользовать этот порт в качестве базы, охраняя наши суда от мин и подводных лодок и подготовляя набеги и десант к входу в Босфор. Говоря о действиях союзников в Дарданеллах и о медленности этих действий, генерал Янушкевич находится в противоречии с высказанным вами предположением, что союзники скоро подойдут к Константинополю [1]. Но его точку зрения поддерживает прибывший вчера с Галлипольского полуострова английский капитан Коббен, специально командированный в ставку генералом Sir John Hamilton'ом. Офицер этот прислан, чтобы сообщить о тяжелом положении союзного десанта, не могущего пробиться вперед и с трудом лишь удерживающегося на шестиверстном районе на южной конечности полуострова. На этом крохотном пространстве оперируют 100 000 англичан; увеличить их число не имеет смысла, и Китченер от этого положительно отказывается, так как этим еще более затруднится подвоз снаряжения и продовольствия (приходится привозить с эскадры даже воду); для подвоза этого имеется один только пункт, да и тот подвергается всякий раз обстрелу турок. (Генерал Янушкевич, между прочим, критикует неумелую артиллерийскую стрельбу англичан.) Посланец Гамильтона от имени англичан просил какого-либо военного действия в сторону Константинополя для оттяжки турецких сил с Галлиполи. Ему были объяснены все те причины, по которым мы англичанам помочь не можем, причем было указано, что такое содействие возможно при помощи Болгарии, с которой уже начаты соответственные переговоры. Обсуждая трудности вовлечения Болгарии в наш союз, англичанин, со слов Китченера, упомянул страх царя Фердинанда за свою династию и за личное свое многомиллионное состояние, находящееся в Германии и Австро-Венгрии. Китченер поэтому считает, что следовало бы к сделанным болгарскому правительству предложениям прибавить еще гарантию державами Согласия (но главным образом Россией, которой особенно опасается Фердинанд) положения самого Фердинанда и его династии, а также его имущественных интересов. Такое предположение могло бы быть по части финансовой сделано через посредство банкиров... Генерал Янушкевич горячо поддерживает эту точку зрения и, на основании недавнего своего разговора с министром финансов, полагал бы, что средства для осуществления такого плана нашлись бы, тем более, что всякий расход, способный приблизить конец войны должен почитаться выгодным помещением капитала (каждый час войны нам

---

[1] См. стр. 101, прим.

стоит 1 000 000 рублей). В этот план он не прочь даже, если надо, включить какие-нибудь денежные «компенсации» Радославову или другим влиятельным болгарам. К концу нашего разговора вошел в вагон великий князь. Услышав, о чем мы рассуждали, он заявил, что со своей стороны не видит, почему бы мы не поступали так же, как и наши противники, не стесняющиеся в подкупах нужных им людей. По поводу возможного требования Болгарией, кроме обещания компенсаций за счет Сербии и Греции, и активной военной помощи, великий князь повторил, что мы очень немногое можем сделать в смысле кооперации, в случае же опасения Болгарии за свой тыл в сторону Греции и Сербии, он думает, что англичане могли бы выделить какие-нибудь войска в Болгарию. «Впрочем, — сказал его высочество — не это важно. Не беда даже, если болгары не пойдут сразу на Константинополь. Лишь бы они объявили туркам войну: этим приостановится подвоз снаряжений в Турцию и — это самое важное теперь — облегчится положение на Дарданеллах, так как турки принуждены будут оттянуть какие-либо части к Адрианополю».

Когда великий внязь вышел, я спросил генерала Янушкевича, каково положение на главном театре войны. К сожалению, он ничего не мог сказать утешительного. Дух наших войск отличный, даже лучше, нежели был в начале войны, но нам приходится бороться при невозможных условиях, ввиду недостатка снарядов и даже патронов. Насколько их у нас мало и как скромны мы по сравнению с французами, — например, видно из того, что те цифры снарядов, почитаемые генералом Ивановым как максимальное его требование к артиллерийскому управлению, соответствуют приблизительно $^2/_3$ того, что Жоффр считает минимумом допустимого запаса перед боем.

Примите и пр. Кудашев.

№ 69. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

Письмо № 83/п. [1]. 6 июня/24 мая 1915 г.

Совершенно доверительно.

М. г. Николай Николаевич,

Наши переговоры с Румынией не подвигаются вперед [2].

Создавшаяся в Галиции неблагоприятная для нас обстановка только укрепила Братиану в его упорстве, и он продолжает настаивать на

[1] Черновик написан рукой Шиллинга.

[2] Препровождая это письмо Кудашеву для передачи его по прочтении по назначению, Шиллинг писал: «Грустно думать, что дело дошло до такого по-

предоставлении Румынии всего Баната и Буковины по линию Прута, допуская лишь незначительное сокращение румынских притязаний в Угорской Руси. К сожалению, в этом отношении требования главарей оппозиционных партий в Румынии мало отличаются от тех, которые выставляет правительство, и все сходятся главным образом в стремлении получить Черновцы, которым придается особенное значение.

Вместе с тем, под влиянием тех же событий в Галиции наши союзники начинают обнаруживать некоторое беспокойство и с нетерпением ждут выступления Румынии, возлагая на него большие надежды и стараясь поэтому убедить нас в необходимости известных уступок. Примером этого может служить прилагаемое при сем в копии частное письмо на мое имя здешнего великобританского посла [1]. Французский и итальянский послы на словах высказываются в том же смысле.

Не считая себя достаточно осведомленным, чтобы судить о том, является ли действительно вмешательство Румынии в настоящую минуту настолько необходимым с военной точки зрения, что для достижения его следует исчерпать все средства, обращаюсь к вашему высокопревосходительству с просьбой не отказать доложить вышесказанное августейшему верховному главнокомандующему и уведомить меня, не должны ли мы, ввиду важности своевременного содействия нового союзника, вновь пересмотреть поставленные нами раньше условия. При нынешнем положении дела мы можем еще надеяться побудить Румынию к немедленному выступлению только полным удовлетворением ее требований, а именно уступкой ей Буковины по линию Прута с городом Черновцами, отнесением нашей будущей границы в Угорщине севернее Мармарош-Сигета и, наконец, отдачей Румынии в с е г о Баната с некоторыми лишь оговорками для обеспечения безопасности Белграда.

Имея в виду повергнуть вышеизложенное на всемилостивейшее благовоззрение государя императора во вторник на личном моем всеподданнейшем докладе, я был бы весьма признателен вашему высокопревосходительству, если бы вы нашли возможным сообщить мне указания его императорского высочества по телеграфу [2].

Примите и пр.

[С а з о н о в.]

ложения, когда еще недавно мы могли говорить с противными румынами иначе. Как бы то ни было, — не надо унывать! Хочу верить, что настанет час, когда мы снова заговорим достойным России языком» (Письмо Шиллинга от 6 июня/24 мая).

[1] См. № 54.

[2] См. №№ 70 и 78.

№ 70. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 368. 6 июня/24 мая 1915 г.

Лично.

Получил вашу телеграмму № 2624 [1]. Сообщил ее содержание (Делькассе) ... но не мог еще переговорить с ним по ее содержанию, ибо он поглощен сегодня парламентской комиссией по [внеш]ним делам. Часть этой комиссии и другие парламентские деятели крайне удручены известием об очищении нами Перемышля, с настойчивостью запрашивают Делькассе о ходе наших переговоров с Румынией. При этом, как и во время переговоров с Италией, нас начинают обвинять в излишней несговорчивости, ибо здесь господствует убеждение, что выступление Румынии, а за ней, вероятно, и Болгарии, значительно ускорит окончание войны. Делькассе усердно реагирует против этого настроения, поддерживаемого усилиями румынских дипломатов, но необходимо иметь в виду его зависимость от парламентских кругов. Со своей стороны я всячески стараюсь разъяснить, кому следует, нашу точку зрения, но не могу скрыть от вас, что под влиянием австро-германских успехов в Галиции, здесь проявляется весьма нервное настроение, с которым нельзя не считаться. Сегодня один из влиятельнейших парламентариев прямо высказал мне, что, по мнению большинства его коллег, при настоящих условиях отдельные политические интересы союзников должны быть подчинены общей для всех необходимости как можно скорее побороть противника, ибо «Франция вряд ли выдержит еще [втор]ую зимнюю кампанию в траншеях» [2].

Извольский.

К этим заявлениям следует относиться хладнокровно.

Царское Село, [7 июня] 25 мая 1915 г.

---

[1] См. стр. 77, прим. 2.

[2] Переговорив с Делькассе, Извольский телеграфировал 6 июня/24 мая за № 370, что, по полученным в Париже из Бухареста сведениям, «хотя румынский генеральный штаб отлично понимает, что события в Галиции не могут повлиять на окончательный исход войны, там тем не менее усиленно эксплоатируют очищение нами Перемышля». «По убеждению Делькассе, — писал Извольский, — Братиану ни в коем случае не откажется от Черновцев и границы по Пруту. В беседе со мной Делькассе тщательно воздерживался от малейшего намека на желательность большей уступчивости с нашей стороны и высказал, что если после сделанного вами шага [имеется в виду пам. записка Сазонова от 3 июня/21 мая, см. № 53] Братиану не сойдет с занятого им непримиримого положения, надо будет заключить, что он решил выждать окончания войны для осуществления своих вожделений».

№ 71. Военный агент в Японии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма [1]. 6 июня/24 мая 1915 г.

Депеша Голеевского.

Имел разговор с товарищем военного министра, который конфиденциально сообщил мне главные основы плана военного ведомства на случай вмешательства Соединенных Штатов в войну.

Первым актом была бы передача союзникам всего запаса ружей Крагса или бесплатно, или по казенной цене в несколько долларов. Конгрессу предложено было бы вотировать один биллион долларов на военные расходы. Союзным государствам был бы открыт в Америке неограниченный кредит, чем мы были бы освобождены от финансовой зависимости от Англии. Намерение американского правительства, в случае его вмешательства в войну, — вовсе не налагать руку на изготовление военных припасов для союзников, а наоборот, шире помогать им именно в смысле снабжения и финансов, тем более, что Америка, особенно первое время, активного участия в войне принять не может и потребности ее армии в снабжении будут невелики. С течением времени Америка надеялась бы послать в Европу армию до пятисот тысяч.

Что касается в частности винтовок Крагса, то доношу, что мое личное и окончательное мнение таково: мы можем получить эти винтовки в случае вмешательства Америки в войну и в таком случае получим их на условиях, указанных выше, т. е. по их нормальной цене. Иначе, помимо или вопреки желания американского правительства, мы получить их ни по какой цене и ни при каких условиях не можем.

Казалось бы необходимым теперь же подготовить дипломатическую почву с тем, чтобы в момент объявления войны Америкой обратиться к ней с просьбой передать запас этих винтовок именно нам [2].

Самойлов.

№ 72. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма [3]. 7 июня/25 мая 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 368 [4].

В переговорах с Румынией несговорчивость обнаруживает последняя, а не Россия, которая, хотя и имела бы больше права настаивать

---

[1] Номер отсутствует. Передается депеша военного агента в США Голеевского.

[2] Конец депеши Голеевского.

[3] Номер отсутствует. Публикуемый документ представляет собой проект неотправленной тел.

[4] См. № 70.

на своих справедливых пожеланиях, уже сделала существенные уступки, отчасти во внимание к просьбе Делькассе, и готова была бы, пожалуй, выказать еще больше благожелательности к румынским вожделениям, если бы Братиану, наконец, вошел в обсуждение вопроса, а не ограничивался предъявлением неизменных требований. К сожалению, приходится думать, что дело не в тех или иных уступках с нашей стороны, а в нежелании румын выступить в такое время, когда германские войска находятся сравнительно близко от румынских границ. Таким образом надо признать, что не мнимая несговорчивость России удерживает румын, а создавшееся в Галиции военное положение; последнее же в свою очередь вызвано исключительно недостатком у нас боевых припасов. Поэтому вместо советов быть уступчивыми французы должны были бы, в целях общей пользы, помочь нам ускорить пополнение нашего вооружения, а кроме того, постараться, наконец, произвести на своем фронте более действительный нажим, подобно тому, как мы это сделали в Восточной Пруссии, когда немцы наступали на Париж. Что касается замечаемой, по вашим словам, усталости, вследствие которой французы, может быть, не выдержат зимней кампании, то я отказываюсь поверить, чтобы Франция, после принесенных уже крупных жертв, могла допустить мысль об окончании войны без возвращения себе Эльзаса и Лотарингии, составлявшего ее народную мечту в течение стольких десятилетий. Только в непоколебимой твердости залог конечного успеха.

Сазонов.

№ 73. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 169. 7 июня/25 мая 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 157 [1].

До сих пор Италия официально не находится еще в войне ни с Германией, ни с Турцией. Это положение несколько тревожит французского посла, указывающего, что оно мешает Италии секвестровать германские суда в итальянских портах и тем принуждает французскую эскадру крейсировать пред этими портами, чтобы не допустить выхода германских судов. С другой стороны, на прошлой неделе английский посол доверительно запросил Соннино, не находит ли он возможным опубликовать присоединение Италии к соглашению 5 сентября [23 авг.] [2],

[1] См. стр. 8 прим. 21.

[2] См. т. VII, № 612.

так как английское правительство желало бы объявить о таком присоединении до открытия парламента, т. е. до 3 [июля] нового стиля. Итальянский министр иностранных дел ответил, что он предпочитает опубликовать акт лишь за официальным объявлением войны между Италией и Германией. В этом отношении Лондон удовлетворился этим ответом, так как дальнейших шагов он здесь не предпринимал. Не имея указаний от своих правительств послы Согласия не считают возможным предпринимать какие-либо шаги для ускорения объявления войны Германии, и в свою очередь ни английский посол, ни я не видим причины подозревать в чем-либо Италию. Мы однако в частных беседах с Соннино запрашивали его о положении вопроса касательно Германии и Турции с целью донести об этом положении нашим правительствам [1].

Гирс.

№ 74. Управляющий консульством в Исфагани министру иностранных дел.

Телеграмма № 338 [2]. 7 июня/25 мая 1915 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Съехавшиеся бахтиарские ханы оживленно обсуждают отношение к ним англичан, которые резко изменили за последнее время свое поведение. Бахтиарами получено из Тегерана известие, что драгоман английской миссии Черчилль сильно запугивает Самсам-эс-Солтане и Сердар-Асада русскими, причем угрозы Черчилля простираются до заявлений, что русские намерены послать в Бахтиарию несколько тысяч казаков с пушками. Черчилль дает им понять, что англичане бессильны что-либо для бахтиар сделать, ибо Россия намерена наказать бахтиар за убийство Кавера. Должен доложить, что и здесь, в Исфагани, великобританский консул действует по отношению к бахтиа-

[1] 8 июня/26 мая за № 170 Гирс телеграфировал Сазонову, что, по сообщению Соннино, «отношения между Италией и Германией все в том же положении... Министр предпочел бы объявить войну сперва Германии и мгновенно за сим Турции, но, вероятно, события изменят эту очередь». В тот же день за № 175 Гирс телеграфировал, что «Бюлов. в день своего выезда подписал с Соннино соглашение, взаимно обеспечивающее свободу и право владения подданных другого государства. «В силу этого соглашения к торговым судам применяется постановление Гаагской конференции, допускающее секвестр при уплате стоимости судна». (Ср. Bülow, Denkwürdigkeiten III, S. 24.

[2] Царск. экз.

рам в таком же духе. Ханы несколько раз обращались и обращаются ко мне с просьбами разъяснить им, соответствуют ли заявления Черчилля намерениям России, и не скрывают своей тревоги.

Позволяю себе высказать предположение, что дело сводится, по-видимому, к стремлениям англичан, запугав бахтиар Россией, имеющей, по заявлениям англичан, право быть недовольной бахтиарскими губернаторами, вслед за тем предложить свои добрые услуги по улажению недоразумений и возобновить старинную дружбу. Разумеется, англичане, имеющие, как известно, счеты с бахтиарами, пользуются этим случаем, чтобы выговорить себе компенсации в виде формального обязательства бахтиар во всем им подчиняться, тем более, что за последнее время обозначилось тяготение известной части бахтиар к России. В столь щекотливом вопросе я веду себя крайне осторожно, лишь принимая к сведению доходящие до меня факты, о которых и считаю долгом донести.

Присовокупляю, что великобританский консул осведомлен о вышесказанных заявлениях Черчилля бахтиарским ханам в Тегеране.

Гильдебрандт.

№ 75. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 618. **7 июня/25 мая 1915 г.**

Копия сообщена в Пекин.

Сегодня подписано тройное русско-китайско-монгольское соглашение, и состоялся обмен нот об амнистии и телеграфном вопросе[1].

Миллер.

№ 76. Посланник в Пекине китайскому министру иностранных дел Сунн Поо-ши.

Нота № 89[2]. **7 июня/25 мая 1915 г.**

Как я имел честь заявить вашему превосходительству при личном свидании 27/14 минувшего апреля, вопрос о недопущении китайской колонизации в пограничной с Внешней Монголией полосе был поднят императорским правительством не в связи с положением Внут-

[1] О переговорах по поводу заключения тройного соглашения см. т. VII. Текст тройного соглашения и нот об амнистии и по телеграфному вопросу был опубл. в «Собр. узакон. и распор. прав-ва», отд. 1, № 221, от 16/3 авг. 1915 г. и в Изв. М. И. Д. за 1915 г. кн. V, стр. 6—24; обмен писем по вопросу о кит. колонизации в пограничной с Внешней Монголией полосе см. №№ 76, 77.

[2] Лит. копия.

ренней Монголии, а с точки зрения поддержания самобытного строя Внешней Монголии, составляющего цель декларации 1913 года.

Граница между автономной Внешней Монголией и Внутренней Монголией, особенно в Силингольском сейме, пройдет по пустынным местам, где население искони привыкло переходить ее при кочевках. Если в этих местах появится оседлое китайское население, то при отсутствии охраны границы, несомненно, весьма неопределенной, китайцы естественно начнут переходить ее и появляться во Внешней Монголии, что будет противно взятому на себя китайским правительством обязательству не колонизировать Внешней Монголии и поведет к пограничным инцидентам и прениям между автономной Внешней Монголией и ее сюзереном Китаем.

Императорское правительство считает поэтому необходимым настаивать, чтобы в пограничной с Внешней Монголией полосе не было оседлого китайского населения, и желало бы получить от китайского правительства обязательство в этом смысле, которое могло бы быть изложено примерно в следующих выражениях:

«Ввиду того, что появление оседлого китайского населения на границах автономной Внешней Монголии при неопределенности этой границы, проходящей по местам, населенным кочевниками, повело бы к неизбежному вселению китайских колонистов во Внешнюю Монголию, условлено, что пограничная между Внешней и Внутренней Монголией полоса должна оставаться территорией кочевок местного населения».

Ввиду сего, я покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать почтить меня официальным сообщением в изложенном выше смысле.

[Крупенский.]

№ 77. Китайский министр иностранных дел российскому посланнику в Пекине Крупенскому.

Нота № 115[1]. 7 июня/25 мая 1915 г.

Вследствие поднятого российским правительством вопроса о пограничной с Внешней Монголией полосе я имел честь получить сообщение вашего превосходительства от сего числа[2] о том, что, особенно в Силингольском сейме граница, проходя по пустынным местам, является неопределенной и следует по местам, населенным кочевни-

[1] Лит. копия.
[2] См. № 76.

ками, и что появление здесь оседлого китайского населения повело бы к неизбежному вселению его во Внешнюю Монголию.

Ввиду этого вы просили, чтобы было условлено, что пограничная полоса между Внешней и Внутренней Монголией останется территорией кочевок местного населения.

В настоящем вопросе китайское правительство считает возможным выразить свое принципиальное согласие; что же касается подробного определения размеров этой сферы, то китайское правительство признает возможным установить таковую одновременно с официальным определением границы, предусмотренным XI статьей принятых на Кяхтинской конференции договорных постановлений.

Сообщая о вышеизложенном вашему превосходительству, считаю долгом просить довести о сем до сведения российского правительства.

[Сун Пао-ши.]

№ 78. Верховный главнокомандующий министру иностранных дел.

Телеграмма № 265 [1]. 7 июня/25 мая 1915 г.

Не я веду общую политику [2], а посему не имею возможности судить о том, насколько общая политическая обстановка вызывает необходимость дальнейших уступок Румынии, дабы заручиться ее немедленным выступлением совместно с нами.

С этой точки зрения я не могу дать своего заключения. С чисто же военной точки зрения выступление Румынии при теперешней обстановке на театре военных действий является весьма желанным, так как дает основание надеяться, что при немедленном выступлении Румынии произойдет оттяжка войск с галицийского фронта, и ее фланговое положение к галицийскому театру усугубит важность ее выступления. Резюмируя, считаю, что если будет признано пойти на уступки, то только при условии немедленного выступления Румынии, при котором эти уступки могут найти себе оправдание.

Генерал-адъютант Николай.

№ 79. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Телеграмма № 528. 7 июня/25 мая 1915 г.

Вследствие телеграфного предписания вашего высокопревосходительства от вчерашнего числа № 2660 [3], телеграмма нашего поверен-

[1] Маш. копия.

[2] См. № 69.

[3] Содержание этой тел. изложено в первом абзаце публикуемого документа.

ного в делах в Сербии № 595[1] была доложена верховному главнокомандующему. При этом его императорскому высочеству была передана ваша просьба указать королевичу Александру на желательность сосредоточения в настоящую минуту сербских сил против Австрии и на опасность отвлечения их на второстепенные операции.

Вследствие сего сегодня его императорским высочеством была послана королевичу телеграмма нижеследующего содержания: «Осведомившись, что сербская армия предпринимает операции в Албании, считаю необходимым указать, что такое решение не отвечает общим интересам всех союзников, и я надеюсь, что ваше высочество не упустите этого из виду и ограничите наблюдение за албанской границей самыми крайне необходимыми силами. Генерал-адъютант Николай».

Со своей стороны начальник штаба верховного главнокомандующего призывал сербского военного агента подполковника Лонткевича и сделал ему серьезное внушение. Заявив ему, что он говорит не от имени верховного главнокомандующего, а лишь от своего собственного, генерал Янушкевич сказал, что, конечно, сербская армия не подчинена нашей и вольна делать, что желает, но что если она будет использована в явный ущерб общим интересам союзников, то мы поступим соответственно и начнем с того, что прекратим подвоз в Сербию продовольствия и снарядов. Но дабы Лонткевич не думал, что у него, у начальника штаба, имеются какие-либо предубеждения против сербов или желания под каким-либо предлогом лишать их того, в чем мы сами ощущаем потребность, генерал Янушкевич предложил сербскому военному агенту ознакомиться с ответом, посланным третьего дня из штаба генералу Жоффру, обратившемуся с запросом, не следует ли, ввиду крайней нужды у нас по части снарядов, направлять предназначенные для Сербии боевые припасы в Россию: французскому главнокомандующему было отвечено, что ни один снаряд, заказанный для Сербии, не должен миновать своего назначения. Но все это может измениться, — заметил генерал Янушкевич, — если Сербия начнет действовать прямо против интересов союзников.

Передавая мне об изложенном, начальник штаба прибавил, что он нарочно отделил лично свое участие в воздействии на сербов от воздействия великого князя, дабы мочь высказаться более энергично и тем самым произвести большее впечатление на своего собеседника серба, в чем, как он думает, он вполне успел.

Примите и пр. Н. Кудашев.

[1] 4 июня/22 мая за № 595 Штрандтман телеграфировал Савонову о занятии серб. войсками алб. территории. См. № 62.

№ 80. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма №. 2685. 8 июня/26 мая 1915 г.

Секретно.

Углубление сербов в Албании вызывает раздражение Италии, способное привести к весьма нежелательному недоразумению между этими обоими нашими союзниками. По моей просьбе верховный главнокомандующий телеграфировал королевичу Александру, выражая надежду, что он ограничится наблюдением за албанской границей самыми крайне необходимыми силами [1]. Генерал Янушкевич, со своей стороны, высказался по этому поводу самым решительным образом перед сербским военным агентом. Благоволите в самой дружественной и осторожной форме указать сербам на [2] необходимость безусловно сообразоваться с указаниями верховного главнокомандующего.

Сазонов.

№ 81. Поденная запись министерства иностранных дел [3].

8 июня/26 мая 1915 г.

Личный доклад министра в Царском Селе, на котором последовало высочайшее соизволение, ввиду данного верховным главнокомандующим отзыва о желательности скорейшего привлечения Румынии на нашу сторону [4], сделать еще новые уступки румынским требованиям.

№ 82. Военный агент в Японии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма [5]. 8 июня/26 мая 1915 г.

Депеша Голеевского:

«Английский посол в Вашингтоне чрезвычайно опасается вмешательства Америки в войну, будучи убежден, что это затруднит снабжение Англии боевыми припасами. В этом взгляде не трудно различить вли-

[1] См. № 79.

[2] Далее зачеркнуто: «несвоевременность занятия ими Эльбасана и на необходимость безотлагательно эвакуировать его. Настойте также на ускорении их выступления против Австрии, имеющего серьезное значение с точки зрения общих интересов всех союзников».

[3] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 21.

[4] См. № 78.

[5] Номер отсутствует.

яние Моргана, для прибыли которого вмешательство Америки крайне опасно, так как с той минуты, как Америка официально начнет помогать союзникам и откроет им кредит, монополизация подрядов Моргана потеряла бы смысл, и его громадная прибыль прекратилась бы».

Самойлов.

№ 83. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2717. 9 июня/27 мая 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Королева румынская обратилась с письмом лично к государю императору [1], настоятельно прося его величество согласиться на осуществление румынских пожеланий и обещая за это немедленно выступление Румынии. Государю императору благоугодно лично ответить королеве в благожелательном смысле [2]. Вместе с тем вам поручается сделать еще попытку договориться с румынами на основе более широкого удовлетворения их требований. Но, прежде чем [3] вступить в переговоры на этой почве, необходимо удостовериться, что новые уступки не окажутся напрасными и что румыны, заручившись ими, не начнут под всякими предлогами оттягивать свое выступление. Поэтому благоволите прежде всего установить [4], через сколько дней после того, как состоится соглашение, мы можем рассчитывать на объявление Румынией войны Австро-Венгрии. Если действительно, как это утверждает здесь Диаманди, Румыния готова выступить через несколько дней, Россия для достижения этого может принести значительную [5] жертву, а именно: принять в Буковине предложенную министром

[1] В письме к Николаю II от 29/16 мая, подписанном румынской королевой, сообщалось, что рум. прав-во считает необходимым «отказаться от своего нейтралитета»... и просит «прислушаться к притязаниям Румынии», указывая на то, что Румыния, при ее выгодном географическом положении и военных возможностях, позволяющих рассчитывать, по крайней мере, на миллион людей, является все же «фактором не совсем достойным пренебрежения». То «странное» обстоятельство, что Италия вступлением в войну опередила Румынию, объяснялось тем, что итальянские условия были приняты, а румынские не встретили сочувствия.

[2] Письмо Николая II в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] Далее зачеркнуто: «пойти на тяжелые для нас уступки».

[4] Далее зачеркнуто: «что подразумевается под «немедленным» выступлением, о котором говорят румыны».

[5] «Значительную» стоит вместо зачеркнутого: «некоторые».

Костинеску (согласно вашей телеграмме № 274 [1]) границу с уступкой Румынии города Черновцев. Кроме того, благоволите точнее выяснить, что именно разумел Братиану под словами «région de la haute Tisza» [2], от притязаний на которую он отказался через посредство Диаманди (моя телеграмма к вам № 2424 [3]). Если в Угорщине румыны не будут настаивать на уступке им чисто русского населения, то и здесь возможно будет найти примирительное решение. Что касается Баната, то во избежание создания почвы для непримиримой вражды со стороны сербов, было бы крайне желательно, чтобы румыны не простирали своих требований на юго-западную часть Торонтальского комитата, которая почти сплошь заселена сербами, как, например, Панчевский уезд, что, как сказано в вашей телеграмме № 277 [4], признается всеми благоразумными румынами.

Ввиду упрямства Братиану, который, повидимому, в душе не желает выступления Румынии [5], благоволите переговорить с Костинеску, Таке Ионеску и другими, а также, если это окажется возможным, испросить приема у королевы и, выяснив вопрос о сроке возможного выступления, приложите все старания, чтобы огромное значение допускаемой нами уступки Черновцев под условием немедленного выступления было оценено по достоинству [6].

Сазонов.

Хорошо. Но дальше этих уступок нам итти невозможно.

Царское Село, [10 июня] 28 мая 1915 г.

№ 84. Поденная запись министерства иностранных дел [7].

9 июня/27 мая 1915 г.

Итальянский посол, по поручению своего правительства, настоятельно просил министра пойти на дальнейшие уступки Румынии ввиду

---

[1] См. т. VII, ч. II, стр. 443 прим. 1.

[2] «Район Верхней Тиссы».

[3] См. № 6.

[4] См. т. VII, № 753.

[5] Первоначальная редакция этой фразы была следующая: «Ввиду необыкновенного упрямства и узости взглядов Братиану, который, повидимому, в душе не желает выступления Румынии и стремится лишь к достижению личного дипломатического успеха».

[6] Далее зачеркнуто: «Из ваших иностранных сотоварищей считаю желательным привлечь к переговорам по этому поводу пока лишь итальянского посланника, так как Блондель представляется мне недостаточно осторожным».

[7] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 21.

первостепенного значения, которое придается выступлению последней Италией [1].

№ 85. Проект телеграммы французского посла своему правительству [2].

9 июня/27 мая 1915 г.

Mr. Sazonow serait disposé à céder sur la question de Czernowitz, si la Roumanie se déclarait prêt à entrer en action sans délai.

Il attacherait toutefois un grand prix à ce que votre excellence traitât personnellement la question avec Mr. Lahovary; il croit en effet que Mr. Blondel ne se laisse impressionner par Mr. Bratiano et ne fasse pas suffisamment valoir l'importance de la concession sur Czernowitz [3].

Перевод.

Г. Сазонов был бы склонен уступить в вопросе о Черновцах, если Румыния объявит о своей готовности начать военные действия безотлагательно.

Он придавал бы тем не менее большую цену тому, чтобы ваше превосходительство лично вели по этому вопросу переговоры с г. Лаговари; он в самом деле опасается, как бы г. Блондель не поддался влиянию г. Братиану и недостаточно подчеркнул значение уступки в вопросе о Черновцах.

№ 86. Вице-консул в Скутари министру иностранных дел.

Телеграмма [4]. 9 июня/27 мая 1915 г.

Весьма доверительно.

Телеграфирую в Цетинье.

Сообщается в Ниш.

Консулы австрийский и итальянский отправили вчера в Медуа делегацию в составе епископа алессийского, нескольких нотаблей и драгоманов своих консульств, дабы настоять перед малисорами на прекращении грабежа черногорского груза [5] и возвращении похи-

---

[1] В тел. от 8 июня/26 мая за № 176 Гирс, излагая беседу Соннино с рум. посланником в Риме (Гика) по поводу прекращения Фашиотти переговоров с Братиану, писал, что Соннино объяснил это своему собеседнику несговорчивостью Румынии и России: «При этом, — отмечал Гирс, — министр добавил, что в России господствует убеждение, что никакие уступки не удовлетворят Румынию, потому что последняя, видимо, не желает воевать. Гика протестовал против этого, настаивая на необходимости для Румынии владеть Черновцами и умалчивая о Банате».

[2] Заголовок оригинала написан рукой Шиллинга.

[3] Текст тел. написан карандашом рукой Палеолога.

[4] Номер отсутствует.

[5] Сообщая о столкновениях между албанцами и черногорцами, воен. агент

щенного, что почти неосуществимо. Мысль об этой посылке, одобренная итальянским консулом, принадлежит австрийскому. Подобное совместное выступление объясняется, быть может, тем, что в данном деле известие о появлении сербов на албанской территории [1] привело к некоторому сближению между двумя консульствами. Французский коллега доносит в том же смысле.

Ферхмин.

№ 87. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. **9 июня/27 мая 1915 г**

Лично. Совершенно секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Проезжавший здесь несколько раз из Парижа в Петроград и обратно известный вашему высокопревосходительству французский дипломат Дютаста поведал мне как-то в совершенно личном и доверительном разговоре, что между тремя кабинетами Согласия обсуждался вопрос о целесообразности ассигнования известной суммы на подкуп здешних государственных деятелей, помощь и содействие коих нам могут быть полезны. Он называл мне и французскому посланнику цифру предполагавшегося ассигнования. Не указывая на причины, побудившие союзные правительства отказаться от возникшей было мысли, г. Дютаста лишь сообщил, что последняя была оставлена. На то же предположение сделал мне намек и наш министр финансов на обратном пути из Парижа, прибавив, что при обсуждении вопроса было решено не давать ему дальнейшего хода.

Если бы не эти два случайные разговора, то я, быть может, затруднился бы по собственной инициативе затронуть сегодня вопрос, столь претящий всякому нравственному чувству, несмотря на всю пользу, которую можно было бы из него извлечь.

Испорченность стоящих здесь у власти лиц и вообще политических и общественных деятелей настолько велика и всосалась в их кровь и плоть, что я смею утверждать, что без подкупа тут трудно будет чего-либо достигнуть; во всяком случае противодействие наших врагов, искусно играющих именно на этой слабой струне, будет настолько сильно, что будет парализовать все наши начинания.

в Черногории Потапов телеграфировал в отдел ген.-квартирмейстера 10 июня/28 мая (без номера), что «один из вооруженных черногорских пароходов, войдя с грузом в реку Бояну без повода расстрелял из пулеметов стоявшую на берегу толпу албанцев, из числа коих 50 человек оказались убитыми».

[1] См. № 62.

Входить в какие-либо подробности раньше, чем иметь ваше принципиальное мнение, я считаю, конечно, затруднительным и бесполезным. Когда речь шла об ассигнованиях на печать, я имел случай видеть, как вы смотрите на общественное мнение, приобретенное такою ценой. В принципе я совершенно согласен с вами, что оно многого не стоит, но, к сожалению, на практике мы видим другое. Кроме того, затрагивая настоящий вопрос, я далек от мысли, что таким путем мы создадим общественное мнение; нет, благоприятное нам общественное мнение будет создаваться теми реальными государственными интересами и выгодами, которые будут обеспечиваться Болгарии и болгарскому народу единением с Россией; предполагаемым же путем будут устранены лишь те механические, так сказать, препятствия, которые мешают молодому болгарскому народу, лишенному еще политического и правового смысла и самостоятельности, стать на правильный путь.

Со стороны разных деятелей, политических и общественных, мне, и особенно моим сослуживцам, постоянно делаются более чем прозрачные намеки; самым ярким из них было замечание Геннадиева о том упреке, который, будто, ему делается за изменение в нашу сторону политического курса, объясняемое, мол, получением от нас трех миллионов.

Извиняясь за возбуждение этого щекотливого вопроса, я был бы очень благодарен вам за принципиальный отзыв.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 88. Греческий министр иностранных дел Зографос греческому посланнику в Петрограде Драгумису.

Телеграмма [1]. 9 июня/27 мая 1915 г.

Confidentiel.

De Vienne.

J'apprends que vues sont indirectement échangées entre Allemagne et Autriche et Russie et Serbie en vue d'une paix à deux. A la suite d'informations données par une personne de haut rang, mais sous certaines réserves, les pourparlers entre l'Autriche et la Serbie roulent sur les conditions que la Serbie donne à l'Autriche d'une manière quelconque satisfaction pour le crime de Sérajewo, question des chemins de fer et cession d'une partie de la Macédoine occupée à la Bulgarie, Autriche d'autre part consentà céder à la Serbie un port sur la mer Adri-

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

atique, Durazzo ou Medua, lui cédera Albanie du nord jusquà Skoumbi, lui fera un grand emprunt, facilités économiques, pour ses expéditions et transits sur les chemins de fer..., de...., et de la Dalmatie.

Перевод.

Доверительно.

Из Вены.

Узнаю косвенным путем, что между Германией и Австрией [с одной стороны] и Россией и Сербией [с другой] состоялся обмен мнений по поводу заключения сепаратного мира. Согласно информации, данной высокопоставленным лицом, но с известными оговорками, переговоры между Австрией и Сербией касаются следующих условий: удовлетворения Сербией Австрии за сараевское преступление, вопроса железных дорог и уступки Болгарии части оккупированной Македонии. С другой стороны, Австрия соглашается на уступку Сербии порта на Адриатическом море: Дураццо или Медуа, уступит ей Северную Албанию до Шкумби, предоставит ей большой заем и экономические льготы для ее ввоза в Австрию и транзита на железных дорогах ... и Далмации.

№ 89. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 293. 9 июня/27 мая 1915 г.

Доверительно.

Марлинг и я предложили Маклену и Косьминскому доверительно обсудить условия возможности ежемесячных авансов персидскому правительству. Мысль Косьминского — обеспечить их при посредстве проектируемой нами сахарной монополии [1] и возможной английской чайной монополии. Марлинг считал бы целесообразнее не настаивать на определенных гарантиях, дабы Персия оказалась еще более связанной, и в еще большей зависимости от нас ко времени окончания войны, когда на очередь станет вопрос о разграничении.

Эттер.

№ 90. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 296. 9 июня/27 мая 1915 г.

Продолжение моей телеграммы за № 295 [2].

Разделяю мнение первого министра, что положение в Исфагани главным образом зависит от поведения бахтиар. Таково же мнение

[1] См. стр. 192, прим. 2.

[2] Тел. от 9 июня/27 мая за № 295 Эттер сообщал Сазонову: «Эйн-эд-Доуле подтвердил, что правительство продолжает принимать нужные меры к обеспечению спокойствия в Исфагани» и что он «твердо рассчитывает, что порядок не будет нарушен».

Марлинга, который, ввидах удержания их от каких-либо выступлений, ныне принимает меры давления на главных ханов, Самсам-эс-Солтане и Сердар-Асада, не исключая личного денежного воздействия, для каковой цели английское правительство открыло ему внушительный кредит. Английский представитель рассчитывает на благоприятный результат и думает, что образ действий бахтиар окончательно определится дня через три. Без их помощи германо-турецкие агенты едва ли решатся на решительные действия, тем более, что поведение жандармов теперь стало более корректным [1]. Английская миссия, кроме того, поспешила поддержать кандидатуру Сердар-Ашджа в пишкары Исфагани и открыто предлагает заместить бахтиарами некоторые генерал-губернаторства Южной Персии. Англичане явно, по более дальновидным соображениям, стремятся вернуть себе расположение бахтиар. Во всяком случае, в данную минуту это может послужить делу успокоения Исфагани.

Эттер.

№ 91. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Письмо. 9 июня/27 мая 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Здесь, в общем, за последнюю неделю, наступило некоторое успокоение. За исключением членов правительства, не перестающих жаловаться на свое тяжелое положение и на недостаточную поддержку, оказываемую им миссиями, деятели всех оттенков и направлений как бы демонстративно обращают наше внимание на установившееся затишье, предупреждая в то же время, что оно под влиянием духовенства, вероятно, будет до известной степени нарушено с наступлением в июле месяце рамазана.

Наиболее опасным в данную минуту центром является Исфагань, где германо-турецкие агитаторы всеми силами стараются продолжать начатое дело.

Эйн-эд-Доуле вчера еще извинялся предо мной по поводу не состояв-

[1] Тел. от 3 июня/21 мая за № 321 Гильдебрандт сообщал, что исфаганские германцы предложили капитану Глирупу «выяснить линию поведения жандармерии на случай возникновения в городе крупных беспорядков, которые уже ими, германцами, подготовлены». Глируп ответил, что намерен исполнить полученное из Тегерана предписание «поддерживать нейтралитет страны и порядок в Исфагани».

шегося назначения до сих пор генерал-губернатором принца Нусрет-эс-Солтане.

Задержка эта произошла вследствие угроз со стороны недовольных и обиженных бахтиар, о которых я упоминал в последнем своем письме и телеграммах [1]. Министр прибавил, что правительство предписало спешно усилить состав жандармерии, что оно обсуждает вопрос об организации специальной городской полиции в Исфагани и что главное его внимание обращено на охранение безопасности иностранцев.

Позволяю себе повторить, что англичане, приметив желание бахтиар сблизиться с нами, решили, что пришло время примириться со своими всегдашними друзьями. Под предлогом урегулирования некоторых тяжебных дел Сердар-Асада и Самсам-эс-Солтане, английская миссия вчера вручила каждому из них по три тысячи фунтов стерлингов. Сделка, повидимому, удалась, так как ханы сегодня предложили Сердар-Ашджа не отказываться от принятия должности пишкара исфаганского генерал-губернатора [2].

Мы первые доверительно выставили его кандидатуру, — это известно и первому министру и бахтиарским ханам. Между тем не далее, как вчера, Эйн-эд-Доуле притворно высказывал мне опасения, что мы, вероятно, принципиально воспротивимся назначению бахтиара.

Персы, как видно, все еще не могут примириться с фактом установившегося между нами и англичанами согласного образа действий, и, я уверен, приветствовали бы каждый повод или предлог к его нарушению.

Нет сомнения, что восстановление дружбы с бахтиарами явилось для англичан мерой своевременной и дальновидной, но формально оно

[1] См. №№ 56, 90. 12 июня/30 мая Гильдебрандт за № 361 телеграфировал о том, что в Исфагани состоялось особое совещание ханов, мулл и купцов для обсуждения бахтиарского вопроса и поведения прав-ва. «Результатом совещания была телеграмма... духовенства и купцов в меджлис от имени всего населения Исфагани с угрозами не допустить вступления в Исфагань губернатора не-бахтиара, с указанием, что бахтиары, столько поработавшие для конституции, имеют право на сохранение своего влияния в стране», а «лишение в настоящий момент бахтиар губернаторского поста в Исфагани может повлечь за собой чрезвычайные события вплоть до кровопролития». В заключение Гильдебрандт сообщал: «Некоторые бахтиарские ханы находятся в сношениях с здешними германскими агентами».

[2] 6 июня/24 мая за № 288 Эттер телеграфировал: «Ферман-Ферма остановился на мысли назначить пишкаром к Нусрет-эс-Солтане Сердар-Ашджа и ведет по этому поводу соответствующие переговоры с бахтиарскими ханами. Англичане за последние дни стали также и со своей стороны явно проявлять большое благоволение к бахтиарам».

состоялось как бы с нашего согласия, что соответствует совместно преследуемой нами в данную минуту главной цели, заключающейся, как мне кажется, в солидарном стремлении к ненарушению нейтралитета и спокойствия Персии.

Поскольку дело касается предотвращения столкновений в Исфагани, представлялось необходимым привлечь на нашу сторону бахтиар, уже начавших было дружить с германцами под влиянием их золота. Результат этот, я надеюсь, достигнут, хотя окончательно это выяснится лишь через несколько дней.

Считаю нелишним прибавить, что мне привелось за последние дни, разговаривая с некоторыми из виднейших персидских деятелей (конечно, не из числа членов правительства), отметить растущие среди них разочарование и сомнение в способностях кого бы то ни было из их соотечественников вывести страну из настоящего хаоса. Они прямо высказали мне свое убеждение, что единственным спасением для Персии явится принятие ее Россией и Англией под их непосредственное покровительство и контроль, т. е. под протекторат, хотя бы временный.

Едва ли до них дошли уже слухи о проектированном плане, но я начинаю думать, что проведение этого плана со временем в исполнение встретит менее острое сопротивление, чем ныне кажется.

Настоящий кабинет далеко не на высоте своего призвания, но, каков бы он ни был, он, пожалуй, при данных обстоятельствах, лучше всякой другой министерской комбинации. В интересах ненарушения временно спокойствия нам следует его поддержать, особенно материально, так как без денежной помощи он будет недолговечен [1]. В предвидении же предстоящих коренных мероприятий, связанных с подпадением Персии под наш и английский полный контроль, императорское правительство, может быть, признает целесообразным не настаивать на слишком строгих или определенных гарантиях при оказании ей неизбежной ныне помощи.

Марлинг, я думаю, не ошибается, говоря, что, чем более возрастет задолженность нам Персии и чем запутаннее станут ее дела и пуста

[1] 17/4 июня в письме к Сазонову Эттер, отмечая необходимость поддерживать «настоящее положение вещей», писал: «До окончания войны нам следует избегать возбуждения против себя общественного мнения, оказывая в то же время возможное содействие данному, находящемуся у власти правительству, причем содействие это неминуемо должно будет выразиться в материальной помощи. Без средств никакое правительство не будет иметь возможности, пока нам это нужно, поддерживать спокойствие, а следовательно, и нейтралитет, так как германо-турки явно имеют в виду втянуть Персию в войну, воспользовавшись волнениями или вспышкой».

казна, тем более ее дальнейшая судьба окажется в зависимости от нас. Вышеприведенные предвидения некоторых персидских деятелей это подтверждают с другой стороны.

Примите и пр.

Эттер.

№ 92. Управляющий консульством в Исфагани министру иностранных дел.

Телеграмма № 341 [1]. 9 июня/27 мая 1915 г.

Телеграфирую в Тегеран.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 338 [2].

Великобританский консул получил телеграмму от Марлинга, в которой последний предлагает уверить Сердар-Мухташима и его семью, известных тяготением к России, в симпатиях к ним великобританской миссии в Тегеране — просит их поручить себя всецело заботам миссии; вместе с Марлингом советует Сердар-Мухташиму выехать в Тегеран. Хотя персидское правительство решило, повидимому, нанести удар бахтиарскому влиянию, кроме назначения губернатором не-бахтиара, еще и вызовом Зилль-эс-Султана, однако Марлинг всячески обнадеживает бахтиар. Грахэм исполнил поручение, после чего бахтиары отправили к нему делегацию, весьма недвусмысленно заявившую о неудовольствии Россией. Бахтиарам, по их мнению, персидское правительство угрожает лишь под давлением враждебной к ним России. В этом их убеждает официальное изъявление симпатий англичанами, тогда как я, за неимением указаний, не мог этого сделать. Грахэм почему-то высказал мне уверенность, что тождественные инструкции относительно бахтиар, одновременно с телеграммой Марлинга ему, посланы императорской миссией и мне.

Гильдебрандт.

№ 93. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 371. 10 июня/28 мая 1915 г.

Секретно.

Копии в Лондон и Рим.

Известие о движении сербских войск в Албанию и о взятии ими Эльбасана произвело на Делькассе крайне неблагоприятное впечатление, тем более, что здесь известно, что наш верховный главноко-

---

[1] Царск. экз.

[2] См. № 74.

мандующий за последнее время несколько раз настойчиво побуждал Сербию к возобновлению наступления на австрийском фронте. Делькассе уже предписал французскому посланнику в Нише обратить серьезное внимание на несвоевременность и опасность этого предприятия, которое ослабляет сербские силы в борьбе против общего врага; кроме того, оно не только вызывает протест Италии [1], но может побудить итальянское правительство тотчас занять Дураццо. Делькассе думает, что решение Пашича двинуть войска по направлению к Адриатическому морю может быть объяснено чувством опасения насчет сделанных державами уступок Италии на Адриатическом побережьи. Поэтому, по мнению Делькассе, было бы желательно сообщить сербскому правительству, с согласия Италии, точные данные о протяжении сказанного побережья, которое будет предоставлено Сербии и Хорватии. Делькассе высказался в этом смысле перед Титтони, который обещал телеграфировать об этом в Рим.

Извольский.

№ 94. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 324. 10 июня/28 мая 1915 г.

Не видавшись с Братиану в течение более трех недель, я сегодня заехал к нему, причем я сам вовсе не подымал вопроса о наших переговорах. Братиану сразу стал мне говорить об изложенном в телеграмме вашего высокопревосходительства № 2612 [2] нашем ответе и заметил, что, несмотря на события в Галиции и на впечатление, которое они здесь производят, он будто был бы готов на немедленное выступление Румынии, если выставленные им условия будут приняты. Я выразил свою глубокую уверенность в том, что румынские требования не могут быть приняты в полном их объеме, но Братиану остался при своей уверенности, что справедливые, по его мнению, пожелания Румынии будут удовлетворены; мне не удалось выяснить, на чем основан такой оптимизм Братиану.

Поклевский.

---

[1] Штрандтман телеграфировал 2 июня/20 мая за № 594, что «вследствие слухов о желании сербов двинуть войска в Эльбасан и Дураццо итальянский посланник запросил сербское правительство о его намерениях. Иованович ответил барону Сквитти, что сербы не займут названные города, несмотря на существующее желание это сделать. Шаг Италии вызвал здесь подозрения относительно ее видов на Албанию».

[2] См. стр. 76, прим. 2.

№ 95. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 609. 10 июня/28 мая 1915 г.

Ссылаюсь на мой № 605 [1].

Сегодня французскому, английскому посланникам и мне, каждому в отдельности, Пашич вручил нижеследующий ответ сербского правительства на заявление держав Согласия: «De tous les Etats en guerre aucun ne ressent le poids du fardeau de la prolongation de la guerre davantage que la Serbie, qui est en campagne depuis tantôt 4 ans. C'est pourquoi la Serbie, après tous les sacrifices qu'elle a faits serait la première à saluer avec joie les mesures qui pourraient abréger la durée de la guerre. Mais la proposition que les Puissances de la Triple Entente lui ont faite de s'en rapporter à elles pour fixer les conditions aux quelles la Bulgarie sera amenée à participer aux opérations en commun contre nos ennemis est telle que le gouvernement royal de Serbie ne peut, malgré sa meilleure volonté, satisfaire ses amis et alliés, pas plus l'accepter qu'il ne pourrait, comme gouvernement constitutionnel et parlementaire, la mettre à exécution. C'est pourquoi le gouvernement serbe, quoi qu'il lui en coute — car il apprécie hautement l'aide que les Puissances de la Triple Entente lui ont donné jusqu'à présent et il était désireux de conformer ses actions aux voeux de ses amis et de justifier leur confiance — est obligé de déclarer qu'il ne peut pas donner mandat aux Puissances de la Triple Entente d'offrir et de promettre territoires du Royaume serbe» [2].

---

[1] 9 июня/27 мая за № 605 Штрандтман телеграфировал, что, по заявлению Иовановича, «завтра Пашич вручит представителям держав Согласия ответ сербского правительства. Он будет категорически отрицательным но передача его считается необходимой, дабы не могло быть в будущем недоразумений».

[2] «Из всех воюющих государств никто не ощущает бремя затяжной войны больше, чем Сербия, которая воюет почти четыре года. Поэтому Сербия, после всех принесенных ею жертв, первая приветствовала бы с радостью меры, могущие сократить войну. Но предложение держав Тройственного согласия положиться на них в деле установления условий, при которых Болгария могла бы быть побуждена принять участие в совместных военных действиях против наших врагов, таково, что королевское сербское правительство не может, несмотря на всю свою добрую волю, удовлетворить своих друзей и союзников ни принятием этого предложения, ни приведением его в исполнение, будучи конституционным и парламентским правительством. Поэтому сербское правительство, как ни тяжело это для него, ввиду высокой оценки им помощи, предоставляемой ему до сих пор державами Тройственного Согласия, и желания сообразовать свои действия с желаниями своих друзей и оправдать их доверие, вынуждено заявить, что оно не может дать державам Тройственного Согласия полномочие предлагать и обещать территории, входящие в состав Сербского королевства».

Но он пояснил, что все сербы, т. е. король, регент, Путник, лидеры партий и министры, высказались против требуемой уступки, провести которую через великую скупщину, особенно после вызванного болгарами против себя возбуждения, нет никакой возможности. По конституции правительство не имеет права отчуждать территории.

Вслед за пространным изложением истории Македонии, начиная от турецких времен, он указал на постоянную неверность болгар России и славянству и выразил уверенность, что так будет и впредь, т. е. Болгария не признает единства своих интересов с Россией. Затем он особенно подчеркнул, что во время обсуждения создавшегося положения в совете министров его внимание было обращено на то, что уступка, требуемая в пользу Болгарии, вполне определенна, тогда как от Сербии дружественные державы скрывают содержание соглашения с Италией и не посвящают ее в переговоры с Румынией. На сделанное мною ему возражение в смысле совершенно секретной части телеграммы вашего высокопревосходительства № 2436 [1] он отрицательно покачал головой, заметив, что неофициально ему итальянское соглашение теперь известно и что Италии передают [Себенико и] 60 000 православных, не говоря о сербах-католиках. При этом он оговорился, сказав: «Албанское соглашение известно» и, поправившись, смутился. Остальные его аргументы были повторением всего переданного мною в предыдущих телеграммах.

Штрандтман.

№ 96. Поверенный в делах Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 612. 10 июня/28 мая 1915 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 2685 [2] и на свою № 608 [3].

Военный агент, вернувшись [8 июня] 26 мая вечером в Крагуевац, немедленно передал королевичу Александру телеграмму верховного главнокомандующего о движении сербов в Албанию. Относительно высказанной генералом Янушкевичем угрозы [4], военный агент того мнения, что эта мера несомненно окажет воздействие. Королевич спрашивал Артамонова, почему об Албании говорит ставка, а не императорское министерство иностранных дел. Ему было отвечено, что это—

[1] См. № 12.

[2] См. № 80.

[3] 10 июня/28 мая тел. за № 608 Штрандтман передавал свою беседу с Пашичем по поводу предпринятых серб. армией операций в Албании.

[4] См. № 79.

вопрос военный. Королевич просил его телеграфировть в ставку, что от операционной армии сил не отвлекается, что сербы заняли лишь стратегические пункты, для обеспечения тыла при будущем наступлении против австрийцев. Королевич указал достигнутые сербами крайние пункты: Визиров Мост, Ороши, Чафасала и Эльбасан. Артамонов был поражен при указании Ороши, лежащей в 40—60 километрах от Адриатики, и обратил на это внимание его высочества. Королевич думает, что итальянцы и черногорцы интригуют против сербов. В Цетинье ожидается прибытие итальянского генерала для переговоров. Король Николай требует возвращения в Черногорию из общей армии 10—12 тысяч войска для совместных действий с итальянцами. Сербы пока отказывают. Из разговора об Албании с помощником начальника штаба военный агент заключает, что верховная команда считает албанскую операцию делом исключительно Пашича. Военный агент подтверждает, что в настоящее время от главной армии силы в Албанию не отвлекаютя.

Штрандтман.

№ 97. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 11 июня/29 мая 1915 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

J'ai confiance que vous voudrez bien excuser les quelques réflexions générales que je me suis permis d'émettre dans mon précédent rapport [1] suggérées qu'elles étaient en partie par les contingences européennes plus larges et particulièrement par l'état de choses sur la Péninsule des Balkans et en Méditerranée, à proximité de mon rayonnement.

Pour préciser l'objet de mes considérations, je veux citer, entr'autres, l'emprise italienne qui se dessine en ces parages, qui tend d'une part à resserrer la Grèce dans un étau, au mépris du principe fondamental des nationalités, et cherche à contenir, de l'autre, l'expansion de la Serbie, notre véritable bastion occidental. C'est, à vrai dire, un lieu commun que d'affirmer l'importance de ce facteur pour la consolidation future de l'alliance gréco-serbe. M'est avis qu'il est grandement, à craindre que cette mainmise de l'Italie, renforcée par un triomphe éventuel de ses armes, — sur des populations slaves et helléniques, ne compromette dans un avenir plus ou moins proche la tranquillité de ces régions méridionales, voire même celle de l'Europe. Je ne doute point, à en juger par

[1] Повидимому, имеется в виду письмо Демидова от 31/18 мая, посвященное вопросам выборов в Греции и общеполитической ситуации на Балканах.

les oppositions à l'impérialisme italien qui se font jour déjà aussi bien en Grèce qu'en Serbie, que les intérêts analogues de ces deux Etats ne cimentent d'avantage leur union, dont, à mon sens, notre devoir politique est de tirer d'excellentes profits.

Aussi bien, semble-t-il, pouvons nous redouter que l'Italie ne cherche, parmi les Etats de la Péninsule, où elle tend à se substituer à l'Autriche, un point d'appui, un repère contre ses adversaires naturels; cet appui, la Bulgarie pourrait bien lui fournir un jour, soit encore la Roumanie, ou, possiblement, les deux à la fois. Sans vouloir être prophète de mauvais augure ou formuler en cette heure importune quelque réquisitoire déplacé contre celle qui vient de se ranger, pour la défense du droit, aux côtés de l'Entente, et tout en étant tenu de reconnaître les services que l'Italie rend à notre cause, il n'en sied pas moins de regarder les choses en face. Notre but consiste, à mon sens, non point à affaiblir au profit de tiers, ces deux Etats orthodoxes, que sont la Serbie et la Grèce, non point à les diminuer, mais à en faire, en les affermissant, notre solide soutien. Pour la Serbie elle a fait ses preuves de loyauté; quant à la Grèce, je ne pense pas, à tout prendre, qu'il faille s'en inquiéter démesurément. L'hellénisme est moins, peut-être, un phénomène de portée extérieure qu'un mot d'ordre intérieur, destiné à maintenir la flamme d'un patriotisme rénové. Bon nombre de Grecs raisonnables se rendent parfaitement compte que le mot magique de Byzance n'est en réalité qu'un jouet national, une expression de sentimentalité, et que la possession de cette ville doit revenir, à tous les points de vue, à la Russie, à telle enseigne que les Héllènes, en gens de commerce et pratiques, s'appliquent déjà, me dit-on, a y apprendre la langue russe. On semble ici se faire graduellement à l'idée, dans maintes sphères, que Constantinople ne peut être que russe, à défaut de l'internationalisation souhaitée, et l'on s'emploiera surtout à obtenir la conservation, en faveur de la population héllénique de garanties d'anciens privilèges. Ce sera là le problème à résoudre. Mais il faut éviter, à mon sens, de s'exagérer la portée de l'hellénisme militant, et réserver nos sympathies politiques, sauf preuve d'action contraire, à cette alliance orthodoxe, dont la pointe se trouvera dirigée contre un italianisme accaparant. Si désirable qu'il puisse sembler à l'Entente de parer aujourd'hui au plus pressé et de multiplier, pour hâter le terme de ce carnage sans précédent, de favorables déclanchements, encore s'agit-il de contracter, à cette fin, d'onéreuses obligations dont il faudra régler le solde, qui s'élèvera, au cas d'adhésions nouvelles, en de sérieuses proportions. Nous nous engageons, en d'autres termes, en retour d'un benéfice immédiat, — celui d'épargner il est vrai des milliers de

vies humaines et des milliards en espèces, à une série de cessions et de mutations territoriales les unes au dépens de nos ennemis, les autres au préjudice même de nos alliés ou amis, la plupart contenant des germes de litiges, de mécontentements, à l'avenir, de nouveaux conflits en prévision. Pour ne toucher qu'aux Balkans, s'il entre dans nos vues d'y créer un ordre de choses stable et durable, j'hésite à croire que nous en prenions le chemin; tout au plus parviendrons nous, de cette façon à prolonger une situation précaire, toute analogue, bien, qu'à rebours, à intervertir les rôles des revendicants. Nous nous serions au surplus, aliéné les sympathies de ceux qui doivent constituer, pour maintes raisons évoquées plus haut, notre élément de soutient dans ces parages. Aurons-nous du moins, à ce prix, atteint cet objectif immédiat qu'est la coopération militaire? C'est ce qu'un proche avenir nous dira; pour ma part, je ne puis m'empêcher de prévoir de longs et pénibles atermoiements. Et si la Bulgarie ne dévie pas, comme tout le fait supposer, de sa ligne de conduite, ou, — ce qui revient au même, — si elle pose des conditions impossibles à remplir, telle, par exemple, l'occupation sans délai des territoires proposés, quel avantage en aurons nous tiré? Nous n'aurons assurément fait qu'accroître, dans l'esprit étroit et madré du Bulgare, l'idée exagérée de sa propre force et, peut-être, celle de la faiblesse de l'Entente, qu'encourager d'exorbitantes prétentions, qu'il n'est que trop enclin à croire légitimes, car on crée le fait à force de répéter qu'il existe; nous aurons, enfin, semé des méfiances justifiées parmi ceux-là même qui luttent à nos côtés ou sympathisent à notre cause, favorisant ainsi le jeu de nos adversaires. Car il ne faut pas — on ne saurait assez le répéter — se faire d'illusions sur les dispositions du gouvernement actuel de Bulgarie et, moins encore, sur celles du roi Ferdinand, qui semble tisser à son gré les fils de cette tortueuse politique. Ce monarque allemand a eu de tout temps partie liée avec nos ennemis, et les démarches de l'Entente à Sofia sont communiquées, au dire de personnes compétentes, le soir même à Berlin et à Vienne; à moins de force majeur sous forme d'écrasantes victoires (auquel cas on aperçoit moins l'urgence d'une intervention bulgare), nous n'obtiendrons, en tout état de cause, de cet astucieux souverain que des déclarations onctueuses de neutralité. A quoi vise-t-il, en somme? A servir les intérêts austro-germaniques auxquels il est inféodé de par sa mentalité, son origine et sa confiance probable dans le triomphe final des empires du Centre, dont les assurances lui paraissent, par conséquent, plus sûres et plus réalisables que les nôtres. D'autre part, les Puissances de l'Entente, dussent-elles prendre le dessus, ne se décideraient vraisemblablement pas à recourir à la force

pour remettre à la Bulgarie les contrées que celle-ci convoite; c'est aux armes que la Bulgarie devra donc faire appel pour se satisfaire et, de préférence, à des armes réposées au sein d'une longue neutralité.

Loin d'encourager des extensions, à mon avis, nuisibles, n'eut-il mieux valu déclarer sans ambages au gouvernement du roi Ferdinand que la Thrace Orientale elle-même ne consiste aucunement à nos yeux cet apanage assuré, dont la Bulgarie semble goûter, à l'avance, les prémices. Si tant est que Constantinople nous est réservé en partage exclusif, la répugnance à peine cachée que provoque cette perspective de notre domination sur le Bosphore chez la plupart des Etats balkaniques ne serait qu'un motif de plus semble-t-il, de nous garantir la possession d'un arrière-pays suffisant à la défense adéquate de l'ancienne capitale ottomane. Que la Bulgarie s'inspire, par conséquent, de l'idée, qu'une intervention inconditionnelle de sa part pourrait seule, nous déterminer à consentir le gros sacrifice que représente Adrianople et la Thrace Orientale.

Si je me suis permis ces quelques considérations qui cadrent mal avec la politique balkanique suivie jusqu'ici par l'Entente, ce n'est point que j'ai la prétention de la critiquer. Une saine critique n'est accessible qu'à ceux qui se trouvent auprès du foyer même de l'action diplomatique; et j'en suis fort éloigné. Je ne puis juger qu'à la lumière des conditions locales. Me basant sur de nombreux entretiens, sur des observations personnelles que je m'efforce de rendre aussi impartiales que faire se peut, et tenant compte des courants qui se manifestent, je me borne à vous présenter un point de vue soutenable, une face de la question, l'opinion que je me suis formée. Je crois, en le faisant, remplir mon devoir.

Veuillez agréer etc.

D é m i d o w .

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я надеюсь, что вы извините несколько общих размышлений, которые я позволил себе высказать в моем предыдущем донесении, на которые я был наведен отчасти европейской обстановкой более широкого масштаба, а главным образом, положением вещей на Балканском полуострове и в Средиземном море, т. е. вблизи сферы моей деятельности.

Дабы уточнить предмет моих соображений, я, между прочим, хочу упомянуть о сказывающемся в этих странах итальянском воздействии, которое, с одной стороны, стремится зажать Грецию в тиски вопреки основному принципу национальностей, а с другой — пытается задержать расширение Сербии, этот действительный западный наш оплот. Поистине было бы общим местом доказывать значение этого фактора для будущего укрепления греко-сербского союза. По

моему мнению, надо очень опасаться, что это наседание Италии — подкрепленное возможной победой ее войск — на славянские и греческие народности подвергнет опасности в более или менее близком будущем спокойствие этих южных стран и даже Европы. Я не сомневаюсь, если судить по оппозиции итальянскому империализму, сказывающейся уже как в Греции, так и в Сербии, что сходные интересы этих двух стран укрепят еще более их союз, извлечь из которого большую для нас выгоду является нашим политическим долгом.

Равным образом мы можем, повидимому, опасаться того, чтобы Италия нашла среди стран Балканского полуострова, где она стремится занять место Австрии, точку опоры, оплот против своих естественных врагов; эту точку опоры могла бы ей, пожалуй, предоставить когда-нибудь Болгария или Румыния, или— не исключена возможность — обе одновременно. Не желая быть предсказателем бедствий, или выступать в это неподходящее время с известного рода обвинительным актом против страны, которая только-что стала на защиту права в ряды Антанты, я готов признать услуги, оказанные Италией нашему делу; тем не менее, следует считаться с фактами, каковы они в действительности. Я думаю, что наша цель заключается не в ослаблении на пользу третьей стороны этих двух православных государств, не в том, чтобы умалить их, а в том, чтобы сделать из них, укрепляя их, нашу прочную опору. Сербия дала доказательства лойяльности; что же касается Греции, то, по моему мнению, в общем не следует по поводу нее чересчур беспокоиться. Эллинизм представляет собой, быть может, в меньшей степени явление внешнего значения, чем внутренний лозунг, предназначенный для поддержания огня возрожденного патриотизма. Значительное число разумных греков отдают себе прекрасно отчет, что магическое слово «Византия»— в действительности лишь национальная игрушка, проявление сантиментальности, и что обладание этим городом должно выпасть, со всех точек зрения, на долю России; этот взгляд столь распространен, что греки, как коммерсанты и практики, стараются уже, как мне говорят, изучить русский язык. Повидимому, здесь свыкаются во многих кругах с мыслью, что Константинополь может быть лишь русским, в случае, если не осуществится вожделенная его интернационализация, и отсюда усилия будут приложены лишь к сохранению греческим населением гарантий старинных привилегий. Это — задача, требующая разрешения. Но следует, по моему, избегать преувеличивать значение воинствующего эллинизма и сохранить наши политические симпатии тому православному союзу, острие которого будет направлено против стремления к захватам итальянизма Как ни желательно в данное время для Антанты справиться с неотложными задачами и умножить для ускоренного прекращения этой небывалой бойни благоприятные ей выступления, тем не менее дело идет о принятии на себя разорительных обязательств, по которым надо будет оплатить счет, который в случае новых присоединений возрастет до серьезных размеров. Иначе говоря, мы обязуемся в оплату немедленной выгоды — именно спасти, правда, тысячи человеческих жизней и миллиарды денежных средств — к ряду уступок и обменов территорий: одни за счет наших врагов, другие в ущерб даже нашим союзникам и друзьям. Большинство их представляет зачатки будущих конфликтов. Что касается исключительно Балкан, то я сомневаюсь, если в наши планы входит создать там прочный и длительный порядок, в том, что мы избрали верный путь; все, чего мы достигли бы таким образом, сводилось бы к затяжке неустойчивого положения, в точности похожего на то, каковое получилось бы при обмене сторон их ролями. К тому

же мы бы лишились симпатий, которые должны, по многим изложенным выше причинам, составить нашу опору в этих краях. Достигнем ли мы, по крайней мере, этой ценой непосредственной цели, каковой является военное содействие? Ближайшее будущее нам на это ответит; что касается меня, то я не могу не предвидеть длительных и томительных затяжек. А если Болгария не сойдет, как это можно предполагать, со своего пути или, — что сводится к тому же — если она поставит невыполнимые условия, как, например, безотлагательное занятие предлагаемых ей территорий, — какую выгоду это нам даст? Несомненно, мы лишь усилим в узком и хитром уме болгар преувеличенное понятие о собственной силе и, быть может, о слабости Антанты, мы лишь поощрим ни с чем не соразмерные их притязания, которые они слишком склонны считать законными, — так как факт создается постоянным заявлением, что он существует; мы, наконец, посеем справедливое недоверие среди тех, кто сражается бок-о-бок с нами или сочувствует нашему делу. Этим мы сыграем в руку наших врагов, ибо, — это нужно твердо помнить, — нельзя питать иллюзий о настроениях нынешнего болгарского правительства и еще менее короля Фердинанда, который, повидимому, сам прядет нити этой изворотливой политики. Этот монарх-немец вел всегда общую игру с нашими врагами, и предпринимаемые Антантой шаги сообщаются, по словам сведущих лиц, в тот же вечер в Берлин и Вену; без подавляющего превосходства, доставленного решительными победами (в каковом случае теряет цену срочность болгарского вмешательства), мы получим при всех обстоятельствах от этого лукавого монарха лишь елейные заявления о нейтралитете. К чему, в общем, он стремится? К служению австро-германским интересам, с которыми он солидарен по своему образу мыслей, по своему происхождению и вероятному убеждению в окончательной победе центральных империй, заверения которых являются для него более достоверными и осуществимыми, чем наши. С другой стороны, державы Антанты, даже в случае их победы, едва ли бы решились прибегнуть к силе, чтобы передать Болгарии территории, получения которых она добивается, а поэтому Болгария должна будет, дабы получить желаемое, прибегнуть к своим вооруженным силам, и для нее, следовательно, предпочтительнее, чтобы силы эти отдыхали под защитой нейтралитета, как можно дольше.

Вместо того, чтобы поощрять вредные, по моему мнению, устремления, не лучше ли было бы заявить без обиняков правительству короля Фердинанда, что даже Восточная Фракия нисколько не является тем предназначенным для него наверняка владением, удовольствие обладания которым Болгария, повидимому, заранее предвкушает. Если дело обстоит так, что Константинополь предназначен в наше исключительное владение, то едва скрываемое отвращение, вызываемое этой перспективой нашего владычества на Босфоре у большинства балканских государств, может явиться только лишним поводом, казалось бы, для обеспечения за нами владения хинтерландом, достаточным для надлежащей обороны бывшей оттоманской столицы. А потому пусть Болгария проникнется мыслью, что ничем не обусловленное с ее стороны выступление могло бы лишь одно побудить нас согласиться на большую жертву, которую представляют Адрианополь и Восточная Фракия.

Если я позволил себе высказать несколько этих соображений, мало созвучных балканской политике, проводимой до сих пор Антантой, то не от того, что я претендую ее критиковать. Здравая критика доступна лишь для тех, кто нахо-

дится в самом центре дипломатических действий, а я слишком отдален от него. Я могу судить лишь в пределах местных условий. Основываясь на многочисленных беседах, на личных наблюдениях, которые я стараюсь, насколько возможно, сделать беспристрастными, и имея в виду обнаруживающиеся течения, я ограничиваюсь изложением одной возможной точки зрения, одной из различных сторон вопроса, — моего личного мнения. Делая это, я полагаю, что исполняю свой долг.

Примите и пр.

Демидов.

№ 98. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

12 июня/30 мая 1915 г.

His Majesty's Ambassador has been instructed to express to Mr. Sazonow the gratification with which His Majesty's Government have learnt that he is opening serious negotiations with Roumania [1] and to assure His Excellency that he can count on the active assistance and cooperation of His Majesty's Government.

His Majesty's Secretary of State for Foreign Affairs will take an early opportunity of speaking to the Roumanian Minister and of impressing on him the necessity of the Roumanian Government adopting a more reasonable attitude and of making counter-concessions in return for those which the Imperial Government may be prepared to make, as well as of joining the Allies and of taking an active part in the war without delay.

Sir G. Buchanan has further the honour to state that His Majesty's Government desir to express their sincere thanks and warm appreciation for the high-minded and generous motives which have led His Majesty the Emperor and the Imperial Minister for Foreign Affairs to make concessions to Roumania and thus to sacrifice the particular interests of Russia to the common cause and general interest of the Allies. His Majesty's Government will await with interest a more detailed statement of those concessions and they will do everything in their power to promote their acceptance by the Roumanian Government [2].

---

[1] Повидимому, речь идет о новом предложении Сазонова от 9 июня/27 мая (см. № 85).

[2] 11 июня/29 мая тел. за № 271 Кудашев, по поручению вел. кн. Николая Николаевича, просил Сазонова уведомить, «какое последовало высочайшее решение по вопросу о привлечении Румынии». Сазонов в ответ на это тел. от 12 июня/30 мая за № 2765 извещал верх. главнокомандующего, что Поклевскому поручено прежде всего удостовериться, через сколько дней по достижении соглашения с Россией Румыния была бы готова выступить против Австро-

Перевод.

Посол его величества получил указание выразить г. Сазонову признательность правительства его величества, осведомленного о начале серьезных переговоров с Румынией, и заверить ваше превосходительство, что вы можете рассчитывать на деятельную поддержку и содействие правительства его величества.

Статс-секретарь его величества по иностранным делам воспользуется ближайшим случаем переговорить с румынским посланником и указать ему на необходимость для румынского правительства занять более рассудительную позицию и сделать встречные уступки в обмен за те, на которые императорское правительство готово было бы пойти, а равно присоединиться к союзникам и принять деятельное участие в войне без промедления.

Помимо того, сэр Дж. Бьюкенен имеет честь сообщить, что правительство его величества желает выразить свою искреннюю благодарность и горячую оценку высоких и великодушных побуждений, вызвавших решение его величества императора и императорского министра иностранных дел пойти на уступки Румынии и таким образом принести в жертву общему делу и всеобщим интересам частные интересы России. Правительство его величества с интересом ожидает более точного определения этих уступок и сделает все, что в его силах, дабы вызвать принятие их румынским правительством.

№ 99. Памятная записка румынского министерства иностранных дел министру иностранных дел [1].

12 июня/30 мая 1915 г.

Le gouvernement roumain est heureux de constater que le gouvernement impérial se montre prêt à examiner avec des dispositions amicales la question des territoires de l'empire austro-hongrois habités par des Roumains.

Le principe des nationalités forme la base de nos revendications; mais il faut bien reconnaître qu'il est absolument impossible d'appli-

---

Венгрии. «Если окажется, — писал Сазонов далее, — что можно действительно рассчитывать на ее немедленное выступление, высочайше разрешено вступить в переговоры с румынским правительством на почве уступки румынам Черновцев, стараясь выговорить в свою очередь некоторые уступки с их стороны в отношении Угорщины и Баната».

Согласно тел. Поклевского от 12 июня/30 мая за № 326 (опубл. Ц. Р., стр. 191, № 87) Братиану заявил ему, что «вслед за принятием нами его условий Румыния будет готова к немедленному выступлению, но что... точный момент такового будет установлен военной конвенцией». Поклевский полагал, что ввиду отступления русских войск из Галиции и Северной Буковины едва ли можно рассчитывать на успешное воздействие на Братиану других рум. политических деятелей.

[1] Маш. копия. Публикуемая пам. записка была препровождена в м-во ин. дел при письме Диаманди от 17/4 июня.

quer ce principe avec une rigueur absolue. L'aide-mémoire du 21 mai [1] en offre une preuve évidente, car malgré le désir d'avantager les Serbes, la partie nord-est du Comitat de Torontal qui nous serait attribuée comprend des villages serbes, tandis que des villages exclusivement roumains se trouvent dans le reste du Comitat jusque devant Belgrade. Nous sommes donc contraints, dans l'application du principe, de tenir compte de la nécessité essentielle d'assurer une bonne frontière. Celle-ci ne saurait faire un triage parfait des populations enmêlées sans aucun ordre, mais elle doit marquer une séparation bien nette entre les Etats voisins. Aucune frontière ne satisfait mieux ce besoin commun aux deux Etats qu'une frontière naturelle et il n'en est point de meilleure qu'un fleuve, surtout un grand fleuve. C'est la considération qui nous oblige à insister pour que le Danube sépare notre territoire de celui du Royaume serbe.

Le même raisonnement s'impose pour notre frontière en Bukovine. Le Pruth qui constitue déjà actuellement notre unique frontière avec la Russie, est naturellement indiqué comme limite des possessions russes en Bukovine.

Le territoire roumain comprendrait ainsi Czernowitz qui est un centre de culture roumaine et assurément le gouvernement impérial voudra bien ne pas perdre de vue que la Bukovine est une province arrachée à la Moldavie et qu'en reprenant le territoire borné par le Pruth la Roumanie ne fait que recouvrer une partie de son propre territoire.

Sans doute que le gouvernement impérial désire que la Serbie et la Roumanie poursuivent toutes les deux leur développement en bonne harmonie; séparées par le Danube elles échappent à toute cause de difficulté et de conflit; au contraire, en contact direct sur la rive gauche du Danube, sans frontière naturelle, elles seraient exposées à des causes permanentes d'antagonisme qui fatalement finiraient par troubler l'entente amicale.

La Roumanie a le plus vif désir de vivre en bonne amitié avec la Serbie. C'est dans cet espoir qu'elle a offert spontanément si elle obtenait la frontière du Danube, de renoncer en faveur de la Bulgarie au territoire de Dobritch — Baltchik à l'encontre de l'accord de septembre 1914. Elle a voulu par là, comme son excellence Mr. Sazonow le sait d'ailleurs, faciliter les négociations de la Serbie avec la Bulgarie.

La proximité de notre présence sur la plaine basse séparée de Belgrade par le Danube, ne saurait être une menace pour la capitale serbe

---

[1] См. № 53.

qui domine cette plaine et à laquelle la possession de Semlin ajoute une sécurité complète. Du reste, dans le vif désir d'assurer le plus possible les rapports les plus amicaux avec la Serbie, le gouvernement roumain accepterait de s'engager à n'établir dans la région voisine de la capitale serbe aucun ouvrage militaire et à n'y tenir aucune garnison importante.

Le gouvernement roumain pense qu'il ne peut demander au pays les très lourds sacrifices que la guerre comporte sans lui assurer pour l'avenir la pleine sécurité de son développement. Il ne croit ce résultat possible que si une frontière naturelle le met à l'abri de tout conflit avec ses voisins. C'est le but qu'il poursuit et cette défense efficace de ses propres intérêts sera profitable également au royaume de Serbie. Il sera heureux de répondre à l'appel qui lui a été fait et de contribuer dans la limite de ses forces à hâter le moment où l'Europe pourra poursuivre dans une paix bienfaisante son oeuvre de civilisation.

La Roumanie espère qu'à cette heure historique les sentiments sympathiques que la Russie lui a témoignés jusqu'ici lui seront d'un puissant secours, et elle a confiance que ces sentiments, si précieux pour elle, formeront pour l'avenir la base de rapports d'une étroite et durable amitié entre elle et l'Empire russe.

Перевод.

Румынское правительство счастливо констатировать, что императорское правительство выказывает готовность рассмотреть благожелательно вопрос о территориях Австро-Венгерской империи, населенных румынами.

Принцип национальностей является основанием наших притязаний, но надо признать, что совершенно невозможно применять этот принцип с полной точностью. Памятная записка от 21 мая наглядно это доказывает, так как, несмотря на желание предоставить выгоду сербам, северо-восточная часть Торонтальского комитата, предназначаемого нам, включает сербские деревни, в то время как исключительно румынские деревни встречаются вплоть до самого Белграда. Мы поэтому вынуждены при применении указанного принципа считаться с существенной необходимостью обеспечить хорошую границу. Последняя не могла бы безупречно разделить беспорядочно перемешанные народности, но она должна провести между двумя соседними государствами вполне четкую демаркационную линию.

Никакая иная граница не удовлетворяет лучше этой потребности, общей для обоих государств, чем границы естественные; а среди таковых нет лучшей, чем река, в особенности большая река. Это соображение заставляет нас настаивать на том, чтобы Дунай отделял нашу территорию от территории Сербского королевства.

Те же соображения действительны и для нашей границы в Буковине. Прут, являющийся уже теперь нашей единственной границей с Россией, природой предназначен служить пределом российских владений в Буковине. Румынская территория включала бы таким образом Черновцы, как центр румынской куль-

туры, и, конечно, императорское правительство не пожелает упустить из виду, что Буковина является провинцией, отторгнутой от Молдавии, и, возвращая себе территорию, имеющую границей Прут, Румыния лишь вступает снова во владение частью своей собственной территории.

Несомненно, императорское правительство желает, чтобы Сербия и Румыния развивались в дальнейшем в полном согласии; разделенные Дунаем, они избегнут всякого повода к затруднениям и конфликтам. Наоборот пребывая в состоянии непосредственного общения на левом берегу Дуная, без естественной между собою границы, они были бы подвержены возможностям возникновения постоянных поводов к вражде, которые в конечном счете расстроили бы дружеское согласие.

Румыния искренно желает жить с Сербией в мире. Именно в надежде на это она по собственному почину предложила отказаться в случае получения дунайской границы в пользу Болгарии от территории Добрич — Балчик, вопреки сентябрьскому соглашению 1914 г. Она желала таким образом, как, впрочем, его знает его превосходительство г. Сазонов, облегчить переговоры Сербии с Болгарией.

Близкое наше соседство на низине, отделенной от Белграда Дунаем, не может представлять опасности для сербской столицы, занимающей над этой равниной командное положение и которой обладание Землином обеспечивает полную безопасность. Стремясь впрочем обеспечить самые дружественные отношения с Сербией, румынское правительство согласилось бы принять на себя обязательство не возводить в соседнем к сербской столице районе никаких укреплений и не содержать там многочисленного гарнизона.

Румынское правительство полагает, что оно не может требовать от страны весьма тяжелых жертв, вызываемых войной, без того, чтобы не гарантировать ей в будущем полной безопасности ее развития. Оно считает этот результат возможным лишь в случае, если естественная граница обеспечит ее от всякого конфликта с ее соседями. Это является поставленной им себе целью, и подобная защита собственных интересов пойдет также на пользу Сербии. Оно будет радо отозваться на обращенный к нему призыв и содействовать в пределах своих сил приближению момента, когда Европа будет иметь возможность продолжать в условиях благодетельного мира выполнение дела цивилизации.

Румыния надеется, что в этот исторический час чувства симпатии, которые ей свидетельствовала Россия до сих пор, окажутся для нее мощной поддержкой, и она уверена, что эти чувства, столь для нее ценные, послужат в будущем основанием для тесной и продолжительной дружбы между ней и Российской империей.

№ 100. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 2769. 12 июня/30 мая 1915 г.

Итальянский посол довел до моего сведения [1], что его правительство озабочено сосредоточением против Италии значительных австрий-

[1] Соответствующей пам. записки в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

ских сил и ходатайствует о возможном ускорении перехода сербов в наступление [1].

Благоволите о вышеизложенном довести до сведения Пашича.

Сазонов.

№ 101. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 179. 12 июня/30 мая 1915 г.

Копия в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 371 [2].

[Министр иностранных дел] высказал мне, что начальник штаба итальянской армии телеграфирует ему, что австрийцы переводят часть своих войск с сербской границы на итальянскую, и настаивает на необходимости сербского наступления на севере [3]. Это сообщение еще больше возбудило Соннино против занятия сербами Эльбасана. Он в разговоре заметил, как личное предположение о [возможности соглашения] по этому поводу между Сербией и Австрией. Я восстал против такого предположения, заметив, что движение сербов несомненно и неуместно, но не дает еще повода допустить мысль о каких-либо их уговорах с нашими врагами. Соннино, повидимому, намерен настаивать на удалении сербов из Эльбасана, указывая, что они же требовали отказа Черногории от занятия Скутари ввиду необходимости двинуть черногорцев на север, а между тем сами разрешают себе подобное же, ничем, будто бы, не оправдываемое движение.

Гирс.

---

[1] Тел. от 15/2 июня Артамонов передавал сообщение итал. воен. агента о том, что он «по приказанию правительства... просил о немедленном переходе сербов в наступление... Верховная команда еще не ответила, — писал далее Артамонов, — и агент жалуется на недоверие к нему сербов и свое тяжелое положение». 19/6 июня Артамонов телеграфировал: «4 июня верховная команда ответила итальянскому военному агенту», что «сербская армия готовится к переходу в наступление. Срок готовности — около десяти дней».

[2] См. № 93.

[3] В тот же день Гирс телеграфировал за № 182, что итал. морской штаб выразил пожелание, чтобы русские и серб. авиаторы сожгли бомбами посевы в Венгрии до жатвы.

№ 102. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 181. 12 июня/30 мая 1915 г.

Копия в Париж.

Отношения между Италией и Турцией за последние дни не изменились [1]. Турки стали пропускать шифрованные телеграммы итальянского посла в Константинополе, но Италия еще не отвечает тем же, выжидая дальнейшего образа действий Турции. На высказанное мне предположение, что скоро создастся инцидент, который приведет к войне с Турцией, я заметил, что и теперь, по моему мнению, инцидентов много, могущих турок вынудить к войне. Министр ответил, что подумает и, вероятно, разрешит послу воспользоваться одним из них.

Гирс.

№ 103. Посланник в Стокгольме товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 169. 12 июня/30 мая 1915 г.

Получил ваши №№ 2695 [2] и 2738 [3].

Новое постановление шведского правительства запрещает транзит товаров, значащихся в запретительном вывозном списке. Однако на деле замечается затруднение в пропуске всех решительно товаров. На наши жалобы министерство отвечает с любезностью, но товары всетаки по неделям задерживаются; то же и относительно наших ходатайств о дозволении вывоза. Относительно первой большой партии дубильных веществ Валленберг дважды обещал мне категорически транзит; но пропуск состоялся лишь три недели после того, как одинаковое количество того же квебрахо пропущено было в Германию.

---

[1] См. стр. 8, прим. 2.

[2] 8 июня/26 мая Нератов телеграфно запросил Неклюдова за № 2695, касается ли новое запретительное постановление швед. прав-ва о транзите и вывозе тех товаров, которые значатся в прежнем запретительном списке, «или же оно касается всех вообще товаров, даже не воспрещенных к вывозу из Швеции, но идущих из Англии через Швецию в Россию».

[3] 11 июня/29 мая за № 2738 Нератов телеграфировал Неклюдову, что «шведское правительство отказывается пропускать из Карунги какие бы то ни было грузы», причем «затруднения эти вызваны нежеланием, будто бы, императорского правительства выпускать из России хлеб в счет 30 000 тонн, дозволенных к выпуску советом министров». Сообщая, что русское прав-во «прилагает все усилия к устранению препятствий к вывозу этих 30 000 тонн», Нератов отмечал необходимость покончить с препятствиями, создаваемыми швед. прав-вом и «наносящими громадный ущерб русской торговле».

Указания шведов на заминку в отпуске им 30 000 тонн зерна, закупленных у нас, имеют некоторое значение; но главная суть в том, что шведы хотят [побудить] английское правительство быть более уступчивым, и в особенности пропускать в Швецию хлоп[ок], каучук и другие продукты, необходимые для шведской промышленности. Англичане же не без основания боятся вывоза этих продуктов в Германию. Не имея средств к понуждению Англии, шведы нажимают на наш транзит, и Валленберг чистосердечно заявил мне, что, лишь только он получит ходатайствуемые уступки от англичан [1], и наш транзит снова наладится. Таким образом, ныне все дело сводится к расследованию между нашим и английским правительствами вопроса о том, что вреднее для союзных правительств: допущение ли возможности известной контрабанды через Швецию в Германию или же фактическое почти полное прекращение транзита в Россию.

Неклюдов.

№ 104. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 306. 12 июня/30 мая 1915 г.

Телеграфирую в Исфагань, ссылаясь на телеграммы Гильдебрандта за №№ 337 [2] и 341 [3].

Между императорской и великобританской миссиями нет недоразумений или соревнования по бахтиарскому или по иным вопросам. Когда меня недавно посетил Самсам-эс-Солтане, я в ответ на его просьбу выказал готовность оказать бахтиарам возможное содействие в случае возникновения для них каких-либо затруднений. Русская миссия относится к бахтиарам с доброжелательством. Мы не только сразу согласились, но заранее выразили особое желание, чтобы пишкар при новом губернаторе был избран из бахтиар. Ответственность за убийство Кавера была нами вменена партии, причем потребованное удовлетворение, смена генерал-губернатора, не обусловливалось бахтиарским происхождением Сердар-Мухташима, и мы бахтиар не подозреваем в совершении преступления.

Доверительно. Мы, как и англичане, признаем желательным переманить бахтиар на нашу сторону, дабы извлечь их из-под влияния германцев, под которое они в последнее время стали подпадать при посредстве подкупов. Рознь между нами и англичанами пытаются

---

[1] См. № 166.

[2] Тел. Гильдебрандта за № 337 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] См. № 92.

посеять сами персы, и английский посланник предпишет Черчиллю подтвердить бахтиарским ханам, что между обеими миссиями царит полное согласие, а что сторонники немцев будут считаться общими врагами как англичан, так и русских. Возвращение Зилли-Султана соответствует личному желанию шаха. Он прибудет, вероятно, не ранее как через несколько месяцев и намерен исключительно заниматься личными делами, не вмешиваясь в политику.

Эттер.

№ 105. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

13 июня/31 мая 1915 г.

Un officier hollandais, du nom de Geldemester, est arrivé aux Etats Unis se disant autorisé par le gouvernement allemand à sonder le terrain en vue d'une proposition de paix. D'après les journaux, Mr. Geldemester aurait été reçu, avant de quitter Berlin, par le chancelier, Mr. de Jagow et Mr. Delbruck et il se serait entendu à son arrivée en Amérique avec l'ambassadeur d'Allemagne.

Les conditions de paix dont il serait porteur peuvent se résumer ainsi: liberté des mers, reconstitution de la Pologne en royaume indépendant, restitution et accroissement des colonies allemandes à l'exception de Kiao-Tchéou qui pourrait être rendu à la Chine, évacuation des territoires occupés par les troupes allemandes en Russie, en Belgique et en France, restitution d'une partie de l'Alsace-Lorraine à la France contre l'annexion par l'Allemagne du Luxembourg.

Mr. Geldemester a vu plusieurs membres du Cabinet de Washington, mais il ne semble pas qu'il ait réussi, jusqu'à présent à obtenir une audience du président Wilson [1].

Перевод.

Голландский офицер, по имени Гельдеместер, прибыл в США, заявив, что он уполномочен германским правительством зондировать почву в смысле

[1] Бахметев телеграфировал 3 июня/21 мая за № 220: «Председатель Карнеджевских благотворительных учреждений сообщил мне копию письма, полученного им... от Бернсторфа в ответ на запрос о возможности прекратить войну». «Есть только один способ достигнуть мира», — писал Бернсторф, — это «возвращение союзниками и расширение всех германских колоний, признание на будущие времена свободы морей и дозволение восстановить королевство Польское. Тогда будет, без сомнения, возможно притти к соглашению для эвакуации нами Франции и Бельгии».

мирных предложений. По газетным сведениям, г. Гельдеместер был принят перед отъездом из Берлина канцлером, г. фон Яговым и г. Дельбрюком и сговорился по прибытии в Америку с германским послом.

Условия мира, которые он привез, сводятся к следующему: свобода морей, восстановление Польши в виде независимого королевства, возвращение и расширение германских колоний, за исключением Киао-Чао, который мог бы быть отдан обратно Китаю, эвакуация территорий, занятых германскими войсками в России, Бельгии и Франции, возвращение части Эльзас-Лотарингии Франции в обмен на присоединение к Германии Люксембурга.

Г. Гельдеместер виделся с несколькими членами вашингтонского кабинета, но, повидимому, до сих пор ему не удалось получить аудиенцию у президента Вильсона.

№ 106. Товарищ министра иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 2786. 13 июня/31 мая 1915 г.

Срочная.

Ваши телеграммы №№ 103 [1] и 104 [2] получены.

Надеемся, что вашими и ваших сотоварищей усилиями удастся предотвратить занятие Скутари [3]. Если бы черногорское правительство не сдержало данного обещания, выработайте совместно с коллегами тождественные указания консулам в Скутари. Не упускайте из виду при этом, что князь Мирко — член родственной царствующему дому семьи и входит в Скутари как глава союзных нам войск.

Нератов.

---

[1] 11 июня/29 мая за № 103 Обнорский передавал тел. Ферхмина, в которой последний запрашивал, «как поступить в случае занятия Скутари черногорцами».

[2] Тел. от того же числа за № 104 (ответная на запрос Ферхмина, см. предыд. прим.) Обнорский сообщал, что «черногорское правительство объясняет продвижение войск по направлению к Скутари необходимостью подвоза провианта по единственному оставшемуся свободному пути» и заявляет, что в самый город они «вступать» не намерены. «Благоволите впредь до получения новых инструкций, — заканчивал свою тел. Обнорский, — ни в чем не изменять проводившейся вами до сих пор линии».

[3] Военный агент в Черногории телеграфировал 11 июня/29 мая в отдел ген.-квартирмейстера: «Из серьезных источников уверяют, что действия черногорцев против Скутари начались по предварительному соглашению с Австрией»...

№ 107. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. 13 июня/31 мая 1915 г.

Совершенно секретно. Личное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Хотя за последние два-три дня мы имели некоторый успех, нельзя сказать, что дела наши поправились. Дело главным образом, конечно, в ужасном состоянии материальной части нашей армии. Снарядов, пушек, винтовок — ничего нет в достаточном количестве. Расход превышает приход. При таких условиях инициатива не перейдет в наши руки и не может перейти. Чем скорее мы все примиримся с этой истиной, тем лучше, так как только сознание безвыходности нашего положения может нас достаточно встряхнуть, чтобы побудить нас принять героические средства. Последний победоносный набег немцев, вынудивший нас отступить к позициям, находящимся лишь в 30 верстах от Львова, конечно, их утомил, и они, быть может, не нанесут нам в ближайшие дни нового поражения. Но имеются сведения, что у них имеется еще один запасный «кулак» из 3—4 корпусов (а быть может, и еще 2 кулака), и весь вопрос в том, куда они его направят. Они могут его использовать для немедленного изгнания нас из Галиции. Это может случиться в ближайшие две недели. Они могут направить его и к Риге и, наконец, к Варшаве. Все это серьезно учитывается штабом, и, какие можно, принимаются меры. Вопрос о защите Петрограда обсуждался на-днях на особом совещании, на который были приглашены начальники штабов северо-западного фронта и VI армии (фан-дер-Флита). Как мне сказал на-днях Данилов, стратегия может быть теперь совсем упразднена, так как мы ничего предпринимать не можем. Единственным занятием наших войск может быть — отбиваться, чем можем, как можем и где можем. Надежда только на утомление самих германцев, на случай и на св. Николая чудотворца! При этом я не постигаю следующего: о том, что война затянется до будущего лета, теперь никто не спорит — ни Янушкевич, ни Данилов, ни офицеры штаба (а мне в ноябре Янушкевич говорил, что до мая все должно быть кончено, с чем я тогда уже не соглашался). Возлагается надежда на получение снарядов из-за границы зимой. Но вот я узнаю стороной, что две недели тому назад Китченер предложил нам контракт на поставку снарядов (10 миллионов, могущие быть поставлены [2]

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 27 — 28.
[2] Так в оригинале.

начиная с ноября). Время бежит, на предложение нет ответа! А насколько позднее мы подпишем контракт, на столько позже начнется поставка нам снарядов, т. е. оттяжка войны! Кто здесь виноват, — я не знаю, но боюсь, что здесь кому-то надо дать взятку, и этого не делают.

При такой печальной обстановке надежды на дипломатический успех, могущий служить коррективом наших военных недочетов, — мало. Если нас выгонят из Галиции, Румыния бесповоротно для нас утрачена в качестве союзницы. Останется еще некоторая надежда на Болгарию. Из сегодняшних литографий я вижу, что ответ последней обещан был на вчера. Не знаю, получен ли он. Если бы удалось ликвидировать Турцию поскорей, то очистились бы три наших кавказских корпуса. Это такие войска, которые могли бы послужить противовесом упомянутому выше германскому «кулаку», которому мы теперь н и ч е г о противоположить не можем...

Примите и пр.

К у д а ш е в.

№ 108. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 2811. 14/1 июня 1915 г.

Сообщается в Рим.

Благоволите обратить самое серьезное внимание Пашича на возможные крайне нежелательные последствия упорного оседания сербов в Албании [1]. Такое их поведение вызывает подозрительность итальянцев и дает им повод обвинять Пашича в отвлечении от прямой общей цели союзников более крупных сил, чем он сам признает. Действия сербов вводят итальянцев и черногорцев в искушение уделять и со своей стороны особое внимание албанской территории. Лучшим способом успокоить, удержать их от следования подаваемому им примеру явился бы немедленный переход сербов в наступление против Австрии в согласии с указаниями верховного главнокомандующего. Наступление это послужило бы также лучшим доказательством искренности их желания ограничиться в Албании получением возможности обеспечить охрану сербской границы.

Доверительно. Благоволите сообщить точное число отправленных в Албанию сербских войск, превышающее, по сведениям итальянского правительства, 40 000 человек.

С а з о н о в.

[1] См. № 93 и прим. 1.

№ 109. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 616. 14/1 июня 1915 г.

Телеграмма № 2769 [1] получена.

Итальянский посланник вчера передал Пашичу просьбу своего правительства [1]. То же сделал итальянский военный агент в Крагуеваце. Мне Пашич по этому поводу ответил, что приготовления к наступлению заканчиваются. Препятствием остаются реки. Иностранным военным агентам предложено объехать северную границу и лично убедиться в состоянии переправ. План предстоящих в ближайшем времени военных действий установлен.

Штрандтман.

№ 110. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 309. 14/1 июня 1915 г.

Ссылаюсь на телеграммы Гильдебрандта за №№ 345 [2], 346 [3] и 349 [4].

Факт неарестования убийц, вместе с другими сведениями, сообщаемыми Гильдебрандтом, указывает на усиливающуюся деятельность германских агентов, а также на попустительство со стороны персидского правительства. На неопределенное отношение к нам последнего мне стали указывать с различных сторон, между прочим Мирзаянц, который совершенно не считает возможным доверять жандармам. Он также опасается, что Персия в конце-концов должна будет нарушить нейтралитет, в зависимости от военных успехов в пользу нас или наших врагов. Сегодня же спрошу у первого министра объяснений по вопросу о попустительстве властей в Исфагани [5] и возобновлю неоднократные свои требования о выполнении обещанных после убийства Кавера условий [6]. По сведениям английской миссии, в Персию из

[1] См. № 100.

[2] 10 июня/28 мая за № 345 Гильдебрандт телеграфировал, что второй убийца Кавера (Хасан-Ага) тоже (см. стр. 49, прим. 1) получил возможность скрыться благодаря попустительству следователя Абдулла-хана, который «посещал германских консулов» и «выражал опасения мести со стороны здешних бандитов».

[3] Тел. от 11 июня/29 мая за № 346 Гильдебрандт сообщал Савонову, что в Исфагань направляется «отряд из 20 всадников и партия австрийских солдат под командой 2 германских офицеров».

[4] Тел. Гильдебрандта за № 349 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[5] 15/2 июня тел. за № 312 Эттер сообщал, что Эйн-эд-Доуле «сваливает вину за бегство Хасана на местные исфаганские власти и намерен предписать производство строгого допроса Абдулла-хана».

[6] См. т. VII, № 798.

Константинополя с большими деньгами пробирается германско-подданный Оппенгейм. Не считаю себя в праве умолчать, что наиболее действительной мерой воздействия представляло бы собой дальнейшее усиление нашего Казвинского отряда соответственно с увеличением состава немецких вооруженных банд.

Положение министерства крайне затруднительное: оно не может не считаться с демократами, и нам следует предвидеть и подготовиться к последствиям возможности его отставки. На образование нового, твердого и благожелательного нам кабинета мы рассчитывать не можем. Мне кажется, во всяком случае, что консульство и русские учреждения в Исфагани должны бы быть уполномочены в случае явной опасности выехать в Тегеран. Прошу указаний.

Эттер.

№ 111. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 311. 14/1 июня 1915 г.

Шах частным образом запросил Сепехдара, не согласится ли он составить кабинет ввиду предстоящего падения кабинета Эйн-эд-Доуле [1]. Сепехдар через поверенного сообщил Евреинову, что согласился бы при условии реальной поддержки обеих миссий. План его состоит в образовании коалиционного кабинета с поручением министерства иностранных дел Саад-эд-Доуле, военного — Самсам-эс-Солтане. Кроме того, в состав вошли бы Мушир-эд-Доуле, Мостоуфи-оль-Мемалек и Мохтешам-эс-Солтане. Он предполагает (применять) строгие меры против германских агитаторов и поддерживать строгий нейтралитет. Вопроса о наших войсках в Персии он обещает временно не возбуждать. С английским посланником переговорю сегодня.

Эттер.

---

[1] Тел. от 14/1 июня за № 2807 Клемм указывал Эттеру на необходимость повлиять на Саад-эд-Доуле и Сепехдара, которые, по сведениям Исаак-хана интригуют против кабинета, и просил разъяснить им, что «падение кабинета нам нежелательно, так как могло бы привести к большим осложнениям». 20/7 июня Эттер за № 321 телеграфировал Сазонову: «попытка Сепехдара и Саад-эд-Доуле не удалась», ввиду того, что меджлис «настоял на том, чтобы Эйн-эд-Доуле остался у власти».

№ 112. Директор дипломатической канцелярии при ставке товарищу министра иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 278. 14/1 июня 1915 г.

Ваша телеграмма № 2782 получена [1]. Начальник штаба относится определенно отрицательно к зачислению в наши войска военнопленных вообще и в частности армян. Существующим отдельным армянским дружинам он тоже не сочувствует, и уже приступлено к постепенному зачислению в них лиц не-армянской национальности.

Кудашев.

№ 113. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 2827. 15/2 июня 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Телеграмма за № 309 [2] получена.

Не видим иного исхода, как разрешить консульству и русским учреждениям в Исфагани выехать, если не будет положен предел настоящему положению вещей в этом городе. Предварительно переговорите с Марлингом, ибо и англичанам едва ли можно будет остаться там. В случае выезда консульства и учреждений надо возложить ответственность за крупный материальный ущерб на шахское правительство, попустительство коего вне сомнения.

Сазонов.

№ 114. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 183. 15/2 июня 1915 г.

Телеграмма за № 2766 [3] получена.

Сведения телеграммы за № 175 [4] были сообщены мне швейцарским посланником. Из сегодняшнего разговора с министром иностранных

---

[1] В тел. Нератова от 12 июня/31 мая за № 2782 сообщалось, что член Государственной думы Пападжанов «усиленно просит об удовлетворении многочисленных ходатайств военнопленных армян быть зачисленными в отдельные армянские дружины, формируемые... на Кавказе».

Поддерживая это ходатайство, Нератов просил Кудашева запросить заключения генерала Янушкевича по этому вопросу.

[2] См. № 110.

[3] Тел. от 12 июня/30 мая за № 2766 (за подписью Нератова) Гирсу предлагалось сообщить, «какое значение имеет состоявшееся между Италией и Германией соглашение о правах подданных и... заключено ли это соглашение на случай войны между этими государствами или лишь на время перерыва дипломатических сношений».

[4] См. стр. 108, прим. 1.

дел выяснилось, что за несколько дней до объявления войны между Италией и Австрией Ягов предложил заключить, на всякий случай, соглашение о правах подданных, принятое с некоторыми изменениями Италией, несмотря на то, что сие отвечало, главным образом, интересам Германии [1]. По подписании соглашения с последней Италия за два дня до войны предложила Австрии заключить подобное же соглашение. Ответа сперва не последовало. Затем, уже по объявлении войны, Австрия выразила согласие, оговорив, что она не будет однако отпускать мужчин в возрасте от 18 и до 50 лет, вследствие чего соглашение с Австрией не состоялось. В соглашении с Германией сказано, что оно заключается ввиду возможных случайностей, но оно несомненно относится к периоду войны. До сих пор однако Германия выпустила лишь только незначительное число итальянцев. Касательно патентов на изобретения сказано, что правительство имеет право отбирать их исключительно в свою пользу, а не в пользу частных лиц.

Гирс.

№ 115. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 185. 15/2 июня 1915 г.

Копия в Афины.

Итальянский посланник в Афинах телеграфирует, что, хотя он не имеет официальных данных, он полагает, что греки намереваются занять Берат [2].

Гирс.

№ 116. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 187. 15/2 июня 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 179 [3].

Известие о занятии сербами Тираны производит здесь сильное негодующее [4] впечатление. Министр иностранных дел высказал мне, что, если нет соглашения между сербами и Австрией, на что, будто бы,

---

[1] См. № 73 и прим.

[2] Тел. от 17/4 июля за № 215 Демидов, ссылаясь на публикуемую тел. Гирса, сообщал Сазонову, что, по объяснениям, полученным им в греч. м-ве ин. дел. «греческое правительство никогда не намечало занятие Берата», и что «названный город оккупируется, будто бы, итальянским отрядом».

[3] См. № 101.

[4] Так в оригинале.

указывают хвалебный тон австро-германской печати и таинственные частные переговоры черногорцев с австрийцами в Каттаро, то во всяком случае он не может иначе назвать поведение сербов, как изменой общему делу. Он не верит их обещанию остановить свое движение к морю. Убеждение его в дальнейшем их наступлении, несмотря на воздействие держав Согласия, настолько сильно, что ныне он, полагаю я, помирился бы с тем, чтобы они сохранили ныне занятые ими позиции. Гирс.

№ 117. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 336. 15/2 июня 1915 г.

Сегодня 2 июня Радославов передал лично четырем посланникам следующий ответ на их заявление 16 мая [1]. «C'est avec un sentiment de profonde gratitude que le gouvernement royal a pris connaissance des déclarations que les 4 Puissances alliées ont bien voulu lui faire le 16 mai dernier, par l'entremise de leurs représentants à Sofia. Il y voit une preuve de haute bienveillance envers la Bulgarie et un précieux témoignage de sollicitude à l'égard des aspirations légitimes de la nation Bulgare. Appréciant à un très haut degré la confiance dont les Puissances alliées veulent bien l'honorer, le gouvernement royal croit devoir faire remarquer que les propositions formulées dans les dites déclarations offrent certains points peu précis sur le sens exact et la vrai portée desquelles il aimerait à être fixé avant de prendre la décision qu'elles comporteraient. Il conviendrait d'ailleurs savoir si la partie de la Macédoine dont la retrocession est envisagée par les 4 Puissances alliées correspond exactement avec le territoire qui constitue la zône dite «non contestée» et dont la carte est annexée au traité serbo-bulgare de 1912. Les Puissances alliées subordonnent en outre cette retrocession à l'obtention par la Serbie de compensations équitables en Bosnie-Herzégovine et sur l'Adriatique; concernant ces trois régions le gouvernement royal trouverait utile d'être informé sur les limites dans lesquelles la compensation doit y être réalisée, de manière à créer des droits incontestables en faveur de la Bulgarie. Le gouvernement royal devrait également avoir des précisions de même nature au sujet des compensations reservées à la Grèce en Asie Mineure. Il serait d'un intérêt non moins essentiel pour lui de connaître l'étendue du Hinterland que l'on attribuerait à Kavalla.

---

[1] См. №№ 37, 38.

En ce qui concerne la question de la Dobroudja pour le règlement de laquelle les Puissances alliées offrent si obligeamment leurs bons offices le gouvernement royal serait très reconaissant aux gouvernements de ces Puissances s'ils voulaient bien lui indiquer quels sont, d'après leurs vues, les principes qui doivent servir de base à l'entente à conclure entre la Roumanie et la Bulgarie. Les gouvernements des Puissances Alliées voudront bien se pénétrer de ce que la Bulgarie est encore sous le coup des dures épreuves qui ont été infligées après les guerres de 1912—1913 et que la nation bulgare pour laquelle une nouvelle entrée en campagne exigerait un effort des plus considérables, tient à être exactement renseignée. C'est pourquoi le gonvernement royal se voit contraint d'insister sur des précisions qui espère-t-il ne lui seront pas refusées par les Puissances Alliées. Sofia, le 14/1 juin 1915». Конец текста [1].

Нахально.

Царское Село, [18] 5 июля 1915 г.

Перевод.

Сегодня, 2 июня, Радославов передал лично четырем посланникам следующий ответ на их заявление 16 мая: «С чувством глубокой признательности королевское правительство ознакомилось с заявлениями, которые четыре союзные державы соблаговолили ему сделать 16 минувшего мая через посредство их представителей в Софии. Оно видит в них доказательство высокой благосклонности к Болгарии и драгоценное свидетельство внимательного отношения к законным стремлениям болгарского народа. В высокой мере ценя доверие, которое союзные державы ему оказывают, королевское [болгарское] правительство считает долгом заметить, что предложения, содержащиеся в указанных заявлениях, заключают некоторые не совсем ясные пункты, о точном смысле и действительном значении которых оно желало бы быть осведомленным до принятия соответст-

---

[1] 16/3 июня тел. за № 337 (опубл. Ц. Р., стр. 125, № 114) Савинский передал «заключения» четырех посланников, сообщенные каждым из них своему правительству: 1) Цель ноты — «не отталкивая союзные державы, выиграть время и затянуть окончательный ответ в ожидании дальнейшего хода военных событий»; 2) «в ответе держав следовало бы дать понять, что дальнейшие проволочки невозможны»; 3) целесообразно «удостоверить, что уступаемая Болгарии часть Македонии вполне соответствует «бесспорной зоне», не упоминая однако договора 1912 г.»; 4) «можно было бы заявить, что минимумом сербских компенсаций, обеспечивающих за Болгарией «бесспорную зону», было бы приобретение Сербией Боснии и Герцеговины в их нынешних границах и выхода на Адриатику; это, конечно, не помешает державам расширить в свое время сербские приобретения»; 5) «немыслимо размерить компенсации, которые получит Греция в Малой Азии и возможно лишь установить самый принцип этих компенсаций», взамен Кавалы, Драмы и Сереса; 6) указать на готовность держав содействовать успеху переговоров о Добрудже (Добрич и Балчик с соответствующими областями).

вующих решений. Так, следовало бы знать, совпадает ли точно часть Македонии, которая имеется в виду четырьмя союзными державами, с зоной, называемой «бесспорной» и карта которой приложена к сербо-болгарскому договору 1912 г. Союзные державы ставят, помимо того, это возвращение в зависимость от получения Сербией справедливых компенсаций в Боснии, Герцеговине и на Адриатическом побережьи; что касается этих трех областей, то королевское правительство почитало бы полезным быть осведомленным о пределах, в которых компенсация должна быть реализована, с тем, чтобы обосновать бесспорные права в пользу Болгарии. Королевское правительство желало бы иметь также точные сведения касательно компенсаций, предназначенных Греции в Малой Азии. Не менее существенный интерес представляет для него осведомление о размерах хинтерланда, который будет придан Кавале.

В отношении вопроса о Добрудже, для урегулирования которого союзные державы столь предупредительно предлагают свои услуги, королевское правительство было бы очень признательно, если бы эти державы пожелали указать ему, на каких принципах должно быть основано подлежащее заключению соглашение между Румынией и Болгарией. Правительства союзных держав не откажут принять во внимание, что Болгария страдает еще от тяжелых испытаний, выпавших на ее долю после войн 1912 — 1913 гг. и что болгарский народ, от которого новое вступление в войну потребовало бы весьма значительных усилий, желает быть в точности осведомленным. Вот почему королевское правительство считает себя вынужденным настаивать на уточнениях, в которых ему не будет — оно надеется — отказано союзными державами. София, 14/1 июня 1915 г.» Конец текста.

№ 118. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 622. 15/2 июня 1915 г.

Получил № 2811 [1].

Согласно предписанию обратил самое серьезное внимание Пашича на нежелательные последствия проникновения и оседания сербов в Албании. Он ответил, что из Тираны, вероятно, представится возможным отозвать сербские войска в ближайшее время, и, так как сообщение с Эсадом установлено и ожидается только принятие последним административных и военных мер к обеспечению безопасности от враждебной агитации, сербским войскам дано распоряжение вперед больше не двигаться. От черногорцев получено извещение о принятом ими, по настоянию Пашича, решении дальше не итти и Скутари не занимать. Что касается Италии, то он хотел бы войти с ней в более близкие сношения, но, к сожалению, две его попытки в этом направлении — одна при занятии Валоны и вторая по объявлении Италией войны — успеха не имели. Между тем он считал бы полезным установление общего плана, дабы помогать, а не мешать друг другу. Относительно наступления Пашич повторил мне прежнее заявление. Срок

[1] См. № 108.

он установить не может, но уверяет, будто войска двинутся очень скоро. Доходящим сюда из Софии австрийским запугиваниям о предстоящем разгроме Сербии он веры не придает. На доверительный запрос вашего высокопревосходительства о точной численности войск, посланных в Албанию, могу сообщить, что Пашич называет цифру в 10 000 человек. Военный министр мне говорил о 12 000, т. е. одних отрядах[1] — Эльбасанском в 6 000 и двух других, действующих к северу, по 3 000 пехоты. Итальянский и черногорский посланники полагают, что там всего до 15 000. Военный агент, не ручаясь за правильность своих данных и считая лишь военного министра вполне осведомленным в этом вопросе, доводит эту цифру до 20 слишком тысяч, но со включением в нее тыловых частей и артиллерии. Войска эти состоят из малообученных македонцев. Цифра итальянского правительства в 40 слишним тысяч мне была доверительно известна от итальянского посланника, говорившего о ней с улыбкой и называвшего короля Николая источником. По его сведениям, король утверждал, будто сербы с армией указанной внушительной численности идут на Скутари.

Штрандтман.

№ 119. Директор канцелярии министерства иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Письмо. 15/2 июня 1915 г.

Дорогой князь,

Я не откликнулся на ваше недавнее письмо, потому что оно было уж слишком безотрадно[2]. Впрочем, с своей стороны, я также не могу сообщить вам ничего приятного. В отношении румын, к искреннему моему сожалению, мои предположения оправдываются: вы могли видеть это уже из телеграммы Поклевского[3], в которой переданы слова Братиану о необходимости после политического соглашения договориться относительно военных действий и пр. Расчет понятен: заручившись нашими уступками, потом тянуть дело под предлогом военного соглашения, пополнения запасов и т. д.

Что это именно так, — подтверждается следующим: не от Поклевского, а из другого весьма доверительного источника[4] мы узнали

[1] Так в оригинале.

[2] Повидимому, имеется в виду письмо от 13 июня/31 мая (см. № 107).

[3] Тел. от 12 июня/30 мая за № 326 (см. стр. 133, прим. 2).

[4] Шиллинг, очевидно, имеет в виду хранящееся в делах б. м-ва ин. дел резюме тел. Фашиотти (итал. посланника в Бухаресте) от 11 июня/29 мая своему прав-ву

что на-днях сам Костинеску, — сторонник выступления Румынии, — сказал, что «Румыния во всяком случае не может выступить, пока Россия не перейдет вновь в наступление и не вернет себе Галиции и Буковины». Другие румыны допускают еще возможность выступления, «если, по крайней мере, Проливы будут открыты для подвоза боевых припасов».

Как видите, все это показывает, что надеяться на выступление румын в желательную для (нас) минуту, увы, нельзя. Таким образом нам необходимо приналечь самим, а не рассчитывать на постороннюю помощь. Только бы мы не теряли хладнокровия. В противоположность вашему пессимизму я твердо верю в конечный наш успех, но только не падать духом и всем дружно работать.

Спешу отправить эти строки, которые были прерваны посещением Владимира Бобринского.

Крепко жму вашу руку.

Ваш Шиллинг.

№ 120. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

№ 63. 16/3 июня 1915 г.

From telegram which His Majesty's Government have recently received from His Majesty's Minister at Nish it is clear that the Servian Government are deliberately entering upon a compaign which has for its object the occupation of Albania.

His Majesty's Principal Secretary of State for Foreign Affairs has endeavoured to persuade the Servian Government by friendly remountrance to confine their activities to purely defensive measures. From the reply returned by the Servian Prime Minister to these representations — to the effect that it was imperatively necessary to crush Austro-Turkish activities in Albania before the situation should render the employment of larger Servian forces necessary — it is, however, clear that the Servian Government do not intend to follow the advice of His Majesty's Government, Sir E. Grey acordingly thinks that serious representations should be made at Nish by the Representatives of the four Allied Powers.

о том, что ни Братиану, ни другие рум. государственные деятели «не согласятся на выступление Румынии, пока не улучшится военное положение русских или, по крайней мере, не будут захвачены Дарданеллы. Для снабжения Румынии, не располагающей достаточными военными запасами, последнее особенно существенно. Даже Костинеску сказал, что Румыния не могла бы выступить сейчас и, во всяком случае, ранее, чем русские перейдут в наступление и отвоюют снова Галицию и Буковину».

It could be pointed out, that persistance on the part of the Servian Government in their present course of action — especially if that action, as would seem probable, is accompanied by an attack on Scutari by Montenegro—cannot fail to waken the Servian offensive against Austria at a moment, when, synchronizing with the Italian advance, that offensive could be of the greatest advantage to the Allied cause. If the Servian offensive, which it has been announced will recommence immediately, is to be of any service it should be taken with all the military strength which Servia can command and not weakened by her troops being dissipated and engaged in an adventure which can neither affect the ultimate destiny of Albania nor exercise any direct influence on the present campaign.

Servia should be reminded that the Allies are fighting for her sake and have therefore a right to expect loyal cooperation from her. It might also be conveyed to the Servian Government, if the Cabinet of Rome sees no objection and if the Allies Government agree, that the agreement with Italy was drawn up in such a manner as to leave to the Croats, Servians and Montenegrins Fiume, Spalato, Ragusa and Cattaro — in fact all the most important ports on the Adriatic. Our refusal to support the full claims of Roumania to the Banat has moreover been one of the chief reasons why we have not been able to secure the cooperation of Roumania.

Now, however, it would appear as if it may not be practicable, without the assistance of Bulgaria or Roumania to impose upon Austria such terms, as will secure to Servia a wide access to the Adriatic and Bosnia and Herzegovina. Therefore, unless Servia is confident that she can, while keeping Bulgaria at bay on one side, wrest Bosnia and Herzegovina from Austria on the other; and unless she is sure of being able to accomplish all this by her own unaided efforts, she ought to choose between abandoning her hopes of securing Bosnia and Herzegovina and an access to the Adriatic and turning her serious attention to helping us to secure the cooperation of Bulgaria and Roumania, without which, even with the assistance of Italy, the Allies may not be able to secure a settlement involving the fulfilment of Servian aspirations.

His Majesty's Ambassadors at Rome and Paris have been instructed to speak in this sense to the Italian and French Ministers for Foreign Affairs [1].

---

[1] В ответ на эту пам. записку Сазонов 17/4 июня сообщал пам. запиской, адресованной трем союзным послам, что он согласен с предложением Грея, и

Перевод.

Из телеграммы, полученной недавно от посланника его величества в Нише, выясняется, что сербское правительство по собственному почину приступает к военным действиям, имеющим целью занятие Албании.

Старший статс-секретарь по иностранным делам постарался путем дружеского увещания убедить сербское правительство ограничить свою деятельность мерами чисто-оборонительного свойства. Из данного сербским премьер-министром на эти увещания ответа, в смысле настоятельной необходимости прекратить австро-турецкие происки в Албании, прежде чем могущее создаться положение сделает неотложным применение больших сербских сил, следует однако, что сербское правительство не намерено последовать совету правительства его величества. Ввиду этого сэр Э. Грей полагает, что серьезные представления должны быть сделаны в Нише представителями четырех союзных держав.

Можно было бы указать на то, что упорство со стороны сербского правительства в его настоящем образе действий, в особенности, если последние — что, повидимому, вероятно, — будут сопровождаться нападением Черногории на Скутари, не может не ослабить сербское наступление против Австрии в момент, когда, совпадая с продвижением итальянцев, это наступление могло бы быть в высшей степени полезным для дела союзников. Чтобы сербское наступление, которое, как было заявлено, возобновится безотлагательно, оказало какую-либо пользу, оно должно быть предпринято всеми военными силами, находящимися в распоряжении Сербии, а не ослаблено рассеянием ее войск, втянутых в авантюру, не могущую ни повлиять на окончательную судьбу Албании, ни отозваться непосредственно на ходе нынешней войны.

Сербии следует напомнить, что союзники сражаются за нее и имеют поэтому право ожидать с ее стороны лойяльного сотрудничества. Если римский кабинет на встретит возражений и если союзные правительства согласятся, можно было бы также передать сербскому правительству, что соглашение с Италией предусматривает предоставление хорватам, сербам и черногорцам Фиуме, Спалато, Рагузы и Каттаро — в действительности все самые важные порты в Адриатическом море. Сверх того, наш отказ от поддержки в полной мере притязаний Румынии на Банат был одной из главных причин того, что нам не удалось добиться сотрудничества Румынии.

Однако, как теперь выясняется, без содействия Болгарии или Румынии, повидимому, невозможно вынудить Австрию к таким условиям мира, которые давали бы Сербии широкий доступ к Адриатике, а равно Боснию и Герцеговину. Поэтому, если Сербия не уверена в том, что она может, имея на одном фронте, против себя Болгарию, на другом отвоевать от Австрии Боснию и Герцеговину, и если она не убеждена, что она все это выполнит сама, без посторонней помощи, то она должна сделать выбор между отказом от надежд на получение Боснии и Герцеговины и доступа к Адриатическому морю и обращением своего серьезного внимания на оказание нам помощи в деле обеспечения содействия Болгарии и Румынии, — без чего, даже при сотрудничестве Италии, союзники не будут в состоянии добиться результатов, включающих осуществление сербских притязаний.

что соответствующие инструкции посланы им Штрандману (тел. от 17/4 июня за № 2875).

Послам его величества в Риме и Париже было поручено переговорить в этом смысле с итальянским и французским министрами иностранных дел.

№ 121. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 2829. 16/3 июня 1915 г.

Я согласился сегодня на предложение великобританского посольства [1] поручить представителям Согласия и Италии в Цетинье заявить Черногории, что четыре державы считают всякое отвлечение черногорских войск вредным для общей цели, преследуемой союзниками, и энергично протестуют против черногорского похода в Албанию. Представители могли бы одновременно заявить Черногории, что они воспользуются своим влиянием в Скутари для беспрепятственного следования продовольствия. Вы можете сделать соответствующее заявление по получении вашими сотоварищами инструкций [2].

Сазонов.

№ 122. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 2836 [3]. 16/3 июня 1915 г.

На этих днях выяснилось, что шведское правительство приняло весьма решительные меры по отношению к транзиту через Швецию из Англии русских товаров, значащихся на запретительном шведском списке, и делает затруднения к пропуску вообще идущих через страну и даже не запрещенных к вывозу предметов [4]. Из представленных ныне посланником в Стокгольме разъяснений явствует, что шведское правительство надеется побудить этим путем англичан отказаться от

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел соответствующее письменное заявление не обнаружено.

[2] По предложению Обнорского (тел. от 18/5 июня № 120 и ответ на нее Нератова от 29/9 июня № 2953) заявление это было дополнено указанием на возможность признания за Черногорией права удержать часть правого берега Бояны для обеспечения черногорцам свободного плавания (гарантированного Берлинским трактатом) по этой реке.

[3] Лит. копия.

[4] В тел. Неклюдова от 17/4 июня за № 177 сообщалось, что он в ответ на соответствующий запрос, получил ноту, «определенно утверждающую свободу транзита товаров, не значащихся в шведском запретительном списке», но что одновременно «вышел новый запретительный список, обнимающий между прочим стальные изделия, интересующие нашу оружейную и снарядную промышленность».

тех репрессивных мер, которые последние приняли с целью побудить, в свою очередь, шведов согласиться на установление прямого документа в русско-английском транзитном сообщении. Просьба об оказании императорскому правительству содействия в деле установления этого документа была передана министерством великобританскому посольству в Петрограде. По поводу принимаемых шведским правительством мер необходимо отметить, что они крайне тяжело отзываются на русской торговле, которая, несмотря на открытие Архангельска, должна пользоваться шведским трактом ввиду обремененности Архангельска казенными грузами. Вышеизложенное понуждает министерство просить великобританское правительство не упускать из виду некоторой нашей зависимости от шведов в получении товаров из Западной Европы и считаться с нею при ведении со шведами переговоров о прямом документе, ибо, по сведениям Неклюдова, шведское министерство признается, что лишь только оно получит от англичан просимые уступки, дело транзита снова наладится [1]. Благоволите тем путем, который окажется более удобным, обратить внимание на вышеизложенное великобританского правительства, отметив при этом, что несвободное прохождение русских товаров через Швецию вредно отзывается на русском рынке и даже представляется нежелательным для нормального хода некоторых отраслей снабжения армии.

Сазонов.

№ 123. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 2850 [2]. 16/3 июня 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Ваша телеграмма № 377 [3] получена.

Исключение Киликии с Аданою и Мерсиною из пределов возможной под тройным протекторатом России, Франции и Англии авто-

---

[1] См. № 143.

[2] Опубл. Р. Аз. Т., стр. 138, № 44.

[3] В тел. Извольского от 14/1 июня за № 377 сообщалось со слов Завриева и Нубар-паши, что «хотя в здешнем министерстве иностранных дел продолжают настаивать на необходимости для Франции обладать не только Сириею, но и всей Киликиею до Тавра, многие влиятельные лица мало-по-малу под влиянием представленных им аргументов, будто бы, склоняются к мысли об автономной Армении под тройным протекторатом — России, Франции и Англии со включением Киликии с городами Аданой и Мерсиной, но за исключением Александреттского залива с портом Александреттой, отходящих к Франции». Извольский

номной Армении последовало вследствие нашего желания обнаружить предупредительное отношение к видам Франции на эту территорию [1]. Если же армянским делегатам удастся склонить парижский кабинет ко включению Киликии в состав будущей армянской области, то императорское правительство может только сочувствовать исполнению желания турецких армян, которым оно искони покровительствовало.

Сазонов.

№ 124. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 2854. 16/3 июня 1915 г.

Телеграмма [14] 1 июня [2] получена.

Предварительно каких-либо официальных выступлений благоволите высказаться перед министром иностранных дел в следующем смысле:

Мы с весьма неприятным чувством ознакомились с содержанием приказов президента, так как видим, что китайское правительство сразу же стремится превратно истолковать только-что состоявшееся соглашение, истинный смысл коего не мог остаться для него неясным за продолжительное время наших переговоров о Монголии.

Что касается первого приказа, то он путем одностороннего изложения основ договора искажает сущность международноправового положения Монголии. Поскольку этим имеется в виду ввести в заблуждение китайское общественное мнение, мы можем лишь пожалеть о предстоящих ему в дальнейшем разочарованиях, но во всяком случае должны будем озаботиться тем, чтобы общественному мнению других стран, и в особенности Монголии, вопрос был представлен в правильном освещении.

просил уведомить его на случай, если бы франц. прав-во склонилось к принятию вышеизложенного плана, «в какой мере он встречает сочувствие» со стороны росс. прав-ва.

[1] См. т. VII, № 778.

[2] В тел. Крупенского от 14/1 июня (без номера) сообщалось, что «опубликовано четыре приказа президента по монгольским делам». В первом из них объявлялось о заключении русско-китайского соглашения о том, что «Внешняя Монголия является частью китайской территории и признает сюзеренитет Китая, что самостоятельность Урги уничтожена», а также об амнистии. Вторым приказом назначались «два специальных посла... повидимому, для извещения хутухты о возведении его в соответствующее звание». Третьим приказом хутухта возводился в это звание. Четвертым приказом утверждались «титулы и почетные наименования, полученные высшими монголами и ламами, как во время Манчжурской династии, так и от Внешней Монголии».

Решительнейшим образом мы возражаем против 4-го приказа. Соответственный пункт был включен в первоначальный китайский проект, но в окончательное соглашение не вошел. Право пожалования и утверждения не местным правительством титулов, особенно на Востоке, настолько существенно, что не может быть подразумеваемым и должно было бы быть определенно формулировано в договоре. Таким образом оно бесспорно принадлежало хутухте, как главе автономной Монголии, пользующейся, по статье 5-й, правом внутреннего управления.

Равным образом не в праве было китайское правительство самостоятельно решать вопрос о командировании каких-то специальных послов.

Предупредите министра иностранных дел, что он должен изыскать выход из созданного приказами затруднения.

Министр иностранных дел должен был понимать, что в интересах самого Китая применять договор, на который с таким трудом, при нашем энергичном воздействии, пошли монголы, — в духе умеренности (не говоря уже о прямых нарушениях), а не отталкивать монголов резким подчеркиванием неприятных для их самолюбия пунктов [1].

Сазонов.

№ 125. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру

Телеграмма № 2857. 17/4 июня 1915 г.

Меморандум шахского правительства от 27/14 мая с. г. [2].

Нас удивляет тон этого документа и возобновление некоторых, уже не раз отвергнутых нами настояний. Но, считая, что тегеранский кабинет составил меморандум для оправдания себя перед общественным мнением и сознавая желательность сохранения настоящего ка-

---

[1] В ответ на публикуемую тел. Крупенский сообщал тел. от 18/5 июля за № 333, что, по заверениям кит. м-ра ин. дел, кит. прав-во «отнюдь не имело в виду превратно истолковывать Кяхтинское соглашение или посягать на созданное для Монголии положение, а лишь хотело немедленно же осуществить некоторые из постановлений соглашения. Командирование послов в Ургу имело исключительную цель исполнить полагающийся по китайскому этикету церемониал при возведении в высокое звание поднесением патента на оное». Относительно утверждения званий и титулов монголов кит. прав-во полагало, что так как титул «самого хутухты дан ему президентом, то утверждению последнего тем паче подлежат остальные звания и титулы в Монголии».

[2] См. № 21.

бинета, мы склонны отнестись к нему снисходительно. В ответе [1], составленном в примирительном тоне, благоволите высказать шахскому правительству наше искреннее расположение и готовность оказать ему возможную поддержку. Что касается высказанных им пожеланий, то:

1) По уже ранее приведенным соображениям предлагаемая денежная комбинация, к сожалению, неприемлема. Взамен ее мы могли бы обсудить вопрос о совместном с англичанами авансе [2], если расходование его будет вперед определено и подчинено известному контролю миссий, ибо нам нужна уверенность, что деньги не пойдут на вредные нам цели, даже при возможной перемене министерства.

2) Отозвание наших отрядов из Персии в настоящее время невозможно ввиду брожения, которое вызывается германо-турецкой агитацией. Но мы подтверждаем отсутствие у нас агрессивных целей и наше намерение вывести свои войска, как только к тому представится возможность.

3) Взимание малиата консулами прекратится, как только доходы северных провинций будут вноситься в наш банк, как в 1912 году, о чем уже было заявлено шахскому правительству. Конечно, консулы сохранят право вмешательства в случае предъявления персидской администрацией незаконных требований нашим подданным и покровительствуемым.

4) В земельном вопросе мы не можем признать правильность взгляда тегеранского кабинета, но мы готовы обсудить всякий приемлемый компромисс, который был бы нам представлен.

5) Нашим консулам уже предписано отнюдь не покровительствовать лицам недостойным и строго следить за тем, чтобы покровительствуемые не уклонялись от выполнения своих обязанностей в отношении персидского правительства. Совершенно упразднить институт покровительства, к сожалению, нельзя, ввиду наблюдаемых часто в Персии произвола властей и партийной нетерпимости и необходимости поэтому для нас ограждать от разорения должников банка и от преследований за политические убеждения людей нам преданных и оказавших нам услуги.

Сазонов.

---

[1] См. № 176.

[2] Тел. от 17/4 июня за № 2856 Сазонов предлагал Эттеру обсудить с Марлингом вопрос об авансе, предупреждая его в то же время, что вопрос этот еще «подлежит обсуждению с нашим министром финансов» и что аванс, «по всей вероятности, можно будет дать только в рублях, а не в персидской валюте».

№ 126. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 380. 17/4 июня 1915 г.

Секретно.

Делькассе только-что показал мне текст болгарского ответа, полученный здесь полностью лишь сегодня утром; по его мнению, ответ этот, не заключая в себе никаких принципиальных возражений, могущих оказаться камнем преткновения, указывает на желание короля Фердинанда, которого он считает автором редакции, затянуть переговоры [1]. Считая поэтому желательным как можно скорее ответить болгарскому правительству, Делькассе тотчас же телеграфировал в Петроград и Лондон проект ответа на сообщение это, текст которого будет сообщен вам Палеологом [2].

Извольский.

№ 127. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 2881. 18/5 июня 1915 г.

Сообщается в Бухарест.

Ваша телеграмма № 260 [3] получена.

Благоволите передать Пашичу, что я настойчиво отстаивал сербские интересы в переговорах с румынами о Банате, но что я считал

[1] 19/6 июня тел. за № 408 Бенкендорф сообщил Сазонову отзыв Никольсона, «совершенно личный», в ожидании совместного с Крю изучения этого вопроса: болгарский ответ ему «решительно не понравился», как явно имеющий целью затянуть переговоры и поставить державы в трудное положение относительно Сербии и Греции, и он не видит никакой пользы и находит даже вредным «слишком торопиться с дальнейшими разъяснениями болгарам, даже в пределах возможного».

[2] См. № 174. Гирс (тел. от 19/6 июня за № 193) сообщал Сазонову, что болг. ответ и на итал. прав-во «произвел впечатление желания болгар затянуть переговоры. Тем не менее оно вполне сочувствует сообщенному ему вчера французским поверенным в делах проекту нового заявления держав Согласия, предоставляющего Болгарии границу Македонии 1912 г. и Кавалу с Драмой и Сересом. Соннино сделал лишь замечание о желательности назначить срок выступления Болгарии во избежание новых затяжек».

[3] В тел. Штрандтмана от 16/3 июня за № 620 (в публикуемом документе ошибочно указан № 260, который на лит. копии этой тел. карандашом переправлен на № 620) сообщалось, что рум. м-р ин. дел Порумбару заговорил с серб. посланником в Бухаресте Маринковичем о разграничении Баната. Пашич просил телеграфировать об этом Сазонову, добавив, что, «вполне доверяя России, он не желает вступать в непосредственные переговоры с румынами, но готов сделать это по указанию Сазонова».

бы весьма желательным, чтобы по этому вопросу состоялось непосредственное соглашение между Сербией и Румынией. Поэтому я с удовольствием приветствовал бы скорейшее вступление Пашича в переговоры об этом с румынским правительством, надеясь, что обе стороны, отдавая себе отчет в важном значении налажения между ними прочных добрососедских отношений в будущем, выкажут взаимную уступчивость и сумеют найти удовлетворительное для обеих примирительное решение [1].

Сазонов.

№ 128. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 190. 18/5 июня 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 186 [2].

Полагая, что Турция продолжает задерживать итальянских консулов [3], Консульта редактировала вчера текст объявления войны Турции. Сегодня однако ею получены телеграммы итальянского посла в Константинополе, сообщающего, что великий визирь стал сговорчивее, что итальянский консул в Адалии уже выехал и что другие консулы выедут на американских судах частью 26 числа через Бейрут, частью 28 числа через Мерсину. Ввиду этого Италия обождет объявления войны до следующего инцидента [4].

Гирс.

---

[1] В ответ на публикуемую тел. Штрандтман телеграфировал 19/6 июня за № 626, что «Пашич предложит сербскому посланнику в Бухаресте воспользоваться первым случаем для начала переговоров», но в то же время «полагает, что... надлежит выждать новую инициативу румын, на которую он не преминет отозваться». «Не доверяя Братиану, — заканчивал свою тел. Штрандтман,— виды которого, по мнению Пашича, не ясны даже его друзьям, он опасается, как бы предложение о переговорах с сербами не были маневром Братиану... для нового торгашества и проволочек своего ответа державам». Согласно тел. Штрандтмана от 24/11 июня за № 631, Пашич предписал Спалайковичу просить Сазонова «продолжать переговоры с Румынией и о ходе их держать сербское правительство в известности. Пашич опасается, что непосредственные переговоры повысят требовательность румын и не приведут к соглашению».

[2] От 15/2 о том, что Соннино, по его словам, поручил Гаррони настаивать на предоставлении выезда итал. консулу в Адалии, не останавливаясь даже перед созданием инцидента, могущего привести к войне.

[3] 8 июня/26 мая Гирс телеграфировал за № 170, что, по сообщению Соннино, «турки запретили некоторым итальянским консулам, как, например, в Адалии, выезд из Турции».

[4] См. № 102.

№ 129. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 178. 18/5 июня 1915 г.

№ 1.

За последние дни положение становится здесь более тревожным. С германской стороны усугубляются усилия для вовлечения Швеции в войну. По всем признакам, в Берлине желают именно в настоящую минуту военного выступления Швеции, хотя бы это и сопровождалось еще более полною блокадой Германии. В самой Швеции начинает усиливаться течение, требующее «более активной политики в вопросе морской торговли», т. е. другими словами, требующее понудить Англию к уступкам либо путем полного закрытия Швеции для англо-русского транзита, либо даже угрозою нападения на Россию. Правительство, конечно, отвергает подобные внушения, но и в его среде восторжествовало мнение, что Швеция имеет право не только на беспрепятственное получение всех надобных ей продуктов и товаров, но и на... местную поставку части этих продуктов в Германию и Россию[1].

Неклюдов.

№ 130. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 178. 18/5 июня 1915 г.

№ 3[2].

Означенный вопрос о морской торговле Швеции и о транзите чрез Швецию выходит ныне не только из области экономической, но даже из области политической и становится вопросом чисто военного значения. Что выгоднее для России и ее союзников: изолировать почти совершенно Германию, а с ней и Швецию, но рисковать почти наверняка вступлением шведской армии, а быть может, и шведско-германской, в Финляндию, или же обеспечить себе нейтралитет Швеции и некоторые поставки из нее или чрез нее в пользу России, но зато терпеть проникновение в Германию известной части необходимых им предметов и продуктов. В этом именно виде должен быть поставлен вопрос перед главными квартирами союзных армий, от решения коих

[1] Тел. за № 178 (№ 2) Неклюдов передавал Сазонову, что влияние Валленберга уменьшается и что он начинает «опасаться, что новый натиск со стороны Англии и попытки ее добиться уступок в пользу русского транзита могут не увенчаться успехом и даже приблизить ту развязку, которую так желают ныне в Германии».

[2] См. № 129 и прим.

и должно зависеть дальнейшее направление вопроса шведской морской торговли и связанных с нею контрабанды и транзита. В заключение считаю долгом заметить, что здесь за последние дни усилилась агитация прессы и что развитие положения и событий может внезапно пойти ускоренным темпом.

Неклюдов.

№ 131. Греческий министр иностранных дел Зографос греческому посланнику в Петрограде Какламаносу.

Телеграмма [1]. 18/5 июня 1915 г.

Confidentiel.

Télégramme de Nisch.

Des agents privés austro-allemands ont fait au gouvernement serbe des avances concernant la conclusion d'une paix séparée avec l'Autriche. Comme ces agents voulaient... relativement à l'attitude de l'Entente envers les intérêts nationaux de la Serbie, le gouvernement serbe a répondu que ce sont des affaires de famille entre lui et ses alliés et qu'elles ne regardent pas les Austro-Allemands.

Zographos.

Перевод.

Доверительно.

Телеграмма из Ниша.

Австро-германские неофициальные агенты сделали сербскому правительству предложения касательно заключения сепаратного мира с Австрией. Ввиду того, что эти агенты хотели ... относительно позиции Антанты по отношению к национальным интересам Сербии, сербское правительство ответило, что это — дела семейные между ним и его союзниками, которые не касаются австро-германцев.

Зографос.

№ 132. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 339 [2]. 18/5 июня 1915 г.

Весьма доверительно.

№ 1. Ссылаюсь на мои телеграммы № № 326 [3] и 337 [4].

Ответ Братиану передается мною в телеграмме № 2, с текстом коей я его ознакомил, и он с ним согласился. Несмотря на продолжитель-

---

[1] Тел. расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 192, № 88. На публикуемой тел. имеется надпись карандашом рукой Базили: «Передано 6 июня в ставку по прямому проводу за № 2915».

[3] См. стр. 133, прим. 2.

[4] В тел. Поклевского от 16/3 июня за № 337 сообщалось, что ответ Братиану на последние предложения России откладывается до 18/5 июня.

ное и довольно бурное объяснение, мне не удалось добиться от Братиану большего в смысле сокращения срока для выступления Румынии, и он лишь в конце-концов отказался от некоторых двусмысленных фраз, которые еще более затемняли смысл его предложения, исходящего вообще из предположения, что все румынские предложения могут быть нами приняты. Братиану ставит строжайшую тайну непременным условием дальнейших переговоров и просит, чтобы, в случае принятия Румынией срока для ее выступления и начала переговоров с нами по военной конвенции, об этих обстоятельствах был осведомлен в Бухаресте, кроме него, лишь я[1]. Не зная, как отнесется императорское правительство к ответу Братиану, я не считал себя в праве давать ему какие-либо указания на возможность дальнейших с нашей стороны уступок, но я вновь настаивал, хотя и безуспешно, на неприемлемости его требований в Буковине, Угорщине и Торонтале. Мои французский, великобританский и итальянский коллеги, так же, как и я, не имеют вполне твердой уверенности в Братиану, а потому нам крайне трудно высказаться за тот или другой способ действий в настоящую минуту. В принципе нам кажется, что если союзные державы допускают возможность принятия всех румынских требований, то нам следовало бы в таком случае сделать это немедленно, обязав взамен этого Румынию выступить через пять недель со дня названного предложения и сейчас же начать переговоры о военной конвенции. Если удовлетворение всех румынских требований невозможно, то мы могли бы сделать Румынии предложение, которое заключало бы: 1) максимум допускаемых нами уступок, дальше которых мы ни в каком случае не пойдем; 2) срок для выступления Румынии; 3) обещание по мере возможности снабдить Румынию военными припасами и другими предметами, в коих она может нуждаться. Мы тоже думаем, что наши уступки должны включать принятие линии Костинеску в Буковине и отдачу сербам лишь площади длиною в несколько десятков километров к северу от Дуная в Торонтале. Относительно последнего, может быть, даже лучшим решением было бы предостав-

---

[1] В своей тел. от 25/12 июня за № 357 Поклевский указывал, что «Братиану жаловался... сегодня на то, что сделанное нами третьего дня румынскому правительству предложение было уже вчера вечером и сегодня почти вполне точно воспроизведено в газетной прессе, и он вновь просит хранить дальнейшие наши переговоры в строжайшей тайне». Поклевский добавлял от себя, что «соблюдение секрета в этом вопросе» представляется ему «возможным лишь в случае, если другие представители союзных... держав не будут осведомлены» своими правительствами о получаемых им (Поклевским) инструкциях.

ление последующему арбитражу размежевания между Румынией и Сербией указанной спорной полосы этого дистрикта, причем будущие обладатели этой территории должны обязаться ее не укреплять и не содержать в ней гарнизонов. Считаю долгом добавить, что, по имеющимся у меня сведениям, румынские военные эксперты не находят выступление Румынии при нынешних обстоятельствах невозможным, но, по их мнению, концентрация и мобилизация войск должна делаться постепенно и весьма секретно, так что Румынии для начала военных действий нужен срок минимум в пять недель.

Поклевский.

№ 133. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 340 [1]. 18/5 июня 1915 г.

No 2 [2].

Mr. Bratiano s'est déclaré prêt à prendre un engagement ferme de faire la guerre à l'Autriche-Hongrie dans un délai maximum de deux mois, du jour où l'accord politique entre les Puissances et la Roumanie aura été signé. L'action de la Roumanie devra être précédée par la conclusion entre elle et la Russie d'une convention militaire qui établirait la coopération la plus efficace des troupes russes et roumaines d'après la situation sur le champ de guerre au moment où commencera cette action, et cette même convention assurera à la Roumanie l'aide des Puissances alliées, dans la limite de la possibilité, pour fournir et faire arriver à l'armée roumaine les munitions de guerre dont elle pourrait avoir besoin. A ma demande Mr. Bratiano m'a affirmé que les conditions de la convention ne pourraient en aucun cas retarder l'entré en action de la Roumanie. A la suite de mes objections quant au terme si éloigné de l'entrée en action de la Roumanie Mr. Bratiano a déclaré qu'il sera prêt à envisager la proposition suivante que les Puissances pourraient éventuellement lui faire: si les dites Puissances acceptent toutes les demandes politiques du gouvernement roumain à condition que la Roumanie entre en action dans un délai de cinq semaines du jour ou cette proposition sera faite, Mr. Bratiano se déclare prêt à commencer aussitôt les négociations pour la conclusion de la convention militaire précitée et espére que l'action de la Roumanie pourra se faire dans le délai désiré par les Puissances. Si toutefois, cette dernière éventualité

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 193, № 89.

[2] См. № 132.

ne pourrait pas se produire, il va de soi que les concessions conditionnelles consenties par les Puissances deviennent nulles et non avenues.

Poklevsky.

Перевод.

№ 2.

Г. Братиану заявил о своей готовности принять на себя твердое обязательство выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через 2 месяца со дня подписания политического соглашения между державами и Румынией. Выступлению Румынии должно предшествовать заключение между ней и Россией военной конвенции, устанавливающей самое деятельное сотрудничество русских и румынских войск сообразно положению на театре войны в момент открытия Румынией военных действий; та же конвенция обеспечит Румынии посильную помощь со стороны союзных держав в деле изготовления и доставки снарядов, в которых могла бы нуждаться румынская армия. На мой запрос г. Братиану дал мне заверение, что условия конвенции никоим образом не могут задержать открытие Румынией военных действий. В ответ на мои возражения по поводу столь отдаленного срока выступления Румынии г. Братиану заявил, что он готов рассмотреть следующее предложение, с которым союзные державы могли бы к нему обратиться; если указанные державы согласятся на все политические требования румынского правительства при условии, что Румыния выступит не позже пяти недель со дня передачи этого предложения, то г. Братиану заявляет о готовности приступить немедленно к переговорам о заключении вышеупомянутой военной конвенции и надеется, что выступление Румынии может состояться в желательный для держав срок. Если однако последнее не могло бы состояться, то, само собой разумеется, данное державами условное обещание уступок будет почитаться несостоявшимся.

Поклевский.

№ 134. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 196 [1]. 18/5 июня 1915 г.

Телеграмма № 2645 [2] получена.

Като телеграфировал послу Иноуе в Лондон, что выдача нам 100 000 винтовок из неприкосновенного запаса японской армии отнюдь не должна быть рассматриваема как выполнение какого-либо заказа; выдача эта состоялась по мотивам политического свойства, в виде исключения, и никаких более винтовок из своих запасов Япония не может выдать ни России, ни Англии, ни другому иностранному государству ранее пополнения собственных потребностей японской армии,

[1] Маш. копия.

[2] Тел. от 5 июня/23 мая за № 2645 Малевскому передавалась тел. Ермолова от 28/15 мая (см. № 28).

то есть не прежде, как года через два. Об этом Иноуе предписано поставить в известность великобританское правительство [1].

Малевский.

№ 135. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 43. 18/5 июня 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В здешнюю печать проникло известие, что Англия предложила японскому правительству запретить японским подданным совершение торговых сделок с германцами и австрийцами в Китае. Газеты говорили по этому поводу, что Великобритания желала бы остановить также и отправку на японских и английских пароходах грузов, принадлежащих враждебным державам. В донесении моем от [3 июня] 21 минувшего мая № 39 [2], я привел мнение двух распространенных здесь листков «Ямато» и «Кокумина», отнесшихся крайне отрицательно к предложению Англии и усмотревших в нем скрытое пожелание захватить в свои руки китайскую торговлю с иностранными государствами. На этих днях, наконец, появилось известие, имевшее как бы официозный характер, что вопрос, предложенный Англией, будет подвергнут обсуждению представителей всех японских торговых палат, созываемых министерством торговли и земледелия на 21 июня нового стиля.

При последнем свидании с министром иностранных дел я просил его сообщить мне, действительно ли японское правительство решило обсуждать публично английское предложение. На это барон Като мне ответил, что газетные известия относительно созыва представителей торговых палат по настоящему вопросу, совершенно не соответствуют действительности; английское предложение подвергнуто всестороннему обсуждению в министерстве иностранных дел и будет внесено в совет министров в ближайшем будущем. Министр не скрыл от меня, что японское правительство предполагает ответить на предложение Англии отрицательно. По его словам, чтобы воспретить

---

[1] Нотой от 19/6 июля япон. пос-во в Петрограде извещало Сазонова в ответ на его ноту от 1 июля/18 июня о том, что япон. воен. м-во согласно удовлетворить пожелания росс. воен. м-ва в отношении заказов на оружие и снаряды и просит назначить русских представителей в Токио для обсуждения и заключения контрактов.

[2] См. № 57.

торговые сделки между японцами и подданными враждебных стран в Китае, нужно начать с такого воспрещения в самой Японии. Между тем, при объявлении войны Германии японское правительство манифестом объявило, что германским подданным разрешается оставаться в Японии и свободно заниматься торговлей и промыслами, не нарушая законов внутреннего порядка и безопасности. Этого принципа японское правительство считает своей обязанностью держаться и впредь. Оно внимательно следит за деятельностью пребывающих здесь германцев и австрийцев и принимает меры к высылке неблагонадежных элементов, — так, еще на-днях были высланы из Иокогамы пять германцев, уличенных в тайных отношениях с пленными и замешанных в провозе контрабанды, — но останавливать всякую торгово-промышленную деятельность — не видит основания. Что касается собственно Китая, то барон Като признался, что считает предложенную Англией меру не достигающей цели на практике. Каким образом могло бы японское правительство контролировать отдельные сделки, совершаемые японскими подданными в Китае с германцами или австрийцами? Запрещение их посвидетельствования японскими консулами не имело бы большого значения, так как далеко не все сделки должны быть свидетельствуемы в консульствах. Такое запрещение в конце-концов осталось бы мертвой буквой. Что касается специально пароходства, то в этом вопросе все точки отправления Англии и Японии не совпадают: японское пароходство на Дальнем Востоке занимается главным образом перевозкой китайских и японских товаров, другие грузы являются для него исключением. Ныне японские пароходы перегружены товарами и не могут управиться даже с собственными грузами: поэтому отказ от германских грузов не имел бы для них никакого значения. А затем по отношению к судоходству могли бы возникнуть разные непреодолимые трудности при выяснении происхождения грузов: в каждом отдельном случае могут явиться подставные лица, фальшивые декларации, не говоря о легальном представительстве в лице подданных другой державы. Как пример последнего барон Като привел известную фирму Карберг, — она австрийская, а между тем представитель ее в Китае — американец Арнольд.

О предполагаемом ответе великобританскому правительству барон Като доверительно предупредил вчера здешнего английского посла.

Примите, и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 136. Памятная записка министерства иностранных дел английскому, французскому и итальянскому послам в Петрограде — Бьюкенену, Палеологу и Карлотти.

№ 652 [1]. 19/6 июня 1915 г.

Mr. Sazonow serait heureux de connaître l'opinion de son excellence Mr. Delcassé (Sir E. Grey, le baron Sonnino) au sujet de la réponse de Mr. Radoslavoff[2] à la communication qui lui a été faite par les ministres des Puissances alliées à Sofia le 29/16 mai a. c.[3].

Le caractère dilatoire de cette réponse ne saurait être mis en doute; toutefois, Mr. Sazonow considère utile de continuer les conversations avec le gouvernement bulgare, ne fût ce que pour l'empêcher d'assumer une attitude ouvertement hostile aux alliés. Dans cet ordre d'idées il y aurait lieu de donner au Cabinet de Sofia les précisions qu'il sollicite des quatre Puissances et lesquelles pourraient être formulées comme suit:

1) Les compensations à accorder à la Serbie et à la Grèce qui créeraient en faveur de la Bulgarie des droits sur les territoires énumérés ci-dessous pourraient être définies comme suit: Pour la Serbie — l'acquisition de[4] la Bosnie et la Herzégovine, ainsi que celle d'un débouché sur la côte Dalmate et pour la Grèce — Smyrne et son arrière-pays.

2) La partie de la Macédoine que les alliés envisageaint dans leur communication pourrait être définie par une dénomination plus détaillée des localités qui en formeraient les confins. La frontière proposée par les alliés suit la ligne de démarcation entre les sphères d'influence tracées par l'accord serbo-bulgare de 1912. Les alliés ne sauraient d'aucune façon appuyer auprès du gouvernement serbe de plus larges revendications de la part de la Bulgarie.

3) De même il n'y aurait guère d'inconvénient à déclarer que l'acquisition de Kavala comprendrait les anciennes kazas de Serés et de Drama.

4) L'entente à conclure entre la Bulgarie et la Roumanie pourrait avoir pour base la cession à la Bulgarie de Dobritch et Baltchik [5].

---

[1] Сообщена в Париж, Лондон и Рим тел. от 19/6 июня за № 2905.

[2] См. № 117.

[3] См. №№ 37, 38.

[4] Далее зачеркнуто: «toute» («вся»).

[5] Первоначальная редакция этой фразы: «L'entente à conclure entre la Bulgarie et la Roumanie pourrait être basé sur le retour au protocole de Saint-Pétersbourg». («Имеющее быть заключенным между Болгарией и Румынией соглашение могло бы базироваться на возвращении к Петербургскому протоколу».)

En accédant au désir du gouvernement royal d'être plus exactement renseigné sur les avantages qu'il pourrait retirer s'il se rangeait aux côtés des alliés ceux-ci à leur tour devraient subordonner rigoureusement la concession de ces avantages à l'entrée en campagne de l'armée bulgare le 14/1 juillet[1]. Les alliés devraient en même temps se déclarer dégagés de toute promesse formulée jusqu'ici si à l'echéance du terme convenu le gouvernement bulgare n'attaquait la Turquie[2].

Перевод.

Г. Сазонов был бы рад узнать мнение его превосходительства г. Делькассе (сэра Э. Грея, барона Соннино) по поводу ответа г. Радославова на сообщение, которое ему было сделано посланниками союзных держав в Софии 29/16 мая текущего года.

Характерное для этого ответа стремление выиграть время не подлежит сомнению; тем не менее г. Сазонов считает полезным продолжать обмен мнений с болгарским правительством, хотя бы для того, чтобы не допустить занятия им явно враждебной позиции по отношению к союзникам. В этих видах следовало бы дать софийскому кабинету те уточнения, которые он просит у четырех держав; их можно было бы сформулировать следующим образом:

1) Компенсации, которые следовало бы предоставить Сербии и Греции при признании ими за Болгарией прав на территории, перечисленные ниже, можно было бы определить следующим образом: что касается Сербии — приобретение Боснии и Герцеговины, а равно выхода на Далматинское побережье, а для Греции — Смирна с ее хинтерландом.

2) Часть Македонии, имеющаяся в виду союзниками в их сообщении, могла бы быть определена более подробным обозначением местностей, ограничивающих ее. Предлагаемая союзниками граница совпадает с демаркационной линией между сферами влияния, намеченными сербо-болгарским договором 1912 г. Союзники никоим образом не могли бы поддерживать перед сербским правительством идущие дальше этого притязания со стороны Болгарии.

3) Равным образом не представило бы неудобства заявление о том, что приобретение Кавалы включало бы бывшие Сересскую и Драмскую казы.

4) Имеющее быть заключенным между Болгарией и Румынией соглашение могло бы иметь базой уступку Болгарии Добрича и Балчика.

Идя навстречу желанию королевского правительства быть более точно осведомленным о преимуществах, которые оно могло бы извлечь присоединением к союзникам, последние, в свою очередь, должны были бы строго обусловить предоставление этих преимуществ выступлением болгарской армии 14/1 июля. Союзники должны были бы в то же время заявить, что они считают себя свободными от всех данных до сих пор обещаний, если к условленному сроку Болгария не нападет на Турцию.

---

[1] Далее зачеркнуто: «dans un délai qui ne pourrait dépasser quinze jours (un mois) («в срок, не превышающий 15 дней (один месяц)»).

[2] «N'attaquait la Turquie» вписано вместо зачеркнутого: «n'abandonnait pas la neutralité qu'il avait observé jusqu'ici» («не откажется от сохранявшегося ею до сих пор нейтралитета»).

№ 137. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 2906. 19/6 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 2836 [1].

Из Швеции продолжают поступать сведения, указывающие на усиленные старания германофилов вызвать войну против России. В этих целях сторонники войны стремятся использовать все, что можно, в том числе и возбуждение народа против Англии из-за чинимых ею затруднений шведской торговле [2]. Если бы военной партии в Швеции удалось одержать верх над благоразумными кругами, с нынешним правительством во главе, то, конечно, тяжесть борьбы с новым противником легла бы прежде всего на Россию, но очевидно, что это отразилось бы и на положении всех союзников. Поэтому весьма важно, чтобы Англия, которая не перестала советовать нам примирительное отношение к Швеции, теперь поняла грозящую опасность и сама приняла безотлагательные меры к улучшению своих отношений к Швеции путем существенных уступок в области товарного и почтового движения.

Сазонов.

№ 138. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 2925. 19/6 июня 1915 г

Министр финансов уведомляет, что в Лондоне ныне учтена последняя партия бонов государственного казначейства и таким образом исчерпан весь кредит, предоставленный нам контрактом 1 февраля с братьями Беринг [3]. Рутковскому поручены переговоры с великобританским правительством об увеличении размеров открываемого нам Англией кредита.

Но так как в России чувствуется настоятельная потребность в иностранной валюте [4], то признано необходимым, не дожидаясь оконча-

[1] См. № 122.

[2] 25/12 июня тел. за № 3021 (№ 1) Нератов передавал Неклюдову, что строгости Англии «относительно морской торговли Швеции» и предпринятые последнею в виде репрессий меры, касающиеся русского транзита, создали в Швеции «за последнее время весьма тревожное политическое положение и даже» увеличили «опасение военного выступления».

[3] См. т. VII, № 164.

[4] См. приложение к тому, стр. 506, 507. В письме к Поливанову от 5 июля/22 июня за № 564 Барк писал: «Ввиду крайней ограниченности наличности казны в иностранной валюте, особенно в долларах... я позволяю себе обратиться к вашему высокопревосходительству с... просьбой не отказать в за

ния вышеуказанных переговоров с великобританским правительством, приступить немедленно к заключению с Берингами нового контракта на учет бонов государственного казначейства в счет аванса английского правительства в 25 миллионов фунтов стерлингов, согласие на каковой аванс последовало на парижской конференции трех министров.

Рутковскому даны необходимые указания насчет этого последнего контракта.

По окончании им переговоров и по удостоверении, что Рутковский снабжен надлежащими полномочиями, благоволите подписать от имени правительства контракт с братьями Беринг и соответствующие краткосрочные обязательства.

Сазонов.

№ 139. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 195. 19/6 июня 1915 г.

Копия в Ниш.

Получил № 2880[1].

Министр иностранных дел сообщил дипломатам о просьбе итальянского генерального штаба сговориться со всеми союзниками, чтобы начать совместное общее наступление в первой половине июля нового стиля и этим помешать роспуску части солдат для уборки урожая в Германии и в Австрии. До сих пор итальянцы не обнаружили присутствия германских солдат на своем фронте, но генерал Кадорна предполагает, что в скором времени они появятся не мелкими частями, а крупной силой с тем, чтобы попытаться, придерживаясь обычной германской тактики, сразу раздавить итальянцев.

Гирс.

№ 140. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 344. 19/6 июня 1915 г.

На-днях один из влиятельных радославистов, Дмитров, бывший окружной управитель в Филиппополе, а потом в Варне, получил да-

висящих распоряжениях о производстве заказов за границей для нужд обороны лишь в мере безусловной необходимости и об использовании в возможно больших размерах всех предложений, исходящих от заводов и предприятий, находящихся внутри страны, даже по более высоким, по сравнению с заграничными ценами», так как «необходимо... иметь в виду, что расходы за границей, т. е. платежи в золоте, крайне нежелательны по соображениям экономическим».

[1] 18/5 июня за № 2880 Гирсу передавалась тел. Штрандтмана от 15/2 июня за № 622 (см. № 118).

ваемое при военном положении лишь особо благонадежным лицам разрешение на основание или, вернее, на возобновление когда-то им издававшейся газеты «Сговор». Германцы и австрийцы не пощадят крупной суммы на ее покупку, как они делают в отношении большинства непартийных органов и как недавно сделали с хорошо осведомленной бойкой новой утренней газетой «Балканска Поща», которая месяц... могла быть приобретена нами. «Сговор» обещает стать при нынешнем правительстве влиятельным органом, могущим смело, успешно, без опасения административных репрессивных мер, проводить свою программу. Сотрудниками, кроме самого Дмитрова, отличающегося бойким пером, намечены видные журналисты из радославистов и стамбуловистов. По этим соображениям считаю особенно полезным не упускать из виду этой газеты, а потому просил бы найти возможность перевести на сей предмет 20 000 франков. Равным образом прошу перевести 10 000 франков, давно ассигнованных, но все еще не полученных мной для известных вам двух газет [1].

Савинский.

№ 141. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 44. **19/6 июня 1915 г.**

М. Сергей Дмитриевич,

7 июня нового стиля в Токио состоялась ратификация предварительно рассмотренных и одобренных тайным советом японо-китайских соглашений, подписанных в Пекине 25 мая [2]. Обмен ратификаций последовал на следующий день в министерстве иностранных дел, после чего тексты соглашений были официально распубликованы вместе с относящейся к делу перепиской. Соответствующая «белая книга», в английском переводе, доставленная мне бароном Като, при сем препровождается.

В отличие от китайского официального сообщения о пекинских переговорах, в котором содержится много ссылок на совещания, происходящие между делегатами обеих сторон, японская «белая книга» заключает в себе только тексты, притом уже ставшие известными. Единственным не опубликованным ранее документом в этом перечне является инструкция японскому посланнику в Пекине, ко-

---

[1] В ответ на эту тел. Нератов телеграфировал Савинскому 23/10 июня за № 2980: «Вы можете переговорить о 20 000 франках на газету «Сговор» с лицом, упомянутым в моей телеграмме № 2951» (см. ч. I, стр. 414, прим. 4.)

[2] См. т. VII, № 746 и прим.

торая, будто бы, была вручена ему лично в Токио 3 декабря 1914 г. Оставляя в стороне вопрос об ее подлинности (инструкция кажется гораздо более приспособленной к концу переговоров, чем к их началу), нельзя не отметить оценки японским правительством того шага, который оно собиралось сделать в Пекине: инструкция не усматривает в нем ничего «особенно нового».

Следует еще упомянуть, что английские версии документов, опубликованные в Токио и Пекине, содержат в себе некоторые отличия, не меняющие смысла, но свидетельствующие о стремлении китайцев смягчить впечатление и, насколько возможно, «спасти лицо». Особенно это заметно в текстах нот, например, о санкции японских консулов на полицейские и податные правила в Южной Манчжурии. Вашему высокопревосходительству известно из телеграммы моей за № 153 [1], что обязательство это предполагалось вовсе не оглашать. Впрочем в настоящее время вопрос о технике ведения пекинских переговоров утратил практический интерес по сравнению с реальным значением достигнутых Японией результатов.

После отказа от пятой группы японских требований, уступки, фактически полученные в Пекине, сводятся главным образом к закреплению за японцами трех сфер влияния — в Южной Манчжурии и Восточной Внутренней Монголии, в Шаньдуне и в Фуцзяне. Наиболее существенные результаты достигнуты в первой из сказанных сфер; я уже имел случай представить императорскому министерству подробный анализ [2] преимуществ, ныне окончательно закрепленных за Японией; если к ним прибавить еще железнодорожные концессии, предварительно полученные Японией в той же сфере, то нельзя не признать, что для проникновения японцев в эти области Китая и для самой разнообразной деятельности их там открывается в высшей степени широкое поле.

В отношении Шаньдуна выговоренные японцами уступки в общей сложности достаточно прочно обеспечивают за ними и эту сферу влия-

---

[1] Тел. от 14/1 мая за № 153 Малевский сообщал Сазонову, что на вопрос о том, «справедливы ли слухи, что в предстоящем японско-китайском договоре будут секретные статьи, Като ответил, что будет одна в форме не подлежащего опубликованию протокола, коим китайское правительство обяжется представлять на предварительное одобрение японского консула полицейские постановления и налоги, подлежащие применению к японским подданным в Южной Манчжурии».

[2] Повидимому, имеется в виду записка советника посольства д. с. с. Щекина, посвященная этому вопросу и препровожденная Малевским в м-во ин. дел при депеше от 9 марта /24 февраля за № 16.

пия. Обратная уступка Китаю Киаочжоуской территории едва ли может иметь то неблагоприятное значение, о котором говорили партии в оппозиции кабинету графа Окума: свои политические и экономические интересы в данном случае японцы вполне обеспечили, Цинтао же, как база, им совершенно не нужен и вызывал бы лишь крупные непроизводительные расходы на военно-административные надобности. От возможных случайностей, с другой стороны, Япония гарантировала себя обещанием Китая не отчуждать иностранным державам какого-либо пункта Шаньдунского побережья; обещание это приобрело особый смысл, после того как было видоизменено изложенное в IV группе японское требование о подобном же обязательстве пекинского правительства по отношению ко всему китайскому побережью.

Менее заметны, конечно, результаты, достигнутые в Фуцзянской провинции, но и здесь японцам удалось лишний раз и уже открыто добиться подтверждения своего преимущественного положения, которое они и раньше всегда старались подчеркивать при каждом удобном случае, как например, при последнем пересмотре телеграфных конвенций.

За исключением всего связанного с упомянутыми выше сферами влияния, Япония заручилась положительными уступками еще в вопросе о Ханьепинском предприятии. В данном деле однако права ее более чем где-либо покоились на достаточно законном основании, так как в заводы и рудники вложено свыше 20 миллионов японских капиталов. Кроме того, при всем большом значении сказанного предприятия достигнутый результат особенного преимущественного положения японцам в долине Янтце дать не может, не говоря уже о том, что на практике японским капиталистам все таки придется до известной степени считаться с китайскими акционерами предприятия.

Остаются еще, конечно, требования, в свое время изложенные в V группе, в отношении которых японское правительство сохранило за собой право возобновить переговоры. Однако после шума, вызванного пекинскими переговорами, когда волнение в Китае не улеглось и бойкот японских товаров и предприятий еще продолжается, подобный шаг едва ли возможен в скором времени, — он не нашел бы себе поддержки даже в японском общественном мнении. Японские попытки проникновения в Китай не прекратятся, но в какую форму они выльются, — это будет зависеть от обстоятельств, на которые, между прочим, не останется без влияния и исход европейской войны.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 142. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 72. 20/7 июня 1915 г.

With reference to its Aide-Mémoire No 71 of to-days date, [1] His Majesty's Embassy has been instructed by Sir E. Grey to enquire, whether Mr. Sazonow would agree to the Representatives at Sofia replying to the Bulgarian Note on the following lines:

«The Allied Powers appreciate the reasons, which have actuated the Bulgarian Government in requesting more precise information on some specific points, and so far as circumstances permit, they would wish to give the Bulgarian Government the desired information. But it has not been the intention or the practice of the allied Powers to attempt an accurate definition of the actual boundaries, which at the close of a victorious war might fall to one or other of those, who have contributed to the successful issue. Guided by determination to satisfy so far as possible legitimate racial aspirations of the countries concerned, the allied Powers as they have already stated are prepared to secure for Bulgaria the frontier defined in paragraph 4 [2] of article 2 of the Annex to the Serbo-Bulgarian Treaty of 1912. The allied Powers would be prepared to secure territory for Bulgaria, when Servia receives as minimum compensation Bosnie and Herzegovina and a port on the Adriatic. When complete compensation has actually been obtained for Servia, the allied Powers would then recognize the right of Bulgaria to enter into possession of Macedonian territory assigned to her.

As regards the Dobrudja the allied Powers would use their influence with the Roumanian Government for the retrocession to Bulgaria of those territories which she transferred to Roumania under the Treaty of Bucharest.

In respect of enquiries made by the Bulgarian Government concerning Kavala and its hinterland, the allied Powers are fully aware of the desire of the Bulgarian Government in connection with that region, and will bear the scope of those desires carefully in mind when discussing the question with the Hellenic Government. The allied Powers have not yet arrived at any definite conclusion as to the Greek acquisitions in Asia Minor, as this question depends on the concessions which the Greek Government may ultimately make in the Kavala district.

---

[1] Пам. запиской от 20/7 июня за № 71 англ. пос-вом в Петрограде были переданы в м-во ин. дел «заключения» четырех посланников в Софии, сообщенные Савинским 16/3 июня тел. за № 337 (см. стр. 150, прим. 1).

[2] См. стр. 218, прим. 1. Должно быть: вместо «4» — «3».

At the same time it is understood that the question of the Bulgarian Government may be founded on an apprehension lest the equilibrium existing amongst the Balkan States might be compromised by the hope held out to one or more of them of territorial acquisitions after the war.

The allied Powers hope that, as a result of the war, the political balance in the Balkans will be established on a broader basis and thus acquire greater stability. It is far from being their wish that any revision of the boundaries in the Balkans should be such as to disturb seriously the balance of political conditions, and their efforts are solely directed to maintaining and strengthening that balance. But they think it right to express the decided opinion, that their influence will necessarily be brought to bear in the States, who have given positive evidence of their desire to help the joint cause by actively taking part in the war at a period, at which their cooperation is of the greatest value, and have not hesitated to incur risks and make sacrifices for the common object of defeating the Central Powers».

Перевод.

В связи с своей памятной запиской № 71 от сего числа, посольство его величества получило указание от сэра Э. Грея спросить, согласен ли был бы г. Сазонов на то, чтобы представители в Софии ответили на болгарскую ноту следующим образом:

«Союзные державы признают основательность причин, побудивших болгарское правительство запросить более точные сведения по некоторым отдельным пунктам, и они, насколько это позволяют обстоятельства, готовы были бы дать болгарскому правительству желаемую им информацию. Но ни в намерения, ни в практику союзных держав не входило попытаться дать точное определение границ, которые по окончании победоносной войны может получить кто-либо из тех, кто содействовал ее успешному исходу. Руководствуясь решением удовлетворить, насколько возможно, законные национальные стремления заинтересованных стран, союзные державы, как они уже заявили, готовы предоставить Болгарии границу, определенную в § 4 ст. 2-й приложения к сербо-болгарскому договору 1912 г. Союзные державы были бы готовы обеспечить приобретение Болгарией территории, если Сербия получит, как минимальную компенсацию, Боснию и Герцеговину и порт на Адриатическом море. Когда полная компенсация будет в действительности получена Сербией, союзные державы признали бы право Болгарии вступить во владение назначенной ей македонской территорией.

Что касается Добруджи, то союзные державы использовали бы их влияние на румынское правительство в целях возвращения Болгарии этих территорий, переданных ею Румынии по Бухарестскому договору.

Что касается запроса болгарского правительства касательно Кавалы и ее хинтерланда, то союзные правительства принимают к сведению пожелания болгарского правительства в отношении этой области и будут иметь в виду эти поже-

лания, когда будут обсуждать этот вопрос с эллинским правительством. Союзные правительства еще не пришли к окончательному решению касательно греческих приращений в Малой Азии, так как этот вопрос зависит от уступок, которые греческое правительство может в конечном счете сделать в округе Кавалы.

В то же время мы понимаем, что вопрос болгарского правительства может иметь свое основание в опасении, как бы существующее между балканскими государствами равновесие не было нарушено ожидаемыми одним или несколькими из них территориальными приобретениями после войны.

Союзные державы надеятся, что в результате войны политическое равновесие на Балканах будет покоиться на более широких основаниях и приобретет тем самым большую устойчивость. Они далеки от желания, чтобы пересмотр болгарских границ был такого рода, что мог бы серьезно поколебать равновесие политических взаимоотношений, и их усилия исключительно направлены к сохранению и укреплению этого равновесия. Но они считают справедливым решительно заявить, что их влияние должно неизбежно быть обращено на пользу тех государств, которые дали положительное доказательство желания помочь общему делу активным участием в войне в период, когда это содействие имеет весьма большое значение, и не поколебались пойти на риск и жертвы в общем стремлении нанести поражение центральным державам».

№ 143. Министр иностранных дел посланнику в Стокгольме Неклюдову.

Телеграмма № 2930. 20/7 июня 1915 г.

Считаю необходимым сообщить вам для сведения, что я поручил Бенкендорфу обратить серьезное внимание великобританского правительства на те тяжелые условия, которые создаются для нашего транзита через Швецию из-за последних мероприятий великобританского правительства по отношению к Швеции. Английский посол, со своей стороны, обещал воздействовать на свое правительство в этом же смысле. — Шведский посланник доверительно сообщил, что он представил своему министру проект об установлении нами modus vivendi, на основании коего оба правительства способствовали бы устранению всяких затруднений и стеснений в области обоюдного товарообмена на основах строгого взаимства[1]. — Благоволите со своей стороны доверительно осведомиться у Валленберга относительно того приема, который он оказал предположениям Брандстрема, и заверить шведского министра, что императорское правительство воспользуется всеми имеющимися в его распоряжении средствами, чтобы облегчить вывоз в Швецию необходимых для нее припасов, поскольку, конечно, шведское правительство не будет чинить русскому транзиту не основанных ни на чем препятствий и в частности освободит в первую очередь все те русские транзитные грузы, которые были выве-

[1] Так в оригинале.

зены из Англии до издания шведами последнего запретительного постановления и ныне задержаны в Швеции ввиду такового [1].

Сазонов.

№ 144. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 347. 20/7 июня 1915 г.

Копии в Ниш и Афины.

Ссылаюсь на телеграмму Демидова № 209 [2].

Радославов сказал мне в субботу довольно откровенно, что австрийцы и немцы очень настаивают на выступлении Болгарии против Сербии в Македонии. Я прибег ко всем доводам, чтобы доказать гибельность этого плана для Болгарии. Сказав затем, что переговоры с Турцией, о коих я телеграфировал за № 326 [3], совершенно не подвинулись, он доказывал выгодность для себя и для нас, чтобы Болгария получила без войны линию Энос — Мидия, после чего наступление к

---

[1] Кандауров (воен. агент в Дании, Швеции и Норвегии) доносил в отдел генерал-квартирмейстера ген. штаба тел. от 20/7 июня за № 950, что «швед, связанный прочно и давно интересами с нашим морским ведомством и родственник здешнего министра-президента» сказал ему, «что последние экспортные и транзитные меры Швеции... есть репрессия по отношению к России за последние меры Англии и что в случае неизменения Англией своей внешней политики относительно Швеции будет, вероятно, введен официальный, абсолютный запрет вывоза стали, но фактически будут сделаны всем, кроме нас, широкие льготы, дабы не ухудшить экономическое положение страны». По мнению воен. агента, «хотя события в Галиции вряд ли дадут немцам возможность легко толкнуть шведов на войну с нами, все же необходимо, дабы Швеция не повела бы против нас экспортно-торговую войну, твердо заявить не столько, что наша армия еще существует, сколько то, что ни очищение Львова... ни даже всей Галиции не поведет ни к сепаратному миру с Германией, ни к революции в России».

[2] 14/1 июня за № 209 Демидов телеграфировал Сазонову, что, по мнению греч. прав-ва, наблюдающаяся за последнее время концентрация австр. войск имеет целью не только устранение Сербии, но и понуждение Болгарии к выступлению в сербской Македонии.

[3] 12 июня/30 мая Савинский телеграфировал Сазонову за № 326, что отъезд члена народного собрания Калчева в Константинополь связывают со слухами о переговорах болг. прав-ва с турками по поводу «уступки Болгарии части Фракии за сохранение нейтралитета». Отрицая официальный характер этой поездки, «Радославов, — писал Савинский, — тем не менее признался... что... переговоры ведутся по его инициативе болгарским посланником в Константинополе» и что «поводом к ним явилось решение английского правительства не допускать никаких грузов в Дедеагач, так как оттуда они попадали в Турцию».

Константинополю станет легче. Он намекал вообще, что надеется на выступление Болгарии с нами, и при этом без особого промедления, но не скрывает, что иметь дело с королем очень трудно. Зная двуличие Радославова и зависимость [от] короля, боюсь придавать особое значение его словам.

Савинский.

№ 145. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Депеша № 24. **20/7 июня 1915 г.**

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На этих днях исполняющий обязанности министра иностранных дел г. Иованович, сетуя на тяжелые политические условия минуты для Сербии, в увлечении сказал мне, что текущая война может быть названа: «la guerre pour le partage des serbes»[1].

За подобное изречение он с моей стороны получил соответствующую отповедь.

Этими словами однако определяется существующее здесь настроение в правительственных и военных кругах, обусловленное требованием держав об уступке Македонии, запрещением пробиться по линии наименьшего сопротивления через Албанию к Адриатике, сохранением в тайне договора с Италией о Далмации и, наконец, обрисовывающеюся все возрастающею неуступчивостью румын в деле разграничения Баната.

Не вполне определенное указание держав на размеры ожидающих Сербию территориальных приращений в будущем не в состоянии примирить сербов с испытываемым им чувством разочарования. Ослабить последнее было бы однако крайне желательно.

К сожалению, то средство, на котором сербы с ранней осени прошлого года постоянно останавливали наше внимание, а именно возможно точное осведомление правительства о существующих предположениях держав Согласия относительно интересующих Сербию земель, продолжает, повидимому, встречать все новые препятствия. В начале войны Англия не соглашалась давать те или другие гарантии; теперь Италия стремится под различными предлогами оставить для Сербии открытым вопрос об Адриатическом побережьи, даже и в тех его далматинских частях, где, казалось бы, она сама больше не должна иметь претензий. Здесь в широких кругах общества это чув-

[1] «Война за раздел сербского народа».

ствуется все сильнее, не говоря о том, что руководителям сербской политики окольными путями удается осведомляться о действительном положении вещей и выводить из полученных данных произвольные заключения. Приходится, следовательно, пожалеть об отсутствии у итальянского правительства желания облегчить здесь нашу задачу, смягчая и сглаживая тяжелое впечатление переговоров держав с Болгарией. Весьма существенную услугу в этом отношении оказала бы временная большая умеренность и меньшая нервность Италии в албанском вопросе. В Риме не могут не сознавать, что с той минуты, когда сербам будет дан хороший выход к Адриатике в Далмации, дикое побережье Албании утратит для них значительную долю своей притягательной силы, и что сербское правительство по окончании войны не будет в состоянии не подчиниться воле держав. О своем намерении не предрешать албанского вопроса оно не перестает по собственному почину давать самые положительные уверения. Тем не менее в Риме склонны верить злонамеренным против Сербии наговорам и дают таким образом последней право усматривать во всяком слове Италии интригу и тайную враждебность.

Нервность итальянцев однако проявляется не только по поводу Албании. И в вопросе немедленного перехода сербов в наступление они высказывают чрезмерное нетерпение. Это обстоятельство тоже вызывает здесь полное недоумение, действуя скорее сдерживающим образом, и жалоба только-что выступившей со свежими силами великой державы на появление на ее границе австрийских войск, бывших до того на сербском фронте, не считается серьезной, порождая только прискорбное злорадство. Впрочем сербы не скрывают своей надежды на поражение итальянцев и потому лишь с большим трудом примиряются с мыслью о необходимости на время войны тесного военного и политического взаимодействия с новой союзницей.

Повидимому, один только Пашич, сознающий неизбежность будущего столкновения с Италией, до поры до времени хотел бы достичь соглашения с нею для того, чтобы, с одной стороны, облегчить себе ближайшую военную задачу и, с другой — подготовить возможно лучше конечные расчеты Сербии с теми соседями, не исключая и самой Италии, которые в переживаемые тяжелые минуты доставляют ей больше всего огорчений.

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 146. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 320. 20/7 июня 1915 г.

Английский финансист Маклен представил отчет о настоящем положении Персии и понесенных ею вследствие войны убытках, а также просит возможного оказания ей обеими державами денежной поддержки[1]. По его расчетам, общий убыток Персии сравнительно с тремя истекшими годами равен 350 — 400 тысяч фунтов. Во избежание затруднений с меджлисом, в случае возбуждения вопроса о новом формальном займе или авансе, Маклен предлагает не отвергать в принципе идею предложенного персами таможенного моратория, но при условии ежемесячных взносов персидского правительства, причем наша доля, ввиду предстоящего сильного повышения доходов северных таможен, выразилась бы в 20 000 фунтов, а английская — в три с половиной тысячи фунтов. Независимо от... он считает необходимым согласиться на отсрочку недоимок наших в 150 000 фунтов и английских в 20 000 фунтов. Маклен считает, что подобное распределение справедливо вследствие значительного уменьшения таможенных сборов на юге. Я разделяю взгляд английского посланника, что предстоящая помощь обусловливается необходимостью поддерживать правительство и спокойствие до конца войны, после чего Россия и Англия будут иметь полную возможность ввести в Персии, по собственному усмотрению, рациональную финансовую администрацию. В предвидении сего, казалось бы также возможным не настаивать нам на строгом контроле за расходованием[2], выговорив однако требование о назначении определенной ежемесячной суммы на покрытие некоторых, по нашему усмотрению, расходов на сумму от трех с половиной до (четырех) тысяч фунтов в месяц. Общий таможенный доход за истекший финансовый год до 20 марта равен 510 000 фунтов. Сумма эта достаточна, при условии его поступления, для покрытия обеспеченных таможнями займов, расходов по содержанию казачьей бри-

---

[1] Копия отчета финансового советника Маклена «о персидских финансах» была представлена Эттером в м-во ин. дел при деп. от 17/4 июня за № 32. В основном этот отчет изложен в публикуемой тел.

[2] В донесении от 17/4 июня за № 32 Эттер писал Сазонову:

«Едва ли нам, по более общим соображениям, следует ныне слишком настаивать на действительном контроле за расходованием ежемесячных сумм, которые мы предполагаем ссудить Персии, принимая во внимание, что мы будем иметь возможность по окончании войны организовать финансовое хозяйство Персии по собственному усмотрению и без затруднений обеспечить себе возврат Персией всех должных ею нам сумм».

гады, пенсии бывшего шаха и процентов, без погашения, по авансам выданным после 1912 года. Копия подлинного отчета Маклена выслала почтой. Английский посланник телеграфирует о сем... в Лондон.

Переговорю с Косьминским, на несколько дней отбывшим из Тегерана [1].

Эттер.

№ 147. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 284. 20/7 июня 1915 г.

Ссылаюсь на телеграммы Неклюдова №№ 178[2].

Признавая выступление Швеции особенно опасным именно теперь, полагаю желательным истощить все средства к предупреждению столкновения с ней. Быть может, вашим высокопревосходительством было бы признано возможным уведомить английское прав[итель]ство о грозящей нам опасности и условиться, чтобы хотя бы временно не подавать повода шведам жаловаться на стеснения Англией их ввоза: ведь пока от доставки в Германию из Швеции военной контрабанды страдаем наиболее мы, так как на нашем фронте главным образом ведется теперь война; к прежним же стеснениям можно будет вернуться месяца через два, когда нами будут приняты меры в сторону Швеции. Если же, как упомянуто в телеграмме № 1 Неклюдова, Швеция удовольствуется[3] полным закрытием своей террито-

---

[1] 26/13 июня тел. за № 344 Эттер передавал: «Косьминский считает схему Маклена неудовлетворительной с точки зрения наших интересов и его распределение долей между Россией и Англией несоразмерным с таможенными поступлениями северных и южных таможен, тем более что последние ныне работают более оживленно».

[2] См. № 129 и прим. 1 и № 130.

[3] Неклюдов своей тел. от 3 июня/21 мая за № 154 сообщал, что Гаммаршельд с чиновником м-ва ин. дел «ездили... в Берлин для переговоров, предмет коих неизвестен, и оставались там 9 и 10 мая нового стиля... Можно предположить, что целью этого секретного посещения было уговорить Берлин не слишком много требовать от шведской преданности» в вопросах транзита, выпуска и ввоза товаров; «но не исключены и другие политические переговоры. Как бы то ни было, начиная с возвращения Гаммаршельда из Берлина здесь замечается некоторое успокоение». В другой своей тел., от 25/12 июня за № 185 (№ 2) Неклюдов указывал, что ему «кажется недопустимым, чтобы недавнее тайное посещение Берлина шведским премьером Гаммаршельдом не имело предметом и следствием тайного же, но определенного соглашения между Швецией и Германией относительно известного снабжения».

рии для англо-русского транзита, то мы с этим можем примириться ввиду существования сообщения Белым морем. Не признали бы вы на этой почве возможными конфиденциальные объяснения со шведским правительством, на которое, очевидно, нажимает Германия, — не могли ли бы мы дать ему понять, что если наш транзит компрометирует Швецию в глазах Германии, то ради сохранения дружеских отношений мы готовы закрыть глаза на стеснение этого транзита.

Янушкевич.

№ 148. Начальник штаба верховного главнокомандующего министру иностранных дел.

Телеграмма № 285[1]. **20/7 июня 1915 г.**

Ссылаюсь на телеграммы Поклевского №№ 339 [2] и 340 [3].

Принимая во внимание настоящую военную обстановку, не могущую измениться к лучшему в близком будущем, считаю очень важным не отклонять предложения Братиану. Действительное военное выступление Румынии было бы, конечно, наиболее ценным сейчас же. Но так как это недостижимо, то можно с военной точки зрения примириться и с ее выступлениями через 7 недель и даже через 2 месяца, ибо самый благоприятный момент для ее кооперации уже прошел. Теперь же самое важное — не упустить момента для закрепления Румынии в нашем лагере, так как переход ее в лагерь противника, в случае возможного нашего отступления из Галиции, несомненен. Для достижения этого, по моему убеждению, мы можем принять все политические условия, поставленные Братиану, причем предложенный в телеграмме 339 [2] способ ведения переговоров представляется вполне целесообразным, а именно: согласившись немедленно на политические условия Румынии, обязать ее взамен этого выступить через не позже 5 недель [4] со дня названного предложения и сейчас же начать переговоры о военной конвенции. В общем образ действия окажется тождественным с тем, какой был принят в переговорах с Италией.

---

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 194, № 90.

[2] См. № 132.

[3] См. № 133.

[4] Так в оригинале. В тел. воен. агента в Румынии от 20/7 июня сообщалось: «Из разговора с членами румынского генерального штаба и военного министерства я вынес впечатление, что настоящий момент считается здесь крайне невыгодным для начала военных операций», ввиду опасений «за оба фланга армии, из коих левый, будто бы, недостаточно обеспечен операцией сербской армии, правому же угрожает противник в Буковине».

К сему прибавлю следующие соображения частного, военного характера:

1. Желательно, тотчас по заключении политического соглашения, чтобы Румыния безусловно закрыла свою границу для транзита военных грузов в Турцию. Это возможно, и сохраняя до поры до времени в тайне состоявшееся соглашение.

2. Относительно Баната: надо выговорить для Сербии необходимую для защиты Белграда зону. С военной точки зрения важнее, чтобы пространство, выговариваемое для Сербии, было меньше, — но не менее 20 верст шириной, — но с правом укрепления, чем наоборот.

3. Относительно военного снабжения: надо ясно установить, что мы можем обещать Румынии продовольствие, лошадей, скот и т. п., но не снаряды, пушки, ружья и т. п., в которых сами нуждаемся. Это могли бы обещать союзники.

Янушкевич.

№ 149. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 675. 21/8 июня 1915 г.

Mr. Sazonow ayant pris connaissance de l'aide-mémoire de l'ambassade de sa majesté britannique en date du 20/7 juin a. c. sub № 72 [1] a l'honneur de faire tenir ci-près un projet de réponse qu'il croit être conforme aux idées exprimées par son excellence Sir E. Grey [2].

«Les Puissances sont tombées d'accord pour donner au gouvernement bulgare conformément au voeu qu'il a exprimé les détails complémentaires suivants sur les propositions qu'elles viennent de lui faire:

Sans pouvoir entrer dès aujourd'hui dans la définition exacte des futures limites de chacun des Etats qui auront contribué au succès final de la guerre, les Puissances voulant autant que possible, envisager les légitimes aspirations de chacune des nations intéressées sont prêtes à garantir à la Bulgarie la possession des territoires au sud de la ligne frontière prévue dans le § 3 de l'article 2 [3] de l'annexe au traité serbo-bulgare de 1912.

---

[1] См. № 142.

[2] Далее зачеркнуто: «Les Puissances apprécient les mobiles qui ont amené le gouvernement bulgare a leur demander de préciser davantage les propositions qu'elles viennent de lui faire». («Державы понимают мотивы, побудившие болгарское правительство попросить их более уточнить сделанные ими предложения»).

[3] См. стр. 218, прим. 1.

L'attribution de ces territoires à la Bulgarie aurait lieu dès que la Serbie serait mise en possession au minimum de la Bosnie-Herzégovine, ainsi que d'un débouché sur la mer Adriatique.

Quant au désir du gouvernement bulgare à être renseigné sur l'étendue de l'arrière pays à attribuer à Kavala, les alliés déclarent qu'ils sont disposé d'y voir entrer les anciens kazas de Drama et de Serès. Par contre les alliés ne sauraient à l'heure actuelle donner aucune précision sur les compensations à accorder à la Grèce en Asie Mineure, celles-ci dépendant de l'appui que la Grèce apportera à la cause commune.

En ce qui concerne l'entente à conclure entre la Bulgarie et la Roumanie, celle-ci pourrait s'effectuer sur la base de la rétrocession de Dobritch et Baltchik à la Bulgarie.

En accédant ainsi au désir du gouvernement royal d'être plus amplement informé sur les avantages qu'il pourrait retirer s'il se rangeait aux côtés des alliés, ceux-ci à leur tour subordonnent rigoureusement la concession de ces avantages à l'entreé en campagne de l'armée bulgare de 14/1 juillet.

Les alliés se déclarent en même temps dégagés de toute promesse formulée jusqu'ici si à l'echéance de ce terme la Bulgarie n'attaque pas la Turquie».

Перевод.

Г. Сазонов, ознакомившись с памятной запиской посольства его британского величества от 20/7 июня т. г. № 72, имеет честь препроводить при сем проект ответа, который, по его мнению, соответствует мыслям, изложенным его превосходительством сэром Э. Греем.

«Державы согласились между собой дать болгарскому правительству, согласно выраженному им желанию, дополнительные подробности касательно сделанных ими предложений:

Не имея возможности теперь же войти в точное определение будущих границ каждого государства, которое окажет содействие конечному успеху войны, державы, желая, насколько возможно, принять в расчет законные стремления каждого заинтересованного народа, готовы гарантировать Болгарии владение территориями, расположенными к югу от пограничной линии, предусмотренной в § 3 статьи 2 приложения к сербо-болгарскому договору 1912 г.

Предоставление этих территорий Болгарии могло бы состояться, как только Сербия была бы введена во владение, по крайней мере, Боснией, Герцеговиной, а равно доступом к Адриатическому морю.

Что касается желания болгарского правительства быть осведомленным о хинтерланде, имеющем быть приданным Кавале, то союзники заявляют, что они склонны включить в него бывшие Драмскую и Сересскую казы. Наоборот, союзники не могли бы в данный момент внести какое-либо уточнение насчет компенсаций в пользу Греции в Малой Азии ввиду того, что они находятся в зависимости от поддержки, каковую оказала бы Греция общему делу.

Что касается будущего соглашения между Болгарией и Румынией, то оно должно состояться на основе возвращения Добрича и Балчика Болгарии.

Идя, таким образом, навстречу желанию королевского правительства быть более исчерпывающим образом осведомленным о преимуществах, которые оно могло бы извлечь из присоединения к союзникам, последние, в свою очередь, ставят предоставление этих преимуществ всецело в зависимость от вступления болгарской армии в войну 14/1 июля.

В то же время союзники заявляют, что если в этот срок Болгария не выступит против Турции, то они считают себя свободными от всяких данных до сих пор обещаний».

№ 150. Записка румынской миссии в Петрограде министру иностранных дел [1].

21/8 июня 1915 г.

D'après le télégramme de Mr. Bratiano il ressort que Mr. Poklevsky sait que Mr. Bratiano maintient le Banat et le Pruth et qu'une fois accord sur revendications établi et la convention militaire également, Mr. Bratiano croit que nous ne pourrions entrer en guerre avant 5 semaines à partir du moment où les accords seraient consommés.

Перевод.

Из телеграммы г. Братиану видно, что г. Поклевский знает о том, что г. Братиану продолжает настаивать на получении Баната и Прута и что в случае заключения соглашения о притязаниях, а равно военной конвеции, мы не могли бы вступить в войну ранее 5 недель с момента подписания соглашений.

№ 151. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2945. 21/8 июня 1915 г.

Ваши телеграммы 339 и 340 получены [2].

Ответ Братиану, вновь отсрочивающий выступление Румынии на продолжительное время, противоречит прежним заявлениям [3] о готовности Румынии выступить «немедленно», как только состоится соглашение с нами. Тем не менее [4] считаю нужным сделать румынскому правительству еще следующее предложение:

Если, — как Братиану на то, повидимому, соглашается, — Румыния обяжется выступить против Австро-Венгрии не позже, чем через

[1] Лит. копия.

[2] См. №№ 132, 133; высказанные в публикуемой тел. соображения были сообщены 21/8 июня пам. запиской м-ва ин. дел англ., франц. и итал. послам в Петрограде.

[3] Далее зачеркнуто: «королевы, Диаманди и самого Братиану».

[4] Далее зачеркнуто: «чтобы не порывать переговоров, не исчерпав всех средств к привлечению Румынии на нашу сторону».

пять недель со дня передачи вами настоящего заявления, то Россия будет готова предоставить Румынии Буковину по Прут с городом Черновцами. В Мармарошском комитате, где, по имеющимся у меня сведениям, румыны допускают возможность соответственных уступок с их стороны, я предложил бы провести будущую нашу границу по течению реки Тиссы, что вполне отвечало бы неоднократно высказанному Братиану мнению о том, что реки составляют наилучшую пограничную черту. Что касается Баната, то Россия и ее союзницы единодушно признают необходимость ограждения в этой области безопасности сербской столицы путем предоставления Сербии юго-западной части Торонтальского комитата. Размер же этой части мог бы быть определен впоследствии непосредственным соглашением между Румынией и Сербией, при благожелательном содействии России, Англии, Франции и Италии [1].

Передавая вышеизложенное Братиану, благоволите обратить его внимание на то, что Россия, со своей стороны, выказала крайнюю сговорчивость, отступив даже от этнографического начала при проведении будущего разграничения [2].

Необходимо, чтобы и Румыния, в свою очередь, облегчила заключение соглашения, если она действительно желает осуществить свои национальные вожделения в союзе с нами, как это утверждает сам Братиану, а не ищет только предлогов, чтобы вовсе уклониться от участия в войне.

Само собой разумеется, что если по заключении с нами договора на вышеизложенных условиях Румыния всетаки в установленный срок не выступит, то все сделанные нами предложения [3] относительно будущих разграничений отпадут. Не могу однако не отметить некоторого удивления, которое вызывает во мне упоминание в вашей телеграмме № 340 [4], что Братиану, повидимому, уже теперь допускает возможность для Румынии, вопреки договору, не выступить в срок [5].

Сазонов.

---

[1] Далее зачеркнуто: «В отношении снабжения румынских войск необходимыми припасами союзники сделают все от них зависящее для оказания помощи Румынии под условием, чтобы она не ставила начала своих военных действий в зависимость от разрешения этого вопроса».

[2] Далее зачеркнуто: «ввидах налажения в будущем русско-румынских отношений».

[3] Слово: «предложения» вписано вместо зачеркнутого: «ей ныне уступки».

[4] См. № 133.

[5] В делах б. м-ва ин. дел имеются три документа с надписью: «8 июня. Проекты телеграмм, составленных бароном М. Ф. Шиллингом и не отправленных». Первый

№ 152. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 2949. 21/8 июня 1915 г.

Уже после того, что моя сегодняшняя телеграмма № 2945 [1] была вам отправлена, меня посетил румынский посланник и передал мне записку с изложением сделанных вам Братиану заявлений. Хотя последний и согласился с содержанием прочитанной вами ему телеграммы вашей № 340 [2], однако теперь он утверждает, что выступление Румынии, по его мнению, может состояться не ранее чем через пять

из этих набросков представляет собой вариант публикуемой тел., два других касаются затронутых там же вопросов. В вступительной части первого документа указывалось, что «Братиану стремится ныне использовать нынешнее положение, чтобы заручиться со стороны России широкими уступками и затем возможно более отсрочить вмешательство Румынии», судя по тому, что под «немедленным» выступлением «румынское правительство разумеет таковое через два месяца».

После перечисления с бо́льшими деталями, чем в публикуемом здесь документе, делаемых Россией уступок, указывая на тот факт, что «Россия соглашается пожертвовать в пользу Румынии почти всей Буковиной с многочисленным русским населением, а в Угорщине настаивает лишь на соблюдении этнографического начала», автор проекта отмечал, что «Братиану не внушает достаточно доверия союзным правительствам», так как «уже неоднократно злоупотреблял в течение нынешней войны нашим согласием не оглашать сделанных нами предложений, а значение заключенного нами сентябрьского соглашения было им совершенно извращено с целью оправдать свою политику». Отсюда делался вывод о необходимости того, чтобы на этот раз «не только другие члены кабинета, как, например, Костинеску, но и главные представители оппозиции, как Так Ионеску, Филиппеску и другие были возможно полнее осведомлены о наших предложениях».

В проекте второй тел., которую предположено было отправить в Париж и Рим и сообщить в Лондон, передавалось, что Братиану ставит срок выступления Румынии в зависимость от предварительного выполнения его требований о немедленной доставке в Румынию всех боевых припасов, заказанных Румынией во Франции и Италии, срок поставки которых уже истек. «Послам в Париже и Риме предлагалось выяснить намерения соответствующих правительств по затронутому вопросу».

В проекте третьей тел., (повидимому, на имя Поклевского) сообщалось, что «крупные уступки с нашей стороны оправдались бы только именно немедленным вмешательством Румынии», и высказывалось сомнение: 1) в том, что Румыния решится на немедленное выступление, «каковы бы ни были делаемые ей уступки»; 2) в целесообразности «официальных заявлений о готовности уступить румынам Черновцы, если этой ценой мы все равно не сможем побудить их безотлагательно взяться за оружие».

[1] См. № 151.

[2] См. № 133.

недель по заключении нами как политического, так и военного соглашений [1]. Несмотря на это противоречие в словах Братиану, благоволите выполнить возложенное на вас моей телеграммой № 2945 [2] поручение, ссылаясь на заявления Братиану, как они изложены в одобренной им телеграмме вашей № 340 [3]. Сазонов.

№ 153. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма [4]. 21/8 июня 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Передавая министерству иностранных дел английский проект ответа Болгарии [5], английский посол высказал, что Грей признал бы желательным выработать и доверительно сообщить Сербии вполне точным образом размеры будущих ее приобретений. Соннино указал мне следующие три причины, побуждающие его возражать против подобного сообщения: 1) Все, что доверительно сообщается сербскому правительству, немедленно оглашается. 2) Сербия усмотрит в этом сообщении исходную точку для требования новых уступок в ее пользу. 3) Преждевременное оглашение итальянского соглашения создаст затруднения итальянскому правительству в самой Италии, так как ему пришлось бы давать общественному мнению объяснения касательно Фиуме и прочего, чего следует ныне избегнуть. В этих видах Соннино предпочитает ограничиться общей фразой о выходе на Далматинское побережье, приведенною в нашем проекте. Гирс.

№ 154. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 200 [6]. 21/8 июня 1915 г.

Копии в Париж и Лондон.

Хотя наш проект [7] содержит в себе лишь условия, могущие послужить основой для ответа Болгарии, а не самый текст ответа, ми-

---

[1] Согласно тел. Поклевского от 22/9 июня за № 350, Братиану сообщил ему 22/9 июня, «что полученная им от Диаманди телеграмма указывает на вкравшуюся... ошибку в полученных румынским посланником... телеграфных инструкциях, вытекающих из последнего разговора Братиану» с Поклевским. «Братиану считает долгом вновь подтвердить текст телеграммы № 340, а именно что при известных условиях Румыния может выступить через 5 недель по заключении политического соглашения».

[2] См. № 151.

[3] См. № 133.

[4] Номер отсутствует. Повидимому, № 199.

[5] См. № 142.

[6] Опубл. Евр. д. и Гр., стр. 7, № 36.

[7] См. № 136.

нистр иностранных дел обратил мое внимание на желательность не определять ныне же территории, предоставляемой Греции взамен уступки Кавалы. Он предпочел бы говорить о Смирне лишь по возвращении ко власти Венизелоса, предполагая, что этим мы укрепили бы положение последнего.

Гирс.

№ 155. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 326. 21/8 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 320 [1].

Английский посланник убежден, что предоставление русскому товариществу сахарной монополии встретит непреодолимое сопротивление со стороны меджлиса и общественного мнения, благодаря отсутствию всякой выгоды для потребителя и, наоборот, выгодности сделки только для членов правительства [2]. Он также предвидит затруднения в вопросе о предполагаемой выдаче аванса в рублях [3]. Английский банк, вследствие застоя нашего ввоза в Персию, уже крайне неохотно производит обмен на томаны русских денег, переведенных из Тифлиса на расходы по содержанию казачьей бригады, так как не имеет возможности рассчитывать на сбыт рублей обратно в Россию.

Русский банк вообще отказался производить обмен значительной суммы.

Ожидают возвращения Косьминского со дня на день.

Эттер.

---

[1] См. № 146.

[2] Вопрос о предоставлении сахарной монополии русскому товариществу возник в связи с тем, что камергером Ханенко и присяжным поверенным Лыжиным была составлена «памятная записка», представленная Косьминским в м-во ин. дел 7 июня /25 мая. В этой записке докладывалось, что ввоз русского сахара в Персию значительно сократился с 1912 г., а в результате окончания постройки Багдадской железной дороги России грозит полная потеря сахарного рынка Персии, так как успешность русской торговли главным образом объяснялась выгодным для России персидским бездорожьем. В качестве меры предупреждения этого Ханенко и Лыжин выдвигали «введение государственной сахарной монополии на продажу сахара в Персии и передачу ее на откуп или в аренду русским промышленникам».

15/2 июля 1915 г. Персиани за № 3397 телеграфировал по этому поводу Эттеру: «Министерство торговли против сахарной монополии. Благоволите предупредить Косьминского».

[3] См. стр. 160, прим. 2.

№ 156. Министр иностранных дел зам. туркестанского генерал-губернатора Мартсону.

Телеграмма № 2958.[1] 22/9 июня 1915 г.

Телеграмма за № 547 получена[2].

Вполне присоединяюсь к предлагаемым вашим высокопревосходительством мерам. Считал бы также нужным задержать находящееся в Чарджуе оружие и не выдавать его хану, которому со вступлением в Хиву нашего отряда ничего не может грозить. Иомудов, конечно, следовало бы успокоить обещанием, что их права на воду будут восстановлены[3], а другие основательные претензии безусловно будут удовлетворены. Во всяком случае необходимо во что бы то ни стало действовать умиротворяющим образом, чтобы избежать осложнений и беспорядков, которые в настоящую минуту более чем когда-либо нежелательны[4].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 21/8 июня за № 547 Мартсон извещал Сазонова о столкновении между войском хана хивинского и туркменами. Сообщая о командировании в Хиву ген. Геппенера для умиротворения ханства, Мартсон просил утвердить данные им ему (Геппенеру) следующие полномочия: «1) удалить от хана вредных нам сановников, 2) ограничить хана в смене сановников и старшин иомудов без разрешения генерал-губернатора, 3) восстановить право иомудов на воду, неоднократно нарушаемое ханом, назначив за счет хана чиновника от туркестанского генерал-губернатора для наблюдения за соблюдением прав туркмен на водопользование, 4) разобрать взаимные претензии об убытках и представить на одобрение генерал-губернатора».

Мартсон предлагал в случае надобности обезоружить личную ханскую стражу в знак «явного недоверия правительству хана и понудить туркмен прекратить сборы отрядов, угрожающих Хиве».

[3] 8 июня/26 мая в письме за № 497 к Сухомлинову Мартсон по поводу нарушения права туркмен на воду сообщал следующее: «Два года тому назад, при восстании иомудов... было определенно выяснено, что хан лишал туркмен следуемой им оросительной воды по своему и своих сановников произволу, получая в то же время с них за нее весьма высокую плату. Примирение состоялось на условии, что хан... будет поступать впредь справедливо, не задерживая воды и поддерживая всю водную оросительную систему. Весной нынешнего года хан вновь задержал воду, этим создалось общее неудовольствие, послужившее почвой последовавшему восстанию».

[4] В Арх. Вн. Пол., в деле Ср. Аз. ст. № 334б, имеется маш. копия письма (без даты) хана хивинского с извинениями по поводу «прискорбного события» (вооруженного столкновения с туркменами).

№ 157. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 417. 22/9 июня 1915 г.

Confidentiel.

Mon contact avec public forcément réduit depuis deux semaines ne m'ayant pas permis de m'orienter suffisamment, j'ai demandé à Nicolson de me dire en toute sincérité impression membres gouvernement sur retraite nos troupes en Galicie et (s'il) ne s'était pas produit quelque mouvement de découragement. Nicolson m'a répondu qu'il ne voyait nulle trace de découragement, que tout le monde semblait d'accord pour attribuer derniers revers à insuffisance munitions exclusivement, qu'on en tirait conséquence qu'il fallait attendre et que guerre se trouvait prolongée, ce qui était constaté avec tristesse, mais avec la même résolution. Nicolson me dit qu'un certain sentiment de tristesse existait ces derniers temps, dont sort des armes en ce moment-ci à l'est était loin d'être la seule cause. Guerre de tranchées en Flandres et en France prenait chaque jour caractère plus obstiné et cruel et avançait avec lenteur, il en était de même aux Dardanelles. Ces deux causes agissent au même degré que les évènements de Galicie où confiance dans commandement général et armée russe reste complète. Selon Nicolson il y a une sorte de réaction contre l'optimisme exagéré d'il y a 2 ou 3 mois. Je le demandais, qui inspirait les impressions générales des facteurs dominants. Il me répondit, que c'est uncontestablement la froide résolution de Kitchener, qui dès le début avait en toute phase de la guerre soutenu, qu'elle serait extrêmement longue et qu'il fallait tout traiter à ce point de vue, un peu trop temporisateur pour le goût impatient du public, et avait crée contre lui quelque esprit d'opposition dans gros public. Kitchener avait à toute occasion publique ou privée insisté sur son opinion. Actuellement on lui rend plus de justice, et évènements en Galicie sont de plus en plus envisagé comme lord Kitchener les envisage. Nicolson ajouta qu'il y avait en tout cela nul sentiment ni symptôme de faiblesse, de recul ou de découragement. Il me dit qu'à part la détermination du gouvernement, il croit Angleterre plus décidée que jamais de poursuivre la lutte jusqu'au bout.

Benckendorff.

Перевод.

Доверительно.

Ввиду того, что за последние две недели мое общение с внешним миром по необходимости ограничено, что сократило и мою осведомленность, я обратился с просьбой к Никольсону сказать мне откровенно, какое впечатление произвело на

членов правительства отступление наших войск в Галиции, не обнаружились ли какие-либо явления упадка духа. Никольсон мне ответил, что он нигде не видел и следа этого; повидимому, все единогласно приписывают последние неудачи исключительно недостатку снарядов и приходят к заключению, что надо ждать и что война затягивается; это констатируется с огорчением, но с прежней решимостью. Никольсон говорит, что некоторое чувство огорчения, сказавшееся за последнее время, вовсе не вызвано единственно только оборотом, принятым в данный момент военными событиями на Востоке. Траншейная война во Фландрии и во Франции с каждым днем принимает все более упорный и жестокий характер и подвигается медленно; то же происходит в Дарданеллах. Эти две причины оказывают такое же влияние, как и события в Галиции; несмотря на последние доверие к главному командованию и к русской армии остается полное. По мнению Никольсона, наблюдается лишь реакция против преувеличенного оптимизма, существовавшего 2—3 месяца назад. Я спросил, кто внушает представления об общем положении в решающих кругах. Он мне ответил, что бесспорно делает это холодная решимость Китченера, который с самого начала и во всяком фазисе войны заявлял, что она будет крайне продолжительна и что, исходя из этого предположения, следует принимать все меры; Китченер несколько медлителен для проникнутой нетерпением публики; это создало против него известную оппозицию в широких кругах. По всякому поводу, частного или публичного характера, он настаивал на своем мнении. В данное время правота его признается, а события в Галиции все более и более рассматриваются в согласии с точкой зрения лорда Китченера. Никольсон добавил, что во всем этом нет никакого чувства, ни признака слабости, ни отступления [от своих позиций] или упадка духа. Он мне сказал, что, не говоря о решимости правительства, по его мнению, вся Англия более чем когда-либо стремится продолжать борьбу до конца.

Бенкендорф.

№ 158. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 385. 22/9 июня 1915 г.

Секретно.

Получил ваши телеграммы №№ 2921 [1] и 2905 [2].

Сообщил текст ваших соображений Делькассе, который еще не получил его от Палеолога; предложение ваше, очевидно, разошлось с тем, которое должен был сделать вам от имени Делькассе Палеолог — моя телеграмма № 380 [3]. Делькассе высказал мне по поводу вашего текста [4] нижеследующие замечания. По пункту 1: Сообщение болгар-

[1] Тел. от 19/6 июня за № 2921 Сазонов отмечал, что он считает полезным не прерывать переговоров с Радославовым, «хотя бы в целях задержать проявление Болгарией открыто неприязненных отношений к союзным державам».

[2] См. № 136.

[3] См. № 126.

[4] См. № 136.

скому правительству о намерении союзников уступить Греции Смирну с хинтерландом он считает опасным, ибо это может побудить Болгарию расширить свои требования. По пункту 2: Оговорка, что союзники не могут поддержать перед сербским правительством более широких требований со стороны Болгарии, вряд ли полезна, ибо она как бы уменьшает ценность делаемых Болгарии уступок. В заключительной части: Назначение срока для выступления Болгарии придает сообщению оттенок угрозы, что может произвести на Болгарию обратное действие; в тексте, предложенном Делькассе, вполне ясно выражена необходимость скорейшего выступления Болгарии. Во всем остальном ваши соображения вполне сходятся с предложением Делькассе, который продолжает ожидать вашего ответа на предложенный им текст сообщения болгарскому правительству.

Извольский.

№ 159. Посланник в Бухаресте товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо № 59[1]. 22/9 июня 1915 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В последнюю бытность мою в Петрограде я имел честь докладывать вашему превосходительству, что вскоре может встретиться надобность в ассигновании императорской миссии в Бухаресте особого кредита для некоторого воздействия на румынскую прессу и для выдачи денежных пособий работающим в пользу Тройственного согласия здешним журналистам. Я притом позволил себе высказаться за невозможность и нецелесообразность для нас конкурирования на этой почве с затрачивающими здесь колоссальные деньги немцами и австрийцами, но что, ввиду постепенного перехода многих здешних газет и журналистов на сторону наших врагов, нам все же необходимо поддерживать оставшиеся верными Тройственному согласию органы румынской печати и поощрять время от времени денежными подарками некоторых деятелей здешней прессы, которые привыкли к подачкам и не умеют работать даром.

До сих пор мой французский коллега затратил на только-что указанный предмет около 100 000 франков и он будет просить об открытии ему нового кредита. Великобританский здешний посланник получил разрешение затратить на прессу 500 фунтов стерлингов, но ему обещано расширить этот кредит, если и другие представители

[1] Маш. копия.

союзных Англии держав будут снабжены подобными же кредитами. Мой итальянский коллега тоже уполномочен израсходовать на прессу от 25 до 30 тысяч франков, большая часть коих им уже истрачена, и он будет просить об увеличении этого кредита.

Ввиду того, что имевшихся в распоряжении моих коллег денег пока хватало на сравнительно небольшие наши расходы на здешнюю прессу, я не считал себя в праве просить об ассигновании мне на эту цель особого кредита. Теперь однако мои коллеги уже почти израсходовали свои кредиты, между тем как под влиянием подкупа постепенно уменьшается число стоящих на нашей стороне румынских газет, как я имел честь донести об этом вашему превосходительству в секретной депеше моей от 31/18 прошлого мая, за № 10 [1], причем я позволил себе также в конце этого донесения указать на некоторые меры, которые было бы желательно принять здесь в наших интересах.

Вышеизложенное и побудило меня просить секретною телеграммою на имя начальника II политического отдела от 1 июня/19 прошлого мая за № 308 [2] об ассигновании императорской миссии особого кредита в размере 50 000 франков.

Кроме того, вчера, г. Таке Ионеску секретно сообщил французскому посланнику, что здешние немецкие компании перестали печатать в газете «Adeverul» свои объявления и что румынский синдикат владельцев писчебумажных фабрик, состоящий из враждебно настроенных к г. Милле лиц, страшно повысил на-днях цену поставляемой газете «Adeverul» бумаги. Указывая на то, что эти два обстоятельства могут повести к временной приостановке этой газеты, г. Таке Ионеску просил г. Блонделя помочь г. Милле занять в одном из здешних банков сумму в 70 000 или 80 000 лей.

[1] «С началом войны,—писал в этой депеше Поклевский, — австрийское и германское посольства нашли нужным бороться с охватившим румынское общественное мнение сочувственным Тройственному согласию течением и с этой целью решили, не жалея денежных средств, издавать здесь собственные газеты, приобрести несколько уже существующих органов печати и подкупить отдельных более или менее талантливых журналистов. В результате этой деятельности в Бухаресте появилось два новых листка «Zina» и «Tara», а затем немецкий синдикат купил также две, принадлежащие Григорию Кантакузену газеты «Scara» и «Minerva». Переход в немецкий лагерь «Universul» и «Dreptatea» может придать некоторый вес воздействию наших врагов на румынское общественное мнение, и, мне кажется, было бы желательно постараться вновь перетянуть эти две газеты на нашу сторону. Я также находил бы полезным поощрять от времени до времени некоторых из названных мной в этом донесении журналистов, чем мы помогли бы им устоять от немецкого соблазна».

[2] В тел. этот кредит испрашивался «для известного вам воздействия».

Здешние банки однако могут выдать упоминаемую ссуду лишь в случае представления особых обеспечений, которых г. Милле доставить не может, или при гарантии одной из здешних миссий. Вследствие этого мои коллеги и я, принимая во внимание действительный ущерб нашим интересам, который нанесло бы прекращение издания «Adeverul», думаем, что здешним четырем миссиям следовало бы выдать г. Милле ссуду по 20 000 лей каждая, причем следует, конечно, считаться с возможностью, что эта ссуда никогда нам возвращена не будет.

Не будучи вообще сторонником слишком щедрого разбрасывания казенных денег, я не могу однако не обратить внимания вашего превосходительства на всю серьезность изложенных мною мотивов, которые и побуждают меня просить об ассигновании в возможно непродолжительном времени в распоряжение императорской миссии в Бухаресте суммы в 50 000 франков для выдачи субсидий румынской прессе и здешним журналистам.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 160. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 629. **22/9 июня 1915 г.**

Получил № 2875 [1].

Английский посланник совершенно доверительно сказал мне, что ваше высокопревосходительство, принимая во внимание делаемые Сербией приготовления к наступлению, считает желательным, если прочие кабинеты будут того же мнения, отложить намеченный шаг в Нише [2] из опасения, что он был бы способен отсрочить требуемое от сербов наступление. Изложенное мнение было сообщено в ту минуту, когда я собирался телеграфировать вам в том же смысле. Английский посланник разделяет эту точку зрения. Французский не имеет инструкций, а итальянский на мой вопрос, какое влияние, по его мнению, окажет шаг на армию, робко, как бы нехотя, ответил, что в таком случае новые промедления в наступлении возможны. Военный агент вчера, [21] 8 июня, мне пишет: «Указанный сербами срок наступления приближается, между тем войска не двигаются с места, хотя им бы уже следовало начать движение для занятия исходного положения перед переправой». Я сегодня же, [22] 9 июня, обратил

[1] См. стр. 154, прим. 1.

[2] См. № 120.

внимание Пашича на полученные от Артамонова известия и просил объяснений по содержанию телеграммы военного агента огенквару за № 197 — касательно данного верховной командой [17] 4 июня итальянскому военному агенту ответа [1]. Пашич положительно уверял меня для передачи вашему высокопревосходительству, что армия готова и в ближайшем времени перейдет в наступление. Точно срок он определить не может. Вода в реках спала, но необходима некоторая просушка берега после исключительного разлива. Что касается итальянцев, то по отношению к ним существует полнейшее недоверие, и до установления нежелаемого ими соглашения трудно говорить о военной конфедерации. Он продолжает: мы, не зная, что нам оставляет Италия, должны ей помогать. Но требования о нашем движении к Любляне изумляет нас. Россия и другие союзники могут требовать наступления, и мы это требование исполним, но в северном направлении. Италия же, не отошедшая еще от своей границы, скрывает от нас свои намерения, настойчиво протестует относительно Албании, и мы же должны ее выручать. Пашич был взволнован. Перед тем он говорил с итальянским посланником, повидимому, упорно добивавшимся точного указания срока наступления. В конце разговора Пашич внезапно меня спросил, гарантируем ли мы Сербии безопасность со стороны Болгарии и будет ли последняя считаться нашим врагом в случае нападения на Сербию. Три дня тому назад, добавил он, получены тревожные известия, и болгары утверждают, что Македония до договорной линии уже принадлежит им, остается говорить о территории за линией. Из дальнейших его несколько неясных объяснений я заключаю, что он обдумывает обращение к державам по этому поводу. На мое замечание, не кроется ли в его опасениях ключ к разгадке срока наступления, он несколько раз с жаром возразил, что нет, что верховной команде они неизвестны и что на наступление они влиять не могут и не будут. Насколько он при этом сам верил своим словам, — я сказать затрудняюсь. Повидав затем итальянского посланника, я убедился, что Пашич ему дал общие положительные заверения относительно наступления в ближайшие дни [2].

Штрандтман.

---

[1] Тел. Артамонова в отд. ген.-квартирмейстера от 19/6 июня (см. стр. 138, прим. 1).

[2] В согласии с переданной англ. пос-вом в Петрограде пам. запиской от 23/10 июня за № 76, Сазонов тел. от 24/11 июня за № 3002 предложил Штрандтману «временно воздержаться от заявления сербскому правительству», порученного ему по просьбе Грея. «Но, — добавлял он, — пользуйтесь каждым удобным

№ 161. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. 22/9 июня 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Хотя сегодняшние известия с театра войны как будто и лучше, никакого настоящего поворота или перелома они не знаменуют. Дальнейшее отступление будет продолжаться, так как, даже в случаях временного успеха, мы, за неимением снарядов и винтовок, не сможем использовать такой успех. Из вопросов дипломатических здесь более всего еще озабочены положением Румынии. Все еще надеются на ее помощь. Еще сегодня утром генерал Данилов меня спрашивал, какой результат дала телеграмма генерала Янушкевича № 285 от 20/7 июня [2], в которой высказывалась необходимость примириться с требованиями Румынии при условии ее выступления не позже, как чрез пять недель после сделанного нам Братиану предложения. Мне лично (редактировавшему эту телеграмму) кажется, что мы со своими уступками опоздали. Но кто знает? Быть может, нет. Лишь бы нам не оказаться по отношению к Румынии в положении Германии по отношению к Италии в момент объявления последней войны Австрии.

Сегодня я имел с генералом Даниловым разговор и по другому предмету: о посылке нашего отряда из Владивостока в Дарданеллы. Заговорил я с ним об этом по просьбе помощника английского генерала Вильямса, капитана Маккоу. Дело, оказывается, в том, что лорд Китченер очень недоволен посылкой нашего отряда. Провезти 4 500 человек с лошадьми, пушками, обозами причинит англичанам массу хлопот, а пользы делу не принесет. Я предупредил о таком отношении к вопросу генерала Данилова. Последний отнесся к нему с необычной горячностью. Он мне сказал, что, как русский человек, не может допустить мысли, что при взятии Константинополя не будет русских войск и что если англичанам наш отряд и причинит хлопоты, то это не беда, этим стесняться не надо, так как они попросту не желают, чтобы мы вошли в Константинополь вместе с ними. «Это вопрос политический, а не военный, — заметил он, — и в нем и верховный главнокомандующий, и начальник штаба, и я чувствуем одинаково».

случаем, чтобы напоминать Пашичу о необходимости возможно скорейшего выступления против Австрии». Пам. запиской за № 673 Сазонов сообщал трем союзным послам, что Штрандтману послана вышеизложенная инструкция.

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 178, № 87.

[2] См. № 148.

Тогда я сослался на вашу телеграмму от [2 июня] 20 мая [1], в которой вы довели до сведения великого князя ваши соображения в этом вопросе. Из этой телеграммы я вынес впечатление, что вы не сочувствуете посылке слишком слабого отряда. На это генерал Данилов возразил: «Так пусть С. Д. Сазонов так категорически скажет. Если он возьмет на себя объяснить России допустимость взятия Константинополя без всякого участия наших войск, то это его дело. Но мы, военные, не хотим, чтобы нам было поставлено в упрек, что мы не могли уделить даже 4 000 человек для этой операции». В заключение он мне сказал, что отказывается понять мои возражения. Я ответил, что только хотел его предупредить о тех трудностях и трениях, которые мы встретим по этому поводу в сношениях с англичанами.

Как мне кажется, мы все воодушевлены одними и теми же чувствами в этом вопросе и все бы желали, чтобы Константинополь был взят исключительно или преимущественно нашими собственными силами. (С этим легко примирились бы и англичане.) Но за невозможностью удовлетворить это чувство мы находим различный к нему «дериватив»: Данилов примиряется с мыслью «символического» участия нашего, в виде $4^1/_2$-тысячного отряда. Лично же мне скорее неприятно навязывать России в этом деле роль мухи на рогах вола, которая может сказать: «и я пахала». Я предпочел бы полное неучастие в этом наших войск, и тем более, если такое участие будет достигнуто ценой кислых разговоров и трений с союзниками [2].

От генерала Данилова я, между прочим, осведомился об очень основательном его доводе, который он привел, возражая на высказанную англичанами мысль, что если мы желаем «символически» участвовать во взятии Константинополя, почему мы не ограничимся посылкой отряда из Одессы. Оказывается, что, по расчетам генерала Данилова, взятие Константинополя может состояться и без завладения Босфором. Укрепления на Босфоре теперь уже, вероятно, не те, что были тому шесть месяцев, и теперь его форсировать с юга может оказаться очень нелегким, к тому же и ненужным. Но так как наш десант из Одессы может быть высажен только на Босфоре, то ясно, что взятие города Константинополя состоится до прибытия нашего одесского корпуса, а потому, если мы хотим участвовать в церемониале взятия города, то наши войска должны прибыть с юга...

Примите и пр.

Н. Кудашев.

[1] См. стр. 101, прим. 1.

[2] См. № 182 и прим. на стр. 223 и 224.

№ 162. Вербальная нота министерства иностранных дел послу Северо-Американских Соединенных Штатов Мэри.

23/10 июня 1915 г.

В ответ на словесную ноту от 16/3 [1] текущего июня императорское министерство иностранных дел имеет честь уведомить посольство Американских Соединенных Штатов, что в настоящее время в Урмии находятся достаточные силы для оказания покровительства и защиты местному населению и иностранной колонии против нападений турок и курдов [2].

№ 163. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

23/10 июня 1915 г.

Le général Iliesco, secrétaire général du ministère de la guerre, a convoqué samedi dernier l'attaché militaire de France à qui il a tenu un tout autre langage que celui de Mr. Bratiano. Il lui a dit notamment: «Je considère l'entente politique comme certaine, comme faite. Reste l'entente militaire qui pourrait être conclue en huit jours et huit jours après nous entrerions en campagne. Nous avons des approvisionnements pour deux mois. Tout est prêt». Le général Iliesco lui a ensuite montré en grand secret les plans d'opérations contre l'Autriche dont le premier date du mois de septembre 1914. L'état des commandements et du quartier général de l'armée d'opération est signé et corrigé de la main même du roi.

L'attaché militaire, en sortant de chez le général Iliesco, a vu Mr. Angelesco, gérant du ministère des affaires étrangères qui lui a dit: «Notre entrée en action est imminente. Dans vingt jours au plus, tout sera réglé».

Перевод.

Генерал Илиеску, генеральный секретарь военного министерства, пригласил в минувшую субботу французского военного атташе, с которым он говорил совершенно иначе, чем г. Братиану. Он ему в частности сказал: «Я считаю, что политическое соглашение неминуемо состоится; оно как бы совершившийся факт. Остается военная конвенция; она может быть закончена в течение 8 дней, а 8 дней спустя мы бы выступили в поход. Мы имеем провианта на два месяца. Все готово». Генерал Илиеску показал ему затем под большим секретом планы

[1] Нотой от 16/3 июня амер. пос-во в Петрограде уведомляло императорское м-во ин. дел в получении тел. (своего прав-ва), выражавшей надежду, что русское прав-во выделит достаточные силы в Урмию для защиты миссионеров.

[2] Оригинал на русск. яз.

операций против Австрии, из которых первый составлен в сентябре 1914 г. Списки командного состава и главной квартиры операционной армии подписаны и собственноручно исправлены королем.

Выходя от генерала Илиеску, военный атташе встретился с г. Ангелеску, управляющим министерством иностранных дел; последний ему сказал: «Наше выступление состоится в ближайшее время. Через 20 дней, самое большее, все будет в порядке».

№ 164. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 666. 23/10 июня 1915 г.

Весьма секретно.

М. г. Петр Львович,

В ответ на весьма секретное письмо вашего высокопревосходительства за № 590 [1] имею честь вас уведомить, что со своей стороны я не встречаю препятствий к тому, чтобы кредит на покрытие расхода, вызываемого введением нового штата временного управления российского главноуполномоченного в Царьграде, был ассигнован не ранее наступления момента осуществления состоявшегося между державами соглашения. Я не нахожу однако возможным согласиться на предлагаемое вашим высокопревосходительством упразднение, одновременно с введением нового штата, генерального консульства в Константинополе. Генеральное консульство это, на мой взгляд, должно быть сохранено на все время существования совместного управления Константинополем тремя державами, вплоть до распространения нашего безраздельного суверенитета на Царьград. В течение переходного времени генеральное консульство являлось бы самым подходящим органом как для определения убытков, понесенных во время войны русскими подданными, и защиты частных интересов сих последних, так и для содействия морской торговле между Россией и ее союзниками, которая должна принять большие размеры немедленно после открытия Проливов, а также для отправления правосудия в смешанных делах русских подданных с иностранцами.

Примите и пр.

Сазонов.

---

[1] В письме от 14/1 июня за № 590 Барк предлагал изложенный Сазоновым порядок ассигнования кредитов по штатам главноуполномоченного в Константинополе с тем, «чтобы при назначениях на установленные новым штатом должности были, в мере возможности, использованы освободившиеся по эвакуации чины, с обращением сумм на их содержание в ресурсы казны, и чтобы одновременно с введением нового штата было упразднено генеральное консульство в Константинополе».

№ 165. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 419. 23/10 июня 1915 г.

Nicolson me dit que gouvernement anglais apprécie hautement esprit de désinteressement qui a dicté votre dernier mémoire à gouvernement roumain. Concernant réponse à Bulgarie, il m'a dit, que dans son opinion personnelle question de Kavala devrait être traitée avec grande prudence parce qu'il s'agit d'une concession au dépens non pas d'un pays ennemi, mais d'un neutre que nous avons tout intérêt à ménager surtout en temps de crise ministérielle et pour ne pas décourager Vénizélos et rendre sa tache encore plus ardue. Nicolson me dit très confidentiellement que Rodd a été chargé agir sur Sonnino dans but obtenir de lui que des informations partielles concernant Raguse et Spalato puissent être faites à gouvernement serbe. Il ne serait pas nécessaire mentionner Fiume qui n'interesse Serbie que indirectement. Nicolson est extrêmement anxieux de ne pas compliquer situation en Grèce et surtout en Serbie, où les impressions sont déjà très vives et dont action militaire contre Autriche paraît déjà s'être ralentie.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон мне сказал, что английское правительство высоко ценит великодушие, которое руководило вами при составлении последней памятной записки румынскому правительству. Что касается ответа Болгарии, то он мне сказал, что, по его личному мнению, вопрос о Кавале должен обсуждаться с большой осторожностью, так как дело идет об уступке за счет не вражеской, но нейтральной страны, щадить которую мы весьма заинтересованы, в особенности в момент министерского кризиса, в целях не обезнадеживать Венизелоса и не затруднить еще больше его задачи. Никольсон мне доверительно сказал, что Родду поручено воздействовать на Соннино в целях склонить его на то, чтобы частичные сообщения касательно Рагузы и Спалато могли быть сделаны сербскому правительству. Не было бы надобности упоминать о Фиуме, в котором Сербия заинтересована лишь косвенно. Никольсон придает очень большое значение тому, чтобы не осложнять положение в Греции, и в особенности в Сербии, в которой царит волнение, и военные действия которой против Австрии, повидимому, уже затормозились.

Бенкендорф.

№ 166. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 420. 23/10 июня 1915 г.

Copie Paris.

Nicolson me dit que gouvernement, se rendant entièrement compte importance question suèdoise pour Russie et pour tous les alliés, entre

en négociations avec gouvernement suèdois pour questions de commerce dans un esprit de conciliation qui devrait en assurer succès [1]. Ces négociations seront menées à Stockholm. Celles pour questions poste, où accord paraît facile, seront traités séparément [2].

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Никольсон мне сказал, что правительство, отдавая себе вполне отчет в важности шведского вопроса для России и для всех союзников, вступает в переговоры со шведским правительством по торговым вопросам в примирительном духе, который должен обеспечить их успех. Эти переговоры будут происходить в Стокгольме. Вопросы почтовые, по которым заключение соглашения представляется легким, будут обсуждаться особо.

Бенкендорф.

---

[1] В тел. Неклюдова от 25/12 июня за № 185 (№ 1) сообщалось, что «...английский посланник предложил Валленбергу временное соглашение для немедленного впуска в Швецию известного количества хлопка и угля, взамен чего Швеция так же немедленно пропустила бы в Россию часть остановленного нашего транзитного товара...» Нератов в тел. Бенкендорфу от 26/13 июня за № 3023 указывал, что «как ни полезно было бы помешать всякому провозу контрабанды из Швеции в Германию, очевидно, что еще гораздо более важно для нас добиться свободного транзита грузов через Швецию в Россию, а главное, не обострять отношений с Швецией, чтобы не дать последней повода начать войну против нас». Бенкендорфу поручалось «обратить на вышеизложенное серьезное внимание великобританского правительства и попросить его в общих интересах союзников выказать как можно больше сговорчивости в ведущихся им в Стокгольме переговорах».

[2] Согласно пам. записки англ. пос. в Петрограде от 22/9 июня за № 75, швед. м-во ин. дел в ответ на ноту англ. посланника в Стокгольме ответило, что оно готово приступить в кратчайший срок к обсуждению следующих пунктов соответствующего общего соглашения:

«1. Устранение всех препятствий для свободного товарообмена между Соединенным королевством и Швецией, для свободного пропуска писем из Швеции в нейтральные страны и обратно и, наконец, для свободного ввоза товаров из нейтральных стран в количествах, необходимых для собственного потребления Швеции.

2. Обеспечение того, что продукты, вывоз которых запрещен и которые ввезены в Швецию на основе такого соглашения, не будут реэкспортированы.

3. Транзитная торговля между Соединенным королевством и Россией и обратно, идущая через Швецию».

№ 167. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 387. 23/10 июня 1915 г.

Копия в Лондон и Рим.

Продолжение моей телеграммы № 385 [1].

Делькассе сказал мне, что, приняв в соображение мысль, высказанную г. Соннино, он изменил редакцию заключительной части своего проекта [2] в том смысле, что державы, настаивая на скорейшем выступлении Болгарии, требуют от болгарского правительства, чтобы оно само определило точный его срок. При этом Делькассе считает излишним упоминать, что делаемые Болгарии уступки ставятся в зависимость от ее выступления, ибо это само собою разумеется. По сведениям из Рима, Соннино уже дал свое согласие на французское предложение [3]. Что касается английского предложения, Делькассе сказал мне, что оно, очевидно, разошлось с собственным его предложением и что он считает его неудачным. Для ускорения дела Делькассе уже сообщил свой проект с вышеизложенной поправкой французскому посланнику в Софии и поручил ему сговориться по этому предмету со своими коллегами.

Извольский.

№ 168. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 388. 23/10 июня 1915 г.

Секретно.

По поводу предпринятых Сербией военных действий в Албании и замедления выступления ее против Австрии, вопреки повторным требованиям нашего верховного главнокомандующего, Делькассе высказал мнение, что крайне было бы необходимо нам... какое-нибудь

---

[1] См. № 158.

[2] См. № 174.

[3] Срочной тел. от 21/8 июня за № 198 Гирс уведомлял Сазонова, что Соннино «получил три проекта ответа болгарскому правительству. Французский и наш по существу сходятся, но Соннино находит последнюю фразу французского проекта слишком туманной и предложил через посредство Титтони назначить срок выступления Болгарии. Делькассе ответил, что опасается обидеть болгар». Соннино «ввиду такого замечания» признал заключительную часть англ. проекта более подходящей, «что и высказал Родду. Вполне сочувствуя нашему проекту, за исключением упоминания о греческих приобретениях, он намерен однако, принимая во внимание французские возражения», предложить потребовать от «Болгарии, чтобы она сама ныне же точно определила срок своего выступления, что ничем не может затронуть ее самолюбия».

средство более действительным образом объединиться и координировать действия союзников на отдельных фронтах. В настоящее время, по его убеждению, союзники, имеющие бесспорно численное преобладание над противником, теряют это преимущество вследствие разрозненности своих действий и дают возможность Германии и Австрии перебрасывать свои силы с одного фронта на другой. Так, по сведениям, доставляемым французскими авиаторами в Сербии, благодаря полному бездействию сербов на австрийском фронте, австрийцы оставили против Сербии самые ничтожные силы и сосредоточили почти все свои войска против России и Италии. По мнению Делькассе, необходимо создать какой-либо центральный орган для совместного обсуждения между главнокомандующими планов совместных действий. Мысли эти Делькассе сообщает по телеграфу французским послам при союзных державах.

Извольский.

№ 169. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 204. 23/10 июня 1915 г.

Лично.

Соннино относится крайне недоверчиво к движению черногорцев и утверждает, что они идут на Скутари и что черногорский командующий войсками на Бояне заявляет, что он не в состоянии, будто бы, удержать солдат, стремящихся захватить Скутари. Соннино предполагает заявить Черногории, что если она захватит Скутари, то он откажет ей в содействии итальянского флота в обеспечении провоза хлеба в ее пределы. Министр иностранных дел видит в наступлении Черногории руку Австрии, с которой Черногория ведет какие-то интриги при участии князя Петра.

Гирс.

№ 170. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 352[1]. 23/10 июня 1915 г.

Получил № 2945[2].

В ответ на сделанное мною, в соответствии с полученными указаниями[2], предложение, Братиану выразил глубокую радость по поводу предоставления Румынии Буковины по Прут с городом Чернов-

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 195, № 91.

[2] См. № 151.

цами. На проведение будущей границы в Мармарошском комитате по течению реки Тиссы он согласен. Что касается Баната, то Братиану, несмотря на все мои убеждения, попрежнему находит совершенно необходимым для будущего спокойного существования Румынии отмежевание ее границами рек Дуная и Тиссы. Он готов ввести в лежащую против Белграда часть Торонтальского дистрикта специальный нейтральный режим, может даже выкупить принадлежащие сербам на этой территории земли, но он убежден, что выступление Румынии при нынешних тяжелых и увеличивающих риск условиях заслуживает особого вознаграждения. Братиану при этом отметил, что многие другие румынские политические деятели являлись горячими сторонниками более раннего выступления Румынии, но что теперь многие из них угнетены событиями в Галиции, между тем как на него отступление наших войск не производит особенного впечатления, и он лишь заботится о надлежащем обеспечении будущего существования румын. Братиану заверил меня также, что он готов обязаться выступить через 5 недель со дня заключения между нами политического соглашения, но мне не удалось убедить его считать этот срок с 10 июня. В конце разговора Братиану просил у меня 24 часа, т. е. до пятницы утром, на размышление для окончательного ответа относительно Баната. Из всего разговора я должен однако вывести заключение, что в этом вопросе он едва ли уступит.

Поклевский.

№ 171. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 676. 24/11 июня 1915 г.

Afin d'éviter tout retard ultérieur Mr. Sazonow accepte le texte de la réponse à adresser au gouvernement bulgare proposé par Mr. Delcassé [1]. Mr. Sazonow croit utile toutefois de ne pas passer sous silence le caractère et l'étendue des compensations reservées à la Grèce. La réponse des Puissances pourrait être connue à Athènes et y exercer sur l'action du gouvernement hellénique une influence défavorable aux alliés. La rédaction de l'aide mémoire du ministère impérial des affaires étrangères en date du 21/8 juin ct. sub No 675 [2] concernant les avantages à accorder en Asie Mineure paraîtrait obvier à cet inconvénient.

---

[1] См. № 174.

[2] См. № 149.

Перевод.

Дабы избежать всякого дальнейшего промедления, г. Сазонов принимает текст ответа болгарскому правительству предложенный г. Делькассе. Тем не менее г. Сазонов считает полезным не обходить молчанием характер и размеры компенсаций, предназначаемых Греции. Ответ держав может стать известным в Афинах и оказать на образ действия эллинского правительства неблагоприятное для союзников влияние. Редакция памятной записки императорского министерства иностранных дел от 21/8 сего июня № 675 касательно будущих приобретений в Малой Азии, как кажется, устраняет это неудобство.

№ 172. Памятная записка министра иностранных дел английскому послу в Петрограде Бьюкенену.

24/11 июня 1915 г.

Le ministre des affaires étrangères de Perse a communiqué au ministre de Russie à Téhéran un rapport de kargozar de Seistan d'après lequel l'emir d'Afghanistan aurait distribué 100 000 fusils à ses sujets et équiperait un détachement de 12 000 hommes qui serait placé sous les ordres de son fils et se dirigerait par Kaboul, Kandahar et Ghérat sur Méched.

Cette expédition est due, au dire de kargozar, aux instances du gouvernement turc qui tâche de persuader l'emir d'entrer en lice et de pousser la Perse à prendre part à la lutte pour la défense de l'Islam.

Le ministre de Russie a profité de l'occasion pour demander à Mohtecham-es-Saltaneh si le gouvernement persan dispose d'une force suffisante pour empêcher les caravanes des agents allemands avec Mr. Pugène en tête de se diriger vers Méched et les frontières russe et afghane. Le ministre ayant répondu qu'il n'y a pas de gendarmes à Méched, Mr. d'Etter lui a fait observer que dans ce cas nous serons probablement obligés de prendre de notre côté des mesures pour parer à un état de choses qui représente un danger pour la Perse elle-même.

Mr. d'Etter considère qu'il est de toute importance d'empêcher Mr. Pugène et ses compagnons de pénétrer dans Méched [1].

Перевод.

Персидский министр иностранных дел сообщил российскому посланнику в Тегеране донесение каргузара Сейстана. По этому донесению, афганский эмир, будто бы, роздал своим подданным 100 000 ружей и вооружает отряд в 12 000 человек, который будет поставлен под начальство его сына и направится через Кабул, Кандагар и Герат к Мешеду.

По словам каргузара, эта экспедиция вызвана настояниями турецкого правительства, которое старается убедить эмира вступить в войну и принять участие в борьбе за ислам.

[1] Тел. Эттера от 22/9 июня за № 331.

Российский посланник воспользовался случаем, чтобы спросить у Мохтешам-эс-Солтане, располагает ли персидское правительство достаточными силами, чтобы воспрепятствовать караванам германских агентов, с Пюженом во главе, направиться к Мешеду и к русской и афганской границам. Так как министр ответил, что у него нет жандармов в Мешеде, г. Эттер заметил ему, что в таком случае мы будем, вероятно, вынуждены принять с нашей стороны меры, дабы не допустить положения, которое представляет опасность для самой Персии.

Г. Эттер считает, что очень важно воспрепятствовать г. Пюжену и его спутникам проникнуть в Мешед.

№ 173. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 77. 24/11 июня 1915 г.

His Majesty's Minister at Athens reports that he has learnt from one of his colleagues, that the Greek Government have received through Baron Schenk an offer of a loan of 250 million francs from Messrs Krupp. Thiloan, which is to be guaranteed on the tobacco revenues of the new countsries, is to be issued at 85 and will bear 5% interest and be repayable in 30 years. Sir E. Elliot hears that the Greek Government are stipulating for redemption in 45 years and an issue price of 90.

Sir F. Elliot points out that the assignement of the tobacco revenues apart from the many other obvious objections to the loan, is a political move as it implies a guarantee of the possession of Kavala.

Перевод.

Посланник его величества в Афинах сообщает, что, по сведениям его коллег, греческое правительство получило через барона Шенка предложение от фирмы Круппа предоставить ему заем в 250 миллионов франков. Этот заем, гарантируемый табачными доходами в новых провинциях Греции, имеет быть выпущен по 85, будет 5%-ным и погашается в 30 лет. Сэр Ф. Эллиот слышал, что греческое правительство добивается погашения в 45 лет и эмиссионной цены в 90.

Сэр Ф. Эллиот указывает, что выбор табачных доходов, помимо других основательных возражений против займа, является политическим ходом, так как этим обусловливается гарантия обладания Кавалой.

№ 174. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

24/11 июня 1915 г.

En réponse à la note, que le gouvernement royal a remise le 15/2 juin à leurs représentants [2], les Puissances alliées s'empressent de fournir

[1] Публикуемая пам. записка франц. пос-ва представляет собой предложенный Делькассе проект ответной декларации болг. прав-ву.

[2] См. № 117.

les explications qui permettront au gouvernement royal de prendre la décision rapide, que comporte leur déclaration du 29/16 mai dernier [1]. Les Puissances alliées déclarent que la frontière de la Macédoine, indiquée dans leur communication du 29/16 mai, correspond à la ligne fixée par le § 4 [2] de l'article 2 de l'annexe secrète du traité d'alliance et d'amitié entre le royaume de Bulgarie et le royaume de Serbie signé à Sofia le 29 février 1912.

Elles déclarent que la possession de la Macédoine, dans les limites ainsi fixées, sera assurée à la Bulgarie, en même temps que seront au moins assurés à la Serbie un débouché sur l'Adriatique et la possession de la Bosnie et de la Herzégovine, avec leurs frontières actuelles.

Les Puissances alliées sont d'avis que les territoires de Kavala doit comprendre les anciens kazas de Kavala, Drama et Serès. Il leur est actuellement impossible de définir la région de l'Asie Mineure qu'elles se proposent d'attribuer à la Grèce. En ce qui concerne la Dobroudja, les Puissances alliées estiment que la rétrocession des régions de Dobritch et de Baltchik est de nature à satisfaire aux intérêts de la Bulgarie. Prêtes à la recommander à toute l'attention du gouvernement roumain, elles ne doutent pas qu'engagés sur cette base les pourparlers entre Bucarest et Sofia n'aboutissent à bref délai.

Ainsi convaincu de la bienveillance agissante des Puissances alliées à l'égard des aspirations de la Bulgarie, le gouvernement royal voudra bien se rendre compte qu'il dépend désormais de lui seul que ses aspirations deviennent vite des réalités, en apportant contre la Turquie à une date très prochaine, que les Puissances alliés lui demandent de lui fixer, dès maintenant, une coopération qui contribue à réduire au minimum la durée et l'étendue des efforts et des sacrifices communs.

Перевод.

В ответ на ноту, которую королевское правительство вручило 15/2 июня их представителям, союзные державы спешат дать объяснения, которые позволят королевскому правительству принять быстрое решение, вытекающее из их декларации от 29/16 мая текущего года. Союзные державы заявляют, что граница Македонии, указанная в сообщении от 29/16 мая, соответствует линии, установленной 4 [3] параграфом статьи 2-й секретного приложения к договору о союзе и дружбе между Болгарским и Сербским королевствами, подписанному в Софии 29 февраля 1912 г.

---

[1] См. №№ 37, 38.

[2] Так в оригинале. См. стр. 218, прим. 1.

Они [союзные державы] заявляют, что обладание Македонией в установленных таким образом пределах будет гарантировано Болгарии тогда, когда Сербии будет обеспечен, по крайней мере, выход к Адриатике и владение Боснией и Герцеговиной в нынешних их границах.

Союзные державы полагают, что территория Кавалы должна включать бывшие кавы Кавалы, Драмы и Сереса.

В данное время для них невозможно определить район Малой Азии, который они предполагают предоставить Греции. Что же касается Добруджи, то союзные державы считают, что возвращение районов Добрича и Балчика может удовлетворить интересы Болгарии. Будучи готовы рекомендовать Румынии внимательное изучение этого вопроса, они не сомневаются в том, что начатые на подобных основаниях переговоры между Бухарестом и Софией в скором времени приведут к благоприятным результатам.

Таким образом, уверившись в благосклонной поддержке стремлений Болгарии союзными державами, королевское правительство благоволит убедиться, что впредь от него одного зависит, чтобы его стремления превратились в действительность; для этого требуется выступление его против Турции в ближайший срок, назначить который державы ее просят теперь же в осуществление сотрудничества, которое сведет к минимуму продолжительность и размер усилий и общих жертв.

№ 175. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 632. 24/11 июня 1915 г.

Ссылаюсь на свой № 629 [1].

Сегодня [24] 11 июня я серьезно обратил внимание Пашича на полное несоответствие сделанных им мне вчера заявлений относительно наступления, с ответом верховной команды военному агенту, переданным последним отделу генерал-квартирмейстера от [23] 10 июня за № 597 [2]. Пашич, который вчера имел в Нише совещание с королевичем Александром, повидимому, содержания этого ответа не знал. Записав его, он безуспешно старался найти объяснения доводам верховной команды. Здесь явное отсутствие искренности, заметил я ему, и просил сообщить мне действительные причины промедления. Он стал разводить руками. По его сведениям, армия готова, но дух в ней сильно пал. Военные ему говорят, что итти вперед и сражаться на пользу Италии

[1] См. № 160.

[2] В ней передавалось, что срок перехода сербов в наступление приближается, но «войска не двигаются для занятия исходного положения», а потому он, Артамонов, «вместе с французским военным агентом просил [23] 10 июня у верховной команды определенных сведений по этому вопросу. Нам официально заявили, что расчеты не оправдались», главным образом вследствие распутицы и недостатков материальной части, но что «армия спешно готовится, хотя срок не может быть указан».

трудно, вместе с тем в тылу обрисовывается угроза болгар, получивших поощрение держав Согласия к захвату Македонии. Новые данные указывают на приготовление широкого четнического нападения, и Сербия должна будет защищаться. Пашич уверяет меня, будто он вчера говорил королевичу о необходимости наступления, но ответ его высочества был в смысле предпочтительности выжидания. Завтра Пашич поедет в Крагуевац для воздействия на верховную команду. Не думаю, чтобы он там говорил убедительно, ибо, по слышанным мной сегодня словам Иовановича, отражающего часто решающее мнение сербского правительства, с одной стороны, бездействие французов, англичан и итальянцев и наше отступление в Галиции создают безнадежные стратегические условия для наступления 200 000 сербов, а с другой — страх перед Болгарией, готовой выступить также против Сербии, предписывает крайнюю осторожность.

Штрандтман.

№ 176. Памятная записка российского посланника в Тегеране персидскому министерству иностранных дел [1].

Le ministre de Russie s'étant fait un devoir de soumettre à l'appréciation du ministère impérial des affaires étrangères la substance de l'entretien qu'il avait eu le 30 avril/13 mai 1915 [2] — en même temps que le ministre de sa majesté britannique — avec son altesse le prince Ein-ud-Dovleh et son excellence Mohtecham-es-Saltaneh, est autorisé aujourd'hui de porter à leur connaissance, que le gouvernement impérial est animé du désir sincère d'accorder tout appui possible au gouvernement de sa majesté le shah en vue de lui faciliter l'accomplissement de sa tâche. Il croit devoir, avant tout, signaler plusieurs points relevés par les ministres persans, représentant des demandes déjà formulées par leurs prédécesseurs. Toutefois, il se déclare prêt à examiner, de concert avec le gouvernement de sa majesté britannique, les conditions d'une avance à accorder au gouvernement persan sur la base des garanties sérieuses, données aux deux légations établissant que l'emploi des sommes avancées ne sera, ni actuellement, ni ultérieurement, contraire aux intérêts de leur deux pays. Quant à la combinaison, proposée par le gouvernement persan, basée sur le principe d'un moratorium retroactif des revenus douaniers, — le gouvernement impérial continue à ne pas le trouver pratique et acceptable.

[1] Маш. копия. Дата отсутствует. Препровождена Эттером при письме от 24/11 июня за № 1592.

[2] См. т. VII, № 754.

Le gouvernement persan avait déjà été informé que la perception du maliat par les consuls prendrait fin dès que les revenus des provinces du Nord récommenceraient, comme en 1912, à être réguliérement versés à la Banque d'Escompte de Perse [1]. D'autre part, les consuls ne pourraient pas renoncer au droit d'intervention dans les cas de réclamations illégales adressées à des sujets ou protégés russes.

Le ministère des affaires étrangères, ne pouvant partager le point de vue du gouvernement persan sur les droits de possessions ou arendes [2] foncières, ne se refuserait cependant pas d'examiner avec lui tout compromis acceptable qui lui serait présenté.

Des instructions avaient déjà été données aux consuls russes de s'abstenir d'accorder leur protection aux personnes qui ne la mériteraient pas, ainsi que de veiller à l'accomplissement par les protegées russes de leurs devoirs envers le gouvernement persan.

Mais l'arbitraire et l'esprit d'intolérance existant entre les partis politiques en Perse sont encore trop évidents, pour que le gouvernement russe puisse se décider de retirer toute espèce de protection aux personnes qui lui sont devouées ou poursuivies pour leurs opinions politiques, ainsi qu'aux débiteurs de la Banque d'Escompte, menacés de ruine.

Le ministère impérial des affaires étrangères regrette enfin que l'agitation croissante germano-turque rend impossible le rappel, dès à présent, des troupes russes du territoire persan.

Etant donnée d'ailleurs l'absence de la part du gouvernement impérial de toutes visées agressives, ces détachements seront évacués aussitot que les circonstances le rendront possible [3].

---

[1] Нотой от 23/10 июня перс. м-р ин. дел, касаясь вопроса погашения аванса по долгу перс. прав-ва в 200 тысяч ф. ст., повторял просьбу перс. прав-ва об отсрочке долгов до 1918 г. в порядке представленного Эттеру проекта (см. № 21 и прим. 3). Письмом от 21/8 июля за № 179/С тегеранское отделение Учетно-Ссудного банка Персии указывало, что ведущиеся по поводу отсрочки долгов переговоры еще не дают права шахскому правительству «самовольно нарушать договор с банком, и до выяснения результата переговоров малиатные суммы Севера Персии должны вноситься персидским казначейством в учреждения нашего банка, как это предусмотрено договором об авансе в 200 тысяч 1913 г.». Далее, обращаясь с просьбой к императорской миссии «настоять перед шахским правительством на немедленном распоряжении казначейству вносить малиат Северной Персии в учреждения Учетно-Ссудного банка», последний просил поставить в известность перс. прав-во, что на него возлагается «ответственность за все убытки, могущие произойти от невзноса в срок причитающихся банку сумм».

[2] Так в оригинале.

[3] Мотаман-оль-Мольк (председатель меджлиса) в письме к Исаак-хану 28/15 авг. по поводу этого ответа росс. прав-ва писал следующее: «Если русское

Перевод.

Российский посланник, сочтя своим долгом представить на усмотрение императорского министерства иностранных дел беседу, которую он имел, совместно с посланником его британского величества, с его высочеством принцем Эйн-эд-Доуле и с его превосходительством Мохтешам-эс-Солтане, уполномочен ныне довести до их сведения, что императорское правительство одушевлено искренним желанием оказать всю возможную поддержку правительству его величества шаха в целях облегчить ему выполнение его задачи. Считая долгом отметить прежде всего, что многие вопросы, поднятые персидскими министрами, являются пожеланиями, уже высказанными их предшественниками, он тем не менее изъявляет готовность рассмотреть совместно с правительством его британского величества условия предоставления аванса персидскому правительству при серьезных гарантиях, данных обеим миссиям в том, что авансированные суммы ни теперь, ни впоследствии не будут израсходованы в целях, противоречащих интересам обеих стран. Что же касается предложенной персидским правительством комбинации, основанной на принципе обратного действия моратория таможенных доходов, то императорское правительство продолжает считать ее непрактичной и неприемлемой.

Персидское правительство уже было извещено, что взимание малиата консулами окончится, как только доходы северных провинций снова, как в 1912 г., будут регулярно вноситься в персидский Учетный банк. С другой стороны, консулы не могли бы отказаться от права вмешательства в дела по предъявлению незаконных требований российским подданным, или лицам, находящимся под покровительством русского правительства.

Министерство иностранных дел, не имея возможности разделить точку зрения персидского правительства на права владения или аренды земельных участков, тем не менее не отказалось рассматривать совместно с ним всякое подходящее компромиссное соглашение, которое было бы ему предложено.

Российским консулам уже были даны инструкции воздерживаться от принятия под покровительство не заслуживающих этого лиц, а также следить за вы-

---

правительство с самого начала оказало бы немного содействия, я уверен, что положение вещей было бы иное и положение кабинета в меджлисе и самого меджлиса в стране было бы гораздо прочнее. Например, бывший кабинет Эйн-эд-Доуле обратился к обоим правительствам с просьбой взаимно выяснить некоторые вопросы [см. № 21]. Насчет войск было отвечено, что решение этого вопроса откладывается на другое время и, как я слышал, сказали, что отозвание войск является для них опасным и ослабит их влияние. Предположив даже, что это правильный взгляд, что же мешало сделать распоряжение консулам не вмешиваться в дело взыскания налогов страны и не оказывать так называемого покровительства различным лицам которые, прибегая к таковому, имеют своей единственной целью чинить всякие интриги в стране, или же что мешало дать более определенные заявления по поводу права землевладения? Меджлис оказывал полное содействие кабинету Эйн-эд-Доуле и не отказывал ему в своей поддержке, но по получении ответа русского правительства, когда таковой был передан гласности, он произвел действие холодного душа, все надежды сменились отчаянием».

полнением состоящими под русским покровительством их обязанностей по отношению к персидскому правительству.

Но произвол и нетерпимость, господствующие среди политических партий в Персии, слишком ярко еще проявляются, чтобы российское правительство могло решиться лишить всякого вида покровительства лиц, преданных ему или подвергающихся преследованию за их политические убеждения, а равно должников Учетного банка, которым грозит разорение.

Наконец, императорское министерство иностранных дел сожалеет, что растущая германо-турецкая агитация делает невозможным отозвание в настоящее время войск с персидской территории.

Ввиду однако отсутствия у императорского правительства всяких агрессивных намерений, эти отряды будут эвакуированы, как только сделать это позволят обстоятельства.

№ 177. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 340 [1]. 24/11 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 1583 [2].

Прибывший сюда начальник Казвинского отряда войсковой старшина Беломестнов подал мне заявление об отказе Учетно-Ссудного банка в Казвине менять русские деньги, что поставило отряд в совершенно критическое положение. Прошу принятия возможных мер к прекращению столь ненормального положения вещей, выражающегося отказом русского банка менять русские деньги русскому отряду и учреждениям в Персии. Распоряжение банка в конец уронило стоимость наших денег. Здесь поневоле распространяется убеждение, что банк не отдает себе отчета в серьезности положения и преследует мелкие спекулятивные цели. Эттер.

№ 178. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 351. 24/11 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 333 [3].

Монголия.

Министр иностранных дел прислал сегодня сказать мне, что командирование специальных посланцев в Ургу объясняется тем, что им по-

---

[1] На лит. копии публикуемой тел. имеется под датой 28/15 июня 1915 г. надпись карандашом рукой Персиани: «Передано министром П. Л. Барку [26] 13 июня 1915 г. А. Д. Полубояринов просит установить приблизительную сумму месячных расходов по содержанию отрядов в Персии. Он пишет мне об этом официально».

[2] Тел. от 24/11 июня за № 1583 Эттер сообщал, что, по распоряжению правления Учетно-Ссудного банка, прекращена покупка рублей, отчего курс рубля упал на 50%.

[3] См. стр. 159, прим. 1.

ручено передать хутухте грамоты, печати и подарки, которые неудобно было посылать иначе как с особо для этого назначенными сановниками. Эта миссия имеет чисто церемониальный и временный характер и является совершенно единичным случаем. Относительно утверждения званий и титулов монголов министр обещает, что факт этот больше не повторится, и, чтобы оправдаться, объясняет, что китайское правительство придает ему скорее значение обычая пожалования орденов иностранным подданным. Министр надеется, что императорское правительство удовлетворится этими объяснениями и согласится считать инцидент исчерпанным.

Копия сообщена в Ургу.

Крупенский.

№ 179. Военный агент в Сербии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма. **24/11 июня 1915 г.**

Сербские военные круги вместе с королевичем Александром сильно негодуют на бездействие французской армии, подвергающей тяжелому испытанию русскую армию, усилия которой здесь всеми высоко ценятся; поэтому представления французского агента о переходе сербов в наступление встречаются здесь иронически и вызывают раздражение, так как французов считают виновниками уступок, делаемых болгарам. Желают объединения командования над союзниками в одних руках.

Артамонов.

№ 180. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 80. **25/12 июня 1915 г.**

His Majesty's Government have given their careful consideration to the various proposals made by the Allied Governments with regard to the reply to be returned to the Bulgarian note [1] in the light of the effect produced by the Allies offer to Bulgaria on the other Balkan States.

His Majesty's Embassy has now been instructed to communicate to the Imperial Government the texte of the reply which they would suggest being returned to Bulgaria. In communicating this proposed reply, the Embassy has been instructed to explain that it is inspired by the following considerations:

---

[1] См. № 117.

Great apprehension has been aroused in both Greece and Servia by the communication addressed to Bulgaria by the Allies; and it appears very doubtful, from private informations given to His Majesty's Minister at Athens by Mr. Vénizélos, whether the latter could now carry his countrymen with him in a policy involving the cession of Seres or even of Kavala and Drama.

Mr. Sazonow will be aware that both the Gounaris Government and the Greek army are doing all they can to minimize the result of the late elections. If therefore Bulgaria receives from the Allies a definite assurance that she will be given Kavala in any case, Greek popular feeling may be worked up into a state of open hostility to the Allied Powers to a degree which it would be quite beyond Mr. Vénizélos to counteract.

The probable result would be that Greece and Servia would join in attacking Bulgarie with a view to saving their present territories from any loss and that we should be deprived of their benevolent neutrality not to speak of the active cooperation of Greece which, in the present phase of the Dardanelles operations, is imperatively necessary.

His Majesty's Government hope that Mr. Sazonow will recognise the weight of these considerations and will agree to a reply being sent in the following terms:

«The Allied Powers cordially welcome the spirit of Bulgarian' Government's reply to their offer and, in accordance with the wish expressed by the Bulgarian Government, have agreed to give the following complementary details respecting their proposal. While unable at the present moment to give an exact definition of the future limit of each of the States who will have contributed to the final succes of the war, the Allied Powers, desirous of considering as much as possible the legitimate aspirations of each of the interested nations, are prepared to secure for Bulgaria the frontier defined in Paragraph 3 [1] of Article 2 of the Annex to the Serbo-Bulgarian Treaty of February 29, 1912. The Allied Powers would be prepared to secure this territory for Bulgaria, when Servia receives as minimum compensation Bosnia and Herzegovina and a port on the Adriatic. When such compensation has actually been obtained for Servia, the Allied Powers

---

[1] В оригинале первоначально было «4», красным карандашом исправлено: «3». См. «Секретное приложение к договору о дружбе и союзе между королевством Сербии и королевством Болгарии» (перевод с сербского) «Сборник секретных документов из архива б. М.И.Д», № 2, изд. Нар. Ком. по ин. делам (дек. 1917 г.), стр. 54—55. Ср. текст № 12 («Таенъ анексъ»), в «Приносъ къем дипломатическата история на България 1878—1925» (София, 1925), стр. 37—38.

would then recognize the right of Bulgaria to enter into possession of the Macedonian territory assigned to her.

In respect to the enquiry made by the Bulgarian Government concerning Kavala and its Hinterland, the Allied Powers, while appreciating the desires of Bulgaria in connection with that region and being resolved to bear the scope of these desires carefully in mind when discussing the question with the Hellenic Government, are unable to lose sight of the ties strengthened by historical association and by actual occupation, which bind Greece to a part at any rate of the area in Thrace, which is subject of the Bulgarian claim. At the same time the Allied Powers are conscious that the aspirations of Greece in Asia Minor, in the Smyrne region in particular, cannot be satisfied except by a victorious termination of the war in which both Bulgaria and Greece can take an important and united part. They are therefore convinced that when an agreement (?) [1] is reached they will be able to assist to the utmost of their power in the attainment both by Bulgaria and Greece of a reasonable satisfaction of their desires in Thrace and Asia Minor respectively, assisted by the good will of the two Governments in allocating the important advantages to be secured by both.

In regard to the Dobrudja the Allied Powers consider that the retrocession of Dobritch and Baltchik might form the basis of negotiations between Roumania and Bulgaria: and that the Allied Powers would be glad to use their good offices in facilitating an agreement on the question.

The Bulgarian Government will without doubt see, that the Allied Powers are desirous of fulfulling the aspirations of Bulgaria in regard to... most benevolent disposition, but they must at the same time impress on the Bulgarian Government, that their assurances must be open to reconsideration, if the entry of Bulgaria into the war against Turkey does not take place at a very early date».

His Majesty's Minister at Athens has been instructed, in the case of the Allies concurring in the terms of the above reply, to inform the Greek Government of its contents and to add that His Majesty's Government consider the Greek Government entitled to know the exact terms of our reply to Bulgaria so far as Greek interests are affected thereby.

His Majesty's Embassy is to inquire, whether Mr. Sazonow would eventually agree to the action which Sir F. Elliot has been instructed to take.

---

[1] Знак вопроса в оригинале.

Перевод.

Правительство его величества тщательно рассмотрело различные предложения, сделанные союзными правительствами касательно ответа, который предстоит дать на болгарскую ноту в связи с впечатлением от сделанного Болгарии предложения в других балканских государствах.

Посольство его величества получило ныне указание сообщить императорскому правительству текст ответа, который оно предлагает дать Болгарии. Сообщая этот проект ответа, посольство уполномочено объяснить, что он исходит из следующих соображений:

Как в Греции, так и в Сербии сделанное Болгарии союзниками сообщение вызвало большую тревогу, и представляется весьма сомнительным, согласно частной информации посланника его величества в Афинах, полученной им от г. Венизелоса, будет ли последний в состоянии склонить своих соотечественников к проведению политики, включающей уступку Сереса или даже Кавалы и Драмы.

Г. Сазонов, вероятно, знает, что как правительство Гунариса, так и греческая армия делают все возможное, чтобы свести на-нет результат прошлых выборов. Если поэтому Болгария получит от союзников решительное заверение, что ей во всяком случае будет отдана Кавала, то на греческое общественное мнение будет произведено столь сильное воздействие, что оно станет открыто враждебным союзным державам, и притом в такой степени, что г. Венизелос будет не в силах этому противостоять.

Вероятным результатом этого будет то, что Греция и Сербия объединятся для нападения на Болгарию в целях спасти их нынешнюю территорию от какой-либо потери, и в таком случае мы были бы лишены благожелательного нейтралитета Греции, не говоря о ее деятельном сотрудничестве, которое при нынешнем фазисе дарданелльских операций настоятельно необходимо.

Правительство его величества надеется, что г. Сазонов признает значение этих соображений и согласится на то, чтобы ответ был послан в следующих выражениях:

«Союзные державы искренно приветствуют ответ болгарского правительства и согласны добавить, соответственно желанию, выраженному болгарским правительством, нижеследующие дополнительные подробности к своему предложению. Хотя они и не могут в настоящий момент точно определить границы каждого государства, которое будет способствовать конечному успеху войны, тем не менее, стремясь как можно полнее удовлетворить законные притязания заинтересованных государств, они готовы предоставить Болгарии границы, намеченные в 3-м абзаце 2-й статьи приложения к сербо-болгарскому договору от 29 февраля 1912 г. Союзные державы готовы предоставить эту территорию Болгарии, если Сербия получит, как минимальную компенсацию, Боснию и Герцеговину и порт на Адриатике. После того как подобная компенсация будет действительно получена для Сербии, союзные державы признают право Болгарии вступить во владение предоставленной ей македонской территорией.

Что касается сделанного болгарским правительством запроса касательно Кавалы и ее хинтерланда, то союзные державы, — хотя они уважают пожелания Болгарии, связанные с этим районом, и решили никоим образом не терять из виду этих пожеланий при обсуждении вопроса с эллинским правительством, — не могут не считаться со связью, основанной на исторических воспоминаниях

и на нынешней оккупации, соединяющей Грецию, по крайней мере, с частью территории Фракии, представляющей предмет болгарских притязаний. В то же время союзные державы признают, что вожделения Греции в Малой Азии, в особенности в районе Смирны, могут быть удовлетворены лишь в случае победоносного завершения войны, в которой Болгария и Греция могут сыграть совместно важную роль. Державы поэтому убеждены, что, в случае, если соглашение (?) будет достигнуто, они будут в состоянии содействовать всеми своими силами достижению и Болгарией, и Грецией справедливого удовлетворения их пожеланий, первой во Фракии, последней — в Малой Азии, при доброжелательном содействии обоих правительств распределению крупных приращений, выпадающих на долю каждого.

В отношении Добруджи союзные державы считают, что возвращение Добрича и Балчика может служить основанием для переговоров между Румынией и Болгарией; союзные державы рады предложить свои добрые услуги для облегчения соглашения по этому вопросу.

Болгарское правительство, несомненно, убедится, что союзные державы стремятся к выполнению пожеланий Болгарии в смысле... максимальной доброжелательности, но в то же время они вынуждены заявить болгарскому правительству, что их обещания должны быть пересмотрены в том случае, если вступление Болгарии в войну против Турции не состоится в самое ближайшее время».

Посланник его величества в Афинах получил указание в случае, если союзники примут текст вышеприведенного ответа, уведомить греческое правительство об его содержании и добавить, что правительство его величества признает за греческим правительством право знать точные выражения нашего ответа Болгарии, поскольку этим затрагиваются греческие интересы.

Посольство его величества желало бы знать, согласен ли г. Сазонов с шагом, который сэру Ф. Эллиоту поручено предпринять.

№ 181. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3017. 25/12 июня 1915 г.

Копии в Ташкент, Асхабад и ставку верховного главнокомандующего.

Ссылаюсь на мою сегодняшнюю телеграмму Никольскому за № 3016[1].

Допускать агитацию немцев в Мешеде, а тем более проникновение их в Афганистан, совершенно невозможно. Поэтому Никольскому разрешено арестовать агитаторов и выслать в Россию.

---

[1] В тел. от 25/12 июня за № 3016 Сазонов разрешал консулу в Мешеде «арестовать Гофмана, Вальдмана, Пюжена и едущих с последними австрийских солдат и выслать всех их в Россию», указывая на необходимость «обставить это дело возможно тщательно и осторожно, так как неудача попытки нашей захватить едущих из Исфагани немцев и их бегство произвели бы неблагоприятное впечатление повсюду». «Конечно, желательно, — добавлял Сазонов, — чтобы консульство не принимало явного участия в деле, которое публика должна принять за чисто военную операцию, совершенную нашим казачьим полком по его собственному почину».

Однако не следует закрывать глаза на то, что такая наша мера может вызвать репрессалии со стороны немцев, и прежде всего в Исфагани, где от них можно ожидать всего. Предупредите Гильдебрандта, чтобы он соблюдал крайнюю осторожность и тщательно избегал опасности быть захваченным или подвергнуться покушению. Сделайте также весьма серьезное предупреждение шахскому правительству и потребуйте от него самой деятельной охраны нашего консульства и подданных в Исфагани [1].

В случае вероятных протестов персов против арестования нами немцев и австрийцев на их территории [2], ответьте им, что мы не можем допускать разъездов чужестранных вооруженных сил в нейтральном государстве, что подобная деятельность должна была бы быть прекращена мерами самого шахского правительства и что раз оно не может или не хочет положить предел подобному положению вещей, наши военные власти вынуждены были самостоятельно и по собственному почину выступить против немцев, агитация которых в непосредственной близости от нашей границы представляется опасной с чисто военной точки зрения.

Сазонов.

№ 182. Министр иностранных дел директору дипломатической канцелярии при ставке Кудашеву.

Письмо № 670 [3]. **25/12 июня 1915 г.**

М. г. князь Н[иколай] А[лександрович],

В письме вашем от [22] 9 сего месяца [4] вы сообщили о вашей беседе с генералом Даниловым касательно неудовольствия, испытываемого Китченером посылкой нашего отряда к Дарданеллам. По этому поводу счи-

---

[1] 22/9 июня Гильдебрандт телеграфировал за № 400, что истекший месяц привел его «к сознанию полного бессилия консульства противостоять умалению русского престижа, что выражается в безнаказанности убийства [Кавера] и в явном нежелании персидского правительства исполнить хотя бы одно из справедливых требований императорского консульства».

[2] 22/9 июня Эттер тел. за № 329 сообщал, что на неоднократные обращения к министрам по поводу опасности оставления беглых австрийцев на свободе ему было отвечено ссылкой на пункт 13 Гаагской конвенции 1907 г. «о праве безоружных пленных свободно пребывать на нейтральной территории, прибавляя, что за австрийцами тем не менее учрежден надзор жандармов...»

[3] Черновик написан рукой Гулькевича. Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 180, № 88.

[4] См. № 161.

таю полезным ознакомить вас с моим взглядом на указанную посылку наших войск, дабы вы могли руководствоваться им в дальнейших ваших разговорах по этому вопросу.

С самого начала возникновения предположения о прорыве через Проливы я считал недопустимым занятие союзниками Константинополя без участия в таковом русских войск. Ввиду того, что военные соображения не позволяли уделить на эту операцию необходимую военную силу, приходилось довольствоваться посылкой одного корпуса, задачу которого союзники должны были облегчить действиями, направленными против Босфора со стороны Мраморного моря. Если при таких условиях главная тяжесть операций на этом театре войны падала на союзников, то все же почти одновременное появление перед стенами Царьграда наших частей позволяло считать взятие бывшей оттоманской столицы результатом общих усилий всех союзников.

Когда была выдвинута мысль о посылке к Дарданеллам отряда столь незначительного, что никакого влияния на исход действия он не мог бы иметь [1], то я немедленно счел долгом высказать [2], что посылка его допустима лишь постольку, поскольку ею не умаляется данное нами первому лорду адмиралтейства обещание держать в его распоряжении определенное количество войск. Если же лорд Китченер находит, что посылкой незначительного отряда мы только осложним задачу союзников в Дарданеллах, то мне кажется безусловно желательным отказаться от таковой посылки. Завоевание Константинополя произойдет главным образом в интересах России, поэтому мы не можем брать на

---

[1] 30/17 мая за № 736 верх. главнокомандующим была отправлена на имя Николая II тел. (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 174, № 80), в которой указывалось, что главнокомандующий отдал «распоряжение о скорейшей подготовке и сосредоточению во Владивостоке 40 Сибирского стрелкового полка с запасным батальоном, одной 6-орудийной батареи с запасным взводом и одной полусотни казаков». В ответ на это Николай II телеграфировал 31/18 мая за № 2090 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 174, № 81), что этот вопрос для него «совершенно новый», и высказывал недоумение, «какую пользу принесет участие столь малого отряда в операциях с союзниками у Дарданелл». Подчеркивая, что, «напротив, всякое усиление нашего десантного корпуса в Черном море... крайне необходимо», Николай II сообщал, что переговорит с м-ром ин. дел. Верх. главнокомандующий тел. от 1 июня/19 мая за № 763 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 175, № 82) объяснял: «Посылка настоящего отряда имеет безусловно моральное значение в смысле участия в занятии Константинополя одновременно с союзниками, так как босфорский десант возможен лишь после проникновения союзного флота в этот пролив через Мраморное море. Затяжка в действиях союзников была учтена при расчете возможности своевременной подачи этого отряда из Владивостока».

[2] См. стр. 101, прим. 1.

себя ответственности за малейшее стеснение деятельности союзников в этом направлении.

Если бы по ходу событий не оказалось бы возможным отдалить взятие Константинополя до той поры, когда мы стали бы осуществлять его исключительно собственными силами, — то достоинству России соответствовало бы гораздо более воздержание от какого бы то ни было участия в операции, нежели посылка количественно ничтожной, по сравнению с союзническими силами, части войск. С политической точки зрения в интересах преследуемой сообща цели необходимо избегать всего, что могло бы хотя бы преходяще бросить тень на добрые отношения между союзниками и вызвать у них подозрение, что мы желаем без особых усилий разделить лавры, доставшиеся им ценой стольких жертв[1].

Примите и пр.

Сазонов.

№ 183. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 423. 25/12 июня 1915 г.

J'ai communiqué confidentiellement à Nicolson un télégramme de Nekludoff où ce dernier prévoit que, si la Suède se décidait à la guerre, il est à prévoir que la Finlande serait envahie par l'armée suédo-allemande[2]. Cette information a impressionné Nicolson qui en a immédiatement pris note. Il m'a répondu que le gouvernement anglais ferait tout le possible pour se montrer conciliant avec la Suède au sujet commerce et de la censure postale, qui n'a du reste eu lieu qu'une fois et concernant l'égalité de laquelle les deux gouvernement ne sont pas d'accord. Il m'a dit que la négociation serait conduite avec toute prudence. J'ai saisi cette occasion pour reparler à Nicolson de la question des munitions de guerre. Je lui ai dit que cette fois j'avais non seulement le sentiment de défendre un intérêt personnel russe, mais que je parlais au nom de la solidarité au cours de cette guerre et des résultats pour les alliés en général, si l'armée russe, sur laquelle repose aujourd'hui le gros de la lutte, restait, malgré son importance numérique et sa valeur, dans état à ne pas lui permettre une franche initiative offensive. Je rappelai que temps pendant lequel port d'Archangel restait ouvert était limité et qu'une campagne d'hiver

---

[1] В тел. Сазонова от 10 июля/27 июня за № 3284 послам в Париже и Лондоне предписывалось сообщить соответствующим прав-вам, «что отправка нашего экспедиционного отряда в Дарданеллы отменяется».

[2] См. № 130.

et de printemps prochains était devenue une certitude. Nicolson m'a répondu que ce que je lui disais était exactement le point de vue auquel s'était placé dès début et se plaçait aujourd 'hui le gouvernement anglais, Lord Kitchener et Lloyd George en particulier, et que je pouvais être sûr, que tout ce qui était possible de faire serait fait.

Benckendorff.

Перевод.

Я доверительно сообщил Никольсону телеграмму Неклюдова, в коей последний выражает опасения, что если Швеция решится выступить, то следует предвидеть, что в Финляндию вторгнется шведо-германская армия. Это сообщение произвело на Никольсона впечатление, и он немедленно записал его. Он мне ответил, что английское правительство сделает все возможное, чтобы быть в отношении Швеции сговорчивым в вопросах торговли и почтовой цензуры, которая, впрочем, была применена лишь однажды, и по поводу которой в отношении равноправия между правительствами существует разногласие. Он мне сообщил, что переговоры будут вестись с осторожностью. Я воспользовался этим случаем, чтобы снова поднять вопрос о снарядах. Я ему сказал, что на этот раз во мне говорит не только желание защитить собственно русские интересы, но что я говорю в интересах солидарного ведения этой войны и результатов для всех союзников в совокупности в случае, если русская армия, на которой в данное время лежат, главным образом, тягости борьбы, окажется, несмотря на свою численность и храбрость, не в состоянии перейти по своему почину в открытое наступление. Я напомнил, что время, когда Архангельский порт остается открытым, ограничено и что, несомненно, нас ожидает зимняя, а затем весенняя кампания. Никольсон мне ответил: то, что я ему сказал, является как раз точкой зрения, на которую с самого начала стали и на коей продолжают стоять английское правительство, лорд Китченер и Ллойд-Джордж в особенности, и я могу быть уверен, что все, что только может быть сделано, будет сделано.

Бенкендорф.

№ 184. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 424. 25/12 июня 1915 г.

En réponse à ma question Nicolson m'a dit qu'il ne s'attendait pas à ce que le gouvernement bulgare se déclare immédiatement satisfait, mais il espérait que cette réponse était de nature à mûrir négociations autant que cela est possible avec les égards dus à la Grèce et la Serbie. Nicolson insiste beaucoup sur ce dernier point. Il considère situation en Serbie et Grèce sérieuse au point qu'à procéder trop directement avec Bulgarie, les dispositions serbes pourraient se modifier au point de prêter une oreille trop attentive à des suggestions austro-hongroises, qui peuvent se manifester d'un jour à l'autre tandis qu' en Grèce Vénizélos pourrait

devenir impuissant à combattre des modifications dans opinion publique et à reprendre pouvoir. Nicolson considère que négociations actuelles avec Roumanie et surtout avec Bulgarie constituent un des problèmes les plus difficiles que la diplomatie ait à résoudre. Je me suis abstenu d'émettre opinion privée, ne connaissant pas exactement quel est votre sentiment concernant les différences [des] textes proposés, tout en reconnaissant avec lui extrême délicatesse de la question.

Benckendorff.

Перевод.

Отвечая на мой вопрос, Никольсон мне сказал, что он не рассчитывал на то, что болгарское правительство немедленно признает себя удовлетворенным, но он надеялся, что этот ответ будет такого рода, что подготовит почву для переговоров, считаясь, поскольку это возможно, как с Грецией, так и с Сербией. Никольсон очень настаивает на последнем. Он признает положение как в Сербии, так и в Греции настолько серьезным, что если будут непосредственно начаты переговоры с Болгарией, то настроение сербов может измениться настолько, что они начнут внимательно прислушиваться к австро-венгерским предложениям, которые могут быть сделаны в самое ближайшее время, в то время как в Греции Венизелос может оказаться не в силах бороться с колебаниями общественного мнения и снова взять власть в свои руки. Никольсон считает, что нынешние переговоры с Румынией, и в особенности с Болгарией, являются одной из самых трудных задач, выпадающих на долю дипломатии. Я поостерегся высказать свое частное мнение, точно не зная вашей точки зрения касательно различных предложенных текстов, признав вместе с ним крайнюю остроту вопроса.

Бенкендорф.

№ 185. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 356. 25/12 июня 1915 г.

No 2[1].

J'ai été heureux d'apprendre que le gouvernement impérial est disposé à reconnaître comme frontière future entre la Russie et la Roumanie le Pruth sur tout son parcours[2]. Si, ainsi que je l'espère, l'entente se fait sur les autres points, la Roumanie reduira aussi ses revendications dans le Marmarosch jusqu'au thalweg de la Theiss depuis ses sources. Pour rectifier la pointe de la Galicie dans la future Roumanie, j'espère que la Russie admet que les montagnes presque dénuées de population de cette pointe reviennent à la Roumanie. Je pense que les concessions importantes en

---

[1] № 1 см. № 192, из коего видно, что публикуемая тел. является передачей заявления Братиану.

[2] См. № 151.

Marmarosch sont une raison de plus pour hâter notre accord sur nos revendications dans le Banat, où nous considérons essentiel d'obtenir les frontières de la Theiss et du Danube. Afin de faciliter cet accord nous avons déjà envisagé [1] la possibilité de recéder Dobritch et Baltchik, de reduire au strict minimum exigé par la police, les garnisons dans la région qui peut intéresser la défense de la capitale serbe de même que nous sommes prêts à renoncer à établir dans ce territoire des travaux militaires. Si l'on pense à Pétrograd que les serbes le désirent, nous accorderons des conditions favorables pour faciliter le rachat des terres aux Serbes du Banat. La ferme conviction que j'ai d'une proche entente rend plus importantes que jamais les conditions militaires qui devront être examinées dans la convention militaire, mais ce qui se passe relativement aux fournitures de notre armée tant en France qu'en Italie, contrairement aux stipulations précises des contrats existants, présente une telle gravité que cela m'impose le devoir impérieux d'insister sur la nécessité d'établir dès maintenant, que l'on nous livre sans retard sur le territoire roumain toutes les fournitures militaires, dont les termes contractuels sont expirés, dans les délais précis correspondant à la durée stricte des transports [2].

Poklevsky.

Перевод.

№ 2.

Я был счастлив узнать, что императорское правительство склонно признать будущей границей между Россией и Румынией Прут на всем его течении. Если, как я надеюсь, соглашение состоится по другим пунктам, то Румыния уменьшит

---

[1] См. № 99.

[2] 26/13 июня за № 3031 Нератов телеграфировал Сазонову в ставку, что «по поводу выраженного Братиану желания, чтобы Франция и Италия доставили Румынии часть боевых припасов еще до ее выступления, мы, очевидно ответить не можем, не сговорившись предварительно с французским и итальянским правительствами. По личному мнению Палеолога, Франция едва ли согласится исполнить это желание Братиану, а Италия уже предупредила Румынию, что доставит заказанные предметы лишь после выступления последней». В Бухарест Сазонов телеграфировал 30/17 июня за № 3101, что он «должен осведомиться об отношении Франции и Италии к новому требованию касательно военных заказов, прежде чем высказаться по поводу полученного [Поклевским] ответа Братиану».

24/11 июня за № 3003, Сазонов в ответ на запрос рум. воен. ведомства «разрешить покупку в России лошадей, а также выпустить задержанные в Унгени 42 вагона с автомобильными шинами», по просьбе Янушкевича, предписал Поклевскому «указать румынскому правительству, что все будет предоставлено Румынии, как только будет подписана политическая конвенция и прекратятся беспрерывные послабления провозу... грузов в Турцию и Германию».

свои притязания в Мармароше до тальвега Тиссы, начиная с ее истоков. Для сглажения острия Галицийского клина в будущей Румынии надеюсь, что Россия согласится на то, чтобы образующая это острие горная местность, лишенная почти всякого населения, досталась Румынии. Я полагаю, что важные уступки в Мармароше являются новым основанием для ускорения соглашения о наших пожеланиях в Банате, где мы признаем существенным получить границы Тиссы и Дуная. Для облегчения этого соглашения мы уже допускали возможность вернуть Добрич и Балчик, довести до крайнего минимума численность требуемых полицейскими соображениями гарнизонов в районе, который может иметь значение для защиты сербской столицы, а равно готовы отказаться от возведения укреплений в этом районе. Если в Петрограде думают, что этого желают сербы, то мы предоставим выгодные условия для выкупа земельных участков у сербов в Банате. Твердая уверенность, которую я имею в близости соглашения, делает более важным, чем когда бы то ни было, военные условия, каковые должны быть определены в будущей военной конвенции, но то, что происходит с поставками для нашей армии как во Франции, так и в Италии, вопреки точным условиям заключенных контрактов, столь серьезно, что это налагает на меня настоятельный долг указать на необходимость теперь же оговорить, что нам должны быть безотлагательно доставлены на румынскую территорию все военные заказы, сроки которых истекли в определенный промежуток времени, точно соответствующий сроку, требуемому для их перевозки.

Поклевский.

№ 186. Министр иностранных дел посланнику в Пекине Крупенскому.

Телеграмма № 3026. 26/13 июня 1915 г.

Письмо № 106 [1] получено.

Текст нот не был предварительно сообщен, но в устных объяснениях японцы указывали, что простое присоединение их к англо-русскому соглашению не соответствовало бы тому особому положению в деле признания наших административных прав в полосе отчуждения, которое они заняли ранее всех других, подчинившись без оговорок введенному нами порядку.

Такая постановка не казалась нам неприемлемой, и проект нот исходит из этой общей мысли, но редакция его нуждается в исправлениях.

---

[1] Письмом 18/5 мая за № 106 Крупенский отчитывался в возложенном на него поручении обменяться нотами со своими коллегами о присоединении их правительств к англо-русскому соглашению относительно положения великобр. подданных в полосе отчуждения К. В. ж. д. (см. т. VI, № 597). К этому соглашению присоединились Нидерланды 25 сент. 1915 г., Бельгия 19 дек. 1915 г., Дания 20 марта 1916 г., Италия 23 мая 1916 г. и Япония 10 марта (н. ст.) 1917 г. (См. Mac-Murray, II, pp. 1184—1185). В том же письме (№ 106) Крупенский препровождал япон. проект подлежащих обмену нот, врученных ему япон. посланником Хиоки, «текст которых по его [Хиоки] словам, якобы, был уже сообщен г. Мотоно императорскому правительству и одобрен им».

Едва ли есть надобность предпосылать существу соглашения выражение уверенности в невозможности каких-либо разногласий по данному вопросу между Россией и Японией.

Нежелательно упоминание о поддержке со стороны Японии нашему положению в этом деле и о том, что Япония и ее подданные будут «по полному праву» пользоваться всеми преимуществами.

Наконец, следовало бы указать, что, получая все выгоды и преимущества, вытекающие из англо-русского соглашения, Япония в то же время принимает на себя и все соответствующие обязательства.

Благоволите предложить Хиоки совместно переработать проект в соответствующем смысле и о последующем телеграфировать [1].

[Сазонов]

№ 187. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3031 [2]. 26/13 июня 1915 г.

Британское правительство считает, что поведение шведских офицеров изменилось к лучшему, что они теперь выказывают готовность подчиниться указаниям персидского правительства и способны противодействовать агитации немцев; в случае же их ухода вся жандармерия окажется в руках персидских офицеров, поголовно германофилов [3]. Поэтому лондонский кабинет предпочитает мириться с их присутствием в Персии на время войны и даже готов предоставить Персии известную сумму для содержания жандармерии. Британскому посланнику в Стокгольме поручено сообщить об этом шведскому министру иностранных дел, но предварительно лондонский кабинет желает осведомиться о нашем взгляде на дело [4].

С своей стороны полагаем, что соображения британского правительства не лишены основательности. Что же касается нас, то шведы дей-

---

[1] 25/12 июля тел. за № 402 Крупенский сообщал, что, по получении публикуемой тел., он «объяснился в предписанном смысле с японским посланником и, по его просьбе, указал ему на возможные переделки редакции предложенных им нот соответственно желанию императорского правительства. Не сделав с своей стороны никаких замечаний, — заканчивал свою тел. Крупенский, — Хиоки сказал лишь, что запросит по этому предмету инструкций из Токио». В Арх. Вн. Пол., в деле Кит. ст. 990, хранятся «Проекты харбинских нот, переданные секретарем японского посольства Г. А. Козакову».

[2] Лит. копия.

[3] См. т. VII, № 611.

[4] Приведенные выше соображения по вопросу о швед. жандармерии излагались великобр. пос-вом в Петрограде в пам. записке от 24/11 июня 1915 г. за № 78.

ствуют по преимуществу на юге, в нашу сферу мы их по возможности не пускаем, следовательно, они особенно нам не мешают, а если нужно будет от них отделаться, то после войны это нетрудно будет сделать. Поэтому мы считали бы возможным согласиться на английское предложение.

Не откажите телеграфировать ваше заключение [1].

Нератов.

№ 188. Поденная запись министерства иностранных дел [2].

26/13 июня 1915 г.

За отсутствием министра французский посол посетил барона Шиллинга, у которого встретился с итальянским послом. Оба посла, ознакомившись с содержанием данного русскому посланнику в Бухаресте ответа Братиану, высказали сомнение, чтобы их правительства согласились доставить боевые припасы в Румынию еще до выступления последней.

Ввиду новых сетований итальянского посла на бездействие сербского войска, барон Шиллинг не скрыл от маркиза Карлотти, что, по мнению нашего поверенного в делах в Нише, одной из главных причин усвоенного ныне Сербией образа действий является растущее недоверие последней к намерениям Италии. Французский посол присоединился к барону Шиллингу, чтобы указать итальянскому послу на желательность осведомить сербов о том, чего они могут ожидать от держав на основании заключенного с Италией соглашения относительно Адриатического побережья, а также разъяснить ей судьбу албанских земель, согласно тому же договору с Италией.

Английский посол передал барону Шиллингу памятную записку с новым предложением великобританского правительства касательно ответа держав Болгарии [3].

---

[1] 29/16 июня тел. за № 354 Эттер отвечал: «Не считая возможным доверять шведским офицерам, я однако согласен с соображениями Марлинга о несвоевременности их удаления, тем более, что подобное требование встретило бы ныне непреодолимое сопротивление со стороны части общественного мнения меджлиса». В пам. записке м-ва ин. дел (от 3 июля/20 июня), являвшейся ответом на англ. пам. записку от 24/11 июня (см. стр. 229, прим. 4), сообщалось великобр. пос-ву, что росс. прав-во по вопросу об отъезде швед. офицеров присоединяется к мнению лондонского кабинета. Кроме того, в тот же день тел. за № 3181 Сазонов извещал Эттера о согласии росс. прав-ва на то, чтобы англ. посланник в Стокгольме заявил швед. м-ру ин. дел о желательности оставления в Персии швед. офицеров.

[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 22.

[3] См. № 180.

№ 189. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 390. 26/13 июня 1915 г.

За последнее время французские правительственные и военные круги озабочены известиями о неблагоприятном по отношению к Франции настроении русского общественного мнения, обвиняющего французскую армию в бездействии в минуту, когда энергичное ее наступление могло бы облегчить тяжелое положение наших сил в Галиции. Настроение это, несмотря на военную цензуру, проявляется в нашей печати. В недавних погромах в Москве [1] здесь также склонны видеть враждебное настроение русского народа не только к немцам, но и вообще к иностранцам, не исключая французов. Здесь не могут не сознавать однако, что ответственность за сложившееся в России представление о бездействии французской армии падает главным образом на самих французов. С самого начала войны французское правительство, стеснившее до крайности свою печать, придало своим официальным бюллетеням крайне сдержанную форму. Вашему высокопревосходительству, конечно, известно из сведений, сообщаемых нашим военным агентом, что начавшаяся около 9 мая наступательная операция французской армии не прекращается. Между тем, как официальные сообщения, так и печать скрывают не только французские потери, доходящие в сражении у Арраса до 100 000 ч., но и количество имевшихся в деле войск. Так как, с другой стороны, до сих пор предпринятая наступательная операция не достигла, несмотря на крайнее напряжение боя, решительных результатов, весьма естественно, что в России не отдают себе отчета в истинных размерах этой операции. Наш военный агент имел по настоящему предмету серьезные беседы с начальником французского генерального штаба, и в результате было решено, в виде первой меры, организовать поездку на фронт группы корреспондентов русских газет, которым будет дана возможность лично ознакомиться с происходящими военными действиями. Группа эта, состоящая из 9 лиц, уже выехала на фронт, и граф Игнатьев лично организовал ее поездку. Кроме того, граф Игнатьев признавал бы полезным командирование во Францию хотя бы на самый короткий срок трех или четырех русских офицеров, лучше всего из числа доверенных лиц верховного главнокомандующего и других наших высших начальников. Офицеры эти, восприняв непосредственно впечатления на здешнем фронте, будут содействовать более правильный оценке у нас действий французской армии. О сообра-

---

[1] См. т. VI, № 1.

жениях этих граф Игнатьев [доложит] своему начальству[1]. Признавая их вполне правильными, позволяю себе, со своей стороны, просить вас поддержать их перед компетентной властью, дабы по возможности предотвратить назревающие недоразумения как между обеими союзными армиями, так и между общественными кругами России и Франции.

Извольский.

№ 190. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 354. 26/13 июня 1915 г.

Итальянский посланник получил известия о будто бы состоявшемся болгарско-турецком соглашении. Спрошенный мной сегодня Радославов не только отрицал, но снова говорил о несговорчивости турок, увеличившейся с падением Львова. Указывая на ненормальность железнодорожного вопроса, он сказал, что пролегающий ныне по турецкой территории участок должен быть болгарским, что он откровенно сказал туркам, что в случае неудовлетворительности переговоров Болгария должна будет прибегнуть к силе и что об этом знают не только в Константинополе, но и в Берлине, откуда ему было дано знать, что в последнем случае болгары встретят немцев. Считая, что повод для нападения на Турцию для нас безразличен, я очень подбивал Радославова не смущаться перед немецкой угрозой и взять дорогу силой. Он сказал, что этим, должно быть, и кончится, но что пока он посылает в Константинополь полковника Жекова для возможных технических переговоров о разграничении[2].

Савинский.

---

[1] Тел. Игнатьева Данилову от 26/13 июня исчерпывается полностью публикуемой тел. Извольского.

[2] Тел. от 22/9 июня за № 201 Гирс сообщал Сазонову со слов Соннино, что, по имеющимся у последнего сведениям, прибывший в Софию болг. посланник в Константинополе утверждает, что «до сих пор переговоров между Болгарией и Турцией нет, но что по возвращении его в Константинополь они, будто, начнутся, так как Австрии удалось убедить Турцию уступить Болгарии часть своей территории». Соннино «высказал предположение, что слухи о переговорах с Турцией распространяются болгарами с целью повлиять на державы Согласия». В Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 4399, имеется «Копия радио Будапешт из Софии, принятого станцией Севастополь 26/13 июня 1915 г.: «Переговоры Болгарии с Турцией о границе начинаются сегодня в Константинополе»... См. ч. II, стр. 282, прим. 1.

№ 191. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 355. **26/13 июня 1915 г.**

Секретно. Лично.

В самый трудный для себя момент немцы не унывали и убеждали болгарское правительство, что отберут у нас Перемышль и Львов. Теперь они говорят о полном закреплении за ними Галиции, после чего, мол, последует очередь Варшавы, изолирование нашей армии и конец войны. Эти речи австро-немецких дипломатов, подкрепляемые статьями немецких газет, производят впечатление, с которым усиленно борюсь. Враждебные нам члены кабинета передают их публикс, среди которой повышаются шансы немцев и создается нежелательная нам атмосфера. Эта атмосфера усиливается проникающими сюда слухами о несговорчивости сербов, проявляющих к нам даже некоторую враждебность за данные болгарам обещания в Македонии. Последняя нота сербов [1] произвела здесь большее впечатление, чем уступка Перемышля и Львова. Если Пашич и сербы не нашли в себе достаточно порядочности и здравого смысла, чтобы предоставить нам свою дальнейшую судьбу, и до сих пор, несмотря на наступившее лето и готовность своей армии и прекращения эпидемии, не выступают против Австрии, [то] возникает невольно вопрос, имеем ли мы право жертвовать на этот раз уже собственными интересами, воздерживаясь от таких предложений болгарам, которые обеспечили бы действительно необходимое нам их выступление. Может быть, было бы своевременным с этой целью прибегнуть в Сербии к сильным мерам воздействия и путем чрезвычайной миссии или письма к королю или королевичу объяснить сербам всю недостойность и дальнейшую недопустимость их поведения. Если бы, щадя сербское самолюбие, мы не постеснялись сделать наши нынешние предложения болгарам в начале войны, то, вероятно, болгары были бы давно нашими союзниками. Поведение Сербии вселяет теперь здесь полное недоверие к будущему, так как даже лучшие болгары спрашивают себя, как и чем державы заставят сербов по окончании войны фактически уступить то, на уступку чего они теперь не соглашаются даже в принципе. По всей вероятности, без особых мер воздействия неуступчивость Сербии не изменится, а ход событий может потребовать от нас новых уступок Болгарии, которые практичнее было бы сделать своевременно, дабы их не обесценивать и на этот раз. Не лучше ли поэтому теперь же предупредить сербов, что их несговорчивость вынудит нас согласиться на немед-

---

[1] См. № 95.

ленную оккупацию болгарами Македонии или, по крайней мере, на ее оккупацию тотчас же после взятия Константинополя. Если бы в то время сербские войска фактически сражались против Австрии или были бы еще нужны на этом фронте, ввиду того, что они были бы здесь союзные с болгарскими, можно было бы обязать болгар не отозвать из их состава уроженцев Македонии. Я позволил себе высказать эти мысли, так как вижу, что выступление Болгарии может действительно оказать нам существенную услугу. Достигнуть желаемого этого выступления без политических уступок, и именно на македонской почве, немыслимо. Находящийся здесь Грубе [1] тоже вынес впечатление, что его мысль может иметь успех только при вышеозначенном условии. Главным фактором продолжаю считать короля лично, пожелания которого следовало бы также принять во внимание, например, уступку столь желаемого им острова Самофракии или даже Родосто. Здешний сербский посланник, уезжающий на-днях в Ниш, зашел ко мне осведомиться о положении. Я ему высказал, что несговорчивость его правительства производит самое тягостное впечатление и не может быть полезна Сербии. Сегодня Радославов мне сказал, что дальнейшее поведение Болгарии будет зависеть от ожидаемого им ответа держав.

Савинский.

№ 192. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 355. **26/13 июня 1915 г.**

Срочная.

Лично. Весьма доверительно.

Продолжение телеграммы № 353 [2].

№ 1.

В телеграмме № 2 [3] передается официальный ответ Братиану, записанный мною с его слов, на наше предложение, переданное ему [23]10

---

[1] См. № 224. Тел. от 30/17 июня за № 367 Савинский сообщал, что «Грубе уехал вчера вечером для подробного доклада дела вам и министру финансов. Между ним и мной установился вполне согласный взгляд на все вопросы. В случае вашего одобрения он предполагал бы вернуться сюда через несколько дней».

[2] В тел. от 23/10 июня за № 353 Поклевским сообщалось, что, упомянув в беседе о переговорах по поводу воен. конвенции, Братиану «выразил полную готовность вслед за заключением политического соглашения послать в ставку для переговоров одного из старших офицеров румынского генерального штаба». Однако, по мнению Братиану, приезд в Бухарест русского офицера из ставки дал бы возможность выиграть время, позволив рум. ген. штабу немедленно приступить к переработке своего плана воен. действий.

[3] См. № 185.

июня[1]. В этот ответ Братиану включает два новых условия, что, конечно, позволяет нам заподозрить его искренность и счесть это за желание затянуть переговоры. — Первое из этих условий является, по словам Братиану, последствием делаемой им в Мармароше уступки, которая создает в соседстве с самою южной оконечностью Галиции границу неправильной формы, которую он желал бы выравнять путем предоставления нами Румынии этой (области).

Однако на мое весьма суровое замечание относительно недопустимости ввода в нынешнюю стадию переговоров новых условий Братиану дал понять, что он на этом вопросе особенно настаивать не будет.— Вместе с тем он продолжает настаивать на втором условии, а именно на доставке в определенные сроки до выступления Румынии сделанных ею во Франции и Италии военных заказов, срок поставки коих уже истек. Братиану пояснил мне, что эти заказы должны были давно прибыть в Румынию, но что французское и итальянское правительства, желая оказать давление на румынское правительство, задержали их у себя и продолжают и далее чинить в этом вопросе затруднения [2], как, будто бы, выяснилось из обмена телеграмм между Бухарестом, Парижем и Римом уже от [18] 5 июня, т. е. после того, как мною была отправлена телеграмма № 340 [3], в коей Братиану удовлетворялся обещанием возможного содействия союзных держав в деле поставки и доставки в Румынию военных припасов. Из слов Братиану совершенно ясно, что если бы Румыния и приняла на себя обязательство выступить в 5-недельный срок, то она считала бы себя в праве затянуть выступление, если бы к назначенному для него дню не прибыли еще вышеупомянутые заказы, без которых, по его мнению, Румыния не может начать войны. Мне кажется, что по выяснении с французским и итальянским правительствами вопроса о том, в какой срок, по назначении румынами дня для их выступления, эти правительства могли бы доставить старые румынские заказы в Салоники, нам следовало бы также удостовериться в Афинах и Нише, сколько времени потребуется на провоз этих заказов от Салоник до Прахова, а также заручиться обещанием полного содействия греческого и сербского правительств в этом (деле). — Если сообщение нами результата этих шагов удовлетворит Братиану, то это будет служить указанием на возможность продолжения переговоров о политическом соглашении с Румынией. Если же, наоборот, он будет настаивать на условиях, которые окажутся практически невыполни-

[1] См. № 170.
[2] См. № 185 и прим. 4.
[3] См. № 133.

мыми, то придется притти к заключению, что, скрывая впечатление, которое на него производят события в Галиции, Братиану ищет других предлогов, чтобы затянуть выступление Румынии.

Поклевский.

№ 193. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

27/14 июня 1915 г.

Бельгийский посланник сообщил товарищу министра Нератову, что его правительство обеспокоено слухами о намерении Франции по окончании войны присоединить к себе Люксембургское герцогство. Хотя президент республики г. Пуанкаре сказал однажды бельгийскому посланнику в Париже, что он признает давнишние права Бельгии на это герцогство, оторванное от нее в 1839 г., тем не менее во многих влиятельных французских кругах, повидимому, поддерживается мысль о присоединении Люксембурга к Франции. Бельгийское правительство надеется, что, когда настанет время для обсуждения этого вопроса, оно найдет в России поддержку своим домогательствам.

№ 194. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 393 [2]. 27/14 июня 1915 г.

Секретно.

Я нашел сегодня Делькассе крайне удрученным последними известиями из Бухареста, по которым Братиану продолжает ставить выступление Румынии, и то лишь в 5-недельный срок, в зависимость от удовлетворения в полном объеме ее территориальных претензий на Буковину и на Банат. Делькассе еще не знает, как к этому относятся в Лондоне, и в особенности в Петрограде. Что касается до него, то если бы Россия и Англия согласились на румынские требования, он со своей стороны не имел бы против них возражений. Но, присовокупил он, необходимо принять во внимание чувства горечи и разочарования, вызванные в Сербии решением союзников относительно Македонии и в особенности тем, что ей даже не было сообщено с точностью о предназначенных ей компенсациях. По мнению Делькассе, если союзники, дабы заручиться военной помощью Румынии, согласятся на ее требования, следовало бы поставить Сербию в известность о том, что она

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 23.
[2] Опубл. Ц. Р., стр. 195, № 92.

не только получит Боснию, Герцеговину и такую-то часть Далматинского побережья, но также, что союзники не будут возражать против того, чтобы сербы осуществили мысль о Великой Сербии посредством слияния Хорватии с Сербским королевством. Если указанным путем удастся заручиться выступлением Румынии, а за нею, вероятно, и Болгарии, то вслед за сим необходимо тщательно согласовать планы военных действий всех союзников, дабы в полной мере использовать их численное превосходство и заставить противников разделить свои силы. Продолжение следует [1].

Извольский.

№ 195. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 349. 27/14 июня 1915 г.

Разрешение министерского кризиса отложено на несколько дней. Вместе с Марлингом имел сегодня утром продолжительное совещание с Эйн-эд-Доуле, который, как оказывается, не утратил поддержки большинства в меджлисе. Силимся убедить его остаться у власти при непременном однако условии оставления в составе кабинета и принца Ферман-Ферма, против которого направлены все нападки демократов. Английский посланник считал, что пожертвовать Ферман-Ферма было бы равносильно проявлению нами явной уступки демократам, немцам и туркам. Я согласен с его мнением. Удаление руссофильского министра, даже и помимо этих соображений, представляется для нас недопустимым. Обсуждаем вопрос о проведении в крайнем случае Ферман-Ферма в первые министры. Со своей стороны считаю этот план трудно исполнимым. Наиболее желательным было бы предоставление всецело шаху сформирования нового министерства, хотя нельзя упускать из виду, что невмешательство в вопрос миссий могло бы привести к образованию враждебного нам кабинета. С другой стороны, опасаюсь, в случае нашего вмешательства, репрессий со стороны демократов в Исфагани и провинциях вообще [2]. Эйн-эд-Доуле назначил Евреинову частное свидание на завтра.

Эттер.

[1] См. № 203.

[2] 29/16 июня в донесении за № 1023 вице-консул в Казвине Бравин сообщал в III политический отдел, что войсковой старшина Говорущенко на совещании командиров отдельных частей Казвинского отряда решил 28/15 июня привести весь отряд в полную боевую готовность и «выступить по первому требованию в Тегеран»; приехавший 28/15-го нач. Казвинского отряда войсковой старшина Беломестнов такое решение отменил, пояснив, что участие Казвинского отряда в ликвидации осложнений для разрешения министерского кризиса могло бы потребоваться лишь в самом крайнем случае, который в данный момент миновал.

№ 196. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3059. 28/15 июня 1915 г.

Копия в Лондон.

Телеграмма № 349 [1] получена.

Вполне разделяем мнение ваше и Марлинга по вопросу об уходе Ферман-Ферма: жертвовать им, конечно, нельзя.

Предоставление бесконтрольно шаху формирования нового министерства, без сомнения, поведет к составлению кабинета, враждебного нам и Англии. Так как присутствие в Тегеране правительства из людей, на которых можно более или менее рассчитывать, представляет собой наш единственный шанс на сохранение сносного порядка в стране, нам нельзя принимать в соображение возможность репрессалий со стороны демократов в Исфагани или в других местах, так как они всетаки менее опасны нам, чем возможная смута в Персии. Поэтому в случае кабинетного кризиса необходимо продолжать влиять на шаха, чтобы не допустить образования германофильского правительства. Пока же следует настойчиво поддерживать Эйн-эд-Доуле.

Сазонов.

№ 197. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 211. 28/15 июня 1915 г.

Здесь за последние дни замечается усиливающееся разочарование в вопросе о выступлении балканских государств, и, по словам Соннино, Иованович заявил итальянскому посланнику в Нише, что Сербия ожидает нападения австрийской армии и потому готовится к обороне, а не к наступлению вне пределов королевства. Австрийские войска очистили, будто бы, черногорскую границу, и австрийский консул в Скутари убеждал, будто бы, местных жителей миролюбиво принять черногорцев. Греция раздувает, будто бы, албанский вопрос, чтобы отвлечь внимание греческого общественного мнения от внутренней политики и от возможных приобретений в Турции. Болгария ведет, будто бы, двойную игру и двойные переговоры. Такое разочарование отзывается, повидимому, и на настроении итальянских военных сфер, и Кадорна, по доверительным словам Соннино, быть может, и преувеличивает опасность ближайшего нападения на Италию всей австрийской армии.

Гирс.

[1] См. № 195.

№ 198. Вице-консул в Скутари министру иностранных дел.

Телеграмма [1]. 28/15 июня 1915 г.

Секретно.

Телеграфирую в Цетинье. Сообщается в Ниш.

По доверительным сведениям, австрийский консул стремился всячески убедить здешних католиков в желательности скорейшего вступления в Скутари черногорцев [2], навстречу коим вышли, между прочим, ордена иезуитов и францисканцев. Архиепископ сделал визит Вешовичу. Мартинович, известивший о непосредственно предстоящем вступлении войск консульства, кроме русского, уведомил о том же и австрийского консула, продолжающего жить у себя [3].

Ферхмин.

№ 199. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 136. 28/15 июня 1915 г.

Срочно.

Копии в Париж, Лондон, Рим и Ниш.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 135 [4].

Независимо от создавшейся вследствие запоздания французских инструкций благоприятной для черногорцев обстановки с устранением

[1] Номер отсутствует.

[2] Потапов телеграфировал в отдел ген.-квартирмейстера 10 июня/28 мая (копия без номера) о том, что, по заявлению черног. короля представителю серб. верх. командования, «его правительство настаивает на немедленном занятии Скутари: в противном случае вмешательство великих держав может помешать осуществлению этого предприятия» (черног. отряд, под командой ген. Вешовича, вступил в Скутари 27/14 июня).

[3] О предстоящем занятии черног. войсками «важных стратегических пунктов» на р. Бояне и вдоль границы с целью «прекратить анархию» черног. м-р ин. дел уведомил росс. миссию в Цетинье пространной пам. запиской от 25/12 июня, заканчивавшейся заявлением, что черног. прав-во не преследует завоевательных целей, что оно руководствуется при оккупации теми же мотивами, которые побудили некоторые европейские прав-ва оккупировать некоторые области автономной Албании, что оно, как и эти прав-ва, подчинится воле великих держав, и что оно «счастливо сообщить великим державам, что его войска, вступающие в Албанию, встречаются, как освободители, большей частью местного населения, утомленного царствовавшей там анархией».

[4] 26/13 июня за № 135 Обнорский передавал сообщение Пламенаца о предстоящем на следующий день вступлении черног. войск в Скутари и уведомлял о том, что франц. посланник «получил, наконец, свои инструкции», запоздание которых создало для черног. оккупации довольно благоприятную обстановку, «тогда как английский и итальянский посланники займут в переговорах с Черно-

возражений военного характера со стороны союзников, — возражений, составляющих в сущности основной и едва ли не единственный трудно преодолимый аргумент наших протестов, — эти протесты утратят, по крайней мере, для данного момента, большую часть своей силы с международно-правовой точки зрения. Во всяком случае можно предвидеть, что черногорское правительство может занять трудно в юридическом смысле уязвимое положение, дав нам письменное обязательство подчиниться впоследствии тому решению, которое будет выработано державами относительно судеб Албании и условий оставления или ухода итальянских, греческих, сербских и черногорских администраций с албанской территории. Посетившему меня сербскому посланнику я, в виде чисто академического личного мнения, высказал, что занятие черногорцами Скутари, пожалуй, не повредило бы интересам сербства и будущего постепенного слияния обоих братских государств при непременном условии оккупации занимаемых ныне частей Албании к югу от черногорской оккупационной зоны и по соседству с нею, что являлось бы своего рода заключением Черногории в сербскую скобку.

Обнорский.

№ 200. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 142. **28/15 июня 1915 г.**

Copies Paris, Londres et Rome.

Ce matin, lundi, nous nous sommes réunis chez le ministre des affaires étrangères pour faire la démarche conforme aux instructions de votre excellence données par le télégramme No 2826 [1]. Voici le texte de notre communiqué: «Les représentants des quatres Puissances alliés attirent d'un commun accord l'attention du gouvernement monténégrin sur le dommage qu'aurait à subir la cause commune dans le cas où des forces monténégrines seraient retirées du front de combat. Les gouvernements alliés sont fermement opposés à toute action effectuée en ce moment en Albanie. Ils donnent l'assurance que les consuls des Puissances alliées à Scutari d'Albanie useront de leur influence pour obtenir des autorités albanaises la liberté du trafic». Fin du texte. Le ministre des

---

горией об эвакуации занятых частей албанской территории достаточно непримиримое положение».

[1] Очевидно, ошибка. Тел. от 15/2 июня за № 2826 адресована в Лондон и передает тел. Эттера за № 311 (см. № 111). Имеется в виду тел. от 16/3 июня за № 2829 (см. № 121).

affaires étrangères nous a donné acte de notre démarche, a demandé le temps nécessaire pour nous répondre et a exprimé l'espérence que cette réponse serait de nature à satisfaire nos gouvernements respectifs [1].

Obnorsky.

Перевод.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Сегодня утром, в понедельник, мы собрались у министра иностранных дел, чтобы сделать представление, предписанное вашей инструкцией, переданной в телеграмме № 2826. Вот текст нашего сообщения: «Представители четырех союзных держав сообща обращают внимание черногорского правительства на ущерб, который был бы причинен общему делу снятием черногорских войск с боевого фронта. Союзные правительства определенным образом возражают против всякой операции в данное время в Албании. Они дают заверение в том, что консулы союзных держав в Скутари используют свое влияние в целях добиться от албанских властей свободы сообщений». Конец текста. Министр иностранных дел засвидетельствовал, что наше заявление принято им к сведению, просил предоставить ему нужное время для дачи ответа и выразил надежду, что этот ответ будет такого рода, что удовлетворит наши правительства.

Обнорский.

№ 201. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 687. 29/16 июня 1915 г.

Mr. Sazonow a pris connaissance de l'aide-mémoire de l'ambassade d'Angleterre en date du 25/12 juin No 80 [2] et partage entièrement les appréhensions du gouvernement de sa majesté britannique, au sujet de l'impression défavorable que pourraient produire en Grèce et en Serbie les précisions sollicitées par Mr. Radoslavoff. Il considère toutefois non moins dangereux de restreindre aujourd'hui les offres déjà faites à la Bulgarie par les quatre Puissances. En effet, si, au lieu de précisions attendues, le gouvernement bulgare recevait des déclarations encore plus générales que celles qui les avaient précédés, les membres du Cabinet actuel en profiteraient sûrement pour créer dans l'opinion publique

[1] Тел. от 30/17 июня за № 147 Обнорский передавал текст ответа черног. прав-ва на публикуемое сообщение четырех союзных держав. Черног. прав-во заявляло, что оно подчиняется «мудрому и дружественному» совету четырех союзных держав «не уводить черногорские войска с главного фронта» и обещало прекратить воен. операции в Албании, «если новые факты или новые причины, которых оно не может предвидеть, не вынудят его к продолжению их».

[2] См. № 180.

bulgare la méfiance à l'égard des Puissances de l'Entente. Dans ces circonstances un courant ouvertement hostile aux alliés serait à craindre. Ce[1] courant pourrait facilement aboutir à l'invasion de la Macédoine par les Bulgares.

D'autre part la coopération de la Grèce avec les quatre Puissances parait douteuse à Mr. Sazonow. Durant les diverses phases qu'a traversée la guerre actuelle, le gouvernement hellénique a eu recours à tous les prétextes possibles pour éluder la nécessité de porter secours à ses alliés serbes.

Il est donc peu probable que la Grèce, meme de concert avec la Serbie, attaque la première la Bulgarie. Dans un cas pareil les flottes alliés réussiraient avec peu d'effort d'arrêter le mouvement.

Pas plus qu'elle, la Serbie ne pourrait se lancer dans une pareille aventure avant d'avoir fait la paix avec l'Autriche-Hongrie. Et cette part ne pourrait lui assurer les mêmes avantages auquels elle est en droit de s'attendre de la part des alliés.

Mr. Sazonow serait par conséquence de l'avis de ne pas informer le gouvernement hellénique de ce qui aura été fait à Sofia. Ceci d'autant plus que d'après les informations reçues d'Athènes, Mr. Gounaris se proposerait de publier sa note de protestation en date du 31/18 mai[2], si les Puissances se décidaient à exercer une action sur la Grèce. Dans ces conditions une démarche, eut elle pour but de calmer les appréhensions du Cabinet hellénique actuel, sera après utilisèe par celui-ci pour les besoins de sa politique intérieure, c'est à dire dans le sens d'une non intervention dans le conflit présent.

Перевод.

Г. Сазонов, ознакомившись с памятной запиской английского посольства от 25/12 июня с. г. № 80, вполне разделяет опасения правительства его британского величества касательно неблагоприятного впечатления, которое могли бы произвести в Греции и Сербии уточнения, просимые г. Радославовым. Он считает однако не менее опасным сузить теперь предложения, уже сделанные четырьмя державами Болгарии. Действительно, если вместо ожидаемых уточнений болгарское правительство получило бы предложения, носящие еще более общий характер, чем предыдущие, то члены нынешнего болгарского кабинета наверно этим воспользовались бы, чтобы вызвать среди болгарских общественных кругов недоверие к державам Антанты. При этих обстоятельствах можно было бы опасаться возникновения явно враждебного настроения в отношении союзников. Это могло бы легко привести к вторжению болгар в Македонию.

С другой стороны, сотрудничество Греции с четырьмя державами представ-

[1] В оригинале: «Le».
[2] См. № 42.

ляется г. Сазонову сомнительным. В продолжение разных фазисов нынешней войны эллинское правительство прибегало к всевозможным предлогам, дабы избегнуть необходимости притти на помощь союзным сербам.

Таким образом, мало вероятно, чтобы Греция, даже совместно с Сербией первой напала на Болгарию. В подобном случае союзным флотам удалось бы с небольшой затратой энергии остановить движение.

Не более, чем Греция, могла бы пуститься на подобную авантюру Сербия до заключения мира с Австро-Венгрией. А это не могло бы обеспечить ей тех преимуществ, которые она в праве ожидать от союзников.

Поэтому г. Сазонов стоял бы за то, чтобы не осведомлять эллинское правительство о том, что будет сделано в Софии. Тем более, что по сведениям из Афин. г. Гунарис предполагает опубликовать свою ноту протеста 31/18 мая, если державы решились бы оказать на Грецию давление. В этих условиях шаг, предпринятый с целью успокоения нынешнего эллинского кабинета, будет впоследствии использован последним для целей внутренней политики, т. е. в смысле уклонения от вмешательства в нынешний конфликт.

№ 202. Министр иностранных дел посланнику в Пекине.

Телеграмма № 3078. 29/16 июня 1915 г.

Телеграмма 351[1] получена.

Попытка китайского правительства произвольно расширить права, предоставленные ему только-что заключенным договором, настолько серьезна и по существу и как симптом дальнейших его намерений, что мы никак не можем удовольствоваться его устными и довольно неопределенными извинениями.

Чтобы считать инцидент исчерпанным, после чего только возможно будет нормальное применение тройного договора, мы желали бы получить от китайцев письменное разъяснение, — редакция которого должна быть предварительно нами одобрена, — в том смысле, что, публикуя свой приказ, правительство имело лишь в виду предписать своему резиденту и его помощникам, при сношениях с монгольскими должностными лицами, — признавать за ними принадлежащие им звания и титулы.

Для удовлетворения же монголов китайское правительство должно оставить без всяких возражений телеграмму совета министров, известную вам из телеграммы Хионина от [19] 6 июня[2].

---

[1] См. № 178.

[2] В тел. вице-консула в Урге Хионина от 19/6 июня сообщалось, что приказы президента были по телеграфу переданы монголам; в ответ на это монг. совет м-ров отправил тел., излагавшую ответ хутухты, благодарившего президента за возведение его, «согласно китайско-русско-монгольскому соглашению», в это звание, а также за дарование «амнистии всем присоединившимся к Внеш-

Что касается отправки специальных посланцов, то вопрос этот вообще может быть обсуждаем лишь после улажения вопроса о титулах; во всяком случае требуется предварительное согласие монгольского правительства и установление заранее всех подробностей этикета и церемониала.

Сазонов.

№ 203. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 394 [1]. **29/16 июня 1915 г.**

Секретно. Лично.

Продолжение моего № 393 [2].

Хотя в разговоре со мною Делькассе тщательно воздерж[ив]ался от какой бы то ни было критики по нашему адресу или попытки повлиять на наше решение, я не мог не заметить, что затяжка наших переговоров с Румынией возбуждает в нем крайне, беспокойство. Оборот, принятый военными событиями как в Галиции, так и на здешнем театре, вызывает здесь весьма нервное настроение. Начавшееся больше месяца тому назад наступательное движение французской армии, несмотря на упорный характер борьбы и на громадные потери, до сих пор увенчалось лишь частичными успехами, и здесь начинают сомневаться в возможности путем фронтальной атаки пробить германские линии и отбросить неприятеля за пределы Франции. Возникает опасение второй зимней кампании в траншеях или переброски сюда с восточного фронта крупных германских сил и массового наступления на Кале или на Париж. Спасения здесь продолжают ожидать от флангового движения Италии и Румынии, выступлению коих поэтому придается чрезвычайное значение. В правительственных кругах до сих пор не проявляется малодушия или усталости, но в общественном настроении уже наблюдаются некоторые тревожные симптомы, с которыми необходимо считаться. Вторая зимняя кампания в траншеях или неприятельское вторжение могут вызвать здесь припадок отчаяния и внутренние волнения. Хотя Делькассе и его товарищи открыто этого не высказывают, для меня ясно, что они разделяют мнение парламентских кругов, что при нынешних обстоятельствах военные соображения

ней Монголии внутренним монголам». Вместе с тем хутухта указывал, что он с утверждением ханов, ванов и пр. «в прежнем их звании и намерением пожаловать достойных из них следующими степенями» согласиться не может, «так как это не согласуется со статьей 5-й тройственного соглашения».

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 196, № 93.

[2] См. № 194.

должны иметь решительное значение и что поэтому содействие Румынии должно быть куплено какой бы то ни было ценой. На все вышеизложенное считаю своею обязанностью обратить серьезнейшее ваше внимание, ибо, в случае окончательного неуспеха переговоров с Румынией и возможного неблагоприятного оборота событий на здешнем театре, французское общественное мнение не преминет возложить на нас ответственность за таковой оборот.

Извольский.

№ 204. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 640. 29/16 июня 1915 г.

Копия в Цетинье.

Вследствие ослушания черногорцев и занятия ими Скутари Пашич решил отозвать генерала Янковича [1], предписав ему передать дело своему помощнику полковнику Пешичу. Генерал неоднократно просил об отставке ввиду постоянных интриг и стремлений черногорцев действовать за его спиной вопреки существующему с сербами соглашению. Пашич допускает возможность полного разрыва военной связи с черногорцами. По этому поводу я указал ему на крайнюю нежелательность подобной меры, которая лишила бы сербскую армию необходимой осведомленности о происходящем на ее левом фланге, не говоря об общем значении поддержания установленных отношений с союзником. Если мои увещания правильны, было бы полезно их подтвердить сербскому правительству от имени вашего высокопревосходительства. Сербский посланник в Цетинье сообщил сюда о слухе, будто бы черногорцы переговаривались с прибывшим специально для этой цели в Каттаро бывшим австрийским военным агентом Хубка относительно соглашения, по которому австрийцы разрешают черногорцам занятие Скутари, перестают метать бомбы на черногорскую территорию и обязуются не препятствовать провозу продовольствия в Черногорию. Взамен черногорцы прекращают активные военные действия против Австрии [2]. Узнав об этом от Иовановича, я спросил

---

[1] По этому вопросу серб. миссия в Петрограде вручила м-ру ин. дел краткое «сообщение» от 28/15 июня.

[2] 23/10 июня Потапов телеграфировал в отдел ген.-квартирмейстера за № 1402, что «среди осведомленных лиц сложилось убеждение, что таинственные переговоры... привели к заключению между Черногорией и Австрией какого-то почти мирного соглашения, развязавшего черногорцам руки для действия против Албании».

Пашича, насколько он считает эти сведения достоверными. Он ответил ... [1]. Штрандтман.

№ 205. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 641. 29/16 июня 1915 г.

Копия в Рим.

Занятие Скутари черногорцами беспокоит Пашича из-за возможной, по его мнению, попытки Италии расширить район оккупации в Албании. Есть признаки, дающие основание полагать, что ближайшим объектом итальянцы наметили Берат. Их агенты стараются привлечь на свою сторону этот город и побудить население просить итальянцев об оккупации. Эсад предупредил сербское правительство, что он будет защищать всеми силами албанскую территорию от произвольных посягательств и рассчитывает на сербскую помощь. Ответ ему еще не дан, и я серьезно обратил внимание Пашича на необходимость всячески сдерживать Эсада. Он обещал, сделав оговорку относительно Дураццо: в случае посягательства Италии на этот порт, имеющий первостепенное значение для Сербии, он Эсада сдерживать не будет и сочтет выступление Италии актом, направленным против сербских интересов, о чем впрочем он уже предупреждал итальянского посланника. Сербские войска в Албании остановились, и Пашич надеется, что державы умеряющим образом повлияют на Италию. Эсад, повидимому, хотел бы занять место князя Вида, но во всяком случае готов подчиниться воле держав после войны, пока же он намерен оберегать независимость Албании. Не представится ли возможным дать здесь успокоительные заверения относительно Италии? Штрандтман.

№ 206. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 248. 29/16 июня 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 2972 [2].

Заявления, сделанные товарищем военного министра в доверительном разговоре с Голеевским, в общем подтверждают то, что мне было

25/12 июня Потапов телеграфировал (в деле копия без номера) в отдел ген.-квартирмейстера, что после секретных переговоров с Хубкой, «королевич Данило уже неделю спокойно проживает в своей вилле на берегу Антиварской бухты, куда ни разу в течение войны он заглянуть не решался».

[1] Тел. от 1 июля/18 июня (без номера) Штрандтман повторил неразборчивый конец тел. № 640: «Он ответил, что это только слух».

[2] Ссылаясь на тел. воен. агента в Вашингтоне Голеевского, передающую его разговор с тов. воен. м-ра США, Сазонов в своей тел. от 22/9 июня за № 2972

сказано генералом Крозьером, о чем я донес телеграммою от 17/4 мая № 195 [1], и главная помощь, которая могла бы быть нам оказана в случае вступления США в войну с Германией, была бы взятие всех заводов в ведение правительства, которое предоставило бы всем союзникам большие облегчения как для военного материала, так и для уплаты за него. Что же касается специально трехсот пятидесяти тысяч старых винтовок, то, по словам Брекенриджа, они были бы переданы союзникам по номинальной цене, но нет никаких причин полагать, что именно нам было бы отдано предпочтение перед другими дружескими державами, имеющими те же интересы и ту же надобность в ружьях, и мне кажется, что всякая попытка опередить другого и перехватить эти винтовки у наших и американских союзников была бы не только неуспешной, но и поставила бы нас в трудно оправдываемое положение перед ними, и мы могли бы только рассчитывать на то, что винтовки будут правильно распределены между всеми. Впрочем мягкость последней американской ноты и значительное успокоение общественного мнения указывают на то, что разрыв не близок и что германскому правительству еще возможно его отвратить некоторыми новыми объяснениями, могущими ежели не удовлетворить правительство, то, по крайней мере, затянуть дело [2].

Бахметев.

предписал Бахметеву «в случае наступления обстоятельств, при которых можно было бы ожидать... помощи со стороны Соединенных Штатов... в области снабжения и финансов, безотлагательно возбудить вопрос об уступке нам предметов военного снабжения, в частности винтовок, дабы нас в этом отношении не опередили другие державы».

[1] В указанной в тексте тел. передавалось, что, по мнению нач. артиллерии ген. Крозьера, «в случае разрыва с Германией Северо-Американские Соединенные Штаты не ограничатся одними только мерами обороны, но могут активно выступить против врагов, послать отряды во Францию и Дарданеллы и эскадру в Средиземное море. Что касается опасения, что поставка военного материала для нас и наших союзников может сократиться, то он убежден, что производство здешних заводов удвоится и им будет возможно работать на всех, как на своих, так и на союзников, и что нам даже легче будет получать оружие, снаряды и прочее, чем прежде».

[2] Препровождая управляющему воен. м-вом Поливанову свою тел. за № 2972 и публикуемую тел. Бахметева, Сазонов писал, что «активное выступление Северо-Американских Соединенных Штатов против наших противников является весьма мало вероятным, дипломатический же разрыв» США с Германией «может произойти, и в этом случае... было бы, быть может, возможно получить от американского правительства помощь предметами снабжения».

207. Директор дипломатической канцелярии при ставке начальнику канцелярии министерства иностранных дел Шиллингу.

Телеграмма № 292. 29/16 июня 1915 г.

Ссылаюсь на ваше письмо № 519 [1].

Для опровержения нареканий на наши войска начальник штаба сообщил мне нижеследующее: никаких заложников из священников у нас нет. Могли быть арестованы уличенные в шпионаже униатские священники из мазепинцев, как был арестован Шептицкий, но это не заложники. Отношения католических священников к армии и vice versa самые лучшие, что может засвидетельствовать варшавский архиепископ. Что же касается «живой стены из евреев», то это — безусловный и самый злостный вымысел. Когда после шести месяцев войны с безусловной достоверностью выяснилось враждебное отношение евреев в Галиции, то решено было при наступлении выселять их вперед вслед за отступавшими австрийцами, но отнюдь и никогда впереди боевых порядков русской армии. Заложники из евреев брались только в известных случаях из числа евреев, находившихся в тылу армии, это было одной из мер ограждения от шпионства. Ниже следует подлинный текст приказа 19 февраля № 2381, на котором основывается гнусная клевета: «Еврейское население без различия пола, возраста в районе боевых действий надлежит выселять в сторону противника. Местности, занятые тыловыми частями армии, очищать от всех подозрительных и неблагонадежных; независимо от сего в последних местностях необходимо брать заложников из лиц, пользующихся влиянием» [2].

Кудашев.

---

[1] Очевидно, имеется в виду письмо за подписью Сазонова от 24/11 июня за № 519/о, в котором Кудашеву предлагалось доставить данные для опровержения за границей сообщенных Извольским в тел. от 23/10 июня за № 386 обвинений против русских войск. Обвинения эти высказаны были в интервью сотрудника газ. «Liberté» папою, заявившим, что «русская армия также брала заложников среди католических священников и что в одном случае она выставила вперед полторы тысячи евреев, чтобы двигаться за этой живой стеной против неприятельских пуль».

[2] Содержание публикуемого документа было передано Сазоновым Извольскому и Нелидову клером от 3 июля/20 июня за № 7303. Секретной тел. от того же числа за № 3188 им предоставлялось воспользоваться этим материалом, если впечатление от интервью «Liberté» не изгладилось, для опровержения в прессе. Нелидову предписывалось во всяком случае сообщить «эти официальные данные, хотя бы частным образом, кардиналу статс-секретарю».

№ 208. Директор дипломатической канцелярии при ставке поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 293 [1]. 29/16 июня 1915 г.

Для королевича Александра[2]. «Имея в виду возобновившееся в более решительной форме наступление итальянской армии, а также полученные сведения об уходе с сербского фронта на итальянский 16-го и части 15-го австрийских корпусов, равно как о возвращении на наш фронт части германских войск, отправленных к сербской границе, представлялось бы с общей точки зрения весьма желательным, чтобы и сербская армия в возможно скором времени осуществила наступление, начало которого первоначально было намечено [23]10 июня».

Генерал-адъютант Николай» [3].

Кудашев.

№ 209. Советник II политического отдела вице-консулу в Дедеагаче Гаджемукову.

Телеграмма № 3092. 30/17 июня 1915 г.

Срочная.

Сообщается в Софию.

Ваша телеграмма № 184 получена [4].

---

[1] Лит. копия.

[2] Далее следует передача тел. верх. главнокомандующего.

[3] См. стр. 212, прим. 2. 24/11 июня Артамонов телеграфировал, что «французский военный агент полагает, что так как запас людей в Сербии исчерпан, то Пашич желает сохранить в целости настоящую, последнюю сербскую армию, чтобы дать отпор претензиям соседей Сербии в дележе после войны. Очевидно, все эти соображения принимались во внимание, однако и материальные затруднения сербов весьма велики, особенно при неумении организовать...» Артамонов, не разделяя мнения «французского и английского агентов, что сербское наступление откладывалось намеренно», напоминал неоднократное заявление Пашича, что «наступление сербов будет только тогда своевременно и безопасно, когда русская армия с Карпат спустится в венгерскую равнину».

[4] Срочная тел. от 29/16 июня за № 184 Гаджемукова в м-во ин. дел: «Сообщается в Софию. Прошу разрешения принять без исключения все меры к уничтожению цеппелинов, если таковые окажутся на болгарской территории для Турции, при этом обещаю себя не компрометировать. Ответ прошу срочной телеграммой». Ссылаясь на эту телеграмму Гаджемукова, Савинский телеграфировал Сазонову: «Предполагаю разрешить, рекомендуя крайнюю осторожность. Прошу телеграфировать одновременно мне и Гаджемукову» (тел. № 66 от 30/17 июня). 30/17 июня Гаджемуков тел. за № 219 в Петроград и в Софию просил «сообщить военному агенту, что болгарская администрация, несомненно состоя на службе у турок, произвела аресты среди известной вам организации, а также окружила турецкими шпионами консульство, не имея никаких данных против меня. Та-

Вам разрешается принять все меры к уничтожению цеппелинов [1], тщательно избегая всего, что могло бы компрометировать вас.

Гулькевич.

№ 210. Министр иностранных дел послам в Париже и в Риме — Извольскому и Гирсу.

Телеграмма № 3102 [2]. 30/17 июня 1915 г.

Сообщается в Лондон.

Для привлечения Румынии Россия решила согласиться на все требования румын в Буковине под условием выступления Румынии не позже, чем через пять недель со дня соответствующего заявления в Бухаресте, сделанного 10 июня старого стиля. Братиану, соглашаясь, в свою очередь, на некоторые уступки в Угорщине, продолжает настаивать на получении всего Баната и готов обещать выступить только через пять недель по заключении политического соглашения. При этом он выставляет новое требование о немедленной доставке в Румынию до ее выступления заказанных во Франции и Италии боевых припасов. Прежде чем обсуждать вопрос о Банате, благоволите выяснить отношение французского (итальянского) правительства к означенному требованию Братиану, ибо я не могу ответить на него без надлежащего полномочия Франции (Италии) [3].

Сазонов.

ким образом я пока не имею возможности выполнить взятую на себя задачу». 1 июля/18 июня Нератов телеграфировал за № 3132 Савинскому: «Военным ведомством предложение вице-консула в Дедеагаче признается приемлемым... Военному агенту даются соответствующие указания по телеграфу. Однако с приведением в исполнение надлежит несколько обождать, до выяснения болгаро-турецких и наших с Болгарией отношений».

[1] Далее зачеркнуто: «если они действительно будут провозиться через болгарскую территорию».

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 197, № 94.

[3] В ответ на публикуемую тел. Извольский в тел. от 2 июля/19 июня за № 402 ограничился сообщением, что, по словам Делькассе, «со стороны Франции не встречается препятствий к исполнению требования Братиану о доставке в Румынию до ее выступления заказанных здесь боевых припасов» (см. также № 214 и прим. 2). В тот же день Гирс за № 216 сообщил, что «вопрос о доставке Румынии ее заказов был тщательно обсужден военным ведомством, пришедшим к заключению, что можно выдать Румынии одну батарею из 4 орудий, кессоны и другие заказы», которые, по предположению Гирса, «были готовы... к 13 мая текущего года, за исключением снарядов, патронов и взрывчатых веществ. Военное ведомство категорически отрицает возможность связывать себя обязательством принимать дальнейшие заказы... Что же касается вопроса о Банате, то Италия вполне сознает, что он подлежит решению России».

№ 211. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 3103. 30/17 июня 1915 г.

Сообщается в Париж и Лондон [1].

Делькассе предлагает заявить Сербии [2], что, если она откажется в пользу Румынии от своих притязаний на Банат, державы приложат все старания, чтобы облегчить объединение Сербии с Хорватией. Если французский и английский представители получат соответствующие указания, вы можете присоединиться к ним для обращения в этом смысле к сербскому правительству [3].

Сазонов.

№ 212. Поденная запись министерства иностранных дел [4].

30/17 июня 1915 г.

Бельгийский посланник сделал министру те же заявления относительно Люксембурга, которые были им уже сделаны гофмейстеру Нератову [27] 14 июня [5]. Министр ответил, что сочувственное отношение России к Бельгии общеизвестно, что же касается отдельного вопроса о Люксембурге, то таковой ближе всего касается Франции и Англии, а потому бельгийскому правительству следовало бы прежде всего переговорить об этом в Париже и Лондоне [6].

№ 213. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 425. 30/17 июня 1915 г.

Copie Paris.

Me réfère au télégramme d'Isvolsky No 390 [7].

Je crois devoir m'associer à l'esprit de ce télégramme et tout spécialement à la prière qu'en conclusion vous adresse ambassadeur à Paris.

---

[1] Содержание публикуемой тел. было протелеграфировано Гирсу 3 июля/20 июня за № 3162.

[2] См. № 194.

[3] Ссылаясь на публикуемую тел. свою № 3103, Сазонов телеграфировал 3 июля/20 июня за № 3163 Штрандтману, что «для заявления Сербии относительно Хорватии необходимо, чтобы итальянский представитель также получил соответствующие указания».

[4] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 24.

[5] См. № 193.

[6] Изложенное в поденной записи передавалось посланнику в Бельгии Кудашеву тел. Сазонова от 2 июля/19 июня за № 3134.

[7] См. № 189.

Dans situation militaire comme elle est à l'Est et à l'Ouest, il me semble de première importance de prévenir tout malentendu dans opinion publique qui pourrait devenir source de récriminations internationales, infructueuses et fort dangereuses pour plus tard. Opinion publique anglaise est moins impressionnable qu'en France et je n'ai jusqu'ici observé aucun symptôme comme ceux que signale Isvolsky en France. Mais les armées française et anglaise se trouvent en coopération directe, les jugements portés en Russie sur activité militaire française doivent tôt ou tard être ressentis même ici, ce que je considérerais très fâcheux. Je ne puis faire mystère qu'entre France et Angleterre certaines frictions militaires se sont depuis quelque temps fait sentir. Argument français était, qu'armée anglaise forte de 650 000 s'étend sur un front trop restreint et par conséquent ne porte à l'armée française appui nécessaire, d'autant plus que pour effectif anglais actuel les munitions ne manquent aucunément. D'après mes renseignements, le gouvernement français demanderait l'envoi de 300 000 hommes ultérieur. Argument de French serait qu'il doit rester préparé pour une attaque sérieuse allemande du côté de Calais. Quant à l'envoi de 300 000 hommes ultérieur, la difficulté est double. D'abord cet envoi peut rencontrer encore des difficultés de munitions, deuxièmement, le gouvernement anglais prévoit nécessité de renforts considérables aux Dardanelles.

Situation se complique de fait, que dans une mesure d'ailleurs nullement aigue jusqu'ici, lord Kitchener n'est, pour autant que je suis renseigné, pas entièrement d'accord avec maréchal French et pencherait actuellement plutôt vers point de vue français. J'apprends que French est attendu lundi et que dans peu de jours un conseil anglo-français aura lieu pour établir l'équilibre et prendre décisions définitives. Rien de tout ceci ne perce dans presse ni public. Je vous serais obligé de tenir ces renseignements tout à fait secrets.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 390.

Я считаю долгом присоединиться к мнению, высказанному в этой телеграмме, и в особенности к просьбе, с которой в заключение обращается к вам посол в Париже. При военном положении, создавшемся на Востоке и на Западе, мне представляется весьма важным предупредить какие бы то ни было недоразумения в общественном мнении, так как это могло бы явиться источником взаимных обвинений между нациями, — обвинений бесплодных и опасных для будущего. Общественное мнение в Англии менее впечатлительно, чем во Франции; я до сих пор не наблюдал ни одного симптома вроде тех, которые отмечает Извольский во Франции. Но французская и английская армия находятся в непосредственном

сотрудничестве, и оценка, даваемая в России деятельности французской армии, должна рано или поздно отозваться здесь, что я считал бы крайне нежелательным. Я не могу делать тайну из того, что с некоторого времени чувствуются трения между английскими и французскими военными. Французы считают, что английская армия численностью в 650 000 чел. занимает слишком узкий фронт, а потому не оказывает французской армии нужной поддержки, тем более, что запас снарядов вполне достаточен для нынешнего состава английских сил. По моим сведениям, французское правительство просило, будто бы, прислать дополнительно 300 000 человек. Френч аргументирует тем, что он принужден быть и в дальнейшем наготове на случай серьезного германского наступления в районе Кале. Что же касается дальнейшей отправки 300 000 человек, затруднение носит двоякий характер. Во-первых, эта отправка может еще встретить затруднения по части снарядов, а, во-вторых, английское правительство предвидит необходимость значительных подкреплений в Дарданеллах. Положение осложняется еще тем, что, хотя до сих пор и не в острой форме, лорд Китченер, насколько я знаю, не вполне согласен с маршалом Френчем и склонен теперь, повидимому, стать на французскую точку зрения. Мне сообщают, что Френч ожидается в понедельник, и на этих днях состоится англо-французское совещание для установления равновесия и принятия окончательных решений. Ничего из этого не проникло ни в прессу, ни в публику. Я был бы вам обязан за сохранение этих сведений в полной тайне.

Бенкендорф.

№ 214. Французский посол в Петрограде Палеолог французскому министру иностранных дел Делькассе.

Телеграмма [1]. 30/17 июня 1915 г.

Mr. Sazonow est disposé à conseiller à la Serbie de renoncer à ses prétentions sur le Banat Méridional, si les Puissances alliées s'engagent à faciliter la réunion de la Croatie au royaume Serbe [2].

Перевод.

Г. Сазонов склонен преподать Сербии совет отказаться от притязаний на Южный Банат, если союзные державы обязуются содействовать будущему присоединению Хорватии к Сербскому королевству.

---

[1] Проект тел. написан карандашом рукой Палеолога. Рукой Шиллинга над текстом карандашом написано: «30/17 июня 1915 г. французский посол, передав министру предложение Делькассе о заявлении Сербии касательно Баната и Хорватии, набросал нижеследующий проект своего ответа Делькассе».

[2] Извольский телеграфировал 30/17 июня за № 398, что Делькассе прочел ему свою тел. франц. послам в Петрограде, Лондоне и Риме, в которой он «категорически высказывается в пользу уступки Румынии в вопросе о Банате и одновременного заявления Сербии о намерении союзных держав по отношению к [Д]алмации и Хорватии» (см. № 217).

№ 215. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо № 770. 30/17 июня 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из моих предшествующих телеграмм вашему высокопревосходительству уже известно о переговорах, которые ведет здесь по армянскому вопросу Богос Нубар-паша [1].

Последний обратился на-днях ко мне с письмом, в подлиннике у сего прилагаемым [2], при коем приложена представленная им г. Делькассе памятная записка [3] по вопросу о создании будущей автономной Армении, в которой он старается склонить французское правительство уступить, в свое время, в пользу Армении часть Киликии, в целях обеспечения этому государству этнографического единства и выхода к морю.

Вместе с тем Богос Нубар-паша словесно развил перед г. Делькассе те дополнительные соображения в пользу уступки Армении части Киликии, с портами Мерсина и Айаш, которые он признал щекотливым включить в упомянутую выше записку. Соображения эти касаются будущей роли Багдадской железной дороги, которая, с упразднением немецкого влияния, перейдет под влияние Англии и представит первостепенный для нее интерес в смысле кратчайшего пути между Великобританией и Индией. Этим, по мнению Богоса Нубара, объясняется известная тревога, обнаруживаемая в некоторых английских кругах по поводу возможности уступки Франции исходного пункта Багдадского пути, а именно порта Александретты. Богос Нубар думает, что опасения англичан относительно завладения французами Александреттой не преминут рассеяться, если, благодаря уступке Армении Мерсины и Айаша, окажется возможным выстроить из одного из этих

---

[1] См. стр. 157, прим. 3.

[2] К оригиналу публикуемого документа приложено письмо Нубар-паши на имя Извольского от 27/14 июня, в котором указывается, что переданная Нубаром Делькассе записка по армянскому вопросу («Note sur la question arménienne») от 6 июня/24 мая «средактирована специально для правительства республики в соответствии с петроградской программой», как она сформулирована в памятной записке Завриева (см. т. VII, № 765). «Именно в вопросе о Киликии я встретился с наибольшими затруднениями со стороны французских политических деятелей, которые заявили, что в случае расчленения Турецкой империи... Франция не может удовлетвориться только Сирией без Киликии», — пишет в своем письме Нубар-паша.

[3] К оригиналу публикуемого документа приложена также «памятная записка по армянскому вопросу» («Note sur la question arménienne») от 6 июня/24 мая (см. прим. 2).

портов подъездной путь к Багдадской магистрали по нейтральной и находящейся под совокупным протекторатом всех трех держав армянской территории.

Наконец, Богос Нубар-паша осведомил меня также о сообщенном ему через посредство бывшего французского министра иностранных дел, г. Жоннара, живо интересующегося армянским вопросом, ответе г. Делькассе на прилагаемую записку.

Ответ на это гласит дословно:

«J'ai lu avec attention, plaisir, intérêt et profit la note de Nubar Pacha. Je l'ai annotée. Naturellement, il n'est pas possible de s'en occuper dès à présent, mais je l'ai mise à part et classée dans mon dossier spécial. La note est courte, mais claire et convaincante et m'a fait grand plaisir à la lecture»[1].

Примите и пр.

Извольский.

№ 216. Посланник в Бельгии министру иностранных дел.

Телеграмма № 36. 30/17 июня 1915 г.

Копия в Париж.

Считаю долгом предупредить, что, как доверительно сообщил мне бельгийский министр иностранных дел, посланнику в Петрограде будет поручено выразить надежду, что по окончании войны державами Тройственного согласия будут приняты во внимание вожделения королевского правительства на присоединение к Бельгии входившего в состав королевства в течение девяти лет и отнятого у него в 1839 году великого герцогства Люксембургского[2]. Тождественное поручение возложено на бельгийского посланника в Париже и Лондоне. Выставляя в оправдание своих претензий этнографические и экономические основы, бельгийское правительство делает настоящее выступление в предположении, что отчасти в связи с возможным восстановлением герцогства Нассауского, а главным образом ввиду сыгранной в начале настоящей войны роли открытых дверей для германского вторжения во Францию и Бельгию державы Тройственного согласия сочтут целесообразным при заключении мира изменить международное поло-

---

[1] «Я прочел внимательно, с удовольствием, интересом и с пользой записку Нубар-паши. Я ее аннотировал. Конечно, ею нельзя заняться теперь же, но я ее отложил, поместивши в особое досье. Записка кратка, но ясна и убедительна, и чтение ее доставило мне большое удовольствие».

[2] См. №№ 193, 212.

жение великого герцогства, дальнейшее существование коего, в качестве самостоятельного и слишком слабого государства, по мнению бельгийского правительства, может в будущем лишь служить угрозой для европейского мира в случае новых завоевательных замыслов Германии.

Кудашев.

№ 217. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 214. 30/17 июня 1915 г.

Вновь прибывший болгарский посланник в первой беседе высказал министру иностранных дел убеждение, что Болгария теперь же присоединилась бы к державам Согласия, если бы они дали ручательство, что Болгария будет введена во владение обещанной ей территорией по окончании войны. Соннино возразил ему, что державы едва ли согласятся дать в этом письменное ручательство, так как они не доверяют Софии, немедленно оглашающей все делаемые ей сообщения. Министр иностранных дел полагает однако, что весьма желательно найти формулу, могущую удовлетворить Болгарию, так как делаемые ей обещания имеют значение лишь при убеждении, что они действительно будут исполнены. Соннино возлагает теперь надежды больше на Болгарию, чем на Румынию и на Сербию, ибо она одна может не опасаться непосредственных последствий русского временного отступления. Он не верит в выступление Румынии и Сербии до того времени, когда мы вновь захватим Галицию, и в этом отношении находит, что уступки, сделанные Румынии, может быть, слишком велики ввиду невозможности немедленного достижения их цели, т. е. выступления Румынии.

Гирс.

№ 218. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 356. 30/17 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 349 [1].

Заседание меджлиса назначено на завтра, в четверг. Все указывает на то, что Ферман-Ферма придется или выйти из кабинета, или принять портфель военного министра. И то, и другое явно обнаруживает подпадение Эйн-эд-Доуле под влияние демократов и немцев. Еще раз обращу внимание его, прибавив, что он рискует утратить наше доверие

[1] См. № 195.

и поддержку. Мне кажется, что мы никоим образом не должны вновь непосредственно вмешиваться в дело формирования нового министерства, но Ферман-Ферма рассчитывает на возможность самостоятельно заручиться большинством в меджлисе и образовать министерство под своим председательством. Он обещает побороть враждебную нам агитацию и привлечь сочувствие общественного мнения на нашу (сторону). Для выполнения этого плана ему нужны однако средства, около 2 000 фунтов стерлингов в месяц, для воздействия на печать и депутатов.

Английский посланник разделяет мое мнение, что в наших интересах поспособствовать Ферман-Ферма в выполнении его плана, обещав от имени России и Англии по 1 000 фунтов субсидии в месяц, хотя бы в виде испытания.

Некоторые подробности образа действий Эйн-эд-Доуле явно обнаруживают в последние дни двойственность первого министра, намеревающегося к тому же лично стать во главе министерства внутренних дел и жандармерии. Ни английский посланник, ни я не считаем более возможным питать к нему доверие. Буду благодарен за спешные указания, могу ли в крайнем случае обещать Ферман-Ферма необходимую ему субсидию [1].

В случае сохранения у власти настоящего кабинета без Ферман-Ферма или образования нового, нам не сочувствующего, нам следовало бы ограничиться заявлением, что мы сохраняем за собой полную свободу суждения в вопросе об оказании или неоказании поддержки, в зависимости от последующего образа действий и отношения к нам [2].

Английский посланник телеграфирует в том же смысле в Лондон.

Эттер.

№ 219. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 693. 1 июля/18 июня 1915 г.

Les diverses démarches que les alliés ont faites depuis le commencement de la crise actuelle ont prouvé l'impossibilité absolue de trouver

[1] См. № 232.

[2] 1 июля/18 июня Эттер, после совещания с Эйн-эд-Доуле, телеграфировал Сазонову за № 361, «что министерство может остаться у власти и что во всяком случае министр не согласится ни на удаление Ферман-Ферма, ни на его перемещение, так как и то и другое являлось бы уступкой демократам... Я попросил его,—писал далее Эттер,—частным образом от моего имени предупредить шаха, что всякое новое правительство должно будет, раньше чем начать работу, заслужить наше доверие».

une base pouvant donner satisfaction aux exigences contradictoires des Etats balkaniques. Toutes les tentatives à amener ces Etats à faire dans un esprit de sagesse et d'équité des concessions réciproques ont échoué. Devant l'insurmontable difficulté de s'assurer la coopération de tous les Etats balkaniques, les Puissances sont amenées à envisager si elles ne doivent pas se contenter de l'alliance, aussi effective que possible, d'un des trois royaumes puisqu'elles ne peuvent espérer les avoir tous à leurs côtés. Le cas échéant la question du choix de l'allié à acquérir serait mis sur le tapis.

Les alliés ayant été entrainés dans le conflit présent à cause de la Serbie, peuvent se considérer en droit d'exiger d'elle dans l'intérêt commun certains sacrifices largement compensés ailleurs.

Les profits, que les Puissances pourraient retirer d'une action militaire de la Grèce sont tout à fait problématiques vu l'état actuel de l'armée héllénique divisée en deux camps.

Dans ces conditions la Bulgarie paraitrait être celui des Etats dont l'entrée en action assurerait le plus d'avantages à la cause commune. La marche de l'armée bulgare vers Constantinople attirerait à elle une partie des forces ottomanes massées contre les contingents des alliés à Gallipoli et hâterait ainsi l'ouverture des Détroits.

Mr. Sazonow serait donc d'avis qu' une réponse pouvant contenter les Bulgares devrait être donnée à Mr. Radoslavoff. Il considère que les Puissances devraient accepter le texte proposé par Mr. Delcassé [1] avec de légères modifications des alinéas 2 et 3, qui selon lui devraient être redigés comme suit:

Elles déclarent que la possession de la Macédoine dans les limites ainsi fixées sera garantie à la Bulgarie à la fin de la guerre.

Les Puissances alliées sont d'avis que l'arrière pays de Kavala doit comprendre Serès et Drama pour assurer une jonction stable et effective entre ce port et les confins actuels de la Bulgarie [2].

---

[1] См. № 174.

[2] Публикуемая пам. записка передавалась тел. от того же числа за № 3104 послам в Париже, Лондоне и Риме. Извольский на № 3104 ответил тел. от 3 июля/20 июня за № 407, уведомлявшей о согласии Делькассе с поправками, предлагаемыми Сазоновым к его (Делькассе) проекту ответа болгарскому правительству... Ответ Гирса на № 3104 (тел. от 4 июля/21 июня за № 220) уведомлял о том, что Соннино принимает предложенные Сазоновым поправки к франц. проекту и предлагает сообщить ответ Болгарии «лишь по определении ею срока выступления». Ответ из Лондона в делах б. м-ва ин. дел не обнаружен. Савинский телеграфировал 12 июля/29 июня за № 395 Сазонову, что Панафье прочел ему телеграмму Боппа (французского посланника в Сербии), предо-

Перевод.

Различные шаги, которые союзники предпринимали с момента возникновения настоящего кризиса, доказали полную невозможность отыскать базу для удовлетворения противоположных требований балканских государств. Все попытки побудить эти государства сделать друг другу диктуемые разумом и справедливостью взаимные уступки закончились неудачей. Оказавшись лицом к лицу с непреодолимой трудностью обеспечить себе сотрудничество всех балканских государств, державы вынуждены обсудить, не должны ли они удовлетвориться насколько возможно эффективным союзом одного из трех королевств, раз они не могут надеяться иметь их всех в своих рядах. В случае необходимости придется решать вопрос о выборе союзника.

Будучи втянуты в настоящий конфликт интересами Сербии, союзники могут считать себя в праве требовать от нее в общих интересах некоторых жертв, широко компенсируемых в иных местах.

Выгоды, которые державы могли бы извлечь из военных действий Греции, в высшей степени сомнительны, ввиду нынешнего состояния греческой армии, разделенной на два лагеря.

При этих условиях Болгария представляется той страной, выступление коей обеспечило бы наибольшие выгоды для общего дела. Наступление болгарской армии на Константинополь отвлекло бы на себя часть оттоманских войск, сосредоточенных против сил союзников в Галлиполи, и таким образом ускорило бы открытие Проливов.

Ввиду этого г. Сазонов полагал бы, что г. Радославову следовало бы дать ответ, могущий удовлетворить болгар. Он считает, что державы должны принять предложенный г. Делькассе текст с незначительными изменениями абзацев 2 и 3, которые должны быть изложены следующим образом:

Они заявляют, что обладание Македонией в указанных выше пределах будет гарантировано Болгарии при окончании войны.

Союзные державы полагают, что хинтерланд Кавалы должен включать Серес и Драму для установления прочной и надежной связи между этим портом и нынешней окраиной Болгарии.

стерегавшую Делькассе, что «разрешение оккупации, не будучи порукой выступления Болгарии, может, сверх того, вызвать сербо-болгарскую войну». Это опасение, по мнению Савинского и его трех коллег, «неосновательно», так как разрешение оккупации дано было бы после «фактического выступления болгар», или даже после взятия ими Чаталджи или падения Константинополя под натиском союзников. Еще лучше, если бы оккупация могла бы быть сделана союзными войсками». Если бы «македонская оккупация... была признана неисполнимой, то оставалось бы прибегнуть к... мысли Соннино и Делькассе об определении самим болгарским правительством точного срока его скорейшего выступления» (см. № 262 и прим. 2), с предупреждением, что «в случае уклончивости болгарского правительства и на этот раз союзники... вынуждены будут прибегнуть к другим комбинациям, и это... освободит их от... обещаний, ранее сделанных Болгарии. Вышеизложенные соображения, — заключал Савинский, — результат сегодняшнего совещания четырех посланников».

*

№ 220. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3109[1]. 1 июля/18 июня 1915 г.

Беспрестанные отправления в Исфагань немецких офицеров, оружия, пулеметов и снарядов начинают приобретать тревожные размеры. Не уясняю себе, какую цель могут преследовать немцы. Дело начинает иметь характер подготовления целой вооруженной экспедиции. Не имеют ли они в виду двинуться на Тегеран для захвата миссий союзников, чтобы этим втянуть Персию в войну против нас? Иначе было бы трудно объяснить широкие размеры приготовлений.

Обсудите этот вопрос с Марлингом[2]. Сазонов.

№ 221. Министр иностранных дел послу в Риме Гирсу.

Телеграмма № 3129. 1 июля /18 июня 1915 г.

Сообщается в Ниш.

Ссылаюсь на телеграмму Штрандтмана № 641[3].

Считаю весьма опасным возникновение каких бы то ни было разногласий между союзниками в настоящую минуту, когда усилия всех должны быть сосредоточены исключительно против общего врага. Задача эта слишком сложна, чтобы уделять ныне особое внимание албанскому вопросу. По окончании войны таковой будет решен державами согласно их воле и независимо от изменений, которым могло бы подвергнуться положение в Албании. Ввиду этого не найдет ли римский кабинет полезным несколько успокоить Пашича заверениями в отсутствии у Италии намерений прибегнуть к военным движениям в Албании?

Сазонов.

№ 222. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 3131. 1 июля/18 июня 1915 г.

Ваш № 640[4] получен.

Благоволите обратить от имени императорского правительства самое серьезное внимание Пашича на недопустимость[5] разрыва воен-

[1] Лит. копия.

[2] См. № 251.

[3] См. № 205.

[4] См. № 204.

[5] Слово: «недопустимость» вписано вместо зачеркнутого в оригинале: «опасность».

ной связи с Черногорией. Если бы слухи о состоявшемся соглашении короля Николая с австрийцами не были лишены основания, то таким разрывом черногорцам облегчалась бы возможность, уклоняясь от участия в военных действиях против Австрии, выполнять, быть может, и принятые на себя в отношении последней обязательства. В общих интересах союзников настоять на безотлагательном принятии Пашичем мер к восстановлению указанной выше связи [1].

Сазонов.

№ 223. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 426. 1 июля/18 июня 1915 г.

Copie Paris.

J'ai demandé à Crewe son opinion sur situation générale. Il m'a répondu qu'il n'était nullement partisan de modifier trop rapidement résolutions prises par Puissances au gré des évènements militaires du jour, mais qu'il avait plus de confiance dans une entrée en action de la Roumanie que de la Bulgarie actuellement, quel que soit le texte des communications et que c'est là le motif qui a présidé à la rédaction du projet anglais de la réponse à la Bulgarie, — fort prudente en ce qui concerne la Grèce. Quant à la situation en Galicie, il m'a dit que dans son opinion le point d'importance primordiale était que l'armée russe restée intacte même au prix de retraite ..., que bien entendu, pourtant, on ne pourrait dès lors plus s'attendre d'une offensive russe avant plusieurs mois. Il en conclut que question Dardanelles devenait d'autant plus importante, un succés décisif de ce côté pouvant seul influencer l'attitude des neutres. Passant à la question américaine, Crewe me dit que malgré les vacillations périodiques de l'opinion publique aux Etats Unis, il avait confiance dans l'esprit de suite de Wilson débarassé de Brayan qui était un élément dangereux. Il croit qu'il serait très difficile, que les Etats Unis prennent une attitude hostile à l'Angleterre, le fond de l'opinion américaine ne s'y déciderait pas par tradition. Reste la difficulté de l'antithèse entre le commerce des neutres et l'impossibilité de faciliter substantiellement et réellement le ra-

[1] В тот же день Сазонов поручал Обнорскому тел. за № 3130 «сделать черногорскому правительству внушение касательно недопустимости разрыва военной связи с Сербией» и указать, что «ослушание черногорцев [в вопросе о подчинении их серб. «верховной команде»] неминуемо повлечет за собой самые нежелательные последствия для Черногории, нуждающейся ныне, как и в обычное время, в широкой помощи союзников».

vitaillement allemand. Il ne croit pas cette question insoluble et il ne la croit pas pressante. Il considère comme le point le plus délicat l'éventualité d'un conflit entre les Etats Unis et le Mexique auquel l'Allemagne travaille sans relâche. Dans ce cas, en effet, l'exportation américaine d'armes et de munitions, sans être entièrement arrêtée, pourrait rencontrer difficultés très fâcheuses. Dans l'opinion de Crewe, la situation actuelle est fort sérieuse parce qu'elle doit avoir pour conséquence un prolongement de la guerre, dont il n'est pas encore possible de prévoir le terme. Cet entretien avait un caractère confidentiel et privé.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Я спросил у Крю его мнение об общем положении. Он мне ответил, что он отнюдь не является сторонником слишком поспешного изменения принятых союзниками решений, под влиянием текущих военных событий, что он больше верит в выступление Румынии, чем Болгарии, в настоящее время, каков бы ни был текст сообщений, и что именно этим соображением внушено содержание английского проекта ответа Болгарии — очень осторожное в отношении Греции. Что же касается положения в Галиции, то он мне сказал, что, по его мнению, самым важным в этом вопросе является то, что русская армия сохранена хотя бы и ценой отступления... тем не менее само собой разумеется, нельзя ожидать русского наступления ранее нескольких месяцев. Он в силу этого приходит к заключению, что вопрос о Дарданеллах становится все более важным; лишь решительный успех в этом отношении может повлиять на позицию нейтральных стран. Перейдя к американскому вопросу, Крю мне сказал, что, несмотря на периодические колебания общественного мнения в Северо-Американских Соединенных Штатах, он питает доверие к последовательному уму Вильсона, который освободился теперь от Брайана, являвшегося опасным элементом. Он думает, что было бы весьма трудно Соединенным Штатам занять враждебную Англии позицию; основа общественного мнения не допустила бы такого решения в силу традиции. Остается трудность антитезы между торговлей нейтральных стран и невозможностью существенно и реально способствовать снабжению Германии. Он не считает этот вопрос неразрешимым и срочным. Он считает самым тревожным вопросом возможность конфликта между Соединенными Штатами и Мексикой, над созданием какового неустанно работает Германия. В этом случае, действительно, вывоз из Америки оружия и снабжения, не будучи окончательно остановлен, может встретиться с весьма досадными затруднениями. По мнению Крю, настоящее положение весьма серьезно, так как оно должно иметь последствием продление войны, продолжительность которой невозможно предвидеть. Эта беседа носила доверительный и частный характер.

Бенкендорф.

№ 224. Докладная записка агента министерства финансов Грубе[1].

1 июля/18 июня 1915 г.

Из разговора моего с французским послом в Петрограде г. Палеолог о положении дел в Болгарии я вынес впечатление, что вся болгарская, и в особенности внешняя, политика находится в руках лиц, входящих в состав кабинета, или политических деятелей вообще, и что царь Фердинанд никакой политической роли не играет.

Эта основная мысль, определявшая до известной степени направление предстоявших в Софии соображений[2], по прибытии на место должна была скоро быть оставленной на основании выяснившихся там обстоятельств и новых фактов.

Официальный представитель французских финансовых интересов в Болгарии г. J. Desclozières, предупрежденный о моем приезде телеграммой из Парижа от г. Delcassé, был первый, который заставил усомниться в состоятельности этой основной предпосылки.

Несостоятельность ее стала еще более очевидной после обмена мнениями с нашим посланником А. А. Савинским и весьма длительного первого разговора, продолжавшегося около четырех часов, с французским посланником в Софии Mr. de Panafieu.

Сопровождавший меня в поездке Л. С. Поляк[3], пользуясь своим знакомством с бывшим министром доктором Геннадиевым, которого он встречал между прочим в Париже у покойного знатока балканских дел Mr. de Pressenssé, имел с ним двухчасовой разговор, производивший впечатление большой откровенности со стороны Геннадиева; это же впечатление вынес и Mr. de Panafieu, ознакомившись впоследствии с содержанием разговора. Записанный под свежим впечатлением, разговор этот прилагается при сем отдельно[4]. Тот же Л. С. Поляк

---

[1] Председатель правления Сибирского торгового банка и председатель правления акционерного об-ва «Мазут».

[2] Так в оригинале.

[3] Причисленный к м-ву фин. член правлений нефтепромышленного об-ва «Кавказ» и об-ва «Мазут».

[4] Предметом этого разговора, происходившего 28/15 июня, был вопрос о выступлении Болгарии на стороне союзников. Указывая на тот факт, что «Македония отторгнута от Болгарии отчасти, чтобы не сказать: вполне, по вине великих держав, и в частности России, из-за «сердечного влечения» к Сербии», Геннадиев отмечал, что в «Македонии и в одной только Македонии — центр тяжести для Болгарии... Реальные гарантии союзных держав по вопросу о Македонии вполне удовлетворили бы Болгарию и заставили бы ее выступить против турок, как только будет окончена жатва и собран урожай... Болгария не может удовлетвориться одним обещанием держав после войны с Турцией не мешать ей

виделся с полковником П. Ганчевым, занимавшим пост помощника начальника главного штаба. И д-р Геннадиев, и полк. Ганчев, равно как известные мне еще по Тегерану англичане, полк. Нэпир и Mr. Фитцморис, ныне состоящие при английской миссии в Софии, заставили меня в отношении вышеуказанного вопроса притти к следующим выводам.

В течение турецко-болгарской войны и частью после нее царь Фердинанд потерял свое личное обаяние в широких кругах своей страны и прошел через ряд унижений за границей, которые оставили горький осадок в его душе.

Здесь не место входить в рассмотрение причин и обстоятельств, вызвавших тогда это положение вещей. Только австрийский посланник поддерживал его в те тяжелые минуты, утешая мыслью о том, что времена меняются, и то, что может принести с собой время, подчас гораздо значительнее реальных фактов момента.

Поэтому-то, а также в силу того, что Фердинанд, хотя и в качестве лишь полковника австрийской гвардии, а не царя болгарского, был тогда принят только в Вене, — горького осадка, как результата задетого самолюбия, по отношению к Вене в нем несравненно меньше, чем по отношению к другим столицам.

Но царь Фердинанд — человек исключительного ума и дарований. Отзывы всех вышепоименованных лиц и мнение общества сходятся в

вести войну с Сербией и оккупировать Македонию до ее естественной и этнографической границы... На это болгарское правительство ни в каком случае пойти не может... Конечно, — добавлял Геннадиев, — и я, и болгарское правительство (так как моей головой работают многие члены настоящего кабинета) понимаем, что Россия или какая-либо из ее союзниц не могут объявить Сербии войны для поддержания впоследствии требования уступки Македонии. Значит, надо итти другим путем, этот путь можно видеть в получении Болгарией торжественного обещания, что мирный договор, по которому Сербия имеет получить Боснию и Герцеговину, будет не прежде подписан, чем Македония будет фактически занята Болгарией... Действия дипломатии в Сербии вернее называть полным бездействием... Для непредубежденного глаза может показаться, что военные действия идут не между Сербией и Австрией, а между... Сербией и Италией». В каждую данную минуту Сербия «на волоске от... сепаратного мира с Австрией», а между тем «заинтересованные державы» не считаются с Болгарией, «которая им важна и нужна» и «не ведут с Сербией никаких переговоров о возможном улажении македонского вопроса». В заключение разговора, указав на пример покупки германцами половины будущего урожая (1915 г.) у Румынии, Геннадиев поставил вопрос о покупке Россией всего экспортного количества болгарского урожая. «Какое значение имел бы этот материнский жест России в Болгарии, об этом нечего говорить», — добавлял Геннадиев, — и можно сказать, что несомненно выступление Болгарии было бы вопросом дней».

этом. Несколько лет тому назад в этом же смысле высказывалась о нем одна высокопоставленная особа, с которой я имел честь беседовать.

Мало того: кроме ума, отточенной, тонкой хитрости, утонченных вкусов, царь Фердинанд обладает всеми теми качествами, которые делают из него законченного восточного правителя в историческом смысле этого слова. За те два года, которые прошли после балканской войны, он не только сумел вернуть себе у окружающих его, у всего круга болгарских политических деятелей, входящих в расчет при формировании кабинета, утраченное было обаяние, но он сумел — что еще важнее — укрепить его чувством страха перед собою.

Любви к нему не было и нет, поэтому-то в годину политических разочарований ему нечем было удержать своего обаяния; но время несколько исцелило раны, смягчило разочарования, и для своих демократических подданных, для своего, в некотором смысле, примитивного народа он опять стал тем, чем был всегда по праву рождения и воспитания, — человеком высшей культуры, представителем утонченной породы, породы властителей: царем Фердинандом болгарским.

Этот одаренный человек, этот восточный властитель отлично сумел воспользоваться атмосферой своего величия, обаянием не своей личности, а скорее своего положения, и благодаря своему уму он ныне несомненно центр, помимо которого может что-либо совершиться, если он сам этого захочет, но только и исключительно, если такова будет его воля.

Всю внутреннюю политику страны он внешне отдал в руки кабинета: он как будто всем этим не интересуется, да и фактически внутренняя политика не интересует его до известных пределов. Предел этот — отдельные л и ц а, эту политику делающие: в с е лица его интересуют, и в с е у него в руках. Не только силой воли и ума, и обаянием своей личности держит их царь Фердинанд, как рассказывают, в трепете, но — говорят, — по его желанию и документы друг против друга есть у каждого из этих лиц, и лишь он один знает, где все эти документы, и в каждый момент может ими воспользоваться: — одним против всех, и всеми против одного.

Это — только логическое завершение целой системы.

Что касается внешней политики, то в этой области царь Фердинанд может сказать то, что он сказал однажды по другому поводу: «Cobourg y est, Cobourg restera»[1]. Во внешней политике он — все, и без него ничего не делается и сделано быть не может. Из этого отнюдь не следует,

[1] «Кобург здесь, — здесь он и останется».

что он имеет склонность к принятию тех или иных решений, к совершению того или иного шага: в нем живы воспоминания недавних лет, в нем не зажили уколы, причиненные его самолюбию, и он наслаждается положением минуты. На него устремлены теперь взоры всех тех, кто еще так недавно не хотел на него взглянуть, он им нужен, а он не видит, и не хочет их видеть.

Одно следует добавить и подчеркнуть: и царю Фердинанду, если бы он и хотел этого, не заставить Болгарию выступить против России.

Еще два-три месяца тому назад, за некоторое время до последних военных событий, у него были колебания, была известного рода неустойчивость, на которую могли до некоторой степени влиять лица, стоящие к нему более или менее близко. Быть может, тогда известную, хотя и очень ограниченную, роль могли бы сыграть и деньги. Несомненно, что Германия и Австрия своевременно воспользовались этим и затратили немалые суммы на установление румынско-болгарско-турецкого транзита, и на создание благоприятной им прессы в Болгарии и в Румынии. Надо добавить однако, что в Болгарии, по крайней мере, пресса в силу тяжелого и упорного самостоятельного характера болгар не играет такой важной роли, как в Румынии, и что даже тогда роль денег в Болгарии могла быть только относительной. Происходит это в силу того, что на Востоке, а следственно и в Болгарии, роль денег имеет особый характер: здесь деньги имеют значение, как своего рода «бакшиш», как нечто могущее ускорить движение того или иного события, но не больше.

Устроить, создать политическое событие, для которого еще или уже нет реальных предпосылок и оснований, которого нет и в возможности, деньгами здесь, в Болгарии, нельзя. Это необходимо помнить при всех комбинациях. Реальным же основанием для того или иного решения здесь является теперь одно: благо Болгарии, понимаемое в смысле торжества ее политических идеалов.

В оценке этих идеалов, в оценке их жизненного значения и объема, сходятся и крестьянин и министр, и не царь Фердинанд пойдет против всех и всего. Не следует, кроме того, забывать, что Фердинанда никто не может назвать храбрым, ибо храбрость не есть отличительное свойство этого типа, и нет никого на свете, кого бы он боялся больше македонцев... А македонцами теперь полна София, и даже кабинет, находящийся у власти, очень к ним близок...

Если и были моменты, когда можно было воспользоваться этим методом ускорения событий, то в настоящую минуту это является не

только неуместным, но даже недопустимым: в этом сходятся все, знающие местные дела.

Здесь, быть может, уместно сказать, что среди дипломатов Четверного согласия французский посланник Mr. de Panafieu занимает бесспорно первое, по влиянию и осведомленности, место. Он большой знаток Болгарии, и находит большую поддержку в великолепно знающем местные условия и местных людей господине J. Desclozières, о коем шла речь выше, и официальное положение которого — délégué-adjoint des porteurs français[1]. Большое влияние имеет тут также и обаяние Франции, столь же значительное в Болгарии, как и в Румынии.

Английским посланником фактически является Mr. Fitzmaurice, бывший в течение многих лет Honorary Secretary to the British Embassy[2] в Константинополе, являющийся одним из наиавторитетнейших знатоков Ближнего Востока, который он изучил всесторонне не только теоретически, но и практически. Посланник de jure Mr. Bax Ironside скомпрометировал себя в деле, не имевшем даже отдаленного отношения к политике, и, как мы слышали в последний день пребывания в Софии, т. е. 17-го с. м., он отозван с этого поста и, надо полагать, будет замещен Fitzmaurice'ом.

Итальянский посланник — величина, значения не имеющая.

Что касается германского посланника, г. Michaelles'a, то он сейчас в Берлине, и в Софию, как говорят, не вернется; австро-венгерский посланник, граф Тарновский, очень умный и тонкий дипломат, ловко пользуется своей фамилией, чтобы везде и всюду, когда это ему удобно и нужно, заявлять, что он прежде всего — поляк и польский аристократ.

Возвращаясь к делам денежного характера, заметим, что, по собранным нами сведениям, даже сам царь Фердинанд, который имеет цивильный лист в 1 200 000 франков в год и который хронически покрывал свой почти такой же ежегодный дефицит средствами покойной матери своей принцессы Клементины, после ее смерти получил небольшое, сравнительно, наследство, так как прочие сонаследники уменьшили его долю на всю сумму, которую мать дала ему при жизни, считая эту сумму не даром, а своего рода авансом. Говорят даже, что он порядочно должен болгарскому Национальному банку.

---

[1] «Заместитель представителя французских держателей», — т. е. французских кредиторов Болгарии.

[2] «Почетный секретарь британской миссии»

Наследный царевич Борис, кстати сказать, пользующийся репутацией определенного руссофила, получает только 120 000 франков в год по своему цивильному листу. Быть может, в удобный и подходящий момент, о котором теперь можно только мечтать, было бы полезно тем или иным путем облегчить финансовое положение если не самого царя, то наследника, который начинает в последнее время играть, несомненно, некоторую роль, и к словам которого теперь прислушивается и его отец.

Резюмируя вышесказанное, мы пришли к выводу, что в настоящий момент и такое могущественное при других условиях орудие, как деньги, не имеет никакого решающего значения.

Таково же мнение А. А. Савинского и Mr. de Panafieu.

Краеугольный камень, ось, вокруг которой движется в настоящее время все, — это политическая программа Болгарии, которая вся может быть выражена в одном слове: Македония.

Македония, до ее естественных и этнографических границ, должна быть воссоединена с Болгарией. Македония — плоть от плоти болгарской; в Македонии вопрос, в ней же и решение его.

С политической стороны, как ее понимает Болгария, или, вернее, один из умнейших ее представителей, вопрос этот освещен в приложенной записке, излагающей взгляды Геннадиева[1]. Мы со своей стороны прибавим только, что центр тяжести лежит в настоящую минуту, несомненно, в Болгарии: толчок же к перемещению его, к разрешению вопроса, быть может, в некоторой степени может притти и извне, именно — из Румынии.

Если только Румыния выступит, Болгария, вероятно, не сможет и не будет оставаться безучастной зрительницей: напряжение народных чувств будет, надо полагать, слишком интенсивно, чтобы старые обиды, дремлющие в сердце царя болгарского, могли продолжать определять положение, — и царь пойдет со своим народом так, чтобы народ был уверен, что царь Фердинанд повел его за собой.

В этот момент, или, вернее, при приближении этого момента, выступит на сцену в роли, упомянутой выше, золото.

И тогда необходимо будет, чтобы кто-либо, отдающий себе полный отчет во всех деталях этой картины, был здесь, на месте, чтобы направлять и держать в своих руках всю материальную часть этого дела, будь то в форме финансирования отдельных лиц и групп, или в виде устройства той или иной крупной финансовой операции, около кото-

---

[1] См. выше стр. 263, прим. 3.

рой и в которой смогут найти себе место и «оценку» те же лица и группы, которые в этот момент будут приходить в расчет.

Здесь именно следует обратить особое внимание на покупку в Болгарии хлеба, о чем имеются большие подробности в записке о взглядах Геннадиева.

Это дело, по единодушному убеждению компетентных лиц в Софии, может разрешить все напряжение, удовлетворить весьма многих, сгладить, быть может, до некоторой степени остроту и определенность политических требований и сделать выступление Болгарии неизбежным. Таково резюме всех впечатлений, разговоров, размышлений и соображений.

Конечно, положительная часть, план, так сказать, действий набросан схематически, в общих чертах, но иначе это — по существу дела — не может быть: важна его принципиальная постановка в связи со всем вышесказанным.

Прибавить сюда что-либо, касающееся наступления того или иного момента, значило бы взять на себя неблагодарную задачу пророка, что в переживаемые нами времена труднее, чем когда-либо.

Можно только сказать, что ни Болгария, ни Румыния не могут принять окончательного решения до сбора урожая, а именно до второй половины июля старого стиля.

Во всяком случае, если операция с покупкой хлеба в Болгарии может быть признана исполнимой, то надо иметь в виду, что для разработки и осуществления ее времени терять нельзя.

На обратном пути сотрудник мой в этой поездке, Л. С. Поляк, который давно знаком с Таке Ионеску, был у него в Бухаресте, и разговор с ним, записанный под свежим впечатлением, и отдельно при сем приложенный [1], доказывает, что между взглядами Таке Ионеску и взглядами доктора Геннадиева на настоящий политический момент нет разногласий, если не считать малосущественных деталей.

Это — весьма знаменательный факт, имеющий тем более симптоматическое значение, что личные отношения между гг. Таке Ионеску и Геннадиевым — очень недружелюбны.

---

[1] «Я полагаю, что теперь Болгария важнее всего», — заявил в этом разговоре Таке Ионеску, мотивируя этим необходимость отдачи Македонии Болгарии. Относительно Румынии Таке Ионеску высказал мнение, что «Румыния выступит с Россией, так как... в вопросе о пограничных компенсациях мы сойдемся, и, я полагаю, выступит после жатвы, не долее во всяком случае, как через 7 — 8 недель». Как одну из мер побуждения Румынии и Болгарии к выступлению, Таке Ионеску выдвигал операцию по скупке румынского и болгарского урожая.

Об этом г. Таке Ионеску прямо говорил, отдавая при этом дань качествам г. Геннадиева, как политика и весьма умного человека, Л. С. Поляк в разговоре, который последний имел с ним при встрече в октябре истекшего года.

О значении почти полного совпадения взглядов Геннадиева и Таке Ионеску, при положении первого в Софии, а второго в Бухаресте, распространяться, конечно, не приходится.

Быть может, позволено будет закончить наше изложение указанием на то, что время не терпит, и что это не есть личное переживание, а сознание всех, стоящих у источника балканских настроений.

София—Бухарест—Петроград.

Грубе.

№ 225. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 3153. 2 июля/19 июня 1915 г.

Сообщается в Цетинье.

Нахожу желательным успокоить итальянское правительство, повидимому, встревоженное положением дел в Албании. Ввиду этого считал бы полезным сделать от имени союзных держав заявление черногорскому правительству в следующем смысле:

Державы продолжают относиться отрицательно к отвлечению черногорских сил от военных действий против Австрии. Они не признают черногорских захватов албанских земель, состоявшихся в прямом противоречии с получавшимися правительством короля Николая предостережениями. Консулам в Скутари предписано ограничиться отправлением текущих дел и воздерживаться от официальных отношений с черногорскими властями. Обещание черногорцев, что занятие названного города носит лишь временный характер, и признание их, что таковым не предрешается его участь, зависящая исключительно от воли великих держав, хотя бы и были приняты ими к сведению, но не могут оказать никакого влияния на их оценку самовольных поступков черногорцев. Последние смогут рассчитывать на менее строгое к себе отношение союзников, только если вновь беспрекословно подчинятся верховной команде и обратят опять все свои помыслы против общего врага.

Прошу принять меры по настоящему делу и ответить по телеграфу [1].

Сазонов.

№ 226. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо [2]. **2 июля/19 июня 1915 г.**

Секретно. Срочно.

М. г. Петр Львович,

Вашему высокопревосходительству небезызвестно, что общее политическое положение в Персии в настоящее время до крайности тревожно. Пользуясь недружелюбным отношением к России и Англии местных демократических кругов и части меджлиса, германские, австрийские и турецкие агитаторы стараются вызвать в Персии движение против русских и англичан, по возможности вовлечь Персию в войну с нами и этим создать нам значительные затруднения, отвлекая часть наших сил от турецкого, а следовательно, и от главного театра войны. Агитаторы не щадят ни усилий, ни денег; ежедневно получаются известия о прибытии в Персию германских офицеров, артиллеристов и нижних чинов с оружием, пулеметами, снарядами и даже орудиями; вокруг них собираются шайки местных разбойников, разные подонки населения, маленькие отряды из кочевников, к ним примыкают и бежавшие из Закаспийской области австрийские пленные: особенно щедро раздаются деньги, и, по сведениям наших консулов, часто получаются транспорты золота, которое идет на подкуп нужных людей и на наем бандитов. Мы, конечно, принимаем меры противодействия этой агитации, но, к сожалению, у нас мало орудий воздействия. Нынешний персидский кабинет, состоящий из людей, скорее расположенных к нам, со своей стороны, старается препятствовать агитации. Однако усилия его к определенным результатам не приводят либо потому, что кабинет не желает слишком компрометировать себя в глазах демократов, и его деятельность вследствие этого не вполне соответствует даваемым нам заверениям, либо потому, что он не чувствует под собой достаточно прочной почвы и лишен реальной силы. Во всяком случае, нынешний состав кабинета является одной из немногих

---

[1] Гирс ответил тел. от 4 июля/21 июня за № 219, что Соннино согласен с предложением Сазонова. Ссылаясь на согласие Соннино, Сазонов тел. от 16/3 июля за № 3409 поручил Обнорскому сделать это заявление, когда его коллеги получат соответствующие инструкции.

[2] Маш. копия.

гарантий обеспечения спокойствия в стране, для нас насущно необходимого, и мы стараемся оказать ему возможную поддержку. Тем не менее нельзя закрывать глаза на то, что положение кабинета шатко и что он может каждую минуту пасть; в таком случае нет почти сомнений, что на сцену выступит кабинет, составленный из элементов нам враждебных. Даже и в нынешнем кабинете очень возможны невыгодные для нас перемены: так, например, посланник в Тегеране телеграфирует[1], что министр внутренних дел принц Ферман-Ферма, наш сторонник, может быть вынужден подать в отставку, что, конечно, ослабит наше влияние на дела.

Как вы изволите усмотреть из прилагаемой при сем телеграммы действительного статского советника Эттера[1], Ферман-Ферма надеется однако составить себе большинство в меджлисе и самостоятельно образовать кабинет, причем обещает побороть враждебную нам агитацию и привлечь на нашу сторону сочувствие общественного мнения. Для выполнения этого плана ему нужны средства в размере около 2 000 фунтов стерлингов в месяц. Как наш, так и британский посланники считают необходимым способствовать принцу в выполнении его плана и дать ему, хотя бы пока в виде опыта, по 1 000 фунтов субсидии в месяц от России и Англии.

Я не могу поручиться за то, что Ферман-Ферма безусловно удастся осуществить свои намерения, но должен сказать, что сумма в 1 000 фунтов в месяц совершенно незначительна по сравнению с теми расходами, которых потребовало бы от нас вооруженное вмешательство в персидские дела, и с теми неисчислимыми убытками, которые понесли бы наша казна и наши подданные в случае возникновения в Персии крупных беспорядков, энергично подготавливаемых немцами и турками, не говоря уже о том, что отвлечение наших военных сил на новый театр войны ослабило бы нас и на турецком, и на германском фронтах, т. е. осуществило бы именно ту цель, к которой стремятся агитаторы. Поэтому я позволяю себе выразить надежду, что ваше превосходительство найдете возможным исполнить просьбу посланника и ассигновать пока на один месяц указываемую им сумму. При этом считаю долгом привлечь ваше внимание на то, что, если вы изволите согласиться на ассигнование нужных средств, меру эту следует провести срочно.

---

[1] См. № 218.

В ожидании вашего отзыва о последующем в возможно непродолжительном времени, примите и пр[1].

[Сазонов.]

№ 227. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 403. 2 июля/19 июня 1915 г.

Секретно.

С некоторых пор в здешних парламентских кругах происходит энергичная кампания против военного министра Мильерана и в пользу усиления парламентского надзора за деятельностью военного министерства. Нападки были главным образом направлены против артиллерийского управления в связи с частыми случаями разрыва пушек вследствие недоброкачественности снарядов. Министерство сделало первую уступку, согласившись около месяца тому назад на назначение парламентского помощника статс-секретаря с возложением на него заготовления орудий и снарядов, причем ранее стоявшие во главе этого дела генералы получили другие назначения. На должность эту был назначен социалист-радикал Альбер Тома. Но этой реформой не удовлетворились, и вчера состоялось назначение двух парламентских помощников военного министра, радикала-социалиста Годара — по (санитарной) части и, в противовес ему, умеренного республиканца Тьерри — по интендантству. Покуда трудно сказать, окажется ли этот компромисс достаточным, чтобы укрепить положение Мильерана, положение коего несколько пока страдало от кампании, предпринятой против военного министерства[2].

Извольский.

---

[1] Ответным письмом от 3 июля/20 июня за № 10 Барк извещал Сазонова, что «правлением Учетно-Ссудного банка Персии дано срочное распоряжение банку в Тегеране выдать по требованию г. посланника одну тысячу фунтов стерлингов для субсидирования принца Ферман-Ферма». Далее Барк сообщал, что получаемые им сведения из Персии «рисуют положение в крайне мрачном виде», так как агитация против России, главным образом в Исфагани и Хорасане, ведется совершенно открыто и приняла широкие размеры.

[2] 21/8 авг. Извольский телеграфировал за № 509 об «энергических нападках на военного министра» в заседании палаты депутатов 20/7 авг. По сообщению Извольского, «день однако кончился благополучно для министерства», но ввиду назначенного продолжения прений в секретном заседании «не исключается возможность и министерского кризиса».

№ 228. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 217. 2 июля/19 июня 1915 г.

Копии в Афины и Ниш.

В вопросе о Берате крайняя подозрительность, установившаяся между Италией и Грецией, может привести к нежелательным последствиям. Второй [?] греческий посланник передавал мне, что он высказал генеральному секретарю Консульты личное свое мнение, что Греция ныне не займет Берата и спросил, может ли Италия заявить, что она никогда не захватит Берата. Мартино ограничился, будто бы, ответом, что Италия не намерена итти на Берат, но не связала себя обязательствами относительно будущего. Совершенно иначе передал мне сегодня тот же разговор министр иностранных дел. По его словам, греческий посланник, заручившись заявлением, что Италия не намерена итти на Берат, стал проводить мысль, что в таком случае Италии не следует интересоваться судьбой Берата, в чьих бы руках он ни оказался. Соннино усмотрел в этом рассуждении подготовку почвы к захвату греками Берата. Он поручил генеральному секретарю категорически заявить Коромиласу, что в случае занятия ею Берат а тем утратится окончательно всякое сочувственное отношение к ней[1].

Гирс.

№ 229. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 47. 2 июля/19 июня 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Отличительной чертой внешней политики Японии всегда был узкий национализм, свободный от всяких предвзятых понятий.

Свойство это ярко проявилось в настоящем всемирном кризисе. Поводом вступления Японии в войну с Германией послужил союзный договор с Великобританией. Но на самом деле договор 1902—1905 гг., направленный против нас, вовсе не обязывал Японию защищать свою союзницу против третьего государства. Действительной причи-

[1] В тел. Демидова от 4 июля/21 июня за № 238 сообщалось, что «здешний итальянский посланник обратился к греческому председателю совета с категорическим запросом, вознамеревается ли греческое правительство двинуть войска на Берат». «Гунарис отвечал в уклончивых... и мало успокоительных выражениях, что положение греков в названной местности становится невыносимым. Он заявил тем не менее, что занятие Берата правительством пока не имеется в виду».

ной выступления Японии против Германии явилась возможность использовать благоприятно сложившиеся обстоятельства для собственных целей. Германский «бронированный кулак», выдвинутый в Желтое море, был постоянной угрозой, как Ляодуну, так и Корее. Устранить эту угрозу и вытеснить германское влияние из областей, соприкасающихся со сферой японских интересов на азиатском материке, входило, несомненно, в затаенные планы японской дипломатии. Нужно было выждать удобный для того момент, и, когда он представился, Япония поспешила им воспользоваться.

Следуя той же затем политике узко-национальных интересов, Япония предъявила Китаю свои давно назревшие требования и добилась их принятия пекинским правительством, лишенным всякой действительной опоры со стороны других заинтересованных держав, занятых войной.

Достигнутые таким образом Японией успехи разрешили поставленную ее дипломатией политическую задачу: взятие Циндао было подготовительной стадией к Пекинскому договору 25 мая 1915 г.

Но этими результатами исчерпан и объект активной деятельности Японии в настоящую войну. Хотя здешняя страна и считается еще в войне с Германией, однако она никаких военных действий и мер не принимает ни в помощь своей союзнице Англии, ни в дальнейшем сокрушении общего врага. Лучшим тому показателем служит недавний отказ японского правительства запретить своим подданным торговые сношения с немцами в Китае.

Я имел уже случай доносить о том вообще благожелательном отношении к немцам [1], которое проявляется здесь в прессе и в некоторых политических кругах. Следует отметить, что в последнее время эта благожелательность даже несколько усилилась. Связанный словом, теперешний министр иностранных дел Японии не решится, конечно, отступить от принципов Лондонского договора для сепаратного мира с Германией. Однако с возможным уходом барона Като из кабинета, японское правительство, не связанное формально подписью, может на этот вопрос изменить свой взгляд, смотря по обстоятельствам.

В связи с таким настроением здешнего общественного мнения интересно проследить отношение его к фактическим союзникам Японии в настоящей войне. Я не буду останавливаться на Франции и Италии, так как эти страны имеют слишком мало политических во-

---

[1] См. №№ 57, 135.

чек соприкосновения с Японией. Что касается Англии, то в предшествовавших моих донесениях указывалось уже, насколько здесь чувствуется охлаждение к английской дружбе. В пользе последней для японских интересов еще более разочаровались по поводу отказа японского правительства от V группы требований Китаю [1]; здесь прочно держится убеждение, что Япония отказалась от этой группы своих домогательств по настоянию Англии и ради исключительно английских интересов. Распространенная газета «Ници-ници», во вчерашнем своем номере, вкладывает в уста барона Гото такие слова: «Последние события показали, что Япония не сумела использовать свой союз с Англией; Япония с начала настоящей войны работала исключительно в пользу Англии». Намекая на те же обстоятельства, депутат Такатоми пишет в «Ямато» от 29 июня н. ст.: «Международные отношения изменяются беспрестанно. Для государства нет постоянного врага или друга. Оно избирает другом того, с кем ему нужно сближаться для обеспечения своего положения. Поэтому Японии придется итти по неожиданному направлению после войны».

Напротив, по отношению к России печать всех оттенков продолжает попрежнему единодушно высказываться за необходимость использовать настоящий момент для заключения русско-японского союза. Вопросу этому все главнейшие газеты посвящают чуть не ежедневно обширные передовицы. Особенно оживилось обсуждение этого вопроса в последние дни, когда стало известным, что престарелый «генро» маркиз Иноуе прибыл из Окитцу в Токио для секретных совещаний с своими сотоварищами и членами кабинета. Передают за достоверное, что Иноуе настаивает на немедленных переговорах с нами по этому поводу. Газеты толкуют по своему это всеобщее стремление японцев к сближению с нами, общественное мнение видит в русско-японском союзе обеспечение своего будущего. Соперничество Англии в Китае, на ряду с малоуспешностью ее военных действий против Германии на море и на суше, поколебали здесь до некоторой степени престиж великобританской мощи. Япония опасается остаться изолированной и рисковать в будущем навлечь на себя гнев Германии за Циндао. Застраховать себя от германской опасности представляется японскому общественному мнению безусловно необходимым. «Если мир будет заключен, — пишет «Ямато, — без особых сокрушительных успехов с той или другой стороны, то это даст Германии возможность

[1] См. № 57.

выступить в будущем активно не только в Европе, но и па Дальнем Востоке и в частности в Китае. Тогда германцы легко используют враждебное отношение китайцев к Японии, чтобы нанести существенный ущерб японским интересам. Ввиду возможности такого положения в Японии все чаще и чаще раздаются голоса в пользу заключения нового союза с Россией. Россия поможет нам изгнать германцев с Дальнего Востока и установить там прочный продолжительный мир». В таком смысле высказывается почти вся сколько-нибудь влиятельная в Японии пресса.

Прилагаю не лишенную интереса статью «Кокумина» по тому же вопросу и вырезку из только-что вышедшего номера газеты «The Japan Daily Mail» [1].

Примите и пр.

Малевский.

№ 230. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

3 июля/20 июня 1915 г.

Pour faciliter une entente avec la Roumanie sans s'aliéner la Serbie, son excellence Mr. Delcassé a suggéré de déclarer à celle-ci que les Puissances alliées ne s'opposeront pas à l'union éventuelle des divers membres de la famille jugo-slave, voulue par les interessés [2].

Mr. Sazonow a, en conséquence, autorisé le chargé d'affaire de Russie à Nisch [3] de s'associer à ses collègues, s'ils reçoivent des instructione analogues, pour déclarer au gouvernement serbe que si la Serbie renonce à ses revendications sur le Banat en faveur de la Roumanie, les Puissances alliées s'engagent à faciliter l'union entre la Serbie et la Croatie [4].

---

[1] Упомянутые приложения хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле Яп. ст. 923.

[2] В Арх. Вн. Пол., в деле С. А. 554, имеется записка на франц. языке, озаглавленная: «Набросок, сделанный французским послом у министра иностранных дел» и датированная 3 июля/20 июня: «четыре державы заявят немедленно бухарестскому кабинету о признании ими румынских притязаний на Банат. Правительства французское, русское и английское подтверждают, сверх того, свое согласие на эвентуальное присоединение (l'attribution) Хорватии к Сербии и обязуются получить впоследствии согласие Италии на это присоединение».

[3] См. № 211.

[4] Публикуемая пам. записка м-ва ин. дел является ответом на пам. записку франц. пос-ва в Петрограде от 2 июля/19 июня, содержание которой исчерпывающим образом изложено в тел. Извольского от 27/14 июня за № 393 и от 3 июля/20 июня за № 401 (см. №№ 194, 236).

Перевод.

Дабы обеспечить соглашение с Румынией, не отталкивая от себя Сербии, его превосходительство г. Делькассе подал мысль заявить последней, что союзные державы не будут препятствовать объединению в свое время различных членов югославской семьи, — объединению, желаемому заинтересованными сторонниками.

Г. Сазонов поэтому разрешил российскому поверенному в делах в Нише присоединиться к его коллегам, если они получат соответствующие инструкции для заявления сербскому правительству, что если Сербия откажется от своих притязаний на Банат в пользу Румынии, то союзные державы обязуются способствовать созданию унии между Сербией и Хорватией.

№ 231. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 87. 3 июля/20 июня 1915 г.

His Majesty's Embassy has been instructed to make the following communication to the Imperial Ministry for Foreign Affairs with reference to the financial situation in Persia.

It is estimated that largely owing to the war the Persian revenues will show a deficit of from £ 350 000 to £ 400 000. The Russian and British Ministers at Teheran consider that the Persian Government can best be assisted by a modification of the moratorium in connection with the Customs receipts affected to the service of Persian foreign loans, and advances. This method would avoid the necessity of reference to the Medjliss; it would moreover enable assistance to be given to the Persian Government by means of monthly advances terminable when desired. The British and Russian Minister's idea is that Great Britain should agree to release from the Southern Customs receipts now paid into the Imperial Bank of Persia a monthly sum of £ 10 500; and that Russia should release from the Northern Customs receipts a sum of £ 20 000 a month; both Powers to agree that they would not press further for the payment of arrears which amount in the case of Russia to £ 150 000 and in the case of Great Britain to £ 20 000.

The estimated receipts from the Southern Customs for the year are £ 130 000 which is rather more than is required for the services of loans and interest, but not for instalments in reduction of capital on advances subsequent to 1912. As far as Great Britain is concerned the effect of this arrangement would be that the arrears due in six months would amount to about £ 83 000, the payment of some of the £ 30 000 half years interest on the 1911 loan being taken on by His Majesty's Government.

With regard to Russia, the receipts of the Northern Customs amount to about £ 380 000 for the year which is rather less than the charges to be met, and in six months dues would still be about £ 50 000 plus £ 40 000 the next instalment due on the 1913 advance. The Cossack Brigade, ex-Shah's pension etc. could be paid out of the balance. It is moreover estimated that the effect of the recent relaxation of the restrictions placed by Russia on trade with Persia would be to increase somewhat the receipts of the Northern Customs.

The British and Russian Ministers do not believe it would be feasible to exact any conditions as to control in the present temper of Persia, and that the only condition it might be found possible to attach would be regarding the purposes to which the advances are to be applied; and in this connection Mr. Marling suggests that part of the proceeds of the Southern Customs might be devoted to the maintenance of the Gendarmerie in Fars.

The effect of the British and Indian exchanges of the proposed transaction would apparently be on December 31 st next as follows:

arrears outstanding £ 40 500
six months interests 1903—1904 loan, £ 14 800,
instalment of 1912—1913 advances £ 50 000,
interest on the above £ 15 400,
coupons on public loan £ 31 250,
total approximately, £ 151 950.

In the opinion of Sir E. Grey it is most desirable to accomodate the Persian Government in the sense proposed by the British and Russian Representatives at Teheran. Delay in giving proof of our willingness to help the Persian Government might seriously aggravate the situation caused by German intrigues at Ispahan. Sir E. Grey is accordingly urging the British Treasury to act accordingly and he would be most grateful if Mr. Sazonow could see his way to adopting similar measures[1].

Перевод.

Посольство его величества получило указание сделать следующее сообщение императорскому министерству иностранных дел касательно финансового положения Персии.

Установлено, что, главным образом вследствие войны, персидские доходы обнаружат дефицит в 350 000 — 400 000 фунтов.

---

[1] Публикуемая пам. записка англ. пос-ва в Петрограде в основном излагает соображения финансового советника Маклена, изложенные им в отчете о перс. финансах 15/2 июня (см. № 146 и прим. 1).

Российский и британский посланники в Тегеране считают, что притти на помощь персидскому правительству можно лучше всего путем изменения мораториума в соответствии с таможенными поступлениями, обращаемыми на платежи по персидским иностранным займам и авансам. Применение этого метода позволило бы избежать необходимости обращения к меджлису; помимо того, он дал бы возможность оказывать помощь персидскому правительству, предоставляя ему помесячные авансы, могущие быть по желанию приостановленными. План британского и российского посланников сводится к тому, чтобы Великобритания согласилась отказываться ежемесячно от получения суммы в 10 500 фунтов из поступлений с южных таможен, вносимых теперь в Шахиншахский банк, и чтобы Россия отказалась от получения ежемесячно суммы в 20 000 фунтов из поступлений по северным таможням, с тем, чтобы обе державы договорились между собой не настаивать впредь на уплате просроченных отчислений, каковые в отношении России достигают 150 000 фунтов, а в отношении Великобритании — 20 000.

Исчисленные поступления с южных таможен на текущий год равняются 130 000 фунтов, что превышает платежи по займам и проценты по ним, но не взносы на погашение капитала по авансам, предоставленным после 1912 г.

Что касается Великобритании, в результате этого соглашения при просроченных платежах за шесть месяцев в сумме 83 000 фунтов, уплату полугодовых процентов примерно в сумме в 30 000 фунтов по займам 1911 г. возьмет на себя правительство его величества.

В отношении России поступления от северных таможен исчисляются приблизительно в 380 000 фунтов в год; эта сумма несколько меньше, чем предстоящие расходы, и через месяц задолженность выразится еще в 50 000 фунтов, помимо 40 000 фунтов, составляющих следующий взнос по погашению аванса 1913 г. Казачья бригада, пенсия бывшего шаха, и т. д. могли бы быть оплачены за счет остатка. Сверх того, установлено, что недавнее ослабление тех ограничений, которые Россия применяла к торговле с Персией, несколько повысит доходы северных таможен.

Британский и российский посланники не думают, чтобы можно было при нынешнем настроении Персии предъявить требование о введении контроля, и единственное условие, которое можно было бы ввести, должно было бы касаться предметов расходов, на покрытие которых идут авансы. В связи с этим г. Марлинг полагает, что часть поступлений от южных таможен можно было бы предназначить на содержание жандармерии в Фарсе.

Предполагаемая операция, повидимому, отразится на бюджете Британии и Индии к 31 декабря с. г. в следующих цифрах:

Просроченные платежи	40 500 фунтов стерлингов
Проценты за 6 месяцев по займу 1903 — 1904 гг.	14 800 » »
Погашение аванса 1912—1913 гг. . . .	50 000 » »
Наросшие по этой операции проценты .	15 400 » »
Купоны государственного займа	31 250 » »
Приблизительный итог . . .	151 950 фунтов стерлингов

По мнению сэра Э. Грея, весьма желательно удовлетворить просьбу персидского правительства тем способом, который был предложен британским и российским представителями в Тегеране. Отсрочка в засвидетельствовании нашей готовности притти на помощь персидскому правительству может серьезно осложнить положение, вызванное интригами Германии в Исфагани. Вследствие этого сэр Э. Грей советует британскому казначейству действовать сообразно с этим, и он был бы очень благодарен, если бы г. Сазанов нашел возможным принять подобные же меры.

№ 232. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3182. 3 июля/20 июня 1915 г.

Копия в Лондон.

Телеграмма № 356 [1] получена.

Министр финансов согласился выдать Ферман-Ферма 1 000 фунтов на месяц, пока в виде опыта. Сносимся с Лондоном, прося, чтобы Англия выдавала столько же. Как только Марлинг получит соответствующие инструкции, можете дать Ферман-Ферма обещание выдавать ему субсидию.

Само собою разумеется, что мы будем субсидировать принца не для того, чтобы свергнуть кабинет Эйн-эд-Доуле. Мы ждем от него только того, чтобы он, согласно своему обещанию, подавил враждебную нам агитацию и привлек общественное мнение на нашу сторону. В случае же падения нынешнего кабинета и образования нового под председательством Ферман-Ферма, мы готовы продолжать оказывать ему поддержку, если он сдержит свои обещания.

Сазонов.

Прибавка для Лондона: Благоволите спешно переговорить с сэром Э. Греем по этому поводу и постараться убедить его открыть Марлингу соответствующий кредит и снабдить его соответствующими инструкциями [2].

№ 233. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Письмо № 92 [3]. 3 июля/20 июня 1915 г.

Спешно.

М. г. Стан[ислав] Альф[онсович,]

До меня доходят слухи о том, что Германия напрягает силы не только для удержания Румынии от вмешательства в войну на стороне России, но и для привлечения ее в качестве союзницы против нас. С этой

[1] См. № 218.

[2] См. № 245.

[3] Черновик написан рукой Шиллинга.

целью Германия старается склонить Австро-Венгрию к значительным уступкам в пользу румын, а также, повидимому, обещает последним земельные приращения за счет России [1].

Принимая во внимание изменчивость румын, можно опасаться, что при создавшейся ныне военной обстановке они способны поддаться немецким внушениям, и, в случае неуспеха переговоров с нами, перейти на сторону наших врагов. Поэтому мне казалось бы необходимым своевременно принять меры к разъяснению румынам крайне серьезных для них последствий, к которым неизбежно привел бы их подобный оборот дела. Действительно, если даже допустить [2] возможность длительного неблагоприятного для нас положения на театре военных действий, Россия всегда останется могущественной державой, которая не простит Румынии ее перехода во враждебный лагерь и при первой возможности рассчитается с ней. Таким образом, если бы румынское правительство решилось увлечь страну из-за минутных выгод в войну против России, оно, несомненно, погубило бы все будущее Румынии, которая может спокойно развиваться только при условии хороших отношений со своей великой соседкой.

Благоволите всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами способствовать утверждению в умах румын ясного сознания вышесказанного, не придавая однако вашим словам характера официального выступления.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 234. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

Письмо № 699 [3]. **3 июля/20 июня 1915 г.**

Весьма секретно. Спешно.

М. г. Николай Николаевич,

Согласно полученному мной от посланника нашего в Софии доверительному известию, генерал Каульбарс по телеграфу обратился

[1] В тел. от 6 июля/23 июня за № 385, (опубл. Ц. Р., стр. 197, № 95) Савинский излагал разговор, который, по поручению Братиану, вел с ним вернувшийся из Бухареста рум. посланник в Софии. Последний говорил Савинскому, что «Братиану хочет во всем следовать примеру Италии и до момента мобилизации будет не только скрывать свое решение, но принужден будет, быть может, для отвода, мол, глаз вести переговоры с австро-немцами, что не должно де нас смущать».

[2] Далее зачеркнуто: «мысль о неблагоприятном для нас исходе нынешней войны, — чего на самом деле быть не может».

[3] Черновик написан рукой Гулькевича (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 309, № 25).

из Одессы к военному агенту Болгарии с секретным запросом дать сведения о путях сообщения между Бургасом и Константинополем, ввиду поручения ему подготовительных работ по десанту [1].

Вследствие сего почитаю долгом привлечь особливое внимание вашего высокопревосходительства на то обстоятельство, что телеграмма, исходящая от барона Каульбарса, который, по словам д. с. с. Савинского, в высшей степени непопулярен в Болгарии, может возбудить усиленное подозрение заинтересованных болгарских военных и правительственных лиц [2]. Таким путем может быть обнаружено содержание телеграммы названного генерала и намерение наше воспользоваться болгарской территорией для военных операций, тогда как в то же время мы с Болгарией находимся еще на пути длительных переговоров, с целью сдвинуть Болгарию с занимаемой ею позиции [3].

Передавая вам сказанные соображения в силу необходимости предотвратить впечатление на болгар, могущее послужить во вред нашим переговорам, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня о последующем.

Сазонов.

№ 235. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 434. 3 июля/20 июня 1915 г.

Copie Paris.

Reçu No 3103 [4].

En ai communiqué contenu à Nicolson qui, après m'avoir donné connaissance télégramme de Buchanan parvenu ce matin, me dit que

[1] Сведения, приведенные публикуемым документом, содержатся в тел. Савинского от 2 июля/18 июня за № 371 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 308, № 250). Савинский в этой тел. указывал, что сообщение свое он делает на тот случай, «если бы явилась мысль поручить и самую десантную операцию Каульбарсу, одно имя которого слишком непопулярно в Болгарии». (Имеется в виду деятельность Каульбарса в 80-х годах, сначала в качестве главы русских военных инструкторов, а позже, в 1886 г., — особого агента Александра III, когда он, выступая против болгарского правительства, с воззваниями к болгарскому народу от имени России, диктаторски распоряжался в Болгарском княжестве, в результате чего произошел разрыв дипломатических сношений между Россией и Болгарией.)

[2] Далее зачеркнуто: «и что посему возможны усугубленные старания постичь тот ключ, коим телеграмма нашифрована. Нельзя упускать из виду, что старания такого рода могут все же увенчаться некоторым успехом и таким образом болгарам станут известны намерения части нашей военной администрации».

[3] Далее зачеркнуто: «малодоброжелательного нейтралитета в круг интересов союзных держав».

[4] См. № 211.

les Puissances, pensant qu'il y avait lieu de concentrer leurs efforts sur un des pays balkaniques et que Bulgarie paraissant la plus indiquée, le Cabinet s'occuperait aujourd'hui même de cette question, ainsi que des sacrifices que Serbie serait appelée à porter. Il ne pouvait par conséquent me donner d'informations précises sur point de vue gouvernement anglais concernant une union future entre Serbie et Croatie. Tout personnellement, Nicolson ne croit pas qu'il soit possible d'induire Sonnino à donner dès maintenant déclaration précise à ce sujet. Au même titre d'opinion personnelle, il doute, que Serbie puisse être satisfaite par une déclaration au sujet d'une éventualité contenant hypothèse et qu'elle renonce à ce prix à ses exigences concernant sécurité Belgrade du côté Banat. Nicolson continue à considérer question comme extrêmement difficile et compliquée. D'un côté il considère les Puissances tout comme engagées vis-a-vis Serbie pour une partie Banat, de l'autre il appréhende qu'en fin de compte Bulgarie pour entrer en action exige gage immédiat, c'est-à-dire occupation de la Macédoine. Nicolson redoute extrêmement qu'il n'y ait là un danger sérieux de guerre à brève échéance entre Bulgarie et Serbie [1]. Je suis porté à croire que gouvernement anglais attache à question serbe importance très sérieuse.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил № 3103.

Сообщил его содержание Никольсону, который, ознакомив меня с содержанием полученной сегодня телеграммы Бьюкенена, сказал мне, что державы предполагают сконцентрировать свои усилия, дабы действовать на одну из балканских стран, и что наиболее подходящей для подобного воздействия представляется, повидимому, Болгария. Кабинет сегодня же займется как этим вопросом, так и тем, какие жертвы выпадут в таком случае на долю Сербии. Поэтому он не мог меня с точностью осведомить о точке зрения английского правительства на будущее объединение Сербии и Хорватии. Совершенно личное мнение Никольсона: он не верит в возможность побудить Соннино теперь

---

[1] Тел. от 19/6 июля за № 427 Бенкендорф сообщал Сазонову «в виде информации», что Веснич, пробывший несколько дней в Лондоне, «опасается возможности возникновения внутренней войны на Балканах... он полагает, что соглашение союзников с Болгарией в явный ущерб Сербии должно вызвать в Сербии, и в особенности в армии, реакцию, последствия которой невозможно предвидеть. По мнению Веснича, если Болгария и заключит соглашение с союзниками, то ее политика никогда не будет искренней, так как Болгария больше всего опасается появления союзников в Константинополе и окончательного завладения Россией этим городом. Он не думает, что Болгария будет этому содействовать».

же сделать определенное заявление по этому вопросу. Лично он, Никольсон также сомневается в том, чтобы Сербия могла быть удовлетворена декларацией, заключающей лишь основанную на гипотезе возможность, и чтобы она за эту цену отказалась от своих притязаний касательно обеспечения безопасности Белграда со стороны Баната. Никольсон продолжает считать вопрос крайне трудным и сложным. С одной стороны, он считает, что все державы приняли своего рода обязательства перед Сербией по отношению части Баната; с другой — он опасается, что в конечном счете Болгария потребует для своего выступления немедленный залог, иначе говоря, оккупацию Македонии. Никольсон очень боится, что в этом кроется серьезная опасность войны в ближайшее время между Болгарией и Сербией. Я склонен думать, что английское правительство придает сербскому вопросу очень серьезное значение.

Бенкендорф.

№ 236. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 401. 3 июля/20 июня 1915 г.

Копия в Лондон.

Получил вашу телеграмму № 3103 [1].

Сообщил ее содержание Делькассе, который заметил мне, что в предположенном заявлении сербскому правительству должно быть упомянуто, что Румыния готова со своей стороны обещать, что она будет содержать в Южном Банате лишь число войск, необходимое для полицейской службы, что она не будет воздвигать также укреплений и что сербским жителям Баната будет оказана помощь к выселению путем покупки их земель. Делькассе снабжает французского посланника в Нише соответственными инструкциями. Ему до сих пор неизвестно, как относится к настоящему вопросу лондонский кабинет.

Извольский.

№ 237. Вице-консул в Скутари во II политический отдел министерства иностранных дел.

Донесение № 224. 3 июля/20 июня 1915 г.

Секретно. Весьма доверительно.

Имею честь донести отделу, что сего числа за №№ 223 и 225 мною сообщается гг. императорским поверенному в делах в Черногории и посланнику в Сербии нижеследующее:

Нынешнее изменение старательно поддерживавшегося консулами великих держав status quo в Северной Албании, т. е. оккупация г.

[1] См. № 211.

Скутари черногорскими войсками [27] 14 сего июня, произошло под влиянием ряда обстоятельств, которые я постараюсь разобрать в настоящем ректроспективном обзоре.

Обстоятельства эти заключаются, как мне кажется, в полной государственной незрелости здешних албанцев, легко поддающихся любой политической пропаганде, раз последняя связана с денежной или иной временной и хотя бы призрачной выгодой, в ярко выраженной религиозной и партийной вражде местных элементов между собой, в склонности к политиканству и полном отсутствии политической последовательности и административных способностей. С другой стороны, подобные условия, особливо на ряду с нынешней общеевропейской войной, неминуемо должны были усилить давнишнее стремление Черногории расширить свою власть на мало жизнеспособную (при настоящих, по крайней мере, обстоятельствах) Северную Албанию, в частности же на г. Скутари. К этому присоединяется еще, с момента вступления в войну Италии, частичный параллелизм действий Черногории и здешнего австрийского консула, который стремился, как я полагаю, по приказанию своего правительства, способствовать вступлению черногорцев в Скутари, дабы парализовать тем самым нежелательное Австрии усиление итальянского здесь влияния, а также воспользоваться фактом занятия Скутари Черногорией, как средством для получения в будущем Итальянским королевством и Сербией меньших компенсаций на побережье Адриатического моря. Далее, по общераспространенному здесь мнению (основывающемуся на примере последней балканской войны), недавнее появление сербов в здешнем районе могло возбудить опасение в Цетинье, как бы сербы, чего доброго, не вступили в Скутари и тем способствовали распространению влияния на этот город Эсада или же своего собственного. Наконец, замечавшаяся тенденция Италии занять здесь политическое положение Австрии, пользуясь в данном случае Эсадом, работающим, повидимому, не только в соглашении с Черногорией и Сербией, но руководствующимся, кроме того, особыми директивами римского кабинета, должна была также способствовать ускорению наступления момента черногорской оккупации Скутарийского района.

В подтверждение вышесказанного, позволяю себе рассмотреть каждый из этих факторов более подробно в отдельности.

А л б а н ц ы. Ввиду того, что я уже имел случай неоднократно указывать на присущие здешним албанцам свойства, чрезвычайно затрудняющие, на ряду с почти полным безденежьем, создание твердых начал правления и установление прочного и длительного по-

рядка в крае, считаю долгом остановиться ныне лишь на относящихся к сему фактах последних дней, которые дают яркую картину господствовавшего здесь политического разложения.

Наиболее типичным является в данном отношении непримиримая рознь между католиками и мусульманами, которая заставила албанцев закрыть глаза на надвигавшуюся для них опасность полного поглощения Албании другими государствами и прекращения существования последней.

Как я имел честь указать в ряде секретных телеграмм, здешние эсадисты, как наиболее многочисленный и влиятельный мусульманский элемент, всячески старались поддержать своего единоверца и единоплеменника Эсад-пашу.

В этих видах между прочим отбыли в Цетинье 21 прошлого марта тиранский нотабль Реджиб-бей и здешний сторонник Черногории Ибрагим-бей Соколович для зондирования почвы, не согласилась ли бы Черногория оказать активную помощь Эсад-паше в борьбе с враждебными ему элементами (ср. мое донесение [10 апр.]/28 марта) [1]. С той же целью поддержания Эсада из Скутари отправились, направляясь в Гурси, несколько сот его приверженцев, а также воспоследовало вслед затем занятие эсадистами части горы Тарабош, дабы побудить Бибдоду-пашу открыть свободное прохождение в упомянутом направлении. Дело дошло при этом даже до перестрелок между католиками и эсадистами (моя секретная телеграмма от [3 мая]/20 апреля и [21] 8 мая) [2]. Наконец, в столь же осязательной форме конфликт между двумя вероисповедными группами выразился в чреватом последствиями недавнем вопросе о свободном пропуске задержанного в Медуа черногорского хлебного груза, когда мусульмане, пренебрегая соображениями политической необходимости, категорически отказались пропустить этот груз, доколе католические члены административного совета не пойдут на компромисс и не начнут снова заседать с ними.

На ряду с этим и за последнее время замечалась ярая партийная борьба между эсадистами (включая католиков) и националистами, выразившаяся, между прочим, в убийстве приверженца Эсада и Чер-

---

[1] Донесение Ферхмина от 10 апр./28 марта за № 82 хранится в Арх. Вн. Пол. в деле П. А. 1248. Содержание его в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Тел. Ферхмина от 3 мая/20 апр. и 21/8 мая (без номера) хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле К. 3. Содержание их в основном изложено в публикуемом документе.

ногории Николы Мираш-Люца из племени Кастрати здешним жандармом-католиком (моя секретная телеграмма [9 июня]/27 мая с. г.) [1].

Что касается католиков, то австрийская пропаганда, пользовавшаяся, как средством для достижения цели, помощью преданного Австрии католического духовенства, албанской прессой и подкупами, усилила в католическом населении доходящую до ослепления неприязнь к здешним мусульманам, а также и к Эсад-паше. Неприязнь эта даже побудила их, против воли Австрии, изменить до известной степени свою прежнюю линию поведения и обратиться в конце концов к поддержке Италии. Так, между прочим, когда мусульмане признали Эсад-пашу временным главой Албании, католики, по совету итальянского консула, согласились на распространение власти паши на Медуа в надежде, что державы, быть может, допустят при таких условиях либо назначение католика Бибдоды губернатором Северной Албании, с приданием ему итальянских советников, либо новую интернационализацию края путем занятия его отрядами: итальянским, английским и французским, либо иную комбинацию, предотвращающую перспективу включения Скутарийского района в состав «новой малой Турции». Убедившись, наконец, в том, что соответствующие их проекты не могут рассчитывать на успех, они решили избрать (как они полагают пока) из «двух зол меньшее» и добровольно отдаться под «временное», по их убеждению, покровительство Черногории.

Черногория. Симптомы того, что Черногория не потеряла своих прежних видов на завладение Скутари, были видны с самого начала интернационализации упомянутого района и продолжали проявляться до последней минуты.

В частности, со времени прибытия сюда консула Мартиновича, тенденция эта коснулась даже исконного положения российского вице-консульства в Скутари. Рядом телеграмм и частных сообщений я счел необходимым обратить на сие внимание императорской миссии, много способствовавшей облегчению соответствующей моей задачи, указывая на прогрессивно возрастающую тенденцию г. Мартиновича черногоризировать православный элемент Скутарийского района, с одновременным нарушением традиционного принципа заинтересованности в судьбах последнего (т. е. проживающих здесь славян) вверенного мне вице-консульства. Как ваше высокородие изволите знать, черногорские министры старались исключить из нашего ведения суб-

---

[1] Тел. Ферхмина от 9 июня/27 мая (без номера) хранится в Арх. Вн. Пол., в деле К. 3. Содержание ее в основном изложено в публикуемом документе.

сидируемую нами здешнюю женскую сербскую школу имени государыни императрицы Марии Федоровны, черногорский консул стремился отдалить от меня православных селяков и местную сербскую общину, устранить меня от «вмешательства» в чреватые осложнениями вопросы между православными и иноверцами, свел на-нет достигнутое с большим трудом участие двух сербских членов в административном совете, старался удалить отсюда бывшего члена русской обители архимандрита Виктора и т. п. (мои телеграммы в императорскую миссию от [26] 13 октября и [24] 11 ноября минувшего года[1] и [20] 7 и [5 марта] 20 февраля, [15] 2 и [3 апреля] 21 марта, [29] 16 апреля, [20] 7, [25] 12 за №№ 129 и 130, [27] 14, [1 июня] 19 и [13 июня] 31 мая сего года)[2]. Все это, с целью внушить местным православным и албанцам мысль о том, что Черногория уже ante factum занимает здесь самодовлеющее положение хозяина и не признает создавшегося в Албании status quo.

Кроме того, поставив себя сразу в оппозицию к консульскому и административному советам, г. Мартинович нередко стремился сгущать краски, своим же резким и даже вызывающим поведением по отношению к местному населению старался, как я полагаю, сознательно обострить и без того уже крайне натянутые и ненормальные албано-черногорские отношения.

В частности, в недавнем вопросе о пропуске черногорских товаров в королевство, черногорский консул, как я узнал из разных источников, значительно осложнил переговоры с албанцами в Медуа и тем косвенно способствовал затяжке и затруднениям в разрешении вопроса.

Последнее же дало основание Черногории занять правый берег Бояны для обеспечения транзита товаров в королевство, что, со своей стороны, послужило поводом к оккупации местностей, лежащих вокруг Скутари, а затем привело и к вступлению черногорских войск в самый город.

Излишне говорить, что неприязненное отношение албанцев к своей славянской соседке и чинимые ей препятствия и затруднения являются одной из главных причин нынешнего совершившегося факта, но справедливость требует указать на то, что преследовавшаяся здесь г. Мартиновичем политика также несомненно затруднила возложен-

[1] Тел. Ферхмина от 26/13 окт. 1914 г. в делах б. м.-ва ин. дел не обнаружена; тел от 24/11 нояб. 1914 г. хранится в деле Арх. Вн. Пол. в деле К. 7. Содержание ее в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Перечисленные тел-мы Ферхмина в делах б. м.-ва ин. дел не обнаружены.

ную на консулов задачу миролюбивого разрешения длительной албано-черногорской распри.

Австрия. Стремление австрийского консула завлечь черногорцев в Скутари было заметно здесь еще до вступления в войну Италии. Тем не менее, следуя, повидимому, указаниям своего правительства избегать по возможности обострения итало-австрийских отношений, г. Халля «закрывал нередко глаза», по собственному его выражению, на те или иные факты, способствовавшие установлению менее натянутых отношений между албанцами и черногорцами. Так, в частности, в вопросе о пропуске предназначавшихся в королевство товаров он иной раз, совершенно неожиданно для нас, допускал урегулирование албанцами относящихся к сему вопросов. Однако, с момента вступления в войну Италии, тактика австро-венгерского консула резко изменилась, и, как я имел честь доносить в свое время, г. Халля настойчиво начал разжигать страсти албанцев и всячески толкать их против королевства, с целью привлечения в Скутари черногорцев и парализования тем самым итальянского здесь влияния. Подметив стремления Италии расширить власть Эсад-паши на часть Северной Албании, г. Халля воспользовался обстоятельством расположения к подобному плану большинства мусульман, чтобы, основываясь на религиозной неприязни вероисповедных элементов, убедить здешних католиков в необходимости и желательности скорейшего вступления сюда черногорцев. При этом австрийский консул давал понять католикам, что таковое вступление не только избавит их от власти ненавистного им мусульманина Эсада, но даже способно посеять раздор между союзниками, воюющими против Австрии и Германии. Вследствие сего «пребывание черногорских войск в Скутари и на сей раз не будет де продолжительным и, кроме того, повлечет за собой новые, выгодные для местного католического элемента комбинации и установление державами соответствующего его видам modus vivendi». В результате, католики не преминули согласиться на доводы своего «протектора» и открыть черногорцам, при посредстве пресловутого Бибдоды-паши, свободное вступление в столицу Северной Албании, причем примеру их последовали тогда и мусульмане, получившие, повидимому, на сей предмет предварительные указания от Эсад-паши.

Не могу при этом скрыть личного моего впечатления, что, как я уже сказал выше, в данном вопросе замечался несомненный, частичный, по крайней мере, параллелизм действий между черногорскими и австрийским консульскими представителями, приложившими каж-

дый со своей стороны усилия к тому, чтобы осложнить вопрос о снабжении королевства жизненными припасами и тем способствовать скорейшему непосредственному вмешательству Черногории в албанские дела и появлению ее войск на албанской территории (ср. мои телеграммы от [8 июня]26 и [13 июня]31 мая и [21] 8 июня)[1].

Сербия. Отмеченное мной в секретных телеграммах от [4 июня] 22 и [5 июня] 23 мая[2] появление сербских войск в Центральной и в особенности в Северной Албании (в районе племени Хаси и Везирова моста) не только возбудило опасение черногорцев, как бы сербы не вошли в Скутари ранее их, но также послужило одним из поводов ссылаться на то, что нейтралитет Албании нарушен в настоящее время как итальянцами и греками, так и их «братьями славянами» и что поэтому и «черногорцы в праве оставаться в Албании до тех пор, пока другие занявшие ее нации не покинут эту страну» (подлинные слова генерала Вешовича)[3]. До какой натянутости доходили при этом черногоро-сербские отношения, — доказывает хотя бы тот полученный мной из заслуживающего доверия источника факт, что, во время недавнего движения отряда генерала Вешовича на Скутари, чуть было не дошло до столкновения между черногорским и сербским авангардами, стоявшими близ Везирова моста, так как черногорцы захотели было остановить дальнейшее «наступление» сербов в Албании.

Италия. Последним, наконец, фактором, ускорившим назревание постепенно подготовлявшегося процесса вступления Черногории в Скутарийский район, явилась политика Италии, стремившейся наряду с сохранением прежнего status quo на месте усилить свое положение за счет вытесняемой ею Австрии (ср. мое весьма доверительное донесение от [11 ноября] 29 октября минувшего года)[4]. Как

---

[1] Тел. Ферхмина от 8 июня/26 мая, 13 июня/31 мая и 21/8 июня хранятся в Арх. Вн. Пол., в деле К. 3. Содержание их в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Тел. Ферхмина от 4 июня/22 мая хранится в Арх. Вн. Пол. в деле К. 3. Содержание ее в основном изложено в публикуемом документе. Тел. от 5 июня/23 мая в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] 6 июля/23 июня Ферхмин телеграфировал, что организованная ген. Вешовичем, «делегация в составе 24 мусульман, 21 католика и 11 православных для выражения чувства преданности» черногорскому королю «отбыла в Цетинье, где, по всем данным, намереваются заручиться письменным заявлением делегатов о распространении власти черногорцев на Скутари».

[4] Донесение Ферхмина от 11 ноября/29 окт. 1914 г. хранится в Арх. Вн. Пол., в деле П. А. 1247. Содержание его в основном исчерпывается публикуемым документом.

ваше высокородие изволите усмотреть из ряда относящихся к сему сообщений, итальянский коллега приложил все зависящие от него усилия к тому, чтобы заручиться в данном деле не только поддержкой мусульманской массы, но и привлечением на свою сторону католического населения. Как мы видели выше, усилия эти не остались безрезультатными, и лишь нанесенный в последнюю минуту черногороавстрийский удар разрушил дальнейшее осуществление намечавшегося здесь, повидимому, Италией плана.

При этом одним из решающих, по всем данным, моментов, давших Черногории повод к немедленному вступлению в Скутари, послужило решение мусульман высказаться, накануне появления здесь черногорских войск, в пользу официального введения турецкого языка, поднятия эсадовского флага и назначения губернатором Скутари мусульманина по выбору Эсад-паши, т. е. намечались мероприятия, которые могли при известных условиях быть с руки Италии и создать в Скутари положение вещей, не соответствующее современным видам цетиньского кабинета.

Принимая во внимание все вышеизложенное, становится, по скромному моему мнению, понятным, почему Черногория была в состоянии решиться на столь несвоевременное, с местной точки зрения, занятие албанских земель и почему оправдались уже известные вашему высокородию слова черногорского консула о том, что его правительство займет г. Скутари «хотя бы против воли великих держав».

Г. Ферхмин.

№ 238. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 379. 3 июля/20 июня 1915 г.

Лично.

Ссылаюсь на свой № 355 [1].

Французский посланник прочел мне предложенный Делькассе союзникам проект ответа болгарскому правительству. Есть опасение, что при нынешнем положении вещей [2] последнее не захочет назначить

[1] См. № 191.

[2] Воен. агент в Болгарии Татаринов 30/17 июня за № 1684 телеграфировал в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба, откуда это сообщение было передано в м-во ин. дел (д. П. А. 4230): «В связи с германскими успехами и состоявшимся соглашением с Турцией, король и правительство под давлением немцев готовится броситься на сербов». Далее сообщаются указания на усиленную деятельность в болг. армии по подготовке мобилизации. «Момент выступления, — заканчивает

срока для своего выступления, и поэтому, может быть, лучше не торопить этим ответом, если с общей политической точки зрения нет необходимости в скорейшем выступлении Болгарии. Если же таковое необходимо, то мне и Панафье [1] кажется, что оно могло бы быть достигнуто только обещанием занятия хотя бы части Македонии. Это единственный способ, пред которым, под натиском общественного мнения и македонцев, не устоит ни одно правительство без риска пасть [2]. В самом занятии могли бы быть соблюдены градации: оно могло бы быть проведено или в момент выступления Болгарии против турок, или тотчас по взятии Константинополя и для охраны сербского самолюбия не болгарскими, а союзными войсками. Из сербских источников, близких к королевичу Александру, мне передают, что будто последний сказал, что сербы не могут согласиться добровольно на требуемые нами от них уступки в пользу Болгарии, покуда у них нет уверенности насчет судьбы Баната, и что прекращение переговоров с Румынией, все равно не обещающих, по мнению королевича, успеха, было бы для сербов сигналом пойти на уступки Болгарии, а это, в свою очередь, содействовало бы определению последней. Если мысль личного обращения к королевичу, затронутая в моем № 355 [3], была принята в принципе, то можно было бы, напомнив

Татаринов, — будет зависеть от дальнейшего развития германского наступления против нас, но не ранее конца августа — времени полного окончания жатвы».

[1] Тел. от 1 июля/18 июня за № 368 Савинский сообщал: «Английский посланник отозван. Предполагает уехать на-днях».

[2] 3 июля/20 июня Гаджемуков донесением за № 164 сообщал, что ему «пришлось встретиться с некоторыми шефами тайных противоправительственных организаций»; на его вопрос: «не предполагается ли в скором времени насильственная перемена правительства», один из них заявил: «Покамест это не предвидится, мы зорко следим за переговорами правительства и ожидаем выяснения лишь следующих вопросов: какую гарантию нам дадут, что Сербия и Греция уступят нам после войны обещанные территории, а также точное определение роли болгарской армии в европейской войне. Мы надеемся, что эти вопросы будут улажены, и после этого Радославов либо принужден будет действовать согласно интересам государства, либо появится необходимость употребить против правительства немедленные меры».

Препровождая письмом от 9 июля/25 июня Сазонову копию этого «весьма интересного донесения», Савинский писал: «Как вам известно из моей предыдущей переписки, со своей стороны, не могу не разделить справедливости этого мнения, но, конечно, при условии, чтобы наши решения не составляли достояния отдельных лиц, злоупотребляющих ими, а получили наибольшее распространение в стране».

[3] См. № 191.

ему слова собственной же его телеграммы к государю императору [24] 11 июля прошлого года о вручении судьбы Сербии в руки его величества [1], указать ему на необходимость в насущных интересах России и ее союзников немедленной оккупации части Македонии. Кроме всех других выгод, эта жертва, требуемая от Сербии ее спасительницей, была бы вознаграждена и тем, что державы не протестуют против владения ею Северной Албанией и не будут противиться немедленному выходу к Адриатике, в противность тому, что они были вынуждены сделать в 1912 г. Кроме того, державы могли бы обещать Сербии в будущем еще более обширную материальную и военную помощь. Оставленная нами Румыния, не могущая, очевидно, осуществить при посредстве наших противников своих национальных идеалов, сама пришла бы тогда просить нашей помощи. Чувствуя необходимость пробить во что бы то ни стало коридор в Константинополь, немцы, как здесь упорно утверждают, готовятся бросить сильную армию, под начальством Макензена на Сербию и раздавить ее окончательно. Королю Фердинанду не останется ничего более, как, наружно протестуя, пропустить германские войска чрез болгарскую территорию. Я надеюсь, ваше высокопревосходительство, извините меня за откровенность взгляда, может быть, не совпадающего с традиционной политикой России к мелким славянским государствам и высказанного без означения всех подробностей положения, а лишь на основании местных условий и в поисках способа нанести скорейшее поражение врагам.

Савинский.

№ 239. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Письмо. 4 июля/21 июня 1915 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Отмеченное уже мною в предыдущих донесениях [2] угнетенное настроение здешнего общественного мнения, вызванное продолжающимся отступлением наших войск в Галиции, за последние дни скорее увеличилось. Я должен при этом оговориться, что это обстоятельство отнюдь не обозначает упадка в Румынии веры в силу и мощь России, точно так же, как замечающийся некоторый подъем духа в здешних австро-германских и сочувствующих им немногочисленных румынских кружках нисколько не доказывает, что теперь может измениться ориентировка иностранной политики румынского правительства, или

[1] См. т. V, № 37.
[2] См. №№ 20, 170.

что слабнут симпатии к Тройственному согласию румынских политических деятелей и населения. Однако прямым последствием господствующего здесь ныне настроения является все большее и большее распространение убеждения, что настоящий момент — самый опасный для выступления Румынии и что немедленное вмешательство ее в войну не будет даже нам полезным, ибо оно может повести к разгрому румынской армии, которая при других обстоятельствах оказалась бы для нас более ценным союзником. Кроме того, в здешних военных и политических кругах всегда преобладало мнение, что румынская армия должна присоединиться к нашей в момент нашего наступления и облегчить нам переход Карпат, а потому перспектива изолированных действий румынских войск пугает почти всех и порождает даже страх германской оккупации Румынии.

При таких условиях я должен сознаться, что переговоры наши с Братиану о скором выступлении Румынии с некоторых пор не кажутся мне более реальными, и я все более склоняюсь к уже высказанному мною вашему высокопревосходительству предположению [1], что Братиану выставил в своем последнем ответе новые условия, дабы затянуть выступление Румынии до того момента, когда наша армия найдет возможным перейти в наступление, каковой момент кажется ему, по неизвестным мне причинам, не особенно отдаленным, так как он обыкновенно указывает при этом на срок в 2—3 месяца. Вместе с тем Братиану попрежнему столь же горячо желает закончить политическую часть наших переговоров, дабы затем перейти к обсуждению с нами условий кооперации обеих армий, и ему, повидимому, кажется, что его дипломатический талант позволит ему все закончить к поставленному им себе сроку.

Более откровенно высказывает свое мнение министр финансов, г. Костинеску, о чем я уже имел честь донести вашему высокопревосходительству [2]. Вчера мне пришлось иметь с ним продолжительную беседу, во время коей он совершенно открыто заявил мне, что выступление Румынии при нынешнем положении на нашем театре военных действий привело бы его отечество к катастрофе, которой, он уверен, что и мы не желали бы подвергать Румынию. Для него нет сомнений в том, что Германия и Австрия могли бы перебросить ныне с нашего фронта достаточное количество войск, чтобы отбросить румынскую

[1] См. № 192.

[2] В письме от 26/13 июня Поклевский писал Сазонову, что «некоторые сторонники Тройственного согласия, в роде г. Костинеску, не скрывают, что настоящая минута — самая опасная для выступления Румынии».

армию, которая к тому же недостаточно снабжена военными припасами. Костинеску при этом осуждал Братиану за то, что он ведет с нами переговоры о выступлении Румынии в определенный срок, что, по его мнению, совершенно немыслимо. Министр финансов считает, что гораздо правильнее было бы откровенно нам сказать, что Румыния может выступить лишь при наступлении известной конъюнктуры, а именно, когда мы начнем наступать на австрийцев, и что до того времени нам следовало бы окончить переговоры о политическом соглашении, дабы не оставить ничего недоговоренного, что вновь могло бы отдалить участие Румынии в войне. Я долго оспаривал мнение моего собеседника и, между прочим, указал ему на то, что в сущности румынское правительство стремится ныне добиться от нас побольше уступок под фальшивым предлогом, так как оно вперед находит невозможным начать военные действия в назначенный Братиану срок. Костинеску ответил, что румынские интересы ныне более, чем когда-либо связаны с нашими, что Румыния должна была выступить в то время, когда мы находились на Карпатах, что она непременно выступит в будущем, но не в настоящий момент, когда это было бы бесполезно для нас и слишком опасно для нее самой. Что же касается до наших переговоров с Румынией, то он высказал мнение, что при другой обстановке на театре войны, признание нами румынских пожеланий в Буковине повлекло бы за собою немедленную уступку со стороны Румынии в вопросе о Банате.

Мне также пришлось говорить на-днях с корпусным командиром генералом Авереску, который хорошо знает Россию и считается большим почитателем нашей армии и сторонником более скорого выступления Румынии против Австрии. Генерал сказал мне, что с тех пор, как выяснилось положение Италии, он находит любой момент подходящим для выступления Румынии, лишь бы он совпал с наступлением хотя бы левого фланга нашей армии. Без последнего условия он считает движение румынских войск через Карпаты опасным и даже нецелесообразным с нашей точки зрения. Генерал также высказался в пользу скорейшего заключения политического соглашения, после чего, по его мнению, следовало бы установить непосредственные сношения между штабом верховного главнокомандующего и румынским генеральным штабом и предоставить этим учреждениям окончательно условиться относительно момента выступления Румынии.

Мнения этих двух лиц, которые с самого начала войны стоят на нашей стороне, довольно верно освещают создавшуюся здесь за послед-

нее время обстановку, а потому я и позволил себе остановить на них подольше внимание вашего высокопревосходительства.

Примите и пр.

П о к л е в с к и й.

№ 240. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 650. 4 июля/21 июня 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 3103 [1].

Английский посланник не получил инструкций. Намеченное обращение произведет здесь весьма тяжелое впечатление, и можно ожидать, что сербская армия, уже теперь мало склонная к наступлению, выкажет еще большую пассивность, когда узнает, что в сторону Баната ей не на что рассчитывать. За последнее время до меня с разных сторон доходят сведения о нежелании сербского солдата сражаться, так как, по его мнению, сложившемуся под влиянием газет, державы отнимут затем плоды его побед в пользу бездействующих нейтральных соседей. Сербы теперь ставят Румынию на одну ступень с Болгарией, говоря, что она выступит только при явном перевесе России на театре войны. Со стороны правительства все чаще приходится слышать, что державы своими обещаниями не заставят нейтральных воевать, подрывая вместе с тем у союзной Сербии последние силы.

Ш т р а н д т м а н.

№ 241. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 364. 4 июля/21 июня 1915 г.

Дополнение моей телеграммы № 361 [2].

По сведениям, сообщенным депутатом меджлиса, шах, вопреки предположениям Эйн-эд-Доуле, неожиданно вчера вечером принял его отставку и согласился, по представлению председателя меджлиса, поручить Мостоуфи-оль-Мемалеку образование нового правительства с назначением министром внутренних дел Самсам-эс-Солтане. Будущим министром иностранных дел называют Ала-эс-Солтане или Моавин-эд-Доуле. Шах, оказывается, высказал резкое порицание Эйн-эд-Доуле за несвоевременные и не вызванные обстоятельствами ос-

---

[1] См. № 211.

[2] См. стр. 257, прим. 2.

ложнения. Я вчера еще через одного из принцев подтвердил шаху, что наша совместная практическая с его правительством работа возможна только при условии оставления у власти Эйн-эд-Доуле и всех его сотоварищей, что при всякой другой комбинации нам необходимо будет предварительно твердо удостовериться в искренности намерений нового кабинета, причем мы будем основываться на актах, а не на словах и обещаниях и что поэтому новая задержка в делах окажется неминуемой. Настоящий переворот вызван меджлисом, и нам следует, мне кажется, принять выжидательный образ действий по отношению к новому правительству, отсрочив во всяком случае дальнейшие переговоры об авансе.

Эттер.

№ 242. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 346. 5 июля/22 июня 1915 г.

М. г. Петр Львович,

Ссылаясь на письмо вашего высокопревосходительства от [1 июля] 18 сего июня за № 388 [1], имею честь уведомить вас, что посланник наш в Пекине уже обратил внимание китайского правительства на новую экспедицию германских офицеров в Монголию и просил о принятии мер к задержанию их [2].

Сообщая о сем, считаю своим долгом присовокупить, что едва ли мы можем вполне рассчитывать, что китайцы будут принимать действительные меры против деятельности германских агентов, тем более, что таковые, перейдя в Монголию за пределами районов, на которые распространяется китайская администрация, легко могут ускользнуть от внимания китайских властей. Все это требует принятия с нашей стороны действительных мер для предупреждения появления названных экспедиций в районе Китайской Восточной железной дороги.

Примите и пр.

Сазонов.

---

[1] Письмо Барка за № 388 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] В тел. Крупенского от 21/8 июня за № 338 сообщалось, что, «по имеющимся в миссии сведениям, два германских морских офицера предприняли новую экспедицию в Монголии». Посланник указывал, что сносится «с китайцами о задержании германцев».

№ 243. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 5 июля/22 июня 1915 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Vous avez peut-être eu connaissance d'un mémoire confidentiel, que je vous transmets ci-joint, à tout hasard, adressé par le Foreign Office, sous la date du 24 juin dernier, au ministre d'Angleterre à Nich, Sir C. Des Graz [1]. Il m'a été communiqué sous toute confidence par mon collègue britannique et m'a semblé à tel point intéressant que j'ai jugé opportun de vous en faire tenir une copie pour le cas où il ne vous ait pas été soumis déjà; je vous serais obligé, dès lors, de ne pas en dévoiler la provenance.

Le mémoire en question contient une série d'arguments plus ou moins spéciaux en faveur de la thèse des concessions serbes, et s'évertue à justifier la décision des Puissances de l'Entente quant à l'octroi à la Bulgarie de cette zone de Macédoine, objet de ses aspirations. Il comprend une suite de raisonnements mi-partie historiques, mi-partie empruntés aux impérieuses exigences de cette guerre sans merci, destinés à fournir au représentant anglais à Nich d'amples moyens de persuasion auprès du gouvernement serbe, tout en projetant certaine lumière sur les points de vue du Cabinet de St.-James. Mr. Pachitch y est passablement malmené et rendu responsable de la faillite du bloc balkanique, et, partant, de l'abstention néfaste des Etats de la péninsule au conflit.

Le document préconise, en somme, tout en s'en défendant, la formule, désormais célèbre, à savoir, que nécessité fait loi. Il est à craindre que la politique anglaise ne se soit obstinée, pour une fois, à la poursuite d'une chimère et que sa plaidoirie si convaincante soit-elle, ce n'est guère, au lendemain de 1913, que l'on pourra, semble-t-il, reconstituer de cette façon l'union des Etats balkaniques et les emmener à se tendre la main.

Outre les arguments du mémoire qui ne sont pas tous faits, à mon sens, pour convaincre, je voudrais, sans trop jeter de suspicion sur notre alliée d'aujourd'hui, vous découvrir néanmoins un coin discret de ma pensée. Si la logique anglaise n'est point toujours d'une conséquence à toute épreuve, l'on ne peut refuser à sa politique les qualités de prévoyance et de continuité. Parfois je me pose la question, si cette persévérance déployée à refondre le bloc balkanique et à étendre coûte que coûte

[1] См. приложение к публ. документу.

les frontières de la Bulgarie, vise uniquement les besoins immédiats et pressants de la guerre et ne constitue pas dans l'arrière-pensée des politiciens britanniques, une ligne de conduite bien tracée, dont l'objectif serait de rendre plus vulnérable la position du détenteur de la capitale ottomane. Il entre peut-être, également dans les vues de l'Angleterre, de concert avec l'Italie, de ne pas trop sympathiser à l'expension serbe. Je n'affirme pas, je suggère. Toujours est-il que l'idée d'une Grande Bulgarie devant nous servir de tremplin à la réalisation de nos séculaires aspirations semble avoir fait son temps. Si l'opinion publique de la Grande Bretagne avec son Balkan Committee, fidèle aux traditions gladstoniennes, ou celle d'Italie avec ses Montegazza et autres émules, se déclare en faveur de l'agrandissement bulgare, je voudrais croire qu'il ne s'agit que d'obtenir une indispensable et passagère coopération, non pas d'escompter certains penchants populaires enracinés, en vue de projets d'avenir dont la pointe pourrait être dirigée contre nous

Veuillez agréer etc.

Démidow.

Приложение.

Английский министр иностранных дел английскому посланнику в Сербии Де Гра.

24/11 июня 1915 г.

His Majesty's Government at the outset of the war made it clear to all the Balkan Governments, that they desired to leave all questions of territorial re-arrangements for settlement between those Governments themselves. At the same time, they did not conceal their conviction that certain concessions to Bulgaria on the part of the other Balkan Governments would be necessary to the reconstitution of a Balkan bloc in any form, and they consistently expressed their opinion that the formation of such a bloc was the only worthy object at which Balkan statesmanship could aim.

These views were clearly expressed to the Servian Government in the joint communication presented to them by the Entente Powers on the 30th August last[1].

These views have never changed, and the Servian Government should recognize the patience and forbearance with which His Majesty's Go-

[1] См. т. VI, ч. I, стр. 196, прим. 2.

vernment have refrained from pressing their point. As late as the 5th February [1] Sir E. Grey impressed upon the Servian Minister in London that the desirability of concessions to Bulgaria was urged on the ground, not of justice and right, but of wise policy in the interests of Servia herself; that His Majesty's Government did not feel a right to put pression upon her at a time, when she was making such a valiant fight against Austria, and that they could therefore only say frankly what they thought was wise.

His Majesty's Government have now felt obliged to take a more definite line. Mr. Pashitch has apparently received with dismay, the joint communication made to him by the Entente Powers. But deeply, as he may regret the pressure thus brought to bear upon him, he cannot justly argue that the views of the Powers have come to him as a surprise. Judging from Sir C. Des Graz's despatch No 164 of the 20th November, Mr. Pashitch had himself, seven months ago, urged these very views upon the opposition parties in the Skuptchina, and he must have been aware that he owes it, not to the indecision, but only to the forbearance of the Entente Powers, that they had contented themselves during all these months, with such informal discussion as that mentioned above between Sir E. Grey and Mr. Boschkovitch of the 5th February, rather than proceed to such a formal demand as that which they have now made. In addition to the grounds urged in Sir E. Grey's telegram to Sir C. Des Graz No 184 of the 4th June, Mr. Pashitch should weigh carefully the considerations arising out of the history of the past few years and out of the course of these last ten months of war.

Since the 4th August 1914, the three Powers have borne a steadily increasing burden and paid accumulating sacrifices in a war the first origin of which was the promise given by His Majesty the Emperor of Russia to the Prince Regent of Servia on the 27th July «that Russia will in no case disinterest herself in the fate of Servia [2]. Since the middle of December last Servia has lived in comparative peace. Recognizing her heroism and her sacrifices before that date, it is only fair to state that since then she has borne no part in the struggle which in Poland, Galicia, France, Flanders and the Dardanelles has imposed on her allies losses in men and money unprecedented in any former war. Notwithstanding those losses, Servia has had throughout these months, the services of British doctors and nurses whom, it must be confessed,

---

[1] Ср. т. VII, № 126.
[2] См. т. V, № 120.

His Majesty's Government could ill spare, as well as other services which it is not for His Majesty's Government to enumerate. The Allies of Servia have certainly no desire to make capital out of such services, which were freely and gladly rendered, nor does Great Britain desire to rate at too high a price the assistance of her naval mission upon the Danube or her medical mission under Colonel Hunter. Mr. Pashitch will remember his own words to Bulgaria in February 1913: «Les armées et les armes font partie de l'honneur national et on ne les rend pas pour de l'argent». But, on the other hand, he cannot feel surprise that, after these months of suffering imposed on their own subjects, her Allies, even though more confident than ever of final victory, should feel themselves justified in converting their reiterated suggestions into an emphatic and considered declaration.

It may not be out of place to recall past history to Mr. Pashitch's memory.

Sir R. Paget's[1] despatches No 85 and 91 of the 11 th and 21st November 1912, respectively, throw a curious light on subsequent history.

The former despatches closed with the prediction that it was the fixed determination of the Sevrian Government if the Entente Powers failed to secure for her the possession of a port on the Adriatic, to adopt a policy «of unconcealed hostility towards Austria-Hungary, whose slav population they will endeavour to stir up and whom they will harass in every conceivable manner». Servia has carried out that determination to the letter, and out of the tension thus created has arisen the present war.

The Servian Government can well claim that the alternative thus presented to them was not of their own choosing, that they took it with reluctance, and that they themselves foretold the struggle which must follow. The article from the «Samouprava» enclosed in Sir R. Paget's second despatch above mentioned contains predictions which His Majesty's Government are, at this distance, prepared to confess were well founded. They now admit that the Balkan settlement reached in 1913 could «not possibly afford any sure guaranties for peace in the future». They admit that an outlet to the sea is necessary to Servia to protect her trade against the caprices of foreign States, that, «this vital need of hers can only be satisfied and safeguarded if access to a seaport and the port itself is permanently in her own hands». And they also admit the truth of what follows: «The road to the Aegean, even if it

[1] Англ. посланник в Сербии.

lay across Servian territory, would be unnatural for Servia. An outlet on the Aegean would offend the interests of our Allies, would include foreign territories, and would be considered only as provisional, and clashing with the interests of all the Balkan States».

This outlet to the sea was one of the main reasons urged by the Servian Government in 1913 for their right to the possession of the Vardar valley, and it is true that the result has been that predicted by the «Samouprava». It is to end this clashing and this offence to the interests of Bulgaria that the Entente Powers have expressed their determination to revise the whole settlement recahed in 1912—1913. They are resolved to give full, if tardy, recognition to the rights of Servia to those «rivages serbes de l'Adriatique» from which the Servian Government on the 8th January 1913 announced the withdrawal of their troops in the interests of European peace. Servia now looks forward with certainty to the possession if not of the actual district of Durazzo aimed at by her in 1912, of a coast line on the Adriatic far more extended and far more valuable than she could then have dreamt to obtaining.

In considering the views of the Powers, based on the above considerations, Mr. Pashitch should, in the first place, remember what, on his own showing, is the value to Servia of the Macedonian districts which the allied Powers invite her to cede in exchange for the fruits, not only of her sacrifice in 1913, but of her aspirations in Bosnia, Herzegovina and Croatia, in which she then proclaimed her intention of seeking compensation for those sacrifices. On the 28 th May 1913, he announced with pride to the Skuptchina that he had refused an offer of the entire valley of the Vardar, together with Salonica, in exchange for voluntary abandonment of the Adriatic coast. The whole history of the years 1912—1913, and Mr. Pashitch's attitude throughout that period show that this announcement accurately represents the relative importance attached by the Servian Government at that time to the southern as against the western expansion of Servia. He was criticized at the time for not accepting such an offer, but His Majesty's Government only asked him to revert to the policy implied by his refusal.

And, in the second place, Mr. Pashitch would do well to consider the change which the last $2^1/_2$ years have brought about in the policy of His Majesty's Government, and the length which they had travelled towards the acceptance of Servian aspirations, which before were hardly considered outside Servia herself. In his telegram to Sir R. Paget, No 126, of the 29th November 1912, Sir E. Grey said: «I have always

recognised the necessity for Servia to have a commercial outlet on the Adriatic; I have never said that a Servian port was the only way of obtaining it. On the contrary, there is more than one method of securing in substance the commercial advantages which Servia wants». His Majesty's Government have now no doubt as to the right of Servia to the most ample outlet to the sea through her own territory, nor any hesitation in offering her an assurance that the outlets assigned to her after the war will be more numerous and more valuable than the port of Durazzo.

All this is said without any desire to belittle the difficulties which Mr. Pashitch has to face in his own country. His threat of resignation may not be so seriously intended as might appear, for he has frequently employed the same threat in similar circumstances. His resignation was mooted in November 1912 on the question of the withdrawal from Albania; he again threatened it in February 1913 on the question of the possession of Dibra and Djakova; he twice tendered it on the eve of the second Balkan war, and he has, it is thought, touched on the possibility on several occasions since the outbreak of the present war. But it is impossible to forget the formidable criticism levelled against him by the Nationalist Party in the Skuptchina on more than one occasion in 1913 on the charge of a too conciliatory policy towards Bulgaria, and a too great subservience to the Powers, nor the danger of a strong movement in the army against conciliation. But, however, great this danger may be Mr. Pashitch, in weighing it, should do so in the light of the fact that Servia is not the only country whose policy finally depends upon popular sentiment. Before August 1914 the people of Great Britain knew nothing of Servian aspirations — the conception of Jugo-Slavia was one which had entered the minds of none but a dozen students; the electorate of Great Britain was unaware that any national movement of a serious character existed involving the extension of Servia into the heart of Austria-Hungary. Since August the whole problem of nationalities in South-Eestern Europe has acquired a sudden significance, and has commanded an extraordinary growth of sympathy and indeed enthusiasm even, and perhaps especially among the working classes such as probably cannot be paralleled in the case of any previous national movement. But the unanimous opinion of students in this country, and of those who, under their influence, have responded to this movement, is one favourable to the occupation of Macedonia by Bulgaria on the ground of the national principle itself. There is in this country no doubt whatever that the rinciple of nationali-

ties assigns these regions to Bulgaria, and that, without the cession of these territories, no peace in the Balkans can be assured.

No such sudden movement of sympathy as this can determine the action of a nation when weighed against the actual sacrifices and sufferings entailed by war upon its own citizens, and the sympathy for the nationalist aspirations of Servia could not by itself induce the people of this country to continue a costly war, beyond the point rendered necessary by their own immediate interests and their treaty obligations to their Allies, so soon as the full pressure of war upon life and resources has been felt and consciously endured for some time. Any considerable protraction of the war, due to the immobilisation of the Balkan States by mutual jealousy, must therefore seriously endanger the prospect of His Majesty's Government being able to impose sacrifices on His Majesty's subjects for the sole object of securing Servia's legitimate expansion. If, when the time comes, His Majesty's Government must further inform the people of this country that the object of the continuance of the war is not only to secure such expansion for a Nation on whose side British popular sympathy is keenly enlisted, but also to assist them in witholding from Bulgaria territory which those very sections of the British people most in sympathy with Servia are convinced should be ceded to her neighbour, it will be almost impossible to secure popular consent for the continuance of such a dubious crusade. The difficulty will be immensely increased by the fact that a continuance of the war might well imply — possibly in a more poignant degree — the imposition of increased sacrifices on the Belgian Government and people, and Mr. Pashitch should realise and exert himself to bring that realisation home to the army as well as to the opposition parties, that the future of his country, at this moment when its future appears brighter than at any previous time for centuries, is bound up with that of another small European Nation to which His Majesty's Government are especially bound by every obligation of honour and gratitude.

Mr. Pashitch may well enquire, and indeed has already enquired, why, if this sentiment for the principle of nationalities is so strong in this country, His Majesty's Government have entered into arrangements with Italy which he suspects violate that principle. This question must be boldly faced. Mr. Pashitch might, indeed, be reminded that Russia is equally a party with France and His Majesty's Government to any arrangement which has been arrived at with Italy, and that Servia is bound by ties to Russia similar to those which bind Great

Britain to Belgium. But the real answer to Mr. Pashitch's question is more forcible, if less flattering. We believe that Mr. Pashitch's reluctance to come to an arrangement with Bulgaria is responsible for the failure of the Balkan States to intervene in this war against the Central Powers, and therefore for the maintenance of that condition of disunion with which it has been the policy of those Powers to guard their weakest and most vulnerable flank. If Mr. Pashitch had acted upon the recommendation of the Powers on the 30th August last; if he had steadily pursued a policy of reconstituting a Balkan Bloc and releasing Roumania for an active attack on Austria, he would not have been under the necessity of appealing on the 1st December last[1] ad misericordiam to Roumania to intervene suddenly and unpreparedly to save Servia from her imminent danger: she would have had at that time and now the assured assistance of Greece, and at least the benevolent neutrality of Bulgaria, and the entry of Roumania into action, would have carried with it the intervention of Italy on easier terms. As it was, the Allied Powers, faced with the necessity of military action at the Dardanelles in default of the active participation of the Balkan States, and with the burden of a slow war of attrition by frontal attaks on the eastern and western fronts, could not with justice to their own subjects, forswear the assistance of Italy on the ground that some of her desiderata may have prejudiced certain of the less immediate interests of Servia.

Finally, one word may be said as to the argument of Servia's sacrifices. When in January 1913 she withdrew her troops from Albania and renounced the hope of a port on the Adriatic; again when later in the year the cession of Monastir to Bulgaria was urged her; and now again when she is invited to pledge herself to the future exchange of the pis-aller of 1913 for the realisation of her most ardent hopes, Servia has appealed, and appealed justly, to the heroism and sacrifice of blood and treasure which those acquisitions entailed. The plea is one which must command the most respectful attention and sympathy, but, when made now, His Majesty's Government, while fully mindful of the difference between a Great Power which has already reached the limit of its expansion and a small State emerging from national extinction with hopes of reconquering her historic position in Europe, must nevertheless ask the Servian Government to consider that on no inch of the territory on which British armies are now fighting in Europe,

[1] См. т. VI, № 575 и прим. 2; № 584 и прим. 2.

will His Majesty's Government ever possess any sovereignty or enjoy any increased advantages. Servia finds herself on the side of Allies who are fighting not primarly for any specific national gains, but for the establishment of a peaceful international order. Unless Servia can contribute her part towards that end, her sacrifices in this and previous wars will be in the deepest sense useless, even were she to retain every inch of territory she now possesses and gain in addition the utmost limits of her aspirations.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Быть может, вы уже знакомы с той доверительной запиской, которую я при сем препровождаю на всякий случай; она послана английским министерством иностранных дел английскому посланнику в Нише сэру Ч. Де Гра; она была мне сообщена под большим секретом моим британским коллегой и показалась мне настолько интересной, что я счел нужным отправить вам ее копию, на случай, если она не была вам представлена; поэтому я был бы вам благодарен за сокрытие источника ее получения.

Указанная памятная записка заключает ряд аргументов особого характера, доказывающих необходимость уступок со стороны Сербии, и стремится оправдать решение держав Согласия касательно предоставления Болгарии зоны Македонии, на которую она претендует. Записка приводит серию соображений отчасти исторических, а отчасти вытекающих из настоятельных потребностей нынешней беспощадной войны; они должны дать английскому представителю в Нише обширный материал для убеждения сербского правительства, до известной степени освещая также точку зрения сен-джемского кабинета. Г. Пашичу в этой записке довольно сильно достается; на него возлагается ответственность за развал балканского блока, а следовательно, и за пагубное уклонение стран полуострова от участия в войне.

В сущности эта записка, несмотря на то, что она отрицает это, защищает ставшую отныне знаменитой формулу: что необходимо, то законно. Боюсь, что английская политика на этот раз пустилась в погоню за химерой и что, как бы убедительна ни была аргументация ее, отнюдь не этим способом через два года после 1913 года удастся, мне кажется, восстановить союз балканских государств и склонить их протянуть друг другу руку.

Не все аргументы записки, по моему мнению, убедительны, и в дополнение к ней я хотел бы, не вызывая слишком сильных подозрений в отношении нашей теперешней союзницы, все же высказать, хотя бы весьма неполно, мое понимание положения. Если английская логика не всегда достаточно последовательна, то нельзя отказать английской политике в признании за ней предусмотрительности и постоянства. Я задаюсь иногда вопросом: вызвана ли эта настойчивость в воссоздании балканского блока и в расширении, во что бы то ни стало, болгарских границ исключительно неотложными и непосредственными надобностями войны, или же в сокровенные помыслы английских политиков входит основательно продуманный план действий, имеющий целью сделать более уязвимым положение тех, кто будет владеть оттоманской столицей?

Быть может, в виды Англии также входит, в согласии с Италией, не слишком благоприятствовать сербской экспансии. Я не утверждаю этого, а лишь предполагаю. Во всяком случае, мечта о великой Болгарии, которая могла бы послужить нам трамплином при осуществлении наших исконных стремлений, повидимому, отжила свой век. Если общественное мнение Великобритании, с ее «балканским комитетом», верным традициям Гладстона, или общественное мнение Италии, с Монтегацца и ему подобными, высказывается за расширение Болгарии, я хотел бы верить, что дело идет лишь об обеспечении необходимого и преходящего сотрудничества, а не об учете некоторых укоренившихся национальных вожделений, ввиду планов на будущее, острие каковых могло бы быть направлено против нас.

Примите и пр. **Демидов.**

Приложение.

Английский министр иностранных дел английскому посланнику в Сербии Де Гра.

Правительство его величества в начале войны объявило всем балканским правительствам о своем желании предоставить все вопросы перераспределения территорий на разрешение самих этих правительств путем договоренности между ними. В то же время оно не скрыло своего убеждения в том, что некоторые уступки Болгарии со стороны других балканских правительств были бы необходимы для восстановления балканского блока, в какой бы то ни было форме, и неуклонно высказывало свое мнение, что образование такого блока—единственная достойная внимания задача, которую балканские государственные люди могли бы себе поставить.

Эта точка зрения была ясно изложена сербскому правительству в совместном сообщении, сделанном ему державами Антанты 30 августа минувшего года.

Эти взгляды никогда не менялись, и сербское правительство должно признать терпение и умеренность, с которыми правительство его величества воздерживалось от оказания давления в этом вопросе. Лишь 5 февраля сэр Э. Грей привлек внимание сербского посланника в Лондоне на то, что желательность уступок Болгарии основана не на справедливости и праве, но на разумной политике, согласной с интересами самой Сербии, и что правительство его величества не чувствовало себя в праве оказывать на нее давление в то время, как она мужественно боролась против Австрии, а потому оно могло лишь откровенно указывать на то, что, по его мнению, было разумным.

Правительство его величества в настоящее время видит себя вынужденным занять более определенную позицию. Г. Пашич, повидимому, принял с неудовольствием совместное сообщение, сделанное ему державами Согласия, но, как бы глубоко он ни сожалел о давлении, оказываемом на него, он не может привести основательные доказательства того, что точка зрения держав застигла его врасплох. Если судить по депеше сэра Ч. Де Гра от 20 ноября № 164, сам г. Пашич семь месяцев тому назад защищал ту же точку зрения перед оппозицией в скупщине, и он должен был знать, что не нерешительности, а долготерпению Согласия он обязан тем, что в течение последних месяцев они довольствовались обменом мнений столь неофициального характера, как происходив-

ший 5 февраля между сэром Э. Греем и г. Бошковичем, вместо того, чтобы предъявить формальное требование, как они сделали это теперь. В дополнение к основаниям, приведенным в телеграмме сэра Э. Грея к сэру Ч. Де Гра № 184 от 4 июня, г. Пашич должен тщательно взвесить соображения, вытекающие из истории последних нескольких лет и из десяти месяцев войны.

Начиная с 4 августа 1914 г. три державы несли неизменно возрастающее бремя и приносили все новые жертвы в войне, первоначальным поводом к которой было обещание, данное его величеством императором России принцу-регенту сербскому 27 июля, «что Россия ни в коем случае не отнесется безразлично к судьбе Сербии». С середины декабря минувшего года Сербия жила сравнительно мирно. Признавая ее героизм и принесенные ею до того жертвы, справедливо отметить, что с тех пор она не приняла участия в борьбе, которая в Польше, Галиции, Франции, Фландрии и в Дарданеллах вызвала у ее союзников небывалые ни в одной из прежних войн потери людьми и деньгами. Несмотря на эти потери, Сербия пользовалась в течение всех этих месяцев услугами британских врачей и сестер, уделить которых, надо сознаться, было трудно правительству его величества, и другими видами помощи, перечислять каковые правительство его величества не считает нужным. Союзники Сербии, конечно, не собираются спекулировать такого рода услугами, оказанными с радостью и без расчета, равным образом Великобритания не желает давать слишком высокую оценку помощи, оказанной ее морской миссией на Дунае или медицинской миссией полковника Гунтера. Г. Пашич вспомнит свои собственные слова, обращенные к Болгарии в феврале 1913 г.: «Войска и вооружения — составная часть национальной чести, и их не дают за деньги». Но, с другой стороны, он не может удивляться, что после стольких месяцев страданий своих подданных, союзники ее [Сербии], хотя и более чем когда бы то ни было уверенные в конечной победе, чувствуют себя в праве заменить свои многократные напоминания недвусмысленной и обстоятельной декларацией. Уместно было бы освежить в памяти г. Пашича историю этого вопроса.

Депеши сэра Р. Пэджета №№ 85 и 91 от 11 и 21 ноября 1912 г. дают любопытное освещение будущему развитию событий.

Указанные депеши заканчиваются предсказанием, что у сербского правительства создалась твердая решимость на случай, если державы Согласия не обеспечат за ним обладание портом на Адриатическом море, усвоить политику «явной враждебности к Австро-Венгрии, славянское население которой оно [сербское правительство] будет побуждать к восстанию и которой оно будет чинить затруднения всеми мыслимыми способами». Сербия выполнила это решение в точности, и созданное таким образом напряженное положение вызвало нынешнюю войну.

Конечно, сербское правительство может ссылаться на то, что поставленная перед ним альтернатива не была объектом его свободного выбора, что оно приняло свое решение после внутренней борьбы и что оно само предсказывало конфликт, который должен был явиться следствием этого. Статья в «Самоуправе», приложенная ко второй указанной выше депеше, заключает предсказания, которые правительство его величества после истекших лет готово признать прочно обоснованными. Оно ныне допускает, что урегулирование положения на Балканах, достигнутое в 1913 г., «не дает каких-либо прочных гарантий мира на будущее время». Оно признает, что Сербии необходим выход к морю, чтобы обес-

печить ее торговлю от капризов иностранных держав, что «эта жизненная потребность ее может быть удовлетворена и обеспечена лишь доступом к морскому порту, и если этот порт будет постоянно находиться в ее собственных руках». Равным образом оно признает истину следующего положения: «Путь к Эгейскому морю, даже если бы он шел бы через сербскую территорию, был бы для Сербии неестественным... Выход к Эгейскому морю нарушил бы интересы наших союзников, включал бы чужие территории и считался бы только временным и противоречащим интересам всех балканских государств».

Этот выход к морю был одним из главных оснований, на которые ссылалось в 1913 г. сербское правительство, доказывая свои права на обладание долиной Вардара, и, действительно, результат был тот, который предсказывала «Самоуправа». Дабы покончить с этим противоречием и нарушением интересов Болгарии, державы Согласия заявили о своей решимости подвергнуть пересмотру все положение, созданное в 1912 — 1913 гг. Они решили полностью, хотя бы и с опозданием, признать права Сербии на «сербское побережье Адриатического моря», откуда, как сербское правительство объявило 8 января 1913 г., оно вывело свои войска в интересах европейского мира. Сербия теперь уверена в получении, если не нынешнего округа Дураццо, обладания коим оно добивалось в 1912 г., то гораздо более обширной и ценной полосы Адриатического побережья чем та, об обладании которой она могла тогда мечтать.

При оценке точки зрения держав, основанной на указанных выше соображениях, г. Пашичу следовало бы прежде всего вспомнить, каково, по его собственным словам, значение для Сербии македонских округов, которые союзные державы предлагают ей уступить в обмен не только на плоды ее жертв в 1913 г., но и на объекты ее вожделений в Боснии, Герцеговине и Хорватии, где, как она заявила, она намеревалась найти компенсации за эти жертвы. 23 мая 1913 г. он [г. Пашич] с гордостью объявил в скупщине, что он отказался от предложенной ему всей долины Вардара, вместе с Салониками, в обмен на добровольную уступку Адриатического побережья. Вся история 1912 — 1913 гг. и занятая г. Пашичем в то время позиция доказывают, что это заявление точно соответствует сравнительной оценке, дававшейся в то время сербским правительством южному и западному направлению экспансии Сербии. Тогда его критиковали за то, что он не принял подобного предложения, правительство же его величества лишь просило его продолжать политику, начатую его отказом. За сим г. Пашичу надлежало бы принять во внимание изменение, которое произошло за последние $2^1/_2$ года в политике правительства его величества, и долгий путь, который ею пройден в сторону признания тех сербских притязаний, которые едва ли учитывались за пределами самой Сербии. В своей телеграмме на имя сэра Р. Пэджета № 125 от 29 ноября 1912 г. сэр Э. Грей заявил: «Я всегда признавал для Сербии необходимость иметь выход для своей торговли на Адриатическом побережьи, но я никогда не утверждал, что единственным разрешением этого вопроса является обладание Сербией собственным портом на Адриатике. Наоборот, имеется много иных способов получить на деле торговые преимущества, желательные для Сербии». Правительство его величества теперь не сомневается в праве Сербии на самый широкий выход к морю через собственную территорию и без всякого колебания заверяет ее, что предназначаемые ей после окончания войны выходы к Адриатическому морю будут более многочисленны и ценны, чем порт Дураццо.

Все это сказано отнюдь не из желания преуменьшить затруднения, с которыми г. Пашичу приходится иметь дело в своей стране. Его угроза подать в отставку, может быть, не так серьезна, как может показаться, так как он часто прибегал к этой угрозе в подобных случаях. Об отставке его было заявлено в ноябре 1912 г. по вопросу об уходе из Албании; он еще раз грозил отставкой в феврале 1913 г. по вопросу владения Диброй и Дьяковым. Он два раза предлагал ее накануне второй балканской войны, и, насколько известно, с начала нынешней войны в нескольких случаях ставил тот же вопрос о своей отставке. Но нельзя забывать ни страстную критику, поднятую против него в скупщине националистической партией, обвинявшей его в чересчур примирительной политике в отношении Болгарии и слишком большом угодничестве по отношению к державам, ни опасность сильного движения в армии против примирительной его позиции. Однако, как бы ни велика была эта опасность, г. Пашич, учитывая ее, должен принять во внимание, что Сербия не является единственной страной, где политика в конечном счете зависит от настроения народа.

До августа [1914 г.] великобританский народ ничего не знал о сербских вожделениях, — понятие о Юго-Славии усвоено лишь небольшим количеством ученых, — избирательный корпус в Великобритании был не осведомлен о том, что существует какое-либо серьезное югославянское движение, поддерживающее экспансию Сербии вплоть до самого сердца Австро-Венгрии. С августа все проблемы национальностей в юго-восточной Европе внезапно приобрели значение и вызвали необыкновенный рост симпатии, даже энтузиазма, быть может, более всего среди трудящихся классов в таких размерах, подобных которым нельзя найти в отношении ни одного из прочих народных движений. Однако общее мнение английских ученых и тех, кто, находясь под их влиянием, примкнули к этому движению, сочувствует занятию Македонии Болгарией на основании национального принципа. В Англии никто не сомневается в том, что принцип национальностей предназначает этот район Болгарии и что без уступки ей этих территорий на Балканах нельзя обеспечить мир.

Так внезапно родившаяся симпатия не может однако определять политику нации, если принять в расчет нынешние жертвы и страдания, причиняемые войной ее собственным гражданам. Симпатия к национальным стремлениям Сербии не могла сама по себе побудить население нашей страны продолжать дорого стоящую войну дольше пределов необходимости с точки зрения ее собственных непосредственных интересов и вытекающих из договоров обязательств ее к союзникам, с тех пор как все тяготы войны в отношении жизни и материальных ресурсов были уже испытаны и добросовестно переносились в течение некоторого времени. Сколько-нибудь значительная затяжка войны в силу иммобилизации балканских стран, вызванной взаимной ревностью, должна сильно подорвать возможность для правительства его величества потребовать жертв от подданных его величества с единственной целью обеспечить для Сербии ее законную экспансию. Если в свое время правительство его величества будет вынуждено дать народу дальнейшие объяснения в том смысле, что война продолжается не только для обеспечения подобной экспансии для нации, к которой обращены горячие симпатии британского народа, но также для оказания ей помощи против Болгарии для удержания той территории, которая, по убеждению симпатизирующей Сербии части британского народа, должна быть отдана Болгарии, то будет почти невозможно добиться согласия народа на про-

должение такого сомнительного крестового похода. Затруднение будет до крайности увеличено тем, что продолжение войны может вызвать, возможно еще в более трагических формах, еще большие жертвы со стороны бельгийского правительства и народа, и г. Пашич должен был бы сам убедиться и постараться передать это убеждение сербской армии и сербским оппозиционным партиям, что будущее его страны, — в момент, когда оно представляется более блестящим, чем когда-либо в течение столетий, — связано с будущим другой небольшой европейской нации, с которой правительство его величества соединено неразрывно долгом чести и признательности.

Г. Пашич в праве спросить и действительно уже спросил, почему, если признание принципа национальностей так сильно в Англии, правительство его величества вошло в соглашение с Италией, которое он считает нарушением этого принципа. Не следует уклоняться от этого вопроса. Действительно можно напомнить г. Пашичу, что Россия, с Францией и правительством его величества, тоже является участником всех соглашений, подписанных с Италией и что Сербия связана с Россией узами, подобными тем, которые соединяют Великобританию с Бельгией. Но настоящий ответ на вопрос г. Пашича более убедителен, хотя и менее лестен. Мы полагаем, что нежелание г. Пашича притти к соглашению с Болгарией является причиной того, что балканские государства не вмешались в войну против центральных держав и что они в силу этого остались разъединенными, к чему и стремилась политика этих держав в целях охраны их самого слабого и наиболее уязвимого фланга. Если бы г. Пашич действовал по указаниям союзных держав, данным 30 августа минувшего года, если бы он настойчиво проводил политику восстановления балканского блока и привлечения Румынии к активному выступлению против Австрии, то он не был бы вынужден обратиться 1 декабря минувшего года к милосердию Румынии с мольбой вмешаться внезапно и без подготовки, чтобы спасти Сербию от неминуемой опасности; Сербия имела бы и тогда и теперь поддержку Греции и, по меньшей мере, благожелательный нейтралитет Болгарии, а выступление Румынии повлекло бы за собой и вмешательство Италии на более приемлемых условиях. Между тем, союзные державы, поставленные перед необходимостью предпринять военные действия в Дарданеллах, вследствие уклонения балканских стран от активного участия в войне и под бременем затяжной войны на истощение при помощи лобовых атак на западном и восточном фронтах, не могли без несправедливости к собственным подданным отклонить помощь Италии на том основании, что известные ее пожелания могут нанести ущерб некоторым из наименее непосредственных интересов Сербии.

Наконец, можно сказать еще нечто по поводу аргумента о сербских жертвах. Когда в январе 1913 г. она отозвала свои войска из Албании и отказалась от надежды получить порт на Адриатическом море, а затем когда в том же году ей была предложена уступка Монастыря Болгарии и, наконец, теперь, когда она снова приглашается согласиться на будущий обмен минимальных приобретений 1913 г., на то, что осуществляет ее самые горячие стремления, Сербия ссылается — и правильно — на героизм, на человеческие и материальные жертвы, которых стоили ей эти приобретения. Этот аргумент таков, что не может не вызвать к себе уважения, внимания и симпатии, но когда он приводится теперь, то правительство его величества, хотя и отдает себе отчет в разнице между великой державой, которая достигла пределов своей экспансии, и малым государством,

выходящим из национального небытия с надеждой на завоевание вновь своего исторического положения в Европе, должно тем не менее просить сербское правительство принять во внимание, что ни один дюйм территории, на которой британские армии ныне сражаются в Европе, никогда не будет находиться под суверенитетом правительства его величества и никогда последнее не будет иметь там большие, чем в настоящее время, преимущества. Сербия стоит в рядах союзников, которые сражаются прежде всего не за какие-либо особые национальные приобретения, но за установление мирного международного порядка. Если Сербия не может нести свою долю усилий до конца, то ее жертвы в этой и в предыдущих войнах будут в глубочайшем смысле бесполезными, даже если бы она удержала каждый дюйм находящейся теперь в ее обладании территории и даже распространилась до крайних пределах своих вожделений.

№ 244. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 654. 5 июля/22 июня 1915 г.

Вновь возникшие среди иностранных дипломатов слухи о делаемых австрийцами сербам мирных предложениях и присылке для этой цели специального делегата в Ниш, побудили меня воспользоваться представившимся случаем запросить Пашича о их достоверности. Он сказал мне, что действительно чрез посредство одного австрийского купца, приезжавшего в Пирот и Ниш, и знакомых ему сербских купцов было доведено до его сведения, что Австрия была бы готова заключить мир с Сербиею, отдавая ей Албанию и уступая Боснию и Герцеговину с выходом в Адриатику. Пашич приказал ответить, что не входит в рассмотрение делаемых столь странным путем предложений и заключит мир с Австрией совместно с союзными великими державами [1]. Мне он при этом с горькой усмешкой добавил: «Если меня вообще к заключению мира пригласят». Более серьезными Пашич считает снова делаемые австро-германцами в Афинах и в Бухаресте попытки в том же направлении. Оба сербские посланника категорически отклонили предложения, которые в Бухаресте шли чрез Маргиломана. Пашич уверен, что в скором времени картина на театре войны изменится в нашу пользу, и поэтому допускает, что Германия в со-

---

[1] Циркулярной тел. Пашича от 4 июля/21 июня серб. посланникам поручалось заявить союзным прав-вам: «Австро-германские агенты и газеты стараются использовать наше глубокое недовольство, вызванное тем, что Тройственным согласием пожертвована часть земель, населенных сербами, хорватами и словинцами, для привлечения Италии к выступлению против Австро-Венгрии»... Тем не менее Сербия... «до конца останется на стороне своих могущественных друзей, несмотря на то, что последними даны были без согласия Сербии обещания территориальных уступок за счет сербско-хорватских земель».

знании достигнутого ею кульминационного пункта возможных успехов, вероятно, захочет воспользоваться создавшимся положением, чтобы заключить выгодный мир с Россиею [1].

Штрандтман.

№ 245. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 366. 5 июля/22 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 356 [2].

Английская миссия уже снабдила Ферман-Ферма 1 500 фунтов на ведение самостоятельной кампании, имеющей целью образование кабинета под его председательством. По словам английского посланника, выдача этой субсидии обусловлена незамедлительным исполнением его плана [3]. Не считая для нашей миссии возможным, ни целесообразным препятствовать попытке Ферман-Ферма, я обратил внимание на то, что наше участие выражается содержанием в Персии войск, связанным с весьма крупными расходами.

Эттер.

№ 246. Министр иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

Телеграмма № 3222. 6 июля/23 июня 1915 г.

Сообщается в Рим, Париж и Лондон.

Итальянский посол передал просьбу своего правительства указать афинскому кабинету на нежелательность дальнейшего распространения греков в Албании [4]. Если ваши сотоварищи получат указания в

[1] Подробно эту беседу с Пашичем Штрандтман изложил в своей депеше от 5 июля/22 июня за № 27; в ней он отмечал, что Пашич с крайним возмущением говорил о Болгарии и о Румынии, которая «своим нейтралитетом причинила больший вред России, чем открытым выступлением против нее и потому, так же, как Болгария, пощады не заслуживает».

[2] См. № 218.

[3] 19/6 июля Эттер за № 394 телеграфировал: «Ферман-Ферма не считает возможным ручаться за успех намечаемых им шагов... Я поэтому воздерживаюсь пока от выдачи ему денег, могущих однако оказаться полезными впоследствии, если Ферман-Ферма останется в составе министерства».

[4] Согласно тел. Гирса от 6 июля/23 июня за № 221 Соннино «признавал бы желательным поставить... Грецию в известность об отношении держав ко всякому активному выступлению в Албании. Эта мысль является несомненно, отголоском господствующего здесь сильного подозрения относительно греческих вожделений в Албании». По мнению Гирса, «Греция могла бы по собствен-

этом смысле, вы можете присоединиться к предложенному Италией выступлению[1].

Сазонов.

№ 247. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 3232[2]. 6 июля/23 июня 1915 г

Я считал бы полезным, чтобы, передавая Радославову предложенный Делькассе с моими поправками текст заявлений держав[3], посланники добавили устно, что обещания союзников обусловлены всецело согласованным с союзниками сроком выступления болгар.

Сазонов.

№ 248. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 439. 6 июля/23 июня 1915 г.

Toutes les commandes du gouvernement anglais sont faites aux Etats Unis par l'intermédiaire des banquiers «J. P. Morgan» avec lesquels le gouvernement anglais a passé un contrat lui réservant pour ses services une commission de 2% sur valeur des commandes, le taux de cette commission devant être réduit si montant des commandes dépasse certains chiffres. Lloyd George, le ministre des munitions, a intention d'envoyer en Amérique Mr. Thomas pour discuter avec Morgan la révision du contrat et pour se rendre sur place compte de quelle manière il serait utile procéder avec commandes du gouvernement anglais dans l'avenir. Lloyd George a chargé Thomas de voir Routkowsky et de discuter avec lui question, s'il ne serait pas utile pour les gouvernements alliés qui doivent faire des commandes aux Etats Unis — de les faire de commun accord par une seule organisation, afin d'éviter concurrence mutuelle

---

ной инициативе заявить, что она не предполагает ныне занимать албанскую территорию». Такое заявление «служило бы вместе с тем некоторым тормозом для итальянской деятельности в Албании».

[1] Ссылаясь на публикуемый документ, Гирс 10 июля/27 июня за № 239 телеграфировал: «Вчера греческий посланник официально объявил министру иностранных дел, что Греция не намерена занимать Берата. Повторяя затем это же заявление генеральному секретарю, он присовокупил, что оно не означает, что Греция перестает интересоваться судьбой жителей Берата».

[2] Лит. копия.

[3] См. №№ 174, 219.

au détriment… de chaque pays. Thomas a expliqué à Routkowsky l'objet de sa mission et a exprimé désir discuter question sur place avec commission russe aux Etats Unis pour déclarer de quelle manière on pourrait réaliser programme de Lloyd George concernant commandes en Amérique. Echange de vues à ce sujet de Thomas avec notre commission aux Etats Unis serait très important et votre excellence trouverait peut-être utile et nécessaire donner instruction à notre ambassadeur à Washington à cet effet; de l'échange de vues avec Thomas pourrait résulter meilleur organisation de la distribution des commandes à l'étranger.

Benckendorff.

Перевод.

Все заказы английского правительства производятся в Соединенных Штатах через посредство банкиров «Дж. П. Морган», с которыми английское правительство заключило контракт, предоставив им за услугу 2% комиссионных со стоимости заказов. Размер этой комиссии должен был бы быть понижен, если сумма заказов превзошла бы известные цифры. Министр снабжения Ллойд-Джордж имеет намерение послать в Америку г. Томаса, чтобы обсудить совместно с Морганом пересмотр контракта и дабы убедиться на месте, какой метод было бы полезно английскому правительству применить в будущем к заказам. Ллойд-Джордж поручил Томасу повидаться с Рутковским и рассмотреть с ним вопрос, не было ли бы полезным для союзных правительств, собирающихся поместить заказы в Соединенных Штатах, давать их сообща во избежание взаимной конкуренции к ущербу… каждой страны. Томас объяснил Рутковскому цель его миссии и выразил желание обсудить вопрос на месте с русской комиссией в Соединенных Штатах с целью решить, каким образом можно было бы выполнить программу Ллойд-Джорджа касательно заказов в Америке. Обмен мнений по этому поводу с нашей комиссией в Соединенных Штатах имел бы большое значение, и ваше превосходительство найдете, быть может, полезным и нужным преподать инструкцию послу в Вашингтоне в этих целях. Обмен мнений с Томасом мог бы иметь в результате лучшую организацию распределения заказов за границей.

Бенкендорф.

№ 249. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 383. 6 июля/23 июня 1915 г.

Ссылаюсь на ваш № 3132 [1] и на № Гаджемукова 191 [2]. Телеграфирую в Дедеагач:

Ответ на донесение № 146, посланный 15/2 июня [3]. Организация

[1] См. стр. 209, прим. 4.

[2] Тел. Гаджемукова за № 191 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] Очевидно, имеется в виду донесение Гаджемукова, датированное 8 июня/26 мая за № 146, в котором, сообщая о секретной болг. политической организации,

разведки по Турции, при соблюдении крайней осторожности желательна, и для этого вам уже переведены военным агентом 2 000 левов, а морским ведомством — 5 000. Организация же четнических актов признается пока преждевременной. По последнему вопросу получите указания впоследствии.

Савинский.

№ 250. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо [1]. **6 июля/23 июня 1915 г**

Совершенно секретно. Лично.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из моих предыдущих донесений ваше высокопревосходительство изволите знать, что воздействие на местную печать в желательном нам направлении составляло предмет особых моих забот.

По выяснении в последнее время готовности императорского правительства отпустить необходимые на сей предмет средства, я получил возможность организовать дело направления болгарской печати в нашем смысле на более широких началах.

С средних чисел сего месяца составился кружок подходящих для этой цели русских журналистов, корреспондентов наших столичных газет, который взял на себя систематическое обслуживание большинства местных газет путем подбора соответствующего литературного материала, в виде передовых статей, писем, обзоров, отдельных сведений и т. д.

Другой подобный же кружок образовался из болгарских писателей и журналистов, под руководством одного из самых даровитых и популярных болгарских генералов. Оба кружка имеют целью раскрыть глаза болгарскому обществу, показать ему, что спасение Болгарии — в единении с Россией, что будущее Болгарии в сотрудничестве с Россией и т. д.

Литературный материал оба эти кружка будут, между прочим, черпать из тех газет, журналов и книг, о высылке коих я хо-

---

цель которой «содействовать вмешательству Болгарии в европейскую войну на стороне России», он предлагал «утилизировать ее» для получения «сведений относительно Турции», так как «встретил в ней полную готовность доставать любые сведения при условии оплаты расходов и вознаграждения четникам».

[1] На оригинале имеется надпись карандашом рукой Гулькевича: «Подождать».

датайствовал в секретной телеграмме от [2 июля] 19 июня за № 377 [1].

Обе эти организации потребуют от нас денежных затрат: русским корреспондентам я определил по 500 франков в месяц, болгарам также нужно будет выдавать субсидии, но в форме, будто бы, пожертвований на издание книг, брошюр, газет. На эти два кружка я считаю, что потребуется около 10 000 франков в месяц.

В роде субсидии отдельным, особо расположенным к нам газетам я полагал бы нужным отпускать по 2 000 франков в месяц, всего тоже по 10 000 франков в месяц.

Сверх всего партийным органам, в роде газет «Мир», «Препорец», «Радикал», «Народ», «Земледельческое знамя» и «Болгария» желательно помочь доставлением бумаги. По словам руководителя болгарского кружка, это — единственная форма помощи официозам политических партий, а помощь эта была бы весьма для них своевременна и существенна.

Как известно, бумага в настоящее время вздорожала почти вдвое против прежнего, австро-германские органы печати снабжаются ею в изобилии, дружеские же нам газеты вынуждены сокращать как формат, так и количество тиража.

Шесть названных органов потребовали бы в течение полугода 20 вагонов бумаги стоимостью в 8 000 франков вагон. Преданные нам издатели дали мне знать, что для них было бы громадной подмогой, если бы мы закупили нужный запас бумаги через посредство надежного лица, которое бы продавало ее расположенным [к] нам газетам по прежней нормальной цене. Это дало бы им возможность, говорят они, значительно улучшить издание и таким путем бороться с враждебными нам органами.

В надежде, что ваше высокопревосходительство признаете целесообразность отмеченных мной трех мероприятий, имею честь покорнейше просить перевести в мое распоряжение необходимые для их осуществления денежные средства [2].

А. Савинский.

[1] Тел. от 2 июля/19 июня за № 377 Савинский, указывая на возможность организовать работу в местной прессе в более широком масштабе, просил выслать литературный материал.

[2] На полях публикуемого документа имеется следующий расчет:

```
  8 000                      10 000  2 кружка
     20
160 000  6 мес.  26 666      10 000  распол. газеты
                             26 666  официозы
                             ------
                             46 666
```

№ 251. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 373. **6 июля/23 июня 1915 г.**

Телеграмма № 3109 [1] получена.

Исфагань явно избрана немцами центральным пунктом деятельности, но едва ли они имеют в виду наступление на Тегеран. Операция эта была бы связана для них с большим риском, благодаря сосредоточению в Казвине нашего, хотя бы и недостаточно сильного, отряда.

Направление немецких караванов на Мешед, Хаф, Керман скорее указывает на стремление приблизиться к нашей, афганской и белуджистанской границам. Английский посланник держится того же взгляда. Сведения, получавшиеся им до последнего времени из Лондона и Индии, категорически подтверждали уверенность в полной лойяльности афганцев и их решимости не нарушать нейтралитета. Но вчера индийское правительство запросило его по телеграфу, не признал ли бы он желательным установление на восточной границе Персии военной охраны и самостоятельного принятия мер для задержания агитаторов. Английский посланник сносится по этому вопросу с Лондоном, высказывая мнение, что самостоятельная военная расправа усилит возбуждение населения против нас. Он считал бы более целесообразным и действительным поднять против вооруженных немецких экспедиций местные племена [2]. Для воздействия на них через губернаторов, по его расчету, понадобилось бы до 100 000 фунтов. Мне кажется наиболее правильным выждать результат настоящего кризиса и решиться затем на те меры, которые представятся наиболее сообразными в зависимости от нашего отношения и степени доверия к новому правительству. Мы заинтересованы главным образом в движении немцев на Мешед, где у нас есть казаки, но весьма возможно, что более внушительная военная экспедиция могла бы обойтись дороже предлагаемого английским посланником способа воздействия. Результаты керманшахских событий [3], с другой стороны, указывают на возможность рассчитывать на небезуспешные действия персидских племен.

---

[1] См. № 220.

[2] В письме к Сазонову от 8 июля/25 июня Эттер, передавая подробнее это предложение Марлинга, писал: «Он признавал бы более целесообразным воздействовать при помощи денег и местных племен, отдавая себе, между прочим, отчет, до какой степени затруднительна была бы, даже в продовольственном отношении, экспедиция индийских войск (мусульман) через Белуджистан в Персию».

[3] В донесении Черкасова (консула в Керманшахе) от 14/1 июля за № 218 передавалось письмо Девеердта (директора керманшахской таможни),

Здешний кризис еще не выяснился. Несмотря на поддержку, оказываемую шахом Эйн-эд-Доуле, меджлис, повидимому, соглашается предоставить полномочия лишь своим кандидатам, Мостоуфи-оль-Мемалеку или Мушир-эд-Доуле [1].

Эттер.

№ 252. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [2]. **6 июля/23 июня 1915 г.**

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Телеграммы А. П. Извольского, в которых передается желание Делькассе достигнуть большего согласования действий союзников [3], обратили на себя внимание начальника штаба. Он мне сказал, что мысль Делькассе справедлива, но что установить более близкий контакт между союзными верховными командами, без которого невозможна и согласованность действий, — невозможно. Возможно, по его мнению, разве только объединить дело снабжений. Так как во время присутствия государя в ставке очень трудно бывает спокойно и обстоятельно объясняться с генералом Янушкевичем, которого еще больше раздирают на части, чем в обычное время, то я не мог с ним оконча-

---

в котором последний описывал столкновение близ Керенде турец. отряда с племенем сенджаби, окончившееся поражением турок, очистивших после этого Керманшахский район и отступивших к границе.

В «Обзоре событий в Тегеране» с 3 по 18 июня ст.ст. в сводке за 11 июня сообщалось: «Правительством получена... телеграмма о причинах столкновения между племенами и турками. Реуф-бей расстрелял трех начальников племени керендж, отказавшихся поставлять рекрутов для турок. Племя это присоединилось к сенджаби и кульхурам и отрезало путь отступления туркам. Ввиду возбуждения между племенами, можно ожидать совершенного истребления турок, забравшихся на персидскую территорию».

[1] В письме Эттера (см. стр. 319, прим. 2) сообщалось: «... нет сомнения, что переживаемый кризис был вызван и поддерживается демократами в видах удаления Ферман-Ферма». «Демократы меджлиса... действуют самым решительным образом, прибегая даже к запугиванию, как, например, к предупреждениям об обнаруженном ими, будто бы, заговоре Ферман-Ферма и Шоа-эс-Солтане для свержения шаха и возведения на престол принца Шоа». В заключение он писал: «В случае удачи намеченного ими плана внутренняя администрация окажется совершенно вне нашего контроля, и мы лишимся возможности наблюдать за выполнением всяких наших требований, клонящихся к противодействию германской агитации».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 31.

[3] См. №№ 168, 194.

тельно переговорить об этом предмете. Но приняв то немногое, что от него слышал, исходной точкою для поднятия очень важного вопроса — сношения между верховными командами, — я составил проект письма на ваше имя на эту тему и послал его Янушкевичу на одобрение.

При следующем свидании он мне сказал, что еще не кончил чтение моего писания, но в чем-то коренным образом не согласен со мною. С тех пор я все жду случая договориться с ним по этому поводу. Надеюсь найти его сегодня вечером.

Вчера вечером штаб вернулся из Седлеца, куда собрался совершенно неожиданно. Такой внезапный отъезд сперва нас напугал, но потом оказалось, что не было особенных поводов тревоги: поехали обсуждать с Алексеевым разные вопросы об эвакуации. Это еще однако не означает отступления из Варшавы и Польши. Повидимому, Варшаву решено отстаивать, и для этой цели стягивают большие силы в направлении Ковеля, откуда можно будет ударить германцам во фланг, если они удачно протиснутся до Люблина. В общем положение еще тяжелое, но есть некоторые признаки утомления и германцев, и возможно, что сила колоссального напора, веденного со времени дунайцевского удара, израсходована. Если это так, то напор на Варшаву может приостановиться. Немцы укрепляются на местах и дождутся прибытия новых сил. Все же ближайшее будущее едва ли принесет с собою большие и утешительные события. В случае же дурного оборота дел, то до взятия Варшавы немцами еще пройдет, вероятно, не менее месяца.

Примите и пр. Н. Кудашев.

№ 253. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

⁰/₀ № 90. 7 июля/24 июня 1915 г.

His Britannic Majesty's Embassy has the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that the British Mission at present engaged in negotiating with the Swedish Delegation at Stockholm on the question of transit trade and cognate matters has reported in the following sense to Sir E. Grey:

The majority of the official class in Sweden, with the exception of the Minister for Foreign Affairs himself, is hostile to the Mission. The mercantile community would not be averse from an agreement in which they saw advantage for themselves; but though sharing the official idea of a neutrality benevolent to Germany, they would probably not

welcome extreme measures such as the military caste advocate. Unfortunately the officials will not facilitate the Mission getting into touch with the commercial classes, and have even issued warnings against them to the merchants through the Conservative Press.

The composition of the Swedish Delegation also, leaves much to be desired. Mr. de Trolle was formerly Minister in Berlin and Minister for Foreign Affairs, and the pro-German party desire him to succed the present moderate foreign Minister. The latter has informed the Italian Minister that he would probably resign if no satisfactory result were reached. This would be a triumph for the extremists and may give Mr. de Trolle a double motive for not facilitating an agreement. The majority of his colleagues very probably sympathise with this, especially Mr. Westman who is a creature of the Prime Minister besides being a pro-German. The Prime Minister has already given proof of his hostility to the objects of the Mission.

For the moment, however, the arrival of the British Mission has created a favourable impression in moderate circles, but the situation would be worse than before, if it left without effecting a tangible amelioration.

At the last meating the Swedish Delagation stated that before discussing the British proposals they preferred to put forward their own views. They then presented a memorandum complaining of the working of the agreement of December 8th last [1]. The British Mission explained that the abnormal increase of Swedish imports was the reason for the breakdown of that agreement. The Swedish Delegates then presented another memorandum, in which the following requests were put forward.

If Great Britain allowed Sweden to have over and above her normal requirements the equivalent amount of goods at their sterling value for export to Germany, goods in transit to Russia (which were formerly allowed) would be once more permitted to pass. They made their desire for preserving their «neutrality» a pretext for this proposal. No offer is made to give export licenses for goods of British origin imported from England: a demand is made for unlimited import of goods arriving by sea, without any regard to suspicions of consignees and relying only on Swedish exports prohibitions. The removal of delays to Swedish schipping and of «alleged» right of requisitioning is also asked for. The memorandum reserves the right of absolutely forbidding the transit of muni-

[1] Об англо-шведских переговорах см. т. VI, №№ 486, 529, 740.

tions of war, in extension of the order of January 9th. Finally it protests against the British proclamation of March 11 [1] as violation of the December agreement.

The British Mission will reply that the memorandum is unacceptable, inasmuch as it gives nothing and asks for everything. It amounts to a suggestion that Sweden should be allowed to redress in favour of Germany the disabilities created by our naval superiority, and that Great Britain should stultify her blockade and supply Germany through Sweden with goods she could not otherwise obtain. The British Mission will request the Swedish Delegates to return to the reasonable basis of discussion already furnished them or to furnish themselves more moderate proposals. It seems to the Mission likely that Sweden may have made some promise to Germany regarding transit trade to Russia.

In conversation with the Minister for Foreign Affairs on June 23/July 6 His Majesty's Minister at Stockholm pointed out that the Swedish proposals were quite unacceptable as they stood. The Foreign Minister asked to see the Swedish Memorandum with the terms of which he was unacquainted. When he had read it he said he hoped it would not be forwarded to London in its entirety; it contained in his opinion the utmost the Swedish Delegation would hope to get. He said that speaking confidentially he felt sure the Swedish Delegates would with time and discussion moderate their proposals and that there was no reason to fear an agreement would not be attained [2]. Nevertheless Mr. Wallenberg seemed to consider the situation as serious [3].

---

[1] См. «Order in Council» от 11 марта/27 февраля 1915 г. (Schulthes's GK, VI, 2, S. 745.)

[2] 8 июля/25 июня Неклюдов телеграфировал за № 210, что «шведская делегация взяла обратно недопустимое предложение относительно равновесия между русским и германским транзитом» и что «сегодня английская делегация представила свой контр-проект».

[3] В тел. Неклюдова от 15/2 июля за № 223 (№ 1) снова повторялось, что «переговоры между английскими и шведскими делегатами подвигаются весьма медленно и нельзя еще рассчитывать на благополучное соглашение... В настоящую минуту они [шведы] соглашаются на ограничение ввоза нормировкой потребления, но упорно настаивают на том, чтобы всякое разрешение транзита в Россию уравновешивалось бы равнозначащим по ценности разрешением в пользу Германии... Для меня становится очевидно, что шведское правительство дало германскому формальные в этом смысле обещания и заручки и что шведские делегаты.., не принадлежащие... к сторонникам благоразумной политики Валленберга, предпочтут сорвать переговоры, нежели согласиться на вящее ограничение германского транзита. Не нужно забывать недавнего тайного путешествия Гаммаршельда в Берлин» (см. стр. 184, прим. 3).

Перевод.

Посольство его британского величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что британская миссия, ведущая в настоящее время в Стокгольме переговоры с шведской делегацией по вопросу о транзитной торговле и о других связанных с последней вопросах, доставила сэру Э. Грею отчет следующего содержания:

Большинство в официальных кругах в Швеции, за исключением самого министра иностранных дел, относится к миссии враждебно. Коммерческие круги ничего не имели бы против соглашения, которое они находят для себя выгодным; хотя они и разделяют официальную точку зрения о сохранении благоприятного Германии нейтралитета, они однако не одобрили бы крайних мер, за которые стоит военщина. К несчастью, официальный мир не хочет облегчить миссии сношения с коммерческими кругами и сделал даже через консервативную печать предостережение коммерсантам воздержаться от таковых.

Равным образом состав шведской делегации оставляет желать многого: г. де Тролль был посланником в Берлине, а затем министром иностранных дел, и германофильская партия желает видеть его преемником нынешнего умеренного министра иностранных дел. Последний сообщил итальянскому посланнику, что он, вероятно, выйдет в отставку, если не будет достигнуто удовлетворительных результатов. Эта отставка была бы победой представителей крайних партий и может дать г. де Троллю двойное основание чинить затруднения подписанию подобного соглашения. Большинство его коллег будет этому симпатизировать, в особенности г. Вестман — ставленник премьер-министра и, помимо того, германофил. Премьер-министр уже дал доказательства своего враждебного отношения к задаче миссии.

В данный момент, однако, прибытие британской миссии произвело на умеренные круги благоприятное впечатление, но положение может оказаться хуже прежнего, если она уедет, не достигнув ощутительного улучшения.

На последнем заседании шведская делегация заявила, что, прежде чем обсуждать британское предложение, она желала бы изложить свою точку зрения. Она представила затем памятную записку, в которой жаловалась на неосуществление соглашения 8 декабря минувшего года. Британская миссия объяснила, что ненормальное увеличение шведского ввоза послужило причиной разрыва этого соглашения. Шведские делегаты представили тогда вторую памятную записку, в которой были выставлены следующие требования:

Если Великобритания позволит Швеции располагать, помимо и сверх ее нормальных потребностей, равным по их стоимости в золоте контингентом товаров для экспорта в Германию, то транзит товаров в Россию (который был раньше разрешен) будет снова допущен. Как на повод к этому предложению, было указано желание сохранить свой «нейтралитет». Никакого предложения не было сделано о предоставлении экспортных лицензий для товаров британского происхождения, ввозимых из Англии; предъявлено требование о неограниченном ввозе прибывающих морским путем товаров, безотносительно к подозрениям, вызываемым их происхождением, полагаясь всецело на шведский контроль их экспорта. Выставляется также требование об устранении задержек для шведского судоходства и об отказе от «претензии» на право реквизиции. Памятная записка оговаривает [для Швеции] право абсолютного запрещения транзита

военных снарядов, расширяя содержание постановления 9 января. Наконец, записка протестует против британской декларации от 11 марта, как нарушающей декабрьское соглашение.

Британская миссия намерена ответить, что памятная записка неприемлема, поскольку она ничего не дает, а всего просит. Она доходит до предложения, чтобы Швеции было разрешено исправить в пользу Германии неудобства, вызванные для последней превосходством наших морских сил, и чтобы Великобритания свела на-нет блокаду и снабжала Германию через Швецию товарами, которые последняя не может иначе получить. Британская миссия будет просить шведских делегатов вернуться к разумным основам обсуждения уже поставленных перед ними вопросов или же самим внести более умеренные предложения. Миссии кажется, что Швеция дала, по всем признакам, какие-то обещания Германии касательно транзитной торговли с Россией.

В разговоре с министром иностранных дел 23 июня/6 июля посланник его величества в Стокгольме указал, что шведские предложения в таком виде, в каком они были внесены, совершенно неприемлемы. Министр пожелал ознакомиться с шведской памятной запиской, содержания коей он не знал. Когда он ее прочел, то высказал надежду, что она не будет целиком сообщена в Лондон, добавив, что записка является максимумом того, что шведская делегация могла бы надеяться получить. Министр сказал, что, говоря доверительно, он уверен в том, что шведская делегация во время переговоров умерит свои требования, и нет основания опасаться, что соглашение не будет достигнуто. Тем не менее, г. Валленберг, по всем признакам, считает положение серьезным.

№ 254. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3255[1]. **7 июля/24 июня 1915 г.**

Доверительно.

По словам Исаак-хана, Шоа-эс-Солтане считает возможным образование нового кабинета из министров, входивших в состав только-что подавшего в отставку, со включением лишь двух новых лиц, а именно: Эйн-эд-Доуле — председатель и министр внутренних дел, Ферман-Ферма — военный, Мохтешам-эс-Солтане — финансов, Али-Голи-хан — иностранных дел, Сердар-Мансур — юстиции, Эмире-Низам — почт и Хаким-оль-Мольк — народного просвещения. Шоа думает, что, если обе миссии энергично поддержат эту комбинацию, она пройдет и имеет шансы установить согласие и с меджлисом. Если желательно включение и Восуг-эд-Доуле, то его во всяком случае должна рекомендовать не русская, а английская миссия, иначе меджлис на это не пойдет. Восуг должен был бы получить пока лишь второстепенный портфель, но никак не министерство иностранных дел.

---

[1] Лит. копия.

Хотя эта комбинация почти повторяет состав прежнего кабинета, мы не видим препятствий к ее осуществлению. Если вы с ней согласны, то можете, сговорившись с Марлингом, оказать ей поддержку перед шахом. Мы не считаем желательным, чтобы обе миссии ограничились ролью пассивных наблюдателей в происходящем кризисе, так как составление враждебного нам кабинета всегда возможно при нынешней неустойчивости общего положения в Персии и, при отсутствии энергичных политиков, может повести к успеху германо-турецкой агитации.

Если бы новый кабинет удалось составить Эйн-эд-Доуле, надо бы привлечь его внимание на нежелательность проявлять прежнюю нервность и ежеминутно подавать в отставку; из вашей телеграммы [1] видно, что именно эта нервность первого министра и побудила шаха принять его отставку.

Сазонов.

№ 255. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 412. 7 июля/24 июня 1915 г.

Секретно.

Ваша телеграмма № 3221 [2] получена.

Переговорил по ее содержанию с Делькассе, который подтвердил мне, что как только состоится подписание соглашения с Румынией, французское правительство разрешит вывоз в Румынию заказанных ею во Франции боевых запасов, часть коих уже готова и может быть погружена в Марселе. Делькассе вполне уполномочивает Блонделя сделать в Бухаресте заявление в этом смысле.

Извольский.

№ 256. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

⁰/. Письмо. 7 июля/24 июня 1915 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Хотя действия на Галлипольском полуострове приняли затяжной характер, однако свойство этого театра войны, а также самого про-

[1] Повидимому, имеется в виду тел. Эттера от 4 июля/21 июня за № 364 (см. № 241).

[2] 6 июля/23 июня за № 3221 Сазонов телеграфировал в Париж и Рим, уполномочивает ли его франц. (итал.) прав-во сделать от его имени заявление Румынии по поводу требования последней о доставке заказанных ею боевых припасов (см. № 210 и стр. 250 прим. 3).

тивника допускает возможность в любую минуту более решительного поворота в пользу наших союзников.

Это обстоятельство в связи с тем, что, как вам угодно было уведомить меня[1], я предназначен, в случае занятия Константинополя, на должность российского императорского главноуполномоченного, побуждает меня представить на ваше усмотрение следующие соображения.

Политическое соглашение наше с союзниками обеспечивает за Россией в конечном итоге обладание Константинополем, всей европейской частью турецких владений по линии Мидия — Энос, островами Имбросом и Тенедосом, а также побережьем Босфора вплоть до порта Измида на Мраморном море. Остальная часть Азиатского побережья Мраморного моря, согласно предварительным уговорам, остается за Турцией. Если таким образом главные линии политического соглашения можно считать уже определенными, чего нельзя не признать нашим блестящим дипломатическим успехом, то при заключении мирного договора останется только включить в него обязательство для Турции не укреплять остающейся за ней прибрежной полосы на расстоянии от моря, которое будет указано нашими военными властями согласно стратегическим соображениям.

Говоря о политическом соглашении, нельзя не поставить вопроса о том, как определяет себе наша правительственная власть значение перехода всей указанной области в обладание России. Этим определится в свою очередь направление нашей деятельности в Константинопольской области и в переходное время совместного с нашими союзниками управления ею до заключения мира. В первую очередь выдвигается военно-морское значение обладания Проливами.

После заключения мира и перехода области в полное наше обладание, необходимо будет точно отграничить районы крепостной обороны у устья Босфора и на Галлипольском полуострове. Порядок управления в этих районах будет, очевидно, установлен по соглашению между нашими военными и морскими властями.

Совершенно иначе представляется вопрос о самом Константинополе. Пока последний является столицей Оттоманской империи, в нем сосредоточены громадные экономические интересы как наших союзников, так и всех почти без исключения европейских держав. Переходное время до заключения мира будет иметь задачей урегулирование этих интересов в новых условиях, и в значительной степени ликвидацию различных учреждений. Положение представителя России будет

[1] См. т. VII, № 512 и прим. 1.

тем затруднительнее, чем меньше участия примем мы в завоевании Константинополя и Проливов. Громадные жертвы, выпадающие на долю союзников, естественно побудили их оградить свои права и интересы на все время до заключения окончательного мирного договора. Естественно, что вследствие этого нельзя было не принять предложения французов о полном равенстве главноуполномоченных трех воюющих держав [1], коим предстоит совместное управление Константинополем в переходное время. Французское правительство указывало при этом на необходимость полного ограждения всех интересов Франции, насчитывающей 3 миллиарда франков капитала, вложенного в различного рода предприятия. Кроме имущественной заинтересованности, французское правительство не может стать безучастным к судьбе тех учреждений, в коих в течение столетий проводились французское влияние и культура. Чем больше усилий будет положено на завладение Константинополем, тем, очевидно, сильнее возрастет стремление Франции отстоять свои прерогативы. Все это на практике создаст, конечно, громадные трудности в деле нашего совместного управления, хотя ограниченного переходным временем. Необходимость считаться с интересами наших союзников не устраняет несомненного противоречия этих последних с нашими. Естественно, что французы будут стремиться использовать переходное время для возможно большего закрепления за собой своих прерогатив: что касается нас, то не менее естественно, что мы будем стремиться к возможному ограждению в будущем нашей суверенной власти. К трудностям дипломатического характера присоединится неменьшая сложность отношений между гражданской и военной властями. Все это заставляет с особой осторожностью подготовиться к выполнению предстоящей нам задачи. В переходное время будут намечены известные устои, от которых едва ли нам удастся отделаться и после перехода данной области в окончательное наше обладание.

Указанные обстоятельства создали бы совершенно неразрешимое положение, если бы в будущем присоединение Константинополя представлялось нам в тех же условиях обладания, как какая-нибудь коренная русская губерния. Однако дело обстоит не так, и можно уже теперь сказать, что обладание Константинополем будет носить такие своеобразные черты, для которых не существует нигде в мире полного сходства. Константинополь по своему этнографическому составу не принадлежит всецело ни одной национальности. В нем сохранились

[1] См. т. VII, № 353.

вековые отложения различных народных верований и сочетаний интересов. Производить ломку этого своеобразного целого значило бы вооружить против себя решительно всех — как европейские державы, так и местное население. Самая ломка при этом решительно не оправдывалась бы какими-либо вескими интересами русской государственности, и на место разрушенного трудно было бы построить что-либо новое. Одно время[1] и новые условия жизни постепенно окажут воздействие на изменение облика Константинополя и тесно свяжут его с Российской империей. Прежде всего, когда Константинополь перестанет быть средоточием Оттоманской империи и станет русским окраинным городом, то из него само собой переместятся многочисленные интересы, делавшие его ареной мировой борьбы. При этом экономическое значение Константинополя, конечно, понизится, когда он не будет больше обслуживать в тех же условиях территорию Малой Азии и Балканского полуострова. Кроме того, Константинополь в руках мощной России перестанет быть тем центром воинствующего эллинизма, каким он был при слабых турках, которым приходилось считаться с притязаниями на этот город Греческого королевства. В интересах русской государственной власти — закрепить свою связь с Константинополем не одним фактом материальной силы, но и таким образом действий, который создал бы в разноязычном и разноверующем Константинополе убеждение, что Россия является освободительницей от недавнего ига и что она будет относиться с уважением ко всем историческим, племенным и религиозным особенностям, которые были пощажены самими турками.

В области экономической в переходное время Константинополь силой вещей будет, вероятно, или портофранко или сохранит существовавший турецкий таможенный тариф в фискальных целях. Едва ли условия эти изменятся и по заключении мира. С одной стороны, на них настоят наши союзники, а с другой, — они едва ли не будут отвечать нашим собственным интересам. Чтобы бороться с захуданием Константинополя и сохранить за ним по возможности значение распределительного места между Европой и Азией, быть может, целесообразным окажется оставить за промышленностью льготы, коими она ныне там пользовалась.

Совершенно особняком стоит церковный вопрос в Константинополе. Свои соображения об отношениях наших с вселенским патриархом я имел уже честь изложить вам в письме от [4 мая] 21 апреля с. г.

[1] Так в оригинале.

№ 19[1]. Вопрос об отношениях России с константинопольской церковью есть чисто русский вопрос, который, конечно, ни в чем не затрагивает наших союзников. Для нас же он представляет огромное значение, причем не только местного, но и общецерковного характера. Мне представлялось бы, что на первых же порах нам надлежит установить с вселенским патриархом наилучшие отношения, рассеяв опасения какого-либо посягательства на независимость Константинопольской церкви. Несомненно, что в дальнейшем развитии нам придется столкнуться с вопросами гражданской юрисдикции Константинопольской церкви, и так или иначе урегулировать их полюбовным соглашением, но на первых порах лучше всего избегать по возможности возбуждения щекотливых вопросов.

Если от этих общих соображений о своеобразных условиях константинопольского уклада перейти к практической постановке задачи, предстоящей нам по занятии Константинополя, то я считал бы долгом наметить следующие руководящие принципы, которые казались бы наиболее соответственными.

В совместном с нами управлении внимание наших союзников больше всего будет направлено на вопросы, так или иначе касающиеся их интересов. В Константинополе сосредоточены некоторые международные финансовые учреждения, район действий коих распространяется на всю Оттоманскую империю. По заключении мира местопребывание этих учреждений, конечно, переместится в иной центр, но поскольку интересы этих учреждений связаны с Константинополем и тем районом, который будет отчужден в пользу России, потребуются соглашения, обеспечивающие как заинтересованные банки и капиталистов, так и русскую государственную власть в сфере отходящей к нам области. В числе таких учреждений на первом месте стоят установление Общественного долга и Оттоманский банк. Как известно, Общественному долгу предоставлено распоряжение и заведывание, в обеспечение долговых обязательств, некоторых государственных доходов. Так, например, в самом Константинополе совету принадлежит обложение рыбной ловли. Такого рода положение, налагающее сервитут на суверенную государственную власть, желательно, конечно, возможно скорее ликвидировать. Подобные же вопросы были возбуждены, но пока не получили окончательного решения после Балканской войны. Основной принцип разрешения этих вопросов, казалось бы должен заключаться

[1] В деп. Трубецкого от 4 мая/21 апреля за № 19 дано подробное обоснование той политики в отношении константинопольской патриархии, которую вкратце резюмирует публикуемый документ.

в определении той части турецкого государственного долга, которая выпадет на долю России в связи с отчуждением в ее пользу данной территории. Временно, до окончательного заключения такого соглашения, пришлось бы считаться с необходимостью продолжения действий совета Оттоманского долга, причем в его среду был бы введен представитель русских интересов, что предложено уже нам Францией[1]. Я упомянул об Оттоманском банке, который исполняет некоторые чисто государственные функции, как, например, эмиссионные. Здесь равным образом пришлось бы на первых же порах считаться с необходимостью ограждения наших длительных интересов. Не буду говорить о целом ряде других учреждений, в которые вложены многочисленные иностранные и, в особенности, французские капиталы. Специальная забота об ограждении русских интересов в этой области должна быть возложена на особого представителя нашего министерства финансов, который однако должен быть подчинен русскому главноуполномоченному. Что касается самого управления финансами и таможнями, то во главе такового, как и предполагало министерство иностранных дел, вполне мог бы быть поставлен англичанин. Этим дано будет удовлетворение одному из наших союзников. Равным образом вопросы торговли и промышленности в переходное время могли бы ведаться кем-либо по назначению Франции. Английское правительство возбудило вопрос о необходимости сосредоточения дел о вакуфах в особом департаменте, который желательно было бы предоставить мусульманину[2]. С точки зрения наших интересов можно было бы пойти на указанную комбинацию в переходное время, причем выбор мог бы остановиться на одном из французско-подданных мусульман, ввиду того, что Франция менее заинтересована, чем Англия, в каком-либо чрезмерном покровительстве мусульманским интересам. За ограждением наиболее непосредственных интересов наших союзников в самом распределении функций управления нам следовало бы оговорить за собой ближайшее заведывание внутренними делами и юстицией, как органами, представляющими особый интерес для государственной власти, которая останется в крае. Все эти и другие отдельные функции управления падлежало бы распределить по соответствующим департаментам, коими ведали бы лица, назначенные своими правительствами по представлению главноуполномоченных. Общее направление дел и согласование действий отдельных департаментов происходило

---

[1] См. т. VII, № 403.
[2] См. т. VII, № 706.

бы сначала в совете начальников этих департаментов, а затем получало бы окончательное разрешение в совместных постановлениях главноуполномоченных. Таким путем можно было бы стремиться к устранению на месте возможных, но крайне нежелательных разногласий. В случае, если бы известное разногласие не было разрешено на месте, таковое подлежало бы окончательному решению правительств. Само собой разумеется, что в настоящее время можно наметить лишь главные вехи. Только на месте можно будет окончательно установить порядок, который приведен будет в действие. Для сколько-нибудь успешного выполнения сложной задачи, выпадающей на долю российского главноуполномоченного, представляется совершенно необходимым, чтобы он являлся единственным ответственным представителем русской правительственной власти и чтобы ему были подчинены чиновники других ведомств, которые могли бы потребоваться для общего дела. По возможности желательно широкое использование благонадежного туземного элемента на подчиненных должностях.

При этом наше управление будет носить преимущественно характер наблюдения и контроля за деятельностью подчиненных туземных органов. Вследствие этого облегчится самый тщательный выбор по возможности немногочисленного состава русских должностных лиц, коим будет вверена исключительная по своей ответственности задача. Наиболее подходящими кадрами для этого могли бы служить наши консульские представители на Востоке, среди коих найдется немало вполне подходящих лиц, знакомых по предыдущей деятельности с местными языками и условиями своеобразной обстановки. В соответствии с этим и в случае, если нам удастся обеспечить за собой заведывание внутренними делами, было бы желательно сохранить существующее административное деление Константинополя, поставив во главе округов (мутесарифлыков) опытных русских консулов.

Как я имел уже честь отметить в начале этого письма, крайне сложным представляется установление отношений между гражданской и военной властями. Первоначальный русский проект [1] предусматривал первенство военной власти и подчинение ей гражданской. Наши союзники однако выставили решительные возражения против этого и настояли на полной независимости гражданской власти [2]. Ими же и предложено было учреждение главноуполномоченных (Hauts Commissaires), кои выбраны были бы из лиц, имеющих ранг посланника [3].

[1] См. т. VII, № 360.
[2] См. т. VII, № 403.
[3] См. т. VII, № 403.

Само собой разумеется, что вступление главноуполномоченных в должность может состояться лишь при окончании военных действий в данной местности и каждой ее части. С согласия нашего верховного главнокомандующего, министерство иностранных дел уже предложило союзникам известное распределение зон временного расквартирования союзных войск в Константинополе [1]. Воинские части, стоящие в пределах городской черты, будут, разумеется, иметь характер гарнизонов.

Полагая необходимым всеми мерами обеспечить естественные интересы военной власти, я, с своей стороны, прихожу к заключению, что задача эта могла бы быть выполнена при соблюдении следующих условий.

Русская гражданская власть обязывается содействием всеми предоставленными в ее распоряжение средствами к удовлетворению потребностей наших войск и к облегчению сношений между войсками и органами управления и населением. Кроме того, в районе расквартирования войск желательно провести, по соглашению с союзниками, учреждение военных судов, ведению коих в пределах данной зоны подлежали бы преступные деяния, примерный перечень коих у сего прилагается [2].

Характеризуя в общем отношение гражданской и военной власти, я не могу не высказать убеждение в том, что на обязанности как российского императорского главноуполномоченного, так и начальника русского оккупационного отряда лежит, конечно, дружная согласованная работа в едином общем направлении. При этом главноуполномоченный, оказывая военным властям всемерное содействие во всем, что может облегчить их задачу, в свою очередь, должен рассчитывать на такое же отношение со стороны военной власти, являясь, в силу особых и международных условий переходного времени, ответственным представителем русской государственной власти в новом крае.

Примите и пр.

Трубецкой.

В общем одобряю

Царское Село, [13 июля] 30 июня 1915 г.

---

[1] См. т. VII, № 360.

[2] Упомянутое в тексте приложение в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

№ 257. Военный агент во Франции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Телеграмма № 815. 7 июля/24 июня 1915 г.

Для военного министра.

Телеграммой от 15 мая номер 706 [1] я докладывал об обостряющемся с каждым днем положении наших волонтеров, находящихся на французском фронте в полках иностранного легиона, и испрашивал срочные распоряжения, которых еще не получил.

Назревавшие беспорядки разразились в начале июня прискорбным инцидентом, имевшим последствием расстреляние по приговору военно-полевого суда восьми русских волонтеров. Хотя эти волонтеры, предводимые евреем-революционером, представляли самый нежелательный элемент, тем не менее вследствие этого инцидента главнокомандующий совместно с военным министром постановили отпустить всех желающих русских волонтеров в Россию и отдали приказ о сборе их в полковых депо, где они уже поступили в мое распоряжение.

Перед этим командированный мной в иностранные полки, по желанию генерала Жоффра, полковник Ознобишин опросил всех 1200 русских и выяснил, что около пятисот человек подали прошение о возвращении в русскую армию, большей частью запасные, не знающие французского языка, и призывные 1914 и 1915 гг. Остальные семьсот человек, пожелавшие продолжать сражаться в рядах французской армии, будут разбиты по регулярным полкам, так что в иностранном легионе русских почти не останется.

Как полковое, так и высшее начальство отзывается с высокой похвалой о храбрости наших волонтеров, которые без различия национальности доблестно сражались в последних упорных боях у Арраса и потеряли более половины своего состава убитыми и ранеными.

Предполагаю организовать отправку наших волонтеров военными командами постепенно на пароходах с нашими военными грузами на Архангельск.

Французская главная квартира просит меня дать срочный ответ о времени отправления в Россию упомянутых волонтеров.

Игнатьев.

---

[1] Телеграмма Игнатьева от 28/15 мая № 706 в делах б. гл. управления ген. штаба не обнаружена (см. стр. 480, прим. 1).

№ 258. Памятная записка английского посольства министру иностранных дел.

№ 91. 8 июля/25 июня 1915 г.

His Majesty's Ambassador has received the following telegram from Sir E. Grey:

«As the result of a conversation which I have had to-day with the French Minister for Foreign Affairs (sic)[1], who is strongly of opinion that there is little hope of securing immediate Bulgarian action, and that far less difficulty is involved in accepting the Roumanian conditions, I am prepared to suggest for the concurrance of the Russian Government the following arrangement.

That the Allied Powers should inform Roumania that we agree to the arrangements in Bukovina already offered by the Russian Minister for Foreign Affairs[2] and to her acquisition of the whole of the Banat on three conditions:

1. Of her not fortifying such an area as may be decided to be necessary for the protection of Servia.

2. That within an area also to be defined later, Roumania should agree not maintain any garrison beyond what is required for the maintenance of order.

3. That opportunity should be offered to the Servians now inhabiting the Banat to dispose of their interests on reasonable terms.

This concession is conditional upon the immediate active cooperation of the Roumanian army within a period of five weeks, during which interval a military Convention must be made effective, and to the willingness of Roumania to adhere to the proposed cession of Dobritch and Baltchik as formulated by the Roumanian Prime Minister in his reply of June 25th to the Russian proposals[3].

On receiving the acceptance by the Roumanian Government of these terms, the British and French Governments will facilitate in every possible way the immediate continuous of munitions of war which the Roumanian Government have urgently requested and we shall urge the Italian Governement to give similar assistance».

In communicating the above to the Imperial Ministry for Foreign

---

[1] Ср. № 261.

[2] См. № 210.

[3] См. № 185.

Affairs, His Majesty's Embassy has been instructed to endeavour to obtain the consent of the Russian Government to this definite offer at the earliest possible moment [1].

Перевод.

Посол его величества получил следующую телеграмму от сэра Э. Грея:

«В результате беседы, которую я имел сегодня с французским министром иностранных дел (sic), который убежден, что мало надежды добиться немедленного выступления Болгарии и что гораздо менее затруднений связано с принятием условий Румынии, я готов предложить для согласования с российским правительством следующие соглашения:

Союзные державы должны уведомить Румынию, что мы согласны на соглашение о Буковине, уже предложенное русским министром иностранных дел, и на приобретение ею [Румынией] всего Баната на трех условиях:

1. Невозведение ею укреплений в зоне, которая будет определена с точки зрения обеспечения безопасности Сербии.

2. Содержание в этой зоне, пределы которой будут установлены позже, Румынией лишь гарнизона, необходимого для поддержания порядка.

3. Предоставление сербам, проживающим ныне в Банате, возможности на разумных условиях ликвидировать их имущественные интересы.

Эта уступка обусловлена немедленным активным выступлением румынской армии, во всяком случае не позже, чем через пять недель, в каковой срок должна быть подписана военная конвенция, а также выражением Румынией готовности согласиться на предполагаемую уступку Добрича и Балчика, о чем упоминал румынский премьер-министр в своем ответе от 25 июня на русские предложения.

По получении согласия румынского правительства на эти условия, французское и английское правительства облегчат всеми возможными способами безотлагательную непрерывную доставку военных снарядов, каковой румынское правительство настоятельно просило, и мы посоветуем итальянскому правительству предоставить Румынии подобную же помощь».

При сообщении вышеизложенного императорскому министру иностранных дел, посольству его величества поручено постараться получить согласие российского правительства на это определенное предложение в ближайшее по возможности время.

№ 259. Памятная записка английского посольства министру иностранных дел.

№ 94. 8 июля/25 июня 1915 г.

His Majesty's Embassy has the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that on his way through Roumania Mr. O'Beirne had a long conversation with the Roumanian Prime Minister.

[1] Соответствующая пам. записка от того же числа была вручена Сазонову франц. пос-вом в Петрограде.

Mr. O'Beirne said he gathered that the last word in the Russo-Roumanian negotiations had not yet been spoken, but Mr. Bratiano replied emphatically and at great length to the effect that he could make no concessions regarding the Banat and that he must insist on the whole of his demands being granted. Mr. O'Beirne then enquired whether in the event of an agreement being reached on the territorial question, Roumania would be prepared to take immediate action as in that case negotiations might be facilitated at Petrograd. But the Prime Minister stated most clearly that it was impossible for him in present circumstances to take military action within so short a term as five weeks. He was resolved to act (and in this he seemed to be sincere) but only when the military situation made it no longer madness to do so.

Unless the military situation improved he might have to name a longer term than five weeks. It would be necessary for Russia to assume the offensive on a small scale when Roumania mobilised and to develop it on a larger scale simultaneously with the Roumanian advance. Mr. O'Beirne declared that no one wished Roumania to do what was impossible and enquired whether he would promise she would take action at the moment when military authorities of the four Powers, in consultation with theRoumanian military authorities, considered it would be opportune. His Excellency did not altogether reject this idea, but said he must decide certain questions for himself.

Mr. O'Beirne suggested something might be said at Petrograd to prove that Roumania was genuinely determined to join the Allies the moment the military situation made it possible, and was not merely seeking pretexts for delay. Mr. Bratiano replied he felt sure if he could have a personal conversation with Mr. Sazonow he would convince him of his sincerity, but that he feared the Russian Minister for Foreign Affairs suspected his motives.

The Prime Minister said in conclusion that Roumania was already rendering great services to the Allies by stopping the passage of munitions of war to the enemy and that Germany was now assuming a positively hostile attitude towards her in consequence. The situation was serious, but the British Government had refused him a further loan[1] for the purpose of obtaining ammunition[2].

---

[1] См. № 265.

[2] Сообщая о разговоре, изложенном в настоящем документе, Поклевский в тел. от 7 июля/24 июня за № 375 писал, что Братиану в этом случае в первый раз подтвердил высказанное им, Поклевским, в его письме от 4 июля/21 июня предположение, «что Румыния не решится при нынешних обстоятельствах на-

Перевод.

Посольство его величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что на своем пути через Румынию г. О'Бейрн имел продолжительный разговор с румынским премьер-министром.

Г. О'Бейрн сказал, что, как он понял, последнее слово в русско-румынских переговорах еще не сказано, но г. Братиану отвечал, с горячностью и весьма пространно доказывая, что он не может сделать уступок в вопросе Баната и что он должен настаивать на том, чтобы все его требования были приняты. Г. О'Бейрн спросил, готова ли Румыния немедленно выступить, если будет достигнуто соглашение по территориальному вопросу, так как в этом случае переговоры в Петрограде будут облегчены. Но премьер-министр очень ясно указал, что при нынешних обстоятельствах для него невозможно начать военные действия в столь короткий срок, как 5 недель. Он принял решение выступить (в этом он, казалось, был искренен), но лишь тогда, когда в силу изменившейся военной обстановки, это не будет безумием.

Если военная обстановка не улучшится, то он будет, может быть, вынужден назначить срок продолжительнее пяти недель. Было бы необходимо, чтобы Россия перешла в наступление в небольшом масштабе тогда, когда Румыния начнет мобилизацию, и развила бы его в большем масштабе одновременно с румынским наступлением. Г. О'Бейрн заявил, что никто не требует, чтобы Румыния делала невозможное, и спросил, готова ли она обещать, что она выступит в момент, когда военные власти четырех держав, совместно с румынскими военными властями, сочтут это своевременным. Его превосходительство не отклонил полностью этого положения, но сказал, что он должен самостоятельно решить некоторые вопросы.

Г. О'Бейрн предложил сказать хоть что-нибудь в Петрограде, чтобы доказать, что Румыния искренно желает присоединиться к союзникам в момент, когда военное положение сделает это возможным, а не просто ищет предлогов отложить выступление. Г. Братиану ответил, что если бы он мог иметь личный разговор с г. Сазоновым, то ему удалось бы убедить последнего в своей искренности, но он опасается, что русский министр иностранных дел относится с подозрением к его побуждениям.

Премьер-министр сказал в заключение, что Румыния уже оказывает большие услуги союзникам, задерживая транзит неприятельских военных припасов,

---

значить определенный срок для своего выступления». По словам Поклевского, О'Бейрн вынес однако общее впечатление, что Братиану искренно желает выступить на нашей стороне.

Излагая в тел. от 9 июля/26 июня за № 384 свою беседу с Братиану, в которой, между прочим, был затронут вопрос об обязательстве Румынии выступить в пятинедельный срок, Поклевский передавал заявление Братиану, что «он надеется приноровить выступление Румынии к этому или немного более отдаленному сроку». «В общем, — заключает Поклевский, — слова его относительно срока выступления Румынии являются как бы шагом назад по сравнению с предыдущими нашими с ним разговорами, но Братиану все же был со мной более оптимистичен в этом вопросе, чем с О'Бейрном».

и Германия заняла явно враждебную позицию в отношении Румынии по этому вопросу. Положение серьезно, а между тем британское правительство отказало ему в дальнейшем займе для получения военного снаряжения.

№ 260. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 3277. 8 июля/25 июня 1915 г.

Считаю необходимым вселить в сознание болгар полную уверенность в искренности обещания держав предоставить им Македонию. Такая уверенность представляется мне необходимою, дабы избежать новых со стороны Радославова запросов и связанных с таковыми проволочек. Эта цель могла бы быть достигнута обязательством четырех держав не закреплять мирным договором за Сербией Боснии и Герцеговины и выхода к Адриатическому морю до уступки Сербией Болгарии указанной в проекте нашего ответа [1] части Македонии. Я полагал бы, что соответствующее заявление следовало бы включить в этот ответ, изложив его следующим образом:

Elles s'engagent en même temps à ne pas reconnaître l'acquisition par la Serbie de la Bosnie —Herzégovine et d'un débouché sur l'Adriatique avant que la Serbie n'ait cédé à la Bulgarie la partie de la Macédoine définie ci-dessus [2].

Сазонов.

№ 261. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 440 [3]. 8 июля/25 июня 1915 г.

Copie Paris.

Asquith, Kitchener, Balfour et Crewe revenus de course très secrète sur côte de France pour y rencontrer (ministres français) correspondants. Un accord parfait au point de vue militaire aurait été atteint [4]. Je n'en connais pas encore nature. Au point de vue diplomatique Crewe et Delcassé semblent être tombés d'accord dans opinion que dans moment actuel il y aurait plus de chance de décider Roumanie à une entrée en action que

---

[1] См. № 149.

[2] «В то же время они обязуются не признавать приобретение Сербией Боснии — Герцеговины и выхода к Адриатическому морю до тех пор, пока Сербия не уступит Болгарии указанную выше часть Македонии».

[3] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 284, № 209.

[4] См. №№ 269, 286.

Bulgarie et qu'éffort immédiat devrait porter non plus sur Sofia, mais sur Bucarest, ce qui constitue un revirement. Le scepticisme au sujet de la Bulgarie s'est sensiblement intensifié ces derniers temps jusqu'au point qu'il semble douteux qu'il soit jamais possible de (décider) le roi Ferdinand à coopérer à l'occupation par Puissances alliées de Constantinople qui pourrait ne pas entrer du tout dans les vues de ce souverain. Il en résulterait que des propositions à la Bulgarie encore plus formelles que celles qui ont déjà été faites, offriraient avec peu de chance de profit, les très graves inconvénients de l'impression produite en Serbie et en Grèce. C'est l'idée qui, je crois a présidé à la rédaction du noveau projet de réponse au gouvernement bulgare dont Buchanan est chargé de vous entretenir [1]. Je ne vois pas exactement sur quoi sont basées les vues plus optimistes concernant Roumanie. Un symptôme ne paraît pourtant pas sans valeur, c'est l'attitude très décidée du gouvernement roumain en présence de pression énergique et plus que menaçante exercée à Bucarest par ministre allemand au sujet transit munitions aux ports turcs par Roumanie.

Cette information parvenue ici d'abord par voie diplomatique française a été confirmée par télégramme de Barclay reçu ce matin encore, plus explicite que celui du ministre de France. Ce dernier citerait seulement ministre roumain de commerce, Barclay cite président du Conseil.

Buchanan est chargé vous proposer un projet de démarche à Bucarest [2]. Les dernières nouvelles des Dardanelles sont sensiblement plus favorables que jusqu'ici. Ceci a pu contribuer au nouvéau point de vue du gouvernement anglais. Je ne voudrais pourtant pas l'affirmer, et rien ne m'a été dit à ce sujet.

Benckendorff.

Перевод

Копия в Париж.

Асквит, Китченер, Бальфур и Крю вернулись из очень секретной поездки на побережье Франции, где встретились с соответствующими французскими министрами. Повидимому, достигнуто полное соглашение с военной точки зрения. Я еще не знаю его характера. С дипломатической точки зрения Крю и Делькассе видимо пришли к решению, что в настоящий момент больше шансов склонить Румынию к выступлению, чем Болгарию, и что совместное воздействие должно быть оказано отныне не на Софию, а на Бухарест, что означает поворот. Скептицизм по отношению к Болгарии за последние дни значительно

---

[1] См. № 268.

[2] См. № 258

усилился до того, что считается сомнительным, чтобы можно было заставить короля Фердинанда принять когда-либо участие в занятии союзными державами Константинополя, что, повидимому, отнюдь не входит в планы этого монарха. Из этого явствует, что предложения еще более формальные, чем те, какие были сделаны, помимо малых шансов на успех, имели бы то серьезное неудобство, что произвели бы нежелательное впечатление в Сербии и в Греции. Эта точка зрения, кажется, была руководящей при редакции нового проекта ответа болгарскому правительству, о каковом поручено Бьюкенену с вами переговорить. Не знаю, на чем основана более оптимистическая точка зрения в отношении Румынии. Как бы то ни было, по моему мнению, определенное значение имеет один симптом: именно решительная позиция, занятая Румынией в отношении энергичного и угрожающего образа действия германского посланника в Бухаресте в вопросе о транзите направляемых в турецкие порты через Румынию военных припасов.

Это сведение, полученное здесь первоначально французским дипломатическим путем, было подтверждено в полученной сегодня утром телеграмме Барклая, еще более обстоятельной, чем таковая французского посланника. Последний ссылается лишь на румынского министра торговли. Барклай же ссылается на председателя совета министров.

Бьюкенену поручено предложить вам проект выступления в Бухаресте. Последние известия о положении в Дарданеллах значительно благоприятнее прежних. Это могло повлиять на усвоение английским правительством новой точки зрения. Я не хотел бы однако утверждать это, и мне по этому поводу ничего сказано не было.

Бенкендорф.

№ 262. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 413. 8 июля/25 июня 1915 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил вашу телеграмму № 3232 [1].

Сообщил ее содержание Делькассе, который сказал мне, что из телеграмм Панафье явствует, что, под влиянием событий в Галиции, король Фердинанд и Радославов твердо намерены не изменять покуда занятого Болгарией положения. Перемены курса с их стороны можно ожидать лишь в случае нашего перехода в наступление или выступления Румынии. Вряд ли поэтому предположенное заявление в Софии приведет к желательному результату. При таких условиях и ввиду налаживающихся, повидимому, переговоров с Румынией, по мнению Делькассе, вместо того, чтобы давать Болгарии просимые ею разъяснения, было бы целесообразнее потребовать, чтобы она сама определила условия

[1] См. № 247.

на которых она готова выступить против Турции. Делькассе подробно телеграфирует в этом смысле в Петроград, Лондон и Рим [1].

Извольский.

№ 263. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 414 [2]. 8 июля/25 июня 1915 г.

Копии в Лондон и Рим.

Делькассе сказал мне, что им получено вчера согласие лондонского кабинета на предоставление Румынии всего Баната, причем оба полагают, взамен этой уступки обещать Сербии Землин с необходимою для стратегического обеспечения Белграда полосой [3]. Таким образом Братиану получает удовлетворение всех выставленных им требований и должен будет окончательно раскрыть свои карты. Пуанкаре считает, что сейчас все усилия должны быть направлены к скорейшему подписанию соглашения с Румынией, выступление которой может вовлечь и Болгарию.

Извольский.

№ 264. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 228. 8 июля/25 июня 1915 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 211 [4].

Вчера Соннино в доверительной беседе высказал английскому послу, что его положение в самой Италии стало за последнее время более затруднительным. В политических кругах обнаруживается, будто бы, некоторое разочарование в союзах. Наше отступление в Галиции является неожиданностью для Италии. Нападки французских газет на то, что война между Италией и Германией и Турцией еще официально не объявлена, раздражают общественное мнение Италии, являясь неосновательным недоверием. Италия рассчитывала на более широкое финансовое содействие Англии, она надеялась получить заказанные в Англии пулеметы, она рассчитывала на некоторое содействие Англии в

---

[1] Гирс 10 июля/27 июня за № 234 телеграфировал, что Соннино в беседе с франц. послом согласился, чтобы «сами болгары указали условия, на которых они готовы выступить», настаивая, чтобы болгары указали при этом и «срок своего выступления».

[2] Опубл. Ц. Р., стр. 198, № 96.

[3] Передавалось в пам. записке франц. пос-ва в Петрограде от 8 июля/25 июня.

[4] См. № 197.

Триполитании. Сербия не нападает на Австрию. Балканские государства не двигаются. На вопрос Родда, чем мог бы он помочь делу, Соннино ответил, что Англия могла бы воздействовать на Париж советом воздержаться от нападок на Италию. Она могла бы помочь Италии в Триполитании [1]. Родд передал вчера разговор курьером в Лондон. Не придавая чрезмерного значения обнаружившимся в Италии чувствам, почитаю однако долгом донести о них. Они, несомненно, носят временный характер, зависящий от хода военных событий. С нашим движением вперед итальянцы приобретут более уверенности. Желательно однако по мере возможности поддерживать их бодрость в настоящий тревожный для них период. Передавая мне беседу свою с Соннино, Родд просил не ссылаться на него в разговоре с Италией.

Гирс.

№ 265. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 378. 8 июля/25 июня 1915 г.

Лично.

Дабы получить средства для уплаты за заказанные за границей военные припасы и за купленные при посредстве Франции 100 000 ружей, румынское правительство будет на-днях просить Лондон о новом займе в 5 000 000 франков, причем тамошний румынский посланник получает предписание дать категорические заверения относительно того, что Румыния несомненно выступит на стороне Четверного согласия. Сообщая мне о вышеизложенном, Костинеску горячо просил меня оказать содействие к тому, чтобы императорское правительство высказалось в Лондоне в пользу удовлетворения указанного ходатайства румынского правительства. Министр указал мне при этом, что с начала войны Румыния затратила уже 400 000 000 франков на вооружение и частичную мобилизацию, что она и впредь намерена не жалеть денег на усиление ее боевой готовности, что подобные денежные затраты не делаются страной, которая желает остаться нейтральной, и что выступить Румыния может лишь на нашей стороне. Соглашаясь с вышеприведенными доводами министра финансов и считая, что отказ в денежной ссуде румынскому правительству не только не ускорит выступления Румы-

[1] В тот же день за № 229 Гирс телеграфировал об «ухудшившемся положении» в Триполитании и о мнении Родда, что «содействие Англии могло бы выразиться в правительственном воздействии на жителей через их сородичей, проживающих в Египте».

нии, но может произвести здесь нежелательное при нынешних обстоятельствах впечатление, позволяю себе поддержать пред вашим высокопревосходительством просьбу Костинеску.

Поклевский.

№ 266. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо № 604. 8 июля/25 июня 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Полученные мной в литографиях телеграммы нашего посла в Париже [1] были доложены верховному главнокомандующему начальником штаба его императорского высочества.

Мнение г. Делькассе о недостаточной согласованности действий союзных армий вполне разделяется великим князем, но его императорское высочество не видит практического способа помочь делу. По этому поводу я слышал от генерал-от-инфантерии Янушкевича следующие суждения:

В силу географических условий Четверной союз разделен на две части: с одной стороны — Англия, Франция и Италия, главные квартиры коих быстро и часто могут совещаться и устанавливать общие директивы; с другой — Россия, отделенная от союзников Австро-Венгрией и Германией и борющаяся одна на три фронта. В настоящее время вся инициатива всецело в руках германцев, и агрессивные их усилия все направлены на наш фронт; на западном же фронте положение, можно сказать, кристаллизировалось. Ни немцы, ни французы не могут пробить разделяющую их линию: немцы пытались это сделать прошлой осенью, когда они имели значительный численный перевес над французами, но потерпели неудачу. Последние попытки французов у Арраса, несмотря на громадные понесенные ими потери, тоже остались почти безрезультатными. За невозможностью что-либо предпринять на западном фронте, в интересах всех союзников несомненно было бы нанести германцам поражения там, где это возможно, т. е. на нашем фронте. С этой задачей мы могли бы справиться одни, но при условии достаточной артиллерии и вообще боевой материальной части. Если бы наши

[1] Очевидно имеются в виду тел. Извольского от 23/10 июня за № 388 (см. № 168), от 27/14 июня за № 393 (см. № 194) и от 3 июля/20 июня за № 408, которою передавалось сообщение Делькассе о том, что «в здешней главной квартире ожидается прибытие итальянского генерала, по всему вероятию, начальника генерального штаба, для совместного обсуждения общего плана военных действий».

союзники нам предоставили необходимую материальную часть, то мы смогли бы сломить общего врага, ибо всем известно, что наши последние неудачи исключительно объясняются истощением у нас этого материала. Для того, чтобы союзники на это решились, надо, конечно, чтобы они пришли к убеждению, что на их фронте действительно опасности наступления нет, но что их наступление пока бесцельно. Если таково их убеждение, то они могли бы предоставить нам весь заготовленный ими военный запас, имеющийся у них, сверх необходимого для позиционной войны, пополняя его исподволь, хотя бы, например, за счет наших заказов за границей. Что касается мысли, высказанной г. Делькассе о желательности периодического командирования специальных офицеров, облеченных особым доверием главнокомандующих, для взаимного личного ознакомления с положением дел на союзном фронте, то великий князь отнесся к ней с полным сочувствием. Его императорское высочество желал бы только ближе осведомиться, в каком приблизительно чине и положении, по мнению французского правительства, должны были бы быть эти лица.

Примите и пр. Кудашев.

№ 267. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

9 июля/26 июня 1915 г.

Pour rallier la Roumanie à l'action commune contre l'Allemagne et l'Autriche-Hongrie, la Russie s'est décidée à faire de grands sacrifices aux dépens de ses intérêts nationaux. Quant aux exigences formulées par le gouvernement roumain par rapport au Banat, la Russie s'y est jusqu'ici opposée faisant valoir les droits légitimes de la Serbie du moins sur une partie de cette province tant au point de vue national qu'à celui de la sécurité de la capitale serbe. Les Puissances alliées se sont également exprimées très catégoriquement dans le même sens à ce sujet.

Si la France et l'Angleterre estiment aujourd'hui que les intérêts supérieurs de la cause commune exigent un suprême effort pour déterminer la Roumanie à se ranger ouvertement du côté des alliés même au prix de sacrifices à imposer à la Serbie dans la question du Banat, Mr. Sazonow ne croit pas pouvoir insister sur ses objections à une semblable solution et se résigne à accepter la proposition faite conjointement par leurs excellences Sir E. Grey [1] et Mr. Delcassé [2] à condition que:

[1] См. № 258.

[2] См. стр. 336 прим. 1.

1) La Roumanie soit mise en demeure d'entrer en action contre l'Autriche-Hongrie dans un délai maximum de cinq semaines à partir de la signature de l'accord politique, de façon à ce que toutes les concessions que les Puissances sont disposées à lui faire aujourd'hui soient considérées comme nulles et non avenues, si a l'expiration de ce délai la Roumanie n'était pas en guerre contre l'ennemi commun.

2) Que les Puissances déclarent d'ores et déjà à la Serbie, conformément à la suggestion de son excellence Mr. Delcassé, qu'elles s'engagent à lui garantir l'acquisition de la Syrmie avec la ville de Zemlin et de territoires à délimiter entre la Save et le Danube ainsi qu'à faciliter l'union entre la Serbie et la Croatie sauf opposition à ce projet de la part du peuple croate.

et 3) que la Roumanie soit tenue d'observer dans le Banat les trois restrictions à sa domination, proposées d'ailleurs par elle même [1] et exposées dans les trois points mentionnés par leurs excellences Sir E. Grey et Mr. Delcassé. Les points 2 et 3 devraient être seulement un peu développés [2] dans le but de limiter à des forces de polices les formations armées dans le Banat et de donner à la population serbe qui ne voudrait pas s'expatrier des garanties contre des mesures du gouvernement roumain tendant à la dénationalisation de l'élément serbe dans le Banat [3].

Перевод.

Для привлечения Румынии к общим действиям против Германии и Австро-Венгрии Россия решилась принести большие жертвы за счет своих национальных интересов. Что касается притязаний, предъявленных румынским правительством в отношении Баната, Россия на это возражала до сих пор, указывая на законные права Сербии, по крайней мере, на часть этой провинции, с точки зрения как национальной, так и безопасности сербской столицы. Союзные державы также категорически высказались в том же смысле по этому вопросу.

Если Франция и Англия считают теперь, что интересы высшего порядка, связанные с общим делом, требуют крайнего усилия, дабы склонить Румынию от-

[1] См. № 185.

[2] Далее зачеркнуто: «en ce sens que la force armée nécessaire à la police demanderait à être plus exactement définie et que population serbe qui ne voudrait pas s'expatrier devrait être assurée de pouvoir continuer à jouir librement de ses droits nationaux» («в том смысле, чтобы необходимые для полиции вооруженные силы были более точно определены и чтобы той части сербского населения, которая не захочет выселиться, была обеспечена возможность свободно осуществлять свои национальные права»).

[3] Тел. от 9 июля/26 июня в Париж, Лондон и Рим за № 3299 Сазонов довел до сведения соответствующих послов содержание публикуемого документа.

крыто стать на сторону союзников, даже ценой требования жертвы от Сербии в вопросе о Банате, то г. Сазонов не считает возможным настаивать на своих возражениях против подобного разрешения вопроса и принимает предложения, сделанные совместно их превосходительствами сэром Э. Греем и г. Делькассе, при условии, чтобы:

1) Румынии было предъявлено требование выступить против Австро-Венгрии максимально не позже пяти недель с момента подписания политического соглашения с тем, чтобы все уступки держав, каковые они склонны предоставить ей в настоящее время, были бы признаны уничтоженными и несостоявшимися, если по истечении этого срока Румыния не окажется в войне с общим врагом.

2) Чтобы державы заявили теперь же Сербии, согласно предположению его превосходительства г. Делькассе, что они обязуются гарантировать ей приобретение Сирмии с городом Землином и территории между Савой и Дунаем, пределы каковой должны быть установлены впоследствии, а равно обеспечить для нее объединение Сербии и Хорватии, в случае, если этому не воспротивится хорватский народ.

и 3) чтобы Румыния обещала соблюдать в Банате три ограничения своего обладания им, предложенные впрочем ею самой и упомянутые в трех пунктах, о которых говорят их превосходительства сэр Э. Грей и г. Делькассе. Пункты 2 и 3 должны были быть слегка развиты в целях сведения военных сил в Банате к полицейским контингентам и предоставления сербскому населению, которое не пожелало бы выселиться, гарантии против мер румынского правительства, которые привели бы к денационализации сербского элемента в Банате.

№ 268. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 96. 9 июля/26 июня 1915 г.

His Majesty's Embassy have the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that His Majesty's Government have carefully examined the views of the Imperial Russian Government as expressed in their Aide-Mémoire No 675 of June 21/8 regarding the reply to be made to Bulgaria [1].

His Majesty's Government fully recognise the advantages of a persistant, strong and definite policy by means of which the immediate entry of one or other of the Balkan States into the war can be secured. They do not dispute that at this moment the adhesion of Bulgaria might be the most valuable of any; but they are compelled to ask their Allies to weight the following considerations:

To guarantee to Bulgaria by use of force in the last resort the posses-

[1] См. № 149.

sion of territory in Macedonia and Thrace now occupied respectively by Servia, which is fighting with us as an Ally, and by Greece, which has displayed a not unfriendly neutrality, constitutes a proceeding for which no defence can be easily framed. Sir E. Grey has before indicated the serious consequences he anticipated from such a course in disheartening Servia and in uniting against us the whole of Greece including the party of Venizelos, with the probability of producing a conflict between Greece and Servia on the one hand and Bulgaria on the other. It would, however, be reasonable to inform Servia and Greece that their acquisition of certain other territories after the war must depend on their willingness to cede to Bulgaria such territories as the Allies name and to inform the Bulgarian Government that we have taken this step. At the same time His Majesty's Government regard it as imperative that a definite guarantee of the immediate entry of Bulgaria into the war should be secured in view of the sacrifices which are to be pressed on Servia and Greece [1]. They therefore think that our first step should be to reply to Bulgaria in the following terms:

«The Entente Powers recognise with pleasure the friendliness in the tone of the Bulgarian reply to their proposals and they are quite prepared to give further explanations in accordance with the request of the Bulgarian Government. Before doing so, however, the Powers wish to be assured that in the event of these explanations proving satisfactory to the Bulgarian Government, they may count upon the immediate action of Bulgaria against Turkey. Without such an assurance, it is obvious that time will be merely wasted in further negociations. For the same reason they suggest that it would be desirable for Bulgarian Government to state the explanations the Bulgarian Government would regard as satisfactory».

The Representatives of the Allied Powers at Sofia should also be instructed to point out when presenting this note that the Entente Powers are quite determined to force the Dardanelles. Whenever this is accomplished, which may be at any time, it may not be possible for the Entente Powers to offer such valuable terms to Bulgaria as at present. Time is therefore of the utmost importance. The Representatives should communi-

---

[1] Гирс телеграфировал 10 июля/27 июня за № 240, со слов Соннино, что «Крю был поражен узнать (sic) в Кале, насколько Делькассе относится подозрительно к Болгарии. Крю обратился к державам Согласия с предложением до передачи Радославову измененного вами французского проекта ответа прелиминарным путем запросить болгар, действительно ли намерены они выступить против турок и когда именно это выступление состоится в случае благоприятного ответа держав. Делькассе одобряет подобную постановку вопроса».

cate the substance of the above note to parties in Bulgaria who are favourable to our cause.

Перевод.

Посольство его величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что правительство его величества тщательно изучило точку зрения императорского российского правительства, как она была изложена в его памятной записке № 675 от 21/8 июня касательно ответа, имеющего быть данным Болгарии.

Правительство его величества вполне признает преимущества постоянной, твердой и определенной политики, при помощи которой могло бы быть обеспечено немедленное вступление в войну того или другого балканского государства. Оно не отрицает, что в данный момент присоединение Болгарии могло бы быть самым ценным из всех, но оно вынуждено просить своих союзников принять во внимание следующие соображения: гарантировать Болгарии, применением в крайнем случае силы, обладание Македонией и Фракией, ныне оккупированных первая — Сербией, сражающейся в качестве нашей союзницы, а вторая — Грецией, соблюдающей дружественный нам нейтралитет, является образом действий, отстаивать каковой далеко не легко. Сэр Э. Грей уже раньше указывал на ожидаемые им серьезные последствия такой политики, могущей лишить Сербию бодрости духа и восстановить против нас всех греков, включая сторонников Венизелоса, и вызвать конфликт Греции и Сербии с Болгарией. Тем не менее, было бы целесообразно заявить Сербии и Греции, что приобретение ими некоторых других территорий после войны должно зависеть от их готовности уступить Болгарии территории, указанные союзниками, и сообщить болгарскому правительству, что мы предприняли этот шаг. В то же время правительство его величества считает настоятельно необходимым, чтобы, ввиду требующихся от Сербии и Греции жертв, была получена гарантия немедленного выступления Болгарии. Поэтому оно полагает, что нашим первым шагом должен быть ответ Болгарии в следующей редакции:

«Державы Согласия с удовольствием отмечают дружеский тон болгарского ответа на их предложения и вполне готовы дать дальнейшие объяснения согласно с выраженным болгарским правительством пожеланием. До этого однако державы желают иметь уверенность, что в случае, если эти объяснения удовлетворят болгарское правительство, они могут рассчитывать на немедленное выступление Болгарии против Турции. Без этой уверенности, очевидно, дальнейшие переговоры явятся лишь потерей времени. На том же основании они указывают болгарскому правительству на желательность в его интересах, чтобы оно сообщило, какие объяснения удовлетворили бы болгарское правительство».

Представители союзных держав в Софии получат также инструкции указать при вручении этой ноты, что державы Согласия твердо решили форсировать Дарданеллы. Когда это будет достигнуто, что может случиться в любое время, то для держав Согласия будет невозможно предложить Болгарии столь выгодные условия, как в настоящий момент. Время играет при этом в высшей степени важную роль. Представители должны сообщить содержание вышеизложенной ноты болгарским партиям, сочувствующим нашему делу.

№ 269. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 417. 9 июля/26 июня 1915 г.

Секретно.

Третьего дня в Кале состоялось секретнейшее совещание между французскими и специально прибывшими туда английскими министрами по вопросу о согласовании военных действий союзных армий. Вслед засим вчера здесь состоялся военный совет под председательством французского военного министра, при участии генерала Жоффра, фельдмаршала Френча и военных агентов — русского, английского, бельгийского и сербского [1]. Итальянский — генерал Порро — вследствие недоразумения, ко дню совета опоздал. На обсуждение был поставлен вопрос, следует ли, ввиду последних событий в Галиции, ныне же перейти на здешнем театре в энергичное наступление, или же, как того, повидимому, желал лорд Китченер, занять покуда оборонительное положение и отложить наступление до весны. Вопрос этот был решен в том смысле, что английская армия будет теперь же увеличена на 6 дивизий и что тотчас по прибытии этих подкреплений, то есть через 4 или 5 недель, обе армии перейдут в решительное наступление. О принятых решениях генерал Жоффр телеграфировал непосредственно нашему верховному главнокомандующему, а граф Игнатьев доносит своему начальству. По ознакомлении с ... [2] военного совета, не премину телеграфировать подробнейше [3].

Извольский.

№ 270. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 248. 9 июля/26 июня 1915 г.

Лично. Весьма доверительно.

Копия в Рим.

По сведениям, полученным греческим правительством от посланников в Берлине и Риме, 20/7 июня состоялось между Германией и Ита-

---

[1] Рос. воен. агент гр. Игнатьев был приглашен «за отсутствием специального представителя» участвовать в совещании, о чем Извольский телеграфировал, со слов Делькассе, 4 июля/21 июня за № 409. Нач. штаба верх. главнокомандующего Янушкевич уведомил Сазонова тел. № 1836 от 7 июля/24 июня, что Игнатьеву «разрешается принять приглашение участвовать в предположенных совещаниях, но что он не уполномочивается принимать какие-либо обязательства в отношении действий русской армии» (см. № 261 и № 286).

[2] Карандашом вписаны слова: «протоколом, журналом, текстом».

[3] Так в оригинале.

лией соглашение, по которому первая обязалась не отправлять войск на итальянский фронт [1], взамен обязательства Италии не объявлять войны Турции.

Демидов.

№ 271. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 658. 9 июля/26 июня 1915 г.

Осведомившись в Париже и Бухаресте, будто державами подписано с Румынией соглашение, передающее последней весь Банат, сербское правительство посылает в Петроград, Париж и Лондон циркуляр с изложением своего взгляда на вопрос. Иованович говорит, что правительство до крайности удручено, усматривая в решении держав новый удар сербству. Оно не может совместить это решение с требованием о переходе сербов в наступление. Совместные действия с итальянцами уже невозможны, то же будет теперь и относительно румын. С другой стороны, ныне намечается усиленное движение четников на македонской границе и, в случае нового нападения болгар, сербской армии останется только одно направление для действий, а именно: бросив австрийский фронт, итти против Болгарии. Румыны не удовольствуются Банатом и найдут новые предлоги для промедления, а затем потребуют Бессарабию. Болгары тоже недовольны сделанными предложениями и грозят немедленной оккупацией Македонии. Союзная же Сербия ставится в совершенно безвыходное положение теперь, и в будущем ей создаются всеми соседями невозможные отношения, которые должны привести к целому ряду войн. Иованович был весьма возбужден, и мне с трудом удалось его немного успокоить [2].

Штрандтман.

---

[1] Тел. от 28/15 июня за № 210, от 29/16 июня за № 212 и от 1 июля/18 июня за № 215 Гирс сообщал о разговорах своих с Соннино по поводу появления, по сведениям росс. воен. агента, баварских частей на итал. фронте; Соннино отвечал, что взятые в плен баварцы были в австр. мундирах и что «Италия не усматривает в этом «casus belli».

[2] В дополнение к публикуемой тел. Штрандтман телеграфировал Сазонову 11 июля/28 июня за № 664, что Иованович в разговоре с ним опровергнул слухи об отставке Пашича в связи с решением держав о Банате, но добавил, что «Пашичу придется подать в отставку в случае нового давления держав относительно Македонии».

№ 272. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 365. 9 июля/26 июня 1915 г.

Телеграмма № 2252[1] получена:

При опубликовании китайским правительством Кяхтинского соглашения обмененные со мной ноты опубликованы не были[2]. Полагаю, что их обнародование было бы весьма неприятно китайцам, и поэтому считал бы лучшим от этого воздержаться, тем более что и в будущем, вероятно, нам придется прибегать к отдельным нотам для получения от китайцев желаемых нами уступок, упоминанию о коих в формальных соглашениях они упорно противятся, считая их опасными прецедентами по отношению к другим державам и обидными для национального самолюбия.

Крупенский.

№ 273. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 724[3]. 10 июля/27 июня 1915 г.

Mr. Sazonow reconnait la justesse des appréhensions du gouvernement de sa majesté britannique au sujet de l'impression défavorable que la déclaration des Alliés à Mr. Radoslavoff pourrait produire à Nich et Athènes[4]. Il n'avait du reste jamais envisagé un recours aux armes comme dernier moyen de pressi on sur la Serbie ou la Grèce en vue de les obliger à céder la Macédoine à la Bulgarie. C'est dans cet ordre d'idées qu'il a dernièrement proposé à Paris, Londres et Rome de rédiger comme suit le deuxième alinéa du texte proposé par son excellence Mr. Delcassé.

«Elles déclarent que la possession de la Macédoine dans les limites ainsi fixées sera garantie à la Bulgarie à la fin de la guerre.

Elles s'engagent en même temps à ne pas reconnaître l'acquisition par la Serbie de la Bosnie-Herzégovine et d'un débouché sur l'Adriatique

---

[1] Очевидно, ошибка. Тел. от 15/2 мая за № 2252 адресована Кудашеву и посвящена вопросу об отправке экспедиционного корпуса в Константинополь. Имеется в виду тел. Нератова от 7 июля/24 июня за № 3252, в которой содержался запрос, считает ли Крупенский «по местным соображениям» возможным опубликовать вместе с тройным соглашением и относящимися к нему нотами также и ноты «касательно неколонизации пограничной полосы».

[2] См. №№ 76, 77.

[3] Лит. копия.

[4] См. № 268.

avant que la Serbie n'ait cédé à la Bulgarie la partie de la Macédoine définie ci-dessus».

Pour ne plus froisser la susceptibilité des Cabinets d'Athènes et de Nich Mr. Sazonow propose de ne pas renouveler jusqu'au moment ou les circonstances la rendraient nécessaire la démarche confidentielle faite auprès de Mr. Pachitch. De même il consent à l'ajournement de la réponse aux demandes de précision sollicitées par Mr. Radoslavoff [1]. Mais il craint qu'un sondage préalable du gouvernemet bulgare [2] pourrait l'amener à formuler de nouvelles exigences auxquelles les Alliés seraient dans l'impossibilité de satisfaire. Si néanmoins les Cabinets alliés croyaient ce sondage indispensable en ce moment, Mr. Sazonow serait d'avis, qu'une pareille démarche ne devrait pas être faite par les représentents des alliés à Sofia, mais par l'entremise de Mr. Ghénadieff mis au courant par une personne de confiance [3].

Sazonow.

Перевод.

Г. Сазонов признает справедливость опасений правительства его британского величества касательно неблагоприятного впечатления, которое могла бы произвести в Нише и в Афинах декларация союзников г. Радославову. Он, впрочем, никогда не имел в виду применения оружия, как крайнего средства воздействия на Сербию и на Грецию в целях заставить их уступить Македонию Болгарии. В этом смысле он и предложил недавно в Париже, Лондоне и Риме редактировать второй абзац предложенного его превосходительством г. Делькассе текста следующим образом:

«Они заявляют, что обладание Македонией в указанных таким образом пределах будет гарантировано Болгарии при окончании войны.

Они в то же время принимают на себя обязательство не признавать приобретение Сербией Боснии и Герцеговины, а равно доступа к Адриатическому морю, прежде чем Сербия не уступит Болгарии указанной выше части Македонии».

Чтобы больше не возбуждать чувства обиды у афинского и нишского кабинетов, г. Сазонов предлагает не возобновлять до момента, когда обстоятельства

---

[1] См. № 117.

[2] Бенкендорф передавал тел. от 14/1 июля за № 461 заявление Крю, что англ. проект нового сообщения болг. прав-ву имел целью не зондировать болг. прав-во, а продолжать переговоры, с сохранением возможности не давать конкретизированных обещаний, которых добивалась Болгария, и для того, чтобы вынудить болг. прав-во формулировать самому свои условия; Крю считал, что нет данных верить в принятие болг. прав-вом решающих обязательств, даже и при получении им конкретизированных обещаний.

[3] 11 июля/28 июня за № 3320 Сазонов телеграфировал послам в смысле публикуемой пам. записки.

сделают это необходимым, доверительный шаг перед г. Пашичем. Равным образом он соглашается на отсрочку ответа на просьбы об уточнении, заявленные г. Радославовым. Но он опасается, что предварительное зондирование болгарского правительства могло бы побудить его предъявить новые требования, удовлетворить каковые союзникам было бы невозможно. Если, тем не менее, союзные кабинеты считали бы подобное предварительное выяснение в настоящий момент необходимым, то г. Сазонов полагал бы, что подобный шаг должен был бы быть проведен не представителями союзников в Софии, но через посредство г. Геннадиева, поставленного в курс дела доверенным лицом.

№ 274. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену.

№ 726 [1]. 10 июля/27 июня 1915 г.

Les démarches entreprises à Bucharest paraissent pouvoir avoir toute leur efficacité seulement si les Puissances réussissent à s'assurer la coopération militaire de la Bulgarie. En vue d'obtenir celle-ci, Mr. Sazonow croit utile de recourir entre autres mesures à l'acquisition d'une partie [2] de la récolte bulgare de cette année-ci. Cet achat nécessiterait une dépense de 200 000 000 francs environs, somme qui ne devra être déboursée que dans le cas où la Bulgarie déclare la guerre à la Turquie; elle sera plus ou moins couverte par la valeur des blés achetés [3].

Mr. Sazonow espère que le gouvernement de France, (la Grande Bretagne) voudra y participer pour un tiers de la somme ci-dessus.

Перевод.

Предпринятые в Бухаресте шаги, повидимому, могут достигнуть результатов лишь в том случае, если державам удастся обеспечить себе военное содействие Болгарии. В целях добиться такового, г. Сазонов признает полезным в числе других мер приобретение части урожая текущего года. Подобная покупка вызвала бы расход приблизительно в 200 000 000 франков; их надо израсходовать лишь в случае, если Болгария объявит войну Турции; эта сумма будет более или менее покрыта стоимостью купленного зерна.

---

[1] Содержание этой записки было передано тел. Сазонова от 10 июля/27 июня за № 3314 Извольскому и Бенкендорфу с заключительной фразой: «Благоволите объясниться с правительством, при коем вы аккредитованы, по содержанию настоящей телеграммы и о последующем телеграфировать».

[2] В тел. № 3314: «свободной части урожая».

[3] В тел. № 3314 последний пункт изложен так: «Расход этот будет произведен только в случае, если покроется ценностью приобретенного зерна».

Г. Сазонов надеется, что французское (великобританское) правительство примет участие в сделке в третьей части указанной выше суммы.

№ 275. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 98. 10 июля/27 июня 1915 г.

His Britanic Majesty's Embassy has the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that His Majesty's Minister at Bucharest reports that the German Legation has now adopted an almost threatening tone respecting the passage of munitions of war to Turkey through Roumania [1].

The German Minister visited the Prime Minister on July 5/June 22, and the same day the German Councillor went to see the Minister of Finance. Both diplomatists declared that the responsibility would rest on Roumania if Constantinople fell. In reply to the German Councillor's observations, the Roumanian Minister of Finance remarked that the opening of the Straits was of vital importance to Roumania and that nothing would suit her better than the fall of Constantinople [2].

---

[1] 8 июля/25 июня Гирс за № 230 телеграфировал Сазонову, что, по сведениям итальянского посланника в Бухаресте Фашиотти, «Братиану находится под впечатлением сделанного, будто бы, ему германским и австрийским представителями заявления»; они предупредили рум. премьера, что «в случае, если Румыния не даст ныне же ручательства в том, что она сохранит нейтралитет», войска, назначенные к переброске на западный фронт, будут немедленно направлены против нее. «Гарантией нейтралитета должно быть немедленное разрешение пропуска военных припасов через Румынию в Турцию». Согласно тел. Гирса от 10 июля/27 июня за № 243, немцы, по сведениям Фашиотти, «указывают способ, могущий, будто бы, согласовать пропуск с сохранением нейтралитета: Румыния обязалась бы передать военные припасы болгарскому правительству». Поклевский 8 июля/25 июня тел. за № 380 указывал, что «в настоящую минуту германская миссия особенно настойчиво требует от румынского правительства пропуска через Румынию военных припасов для Турции». 9 июля/26 июня за № 384 Поклевский сообщал Сазонову, что он «посетил Братиану, который признал что германское правительство оказывает сильное давление, дабы добиться пропуска военных припасов в Турцию. Он заверил [Поклевского] в том, что румынское правительство не пойдет ни на какую комбинацию, которая могла бы ослабить нашу военную силу, но он жаловался, что отношения Румынии к Германии и Австрии постепенно портятся, и что Румыния чувствует себя изолированной, а потому, по его мнению, лучшим ответом на указанные происки наших врагов было бы скорейшее заключение нами политического соглашения с Румынией».

[2] В тел. Поклевского от 8 июля/25 июня за № 380 сообщалось о намеке германского посланника относительно того, что «Германия и Австрия будут считать Румынию ответственной за падение Константинополя».

*

The German Councillor argued that the Entente Powers would make use of the opening of the Straits to force Roumania to take sides with them by bombarding Kustendje. To this the Finance Minister reported that whoever attacked Roumania would drive her into the arms of their enemies.

Перевод.

Посольство его британского величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что посланник его величества в Бухаресте доносит, что германская миссия прибегла ныне к почти угрожающему тону в своих требованиях о пропуске военных снарядов, направляемых через Румынию в Турцию.

Германский посланник посетил премьер-министра 5 июля/22 июня, и в тот же день советник германской миссии виделся с министром финансов. Оба дипломата заявили, что если Константинополь падет, то ответственность в этом будет лежать на Румынии. В ответ на замечание германского советника румынский министр финансов сказал, что открытие Проливов имеет для Румынии жизненное значение, и ничего не будет ей столь приятно, как падение Константинополя.

Германский советник доказывал, что державы Согласия воспользуются открытием Дарданелл для бомбардировки Констанцы, чтобы заставить Румынию выступить на их стороне. На это министр финансов ответил, что кто бы ни напал на Румынию, — заставил бы ее тем самым стать на сторону врагов напавшего.

№ 276. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 3303 [1]. 10 июля/27 июня 1915 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим.

По соглашению с Францией и Англией решено [2] полностью удовлетворить требования Братиану, а именно: уступить Румынии Буковину по Прут, Угорщину по Тиссу и весь Банат под непременным условием, чтобы Румыния обязалась: 1) выступить против Австро-Венгрии не позже чем через пять недель со дня подписания политического соглашения; 2) ныне же строжайше воспрепятствовать пропуску каких бы то ни было военных припасов в Турцию; 3) уступить Болгарии Добрич и Балчик, и 4) в Банате не укреплять имеющего быть определенным впоследствии пространства против Белграда, не содержать там войск

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 198, № 98.

[2] «Решено» стоит вместо зачеркнутого: «я решился почти».

иначе как определенного количества вооруженной силы для полицейской службы [1] и, уплачивая вознаграждение сербам, которые пожелали бы выселиться [2], предоставить остальным свободное развитие с сохранением своего языка и народности. В случае соглашения по этим главным предметам державы готовы удовлетворить выраженные Братиану пожелания и в отношении военного снабжения.

Благоволите переговорить в указанном смысле с Братиану и обратить его внимание на то, что державы, решившиеся на столь крупные уступки Румынии, в праве требовать немедленного и положительного ответа, чтобы соглашение могло быть точно выработано и подписано через несколько дней. Всякие новые попытки Братиану затянуть переговоры после того, как [3] все его требования получили удовлетворение, явятся доказательством его неискренности и заставят державы взять назад делаемые ныне уступки [4].

Сазонов.

№ 277. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 3304 [5]. 10 июля/27 июня 1915 г.

Румынское правительство намерено на-днях просить Англию о новом займе. Считаю желательным, чтобы великобританское правительство использовало это обстоятельство к общей выгоде союзников для побуждения Румынии к ускорению своего выступления [6].

Сазонов.

---

[1] Так в оригинале.

[2] Далее зачеркнуто: «воздержаться от попыток румынизации».

[3] Далее зачеркнуто: «державы соглашаются удовлетворить».

[4] Содержание публикуемого документа в тот же день было сообщено пам. запиской англ., франц. и итал. послам в Петрограде. Под той же датой за № 3316 Поклевскому поручалось сделать порученное ему тел. № 3303 заявление лишь по получении его «английским, французским и итальянским сотоварищами извещения об одобрении такового заявления со стороны их правительств».

[5] Опубл. Ц. Р., стр. 198, № 97.

[6] В датированном 9 июля/26 июня, но не отправленном проекте публикуемой тел. указывалось, что «пример предыдущего румынского займа в Лондоне, который, будучи выдан без всяких условий, не ускорил выступление Румынии», побуждает Сазонова «просить великобританское правительство на этот раз обусловить заем хотя бы предварительным подписанием политического соглашения. После крупнейших уступок, которые державы решили сделать Румынии, они в праве требовать немедленного заключения означенного соглашения, и необходимо воспользоваться вопросом о займе, чтобы помешать Братиану вновь за-

№ 278. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 3315. 10 июля/27 июня 1915 г.

Ввиду отказа Италии[1] ныне же обещать Сербии содействие к соединению ее с Хорватией, считаю желательным, чтобы, воздерживаясь пока от соответствующего заявления в Нише, Россия, Франция и Англия доверительно обменялись нижеследующим обязательством:

«Les quatre Puissances alliées ayant décidé d'adhérer aux prétentions de la Roumanie sur le Banat, les gouvernements russe, français et britannique confirment leur accord sur l'attribution éventuelle de la Croatie à la Serbie et s'engagent à s'efforcer ultérieurement d'obtenir l'assentiment de l'Italie à cette attribution[2]».

Благоволите попросить французское (английское) правительство уполномочить своего посла в Петрограде подписать означенное соглашение[3].

Сазонов.

№ 279. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 729[4]. 10 июля/27 июня 1915 г.

Для исключительного личного сведения.
Весьма секретно.

М. г. [Петр Львович.]

Ссылаюсь на наш вчерашний разговор, поспешаю уведомить ваше высокопревосходительство, что я считаю в настоящее время наиболее

тянуть дело». В заключение в тел. высказывалось пожелание, чтобы великобр. прав-во уполномочило Сазонова «включить обещание займа в Лондоне в самое соглашение, как условие, осуществление которого наравне с прочим должно стоять в зависимости от своевременного выступления Румынии».

[1] См. № 280.

[2] «После того как четыре союзные державы решили удовлетворить требования Румынии относительно Баната, правительства российское, французское и великобританское подтверждают свое согласие на эвентуальное присоединение Хорватии к Сербии и обязуются впоследствии приложить свои усилия к тому, чтобы получить согласие Италии на это присоединение».

[3] Тел. от 11 июля/28 июня за № 424 Извольский сообщил Сазонову, что Делькассе «вполне согласен с вашим предложением по существу и обещал дать мне ответ относительно предложенной вами редакции. Он подтвердил, — добавлял Извольский, — что, по его мнению, Россия, Франция и Англия могли бы ныне же заявить Сербии о своих намерениях относительно Хорватии» (см. также № 306).

[4] На оригинале помечено рукой Гулькевича: «На конверте: в собственные руки».

необходимым купить урожай Болгарии. Находя, что привлечение английского и французского правительств к покупке крайне желательно, я сегодня вхожу в сношения с лондонским и парижским кабинетами по сему предмету [1].

Вместе с тем, полагая целесообразнее всего возложить производство этой операции на Грубе, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в снабжении его надлежащими указаниями, дабы он мог бы безотлагательно выехать в Софию.

Сазонов.

№ 280. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 235. 10 июля/27 июня 1915 г.

Копия в Париж.

Получил № 3162 [2].

Министр иностранных дел ответил французскому послу, что он имеет серьезные возражения против предложения Делькассе заявить Сербии, что державы постараются облегчить ей объединение с Хорватией. Помимо того обстоятельства, что подобное объединение создало бы и итальянскому правительству затруднения в самой Италии, Соннино полагает, что не следует предрешать участи хорватов и что необходимо, в случае желания Венгрии заключить отдельный мир с державами Согласия, иметь возможность ускорить исполнение ее пожелания приманкой сохранения за ней Хорватии. Соннино не высказывал однако при этом принципиального возражения против слияния Сербии с Хорватией. Передаю его заявление со слов французского посла. Лично полагаю, что в настоящий момент несвоевременно в объяснениях с Италией поднимать хорватский вопрос, так как она находится под впечатлением хода военных событий на галицийском и западном фронтах, не соответствующего ее видам и неохотно пойдет в настоящий момент на благоприятное сербам толкование апрельского ее соглашения, — толкование, не отвечающее ожиданиям итальянского общественного мнения.

Гирс.

---

[1] См. № 274.

[2] 3 июля/20 июня Сазонов за № 3162 передавал Гирсу, что «Делькассе предложил заявить Сербии, что если она откажется в пользу Румынии от своих притязаний на Банат, союзные державы постараются облегчить ей объединение с Хорватией», и сообщал, что Трубецкой «уполномочен сделать означенное заявление. как только его сотоварищи получат соответствующие указания».

№ 281. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 244. 10 июля/27 июня 1915 г.

Копия в Париж.

Получил вашу телеграмму № 3277 [1].

Соннино вполне принимает вашу редакцию заявления болгарам о том, что державы не закрепят мирным договором сербских приобретений до уступки Сербией Болгарии части Македонии, указанной в нашем ответе.

Гирс.

№ 282. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Письмо. 10 июля/27 июня 1915 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Ввиду высказываемых многими сомнений относительно искренности заявлений Братиану о желании его активно выступить в скором времени на нашей стороне, я позволю себе привести, со слов моего итальянского коллеги, несколько данных, характеризующих отношение румынского первого министра к этому вопросу с самого начала общеевропейской войны. Итальянской посланник, как представитель союзной Румынии и оставшейся нейтральной страны, несомненно, находился с г. Братиану в более интимных и откровенных отношениях, чем другие здешние иностранные представители, но мне кажется, что сообщенные мне бароном Фашиотти сведения в общих чертах сходятся с теми наблюдениями и выводами, которые я позволял себе представлять на усмотрение вашего высокопревосходительства.

---

[1] См. № 260. Извольский тел. от 11 июля/28 июня за № 423 сообщал, что тел. Сазонова за № 3277, по словам Делькассе, «очевидно, разошлась с новым предложением, формулированным лондонским кабинетом» (см. № 268). По последним франц. сведениям, «Фердинанд даже более чем когда-либо склоняется в пользу Германии и Австрии... новые разъяснения в Софии могут лишь подать Радославову повод к дальнейшим проволочкам и, может быть, вызвать обострение между Болгарией и Сербией». Поэтому Делькассе продолжает считать более целесообразным предоставить Болгарии «самой определить условия, на которых она готова выступить».

Бенкендорф тел. от 10 июля/27 июня за № 443 сообщал, что Никольсон, ознакомившись с текстом тел. № 3277, спросил, представляет ли она ответ на проект, переданный Сазонову Бьюкененом (см. № 268) и, ввиду отрицательного предположения Бенкендорфа, решил ждать замечаний Сазонова на свой последний проект.

Итальянский посланник уверяет, что вслед за предъявлением австро-венгерским правительством Сербии ультиматума и когда на горизонте уже обрисовался грозный призрак общеевропейского конфликта, Братиану склонялся к выступлению на стороне Австрии и Германии, находясь, повидимому, под влиянием короля Карла и под впечатлением необходимости для Румынии сообразоваться с требованиями связывавшего ее союзного договора [1]. Вследствие встреченной со стороны других членов кабинета, главнейших политических деятелей и румынского общественного мнения оппозиции, а особенно вследствие принятого Италией решения относительно сохранения ею нейтралитета, Братиану весьма быстро переменил свое первоначальное мнение [2], и затем у него наступил продолжительный период, когда он вполне искренно предполагал, что Румыния должна остаться нейтральной до конца войны.

Смерть короля Карла, поступательное движение наше в Буковине и, наконец, постепенно прививавшееся в Братиану сознание, что Италия примет участие в войне на нашей стороне, привели и его к убеждению, что Румыния должна готовиться к выступлению. Он попытался в этом периоде связать себя договором с Италией относительно совместного выступления, но итальянское правительство, считая, что оно должно опереться на ту или другую группу воюющих, а не на слабую Румынию, отклонило предложение Братиану и лишь согласилось в принципе попытаться сообразовать свой образ действий с румынским и предупреждать здешнее правительство, когда в образе мыслей итальянского правительства произойдет какая-либо перемена [3].

Когда находившиеся в Буковине наши войска начали продвигаться к Трансильвании, то Братиану, в конце прошлого декабря и в январе, заявлял в Риме, что Румыния готова выступить около 15 февраля старого стиля, если Италия сделает то же самое. Итальянское правительство ответило, что Италия еще не готова, и что она может начать военные действия не ранее конца апреля нового стиля. Около этого же времени сосредоточение германских и австрийских войск в соседстве с Румынией сильно напугало румынское правительство, которое просило итальянское правительство заявить в Вене, что оно не останется равнодушным в случае нападения Австрии на Румынию. Итальянское правительство согласилось сделать подобное заявление, и барон Фа-

---

[1] Ср. K. D. №№ 193, 208, 210, 259.

[2] Ср. K. D. №№ 262, 379, 463, 582, 662 («Balkan», S. 135), 699, 786, 811, 868.

[3] Ср. Diamandi, Mission en Russie, «Revue de deux mondes», 15/II 1929 и 15/XI 1930.

шиотти получил тогда от короля Фердинанда, в знак благодарности за оказанную услугу, портрет короля с собственноручной подписью его величества.

Уход наших войск из Буковины несколько охладил Братиану, и когда итальянское правительство, извещая его о вступлении Италии в переговоры с Тройственным согласием, спросило, согласна ли Румыния выступить в конце апреля, первый министр сослался на медленную доставку военных припасов и заявил, что он не может начать военных действий ранее конца мая.

О желании Румынии распространить свои будущие владения до реки Тиссы итальянский посланник впервые узнал от Братиану 30/17 прошлого марта, а о границах Прута — 19/6 апреля, причем ни Фашиотти, ни итальянское правительство не придали этим румынским условиям особенного значения, так как им было известно о существовании нашего соглашения от 18 сентября прошлого года, и им казалось, что эти границы уже оговорены в этом документе.

Когда 19/6 апреля итальянский посланник сообщил Братиану, что Италия пришла уже к соглашению с Тройственным согласием, то румынский первый министр просил итальянское правительство не подписывать окончательного акта, пока и румынские условия не будут приняты Россией, Францией и Англией. Барон Фашиотти поддержал перед своим правительством эту просьбу Братиану, находя, что Италии выгодно окончательно закрепить за собой Румынию и что итальянскому правительству следовало бы вникнуть в румынские требования, постараться их умерить и затем добиться принятия их Тройственным согласием, которое взамен этого получило бы нового союзника. Итальянское правительство не согласилось однако с этим мнением, находя, что, только-что закончив весьма трудные переговоры, оно не может обращаться к Тройственному согласию с новыми требованиями.

После этого Румыния начала самостоятельные с нами переговоры, которые, к сожалению, не удалось еще привести к благополучному окончанию.

Примите и пр. Поклевский-Козелл.

№ 283. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 378. **10 июля/27 июня 1915 г.**

Во дворце состоялось официальное принесение поздравлений шаху по случаю дня рождения и коронации. Вслед за тем английский посланник и я, вследствие нашей просьбы, были особо приняты его ве-

личеством. Мы сочли нужным вновь обратить его внимание на необходимость завершить двухнедельный кризис и продолжающееся безвластие восстановлением кабинета Эйн-эд-Доуле, лишившегося поддержки только меньшинства, в свою очередь подпавшего под полное влияние наших врагов. Мы повторили, что совместная с нами работа при таких условиях окажется, в ущерб интересам самой Персии, невозможной, и, наконец, указали на усиливающуюся энергию германо-турок, направивших ныне свою деятельность, при попустительстве персидских властей, на восток, в явном желании втянуть Персию в войну. Мы прибавили, что все это представляет собой нарушение нейтралитета.

Шах, заверив нас в своем твердом намерении поддерживать последний, согласился однако со всеми нашими доводами и в то же время сознался в своем бессилии воздействовать или даже влиять на непокорный и строптивый меджлис. Мы ответили шаху, что, ценя и не сомневаясь в его личных благих намерениях, нам, к сожалению, придется изобразить нашим правительствам картину настоящего неудовлетворительного положения вещей в весьма темных красках, тем более, что беспрепятственно ведомая немцами пропаганда затрагивает не только наши добрососедские отношения к Персии, но и более широкие наши интересы. Шах ограничился выражением сожаления, но подтвердил, что лишен возможности, наперекор меджлису, удерживать у власти данное правительство.

Я не сомневаюсь, что он лично сделал бы все от него зависящее, но что по молодости лет и нерешимости не чувствует в себе достаточных сил для дальнейшей борьбы с демократами, с каждым днем делающимися более вызывающими.

Эттер.

№ 284. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 380. 10 июля/27 июня 1915 г.

Копия в Лондон.

Сведения, полученные английским посланником от вице-короля Индии, более тревожны, чем были до сих пор. Индийское правительство попрежнему убеждено в лойяльности эмира, но менее уверено в настроении афганского народа, до известной степени, повидимому, подпавшего уже под влияние турецких агентов, противодействовать которому не всецело во власти эмира. Положение вещей в Афганистане в этом отношении походит на создавшееся в Персии. Лорд Гардинг даже намекает на возможность развития в ближайшем будущем ши-

роких военных действий на афганской границе и в Белуджистане, называя вопрос этот вопросом национальной важности. Английский посланник серьезно озабочен и считает ныне принятие спешных мер против продвижения германо-турецких караванов необходимым. Мне казалось бы, что принимая во внимание настоящее безвластие в Персии и вероятную пассивность будущего правительства, нашему мешедскому казачьему отряду могла бы быть предоставлена большая свобода действий против агитаторов и беглых пленных. Совсем действительной мерой с нашей стороны явилась бы новая высадка в Энзели и военная демонстрация от туркестанской границы по направлению на Мешед и Хаф. Считаю долгом обратить внимание на это вашего высокопревосходительства, сознавая, до какой степени важно предотвращение вмешательства Афганистана, способного втянуть в борьбу и Персию. Новое проявление здесь нашей мощи после галицийского отступления, помимо приведенных соображений, оказалось бы, я уверен, своевременным.

Эттер.

№ 285. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 445. 11 июля/28 июня 1915 г.

Copie Paris.

Reçu votre No 3299 [1].

J'ai remis aujourd'hui à Nicolson les trois conditions que vous mettez à votre consentement à céder dans question Banat. Nicolson m'a répondu qu'il ne croyait pas que Bratiano acceptât la première condition, celle de la date de l'entrée en action, cette question de la date étant précisément celle à laquelle Bratiano attache la plus grande importance. Au sujet de la seconde condition Nicolson me fit observer qu'il croyait que gouvernement italien s'opposerait à ce que mention soit faite de la Croatie, Sonnino pensant que cette question devait rester ouverte pour le cas de la possibilité d'une paix séparée avec Hongrie. Je fis observer à Nicolson et je répétais à Cambon mon opinion que je croyais toute idée de paix séparée avec la Hongrie illusoire, d'abord parce que nous ne pourrions jamais lui offrir des conditions suffisamment avantageuses pour lui servir d'appat et ensuite, parce que j'étais persuadé que malgré frictions continuelles entre Autriche et Hongrie, cette dernière ne pensait aucunément à se séparer sérieusement même d'une Autriche affaiblie. J'ajoutais que vous parliez du cas où Croatie désirerait union à la Serbie,

[1] См. стр. 346 прим. 3.

un voeu auquel il ne serait guère possible de s'opposer s'il était prononcé, que d'ailleurs il ne m'était pas entièrement prouvé que Croatie dont autonomie s'accentuerait certainement, préferât être unie à la Serbie.

Benckendorff.

Перевод.

Получил ваш № 3299.

Сегодня я передал Никольсону три условия, под которые вы ставите ваше согласие на уступку в вопросе Баната. Никольсон мне ответил, что не думает, чтобы Братиапу принял первое условие, именно о сроке выступления, так как этот вопрос даты является как раз тем, которому Братиану придает наибольшее значение. Что касается второго условия, то Никольсон обратил мое внимание на то, что, по его мнению, итальянское правительство будет противиться тому, чтобы было упомянуто о Хорватии, так как Сонинно полагает, что этот вопрос должен оставаться открытым на случай возможности сепаратного мира с Венгрией. Я высказал Никольсону и повторил Камбону мое мнение, что считаю всякий рассчет на сепаратный мир с Венгрией иллюзией, во-первых, потому что мы никогда не могли бы предложить ей достаточно выгодные условия, которые могли бы послужить для нее приманкой, а во-вторых, я убежден, что, несмотря на постоянные трения между Австрией и Венгрией, последняя никогда серьезно не помышляла отделиться даже и от ослабленной Австрии. Я добавил, что вы имели в виду возможное желание Хорватии присоединиться к Сербии, — желание, которому невозможно было бы воспротивиться в случае, если бы оно было высказано, но что я не вполне уверен в том, что Хорватия, автономия которой, конечно, расширится, предпочла бы быть объединенной с Сербией.

Бенкендорф.

№ 286. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 420. 11 июля/28 июня 1915 г.
Секретно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 417 [1].

Краткое извлечение из протокола военного совета. Открывая заседание, генерал Жоффр высказал, что в настоящий период войны необходимо, чтобы союзники согласовали свои военные операции. Теоретически союзные войска должны были бы предпринять одновременно на всех трех театрах энергичное наступление. На практике это однако невозможно. Поэтому следует принципиально установить, что та из союзных армий, которая в данную минуту выдерживает главный натиск неприятельских сил, имеет право ожидать, чтобы остальные союз-

[1] См. № 269.
[2] Так в оригинале.

ные армии придут [2] ей на помощь путем энергичного наступления на своем театре. В августе и сентябре русская армия перешла в наступление в Восточной Пруссии и в Галиции, чтобы облегчить положение французской и английской армий, отступивших перед напором почти всей германской армии. Ныне ее положение требует таких же действий со стороны французов и англичан. Это необходимо с точки зрения как военной чести Франции и Англии, так и собственных их интересов. На восточном фронте русская армия выдерживает за последние два месяца главный натиск германцев и австрийцев и принуждена временно отступать. На западном фронте наступление, начатое французской армией 22/9 мая в равнине Арраса, задержало значительные германские силы, которые иначе были бы направлены на восток. Но наступление это не привело к прорыву германских линий и к прекращению германского наступления на русском фронте. Высшее командование германо-австрийских армий может принять теперь одно из двух решений: или оно будет продолжать всеми силами наступление против русских, до окончательного освобождения австрийской территории, а затем движение на Варшаву, или, предоставив одним австрийцам продолжать операции в Галиции, оно перебросит главные свои силы с целью энергичного наступления на два другие фронта. Положение это налагает на союзные армии следующие обязательства: 1) На англо-франко-бельгийском фронте: французские армии могут предпринять большую наступательную операцию лишь через несколько недель, вследствие необходимости пополнить запасы орудий и снарядов и произвести различные передвижения. Этот промежуток времени позволит Англии высадить во Франции новые силы, а именно шесть дивизий, долженствующие прибыть в первых числах августа. За ними последуют дальнейшие английские подкрепления. Эта операция может привести к освобождению французской территории, во всяком случае, значительно облегчит положение русской армии. 2) На итало-сербском фронте общая польза требует, чтобы итальянская армия продолжала всеми своими силами начатое наступление. Если итальянцы опасаются нападения на свой фронт со стороны Германии, они могут покуда поставить себе целью достичь района Лайбах — Клагенфурт. Это поставит их в выгодное положение, чтобы вслед за сим продолжать наступление на Вену или Будапешт. Необходимо также, чтобы сербская армия немедленно возобновила наступление. Настоящая минута особенно благоприятствует ее движению по течению реки Савы, чтобы приблизиться к итальянцам и окружить Боснию и Герцеговину. Дарданелльская операция имеет второстепенное военное значение и не

подлежит обсуждению совета. В заключение генерал Жоффр повторил, что по мотивам как военной чести, так и высшей пользы необходимо, чтобы англо-французские и итало-сербские армии как можно скорее [перешли] в энергичное наступление. По ходу последовавшего обмена мнений было высказано, между прочим, нижеследующее: 1) Фельдмаршал Френч заявил, что он вполне разделяет мнение генерала Жоффра о необходимости перехода в ближайшем времени французских и английских сил в наступление и что, со своей стороны, он поддержит это наступление всеми имеющимися в его распоряжении силами. По его убеждению, даже в случае переброски значительных германских сил с востока на запад переход в наступление является наилучшей тактикой. 2) Итальянский военный агент высказал, что планы генерала Жоффра вполне отвечают мыслям генерала Кадорна, который желает скорейшего и самого энергичного наступления со стороны всех союзников. Крайне желательна кооперация сербской армии. Итальянская армия, имея в виду не занятие территории, а достижение значительных результатов, не отвлечется в сторону Триеста и Триента, а намерена итти на Вену. 3) Сербский военный агент сказал, что, насколько ему известно, сербская армия сейчас сосредоточивается по направлению к Дрину, что движение на Лайбах может оказаться для нее опасным, и что ей удобнее действовать, совместно с черногорской армией к югу от Савы. 4) Граф Игнатьев, высказав от имени верховного главнокомандующего благодарность за проявленные генералом Жоффром и фельдмаршалом Френчем возвышенные чувства и за намерение предпринять наступление, дабы облегчить положение на русском фронте, ограничился тем, что дал ответы на некоторые вопросы генерала Жоффра и военного министра Мильерана о состоянии нашей армии и положении на нашем фронте. В заключение военный совет следующим образом формулировал свои решения: 1) На западном фронте французские силы будут продолжать ряд локализированных действий и предпримут, как только это будет для них возможно, новую наступательную операцию. Английская армия, которая должна вскоре получить новые дивизии, окажет самую полную помощь наступательной операции французов. Бельгийская армия также примет в этой операции посильное участие. 2) На итало-сербском фронте итальянская армия разовьет возможно быстрейшим образом начатое ею наступление по направлению Лайбах — Клагенфурт. Сербская армия должна, со своей стороны, согласовать свои операции с действиями итальянской армии.

Извольский.

№ 287. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 421. 11 июля/28 июня 1915 г.
Секретно.

Копии в Лондон и Рим.

Ваша телеграмма № 3299 [1] получена.

Сообщил ее содержание Делькассе, который высказал мне опасение, что поставленное вами условие относительно обязательства Румынии не румынизировать сербов в Банате может вызвать со стороны Братиану новые возражения и проволочки. По мнению Делькассе, раз во всем остальном между союзниками и Румынией достигнуто полное соглашение, необходимо как можно скорее добиться от Братиану подписания соглашения. Что касается Сербии, то, по сведениям из Рима, Соннино, соглашаясь на присоединение к ней Сирмии с Землином и части земель между Савою и Дунаем, возражает против обещания касательно Хорватии. Делькассе думает, что перспектива получить Землин и указанные области будет иметь в глазах сербов еще большую цену, нежели надежда на слияние с Хорватией. Поэтому он считает, что можно было бы покуда вовсе не упоминать официально в Белграде о Хорватии. Это не помешает России, Франции и Англии частным образом дать понять сербскому правительству, что они не будут возражать против сербо-хорватского слияния. По сведениям из Белграда, там господствует крайне болезненное настроение, и всякое поползновение Болгарии на Македонию способно вызвать сербо-болгарскую войну. Поэтому, по убеждению Делькассе, было бы осторожнее покуда вовсе воздержаться от упоминания в Белграде о Македонии.

Извольский.

№ 288. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 425. 11 июля/28 июня 1915 г.
Секретно.

Копии в Лондон, Бухарест и Рим.

Получил ваш № 3303 [2].

Сообщил ее содержание Делькассе, который обещал тотчас предписать французскому посланнику в Бухаресте, сговорившись со своими коллегами, сделать Братиану тождественное сообщение. Делькассе продолжает опасаться, что поставленное нами новое условие относи-

---

[1] См. стр. 346 прим. 3.

[2] См. № 276.

тельно сербского Баната подаст повод Братиану к проволочкам, что было бы очень прискорбно. Он телеграфировал вчера в этом смысле Палеологу и надеется, что вы откажетесь от этого условия.

Извольский.

№ 289. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 426. 11 июля/28 июня 1915 г.

Получил ваш № 3314 [1].

Ваша мысль о покупке свободной части болгарского урожая в принципе встречает сочувствие Делькассе, который, со своей стороны, возбудил несколько дней тому назад в Петрограде и Лондоне вопрос о покупке такой же части румынского урожая [2]. Осуществление обеих этих мер сразу может натолкнуться на финансовые трудности. Делькассе не преминет снестись по настоящему делу с министром финансов и дать мне ответ.

Извольский.

№ 290. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 241. 11 июля/28 июня 1915 г.

Копия в Париж.

Соннино сообщил мне, что, по донесению Карлотти, английский и французский послы получили предписание просить вас об уступке Румынии всего Баната. На мой частный вопрос, был ли Карлотти снабжен такими же предписаниями, Соннино не дал прямого ответа, но стал высказываться в том смысле, что вопрос о Банате настолько касается прежде всего интересов России и настолько чувствителен для Сербии, что следовало бы говорить о такой жертве лишь при глубоком убеждении, что Румыния намерена будет выступить теперь же против наших общих врагов. Между тем Соннино далек от такого убеждения

---

[1] См. стр. 354, прим. 1.

[2] Бенкендорф тел. от 12 июля/29 июня за № 450 сообщал, что вопрос о покупке болг. урожая ставился на обсуждение кабинета «сегодня вечером», и тел. от 13 июля/30 июня за № 459 извещал о заявлении Крю, что англ. прав-во, «если излишек урожая будет приобретен четырьмя державами, примет участие в этом деле, как приняло участие в покупке румынского урожая»; по словам Крю, он полагал, что в последней России не участвовала, — Бенкендорф ответил на это, что не располагает сведениями по этому вопросу.

и почти уверен, что выступление Румынии зависит не от Баната, а от военного положения на галицийском фронте. При этих условиях, он находит, что Англия и Франция выказывают большую поспешность.

Гирс.

№ 291. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 251 [1]. 11 июля/28 июня 1915 г.

Мой английский коллега мне сообщает, что им сейчас получен из Лондона запрос, какое произведет в Греции впечатление предположенное занятие для надобностей операций у Дарданелл находящегося, как известно, в одинаковом международном положении с Лемносом острова Митилены, и не возбудит ли подобное действие негодования в Греции в ущерб намеченному державами требованию уступки Кавалы Болгарии. Английский посланник ответил, что последнее намерение не только в настоящую минуту бесполезно, но прямо гибельно с точки зрения интересов Тройственного согласия в Греции. Что же касается использования Митилены, то пусть к этому приступят, ставя здешнее правительство перед совершившимся фактом. — Усердно просил бы считать это сообщение конфиденциальным, так как мой английский коллега взял с меня обещание его не телеграфировать.

Демидов.

№ 292. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 666. 11 июля/28 июня 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму за № 640 [2].

Прибывший сюда из Цетинье генерал Потапов подтверждает существование слухов о переговорах между Черногорией и Австрией. Уже переданную мною версию он дополняет нижеследующими сведениями, полученными им из заслуживающего, по его мнению, доверия источника. (Соглашение), будто бы, намечено из 12 пунктов, предусматривающих: 1) Возобновление австро-черногорского уговора 1911 года, о местонахождении подлинного экземпляра коего в Петрограде Потапов доносил отделу генерал-квартирмейстера в конце прошлого марта [3].

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 228, № 154.

[2] См. № 204.

[3] Соответствующее донесение Потапова в делах б. гл. управления ген. штаба не обнаружено. См. Oe.-U. A., B. III, №№ 2635, 2774, 2823, 2857, 2903.

2) Образование из Скутарийской области до реки Мати автономной провинции под главенством Черногории. 3) Уступку Черногории области Спицы. 4) Обязательство Черногории вести войну лишь демонстративно. 5) Обязательство Австрии внести в один из швейцарских банков крупную сумму для выплаты Черногории, по выполнении последней принятых на себя обязательств. Остальные пункты обеспечивают дальнейшее существование черногорской династии[1] — Потапов испрашивает из Ниша разрешение отдела генерал-квартирмейстера прибыть в Петроград и, в случае утвердительного ответа, об изложенном доложить лично вашему высокопревосходительству.

Штрандтман.

№ 293. Памятная записка английского министерства иностранных дел российскому послу в Лондоне Бенкендорфу[2].

12 июля/29 июня 1915 г.

1) His Majesty's Government have had under careful consideration the arrangement which be necessitated by a provisional occupation of Constantinople by the military and naval forces of the Allies and they consider that an agreement should fortwith be come to between the three Governments as to the nature of this occupation and the main lines on which the administration of the city and surroundings should be conducted.

2) The circumstances under which the occupation will have been effected will of themselves render it necessary to subordinate civil to military considerations until the conclusion of a definite peace, and His Majesty's Government are therefore of opinion that the final responsability for the civil and military control of Constantinople should rest from the first and throughout the period of the joint occupation with the General officer commanding in chief the allied forces of occupation.

[1] В письме к Сазонову от 13 июля/30 июня за № 8 Обнорский передавал черног. версию о переговорах с австрийцами, по которой переговоры эти имели предметом соглашение о небомбардировке незащищенных населенных местностей; при этом Обнорский отмечал, что в «приемах тех или иных черногорских правителей было немало окаянства», но что «окаянство» это было «не столь уже крупное» и не мешало Черногории 200 лет быть одним из серьезных оплотов русского влияния на Балканах; поэтому он высказывался за самый осторожный подход к обвинениям, предъявляемым по адресу черног. прав-ва.

[2] Публикуемый документ был препровожден в м-во ин. дел послом в Лондоне при отношении от 12 июля/29 июня за № 345 в копии, снятой в канцелярии пос-ва в которой он датирован: «June 29th 1915».

3) The question of the zones over which the forces of the three Allies should respectively be distributed, is also one which will require previous and careful discussion, but it would appear necessary to defer the consideration of this point until some more accurate forecast can be made as to the conditions likely the prevail at the time of occupation, and the number of troops or ships of which each of the three Allies will then be able to dispose.

4) As regards the civil and judicial administration of the city His Majesty's Government would propose that the following system might, in principle, be adopted:

5) As soon as the maintenance of order is assured and the occupation of the city and suburbs has become fully effective, the civil administration of the city of Constantinople and its environs should be entrusted to a Council composed of High Commissioners of France, Russia and Great Britain, who should have administrative powers and the right to legislate by ordinance, subject always to the supreme control of the Commander in Chief.

6) The three High Commissioners should constitute provisional Departement of the Interior, Justice, Finance, Public Instruction and Evkaf. The functions formerly exercised by the Ottoman ministries of Public Works, Mines and Forests, Agriculture and Commerce and Posts and Telegraphes, should be carried out by specially constituted sections of such of the above mentioned Departements as may seem to the High Commissioners most appropriated. The administration of the Customs should be entrusted to the Departement of Finance.

7) At the head of these Departements should be placed Directors dependent of the Council of High Commissioners, and chosen among foreigners who have served in Turkey or from among any Ottoman subjects who have inspired confidence.

8) In view of the special nature of the Ministry of the Evkaf that Departement should be entrusted to a Moslem Director.

9) The municipal administration should be provisionally reorganised under the supervision of the High Commissioners in whatever manner may seem to them most suitable, due provision being made to safeguard the interests of foreigners as well as natives.

10) The system of taxation for administrative and municipal purposes should be based in principle on the Ottoman laws in force before the outbreak of war between Turkey and the Allies, subject to such adjustments as it may seem to the High Commissioners advisable to introduce by legislation and ordinances.

Any deficit which may not be covered by reasonable taxation in accordance with this principle should be met by the allied Powers who would institute a special reserve fund for the purposes.

11) As regards the judicial administration, His Majesty's Government consider that the aim of the three Allied Governments should be to secure as complete a degree of continuity as would be compatible with the effective maintenance of authority and order.

12) The system in force under the Capitulations, being of a nature seriously to hamper the military authorities in the exercise of their duty, should not be reestablished, but it should be clearly understood that the suspension of the Capitulations during the occupation will be consequence of the peculiarly military character of the provisional system; a consequence the more justifiable because of the fact that the exercise of authority by the representatives of the Allies will constitute a garantiee for the protection of all legitimate foreign interests and will not in any way imply a recognition of the recent unilateral abolition the Capitulations by the Ottoman Government [1]. This provision should not affect the position of the Consular Courts of allied or neutral Powers, except to the extent contemplated in the last clause of § 16.

13) Penal jurisdiction should in the first place be vested in the Military Courts instituted for dealing with important offences against public order. Minor offences of this nature could, however, be dealt with by Consular and reconstituted Territorial Courts under foreign supervision.

14) The Native Courts existing before outbreak of war between Turkey and the Allies, including the «Tijaret» Court, should continue to enjoy the jurisdiction formerly exercised by them under the control and supervision of the Director of Justice, but their personnel may be modified to any extent which may seem necessary to the High Commissioners who should have full discretion to maintain the existing judges and other officials or to replace them by suitable foreigners or Ottoman subjects, special attention being paid to the necessity for foreign representation in the «Tijaret» and Maritime Courts.

15) The Consular Courts of the allied and neutral Powers should exercise the same jurisdiction as they enjoyed before the suppression of the Capitulations, including jurisdiction in all cases in which all the parties are foreign subjects, except, of course, in respect of penal cases coming within the jurisdiction of the Military Courts.

---

[1] См. т. VI, ч. I, стр. 234, прим. 4.

16) The «Sheriat» or Moslem Religious Courts, will require special attention, and care should be taken to secure their continuance under Moslem Law and in such a way as not offend religious susceptibilities.

17) The provisional occupation of Constantinople will also raise many subsidiary, though important, questions, largely of a financial or commercial character. Among such questions would be included the validity of the Ottoman Government's concessions to allied Companies, or to Companies which, though Turkish in name, are in fact of allied nationality. Under this head will also have to be considered the sequestration of enemy undertakings on property in which allied nationales have a vested interest, as also the question of allied and neutrals scholastic, religious and charitable institutions.

18) His Majesty's Government do not consider that these questions could usefully be discussed between the three Governments at this stage, and they feel that it would be desirable to reserve the settlement of such matters for eventual consideration of the High Commissioners themselves.

19) The question of the Ottoman Public Debt is however, somewhat different, and His Majesty's Government are of opinion that the principls of its continuance should now be accepted by the three Governments, subject, of course, to the admission of a Russian Delegate on the Council of Administration.

Перевод.

1) Правительство его величества внимательно обсудило вопрос о соглашении, которое станет необходимым при временной оккупации Константинополя союзными военными и морскими силами, и считает, что должно быть заключено между тремя державами соглашение как о характере этой оккупации, так и о главных основаниях, на которых будет покоиться управление этим городом с окрестностями.

2) Обстоятельства, при которых произойдет оккупация, сами по себе сделают необходимым подчинение до заключения окончательного мира соображений гражданского порядка интересам военным, а потому правительство его величества полагает, что ответственность в конечном счете за гражданский и военный надзор в городе должна с самого начала и в во все время союзной оккупации быть возложена на генерала, начальствующего на правах главнокомандующего над союзными оккупационными войсками.

3) Вопрос о зонах, между которыми должны быть соответствующим образом распределены силы трех союзников, тоже требует предварительного тщательного обсуждения, но представляется нужным отложить рассмотрение этого вопроса до того момента, когда может быть сделан более точный учет как обстановки, при

которой состоится оккупация, так и числа войск и судов, которыми каждый из трех союзников будет в состоянии в это время располагать.

4) Что касается гражданской и судебной администрации столицы, то правительство его величества предлагает, чтобы в принципе была бы принята следующая система:

5) Как только соблюдение порядка будет обеспечено, и оккупация столицы и ее окрестностей станет вполне действительной, гражданское управление городом должно быть поручено совету, состоящему из верховных комиссаров[1] Франции, России и Великобритании, которые будут снабжены административными полномочиями и правом издавать обязательные постановления, подлежащие верховному контролю главнокомандующего.

6) Три верховных комиссара должны организовать временные департаменты внутренних дел, юстиции, финансов, народного просвещения и вакуфов. Функции, выполнявшиеся прежде оттоманскими министерствами публичных работ, горного и лесного хозяйства, земледелия и торговли, почт и телеграфа, должны выполняться особыми отделами того или другого из созданных департаментов по усмотрению верховных комиссаров. Управление таможнями должно быть поручено финансовому управлению.

7) Во главе этих департаментов должны быть поставлены директора, подчиненные совету верховных комиссаров и избранные среди иностранцев, которые служили в Турции, или же из турецких подданных, внушающих доверие.

8) Ввиду специального характера министерства вакуфов соответствующий департамент должен быть поручен директору-мусульманину.

9) Городское управление должно быть временно реорганизовано под надзором верховных комиссаров на тех основаниях, которые могут представиться им наиболее подходящими, при условии охраны интересов как иностранцев, так и местных жителей.

10) Система обложения налогами для административных и муниципальных расходов должна быть основана в общем на оттоманских законах, действовавших до начала войны между Турцией и союзниками. Система эта может подвергнуться путем законодательным или издания обязательных постановлений таким изменениям, которые верховные комиссары сочтут целесообразными.

Всякий дефицит, который нельзя будет покрыть разумным обложением на основании этого принципа, должен быть покрыт союзными державами, которые в этих целях учредят особый резервный фонд.

11) Что касается судебной администрации, то правительство его величества считает, что целью трех союзных правительств будет обеспечение полной преемственности, поскольку это будет отвечать действительному поддержанию власти и порядка.

12) Система, действовавшая при капитуляциях была бы серьезным препятствием для военных властей при исполнении их обязанностей и не должна быть восстановлена, но следовало бы точно установить, что приостановка действия капитуляций во время оккупации явится последствием военного характера временной системы, которое находит для себя полное оправдание в факте, что раз

[1] В проектах росс. м-ва ин. дел эти комиссары называются «главноуполномоченными».

административные функции будут выполняться представителями всех союзников, то это будет служить гарантией охраны всех законных иностранных интересов и не будет никоим образом означать признание недавней односторонней отмены капитуляций оттоманским правительством. Это условие не будет затрагивать положения консульских судов союзных или нейтральных держав вне пределов, предусмотренных в конце параграфа 16-го.

13) Уголовная юстиция будет главным образом находиться в руках военных судов, созданных для производства дел, связанных с серьезными нарушениями общественного порядка; менее важные правонарушения этого рода могут быть однако подсудны консульским и восстановленным под иностранным надзором местным судам.

14) Туземные суды, существовавшие до начала войны между Турцией и союзниками, включая суды так наз. «Тиджарет» [1] будут продолжать выполнять функции, которые были ранее на них возложены, под контролем и надзором директора департамента юстиции, но их состав может быть изменен в любых пределах, которые найдут необходимыми верховные комиссары, имеющие полное право сохранить существующих судей и других должностных лиц или заменить их подходящими иностранцами или оттоманскими подданными, причем будет обращено особое внимание на необходимость иностранного представительства в судах морских и «Тиджарет».

15) Консульские суды союзных и нейтральных держав будут выполнять те же функции, каковые на них лежали до отмены капитуляций, включая юрисдикцию по всем делам, в которых все стороны являются иностранно-подданными, за исключением дел, подсудных военным судам.

16) На шариатские, иначе говоря, мусульманские религиозные суды будет обращено особое внимание, и должна быть приложена забота о соблюдении преемственности их в согласии с мусульманскими законами, причем не должны быть задеваемы религиозные чувства.

17) Временная оккупация Константинополя приведет также к возникновению многих побочных, хотя и важных, вопросов финансового или торгового характера. Между ними имеется вопрос о действительности концессий, предоставленных оттоманским правительством союзническим обществам, каковые хотя по названию и турецкие, но в действительности по национальности союзнические. К их числу надо также отнести секвестр неприятельских предприятий или собственности, в каковых соучаствуют союзнические подданные, а равно вопрос о союзнических и нейтральных учебных, религиозных и благотворительных учреждениях.

18) Правительство его величества не считает, что эти вопросы могли бы с пользой быть обсуждены в данной стадии тремя правительствами, и оно считает желательным отложить эти вопросы для разрешения их в свое время самими верховными комиссарами.

19) Вопрос об Оттоманском публичном долге, тем не менее, несколько отличен от остальных; правительство его величества поэтому полагает, что принцип его неприкосновенности должен бы быть принят тремя правительствами при условии, конечно, допущения русского делегата в административный совет.

---

[1] Смешанные суды.

№ 294. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 3333. 12 июля/29 июня 1915 г.

Я согласен на предложение Делькассе [1], чтобы изложенное в моей телеграмме № 3303 [2] заявление румынскому правительству было сделано представителями всех четырех союзных держав, а чтобы текст политического соглашения с Румынией был выработан лишь вами совместно с Братиану и передан затем соответствующими посланниками на одобрение четырех союзных правительств. — Если наше требование об обеспечении сербского населения Баната от румынизации встретит непреодолимые возражения со стороны Братиану, я готов на нем не настаивать, и вы могли бы уступить в этом, быть может, в обмен на какую-нибудь уступку Братиану в другом.

Сазонов.

№ 295. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 447. 12 июля/29 июня 1915 г.

Copie Paris.

Reçu télégramme de Rome No 230 [3].

J'ai informé Nicolson du contenu. Il me dit que télégramme de Barclay à ce sujet était moins précis, qu'il parlait seulement de très forte pression austro-allemande sur Roumanie pour passage des munitions en Turquie. Nicolson ne me paraît pas convaincu encore que gouvernements allemand et autrichien aient donné à leur démarche forme de quasi-ultimatum, que ministre d'Italie à Bucarest lui prête, et que jusqu'ici les déclarations de Bratiano au sujet munitions étaient formelles. Néanmoins Nicolson reconnait que attitude de l'Allemagne complique sérieusement rôle du gouvernement roumain et crée situation dont il y a lieu tenir compte. A ma question si le stricte droit international obligeait Roumanie à arrêter transit des munitions, Nicolson me répondit que question ne lui paraissait pas tout à fait claire. J'ai su par ministre de Roumanie que gouvernement roumain demande subside de 4 à 5 millions livres. Gouvernement anglais n'a encore rien décidé à ce sujet.

Benckendorff.

---

[1] См. № 288.
[2] См. № 276.
[3] См. стр. 355, прим. 1.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил телеграмму из Рима № 230.

Я сообщил Никольсону ее содержание. Он мне сказал, что телеграмма Барклая по этому поводу была менее определенной, что он говорил лишь об очень сильном австро-германском давлении на Румынию в целях пропуска снарядов в Турцию. Никольсон, как мне кажется, еще не уверен в том, что германское и австрийское правительства придали своему шагу почти ультимативный характер, который приписывает ему итальянский посланник в Бухаресте, и что до сих пор заявления Братиану по поводу снарядов имели формальное значение. Тем не менее, Никольсон признает, что позиция Германии значительно осложняет роль румынского правительства и создает положение, с которым надо считаться. На мой вопрос, обязывает ли Румынию точное соблюдение международного права задерживать транзит снарядов, Никольсон мне ответил, что вопрос этот не является для него вполне ясным. Я узнал от румынского посланника, то румынское правительство просит об субсидии в 4 — 5 миллионов фунтов. Английское правительство не приняло еще по этому вопросу никакого решения.

Бенкендорф.

№ 296. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 448. 12 июля/29 июня 1915 г.

Personnel.

Mr. Léopold (Rothschild) m'a visité au sujet expulsion des Juifs du théatre de guerre. Lui ai dit tout d'abord que n'avais pas informations spéciales mais que croyais nouvelles exactes à cause du rôle déplorable et manifeste d'espionnage auquel s'est livré la population juive. A ceci Rothschild n'a fait aucune objection. Il m'a dit que mesures prises en temps de guerre sur théatre de guerre étaient indiscutables, que lui et Juifs anglais, sur lesquels depuis la mort de son père il influait, le comprenaient parfaitement, qu'il venait parler non pas des mesures, mais des conséquences. Expulsions y compris femmes et enfants entrainaient grandes difficultés de migration en masses et de séjours dans l'empire. C'est cette migration et l'énorme misère qu'elle comporte qui tient à coeur aux corréligionnaires anglais des Juifs russes et à ce titre il s'adresse à moi pour faire appel aux sentiments de générosité du gouvernement impérial afin que mesures facilitation et soulagement les plus efficaces possibles soient prises. Et il me prie transmettre son instante pétition. Il me dit que tel était son premier but, mais qu'il ajoutait que si mesures qui pourraient être décidées pouvaient être publiées, il en attendrait l'effet pour réagir contre agitation, en grande partie d'origine allemande, qui au sujet des expulsions se manifeste à neuf en Amérique et même en

partie à Londres, parmi les groupes exaltés, sur lesquels il a peu d'influence malgré ses constants efforts. Je lui ai répondu que je pouvais en effet lui donner ce témoignage et que pour cette raison je ne me refusais pas de vous entretenir de cette affaire qu'il m'avait dite. Je puis confirmer qu'agitation augmente et qu'instances sont déjà parvenues au gouvernement anglais. Celui-ci a catégoriquement refusé d'ingérer dans les affaires intérieures russes. Je crois pourtant que pensées et suggestions directes de Rothschild méritent sérieuse attention.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Г. Леопольд (Ротшильд) посетил меня, чтобы переговорить по поводу высылки евреев из зоны военных действий. Я начал с того, что сказал ему, что у меня на этот счет специальных сведений нет, но я полагаю, что подобные сведения верны, ввиду явной и прискорбной роли шпионов, которую играло еврейское население. Против этого Ротшильд ничего не возражал. Он сказал, что меры, принятые во время войны в зоне военных действий, не подлежат обсуждению, что он сам и английские евреи, на которых он после смерти отца имеет влияние, прекрасно это понимают, но что он пришел говорить не о мерах, а о последствиях их. Массовая высылка евреев вместе с женами и детьми вызывает большие затруднения при передвижении и пребывании в империи. Это передвижение и сопряженные с ним громадные бедствия вызывают сочувствие у английских единоверцев русских евреев. Ввиду этого он обращается ко мне, прибегая к чувствам великодушия императорского правительства, дабы были приняты самые действительные по возможности меры к облегчению и помощи. Он просит меня передать его настоятельное ходатайство. Это было его первоначальным намерением, сказал он, но добавил, что в случае, если имеющие быть принятыми меры будут опубликованы, то произведенное этим впечатление поможет противодействовать агитации, главным образом, германского происхождения: в связи с высылками она сказывается вновь в Америке и даже отчасти в Лондоне, в среде крайних группировок, на которые ему мало удается воздействовать, несмотря на постоянные усилия. Я ему сказал, что имею возможность дать ему такие данные, и поэтому я не отказался снестись с вами по делу, явившемуся предметом нашего разговора. Я могу подтвердить, что возбуждение растет и что жалобы уже дошли до английского правительства. Последнее категорически отказалось от вмешательства в русские внутренние дела. Тем не менее я полагаю, что мнения и непосредственные обращения Ротшильда заслуживают серьезного внимания.

Бенкендорф.

№ 297. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/. **Письмо.** **12 июля/29 июня 1915 г.**

Cher Сергей Дмитриевич,

Au cours d'un long entretien, le directeur général m'a exposé non sans éloquence et persuasion les doléances grecques à l'endroit de l'Italie.

Il résulte de cette kyrielle de récriminations, dont je passerai la majeure partie sous silence, que les relations gréco-italiennes sont extrêmement tendues à cette heure.

A une époque de déchaînement des passions comme celle que nous traversons, il importe assurément de faire effort pour conserver un semblant d'impartialité; les neutres mêmes en éprouvent l'embarras. Faisant néanmoins abstraction de toute idée préconçue, je suis porté à la conclusion qu'il y va de certaines intentions provocatrices de la part de l'impérialiste Italie. L'agrandissement récent de la Grèce, la floraison de sa marine marchande, son alliance même avec la Serbie, concurrente future de l'Italie, constituent aux yeux de notre mi-alliée autant de motifs de suspicion. D'autre part, les visées de l'Italie sur des territoires de populations helléniques comme Vallone et l'Albanie Méridionale, le Dodécanèse ou le littoral micrasiatique ne sont pas faites pour atténuer les discordantes notes réciproques. Le langage dur que tient ici mon collègue d'Italie ressemble plus au désir d'envenimer les choses qu'à celui de les concilier. On est parfois tenté de croire que la Consulta chercherait noise à la voisine méditérranéenne dans le but de l'empêcher de sortir de neutralité et de se joindre au camp rallié, non sans une dose de prudence, par l'Italie, — afin que la Grèce ne puisse se réclamer plus tard de sa coopération, dans le partage de régions convoitées par les deux.

Les incidents sur mer se multiplient, au dire de Mr. Politis, et la marine marchande grecque se trouve exposée à toutes les avanies, injustifiées pour la plupart, du fait des visites et saisies pratiquées par les navires de guerre italiens; le commerce hellénique en pâtit démesurément. Mon interlocuteur semblait craindre au surplus, que la diplomatie italienne ne s'employât, dans les trois capitales de l'Entente, à indisposer les Puissances amies contre la Grèce dans un but assez facile à comprendre.

La Grèce vient de céder dans la question de l'avance sur Berat; je ne sais si ce gouvernement nourissait réellement l'intention de s'en emparer, quoique mon collègue d'Italie m'ait représentés les choses sous cette lumière. Mais avant que nous ayons eu le temps de procéder à la démarche envisagée, le ministre de Grèce à Rome a fait des déclarations très nettes d'abstention dans ces parages réservés.

Pour le Dodécanèse, il semble que le général Croce rivalise, voire même renchérit, sur les sévérités de son prédécesseur à Rhodes, le général Ameglio. Je tiens de mon collègue d'Angleterre que les mesures de vexations à l'endroit des Grecs de ces îles dépassent toutes les limites de cette «paternelle occupation», dont le comte Bosdari a chanté, l'autre

jour, les bucoliques délassements dans son discours annuel à l'occasion de la fête du Status. Il paraîtrait, au dire de Sir F. Elliot, qu'un Grec ne peut quitter aucune des îles occupées pour une durée de plus d'un mois sans risque de s'en voir interdire à jamais la rentrée. On n'est pas moins paternel.

Il ne faut point, dès lors, s'étonner que la presse hellénique se fasse l'écho de tous des griefs accumulés contre l'élément italien et se montre peu tendre à l'endroit de sa voisine latine. Aux attaques directes succèdent les coups d'épingle qui piquent au vif. Il ne se passe guère de jour, il est vrai, où l'on ne tourne en dérision les «bulletins météorologiques», du général Cadorna «qui veut être poète, alors que le poète d'Annunzio veut être général». Et le tout à l'avenant.

Vivement irrité, mon collègue d'Italie m'a fait part de ses appréhensions au sujet des relations des deux pays. Il m'a dit qu'à Rome on se trouvait à bout de patience et que le frein imposé jusqu'ici par la censure serait levé pour ce qui concernait les Grecs. Un récent article de la «Tribuna» dénomme, en effet, ceux-ci de descendants de pirates. Cet échange d'épigrammes et d'insultes, dut-il, continuer, risque bien d'amener de périlleuses tensions. J'ai exprimé au comte Bosdari ma surprise qu'un grand pays comme l'Italie se laisse ainsi impressionner par des jappements de roquet; mais de mon entretien avec lui, je gardai l'impression qu'il ne faudrait pas laisser les choses aller à la dérive et que la Consulta pourrait bien, sinon encourager, du moins profiter d'une situation qui ne va peut-être pas trop à l'encontre de ses désirs. Je parlai donc à Mr. Politis dans le sens de la conciliation en l'invitant, de façon toute personnelle, à agir autant que faire se pouvait, sur la presse d'Athènes. Le directeur général me dit avoir peu d'action sur cette presse indisciplinée; il manda, néanmoins, le procureur du roi qui fit appel, en effet, aux sentiments patriotiques des journalistes hellènes en vue de la cessation de cette polémique. Le lendemain, la presse entière se ruait sur le procureur; les attaques contre l'Italie avaient heureusement dévié; mais on ne saurait affirmer qu'elles ne recommenceront de plus belle à la première occasion.

J'ai cru bien faire de prêcher la conciliation.

Je ne pense pas qu'il soit de notre intérêt de voir se développer, en ces graves moments, un conflit entre notre nouvelle alliée et une alliée éventuelle que nous tenons en réserve. Toutefois, pour l'avenir des relations gréco-italiennes, on ne doit pas perdre de vue que celles-ci contiennent de sérieux germes de désaccord.

Veuillez agréer, etc. Démidow.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

В течение продолжительной беседы генеральный директор [мин-ва ин. дел] изложил мне не без убедительности и красноречия греческие сетования на Италию.

Из этого бесконечного ряда жалоб, большую часть которых я обойду молчанием, видно, что взаимоотношения между Грецией и Италией в данный момент до крайности натянуты.

В эпоху разнузданных страстей, как та, которую мы переживаем, конечно, надо стараться сохранить хотя бы видимость беспристрастия; даже нейтральным людям это бывает затруднительно. Тем не менее, избегая какой-либо предвзятости, я склонен сделать вывод, что все дело в известных провокационных замыслах со стороны империалистической Италии. Недавнее расширение Греции, процветание ее торгового флота, даже ее союз с Сербией, будущей соперницей Италии, — все это является в глазах нашей полусоюзницы поводом к проявлению подозрительности. С другой стороны, притязания Италии на территории с греческим населением, как Валона и Южная Албания, Додеканез и Малоазиатское побережье, не призваны смягчить дисгармонию их разногласий. В резком тоне, в котором ведет здесь разговоры мой итальянский коллега, сквозит как бы желание обострить отношения, а не воздействовать на них примирительным образом. Порой приходится думать, что Консульта ищет ссоры со своей соседкой по Средиземному морю с целью помешать ей выйти из своего нейтралитета и присоединиться к коалиции, к которой примкнула не без некоторой осторожности Италия, дабы Греция не могла в будущем ссылаться на оказанное ею содействие при разделе стран, на которые претендуют они обе. По словам г. Политиса, морские инциденты учащаются, и греческий торговый флот подвергается всяким, по большей части неосновательным, придиркам в связи с осмотрами и захватами, вошедшими в практику итальянских военных судов; греческая торговля от этого страдает чрезвычайно. Повидимому, мой собеседник, помимо того, опасается, как бы итальянская дипломатия не попыталась в трех столицах Согласия восстановить дружественные державы против Греции в целях, которые довольно легко понять.

Греция только-что уступила в вопросе продвижения к Берату; я не знаю, имело ли здешнее правительство в действительности намерение овладеть им, хотя мой итальянский коллега представил мне этот вопрос именно в таком освещении. Но прежде чем мы имели время предпринять задуманный шаг, греческий посланник в Риме сделал вполне определенное заявление о том, что Греция воздерживается от проникновения в этот, находящийся на особом положении, район.

Что касается Додеканеза, то, повидимому, генерал Кроче сравнялся, если не перещеголял своего предшественника, генерала Амелио, в применяемых в Родосе строгостях. Я слышал от своего английского коллеги, что строгости, применяемые к греческому населению этих островов, заходят за пределы той «отеческой оккупации», буколические прелести которой воспел на-днях граф Боздари в своей ежегодной речи по случаю праздника конституции. По словам сэра Ф. Эллиота, грек не может покинуть ни одного из оккупированных островов на пре-

вышающий один месяц срок, не рискуя тем, что ему навсегда будет запрещено возвращение туда. Более отеческого отношения быть не может!

Поэтому нельзя удивляться, что эллинская печать подхватывает все нарекания против итальянцев, каковые слышатся со всех сторон, и не выказывает нежности к своей латинской соседке. К прямым нападкам присоединяются чувствительные булавочные уколы. В самом деле, дня не проходит, чтобы не высмеивались «метеорологические бюллетени» генерала Кадорны, «желающего быть поэтом, в то время как поэт Д'Аннунцио хочет быть генералом». И все прочее в этом уже стиле.

Крайне раздраженный, мой итальянский коллега поведал мне свои опасения касательно взаимоотношений обеих стран. Он сказал мне, что в Риме потеряли терпение и что умеряющее воздействие цензуры будет отменено по отношению к грекам. Недавняя статья в «Tribuna» называет последних потомками пиратов. Этот обмен эпиграмм и оскорблений, если будет продолжаться, может привести к опасным осложнениям. Я выразил графу Боздари мое удивление, что большая страна, как Италия, реагирует на лай маленькой собачки; но из беседы с ним я вывел заключение, что нельзя допустить, чтобы события развивались сами по себе и что Консульта может если и не поощрять, то пользоваться положением, отвечающим до известной степени ее желаниям. Я говорил поэтому с г. Политисом в примирительном духе, советуя ему лично от себя воздействовать на афинскую прессу. Генеральный директор сказал, что у него мало влияния на недисциплинированную печать, тем не менее он вызвал королевского прокурора, который действительно обратился к патриотизму эллинских журналистов в целях прекращения этой полемики. На следующий день вся печать набросилась на прокурора: нападки на Италию, к счастью, приняли другое направление, но нельзя утверждать, что они не возобновятся с новой силой при первом удобном случае.

Я счел правильным содействовать примирению.

Я не думаю, что в наших интересах допускать в серьезный момент развитие конфликта между нашей новой союзницей и возможной в будущем союзницей, которую мы держим в резерве. Во всяком случае в отношении будущих греко-итальянских отношений нельзя терять из виду, что они содержат в себе серьезные зачатки несогласий.

Примите и пр.

Демидов.

№ 298. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Депеша № 6. 12 июля/29 июня 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Занятие черногорцами Скутари, вопреки советам и предостережениям держав, вызвало немало всякого рода нареканий и неудовольствия со стороны как некоторых правительств, так и некоторых иных юридических и физических лиц, так или иначе заинтересованных в сохранении албанского status quo, мимоходом сказать, достаточно-таки за последнее время нарушенного разными соседями помимо Черногории.

Самовластный поступок правительства короля Николая, благодаря некоторому параллелизму действий австрийского и черногорского консулов в Скутари в подготовительном к занятию города периоде вызвал особенно охотно поддержанные здешним итальянским посланником намеки на то, что черногорцам, будто бы, дано Австрией разрешение занять столь вожделенный для них город, взамен некоторых уступок и гарантий со стороны Черногории, в ущерб союзникам, в области совместных с сербами действий против общего врага.

Слухи о таинственных переговорах черногорского правительства с Австрией действительно почти тотчас вслед за тем проникли в европейские канцелярии и вызвали немало всякого рода опасений.

Не касаясь здесь критического разбора этих слухов, который дается мной в одновременно отправляемом донесении № 8 [1], считаю необходимым отметить лишь то, что параллелизм действий обоих выше упомянутых консулов может быть объяснен и помимо каких-либо соглашений с врагом, особенно рискованных для Черногории, столь многообразно зависящей от союзников в отношении военном, финансовом и политическом.

Как можно заключить из весьма обстоятельного секретного донесения нашего вице-консула в Скутари г. Ферхмина за № 223 [2], параллелизм этот едва ли не объясняется, помимо всяких довольно проблематичных соглашений, просто-напросто тем, что австрийцам, потерявшим надежду обосноваться в Албании, выгоднее господство в этих местах небольших славянских государств, чем итальянцев, вытесняющих их влияние с Балканского полуострова вообще и с восточного берега Адриатического моря в частности.

К тому же я решительно не вижу, в чем особенно существенно для успеха черногорской оккупации выразился этот образ действий австрийского консула. Как известно, войска генерала Вешовича вступили в город по приглашению не только находящихся под австрийским влиянием католиков, но и мусульман, составляющих, кстати сказать, значительное большинство скутарийского населения и скорее враждеб-

---

[1] Повторяя в донесении от 30 июня/13 июля за № 8 имеющиеся сведения о переговорах черног. прав-а с Австрией (см. №№ 116, 169, 198, 204, и 222), Обнорский отмечал необходимость подвергнуть их «критическому разбору». «Положение вещей таково, — писал он, — что черногорцы впредь до снабжения их амуницией из России или из Сербии, совершенно не могут принять участия в каких-либо активных действиях против серьезного неприятеля».

[2] Содержание донесения Ферхмина от 3 июля/20 июня за № 223 изложено в его же донесении от того же числа за № 224 (см. № 237).

ных Австрии. Мусульмане эти более всего находятся под влиянием Эсад-паши, ничего общего с австрийским влиянием до сих пор не имевшего, а поддерживаемого скорее Италией, Сербией и Черногорией.

Пламенац в числе других доводов, быть может, несколько оправдывающих захватные действия Черногории, предъявил мне и полученное им письмо Эсада.

С этим своеобразным и едва ли достойным высокого уважения деятелем, лишенным всякой национальной идеи и постоянно перекидывающимся от одного плательщика ясака к другому, король Николай и черногорское правительство уже давно поддерживают дружеские сношения. В письме черногорцам дается совет воспользоваться создающейся в их пользу обстановкой и занять Скутари, тем более, что сам Эсад не рискует, при нынешних тяжких для него условиях борьбы с дурацкими повстанцами, последовать настояниям Италии и двинуться для занятия Скутарийского района.

Каковы же истинные или, по крайней мере, близкие к истине причины и условия внезапного, несмотря на все данные державам успокоительные заверения, занятия черногорцами Скутари?

Мне кажется, что первая и основная из них, при том совершенно вначале не ожидавшаяся самими черногорцами, а, быть может, и некоторыми из держав, — это запоздание французских инструкций для совместного нашего протеста в Цетинье против черногорского похода в Албанию.

Действительно, мой английский и итальянский сотоварищи и я получили эти инструкции 3 июня ст. ст [1]., а французский посланник лишь 10 дней спустя, 13 июня.

Какую, — быть может, чисто механическую, — роль сыграло в этом процессе запоздания мое обращение к императорскому министерству за дополнительной инструкцией для толкования нашего протеста в смысле возможности согласиться на удержание черногорцами уже занятого ими в то время правого берега Бояны, — я судить не берусь. [2]

Во всяком случае затянувшиеся переговоры об окончательных инструкциях дали черногорцам, действительно уже начавшим было, согласно данному державам обещанию, отходить из расположенных к северу и северо-востоку от Скутари областей, возможность, опираясь, конечно, на все еще угрожавшие городу войска и на ободряющие намеки Эсада, вступить в переговоры с албанскими нотаблями и добиться

[1] См. № 121.
[2] См. № 199 и прим. 3 и 4.

от последних приглашения отряда генерала Вешовича в Скутари для «упрочения мира и порядка».

Остальное известно.

Черногорцам удалось таким образом проделать то, что на языке экономистов называется учетом благоприятной конъюнктуры рынка.

При этом черногорское правительство, считаясь с возражениями держав относительно опасности отвлечения для этой операции выговоренных сербо-черногорской конвенцией сил с северного фронта, постаралось избежать этого отвлечения, направив для занятия всего бассейна Бояны и Скутарийского района лишь около 5 000 человек, то есть не более одной трети того контингента (от 12 — 15 тысяч, который оставался в его распоряжении для защиты южной границы.

Тем не менее происшедшие в связи с вопросом об отправке в Албанию черногорских войск пререкания с сербским верховным командованием и обнаружившиеся при этом недостатки в организации черногорской армии, до сих пор подчиненной сербскому генеральному штабу скорее формально, чем в действительности, а равно и недовольство держав по поводу слухов о переговорах черногорского правительства с бывшим здесь перед войной австрийским военным атташе капитаном Хубкой, дают нам возможность воспользоваться обусловленным этими обстоятельствами угнетенным состоянием черногорского правительства и добиться на будущее время более правильной постановки дела управления и организации черногорских войск на фронте, обращенном к общему неприятелю.

Что касается самого вопроса о дальнейшем образе действий держав по поводу занятия черногорцами Скутарийского района, то, хотя занятие это и внесло новые осложнения в разрешение албанского вопроса, тем не менее, принимая во внимание уже бывшие за время войны неоднократные нарушения установленного на Лондонском совещании положения вещей в Албании, быть может, представилось бы допустимым отложить окончательное разрешение дела до особого, имеющего быть, по всей вероятности, созванным при ликвидации войны совещания, тем более что у держав едва ли нашлись бы в настоящее переходное и трудное время достаточные способы воздействия, дабы побудить черногорцев, без крайних средств принуждения, к эвакуации занятых албанских областей.

Применение таких средств было бы во всяком случае, особенно для покровительствующей черногорцам России, а равно и для Франции, допускающих в принципе осуществление заветной мечты черногорского народа относительно присоединения Скутари, значительно ослож-

нено весьма вероятным ответом черногорского правительства, что, вполне сообразуясь с волей создавших Албанию держав, оно готово признать впоследствии их постановления относительно тех условий, на каких будет решено в конце-концов допустить сохранение или потребовать удаления возникших за последнее время в Албании греческих, итальянских, сербских и черногорских администраций.

Из прочих держав Согласия Англия, подобно России и Франции, не заинтересованная непосредственно в судьбах Албании, пожалуй, тоже могла бы согласиться на временное оставление Скутари в руках черногорцев при означенной выше оговорке, а Италия, хотя и заинтересованная непосредственно и уже выразившая протест не только совместно с другими державами нашей группы, но и отдельно, пожалуй, могла бы, помимо принципиальной оговорки, прибегнуть и к какому-нибудь временному частичному соглашению с Черногорией для обеспечения своих интересов в Скутари, а именно своих школ и госпиталя.

Первый шаг к такому соглашению, как я уже имел честь сообщить вашему высокопревосходительству по телеграфу [1], будет на-днях сделан черногорским правительством.

Залогом некоторого успеха этих переговоров в известной мере могут служить родственные отношения между итальянским и черногорским дворами, при обнаружившемся отсутствии у Италии намерения самой овладеть Скутарийским районом, а равно и прочими частями Албании, за исключением уже занятой итальянцами Валонской области.

А без своего рода итальянского спинного хребта, как я уже имел случай доказывать в представленной в свое время записке [2], самостоятельная Албания существовать все равно не в состоянии. Придется, стало быть, ее делить. Почему же в таком случае теперь же не поставить основные вехи этого дележа, если к тому ведут события?

При ликвидации войны у держав будет и без того огромная залежь всякого рода других вопросов, значительнее и жизненнее албанского.

Пока в Скутари назначен губернатором близкий родственник королевского дома воевода Божо Петрович, человек весьма умеренный, корректный и находящийся к тому же в давнишних дружеских отношениях с королем Виктором-Эммануилом.

В заключение, я хотел бы указать на один из результатов черногорской оккупации Северной Албании, а именно на принявшее, повиди-

---

[1] Ср. № 200.

[2] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

мому, постоянный характер пребывание сербских войск в области, расположенной к югу от черногорской зоны. Войска эти, занимающие Эльбасан и Тирану, постепенно продвигаются к Дураццо.

Такая комбинация, пожалуй, несколько неожиданная для самих черногорцев и отчасти вызванная ускоренным их образом действия ходом событий, при, повидимому, уже предуказываемом силой вещей разделе Албании, являлась бы, по моему мнению, весьма желательной и выгодной в видах постепенного слияния обоих государств сербского корня.

Охватывая черногорцев не только с востока, но и с юга и, хотя уже чисто механически, мешая дальнейшему движению этого народа в албанские пределы, сербы могут помешать всякого рода сепаратистским тенденциям черногорского правительства в смысле несогласованных с общими интересами сербства комбинаций с Италией или иными заинтересованными в этой части Балканского полуострова государствами, если бы мысль о подобном соглашении возникла впоследствии у короля Николая и некоторых его советников.

Примите и пр.

Обнорский.

№ 299. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 383. 12 июля/29 июня 1915 г.

Дополнение моей телеграммы за № 380 [1].

Уполномоченный впредь непосредственно сноситься с индийским правительством Марлинг просит последнее, не теряя времени, подготовить экспедиционный отряд для противодействия движению германцев к афганской границе [2]. Не касаясь движения их на северо-восток, он думает, что наиболее сложную задачу для индийских войск представит собой воспрепятствование продвижению каравана, направляющегося на Тун-Наин-Тебес-Джунаи.

Посылка в Хаф наших казаков казалась бы тем более желательной.

Эттер.

---

[1] См. № 284.

[2] Тел. от 21/8 июля за № 400 Эттер, ссылаясь на публикуемую тел., просил «прислать подкрепление Мешедскому отряду», так как, по сведениям Марлинга, индийский экспедиционный отряд не поспеет своевременно в Турбет-и-Хейдари или Бирджанд. Далее, указывая, что «успешное для немцев столкновение с нашими казаками непомерно усложнило бы общее положение», Эттер писал: «Если столкновение неизбежно, то во многих отношениях мне кажется важным, чтобы оно произошло по возможности далее от афганской границы».

№ 300. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 19. 12 июля/29 июня 1915 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Интерес, который проявлялся в Японии с начала войны к европейским событиям, в настоящее время заметно ослабел и отодвинулся на второй план. Здешнее общественное мнение ныне более всего занято идеей русско-японского союза и бойкотом японских товаров в Китае. По последнему вопросу идут всевозможные толки и с успешным его разрешением связывают участь графа Окума.

По официальным подсчетам, за первую половину текущего года японский вывоз в Китай уменьшился на 30 миллионов иен сравнительно с теми же месяцами прошлого года, что составляет понижение на 53%. В каком именно объеме в этом сокращении японского ввоза участвует «бойкот», — определить, конечно, не представляется возможным; однако японская торговля с Китаем несет большие убытки, объяснить которые можно только упорным отказом китайцев от торговых сделок с японцами. Между тем здешние экспортные фирмы рассчитывали использовать остановку подвоза товаров в Китай из Европы вследствие войны, чтобы завоевать тамошние рынки и нажить на высоких ценах хорошие барыши. А теперь, наоборот, у японцев возникает опасение, что создавшиеся экономические условия внутри Китая дадут толчок развитию его собственной промышленности, нуждающейся лишь в капиталах и технических знаниях. Если Китай обратится за тем и другим в Америку, то недалек день, когда многие произведения японской промышленности утратят всякий спрос на китайском рынке.

Под давлением торговых палат и корпораций японское правительство, как известно, уже обращалось в Пекин с указанием на желательность прекращения бойкота. Но шаги эти пока не имели особого успеха. Печать продолжает настаивать на энергичных мерах против Китая и резко упрекает кабинет графа Окума, и особенно японскую дипломатию, в бездействии.

Из весьма достоверного источника нам сообщают, что съезд «генро» в Токио был вызван главнейшим образом тревогой здешних крупных торговых домов, терпящих громадные убытки вследствие бойкота. «Генро» обвиняют во всем барона Като, предъявившего, без их ведома, к Китаю унизительные требования, от которых пришлось потом отказаться, но которые оставили в Китае неблагоприятное впечатление и заронили ненависть к японцам. «Генро» упрекают барона Като в

неумений добиться согласия Китая более мягкими дипломатическими приемами, чем те, к коим он прибегнул: они считают, что бойкот явился ответом на ультиматум; ярым противником министра иностранных дел выступал в совещаниях «генро» престарелый маркиз Иноуе, состоящий, как известно, главным советником круппейшей японской фирмы Мицуи, имеющей в Китае обширные интересы.

При последнем свидании моем с бароном Като я спросил его, как он смотрит на китайский бойкот. Министр ответил мне в весьма спокойном тоне. По его словам, печать, вдохновляемая оппозицией, пользуется бойкотом в политических целях; сейюкайцы и их сторонники раздувают искусственно вопрос, желая создать кабинету, и особенно ему лично, затруднения и вызвать министерский кризис. На самом деле, по его сведениям, бойкот вовсе не имеет того угрожающего значения для японской торговли, как стремятся выставить оппозиционные группы. Главная причина бойкота — германская интрига в Китае и подпольная деятельность революционных организаций, пытающихся создать затруднения Юань Ши-каю. Впрочем, — прибавил министр, — бойкот ныне пошел на убыль, так как китайцы сами поняли его убыточность и бесплодность. Хиоки доносил ему, что на совещании пекинского министерства, китайский министр финансов заявил, что прекращение японского ввоза губительно влияет на поступление таможенных и иных сборов, а министр иностранных дел указал на невозможность заключения каких-либо внешних займов, пока продолжается бойкот. Барон Като думает, что в течение лета бойкот совершенно прекратится, и отношения между обоими государствами войдут в обычную колею.

Время покажет, оправдается ли оптимистический взгляд главы японского дипломатического ведомства на японо-китайские отношения.

Примите и пр.

Малевский.

№ 301. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 102 [1]. **13 июля/30 июня 1915 г.**

It appears evident that the Servian Government are much perturbed and greatly discouraged at the news which has reached, that the Allies propose to assign to Roumania the whole of the Banate, without having

[1] Лит. копия.

previously announced their intention to Servia [1]. Sir E.Grey accordingly suggests to Mr. Sazonow, that it would be desirable in the common interests to take Servia more into our confidence and not allow her to imagine, that continued sacrifices are being demanded of her without any compensating advantages. Sir E. Grey accordingly proposes that the Allies should make a communication to the Servian Government something in the following sense: «The Allies have been anxiously considering what would be the best step to take to afford assistance to the common cause in South Eastern Europe and also to mitigate the force of a possible Austro-German attack on Servia. — They have come to the conclusion that the active cooperation of Roumania in the war would be of the greatest possible benefit and that — owing to her proximity to Servia, besides her former fellowship in arms with Servia, which must necessarily have created a bond of union — she would be able to afford the readiest and most effective assistance to Servia in warding off a possible Austro-German attack. In the course of conversations, which have taken place between the Allies and the Roumanian Government it has become clear, that the one essential condition for the cooperation of Roumania was a promise that she should receive, inter alia, the Banate. The Allies are well aware that Servia fears the possibility that the portion of the Banate, from which an attack might be made upon Belgrade, should be in any other hands, but Servia. The Allies have given the most careful thought to these considerations, the value of which they readily admit; but they are of opinion that the Banate could without danger be ceded to Roumania on the distinct understanding that Syrmia and Semlin should go to Servia, and that Roumania should undertake not to erect any fortifications or maintain any military force beyond a simple police force in the region in question. With these conditions, the safety of Belgrade would be amply secured and Servia would be in actual possession of a territory, which would afford sufficient protection to her capital. The Allies would further stipulate that all facilities should be accorded to the Servia who wish to dispose of their land in the region ceded to Roumania». Sir E. Grey would be glad to know whether Mr. Sazonow would concur in this communication and wether His Excellency would send the necessary instructions to the Russian Representative at Nish.

---

[1] Бенкендорф телеграфировал 12 июля/29 июня за № 452 о том, что серб. посланник вручил Никольсону ноту с протестом серб. прав-ва против планов союзных держав относительно Баната.

Перевод.

Сербское правительство, видимо, очень встревожено и крайне подавлено полученными сведениями о том, что союзники предполагают предоставить Румынии весь Банат, не сообщив предварительно Сербии о своем намерении. Вследствие этого, сэр Э. Грей высказывает предположение, что в общих интересах было бы желательно войти с Сербией в более доверительные объяснения и не давать ей возможности вывести заключение, что от нее требуют неизменно жертв без предоставления за то компенсирующих выгод. Поэтому сэр Э. Грей предлагает, чтобы союзники обратились к сербскому правительству со следующим приблизительно сообщением: «Союзники тщательно обсудили, каким образом лучше всего можно помочь общему делу в Юго-Восточной Европе и тем самым ослабить возможное наступление австро-германцев на Сербию. Они пришли к заключению, что активное участие Румынии в войне было бы в высшей степени полезно; благодаря ее соседству с Сербией, помимо ее прежнего братства по оружию с ней,— что естественно должно было объединить обе стороны, — Румыния в состоянии оказать ей самую скорую и действительную поддержку прикрытием от австро-германского нападения. В течение переговоров, состоявшихся между союзниками и румынским правительством, выяснилось, что одним из существенных условий для сотрудничества Румынии является обещание, что она получит, между прочим, Банат. Как союзники хорошо знают, Сербия опасается возможности, что часть Баната, откуда может быть произведено нападение на Белград, могла бы оказаться в чьих-либо других, а не сербских руках. Союзники обратили самое пристальное внимание на это соображение, значение которого они вполне признают; но они полагают, что Банат может без опасений быть уступлен Румынии с определенной оговоркой, что Сирмия и Землин перейдут к Сербии, и что Румыния обязуется не возводить укреплений и не содержать в этом районе никаких военных сил, за исключением полицейских. При этих условиях безопасность Белграда будет полностью обеспечена, а Сербия будет действительно обладать территорией, представляющей достаточную защиту ее столице. Союзники должны, помимо того, поставить условием, чтобы сербам были предоставлены все облегчения в деле распоряжения их недвижимостью, находящейся на уступленной Румынии территории». Сэр Э. Грей был бы рад узнать, присоединится ли г. Сазонов к этому сообщению и снабдит ли нужными указаниями российского представителя в Нише.

№ 302. Министр иностранных дел поверенному в делах в Сербии Штрандтману.

Телеграмма № 3341. **13 июля/30 июня 1915 г.**

Великобританское правительство предлагает сообщить Сербии о причинах, побудивших державы согласиться на уступку Румынии Баната, под условием обеспечения безопасности Белграда и с обещанием присоединения к Сербии Сирмии с Землином. Если представители союзных держав получат соответствующие указания, благово-

лите сделать с ними сербскому правительству означенное сообщение в изложении, которое получит английский посланник.

Сазонов.

№ 303. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 3345. 13 июля/30 июня 1915 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму от [9 июля] 26 июня № 418 [1].

Совет министров, осведомившись о предполагаемом приезде делегации сенатора Мелина [2], нашел, что, ввиду крайне напряженной работы правительственных учреждений, торговых, промышленных и общественных организаций в связи с вопросами войны, должное осведомление делегации окажется затруднительным и что было бы крайне желательным отсрочить ее приезд до окончания войны.

Благоволите иметь в виду вышеизложенное при возбуждении в будущем вопроса о поездке делегации.

Нератов.

№ 304. Министр иностранных дел туркестанскому генерал-губернатору Куропаткину.

Телеграмма № 3355. 13 июля/30 июня 1915 г.

Ссылаюсь на телеграмму Чиркина за № 628 [3].

В настоящее время русское и британское правительства прилагают все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать возникновению в Афганистане вражды к союзным державам и парализовать действие турецко-

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел тел. Извольского от 9 июля/26 июня за № 418 не обнаружена.

[2] Директор II деп-та м-ва ин. дел Бентковский телеграфировал Извольскому от 5 июля/22 июня за № 3205, что, «по сведениям министерства торговли и промышленности, французское правительство предполагает в ближайшем времени отправить в Россию особую делегацию, с сенатором Мелин во главе, для изучения мер к развитию русско-французских торговых отношений».

[3] Тел. от 11 июля/28 июня за № 628 Чиркин доносил о нападении акташских и афганских киргизов на Кизил-Рабатский пост. Нападавшие «угнали 10 казачьих лошадей и увели одного казака с винтовкой; после чего массой бежали в Афганистан». Ген.-губ. предписал начальнику Памирского отряда «прекратить доступ афганцев на Памир до выдачи казака и зачинщиков». По поручению ген.-губ. Чиркин просил м-во ин. дел снестись с индийским прав-вом «для понуждения афганцев исполнить наши требования».

немецкой агитации, стремящейся всеми путями вовлечь Афганистан в войну против нас. Поэтому теперь более чем когда-либо нежелательно возбуждать афганцев против нас, и я был бы чрезвычайно признателен вашему высокопревосходительству, если бы вы снабдили начальника Памирского отряда инструкцией, категорически предписав ему воздержаться самым тщательным образом от всего, что могло бы внести характер раздражения в наши сношения с афганцами, и сделать все возможное, чтобы покончить инцидент полюбовно, тем более, что и самый инцидент вызван не афганцами, а нашими киргизами.

С своей стороны делаю сношение с Лондоном [1], прося войти в переговоры с афганским эмиром относительно улажения дела.

Сазонов.

№ 305. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 3366. 13 июля/30 июня 1915 г.

Копия в Тегеран.

Ссылаюсь на телеграммы Эттера за №№ 373 [2] и 380 [3].

Движение немецких караванов с оружием и снарядами к афганской границе начинает приобретать тревожные размеры, и мы полагаем, что необходимо принять спешно меры, чтобы воспрепятствовать достижению ими Афганистана. Поскольку дело касается Мешеда, мы можем захватить агитаторов, если только они подойдут близко к месту расположения нашего отряда. Но южнее мы уже не имеем возможности действовать. В Хаф нами посылается офицер с конвоем в 25 казаков, но он может лишь установить наблюдение, действовать же он не может.

Мы не беремся судить, который из двух предлагаемых планов более целесообразен, — план ли лорда Гардинга, или план Марлинга [3], — но во всяком случае считаем, что настало время действовать, иначе мы рискуем осложнениями с Афганистаном, — нечего говорить, насколько это было бы нежелательно.

Благоволите спешно переговорить с сэром Греем по содержанию этой телеграммы и о последующем телеграфировать [4].

Сазонов.

---

[1] Тел. Бенкендорфу от 13 июля/30 июня за № 3365.
[2] См. № 251.
[3] См. №№ 284 и 299.
[4] См. № 327.

№ 306. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 428. 13 июля/30 июня 1915 г.
Секретно.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 3315 [1]. Копия в Лондон.

Делькассе сказал мне сегодня, что хотя он не успел еще окончательно обдумать ваше предложение о письменном обмене между Россией, Францией и Англией обязательств касательно Хорватии, он опасается, что, если об этом узнает Италия, что весьма вероятно, это может показаться для нее обидным. Вполне разделяя, по существу, ваши мысли по сербско-хорватскому вопросу, он продолжает думать, что посланники России, Франции и Англии в Нише могли бы ныне же, делая заявление о Банате и Сирмии, ознакомить, каждый в отдельности, сербское правительство с намерениями своих правительств относительно сказанного вопроса. Делькассе даст мне окончательный ответ, вероятно, завтра [2].

Извольский.

№ 307. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 255. 13 июля/30 июня 1915 г.
Доверительно.

Копия в Рим.

Здешний итальянский посланник поручил своему секретарю миссии обратиться непосредственно к нашему морскому агенту с просьбой ему доставить сведения о греческом флоте, его дислокации и т. п. Ссылаясь на отсутствие собственного (авторитета), капитан Малиновский, уклонившись от определенного ответа, спросил моих указаний. Имея в виду необычную, помимо меня, форму обращения и настоящую натянутость греко-итальянских отношений, я предписал крайнюю осторожность, а посоветовавшись засим с моим английским коллегою, мы пришли к одинаковому заключению о нежелательности сообщения каких-либо доверительных данных о греческом флоте. Считаю нужным оговориться при этом, что у нас за последнее время возбудило подозрение, что в недружелюбном образе действий Италии по отношению к Греции не исключен, быть может, рассчет воспользоваться нападками здешней печати, дабы обострить отношения между обеими странами с целью...

Демидов.

---

[1] См. № 278.

[2] 14/1 июля за № 431 Извольский телеграфировал, ссылаясь на свой № 428, что Делькассе «окончательно подтвердил мне свои вчерашние соображения» о принятии обязательства касательно Хорватии.

№ 308. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 384. 13 июля/30 июня 1915 г.

Дополнение моей телеграммы за № 382 [1].

Отставка кабинета неожиданно для самих министров принята шахом. Не отрицается возможность поручения сформирования нового вновь Эйн-эд-Доуле, но без Фермана или Самсам-эс-Солтане. Кандидаты демократов Мушир-эд-Доуле и Мостоуфи-оль-Мемалек при настоящих обстоятельствах отказались от премьерства. Наилучшим выходом из положения было бы возвращение Эйн-эд-Доуле, который в таком случае, в доказательство своей лойяльности к нам, намерен назначить Сепехдара генерал-губернатором в Мешед, а Фермана — в Шираз, являющиеся самыми важными в данную минуту пунктами.

Эттер.

№ 309. Управляющий генеральным консульством в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 185. 13 июля/30 июня 1915 г.

Никитин телеграфирует:

Уполномоченный Мар-Шимуна [2] Ага Петро Эллов просит меня на основании письма [3] патриарха телеграфировать министерству:

Из симпатии к России патриарх Мар-Шимун восстал против турок и взял область между Джуламерк[ом] и Батаном. Теперь турецкие войска с орудиями из Дзира-Мосула и Ревандуза собрались и напали на нас в Тиаре, Тхуме и Джилу, с обеих сторон много раненых и убитых, патроны кончаются, положение критическое, особенно прошу

[1] Тел. от 12 июля/29 июня за № 382 Эттер сообщал: «Ферман-Ферма имел вчера продолжительное свидание с шахом, после чего шансы кабинета Эйн-эд-Доуле остаться у власти вновь несколько увеличились. Министры очень довольны нашим непосредственным выступлением в их пользу перед шахом. Мушир-эд-Доуле и Мостоуфи-оль-Мемалек косвенно предупреждены нами, что они не могли бы рассчитывать на нашу поддержку и на плодотворную совместную с нами работу».

[2] Несторианский патриарх.

[3] 6 июля/23 июня управляющий вице-консульством в Хое Кирсанов тел. за № 204 сообщал Сазонову о полученном им от Мар-Шимуна письме, где последний просит передать, «что в настоящее время он действует, согласно полученным им от наших военных властей указаниям, против турок и курдов... Общая численность противника исчисляется в 35 000». В остальном содержание письма исчерпывается публикуемой тел. Беляева.

прислать 3 000 солдат с двумя орудиями, чтобы помешать соединению турецких войск с персидскими курдами, снабдить меня по свободной дороге боевыми припасами, иначе нас перебьют и около 5 000 войска имеют целью напасть на Азербайджан, присоединившись к персам. Прошу вашего распоряжения об оружии и патронах.

Беляев.

№ 310. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти [1].

14/1 июля 1915 г.

Les nouvelles parvenant de Bucarest indiquent de plus en plus clairement que, dans les circonstances présentes, quelles que soient les concessions que les Puissances seraient disposées à faire, le gouvernement roumain ne voudra, en aucun cas, se lier à un terme précis pour son entrée en action contre l'Autriche-Hongrie. Or, si les Puissances se sont décidées à déférer aux demandes de Mr. Bratiano qui imposent de grands sacrifices à la Russie en Bucovine et à la Serbie dans le Banat, c'est uniquement pour obtenir le concours militaire de la Roumanie précisément à l'heure actuelle. Par conséquent, si de toute façon ce but ne peut être atteint, il paraît inutile de formuler à Bucarest des concessions qui n'auraient d'autre effet que de mécontenter l'opinion publique russe et provoquer en Serbie de vives protestations.

C'est pourquoi Mr. Sazonow pense qu'avant de procéder à Bucarest à la démarche proposée par son aide-mémoire du 9 juillet/26 juin [2], il conviendrait de sonder préalablement Mr. Bratiano sur la question de savoir si, en général, il serait disposé à fixer un terme à l'entrée en action de la Roumanie, au cas où les Puissances toujours conciliantes, se déclaraient prêtes à accéder à toutes les conditions posées jusqu'ici par le gouvernement roumain.

Si les Cabinets alliés partagent cet avis, le ministre de Russie à Bucarest pourrait être chargé d'interroger à ce sujet Mr. Bratiano et, si celui-ci répondait que dans le cas précité la Roumanie s'engagerait à marcher contre l'Autriche-Hongrie dans un délai de cinq semaines, les représentants des quatres Puissances pourraient faire aussitôt les propositions convenues impliquant la cession éventuelle du Banat. Si au contraire la réponse de Mr. Bratiano confirme que, pour le moment,

[1] Лит. копия.
[2] См. № 267.

l'entrée en action de Roumanie à bref délai ne peut être obtenue à aucun prix, les Puissances se concerteront sur les décisions ultérieures à prendre[1].

Перевод.

Получаемые из Бухареста известия указывают все яснее, что при нынешней обстановке, каковы бы ни были уступки, на которые готовы были бы пойти державы, румынское правительство ни в коем случае не пожелает связать себя определенным сроком для выступления против Австро-Венгрии. Между тем, если державы решились принять поставленные г. Братиану условия, вызывающие большие жертвы со стороны России в Буковине, а со стороны Сербии — в Банате, то это было сделано в целях обеспечения помощи Румынии именно в настоящее время. Поэтому, если цель никоим образом не может быть достигнута, представляется излишним давать в Бухаресте обещания уступок, которые не имели бы других последствий, кроме возбуждения недовольства русского общественного мнения и горячих протестов Сербии.

Поэтому г. Сазонов полагает, что прежде чем предпринять в Бухаресте шаг, предложенный в его памятной записке от 9 июля/26 июня, следовало бы предварительно нащупать почву в разговоре с г. Братиану, дабы узнать, склонен ли он вообще к назначению срока для выступления Румынии в случае, если проявляющие постоянную сговорчивость державы заявят о готовности принять все условия, поставленные до сих пор румынским правительством.

Если союзные кабинеты разделяют эту точку зрения, то российскому посланнику в Бухаресте могло бы быть поручено запросить по этому поводу мнение г. Братиану и если бы последний ответил, что в этом случае Румыния приняла бы на себя обязательство выступить против Австро-Венгрии в пятинедельный срок, то представители четырех держав могли бы тотчас сделать условленные предложения, включая возможную уступку Баната. Если, наоборот, ответ г. Братиану подтвердит, что выступление Румынии в ближайшем будущем пока еще не может быть достигнуто никакой ценой, то державы сговорятся между собой о надлежащих решениях.

№ 311. Памятная записка министерства иностранных дел французскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу и Бьюкенену[2].

14/1 июля 1915 г.

Le ministère impérial des affaires étrangères a l'honneur de porter à la connaissance de l'ambassade de France (de la Grande Bretagne) que le gouvernement impérial vient de designer comme haut commissaire

[1] Одновременно соответствующая по содержанию тел. (за № 3369) была отправлена Бенкендорфу, Извольскому, Гирсу и Поклевскому.

[2] Вероятно, эта записка отправлена не была и оставалась проектом, так как на черновом отпуске обычная в таких случаях пометка не сделана. Других экземпляров этой записки в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено. На полях оригинала имеется следующая надпись карандашом: «1 июля 1915 года. Дата сомнительная».

de Russie à Constantinople le prince Troubetzkoy, chambellan de sa majesté l'empereur, actuellement env[oyé] extr[aordinaíre] et ministre plénip[otentiaire] de Russie en Serbie; comme conseiller juridique du haut commissaire russe: son excellence Mandelstam, conseiller d'Etat actuel, d[octeu]r en droit international, et comme conseiller financier de haut comissaire russe...

Vu l'accord intervenu entre les Puissances alliées au sujet de la délimitation des zones militaires à Constantinople et aux environs [1], il va de soi que le gouverneur militaire de Péra, Taxim, Galata et Hasskeui sera français; celui de la rive assiatique du Bosphore depuis Kouskoundjouk — anglais; et les gouverneurs des quartiers situés sur les rives du Bosphore à partir de la mer Noire jusqu'à Kouskoundjouk et Ortakeui, ainsi que ceux des quartiers de Stamboul et du Fanar, seront russes.

En se référant à son aide-mémoire en datè du 26 mars a. c. No 385 [2] le gouvernement impérial propose aux gouvernements français et anglais de confier la direction provisoire des départements de la justice, des finances, de l'instruction publique et de l'evkaf soit à leurs ressortissants ayant servi en Turquie, soit à des indigènes ayant des attaches avec la Triple Entente. De son côté le gouvernement impérial espère que les alliés accueilleront favorablement la nomination au poste de directeur du département provisoire de l'intérieur du conseiller juridique du haut commissaire de Russie.

Перевод.

Императорское министерство иностранных дел имеет честь довести до сведения французского (английского) посольства, что императорское правительство назначило российским верховным комиссаром в Константинополе князя Трубецкого, камергера его величества, в настоящее время — российского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Сербии. В качестве юридического советника при российском верховном комиссаре назначен действительный статский советник Мандельштам, доктор международного права, а в качестве финансового советника российского верховного комиссара ...

Ввиду соглашения, состоявшегося между союзными державами по вопросу разграничения военных зон в Константинополе и его окрестностях, считаем решенным, что военный губернатор Перы, Таксима, Галаты и Хас-кьоя будет француз, азиатского побережья Босфора начиная от Кускунджука — англичанин, а губернаторами кварталов, расположенных по берегам Босфора от Черного моря до Кускунджука и Орта-кьёй, а равно кварталов Стамбул и Фанар, будут русские.

---

[1] См. т. VII, № 360.
[2] См. т. VII. № 497.

Ссылаясь на свою памятную записку от 26 марта т. г. № 385, императорское правительство предлагает французскому и английскому правительствам поручить временное управление юстиции, финансов, народного просвещения и вакуфов либо их подданным, состоявшим раньше на турецкой службе, либо туземцам, имеющим связи с Тройственным согласием. Со своей стороны императорское правительство надеется, что союзники отнесутся благожелательно к назначению директором временного департамента внутренних дел юридического советника при российском верховном комиссаре.

№ 312. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел [1].

14/1 июля 1915 г.

La Russie, la France et la Grande Bretagne envisagent non sans sympathie les aspirations bulgares en Thrace et en Macédoine, mais l'attitude de la Bulgarie n'a pas jusqu'à ce jour été telle, que les Puissances alliées se croiraient justifiées à insister auprès du gouvernement serbe pour que celui-ci fasse des sacrifices territoriaux à la Bulgarie de nature à mettre la Bulgarie en mesure de réaliser ses aspirations nationales conformément à l'acte de 1912.

Les Puissances alliées ne pouvant faire des promesses à la Bulgarie sans s'être assurées de son attitude, se voient par conséquent dans la nécessité de demander au gouvernement bulgare si, et à quelles conditions, il serait disposer à se prononcer du côté des alliés et à déclarer que les forces armées de la Bulgarie se joindraient à eux.

Перевод.

Россия, Франция и Великобритания относятся не без симпатии к вожделениям Болгарии во Фракии и Македонии, но позиция Болгарии не была до сих пор такова, чтобы она явилась в их глазах оправданием для настояний перед сербским правительством на принятии им на себя жертв в виде уступки территорий Болгарии, с тем чтобы она была в состоянии осуществить свои национальные стремления согласно акту 1912 г.

Союзные державы, не имея возможности давать обещания Болгарии без уверенности в ее позиции, видят себя поэтому вынужденными запросить болгарское правительство, готово ли оно и при каких условиях стать на сторону союзников и объявить, что вооруженные силы Болгарии присоединятся к ним.

---

[1] На оригинале имеется помета карандашом: «1 июля 1915 г. Дата сомнительная» и приложена маш. копия тел. Сазонова (без номера и без даты) Савинскому, Бенкендорфу, Извольскому и Штрандтману, в которой он сообщал: «Великобританский посол передал мне просьбу Грея сделать болгарскому правительству нижеследующее сообщение» (далее идет передача текста публикуемой пам. записки).

№ 313. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 463. 14/1 июля 1915 г.

Reçu votre télégramme No 3315[1].

Copie Paris.

Au sujet de la déclaration concernant Croatie qui selon votre proposition pourrait être signée à Pétrograd par les trois Puissances à exclusion de l'Italie, Crewe me dit que pour peu que les Croates le désirent, le gouvernement anglais n'a pas de raison de s'opposer à leurs union avec Serbie, mais que d'un autre côté il ne voit pas l'avantage d'un acte signé dont Serbie n'aurait pas connaissance et qui préjuge d'ores et déjà d'une question d'autant plus difficile que sentiments à ce sujet de gouvernement italien sont connus. J'ai répondu au ministre que dans votre idée il ne s'agissait que du cas où les Croates désire (raient) eux-mêmes cette union et que dans ce cas je ne croyais pas possible que même opposition de l'Italie pourrait l'empêcher. Crewe me répondit qu'il était de mon avis et que s'est pourquoi en fin de compte Italie devra renoncer à son opposition, que s'est un des motifs qui lui paraissaient rendre déclaration proposée par vous inutile. Je répondis qu'une compensation me paraissait dûe à la Serbie pour sacrifice qu'on allait apparemment lui imposer. Crewe partage ce sentiment, mais dit que la mesure n'aurait à ce point de vue d'avantage que si elle était communiquée à la Serbie, ce qui n'était guère possible sans créer situation difficile avec Italie et aigrir rapports entre Serbie et Italie. Il croit qu'il est préférable s'abstenir de la déclaration à trois que vous proposez.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Получил вашу телеграмму № 3315.

По поводу декларации касательно Хорватии, которую вы предлагаете подписать в Петрограде трем державам с исключением Италии, Крю мне сказал, что, раз хорваты этого желают, английское правительство не имеет основания противиться их объединению с Сербией, но с другой стороны, он не видит полезности подписания акта, о котором Сербия не была бы осведомлена и каковой уже теперь предрешал бы вопрос, тем более трудный, что взгляд на этот счет итальянского правительства хорошо известен. Я ответил министру, что, по вашему предложению, дело шло лишь о случае, если бы сами хорваты пожелали этого объединения, и в таком случае даже оппозиция Италии не могла бы этому помешать. Крю мне ответил, что разделяет мое мнение, и что

[1] См. № 278.

поэтому в конечном счете Италия будет вынуждена отказаться от своей оппозиции; это и является мотивом того, что, по его мнению, предложенная вами декларация является излишней. Я ответил, что, с моей точки зрения, Сербия должна получить компенсацию за жертву, которая от нее, видимо, потребуется. Крю разделяет это мнение, но говорит, что мера может оказаться полезной лишь в том случае, если о ней будет сообщено Сербии, но это совершенно невозможно, потому что таким образом создастся затруднительное положение в отношении Италии и обострятся взаимоотношения между Сербией и Италией. Он полагает что лучше воздержаться от тройственной декларации, которую вы предлагаете.

Бенкендорф.

№ 314. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 464. 14/1 июля 1915 г.

Copie Paris.

Au sujet emprunt roumain[1] Crewe me dit que le gouvernement anglais ne comprend pas l'opération comme emprunt réel, que crédit serait ouvert au gouvernement roumain pour couvrir frais des armes et munitions commandées en Angleterre, en Amérique et ailleurs, tandis que, selon Crewe, le gouvernement français n'autorisera transport munitions déjà prêtes que pour le cas de conclusion d'un arrangement. Le gouvernement anglais comprend les choses de même[2].

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

По поводу румынского займа Крю мне сказал, что эту операцию английское правительство не считает настоящим займом. Кредит будет открыт румынскому правительству для покрытия расходов по заказам оружия и снарядов в Англии, в Америке и других странах, в то время как французское правительство, по его словам, разрешит отсылку уже готовых снарядов лишь в случае заключения соглашения. Английское правительство солидарно в этом вопросе с французским.

Бенкендорф.

---

[1] См. № 277 и прим. 2.

[2] Тел. от того же числа за № 465 Бенкендорф добавлял, что лорд Крю, информируя его касательно субсидии Румынии, просил считать информацию «секретной», так как эту финансовую операцию не предполагается вносить на утверждение в парламент.

№ 315. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 466. 14/1 июля 1915 г.

Nicolson m'a parlé non sans inquiétude de Perse. A Buchir consulat a été attaqué et deux officiers anglais tués [1]. Vice-roi des Indes croit emir Afghanistan tout à fait loyal mais beaucoup moins rassuré sur certaines tribus de l'Afghanistan et de Béloutchistan. Je demandai à Nicolson si gouvernement anglais ou indien interviendrait. Il me répondit que gouvernement avait la plus grande répugnance à le faire, mais sans rendre gouvernement persan responsable des faits qu'il est impuissant de prévenir, Nicolson pense, que le cas est si flagrant que question d'intervenir sera probablement débattue entre le gouvernement anglais et celui des Indes. Il ajouta qu'il ne pouvait encore rien me dire de positif à ce sujet.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон мне говорил не без беспокойства о Персии. В Бушире консульство подверглось нападению, и два английских офицера было убито. Вице-король Индии считает афганского эмира вполне лойяльным, но менее уверен в некоторых племенах Афганистана и Белуджистана. Я спросил у Никольсона, можно ли ожидать интервенции английского или индийского правительства. Он мне ответил, что правительство относится к этому крайне отрицательно, но, не возлагая на персидское правительство ответственность за факты, предотвратить которые оно не в силах, Никольсон считает происшедшее настолько вопиющим, что вопрос об интервенции будет, вероятно, обсуждаться английским правительством совместно с индийским. Он добавил, что на этот счет ничего не может еще сказать мне положительного.

Бенкендорф.

№ 316. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 467. 14/1 июля 1915 г.

Nicolson m'a lu un télégramme de Cettigné d'après lequel général serbe avant quitter l'armée monténégrine aurait expliqué au ministre anglais sa conviction sur quelque accord secret entre roi Nicolas et Autriche. Ce renseignement a été confirmé par télégramme de Des Graz de Nich. Buchanan est chargé de vous informer à ce sujet plus complètement. Nicolson me dit avoir repris hier avec délégué monténégrin entretien sur question de Scutari, répété ses plaintes au sujet attitude énig-

---

[1] См. стр. 405, прим. 1.

*

matique monténégrine et, sans compromettre la source serbe de ses informations, avoir ajouté que cette attitude devenait trop incertaine pour que avant qu'elle ne soit éclaircie gouvernement anglais puisse aider le Monténégro en matière munitions de guerre[1] et repatriement des réservistes du Canada. Nicolson en terminant répéta sa prière de ne pas compromettre l'origine serbe des informations[2].

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон мне прочел телеграмму из Цетинье, согласно которой сербский генерал, перед отъездом из черногорской армии высказал английскому посланнику свое убеждение [в существовании] какого-либо секретного соглашения между королем Николаем и Австрией. Эти сведения подтверждаются телеграммой Де Гра из Ниша. Бьюкенену поручено по этому вопросу информировать вас более подробно. Никольсон мне сказал, что вчера им возобновлен разговор с черногорским делегатом по вопросу о Скутари, он повторил последнему свои сетования по вопросу загадочной позиции Черногории и добавил, не компрометируя сербский источник его осведомления, что эта позиция становится слишком неопределенной, чтобы до ее выяснения Англия могла притти на помощь Черногории в вопросах военных припасов и возвращения на родину канадских резервистов. При окончании разговора Никольсон повторил просьбу не компрометировать сербский источник информации.

---

[1] Штрандтман телеграфировал 13 июля/30 июня за № 669 со слов итальянского посланника в Нише, что «при настоящих условиях на Адриатике итальянским морским силам крайне затруднительно содействовать продовольствованию Черногории». Ссылаясь на эту тел. Штрандтмана, Нератов телеграфировал 15/2 июля за № 3395 в Рим, что росс. прав-во относится «безусловно отрицательно к захвату черногорцами Скутари», но считает очищение его нежелательным, так как оно привело бы к «обычной албанской смуте, которая опять явилась бы предлогом к новому занятию города»; поручая послу высказаться перед итальянским м-ром ин. дел в этом смысле, Нератов просил его также заручиться обещанием м-ра помочь продовольствованию Черногории.

[2] Пам. записка англ. пос-ва в Петрограде от 19/6 июля за № 118 излагала все, что сообщено было Бенкендорфом в публикуемой выше тел., и заканчивалась просьбой Грея сообщить ему отношение росс. прав-ва к англ. предположению лишить черногорцев со своей стороны военного, продовольственного и медицинского снабжения. Сазонов ответил пам. запиской от 20/7 июля за № 707 трем послам, что он согласен на лишение Черногории денежной и военной помощи, но против прекращения медицинской и продовольственной помощи, а также репатриации резервистов из Канады.

№ 317. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 389. 14/1 июля 1915 г.

Ссылаясь на мою телеграмму за № 385 [1].

Неизвестно еще, какого рода удовлетворение потребует английское правительство за буширское преступление [2]. Оставление его без самого решительного воздействия способно только придать больше смелости направленной против нас агитации и способствовать дальнейшим преступлениям немецких агентов. Посетившие меня сегодня сын Ферман-Ферма и Акбер-Мирза обратили мое внимание на необходимость восстановить сильно упавший здесь престиж России и Англии. И Ферман и Эйн-эд-Доуле, по словам их, считают, что для подавления германо-турецкой агитации необходимо серьезное военное давление, безотлагательная высадка до 3 000 войск в Энзели и одновременное предъявление некоторых по нашему усмотрению требований к Персии. Они опасаются, что вынужденный в противном случае через несколько недель поход в Персию примет несравненно большие размеры. Кризис продолжается, но на оставление Фермана даже в кабинете ныне трудно рассчитывать. Английский посланник подробно телеграфирует по предмету этому в Лондон и Петроград и предлагает немедленное занятие английскими войсками главных южных таможен и острова Ормуз [3].

Эттер.

№ 318. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 3383. 15/2 июля 1915 г.

Ваша телеграмма № 459 получена [4].

Благоволите обратить внимание великобританского правительства на то обстоятельство, что покупку болгарского урожая предпо-

[1] Тел. от 14/1 июля за № 385 Эттер сообщал: «В Бушире совершено нападение шайки из местных племен на англичан близ самого британского консульства». В результате нападения были убиты 3 человека, из них 2 офицера, и двое ранено.

[2] См. № 315.

[3] Тел. от 8 авг./26 июля за № 210 Лойко сообщал: «Сегодня на рассвете в Бушир вступил пятисотенный отряд сипаев, занявший правительственные учреждения и поднявший над ними английский флаг»... В объявлении к населению занятие города объяснялось как репрессия «за неудовлетворение требований великобританского правительства, последовавших за убийством двух английских офицеров 12 июля/29 июня около Себзабада, а равно и других его настояний» (донесение Лойко от 13 авг./31 июля за № 284).

[4] См. стр. 369, прим. 2.

лагалось осуществить за счет не четырех держав, а только России, Великобритании и Франции [1], и что в интересах успеха предпринятого дела необходимо хранить его в самой строгой тайне [2].

Сазонов.

№ 319. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 434. 15/2 июля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 3369 [3].

Делькассе, которому я сообщил ее содержание, думает, что предлагаемый вами предварительный запрос может вызвать лишь крайне нежелательное и даже опасное промедление. Австро-венгерская дипломатия употребляет в Бухаресте самые энергичные средства давления, и Братиану сам высказал третьего дня французскому посланнику надежду, что Четверное согласие выведет его из критического положения, сообщив ему ответ на его требования, тем более, насколько ему известно, требования эти принимаются целиком. При таких условиях Делькассе продолжает думать, что следует как можно скорее и без всяких предварительных запросов сделать в Бухаресте предположенное сообщение в выработанной вами форме, за исключением последней фразы. Лондонский кабинет на это согласен. Делькассе телеграфирует Палеологу, поручая ему настоять перед вами в вышеуказанном смысле.

Извольский.

№ 320. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 51 [4]. 15/2 июля 1915 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Телеграммой от [5 июля] 22 июня № 213 [5] я счел долгом довести до

---

[1] Бенкендорф телеграфировал от 17/4 июля за № 473, что «Никольсон подтвердил, что Италия упомянута, в качестве участника операции по покупке болгарского урожая, по ошибке».

[2] 15/2 июля Извольский телеграфировал за № 433 со слов Делькассе, что «совет министров решил принять участие в ... покупке свободной части болгарского урожая, но мера эта может оказаться действительной лишь в том случае, если будет одновременно куплена такая же часть румынского урожая. О покупке таковой Делькассе делал через Палеолога в Петрограде предложение около недели назад, но до сих пор не получил ответа».

[3] См. стр. 398, прим. 1.

[4] Опубл. К-поль и Пр., I, стр. 384, № 198.

[5] Передавая Сазонову этой тел. излагаемое в тексте «секретное сообщение» бар. Гото, Малевский добавлял: «Повидимому, мысль о союзе с нами тут вполне

вашего сведения сущность секретного сообщения, сделанного мне бароном Гото по поводу обсуждения на совещании «генро» вопроса о заключении русско-японского союза.

Из предшествовавших моих донесений вашему высокопревосходительству уже известно, что японская печать всех оттенков не переставала в течение последних месяцев возвращаться к этому вопросу, обсуждая его самым сочувственным образом. Особенной напряженности толки о русско-японском союзе достигли в июне, ко времени съезда в Токио четырех японских старейшин, которым молва приписывала намерение добиться безотлагательного решения этого дела, хотя бы вопреки мнению главы японского дипломатического ведомства. Последнего оппозиционные органы печати упрекали в том, что он слишком привязан к англо-японскому союзу и не хочет уяснить себе, что трактат 1902 — 1905 годов утратил ныне всякое значение. Не называя барона Като противником русско-японского союза, газеты приписывали ему настояние отложить вопрос о новых союзах до после войны, когда с большей определенностью выяснится политическое положение каждой из воюющих держав. Такой план однако не встречал сочувствия японского общественного мнения, как потому, что в нем усматривалось косвенное влияние Англии на деятельность японской дипломатии, так и ввиду сложившегося здесь после нашего отхода из Галиции впечатления, что мы готовы заключить с Германией сепаратный мир, могущий легко перейти в союзное соглашение. Страх перед германским возмездием оказывает несомненное влияние на здешние настроения.

Посетивший меня под покровом тайны барон Гото сообщил мне следующее: князь Ямагата и маркиз Иноуе — «генро» — недовольны ходом японской внешней политики и ее главой. Они обеспокоены тем, что японская дипломатия не заботится об обеспечении положения Японии в будущем. Они давно настаивают на осуществлении идеи покойного князя Ито, мечтавшего о русско-японском союзе и видевшего в нем залог мира на Дальнем Востоке. Переговоры на эту тему, имевшие место в Лондоне в январе текущего года между сэром Э. Греем и послом Иноуе остались без всякого результата. Время идет, политическая обстановка меняется, и благоприятный момент может быть пропущен. Поэтому «генро», то есть, главным образом, князь Ямагата и маркиз Иноуе, решились обсудить вопрос на своем совещании в

созрела, но встречает пока для своего осуществления некоторую нерешительность со стороны министерства иностранных дел». См. также стр. 408.

присутствии графа Окума и потребовать от последнего внесения дела в кабинет. Барон Гото прибавил, что князь Ямагата намерен, в случае каких-либо возражений в кабинете, взять все дело в свои руки.

На другой день после визита барона Гото в газетах появилось известие, что обсуждение вопроса о русско-японском союзе вызвано письмом барона Мотоно к маркизу Иноуе, в коем посол указывает возможность использовать нынешние обстоятельства при наиболее выгодных для Японии условиях соглашения с Россией, нуждающейся в предметах вооружения. При этом газеты параллельно ссылались на статьи русской печати, приветствовавшей дружеское настроение Японии и ее готовность заключить союз с Россией.

Из телеграммы моей № 213 [1] вашему высокопревосходительству известно, что попытка моя вызвать барона Като на откровенность по поводу совещаний «генро» успеха не имела. Но я повидался вслед за тем, под предлогом текущих дел, с товарищем министра иностранных дел и навел его на разговор о городских толках относительно русско-японского союза.

Г. Мацуи начал с общего замечания, что в этом вопросе, как и в вопросе о китайском бойкоте, оппозиция ищет предлога выступлений против деятельности кабинета по дипломатическим делам и в частности против неугодной известным партиям личности барона Като. Он заметил также, что японская печать недостаточно осведомлена в делах внешней политики и потому нередко придает тем или иным вопросам не совсем правильное освещение. По его словам, пресса с такой настойчивостью обсуждает ныне необходимость русско-японского союза вследствие возникших здесь почему-то опасений, что Россия стремится заключить с Германией сепаратный мир, чтобы затем вступить с ней в союзные отношения. Он, Мацуи, конечно, не придает этим слухам веры, но, с другой стороны, отмечает, что в некоторых русских газетах были указания на то, что мотивом заключения союза для России является надежда на посылку японских войск на театр военных действий; так, «Русское слово» указывало на Дарданеллы, куда могли бы быть отправлены японские десанты; другие газеты (Мацуи не мог их назвать) намекали, будто бы, на кавказский фронт и даже на Галицию (?). Между тем японское правительство ни в каком случае не решится отправить свою армию на войну, вследствие непреодолимых трудностей и риска такого предприятия. Всякий рассчет с чьей-либо стороны на подобную помощь

[1] См. стр. 406, прим. 5.

Японии должен быть оставлен, почему он лично и полагает, что несвоевременно до окончания войны создавать какие-либо новые политические планы; Япония связана своими соглашениями с Англией и Россией и, без сомнения, останется им верной, а письменный акт, в сущности, легко обращается, как показал опыт, в «scrap of paper»[1].

Я ответил г. Мацуи, что, не имея никакого поручения говорить на тему о русско-японском союзе, могу высказать только, как личный свой взгляд, что едва ли заявления русских газет о желательности посылки японских войск на русский театр военных действий, если таковые заявления действительно были, отвечают видам русского правительства.

Как бы в подтверждение слов товарища министра иностранных дел, в последние дни печать обсуждает вопрос русско-японского союза сдержаннее, а в некоторых газетах стали появляться статьи на ту тему, что заключенный во время войны союз России с Японией явился бы односторонним и не принес бы Японии выгод. Какой-то «доктор прав» Масутаро Ниида договорился в позавчерашнем номере газеты «Ямато» даже до той мысли, что «если Япония чувствует необходимость в оборонительно-наступательном союзе, то германо-японский союз предпочтительнее русско-японского».

Примите и пр.

Малевский

№ 321. М. Васильчикова обер-прокурору синода Самарину.

15/2 июля 1915 г.

Многоуважаемый Александр Дмитриевич,

Такая давняя дружба соединяет наши два семейства, что хотя я вас с самых юношеских лет больше не видела, все же решаюсь вам писать как к человеку, пользующемуся доверием государя и благомыслящих русских.

Живя за границей, но попрежнему, — нет, больше прежнего, — горячо любя свое отечество, я многое вижу и слышу, которое бы желала, чтобы было известно в России. Я только недавно вернулась из Берлина, получив разрешение видеть моего племянника, который в плену в Германии. Там, в Берлине, видела много людей у власти стоящих, тоже некоторых владетельных князей. Все хотят окончания войны, — скажу больше: мне прямо сказали (в надежде, что я это напишу в Россию), что Германия хочет мир и хорошие отношения с могущественной Россией.

[1] «Клочок бумаги».

Русский царь первый возымел мысль о всенародном мире, и по его желанию был созван в Гааге мирный конгресс, и с высоты престола русского царя, казалось, должно быть произнесено слово «мир».

Сейчас же со стороны Германии пойдут навстречу этому благословенному слову. Неужели не пришло время прекратить эту ужасную резню? Сколько тысяч людей ежедневно гибнут! Сколько миллионов тратится! Все к чему? В народе неудовольствие, и эти миллионы могли бы пойти на благосостояние страны. А как велико станет имя русского царя, который дарует мир миру!

Наша политика с Англией — увы! — слепая [1]. Мы нужны Англии теперь — в эту минуту. Я из верных источников знаю, что Англия [2] уже заигрывала с Германией (в великой тайне от России) и если бы Германия хотела, то в две недели был бы заключен мир с Англией. Пленные английские офицеры в одном лагере с моим племянником цинично говорят: «Как только война окончится, мы заключим союз с Германией и пойдем против России». Не даром Хомяков называл Англию: коварный Альбион [1].

Александр Дмитриевич, вы имеете доступ к государю, и вы, как и все ваше семейство, всегда были верными сыновьями России, — расскажите ему это. Англия — не наш друг, и теперь в вопросе Дарданелл она это докажет. Она решила на берегах Босфора воздвигнуть второй Гибралтар, тогда России будет хуже прежнего. Здесь давно удивляются тоже многочисленным ошибкам в[еликого] к[нязя] Николая Николаевича и знали, что благодаря им Пржемышль и Лемберг будут взяты обратно. Упрямство [1] Н[иколая] Н[иколаевича], который удержал наши войска в Карпатах, где десятки, сотни тысяч русских легло понапрасну, тому виной. Этим, конечно, воспользовались, и, я боюсь, чем дальше, тем нам труднее будет. Я, конечно, не компетентна и не могу указать ошибки. Но знаю, что в Германии (все австрийское войско под начальством германских генералов и офицеров) удивлялись нашим поражениям с такими храбрыми русскими воинами. Солдаты здесь говорят, что рука больше не поднимается убивать. Против России ни здесь, ни в Венгрии, ни в Германии нет никакой ненависти.

Пора, пора с божьей помощью и с помощью божьего помазанника, русского царя, заговорить о мире.

Дружески жму вам руку, прошу передать дружеский привет вашему брату Федору Дмитриевичу.

Мария Васильчикова.

---

[1] Подчеркнуто в оригинале.

[2] Подчеркнуто и поставлено три восклицательных знака.

№ 322. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 110. 16/3 июля 1915 г.

In his Aide-Mémoire Number 724, of July 10/June 27 [1], Mr. Sazonow gave expression to the fear that the proposal put forward by Sir E. Grey (Embassy Aide-Mémoire Number 96 of July 9/June 26) [2] to sound the Bulgarian Government as to the explanation which they would regard as satisfactory might induce them to formulate new demands which it would be impossible for the Allies to satisfy. Sir E. Grey accordingly proposes that the last sentence of the proposed communication to Bulgarie, set forth in the Embassy Aide-Mémoire above referred to should read as follows:

«For the same reasons they suggest that it would be desirable for the Bulgarian Government to state what explanation, *within the general limits of the offer already made by the four allied Powers, the Bulgarian Government would regard as satisfactory*».

Sir E. Grey, who highly appreciate the spirit in which Mr. Sazonow has met the views of His Majesty's Government in this matter, hopes that His Excellency's apprehensions as to the danger of Bulgaria making demands will be removed by the modified wording of this sentence as it now stands.

Sir E. Grey thinks, however, that the Allies should continue to deal direct with the Bulgarian Government, as proposed in the Embassy Aide-Mémoire № 96 [2] above referred to, especially as according to reports in the press Mr. Ghennadieff has been arrested for his alleged complicity in the bomb outrage which took place last year in Sofia [3].

Sir E. Grey feels that we shall never succed in getting a definite sta-

[1] См. № 273.

[2] См. № 268.

[3] Отвечая на запрос м-ва ин. дел от 15/2 июля, верно ли, что Геннадиев арестован (ср. т. VII, № 530), Савинский телеграфировал от 16/3 июля за № 409, что «сведение об аресте Геннадиева не точно... До сих пор прокурором еще не принято решение о привлечении Геннадиева к суду, и последний на свободе... Наоборот, утверждают, что травля... в последние дни ослаблена, и шансы Геннадиева увеличились... При здешних нравах и ввиду личных свойств, изворотливости и беспринципности Геннадиева не будет ничего удивительного, если он будет через несколько времени призван к власти; но в настоящую минуту было бы всетаки преждевременным думать, что он мог бы с успехом исполнить роль посредника между ... правительством и союзниками».

tement out of the Bulgarian Government through third parties; and he is convinced that to obtain such a statement is essential. He accordingly hopes that Mr. Sazonow will agree to the communication, a now amended, being made by the allied Representatives at Sofia at once.

Перевод.

В своей памятной записке № 724 от 10 июля/27 июня, г. Сазонов высказал опасение, что выдвинутое сэром Э. Греем (памятная записка посольства № 96 от 9 июля/26 июня) предложение позондировать болгарское правительство касательно того, какое разъяснение оно признало бы удовлетворительным, может явиться поводом к предъявлению этим правительством новых требований, которые союзникам было бы невозможно удовлетворить. Поэтому сэр Э. Грей предлагает, чтобы последний абзац предлагаемого сообщения Болгарии, переданного в указанной памятной записке посольства, был изложен следующим образом:

«На том же основании они полагают, что было бы желательно, чтобы болгарское правительство указало, какое разъяснение в общих пределах уже сделанного четырьмя союзными державами предложения болгарское правительство сочло бы удовлетворительным».

Сэр Э. Грей, высоко ценящий те соображения, которые высказал г. Сазонов по поводу мнения правительства его величества в этом вопросе, надеется, что опасение его превосходительства, что Болгария предъявит новые требования будут устранены измененной формулировкой, предлагаемой теперь.

Сэр Э. Грей полагает однако, что союзники будут продолжать сноситься непосредственно с болгарским правительством, как было предложено в упомянутой памятной записке посольства № 96, на которую было указано, в особенности потому, что, по сведениям печати, г. Геннадиев был арестован за предполагаемое его соучастие в покушении со взрывом бомбы, имевшем место в прошлом году в Софии.

Сэр Э. Грей думает, что нам никогда не удастся добиться от болгарского правительства через посредников определенного заявления, а он убежден, что в этом заявлении суть дела. В силу этого он надеется, что г. Сазонов согласится на немедленную передачу сообщения в измененном ныне виде представителями союзников в Софии.

№ 323. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 112. **16/3 июля 1915 г.**

The Italian Government have proposed the following formula for the declaration to be made by the four Powers to the Montenegrin Government:

«The Powers disapprove of the despatch to Albania of Montenegrin troops who should have as their object an offensive action against Austria. They do not recognize the occupation of Albanian territory by

Montenegro which is in direct contradiction to the advice given by the Powers to King Nicolas. The Consuls Scutari have been instructed to confine their action to the treatment of current affairs and to avoid entering into regular relations with the Montenegrin authorities.

The promise of the Montenegrin Government to give a purely temporary character to their occupation of Scutari without prejudice to the ultimate fate of the town which depends exclusively on the decision of the Great Powers is one of which the latter have taken act but which cannot affect the manner in which they will eventually judge the actions of the Montenegrin Government who should without delay direct their forces against the enemy».

Sir E. Grey concurs in this formula and has instructed Count de Salis to join in communicating it to the Montenegrin Government as soon as his colleagues receive similar instructions [1].

Перевод.

Итальянское правительство предложило следующую формулу декларации, имеющей быть сделанной четырьмя державами черногорскому правительству:

«Державы не одобряют посылки в Албанию черногорских войск, задачей которых должно быть наступление против Австрии. Они не признают оккупации албанской территории Черногорией, каковая оккупация находится в прямом противоречии с советами, преподанными державами королю Николаю. Консулы в Скутари получили инструкцию ограничиться ведением текущих дел и избегать регулярных сношений с черногорскими властями.

Обещание черногорского правительства придать чисто временный характер занятию Скутари, не предрешая окончательную судьбу города, каковая исключительно зависит от решения великих держав, было принято последними к сведению, но это обещание не может повлиять на их отношение к действию черногорского правительства, которое должно безотлагательно направить свои силы против врага».

Сэр Э. Грей согласен с этой формулой и дал указания графу де Салис присоединиться к сообщению ее черногорскому правительству, как только его коллеги получат тождественные инструкции.

№ 324. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 3402. 16/3 июля 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 3023 [2].

Неклюдов опасается, что неуспех ведущихся в Стокгольме англо-шведских переговоров может повести к отставке Валленберга, стес-

---

[1] Пам. запиской от 16/3 июля за № 750 Сазонов сообщил Бьюкенену, что Оболенскому поручено присоединиться к своим коллегам для совместного заявления черног. прав-ву, соответственно тексту предложенному итал. прав-вом и сообщенному публикуемой анг. пам. запиской.

[2] См. стр. 205, прим. 1.

нению англичанами шведской торговли и закрытию шведами транзита в Россию. Ввиду этого он указывает на желательность уступок шведским требованиям с сохранением возможности взять таковые обратно, в случае благоприятного нам изменения военного положения или открытия Дарданелл. Быть может, это оказалось бы достижимым, если обусловить означенные уступки известным сроком, как бы ввиде опыта. Во всяком случае благоволите вновь обратить внимание английского правительства на крайне важное значение для нас этого вопроса [1].

[Сазонов.]

№ 325. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 3431. 16/3 июля 1915 г.

Сообщается в Лондон, Рим и Бухарест.

Французский посол сказал мне, что, сомневаясь в согласии Братиану определить срок выступления Румынии, Делькассе желал бы сделать в Бухаресте заявление об уступке Баната, чтобы возложить на Братиану всю вину за неуспех переговоров. Мне кажется, наоборот, что именно вследствие вероятной бесполезности означенной уступки предпочтительно не раздражать напрасно Сербию подобным заявлением. Поэтому настаиваю на предварительном запросе Братиану в смысле моей телеграммы № 3369 [2].

Сазонов.

№ 326. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Письмо № 745 [3]. 16/3 июля 1915 г.

Вам уже известен характер поручения, возложенного имп[ераторск]им прав[ительст]вом на ст[атского] сов[етника] Э. К. Грубе [4]. Покупка свободной части болгарского урожая нынешнего года пред-

---

[1] Публикуемый документ в основном излагает содержание тел. Неклюдова от 15/2 июля за № 223 (№ 2).

[2] См. стр. 398, прим. 1.

[3] Черновик написан рукой Гулькевича.

[4] См. № 279. 22/9 июня за № 2951 Нератов телеграфировал Савинскому: «Когда к вам обратится пребывающий в Софии по нефтяным делам г. Грубе, благоволите оказать ему самое широкое содействие». В ответ на это Савинский телеграфировал 25/12 июня за № 349, что Грубе прибыл, что его миссия требует «осмотрительности» и что «оставаться ему здесь долго было бы неосторожно», ввиду чего «мы решили с ним, что как только план действий будет установлен, лучше уехать; в случае необходимости я его снова выпишу. Непосредственное

ставляет наиболее удобную возможность произвести давление на лиц, стоящих во главе прав[ительст]ва и распоряжающихся судьбой королевства. Ввиду этого необходимо, чтобы операция была сохранена в строгой тайне. Если бы сведения о ней стали проникать в общество, то было бы желательным, чтобы в них был подчеркнут чисто коммерческий характер сделки. Поэтому вам следует, поскольку таковая будет носить технический, деловой оттенок, интересоваться ею не больше, чем каждым другим предприятием русско-подданного вообще.

Вместе с сим однако, вы должны быть в самой тесной связи с Э. К. Грубе и направлять политическую сторону его поручения, испрашивая при этом инструкций имп[ераторского] мин[истерст]ва. Вам также нужно будет указывать ему, какими отдельными обеспечениями должна быть обусловлена каждая выдача денег, и снабжать его всеми теми советами, за которыми он может обращаться к вам. Ввиду необходимости согласовать наши действия с таковыми союзников, желательно, чтобы и г. Панафье и г. О'Бейрн держались вами возможно более в курсе этого дела.

Когда вы убедитесь, что г. Грубе удалось создать обстановку, при которой наши предложения бол[гарско]му прав[ительст]ву не могут не быть принятыми, то ведение таких уже политических переговоров должно исключительно лечь на вас.

Грубе сопровождает бывший коммерческий агент в Болгарии г. Окулич, на долю которого выпадет выработка условий коммерческой сделки под вашим руководством [1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

руководство всем сложным и деликатным делом со всеми его рамификациями... предполагаю поручить под личным наблюдением Джакели [вице-консул в Софии]. Его испытанная осторожность является гарантией, что прикосновенность миссии к делу будет исключена». Тел. эта (№ 349) вызвала телеграфную от 28/15 июня за № 3058 инструкцию Сазонова: «Ваша телеграмма № 349 получена. Мысль о командировании в Болгарию известного вам лица с определенным поручением была вызвана твердым намерением осуществить все дело по легко понятным вам причинам без какого-либо участия миссии. Ввиду этого считаю недопустимым прикасательство к нему Джакели и желаю, чтобы Грубе исполнил возложенную на него задачу исключительно по совещанию с Деклозьером».

[1] В тел. от 27/14 июля Грубе извещал Барка, что вместе с Геннадиевым решено, «принимая во внимание исключительное положение г. Деклозьера, который пользуется в Софии общим доверием», что все переговоры по операции скупки болг. урожая «будут вестись через посредство Деклозьера» с тем, чтобы «не слишком выставлять нашу миссию, которая стала уже здесь известна».

№ 327. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 471. 16/3 июля 1915 г.

Reçu votre télégramme No 3366 [1].

Nicolson m'a demandé si je croyais que nous pourrions détacher 5 000 hommes pour le Nord de la Perse, tandis que Angleterre agirait sur les côtes. Je lui répondis que le télégramme dont je lui portais teneur, me paraissait répondre à cette question. Que si tel était projet Marling, je doutais qu'il puisse être réalisé. Nicolson me dit que Buchanan vous parlerait de cette question sur bases dernières informations de Téhéran.

Benckendorff.

Перевод.

Ваша телеграмма № 3366 получена.

Никольсон меня спросил, считаю ли я возможным для нас отрядить 5 000 человек для Севера Персии, в то время как англичане действовали бы на побережьи. Я ему ответил, что телеграмма, содержание которой я ему сообщаю, как мне кажется, отвечает на этот вопрос. Если таков проект Марлинга, то я сомневаюсь, чтобы он был выполним. Никольсон мне сказал, что Бьюкенен переговорит с вами по этому поводу на основании последних сведений из Тегерана.

Бенкендорф.

№ 328. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 436. 16/3 июля 1915 г.

Сербский посланник посетил Делькассе со специальной целью заранее протестовать от имени своего правительства против уступки Баната Румынии. Веснич выразился с большой горечью и употребил, между прочим, выражение: «Les concessions faites par les Puissances alliées sur le dos de la Serbie» [2]. Делькассе с большой силой возражал против слов Веснича и, не входя в объяснения касательно делаемых Румынии уступок, указал ему, с одной стороны, на обширные компенсации, предоставляемые Сербии, а с другой — на необходимость заручиться военной помощью Румынии, без чего Сербия неспособна продолжать наступательную кампанию против Австрии. По ходу разговора Веснич, между прочим, упомянул о предложениях, будто бы, делаемых Сербии со стороны австро-германцев. Делькассе ответил, что он не решился бы из уважения к Сербии первым заговорить об

---

[1] См. № 305.

[2] «Уступки, сделанные союзными державами за счет Сербии».

этих предложениях и что он может лишь предоставить самому сербскому правительству судить об их ценности. Передавая мне вышеизложенное, Делькассе не скрыл от меня своего раздражения против сербского правительства и, в частности, лично против Веснича, проявляющего крайний шовинизм и агитирующего в этом смысле, без особенного, впрочем, успеха, в здешних (кругах).

Извольский.

№ 329. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 250. **16/3 июля 1915 г.**

Ссылаюсь на телеграмму Штрандтмана № 669 [1].

Италия, несомненно, не будет выказывать особого усердия в содействии продовольствованию Черногории, которой она недовольна. Насколько я мог заключить из вчерашней моей беседы с Соннино, он не думает пока о блокаде черногорских берегов. Он во всяком случае не имел бы права приступить к такой мере без предварительного соглашения с нами.

Гирс.

№ 330. Генеральный консул в Калькутте министру иностранных дел.

Телеграмма [2]. **16/3 июля 1915 г.**

Получил вашу телеграмму № 3362 [3].

Секретарь по иностранным делам доверительно сказал мне следующее: в положении вещей в Афганистане, по сведениям английских агентов, перемен нет. Часть населения несомненно сочувствует туркам и представляет собой благоприятную почву для немецко-турецкой агитации, но до сих пор эти симпатии к туркам не (высказывались) в определенной форме. Индийское правительство поэтому крайне озабочено известиями о движении в Афганистан немецких партий, в составе которых имеются агитаторы как турки, так и индийские мусульмане-фанатики. В настоящий момент нужно, во что бы то ни стало, не допускать их в Афганистан. Англичанами будут приняты меры к

[1] См. стр. 404, прим. 1.

[2] Номер отсутствует.

[3] Тел. от 13 июля/30 июня за № 3362 Персиани просил Набокова «спешно проверить» получающиеся в Тегеране известия о более тревожном настроении в Афганистане, где, «несмотря на лойяльность самого эмира, турецкая пропаганда, повидимому, начинает иметь успех среди населения».

охране Сеистана и персо-белуджистанской границы от проникновения этих партий, и здешнее правительство надеется, что мы со своей стороны установим зоркое наблюдение по линии Мешед — Турбет-и-Хейдара — Бирджанд, причем ради достижения общей цели мы не будем слишком строго придерживаться границы «сфер влияния».

Набоков.

№ 331. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, итальянскому и английскому послам в Петрограде — Палеологу, Карлотти и Бьюкенену.

№ 760. **17/4 июля 1915 г.**

Mr. Sazonow est d'avis qu'il ne faudrait pas attendre le moment où la communication projetée serait faite à Mr. Radoslavoff pour attirer son attention sur le danger du renouvellement de l'activité des comitadjis en Macédoine (aide-mémoire de l'ambassade de sa majesté britannique en date du 15/2 juillet No 111 [1]). Une démarche dans ce sens semble en effet selon lui s'imposer immédiatement et en dehors de toute autre considération. Le ministre de Russie a par conséquent été chargé de faire comprendre au président du Conseil bulgare que toute invasion du territoire serbe compromettrait, au dommage de la Bulgarie seule, la solution de la question macédonienne telle que l'envisagent les alliés [2].

---

[1] Пам. запиской от 15/2 июля за № 111 англ. пос-во в Петрограде, указывая на беспокойство серб. прав-ва по поводу угрожающих явлений на сербо-болг. границе, сообщало, что англ. посланнику в Софии поручено одновременно с предстоящим коллективным заявлением по вопросу о выступлении Болгарии заявить, что «союзники надеются, что болгарское правительство не допустит вторжений на пограничную сербскую территорию и вообще никаких беспорядков». В заключение пам. записка запрашивала Сазонова, не согласится ли он послать аналогичную инструкцию Савинскому.

[2] Три сообщения серб. миссии в Петрограде м-ру ин. дел от 13 июля/30 июня передавали сведения серб. прав-ва о замеченной вдоль новой серб. границы «активной четнической организации» с переходами границы, доставкой на серб. границу «взрывчатых веществ из Болгарии», съемками позиций болг. офицерами и распространением слухов, что «Европа уступает нашу территорию Болгарии» (сообщение № 1), о предстоящем и вполне подготовленном «вторжении комитаджиев», с целью «вызвать casus belli между нами и Болгарией» (сообщение № 2), о прибытии в Струмицу трех чет комитаджиев численностью в 300 человек, «делающих подготовления для вторжения в пределы территории Сербии» (сообщение № 3). Сазонов поручил Савинскому (тел. от 14/1 июля за № 3373) «обратить самое серьезное внимание болгарского правительства на необходимость усиления надзора за пограничной областью», Штрандтману же телеграфировал от

Перевод.

Г. Сазонов полагает, что не следовало бы ожидать момента, когда предполагаемое сообщение будет сделано г. Радославову, дабы привлечь его внимание на опасность возобновления деятельности комитаджиев в Македонии (памятная записка посольства его британского величества от 15/2 июля № 111). Выступление в этом смысле необходимо, по его мнению, теперь же, независимо от всех других соображений. Вследствие этого российскому посланнику было поручено дать понять председателю болгарского совета [министров], что всякое вторжение на сербскую территорию скомпрометирует, в ущерб самой Болгарии, разрешение македонского вопроса, имеющееся в виду союзниками.

№ 332. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 761. 17/4 июля 1915 г.

Ayant pris connaissance de l'aide-mémoire de l'ambassade de sa majesté britannique en date du 16/3 juillet sub No 110 [1], Mr. Sazonow a l'honneur de suggérer aux Cabinets alliés d'ajourner la démarche projetée à Sofia à un moment plus éloigné. Il estime en effet qu'il serait de l'intérêt des Puissances d'attendre la solution de l'incident de Mr. Ghénnadief avant de donner au gouvernement bulgare les précisions sollicitées par celui-ci [2]. La perte de temps provoquée par ce retard serait minime et les alliés gagneraient ainsi la possibilité de pouvoir agir avec plus de certitude.

---

[1] 4/1 июля за № 3371, что «необходимо, чтобы и Пашич воздержался от всяких действий, могущих привести к столкновению с болгарами». Бенкендорфу, при беседе о той же серб. информации, переданной англ. прав-ву, Никольсон сказал, что, по его мнению, есть связь между организацией движения в Македонии и подозрительным поведением черногорцев и что единственное «верное средство» в данном положении «заключается в Дарданеллах», так как протесты в Софии не дадут никакого результата (тел. Бенкендорфа от 14/1 июля за № 468). Выполняя вышеуказанное поручение, Савинский получил от Радославова ответ, что «никакого четнического движения на болгарской границе нет и что он его не допустит» (тел. Савинского от 20/7 июля за № 424).

[1] См. № 322.

[2] Извольский телеграфировал от 14/1 июля за № 430, что «до сих пор Делькассе не дал мне ответа по вопросу о способе ... вондирования болгарского правительства, но здесь получено из агентского источника известие об аресте Геннадиева в связи с процессом о бомбах в офицерском казино в Софии. Делькассе ожидает сведений от французского посланника в Софии, который до сих пор ничего об этом не телеграфировал».

Перевод.

Ознакомившись с памятной запиской посольства его британского величества от 16/3 июля № 110, г. Сазонов имеет честь предложить союзным правительствам отложить предположенное выступление в Софии на более отдаленный момент. Он в самом деле полагает, что в интересах союзников — выждать разрешения инцидента г. Геннадиева, прежде чем давать болгарскому правительству просимое последним уточнение. Вызванная этим запозданием потеря времени была бы минимальна, а союзники получили бы таким образом возможность действовать более уверенно.

№ 333. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 3459. 17/4 июля 1915 г.

Доверительно.

Лично.

Прошу расшифровать лично.

Ваша телеграмма № 405 получена [1].

Как вам должно быть известно, державы не допускают, до окончания войны и ранее получения Сербией соответственных вознаграждений, возможности занятия Болгарией обещаемой ей за ее выступление против Турции части Македонии. Ввиду этого вам следовало отклонить всякую попытку Радославова затронуть этот опасный вопрос, между тем вы самопочинно навели на него речь и тем могли создать впечатление, что державы не усматривают невозможного в вожделениях болгар, идущих навстречу самым затаенным желаниям австрогерманцев. Выступление болгарских или союзнических отрядов в Македонию будет приравнено сербами объявлению им войны болгарами. Для ведения такой войны они, очевидно, стянут против болгар все свои силы, обнажат, следовательно, свой северный фронт и сделают возможным прорыв через Текию. Ввиду изложенного не могу не пригласить вас к большей осторожности и обдуманности в ваших беседах с Радославовым [2].

Сазонов.

---

[1] См. стр. 424, прим. 1.

[2] Тел. от 20/7 июля за № 422 Савинский ответил, что македонский вопрос был поднят самим Радославовым, и что он, Савинский, «прежде всего и весьма упорно настаивал на невозможности осуществления вожделений болгар до окончания войны». «Я буду счастлив, — заключал Савинский,— если вопреки моему мнению удастся заставить болгарское правительство выступить без оккупации Македонии, и прилагаю все усилия к достижению этого результата».

№ 334. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 477. 17/4 июля 1915 г.
Confidentielle.

Copie Paris.

Vos télégramme NoNo 3369 [1] et 3431 [2] reçus.

Buchanan vous aura informé que Grey accepte votre proposition de faire sonder Bratiano par notre ministre à Bucarest [3] telle que définie dans votre télégramme No 3369 [1]. Il s'y serait décidé de suite, mais hier est arrivé télégramme de Delcassé à la suite duquel Grey a remis sa décision jusqu'au soir. Grey me dit qu'il pense comme vous que démarche officielle telle qu'elle avait été décidée, n'avait en ce moment aucune chance de succès, que le gouvernement serbe aurait appris que ses intérêts ont été sacrifiés par les Puissances sans que la coopération roumaine ait été assurée. Votre proposition rend succès possible, la latitude de la date d'entrée en action roumaine facilitant substantiellement les choses. D'ici-là une neutralité bienveillante de la Roumanie extrêmement importante à cause Dardanelles serait garantie. Il s'ensuivrait qu'en informant la Serbie de nouveau sacrifice qui lui est imposé, les Puissances pourraient lui annoncer en même temps qu'une coopération roumaine, plus urgente peut-être pour la Serbie que pour les Puissances, était obtenue et rendait sacrifice nécessaire et utile. Grey, pourtant, me dit qu'il pensait urgent d'agir sans retard. Nicolson m'a répété ceci. Il a télégraphié à Paris sa décision en la motivant. Grey considère l'opposition italienne beaucoup moins accentuée et motivée, surtout par inconvénients retards, dangereux après encouragements confidentiels donnés par Bratiano aux représentants de France et Italie et motifs allégués par Bratiano.

Benckendorff.

Перевод.

Доверительно.

Копия в Париж.

Ваши телеграммы №№ 3369 и 3431 получены.

Бьюкенен вам сообщит, что Грей принимает ваше предложение позондировать Братиану через посредство нашего посланника в Бухаресте, в том виде,

---

[1] См. стр. 398, прим. 1.

[2] См. № 325.

[3] Об этом сообщалось в пам. записке великобр. пос-ва от 17/4 июля за № 117. Помимо того, пам. записка указывала, что, по мнению Грея, одновременно нужно сделать ясным для Братиану, что в случае благоприятного ответа рум. претензии будут удовлетворены. Грей указывал, что «таким путем можно избежать не-

в каком оно изложено в вашей телеграмме № 3369. Он бы решился на это немедленно, но вчера была получена телеграмма от Делькассе, вследствие которой он отложил принятие решения до вечера. Грей мне сказал, что разделяет ваше мнение, что официальное выступление в том виде, в котором оно было решено, в настоящий момент не имеет никаких шансов на успех, сербское же правительство узнало бы, что его интересы были принесены в жертву державами без того, чтобы этим было обеспечено сотрудничество Румынии. Ваше предложение делает успех возможным: то обстоятельство, что Румынии не будет поставлено близкого срока выступления, облегчит дело. До того же был бы обеспечен благожелательный нейтралитет Румынии, что крайне важно из-за Дарданелл. В силу этого при сообщении Сербии о вновь требуемой от нее жертве державы могли бы одновременно объявить, что румынское сотрудничество, быть может, более необходимое для Сербии, чем для держав, достигнуто, что делает жертву и нужной и полезной. Грей тем не менее мне сказал, что считает необходимым действовать без промедления. То же было повторено Никольсоном. Он телеграфировал о своем решении в Париж, указав его основания. Грей считает итальянскую оппозицию гораздо менее решительной и обоснованной, главным образом, неудобством проволочек, опасных после доверительно сделанных Братиану представителям Франции и Италии обнадеживающих заявлений, а также мотивами, приведенными тем же Братиану.

Бенкендорф.

№ 335. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 438. 17/4 июля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 3431 [1]. Копия в Лондон.

Делькассе, которому я сообщил ее содержание, сказал мне, что, воздерживаясь от дальнейшего спора, он продолжает крайне опасаться последствий предварительного запроса, который, вероятно, уже сделал Поклевский, ибо в случае уклончивого ответа Братиану это может привести к прекращению переговоров с союзниками и сыграть в руку австро-германской дипломатии. Напротив того, сделав немедленно в Бухаресте предположенное заявление, союзники, даже если Братиану не согласился бы связать себя определенным сроком, заручились бы определенным обещанием Румынии выступить против Австрии. Это позволило бы настоять на прекращении пропуска военной контрабанды в Турцию и на определенном ответе болгарскому правительству о Балчике и Добриче.

Извольский.

удобства», которое получилось бы в случае извещения Сербии об условном согласии держав на предоставление Баната Румынии «без обеспечения ее содействия».

[1] См. № 325.

№ 336. Посланник в Берне министру иностранных дел.

Телеграмма № 279. 17/4 июля 1915 г.

Здешний баварский министр-резидент на-днях посетил начальника Международного бюро защиты литературной собственности г. Контетти и начальника Почтового бюро г. Рюфи. Оба эти лица — бывшие президенты союза. Посещение это вызывает здесь немало толков в дипломатических кругах, и, как мне передавали, оно имело целью зондировать почву относительно готовности Швейцарии содействовать началу будущих разговоров о мире. Оно ставится в связь с пребыванием в Берне представителя курии, который, будто бы, по этому поводу имел разговор с президентом. Трудно предположить, чтобы представитель Баварии действовал лично за свой страх. С другой стороны, здесь говорят, что, будто, существует неудовольствие в Баварии Пруссией и вообще усиление в Южной Германии стремления в пользу прекращения войны [1].

Бахерахт.

№ 337. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 411. 17/4 июля 1915 г

Французский и итальянский посланники получили идентичный текст проекта ответа держав болгарскому правительству. Немного позже получил его и английский посланник с изменением конца в том смысле, что требуемое нами от болгарского правительства определение условий выступления должно быть в пределах нашей ноты от 29/16 мая [2]. Собравшись вчетвером и всесторонне обсудив этот проект на основании общей совокупности имеющихся у нас местных данных и условий и убедившись, что наши мнения вполне сходятся, мы решили изложить их нашим правительствам в идентичной телеграмме № 2 [3]. Отсутствие инструкций от императорского правительства я

---

[1] 21/8 авг. за № 327 Бахерахт телеграфировал, что «президент Швейцарии, как мне сообщил мой итальянский коллега, желал бы теперь уже выступить в роли посредника, но опасается как бы его выступление не было истолковано союзниками как недружественный поступок. Президент неоднократно обсуждал с папским посланцем Маркетти... обращение к воюющим державам с предложением начать переговоры о мире...»

[2] См. №№ 37, 38.

[3] См. № 338.

объясняю вашим несогласием с предложенным союзниками текстом, и это дает мне надежду, что, может быть, вы найдете возможным принять ранее высказанные мной, а ныне подтвержденные всеми нами соображения о необходимости, с одной стороны, широких предложений Болгарии, могущих воодушевить на войну весь народ [1], а с другой — твердого, почти ультимативного языка, не допускающего колебаний со стороны короля и правительства. Сантиментальные соображения лорда Крю в пользу сербов были бы, быть может, впору, если бы не поведение последних за недавнее время; их спокойствие пред—может быть, демонстративными—угрозами австрийцев окончательно раздавить Сербию (см. мою телеграмму № 338 [2]) говорит само за себя. Из разных намеков сербов я вижу, что они этих угроз не боятся, зная, что за Савой и Дунаем нет врага, так как все австрийские войска отозваны из Боснии и Герцеговины на итальянский и галицийский театры; они, вопреки нашим настояниям, туда не идут, а двигаются по приятному для австрийцев направлению Албании и Адриатики. Не имея достаточных данных, чтобы судить о Сербии, относительно Болгарии я смею утверждать, что все наши обещания, которые не будут разрешать вопроса об оккупации Македонии, обречены на неуспех, и в таком случае их лучше не делать.

Савинский.

---

[1] Тел. от 15/2 июля за № 405 (опубл. К-поль и Пр., т. II, стр. 309, № 252) Савинский сообщал Сазонову о своем «длинном разговоре» 14/1 июля с Радославовым, которому он доказывал, ссылаясь, между прочим, на манифест немецких социалистов, что немцы желают не более как почетного мира, и что сближение с немцами гибельно для Болгарии. Радославов напомнил свое заявление Савинскому в сентябре 1914 г. «о немедленной готовности Болгарии выступить в момент, когда она с разрешения России будет в состоянии занять Македонию» (ср. т. VI, № 292). На вопрос Савинского, «действительно ли Болгария выступила бы, если бы ей был дан, так сказать, задаток в виде оккупации небольшой македонской территории», Радославов ответил: «Это нас застало бы врасплох, так как тогда Болгария не могла бы не выступить». К этому Савинский добавлял в указанной тел., что «мысль о выступлении Болгарии при условии «реальных гарантий» высказывается все настойчивее и настойчивее в самых разнообразных слоях. Ясно, если бы было найдено средство привести ее в исполнение... Болгария не могла бы не решиться на выступление».

[2] Тел. от 17/4 июня за № 338, сообщая Сазонову, что им переданы серб. посланнику слова австр. посланника Тончеву о том, что «15-го Сербия перестанет существовать», Савинский выразил мнение, «что Сербии следовало бы при первой возможности перейти в наступление против австрийцев».

№ 338. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 412. 17/4 июля 1915 г.

№ 2 [1].

Gouvernement bulgare dans sa réponse du [14] 1 juin [2] a indiqué avec précision les éclaircissements qui lui paraissent nécessaires avant de prendre la décision que comporteraient les propositions faites. En lui demandant aujourd'hui quels sont les éclaircissements qu'il considererait comme satisfaisants, les Puissances semblent retourner la question. Nos ennemis ne manqueraient pas de faire observer que nos propositions du 29/19 mai [3] n'étaient pas sincères. Nous connaissons fort bien la condition à laquelle la Bulgarie subordonne sa coopération militaire; elle a été indiquée dès le mois de novembre par Mr. Radoslavoff luimême au ministre de Russie — son [4] télégramme No 408 du 6 novembre /24 octobre 1913 [5], et répétée encore avant-hier par lui-même à Mr. Savinsky, son [6] télégramme No 405 a. c. [7] Depuis trois semaines elle tient la première place dans les préoccupations de tous les Bulgares, à quelque parti qu'ils appartiennent.

Cette condition c'est l'occupation, sinon immédiate, du moins le jour où l'armée bulgare serait entrée en lutte contre les Turcs, d'une partie est, au moins, de la Macédoine, par exemple des territoires situés à l'est du Vardar. Si nos gouvernements estimaient cette occupation par les troupes impossible, ils pourraient envisager l'occupation et l'administration provisoire de ces territoires par les alliés, solution qui a déjà été signalée à nos gouvernements et qui est considérée comme suffisante par les Bulgares. Nous pensons que les réserves et les hésitations du gouvernement seraient définitivement levées par une décision en ce sens. Nous nous permettons de faire remarquer d'autre part qu'en raison de l'attitude prise par le gouvernement serbe depuis six semaines, les Puissances de l'Entente ne peuvent plus lui garder une confiance absolue et qu'elle semble ne pas mériter les mêmes égards. Les Puissances ayant décidé d'imposer à la Serbie les sacrifices que comportent les offres ... à la Bulgarie dans la note du 29/16 mai, et qui sont indispensables à la

[1] № 1 тел. № 411 см. № 337.

[2] См. № 117.

[3] Так в оригинале. Имеется в виду заявление от 29/16 мая (см. №№ 37, 38).

[4] Т. е. Савинского.

[5] Так в оригинале. Имеется в виду тел. Савинского от 6 нояб./24 окт. 1914 г. (см. т. VI, № 474).

[6] Т. е. Савинского.

[7] См. стр. 424 прим. 1.

sauvegarde de leurs propres intérêts, elles doivent poursuivre cette politique jusqu'à sa conclusion naturelle qui peut seule leur assurer le bénéfice de la coopération bulgare. Si, comme nous le croyons, les Puissances ont intérêt à continuer la conversation, elles ne doivent pas faire une démarche qui en provoquera presque certainement rupture. Pour être agréée par la Bulgarie, notre note responsive devrait comprendre outre les éclaircissements que nous sommes en mesure de donner, un paragraphe réglant les deux questions connexes de l'occupation de la Macédoine et de l'entrée en action contre la Turquie. Elle devrait contenir nécessairement l'obligation pour la Bulgarie de se prononcer dans un délai très court, faute de quoi les Puissances se considéreraient comme libérées de tout engagement. Il y aurait en outre avantage à communiquer les grandes lignes d'une note dans ce sens aux chefs des parties qui nous sont favorables. Il serait plus conforme à la dignité et au prestige des Puissances de faire spontanément à la Bulgarie les offres qu'elles savent nécessaires et que les circonstances les forceront peut-être à consentir ultérieurement.

En ce qui concerne les déclarations verbales au sujet des Dardannelles, qui devraient accompagner la remise de la note, nous croyons devoir faire remarquer que depuis trois mois nous ne cessons de tenir à tous, gouvernement ou hommes politiques, un langage absolument identique à ces déclarations. Le gouvernement se rendrait parfaitement compte du risque qu'il court, mais il sait très bien que la conquête des Dardanelles n'implique pas le règlement immédiat de la question de Constantinople [1].

Savinsky.

---

[1] В «дополнение телеграмм №№ 411 и 412» Савинский телеграфировал 17/4 июля за № 413, что его «вчера и сегодня посетили представители земледельческой партии и доктор Владов»; последний просил передать Сазонову, что «единственное, что может поставить короля и правительство в абсолютную необходимость активно выступить против Турции, — это немедленное предоставление Болгарии права оккупировать всю бесспорную зону, причем до Вардара эта оккупация была бы совершена болгарами, а от Вардара до линии 1912 года — союзными войсками». «Представители земледельцев, — добавлял Савинский, — присоединили к этому пожелание, чтобы ожидаемый страной ответ держав носил строгий ультимативный характер». По поводу соображений четырех посланников, изложенных в тел. № 412 Савинского, Извольский 22/9 июля за № 447 телеграфировал мнение Делькассе, что «прежде чем делать новые шаги в Софии, следует выждать результат сделанного г. Братиану запроса». Мнение Грея и Соннино по этому вопросу передавалось в тел. от 21/8 июля за № 480 (см. № 357) и от 21/8 июля за № 258 (см. № 358).

Перевод

№ 2.

Болгарское правительство в своем ответе от 14/1 июня с точностью указало на те разъяснения, которые ему кажутся нужными, прежде чем принять решение, вызываемое сделанными предложениями. Спрашивая теперь, какого рода разъяснения признавались бы этим правительством удовлетворительными, державы создают впечатление, что отвечают на вопрос тем же самым вопросом. Наши враги не преминули бы указать на то, что наши предложения от 29/19 мая не были искренни. Мы очень хорошо знаем условие, которому Болгария соподчиняет свое военное сотрудничество; оно было указано уже в ноябре самим г. Радославовым российскому посланнику (его телеграмма № 408 от 24 октября/ 6 ноября 1913 г.) и повторено еще третьего дня им самим г. Савинскому (телеграмма его № 405 т. г.). В течение [последних] трех недель это условие находится на первом месте среди забот всех болгар, к какой бы партии они ни принадлежали.

Этим условием является оккупация, если не немедленная, то во всяком случае со дня выступления болгарской армии против Турции, по крайней мере, восточной части Македонии, напр., территорий, расположенных к востоку от Вардара. Если наши правительства признавали бы, что эта оккупация не может быть произведена болгарскими войсками, то они могли бы обсудить вопрос об оккупации и временном управлении этих территорий союзниками,—решение вопроса, на которое было уже указано нашим правительством и признаваемое болгарами удовлетворительным. Мы думаем, что оговорки и колебания правительства были бы окончательно устранены решением в этом смысле. Мы позволим себе, с другой стороны, указать, что в виду занятой сербским правительством за [последние] шесть недель позиции, державы Согласия не могут питать к нему полного доверия, и что оно, повидимому, не заслуживает [прежнего] внимательного отношения. Принимая во внимание, что державы решили потребовать от Сербии жертв, вызываемых их предложениями ... Болгарии в ноте от 29/16 мая и нужных для обеспечения ее собственных интересов, они должны продолжать проведение этой политики до ее естественного завершения, каковое только одно может им обеспечить болгарское сотрудничество. Если, как мы полагаем, державы заинтересованы в продолжении переговоров, они должны воздержаться от выступления, которое почти несомненно оборвет их. Чтобы встретить благоприятный прием у Болгарии, наша ответная нота, сверх возможных с нашей стороны разъяснений, должна включить параграф, который разрешал бы два связанных между собой вопроса: об оккупации Македонии и о выступлении против Турции. Эта нота неизбежно должна будет обязать Болгарию сообщить о своем решении в очень короткий срок, в противном же случае державы считали бы себя свободными от всякого обязательства. Помимо того, было бы полезно сообщить в общих чертах такую ноту главарям приверженных к нам партий. Было бы более согласно с достоинством и престижем держав сделать Болгарии по собственному почину предложения, необходимость которых им известна и на которые их могут заставить согласиться обстоятельства позднее. Что же касается устных заявлений касательно Дарданелл, которые должны были быть сделаны при вручении ноты, то мы должны указать, что в течение трех месяцев мы не перестаем повторять как правительству, так и политическим деятелям совершенно то же самое что говорят

эти заявления. Правительство отдавало себе вполне отчет в риске, на который оно идет, но оно очень хорошо знает, что завоевание Дарданелл не означает немедленного разрешения вопроса о Константинополе.

Савинский.

№ 339. Вице-консул в Урмии российской императорской миссии в Тегеране.

Донесение № 28 [1]. 17/4 июля 1915 г.

Одной из главных причин избиения и разорения христиан в Урмии следует признать, как это ни грустно, воинствующую политику нашей духовной миссии, в лице ее начальника преосв. Сергия [2]. В высокое дело распространения христианства им было внесено слишком много самоуверенности и высокомерия и слишком мало терпимости и беспристрастия. Во всех вопросах, не только религиозных, но и тяжебных, мусульманин заранее считался неправым, уже по одному тому, что, как не просвещенный христианством, он может только ошибаться. Земля, принадлежавшая мусульманину, могла быть легко отобрана лишь под тем предлогом, что она когда-то была церковной. Правильное, добрососедское водораспределение нарушалось в ущерб мусульманам. На каждом шагу и при всяком удобном случае мусульманин как неверный, унижался. Плоды подобной нетерпимости, столь узкого взгляда на высокую, ответственную задачу — у всех на глазах. Мусульмане ждали лишь удобного момента и излили свою злобу на христиан, которые тоже, к сожалению, были проникнуты духом высокомерия и презрения, а не смирения. За ошибки нашей миссии на Урмийском плоскогории, жестоко поплатились все без различия христиане, но, напр., в Сулдузском районе преследовались ожесточеннее всего именно православные. Мне пришлось беседовать с этими беженцами, и они наивно заявляли: «Да, нас больше всех обирали, говоря нам: вы записаны русскими». Церковная утварь в православных хра-

---

[1] Рукописная копия.

[2] Еще 30/17 июня Беляев (управляющий ген. консульством в Тавризе) телеграфировал за № 169 Сазонову об опасениях, возникших у него в связи с предстоящим приездом из Тамбова епископа Сергия, и о крайней необходимости снабдить его «категорическими указаниями отнюдь не начинать активной и ярко враждебной французским и американским миссионерам деятельности, что ухудшит и без того довольно тяжелое положение, которое получается после ухода части Азербайджанского отряда... ибо только единение американцев и французов с их паствой с нами может парализовать в глазах персов агитационную деятельность германо-турок». (См. также № 413 и прим. 2).

мах не столько уносилась, сколько оскверня̆лась, коверкалась и ломалась мусульманами.

Не без влияния на избиение оказалась и светская [1] политика в Урмии. Не имея под руками архива, я не могу судить о побуждениях, заставивших нас повесить 10 чел. хаджей из сел. Балов. Быть может, основания были веские. Я сужу лишь по результатам и знаю, что нескольких священников мучили и убивали, говоря: «Посмотрим, как вы будете вешать наших хаджи!»... Турки велели вырыть тела казненных, устроили торжественные похороны и причислили хаджей к лику святых. Благодаря удаленности Урмии от нашей границы и благодаря близости Турции чувство мусульманства в этой опасной точке контакта сунитов, шиитов и христиан особенно сильно и живо. Раз оно было больно затронуто, то рефлективно жестоко отмстило.

Наконец, я думаю, что вооружение нами христиан, недоведенное до конца и выполненное бессистемно, было одинаково как вредно для айсоров, так и неприятно для мусульман. Айсоров мы вооружили против мусульман и в буквальном и в переносном смысле и нарушили этим «худой мир», как ни как регулировавший здесь взаимные отношения. Айсоры пострадали именно потому, что были вооружены, как прямо заявил турецкий консул Рагиб-бей айсорскому епископу Мар-Фоме: «Вы вооружили христиан — мы произведем массовое избиение!» К счастью, мера эта не была проведена турками, они лишь расстреляли 50 человек, взятых ими из французской миссии, а также столько же приблизительно в сел. Гюльпашан. В доказательство отношения мусульман к вооружению приведу выдержки из имеющихся у меня писем: «Никто не в состоянии выразить тех притеснений и убытков, которые мы перенесли [2]. Мы не могли даже делиться друг с другом своими впечатлениями. С тех пор как турецкие солдаты и аширеты прибыли в С[оудж]була, (русские) стали принимать самые энергичные меры для обороны. Они поселили в деревнях армян и греков, из-

---

[1] Слово «светская» подчеркнуто в оригинале и над ним надписано «требование военных».

[2] В донесении от 27/14 июня за № 5 Никитин (управляющий вице-консульством в Урмии), освещая положение в Урмии (куда направлялся епископ Сергий) после оставления города турками и курдами, писал: «Не могу с прискорбием не отметить того печального факта, что делу успокоения в сильнейшей степени препятствуют христиане, терроризирующие деревню... Часть из них, вооруженная, состоит дружинниками и, как таковая, придается к нашим военным частям в их командировке либо для разведок, либо для отобрания оружия. Дружинники эти..., пользуясь случаем, занимаются далеко не тем, для чего они предназначены»

гнанных из Турции, выдавали пособия, раздавали ружья и патроны, чем создавали для себя солдат и «бросали их на мусульманские души». Кроме того, они обещали каждому армянину и айсору, если он станет солдатом, 10 тенафов (земельная мера) земли, никакого малиата он платить не должен и может присваивать себе все, что захочет. (После ухода отряда и эвакуации Урмии), «и так мы освободились от этого стеснения, и зарождается надежда для наших мусульманских чувств [1]. Вечером 17 сафара турки и курды с молитвой вошли в город. Слава Аллаху, водворилось благополучие и порядок. Когда это известие (об уходе русских) распространилось в городе, мусульмане с ума сошли от радости, встречаясь, мы поздравляли друг друга и считаем сегодняшний день большим праздником». Не без влияния на разыгравшиеся события следует считать и сравнительную зажиточность христианского населения, вытекающую из большого трудолюбия и другого уклада семейной жизни.

Наши войска ушли 20 декабря, вооруженные же христиане остались в деревнях. Стычки с мусульманами начались в сел. Дез-Теке и Ардешан-Теке, оттуда христиане хлынули к городу и по дороге избивались крестьянами-мусульманами. Попытка к сопротивлению была оказана самая сильная близ города в большом селе Гек-Тепе. Христиане засели в православном храме, который возвышается над местностью и решили умереть сражаясь. Только геройское вмешательство американского доктора Паркера, явившегося туда с флагом и уговорившего турок и курдов не трогать христиан, если те сдадут оружие, спасло христиан от ненужного и бесполезного избиения. Доктор под пулями подошел к церкви и убедил христиан выйти и увел их в американскую миссию. Что началось после этого, — легко себе представить, так как почти около 3 тысяч берданок, бывших у христин, перешло в руки мусульман. Из 12 тысяч христиан, спасшихся в городе, в миссии, 4 тысячи умерло от тифа, 1 тысяча была убита, и столько же приблизительно женщин было обесчещено.

В заключение я воздержусь от преждевременного решения вопроса о будущей судьбе христиан, но лишь настойчиво прошу не оставлять в Урмии епископа Сергия, который, несмотря на все мои телеграммы и на заверения обер-прокурора св. синода, завтра приезжает сюда. Мне трудно ручаться за успешность работы в его присутствии.

Управляющий в[ице-]к[онсульств]ом В. Никитин.

---

[1] Так в оригинале.

№ 340. Директор дипломатической канцелярии при ставке послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 313 [1]. 17/4 июля 1915 г.

Pour général Joffre et lord Kitchener [2].

La situation actuelle sur notre front fait croire que les Allemands sont en train de réaliser une large offensive ayant pour but la région entre le Narew — la Vistule et la ligne Ivangorod — Holm et opérant à la fois des côtés nord et sud vers les fronts Ostrolenka — Pultusk et Lublin — Holm. Il y a en outre des indices qu'une offensive se prépare également du côté ouest dans la direction de Varsovie. Vu la grande activité deployée par nos adversaires sur tout notre front, il paraît très peu probable qu'ils aient pu diminuer le nombre total des troupes dirigées contre nous et l'on pourrait plutôt croire qu'à la place des quelques divisions signalées comme revenues sur le front occidental d'autres divisions fraîches ont été transportées sur le nôtre. L'arrivée de troupes fraîches rend beaucoup plus difficiles les opérations de nos armées.

Vu ces circonstances chaque acte des armées alliées empêchent la possibilité de nouveaux transports des troupes allemandes sur le front oriental est d'une grande importance. Il serait en même temps bien désirable de votre part de démontrer au haut commandement de l'armée italienne l'importance de son activité dans cette période de campagne dans l'intérêt de tous les alliés. Grand duc Nicolas.

Koudacheff.

Перевод.

Для генерала Жоффра и лорда Китченера.

«Настоящее положение на нашем фронте наводит на мысль, что немцы собираются начать наступление в больших размерах, имеющее целью район между Наревом — Вислой и линию Ивангород — Холм и направленное одновременно с севера и юга на фронты Остроленка — Пултуск и Люблин — Холм. Помимо того, имеются признаки, что равным образом подготовляется наступление с запада в направлении к Варшаве. Ввиду большой активности, проявляемой нашими противниками на всем нашем фронте, представляется весьма мало вероятным, чтобы они могли уменьшить общее количество войск, выставленных против нас, и можно было бы скорее полагать, что на место нескольких дивизий, возвращение которых на западный фронт было установлено, на наш фронт были перевезены свежие дивизии. Прибытие свежих сил сильно затрудняет операции наших армий.

Ввиду этих обстоятельств всякого рода проявления активности союзными армиями, делающие невозможными новые перевозки германских войск на восточ-

[1] Маш. копия.

[2] Передача тел. верх. главнокомандующего.

ный фронт, имеют большое значение. В то же время было бы весьма желательно указать с вашей стороны главному командованию итальянской армии на важность ее активности в этот период кампании в интересах всех союзников. Великий князь Николай».

Кудашев.

№ 341. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 442. 18/5 июля 1915 г.

Французский военный агент телеграфирует из Ниша, будто сербский главнокомандующий получил от великого князя Николая Николаевича сообщение в том смысле, что в настоящую минуту наш верховный главнокомандующий уже более не требует наступательных действий от сербской армии, которая должна однако держаться на готове, дабы выступить по первому его требованию. По этому поводу Делькассе сказал мне, что проявленное в последнее время сербской армией, вопреки требованиям великого князя, полное бездействие на австрийском фронте, впушает здесь подозрение, что между Сербией и Австрией состоялось на этот счет молчаливое соглашение — entente tacite, — но что он отказывается этому верить. Делькассе напомнил мне при этом, что военный совет 7 июля/24 июня в Шантильи признал в интересах всех союзников желательным, чтобы, ввиду оборота событий в Галиции, сербская армия кооперировала не столько с русской армией, сколько с итальянской и чтобы она ныне же предпринимала наступательные действия в согласии с итальянским высшим командованием. От графа Игнатьева мне известно, что генерал Жоффр телеграфирует в этом смысле великому князю и что, по мнению французского верховного главнокомандующего, сербо-итальянская кооперация тем более необходима, что, с своей стороны, французская и английская армии уже предпринимают деятельные подготовительные меры к выполнению намеченного вышеозначенным военным советом наступательного плана.

Извольский.

№ 342. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 229. 18/5 июля 1915 г.

Ссылаюсь на мои №№ 227 и 228 [1].

На вчерашнем и сегодняшнем заседаниях английская делегация противопоставила шведским неприемлемым требованиям неотразимо

[1] В тел. Неклюдова за № 227 от 17/4 июля сообщалось, что «в настоящую минуту шведы настаивают на двух неприемлемых пунктах: во-первых, относительно допущения в Швецию товаров, не обозначенных в списках А и В [см.

логические доводы: англичане ясно выставили и доказали искреннее желание своего правительства пойти навстречу истинным экономическим нуждам Швеции, т. е. доставлять ей товары и сырые продукты в количестве нормального потребления страны и ее промышленности, поскольку последняя работала в мирное время; англичане готовы даже сделать некоторые возможные поблажки в пользу промышленности, развившейся со времени войны. Но они отвергают такие требования шведов, которые сводятся к праву оказывать особую экономическую поддержку Германии и ее военному хозяйству. Шведские делегаты противопоставляют этим доводам все ту же не выдерживающую разумного разбора теорию Гаммаршельда, в силу которой Швеция имеет право и даже обязанность делать в пользу Германии все то, что она в транзитном порядке готова делать для России, не принимая во внимание, что таким образом Швеция стремится в сущности уничтожить одно из военных преимуществ одной из воюющих сторон, а именно обладание морских путей английским флотом, т. е., другими словами, выход из своего нейтрального положения. Если к середине будущей недели обозначится, что шведские делегаты предпочитают сорвать переговоры, нежели отказаться от того, что они хотят обеспечить в пользу Германии, (которой) Гаммаршельд, очевидно, дал формальные обещания, то англичанам придется, вероятно, во избежание грозящих нам опасностей остановки нашего транзита, пойти на уступки. Весьма желательно, чтобы я мог до четверга сообщить английской делегации, ставим ли мы, по нашим соображениям, какие-либо пределы таковым уступкам или же предоставляем усмотрению английского правительства, которое, без сомнения, примет во внимание вышеизложенные опасности и наши неотложные нужды. При этом на самый

ниже], шведы требуют права неограниченного ввоза... Во-вторых, относительно транзита шведы требуют, чтобы всякий раз, как разрешается транзит в Россию, одинаковое по ценности количество товаров могло бы быть провезено в Германию. Отвергая это требование... англичане предлагают ныне, чтобы всякий раз, как Швеция будет просить о ввозе из Англии одного из товаров, значащихся в списке Б, Англия оставит за собой право просить, взамен, пропуска в Россию известного количества любого товара из того же списка... Русский транзит будет при таком порядке достаточно обеспечен».

В тот же день тел. за № 228 Неклюдов передавал два списка: список А включал товары, «ввоз которых в Швецию, даже и для транзита в Россию, англичане абсолютно отвергают»; список Б включал товары, «которые Швеция может получить и которые англичане будут пропускать лишь в заранее определенном нормальном количестве и при всем том из Англии и колоний всякий раз с особым разрешением».

конец можно приберечь столь практичное предложение ваше [1], чтобы уступка Швеции могла быть сделана на сроки, как бы в виде опыта.

Неклюдов.

№ 343. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 231. 18/5 июля 1915 г.

Благоволите передать военному министру: один шведский завод получил и исполнил заказ нашего военного министерства на большое количество взрывателей для шрапнелей. Ныне нашему военному агенту предписано содействовать выпуску из Швеции этого заказа. Между тем официальное обращение в этих целях консула Кандаурова и императорской миссии к шведским властям или правительству не только не приведет к желаемой цели, но, напротив того, всегда потребует от шведов наложить секвестр на столь явно контрабандное изделие, и сам заводчик может быть привлечен к судебной ответственности, чему последствием было бы разглашение нашего заказа. С другой стороны, военный агент отнюдь не может принять участие в весьма рискованном контрабандном вывозе взрывателей. Это может сделать разве только весьма ловкий и надежный частный агент под непременным условием: 1) не жалеть денег и 2) отнюдь не замешивать в дело наших официальных здешних представителей. Благоволите от моего имени доложить военному министру, что вообще в настоящую минуту крайне трудно и опасно заказывать в Швеции что-либо имеющее характер военной контрабанды. Неудачное течение англо-шведских переговоров, вчерашняя речь председателя кабинета [2], усиление германофиль-

---

[1] См. № 324.

[2] В тел. Неклюдова от 18/5 июля за № 230 сообщалось, что, принимая депутацию швед. пацифистов, Гаммаршельд обратился к ним с речью, в которой, между прочим, сказал: «Шведское правительство намерено сохранить нейтралитет, пока это возможно, но не всякой ценой. Кроме неприятельского нападения, существуют и другие обстоятельства, которые могут заставить Швецию выйти из нейтралитета». «Агитация в пользу мира столь же опасна, сколь и агитация в пользу войны, и он надеется, что шведские пацифисты... будут противиться в случае надобности даже силой всякому превышению власти извне»... Далее сообщая, что эта речь.. очевидно обращена чрез голову шведских пацифистов к английской делегации в качестве предупреждения и угрозы...», Неклюдов добавлял, что при произнесении этой речи присутствовал Валленберг, в чем он (Неклюдов) видит доказательство того, что, «оставаясь решительным противником вовлечения Швеции в войну», Валленберг «все же сочувствует стремлениям добиться для Швеции права и возможности оказывать значительные услуги Германии, не отказывая однако и противной стороне в известных услугах и симпатиях».

ской агитации, — все указывает на то, что горизонт здесь снова значительно омрачился и что нам относительно шведов надлежит быть особенно осторожными.

Неклюдов.

№ 344. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. 18/5 июля 1915 г.

Личное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Трубецкой вчера выехал в Ниш, пробыв в ставке сутки. Так как он едва ли успеет вам написать с дороги о своих впечатлениях здесь, то я решаюсь доложить вам о них. В общем он остался очень доволен оказанным ему приемом и всем тем, что ему пришлось услышать от высшего военного начальства. Он имел три разговора: с начальником штаба, с генералом Даниловым и с великим князем. На последнем я не присутствовал. Относительно положения русского комиссара в Константинополе ему было сказано, что, само собой разумеется, так как наше участие во взятии Константинополя будет скорее политическим актом, а не военным (военное дело сделают союзники), то военной власти придется подчиниться комиссару. Иначе дело могло бы обстоять лишь, если бы наши войска преимущественно участвовали во взятии Босфора. Относительно лица, поставленного во главе нашего экспедиционного отряда, генерал Янушкевич сказал следующее: «Великий князь отлично сознавал, назначая генерала Каульбарса в Одессу на подготовление десанта, что в данном случае лучше не иметь во главе наших сухопутных сил генерала с немецкой фамилией. Но выбора пока не было, так как для подготовительных работ в Одессе, на которые Каульбарс, несмотря на свой возраст и высокое положение, пошел с восторгом, было нежелательно брать с западного фронта кого-либо из лучших генералов с русской фамилией». Генерал Янушкевич прибавил, что назначение Каульбарса вовсе не исключает возможности его замены другим лицом, когда дело дойдет до фактического осуществления плана десанта. В зависимости от того, когда случится десант и какими силами (нашими), будет оставлен или заменен Каульбарс: если наш десант явится лишь, как это, вероятно, и будет, только теоретическим участником занятия Константинополя, тогда будет послан генерал с русской фамилией. Если же обстоятельства так сложатся,

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 32.

*

что в конце концов не союзники, а мы сами окажемся завоевателями Константинополя, тогда имя генерала не так уже важно, особенно неважно впечатление этого имени на болгар. Трубецкой был несколько удивлен и приятно поражен таким отношением к этому делу ставки. Косвенным образом я отчасти способствовал принятию ею такой точки зрения. Найдя не так давно в литографиях телеграмму Савинского о непопулярности имени Каульбарса в Болгарии [1], я ее показал генералу Данилову (не докладывая ее начальнику штаба) и не спрашивал потом о результатах моей indiscrétion [2]. Дело это во всяком случае налажено, ибо, считаясь с патриотизмом и благородством характера Каульбарса, здесь не побоятся при случае привести [3] его самого в жертву необходимости. Что касается Сербии, то Трубецкому было сказано следующее. Великий князь дал знать королевичу Александру, что мы в настоящее время не требуем наступления сербов в сторону Лайбаха или куда бы то ни было. Но что мы рассчитываем на их готовность наступить [3] в Сирмию, как только мы о том подадим им знак. Такие указания им даны в соответствии не только с нашим положением, но и главным образом с пассивностью итальянцев.

Трубецкой привез с собою нотку бодрости и оптимизма, которая нас несколько приободрила. Но в сущности настроение наше далеко не радостное. Дела на театре войны идут плохо. Со всех сторон на нас наступают и, хотя войск у нас достаточно, — приблизительно столько же, сколько и у немцев, — дух у них несколько упал. Пехота, недостаточно поддержанная артиллерией (которой мало) не выдерживает стремительных натисков, отступает, а иногда сдается... С другой стороны, германцы, даже плохие ландштурмисты, воодушевлены верою в успех, в защитницу-артиллерию и работают как старые солдаты. Не думайте, что это измышления моего пропитанного пессимизмом воображения: мне это говорил один из наиболее толковых здешних офицеров, притом не из числа пессимистов. В разговоре с генералом Даниловым Трубецкой его спросил, имеются ли серьезные основания опасаться за участь Варшавы и Риги. На это Данилов не пожелал дать прямого ответа. Он только заметил, что в настоящее время немцы напрягают все свои силы, чтобы достигнуть тут успеха; к этому он прибавил, что, будь он немецким генералом, то ни одного солдата не переводил бы на западный фронт, а все стягивал бы против нас. Этим он как бы косвенно признавал, что на нашем фронте имеются все данные

[1] См. стр. 283, прим. 1.

[2] «Нескромности».

[3] Так в оригинале.

для успеха, в то время как на западном фронте всякое наступление — дело рискованное. Дело в общем обстоит так, что на свой успех мы пока не рассчитываем, но надеемся устоять напору [1] германцев, прилагая к тому все усилия. Вчера была послана телеграмма Жоффру и Китченеру [2], в которой указана опасность нашего положения. В ней великий князь просил наших союзников указать итальянцам на своевременность развития ими более активного наступления.

Вопрос о заказах снарядов в Америке чрез посредство англичан, насколько мне известно, находится в следующем положении. Мы заказали 12 000 000 снарядов на общую сумму около 400 000 000 рублей. К сожалению, снаряды будут поступать не так быстро, как бы мы того желали. Первая партия — всего только 50 000 — в октябре. В ноябре — 270 000, в декабре, кажется, около 500 000, и так далее. Самые же крупные партии будут получены лишь во второй половине 1916 года. Янушкевич страшно негодует на Китченера, находя, что он недобросовестно исполняет свою роль «честного маклера», даже заподозревает его в намеренных промахах ради корыстных целей. Я, не имея основания верить этим обвинениям, признаю также, что некоторые критики англичан на нашу медлительность [1] основательны. Но я разделяю мнение Янушкевича о том, что англичане нам навязали невыгодную сделку, заменив ею, под очень «хромым» предлогом, более выгодную, которая была своевременно принята Янушкевичем. Я это говорю после того, как подробно ознакомился у помощника здешнего английского военного агента с перепиской его по этому делу. Злого умысла, конечно, не было, но услуги особенной нам Китченер не оказал.

Примите и пр. Н. Кудашев.

№ 345. Нота французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

19/6 июля 1915 г.

L'ambassadeur de France a été chargé de préciser la manière dont Mr. Delcassé envisage les différents points du régime provisoire de Constantinople qui ont fait l'objet des aide-mémoires de son excellence Mr. Sazonow en date du 24/11 mars [3] et du 15/2 mai 1915 [4].

---

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 340.
[3] См. т. VII, ч. 1, стр. 534, прим. 2.
[4] См. т. VII, ч. 2, стр. 380, прим. 1.

L'administration générale serait confiée, selon les vues des trois gouvernements, à l'autorité directe et conjointe des trois Hauts Commissaires dotés du pouvoir législatif qu'ils exerceraient par la voie d'ordonnances conjointes, arrêtées par le Conseil des Hauts Commissaires. Cette autorité devrait, dans l'opinion de Mr. Delcassé, s'étendre à tous les organes de l'administration ottomane et à l'ensemble des départements ministériels, exception faite de ceux de la guerre et de la marine que les commandants des troupes alliées prendraient en main. Le maintien ou la suppression, ainsi que le partage ou le rattachement de certains départements ministériels, serait ordonné sur place, en tenant compte des besoins qui se feraient jour, par les Hauts Commissaires. Ces derniers délégueraient leurs pouvoirs dans la mesure nécessaire, conformément aux décisions du Conseil des Hauts Commissaires, et feraient appel largement aux étrangers ainsi qu'aux indigènes inspirant une confiance appropriée.

Le gouvernement français donnera volontiers son adhésion à ce que l'administration des douanes soit remise aussitôt que possible à la direction experte de Sir H. Crawford dont la compétence lui est connue. Mais en ce qui concerne le département des finances, le gouvernement français se plaît à espérer que les deux gouvernements reconnaîtront la nécessité d'en confier la gestion à un français. La prédominance caractérisée des interêts financiers français qui représentent plus de 3 milliards investis dans la Dette ottomane ne permettrait pas au gouvernement de la république d'accueillir aucune autre suggestion.

Les droits conférés à l'administration de la Dette publique ottomane par le décret de Moharem seront respectés et les membres de son conseil exerceront librement leurs fonctions sous réserve de l'exclusion des délégués allemands et autrichiens et de l'admission d'un délégué russe, qui se justifierait, comme l'indiquait Mr. Delcassé dans son télégramme du 21/8 mars [1], par le fait que la Russie devrait assumer le moment venu une part de la Dette ottomane proportionnelle aux revenus des territoires annexés par elle.

Les impôts et les taxations, y compris le temettu (dont les rôles, dressés d'une manière peu équitable à l'égard de certains étrangers, seraient revisés en ce qui les concerne), continueraient, selon la proposition de Mr. Sazonow [2] acceptée par le gouvernement britannique [3], à être prélevés d'après les règles de l'assiette et de la répartition en vigueur anté-

[1] См. т. VII, № 403.
[2] См. т. VII, № 497.
[3] См. т. VII, № 706.

rieurement à la guerre. Les douanes seraient perçues sur le pied de 11% ad valorem, et non d'après le tarif plus élévé mis en vigueur proprio motu et d'une façon arbitraire par la Porte.

Les revenus publics doivent couvrir, selon toute vraisemblance, les dépenses de l'administration provisoire. S'il en était autrement, les gouvernements alliés s'empresseraient d'aviser à pourvoir au déficit, le meilleur moyen d'y faire face paraissant être la voie des taxations locales.

Touchant l'organisation judiciaire, Mr. Sazonow a accepté la proposition française [1] d'établir le contrôle des alliés sur les tribunaux ottomans, mais il propose de limiter la compétence de ceux-ci aux affaires indigènes [2]. En principe, Mr. Delcassé se rallie volontiers à ses vues tendant à soustraire les étrangers dès l'établissement de l'occupation, aux juridictions mixtes ottomanes qui ont d'ailleurs cessé de fonctionner depuis le 1-er octobre 1914. Mais peut-être y aurait il lieu toutefois d'établir des distinctions entre les étrangers à cet égard.

La proposition tendant à déférer au tribunal consulaire de l'étranger en cause les affaires mixtes présente, ainsi que le remarque le gouvernement britannique [3], des inconvénients sérieux, dont le principal serait d'entraîner une extension considérable du régime juridictionnel des capitulations, alors que le but poursuivi par le gouvernement russe est au contraire d'arriver à la suppression rapide des juridictions consulaires [4]. Il résulterait aussi de cette extension de grandes complications dans les cas impliquant, aussi bien comme demandeurs que comme défendeurs, des étrangers appartenant à des nationalités différentes. Enfin il pourrait se poser à l'égard des sujets turcs succombants, et même à l'égard des étrangers, des questions d'exécution des jugements d'une nature délicate.

Le gouvernement russe, dans sa réponse du 15/2 mai à l'ambassade d'Angleterre [5] se déclare prêt à se rallier au système de cette dernière d'après lequel les causes mixtes seraient déférées en première instance aux tribunaux indigènes tels qu'ils fonctionnaient antérieurement au 1-er octobre 1914, et en appel à des cours composées de cinq juges dont un Russe, un Anglais et un Français, et deux assesseurs ottomans (l'un chrétien, l'autre musulman).

---

[1] См. т. VII, ч. 2, стр. 107, прим. 2.
[2] См. т. VII, № 497.
[3] См. т. VII, № 706.
[4] См. т. VII, № 497.
[5] См. т. VII, ч. 2, стр. 380, прим. 1.

Le système du gouvernement britannique présente, lui aussi, dans notre opinion, des inconvénients dont le principal est d'instituer deux degrès de juridiction alors que, dans l'état antérieur au 1-er octobre la compétence judiciaire appartenait pour toutes les affaires de quelqu'importance (à l'exception des affaires immobiliaires) au Tidjaret, en première et dernière instance. Pour pallier à cet inconvenient, il paraîtrait préférable à Mr. Delcassé de recommander un troisième système inspiré à la fois du système russe [1] et du système anglais [2] en ce sens qu'il tendrait d'une part à soustraire les causes mixtes sur tribunaux ottomans et d'autre part à les soumettre à une juridiction instituée par les alliés, statuant en premier et dernier ressort.

Ce système comporte la création d'une juridiction unique et sans appel, le tribunal des alliés, composé comme le propose le gouvernement britannique de cinq membres dont trois appartenant aux nationalités alliées et deux assesseurs indigènes. La compétence de ce tribunal qui rendrait la justice au nom des alliés, s'étendrait à toutes affaires mixtes, que les non-ottomans soient défendeurs ou demandeurs, et en toute matière civile, commerciale, immobilière et pénale. La législation appliquée serait le droit ottoman en vigueur avant le 1-er octobre 1914.

Nous n'aurions pas à tenir compte des objections, s'ils en produit, que cette juridiction pourrait soulever de la part des sujets des Puissances ennemies. En ce qui concerne les sujets des Puissances neutres en Turquie, la note britannique [3] admet que dans la zone occupée militairement les capitulations pourraient, sans que leurs suppression fût reconnue en droit, être dominées temporairement par les nécessités de l'occupation militaire. Cette doctrine, qui paraît fondée en droit, permettrait de soumettre également au nouveau tribunal des alliés les affaires mixtes concernant les sujets des Puissances neutres. Pour le cas toutefois où l'on voudrait éviter avec ces Etats neutres toute discussion sur la légitimité de modifier en se basant sur l'occupation militaire les règles de compétence établies par les traités internationaux restés en vigueur en ce qui les concerne, les alliés pourraient admettre le rétablissement du régime judiciaire mixte antérieur au 1-er octobre 1914 en ce qui concerne les affaires mixtes où des neutres seraient engagés. S'il en était ainsi, la compétence ratione personae du tribunal des alliés se trouverait limitée aux affaires mixtes concernant leurs ressortissants, les sujets des Puissances ennemies et les Ottomans. Les gouvernements alliés s'empresse-

[1] См. т. VII, № 497.
[2] См. т. VII, № 706.
[3] См. т. VII, № 706.

raient d'ailleurs d'accueillir les demandes qui pourraient provenir de l'initiative des Puissances neutres tendant à ce que leurs ressortissants fussent soumis au tribunal des alliés. Il est à présumer que celles ci ne tarderaient pas à prendre cette initiative et qu'ainsi l'unité judiciaire dans les cas mixtes se trouverait établie du consentement même de ceux qui pourraient être tentés de s'y opposer, si on voulait les y contraindre.

Les tribunaux consulaires des alliés et des Puissances neutres se verraient maintenir leur compétence dans toutes les affaires ne concernant que leurs ressortissants. Au contraire les tribunaux consulaires des pays ennemies seraient supprimés et leurs ressortissants rendus justiciables en vertu de l'occupation militaire du tribunal des alliés.

Enfin les tribunaux indigènes (soumis à un contrôle étroit des alliés qui prendraient eux-mêmes la direction du ministère de la justice) seraient retablis pour toutes affaires entre indigènes, y compris ceux du Chéri. Ces derniers continueraient à rendre leurs sentences comme par le passé par un personnel musulman qualifié et conformément à la loi religieuse; même si, le Cheik-ul-Islam ayant pris la fuite, les Puissances se trouvaient privées de ce moyen d'action sur les tribunaux du Chéri.

Les conseils de guerre ou juridictions militaires des divers corps d'occupation demeureraient seules compétants, et rien ne serait changé aux règles organiques et de compétence portées par leurs lois nationales dans toutes affaires où des militaires ou assimilés seraient prévenus et inculpés.

Comme il convient de prévoir le cas où des militaires de plusieurs corps d'occupations seraient impliqués dans une même poursuite, il paraîtrait opportun d'instituer pour éviter une dispersion de la répression, pour ces cas mixtes, un conseil de guerre mixte composé d'officiers appartenant aux armées alliées dans des conditions et selon une procédure à déterminer sur place par accord entre les commandants des forces armées.

La solidarité nécessaire entre les corps d'occupation alliés, au point de vue de leur défense militaire et de la protection de l'ordre public, impliquerait que toutes poursuites concernant des actes attentatoires à la sécurité de l'un ou de plusieurs de ces corps, ou contre un ou plusieurs de ses membres, commis soit par des indigènes, soit par des Ottomans ou des non-Ottomans de quelque nationalité qu'ils soient, mais n'appartenant pas aux dits corps, fussent déférés aux mêmes conseils de guerre mixtes.

En ce qui concerne les evkafs, et conformément à l'avis du gouvernement britannique, il va de soi que le directeur mis à leur tête devrait être musulman et tenu de les gérer en stricte conformité avec les lois en vigueur en Turquie.

L'administration municipale et les conseils et mairies des quartiers de Constantinople seraient reconstitués sur la base d' une juste représentation des chrétiens, comme le propose Mr. Sazonow [1].

Touchant la répartition des territoires occupés en zones militaires mis à chacune des Puissances alliées, Mr. Delcassé partage l'avis de Mr. Sazonow [2] d'après lequel la création de telles zones aurait pour but unique la défense de ces territoires contre l'ennemi et la sécurité publique, tandis que l'administration concentrée aux mains des trois Hauts Commissaires pour tout le territoire occupé serait conjointe. Il n'apparaît pas, dans ces conditions, que les relations entre le Haut Commandement militaire et le Conseil des Hauts Commissaires puissent amener à des conflits. Le gouvernement français se rallierait volontiers, au cas où cet espoir serait déçu, a la suggestion d'après laquelle les conflits qui n'auraient pu être réglés à l'amiable sur place entre les autorités civiles et militaires seraient tranchés par leurs gouvernements.

Le gouvernement français acceptera de même bien volontiers la proposition de Mr. Sazonow [3] tendant à reconnaître au général Hamilton la qualification éventuelle de commandant en chef des corps d'occupation à Constantinople.

Il se plaît enfin à espérer que l'acceptation par le gouvernement russe des principes ci-dessus énoncés implique bien la reconnaissance:

1) de la nécessité d'une entente avec les ressortissants étrangers touchant les modifications qu'entraînera le futur statut de Constantinople à l'exercice des droits qu'ils détenaient en vertu de contrats réguliers sous la domination turque;

2) de la validité des contrats et accords franco-turcs sanctionnés par iradé impérial du 21 avril 1914. Plusieurs de ces contrats n'ont pu, malgré la sanction de l'iradé, être munis, avant la rupture politique, de la signature des intéressés, mais ils n'en sont pas moins définitifs et forment un bloc dont la contrepartie a été déjà réalisée par la Porte sous la forme de l'emprunt turc de 1914.

Ces deux derniers points ont d'ailleurs été déjà mentionnés dans le télégramme de Mr. Delcassé en date du 21 mars 1915 [4] avec lequel son excellence Mr. Sazonow a bien voulu, dans son aide-mémoire du 24 mars [5], se déclarer sur tous les points en communion d'idées.

---

[1] См. т. VII, № 497.
[2] См. т. VII, № 360.
[3] См. т. VII, № 360.
[4] См. т. VII, № 403, стр. 534.
[5] См. т. VII, стр. 534, прим. 2.

Перевод.

Французскому послу было поручено уточнить взгляды г. Делькассе на различные вопросы режима в Константинополе, затронутые в памятных записках его превосходительства г. Сазонова от 24/11 марта 1915 г. и 15/2 мая 1915 г.

Общее управление, по мнению трех правительств, должно быть вверено непосредственному и совместному руководству трех верховных комиссаров, пользующихся законодательными полномочиями, которые они осуществляли бы путем совместных обязательных постановлений, издаваемых советом верховных комиссаров. По мнению г. Делькассе, эта власть должна распространять свое действие на все органы оттоманской администрации и на всю совокупность министерских департаментов, за исключением военного и морского, которые были бы взяты в свои руки командующими союзными войсками. Сохранение или упразднение, а равно разделение или слияние некоторых министерских департаментов были бы декретированы на месте верховными комиссарами с учетом обнаружившихся потребностей. Последние назначали бы уполномоченных по мере необходимости, согласно постановлениям совета верховных комиссаров, и обращались бы в широких размерах к помощи как иностранцев, так и туземцев, внушающих надлежащее доверие.

Французское правительство охотно даст свое согласие на то, чтобы таможенное управление было поручено, как только это будет возможно, сэру Г. Крауфорду, знание и опыт которого ему известны. Но что касается департамента финансов, то французское правительство льстит себя надеждой, что оба правительства признают необходимым поручить управление им французу. Решительное преобладание французских финансовых интересов, представляющих более трех миллиардов, вложенных в Оттоманский долг, не позволило бы правительству Республики принять какое-либо иное предложение.

Права, предоставленные администрации Оттоманского публичного долга декретом Мохарема, будут соблюдены, и члены его совета будут свободно выполнять свои функции, при условии исключения германских и австрийских делегатов и допущения русского делегата, что оправдывалось бы, как указывал г. Делькассе в своей телеграмме от 21/8 марта, тем обстоятельством, что Россия должна будет принять на себя в свое время часть оттоманского долга пропорционально доходам аннексированных ею территорий.

Налоги и пошлины, включая «теметту» (списки их, составленные не вполне справедливо в отношении некоторых иностранцев, будут в этом отношении пересмотрены), будут продолжать взиматься, согласно предложению г. Сазонова, принятому британским правительством, по правилам обложения и распределения, действовавшим до войны. Таможенные пошлины будут взиматься из 11 % со стоимости товаров, а не по более высокому тарифу, введенному по собственному почину и произвольным образом Портой.

Государственные доходы должны, по всей вероятности, покрывать расходы временного управления. Если это будет не так, то союзные правительства позаботятся о покрытии дефицита. Лучшим способом сделать это является, повидимому, система местного обложения.

Что касается судебной организации, то г. Сазонов принял французское предложение установить контроль союзников над оттоманскими судами, но он предлагает ограничить компетенцию таковых туземными делами. В принципе г. Дель-

кассе охотно присоединяется к его мнению об изъятии иностранцев с момента начала оккупации из подсудности смешанным оттоманским судам, которые впрочем перестали действовать с 1 октября 1914 г. Но, быть может, было бы все же основательно установить некоторые различия между иностранцами в этом отношении.

Предположение о передаче в соответствующий консульский суд смешанных дел между иностранцами и турецкими подданными представляет, как замечает британское правительство, серьезные неудобства, из коих главное,—что это породило бы значительное расширение юридического режима капитуляций, в то время как целью, поставленной себе российским правительством, является, наоборот, притти к скорейшему упразднению консульской юрисдикции. Результатом подобного расширения этой юрисдикции явились бы большие осложнения в делах, где участвуют в качестве как истцов, так и ответчиков иностранцы различных национальностей. Наконец, могли бы представиться в отношении подлежащих указанной юрисдикции турецких подданных и даже иностранцев случаи приведения в исполнение судебных решений щекотливого свойства. В своем ответе от 15/2 мая английскому посольству российское правительство заявляет о своей готовности принять английскую систему, по которой смешанные дела в первой инстанции были бы подсудны местным судам в том виде, в каком они действовали до 1 октября 1914 г., а в инстанции апелляционной — судам, состоящим из 5 судей: русского, англичанина и француза и двух оттоманских асессоров (один — христианин, другой — мусульманин).

По нашему мнению, система британского правительства тоже представляет неудобства, из которых главным является установление двух инстанций, в то время как по действовавшему до 1 октября порядку судебная компетенция принадлежала по всем более или менее важным делам (за исключением дел о недвижимостях) суду «тиджарет» в качестве как первой, так и последней инстанции. Дабы устранить это неудобство, г. Делькассе считал бы более подходящей третью систему, каковая приближается и к английской, и к русской в смысле изъятия смешанных дел из оттоманских судов, а с другой— установления их подсудности созданным союзниками судам, которые действовали бы в качестве первой и последней инстанции.

Эта система имеет в виду создание единой и безапелляционной юрисдикции союзного суда, состоящего, как предлагает британское правительство, из пяти членов, из коих трое принадлежат к союзным национальностям и два — туземные асессоры. Компетенция этого суда, действующего от имени союзников, распространялась бы на все смешанные дела, будут ли неоттоманские подданные истцами или ответчиками, и каковы бы дела ни были — гражданские, коммерческие, по недвижимостям или уголовные, — применялись бы законы, действовавшие до 1 октября 1914 г.

Мы могли бы не считаться с возражениями, если бы таковые были заявлены против применения этих законов со стороны подданных неприятельских держав. Что касается подданных нейтральных держав в Турции, то британская нота признает, что в зоне военной оккупации действие капитуляцией могло бы, без того, чтобы их упразднение было признано юридически, временно быть приостановлено в силу необходимости, вызываемой военной оккупацией. Этот порядок, представляющийся юридически обоснованным, позволил бы равным образом сделать подсудными новому союзному суду смешанные дела, касающиеся под-

данных нейтральных держав. На случай однако, если бы было желательно избежать всякого рода пререканий с этими нейтральными державами о закономерности изменения на основании военной оккупации правил компетенции, оговоренных оставшимися в их отношении в силе международными договорами, союзники могли бы допустить восстановление смешанного юридического порядка, действовавшего до 1 октября 1914 г. в отношении смешанных дел, касающихся граждан нейтральных держав. Если это будет так, то компетенция ratione personae [1] союзного суда свелась бы к смешанным делам, касающимся их соотечественников, подданных неприятельских держав и турок. Союзные державы охотно пошли бы впрочем навстречу ходатайствам, которые могли бы быть обращены к ним по почину нейтральных держав о том, чтобы их подданные стали подсудны союзному суду. Можно предвидеть, что указанные державы сделают это, и таким образом единство суда в смешанных делах будет осуществлено с согласия даже тех, кто, может быть, были бы склонны оказать этому противодействие, в случае если бы их пытались к тому принудить.

Консульские суды союзников и нейтральных держав сохранили бы свою компетенцию во всех делах, касающихся их подданных. Наоборот, консульские суды неприятельских стран будут упразднены, а их подданные станут подсудны на основании военной оккупации союзному суду.

Наконец, туземные суды (полностью подчиненные контролю союзников, которые сами будут управлять министерством юстиции) будут ведать все дела между туземцами, включая дела, подсудные судам шариат. Последние будут продолжать выносить свои приговоры, как в прежнее время, через квалифицированных мусульманских судей, даже, если бы шейх-уль-ислам бежал, и державы не имели бы способа воздействовать на суды шариат через него.

Военные суды или военная юрисдикция разных оккупационных корпусов будут продолжать пользоваться своей исключительной компетенцией, и никаких изменений не будет внесено в их судебные уставы и объем их компетенции, основанные на их национальных законах во всех делах, в коих подсудимыми или обвиняемыми являются военные или лица, приравненные к ним.

Ввиду того, что следует предусмотреть случаи, когда военные различных оккупационных отрядов будут привлечены к суду по одному и тому же делу, представляется целесообразным создать, во избежание распыления взыскания для этих смешанных случаев, смешанный военный суд в составе офицеров разных армий, при правилах судопроизводства, имеющих быть установленными на месте путем соглашения между командующими армий.

Необходимость солидарности между союзными оккупационными отрядами, с точки зрения военной обороны и охраны общественного порядка, приводила бы к тому, чтобы все дела по покушениям на безопасность одного или нескольких из этих отрядов или одного или нескольких лиц из их состава, содеянным как туземцами, так оттоманскими или неоттоманскими подданными, к какой бы национальности последние ни принадлежали, но не состоящими в указанных отрядах, были бы судимы теми же смешанными военными судами.

Что касается «вакуфов», то, согласно мнению британского правительства, само собой разумеется, что возглавляющий их директор должен быть мусульманином и обязан управлять ими на точном основании действующих в Турции законов.

[1] «По признаку лица».

Муниципальное управление, советы и мэрии кварталов Константинополя были бы преобразованы на основании справедливого, как это предлагает г. Сазонов, представительства христиан.

Что касается разделения оккупированных территорий на военные зоны, из коих каждая была бы предоставлена той или другой союзной державе, то г. Делькассе разделяет мнение г. Сазонова, согласно каковому создание подобных зон имело бы единственной целью оборону этих территорий против врага и общественную безопасность, в то время как администрация, сосредоточенная в руках трех высоких комиссаров для всей оккупированной территории, была бы объединена. При этих условиях не представляется правдоподобным, чтобы взаимоотношения между главным военным командованием и советом высоких комиссаров могли привести к столкновениям. Французское правительство охотно бы согласилось, на случай, если эта надежда не оправдается, чтобы конфликты, которые не могли бы быть полюбовно улажены на месте между гражданскими и военными властями, были бы разрешаемы их правительствами. Французское правительство равным образом весьма охотно примет предложение г. Сазонова о признании в будущем генерала Гамильтона главнокомандующим оккупационными отрядами в Константинополе.

Оно льстит себя, наконец, надеждой, что принятие российским правительством вышеизложенных принципов включает признание:

1) Необходимости соглашения с иностранными подданными касательно изменений, которые повлечет за собой будущий статут Константинополя в осуществлении их прав, вытекающих для них из законных контрактов, заключенных при турецкой власти.

2) Сохранение в силе франко-турецких контрактов и соглашений, утвержденных императорским ирадэ 21 апреля 1914 года. Несколько из этих контрактов не могли быть снабжены до политического разрыва подписями заинтересованных сторон, несмотря на данную им ирадэ санкцию, но тем не менее они окончательны и составляют одно целое, взамен которого Порта успела реализовать предоставленный ей турецкий заем 1914 г.

Эти последние два пункта были уже впрочем упомянуты в телеграмме г. Делькассе от 21 марта 1915 г., с которой его превосходительство г. Сазонов благоволил в своей памятной записке от 24 марта высказать полную солидарность.

№ 346. Вербальная нота японского посольства министру иностранных дел.

19/6 июля 1915 г.

L'ambassade impérial du Japon a eu l'honneur, en date du 12 mars /27 février a. c., de prier le ministère des affaires étrangères de vouloir bien faire les démarches nécessaires auprès des autorités compétentes au sujet de l'ouverture de la Banque de Chosen à Vladivostock [1].

---

[1] Отношением от 19/6 июля № 8598 Барк уведомил Сазонова в ответ на соответствующий запрос м-ва ин. дел (от 17/4 марта за № 1012), что, по сношении с м-ром торг. и пром., он «затруднился бы высказаться за удовлетворение ходатайства японского посольства», так как «размеры товарообмена с Японией не

L'ambassadeur du Japon serait très reconnaissant au ministère des affaires étrangères s'il voulait bien lui faire connaître la décision du gouvernement russe à ce sujet [1].

Перевод.

Императорское японское посольство имело честь 12 марта/27 февраля просить министерство иностранных дел благоволить войти в надлежащие сношения с подлежащими властями касательно открытия отделения Корейского банка во Владивостоке.

Японский посол был бы весьма признателен министерству иностранных дел за сообщение ему решения российского правительства по этому вопросу.

№ 347. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 3469 [2]. 19/6 июля 1915 г.

Je me réfère à mon télégramme No 21 [3].

Nos futures relations avec le Japon continuent à me préoccuper. Les rapports de notre ambassadeur à Tokio et mes entretiens avec le baron Motono prouvent qu'au Japon l'idée d'un rapprochement plus étroit avec la Russie est sérieusement discuté au sein du gouvernement. On y penserait même à une alliance en règle. Il me paraît d'autant plus nécessaire d'aller au-devant de ces tendances qu'en les négligeant nous risquerions de favoriser les intrigues allemandes dont notre ambassadeur nous a signalé la présence et de nous trouver après la guerre devant une orientation de la politique japonaise tout en faveur de l'Allemagne [4]. Le caractère ombrageux des Japonais et leur amour-propre de nation nouvellement arrivée à la situation d'une grande Puissance doivent être pris dans ce cas en sérieuse considération. Une pareille éventualité aurait des suites périlleuses [5] pour la cause commune de la Russie et de ses alliés car elle nous obligerait à partager nos forces entre la défense de notre situation en Europe et en Extrême Orient. Je suis pourtant

---

вызывали бы необходимости открытия во Владивостоке проектируемого отделения», и оно весьма важно для Японии «по соображениям иного характера, а именно в целях облегчения экономического завоевания рынков Манчжурии и, быть может, даже Восточной Монголии».

[1] На полях публикуемого документа имеется надпись синим карандашом рукой Казакова: «Отклонено устно».

[2] Лит копия.

[3] См. т. VII, № 9.

[4] См. № 229.

[5] Далее зачеркнуто: «que je ne saurais qualifier de moins que désastreuse» (что я не могу назвать иначе, как бедствием).

trop convaincu de la nécessité de maintenir nos relations actuelles avec l'Angleterre pour rien entreprendre du côté du Japon sans avoir consulté le gouvernement britannique et sans entente [1] préalable. Dans mes idées, la condition essentielle pour que nos accords politiques avec le Japon portent les fruits que nous en attendons, est que ces accords soient conclus de concert [2] avec l'Angleterre. C'est pourquoi j'ai été partisan d'une entente à trois entre la Russie, l'Angleterre et le Japon avec ou même sans la participation de la France. Ce projet favorablement envisagé tant à Londres qu'à Tokio, n'a pu être réalisé jusqu'ici grâce à ce que les ministres des affaires étrangères anglais et japonais en remettaient la négociation jusqu'à après la guerre. Il me semble que Sir E. Grey et le baron Kato se croyaient mutuellement désireux de ne pas hâter cette affaire. Pour rompre la glace et afin de préparer le terrain pour la réalisation de cette combinaison politique [3], il me semble utile que nous débutions dès à présent par une proposition au gouvernement japonais d'adhérer officiellement à notre convention du 5 septembre 1914. Je me chargerai volontiers de m'expliquer à ce sujet avec le gouvernement japonais. Mais j'ai lieu de croire qu'un mot dans ce sens de Sir E. Grey à l'ambassadeur du Japon est nécessaire pour prouver aux Japonais qu'il s'agit d'un acte qui, malgré son caractère formel, aurait la double signification [4] de mettre le Japon sur un pied d'égalité avec les Puissances de la triple Entente dans le conflit actuel et de servir dans l'avenir de préface à d'autres actes d'une importance plus grande encore pour le Japon.

Veuillez nous télégraphier les résultats de vos explications avec Sir E. Grey dans le sens de ce télégramme.

Sazonow.

Перевод:

Ссылаюсь на мою телеграмму № 21.

Меня продолжают озабочивать наши будущие отношения с Японией. Донесения нашего посла в Токио и мои беседы с бароном Мотоно доказывают, что в Японии мысль о более тесном сближении с Россией серьезно обсуждается в правительственных кругах. Там даже, повидимому, помышляют о формальном союзе. Мне представляется тем более необходимым пойти навстречу этим пожеланиям, что, пренебрегая ими, мы рисковали бы способствовать германским проискам, о которых доносил наш посол, и очутиться после войны перед фактом ориентации

[1] «Entente» вместо зачеркнутого: «son consentement».
[2] «Conclus de concert avec» вместо зачеркнутого: «approuvés par».
[3] Далее зачеркнуто: «précieuse».
[4] «Signification» стоит вместо зачеркнутого: «importance».

Японии полностью в сторону Германии. Обидчивый характер японцев и их самолюбие нации, недавно сделавшейся великой державой, должны быть серьезно приняты во внимание. Подобная возможность имела бы последствия, пагубные для общего дела России и ее союзников, так как заставила бы нас поделить наши силы между защитой нашего положения в Европе и на Дальнем Востоке. Я однако слишком убежден в необходимости сохранения наших настоящих отношений с Англией, чтобы предпринять какие-либо шаги в сторону Японии, не посоветовавшись с британским правительством и не придя с ним к предварительному соглашению. Как я полагаю, существенным условием ожидаемой плодотворности наших политических соглашений с Японией является, чтобы эти соглашения были заключены согласованно с Англией. Поэтому я и был сторонником тройственного соглашения между Россией, Англией и Японией с участием или даже без участия Франции. Этот проект, встреченный сочувственно как в Лондоне, так и в Токио, не мог быть до сих пор осуществлен ввиду того, что английский и японский министры иностранных дел откладывали открытие переговоров по этому вопросу до окончания войны. Мне кажется, сэр Э. Грей и барон Като приписывали один другому желание не спешить с этим делом. Для ускорения и подготовки подобной политической комбинации я считаю полезным начать дело теперь же предложением японскому правительству официально присоединиться к нашей конвенции 5 сентября 1914 г. Я бы охотно взялся объясниться по этому поводу с японским правительством, но я имею основания считать необходимым, чтобы сэр Э. Грей в этом смысле переговорил с японским послом, с целью доказать японцам, что речь идет о дипломатическом акте, который, несмотря на его формальный характер, имел бы двойное значение: поставить Японию в нынешнем конфликте на равную ногу с державами Тройственного согласия и явиться подготовкой к другим актам, имеющим для Японии еще большее значение.

Благоволите протелеграфировать нам о результатах ваших переговоров в смысле настоящей телеграммы с сэром Э. Греем.

Сазонов.

№ 348. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому.

Телеграмма № 3474. 19/6 июля 1915 г.

Ввиду согласия всех союзников на мое последнее предложение [1] благоволите, сговорившись с вашими сотоварищами, запросить Братиану в смысле моей телеграммы № 3369 [2]. При этом вы можете ясно дать ему понять, что, если он выразит готовность связаться пятинедельным сроком для выступления, державы согласятся на все выставленные им до сих пор требования.

Сазонов.

---

[1] См. № 310.

[2] См. стр. 398, прим. 1.

№ 349. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 387. 19/6 июля 1915 г.

Копия сообщается в Ургу, Хайлар и Чанчунь.

Вай-цзяо-бу сообщает, что из полуофициального источника ему известно, что японский офицер Миора, под видом аптекаря, отправился к Бабучжабу с предложением денег и оружия для движения на Долон-Нор с целью добиться независимости Барги.

Крупенский.

№ 350. Памятная записка французского посольства министру иностранных дел [1].

20/7 июля 1915 г.

D'après les renseignements donnés par le ministre de France à Sofia, l'inquiètude qu'avait causée l'éventualité d'une offensive austro-allemande dans le voisinage de la frontière serbo-bulgare s'est entièrement dissipée ces derniers jours, car on aurait reçu des informations sûres indiquant que toute tentative en ce sens a été abandonnée par les Austro-Allemands.

D'autre part, les Serbes ne feraient rien, d'après les mêmes renseignements, pour reprendre la lutte momentanément suspendue et se contenteraient de procéder à une invasion progressive du territoire albanais.

On parle même du récent voyage à Nich d'une personnalité neutre qui aurait été reçue non seulement par Mr. Pachitch, mais aussi, croit on, par les chefs de la ligue militaire que l'on présente comme les véritables maîtres de la politique serbe. Le bruit court à Sofia qu'une entente serait intervenue au cours de ces entretiens et que la Serbie ne quittera pas sa position expectante tant que le sort des Puissances de l'Europe Centrale sera encore douteux.

Перевод.

Согласно сведениям, сообщенным французским посланником в Софии, беспокойство, вызванное возможностью австро-германского наступления по соседству с сербо-болгарской границей, за последние дни вполне рассеялось, так как, будто бы, получена информация, указывающая на то, что австро-германцы отказались от всякой подобной попытки.

С другой стороны, по тем же сведениям, сербы ничего не предпринимают, чтобы возобновить временно приостановленные военные действия, и ограничатся

[1] Лит. копия.

тем, что приступят к постепенному занятию албанской территории. Говорят даже о недавнем посещении Ниша нейтральным лицом, которое было принято не только Пашичем, но, повидимому, также главарями военной лиги, которые считаются настоящими руководителями сербской политики. В Софии ходят слухи, что в течение этих бесед состоялось соглашение и что Сербия не откажется от своей выжидательной позиции, пока судьба держав Центральной Европы будет еще сомнительна.

№ 351. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 443. 20/7 июля 1915 г.

«Journal de Genève» в № от 11 июля поместила известие, будто великий герцог гессенский посетил Петроград. Здешняя печать это, разумеется, не воспроизвела, но ввиду того, что женевская газета здесь очень распространена, было бы весьма желательно, чтобы мне было разрешено опровергнуть в разговорах и, если представится удобный случай, — в печати это известие, вызывающее здесь некоторую тревогу[1].

Извольский.

№ 352. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 234 [2]. 20/7 июля 1915 г.

Сюда приехал на-днях из Берлина директор «Deutsche Bank» Монкевиц. В разговоре с одним русским, коему, очевидно, поручено было мне это передать, директор упомянутого банка высказал горячее желание берлинских правительственных кругов добиваться отдельного мира с Россией. Во всей Германии чувствуется де бесцельность борьбы с восточной соседкой, против которой, якобы, не питают никакой злобы; Германия готова была бы предложить России для замирения то, что издавна составляло историческую нашу цель, а именно Константинополь и Проливы, вознаградить Турцию Египтом; кроме того, можно было бы разграничиться удобнее, отдав Германии восточную часть (....сувки), а России — часть Восточной Галиции. Сопоставляя эти предложения Монкевица, хорошо известные и Луциусу, с недавними хвалебными отзывами Свена Гедина о русской армии, очевидно, навеянными из германской главной квартиры, можно заключить, что,

---

[1] Нератов тел. от 21/8 июля за № 8092 предлагал Извольскому «категорически опровергнуть ложное известие о гессенском визите».

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 375, № 333.

*

несмотря на повсеместное движение германских войск вперед на восточном фронте, в Берлине сильно озабочены дальнейшим течением войны и конечными ее последствиями [1].

Н е к л ю д о в.

№ 353. Поверенный в делах в Сербии министру иностранных дел.

Депеша № 29. **20/7 июля 1915 г.**

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сегодня Иованович, по поручению Пашича, передал мне содержание письма, полученного на-днях королевичем Александром от бывшего сербского посланника в Константинополе г. Ненадовича. Последний, как известно, состоит в родстве с королем Петром и, кроме того, поддерживает весьма дружеские отношения с королевичами. В настоящее время г. Ненадович проживает в Тараспе (Энгадин, Швейцария).

Письмом от 12 июня он сообщил престолонаследнику нижеследующее:

Некто Карл Рене, германско-подданный (Karl René, Königlich-Preussischer Geheimer Hofrath und Consul) [2], бывший редактор газеты «Post», состоявший в свое время, согласно его заявлению, на доверительной службе у министра внутренних дел Плеве, поведал Ненадовичу, что в Германии существует партия сторонников мира (Friedenspartei), во главе которой стоит князь Бюлов. Эта партия желала бы вступить в переговоры с Россией, только с Россией. Затруднительным является подыскание соответствующих посредников между Германией и Россией, и г. Рене полагал бы, что Сербия могла бы сыграть эту роль. Он с своей стороны тоже предлагает свои услуги в качестве немецкого

---

[1] Ссылаясь на эту свою тел., Неклюдов телеграфировал от 23/10 июля за № 241 (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 375, № 334), что «германская пресса и германский здешний агент распространяют, что в ближайшем времени после ожидаемого решительного боя в районе Вислы и, разумеется, победы германских войск, Россия немедленно склонится на переговоры о сепаратном мире, по которому она получит Проливы, а Германия — Польшу. Телеграмма Петроградского агентства от 4 августа/22 июля, передающая мнение наших военных авторитетов о неминуемом бое, который для нас решит всю кампанию, рассматривается здесь в биржевых и политических кругах как полное подтверждение германских ожиданий. Здесь выставляют телеграмму как заблаговременное извещение о неминуемом русском поражении, после которого нам не останется иного выхода, как заключить небезвыгодный мир».

[2] «Карл Рене, королевский прусский тайный советник и консул».

делегата. Встреча делегатов могла бы состояться в Швейцарии или в Швеции, и тогда он, Рене, представил бы все необходимые удостоверения и полномочия.

Изложенное Пашич доводит до моего сведения на случай, если бы оказалось желательным дать г. Рене какой-либо определенный ответ.

Я поблагодарил г. Иовановича за сообщение, сказав однако, что, по моему мнению, предложение г. Рене заслуживает внимания только как благоприятный для нас симптом[1].

Примите и пр.

В. Штрандтман.

№ 354. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 396. 20/7 июля 1915 г.

№ 2[2].

Дополнение моей телеграммы за № 393[2].

Таможенные данные за последние месяцы показывают уменьшение по сравнению с прежними годами почти на половину. Из статистических данных с 9 марта по 9 мая видно, что уменьшение это распределяется пропорционально между северными и южными[3], выражаясь падением поступлений в Арабистане и Азербайджане и увеличением в Бушире и Астаре. Ввиду этого, повидимому, представлялось бы возможным, предполагая ежемесячную субсидию персидскому правительству в 300 000 рублей, разделить последнюю поровну между Россией и Англией, при условии возмещения из ежемесячных таможенных поступлений Севера — в пользу России и Юга — в пользу Англии. Остаток от этого распределения должен был бы (пойти) на уплату установленных раньше аннуитетов по долгам персидского правительства русскому и английскому банкам при строгом разделении южных

[1] Сообщено в копии Кудашеву при препроводительном письме от 22/9 июля за № 826 с пояснением, что «министр иностранных дел не счел нужным что-либо ответить по сему поводу г. Пашичу».

[2] Тел. от 19/6 июля за № 393 (№ 1) Эттер сообщал Сазонову, что под № 2 тел. от 20/7 июля за № 396 (см. публ. докум.) препровождаются «соображения Косминского, разделяемые Маклеиом», по поводу оказания финансовой поддержки персидскому прав-ву. Полагая, что «вопрос об авансе должен будет отпасть в случае появления у власти министерства в новом составе». Эттер указывал, что, в случае «сохранения старого (министерства) без изменений наша поддержка наилучшим образом выразилась бы немедленным приступлением к переговорам об авансе».

[3] Очевидно, пропущено: «таможнями».

и северных поступлений. Если принять за среднюю норму для текущего года поступления с 9 марта по 9 мая, что вполне вероятно, то в северных таможнях, по возмещении русской части ссуды в 150 000 рублей, оставалось бы в месяц кругло 80 000 на частичное погашение аннуитета, а для южных 30 000 рублей. Таковое распределение остатков будет покрывать около четверти обязательных аннуитетов из таможенных поступлений, но в то же время будет вполне пропорциональным с действительными размерами платежей русскому и английскому банкам. Маклен считает предлагаемую схему приемлемой. Ретроактивный мораторий следовало бы отклонить, как потому, что возвращение уже уплаченных нашему банку сумм было бы в настоящую минуту затруднительным, так и потому, что финансовая поддержка выразилась бы в чрезмерно крупной сумме, выдача каковой персидскому правительству едва ли представляется желательной [1].

Эттер.

№ 355. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 399. 20/7 июля 1915 г

Копия в Лондон.

Телеграмма за № 3428 [2] получена.

По словам английского посланника, великобританское и индийское правительства считают себя лишенными возможности предпринять на Юге Персии какие-либо действительные меры воздействия и ограничатся, вероятно, занятием Бушира [3]. Отдавая себе отчет в за-

---

[1] 20/7 авг. Клемм телеграфировал Эттеру за № 4042, что «министр финансов не согласен» с проектом Маклена и Косминского, предлагая взамен этого выдачу персам совместно с англичанами новой краткосрочной ссуды с причислением к капитальной сумме последней всех просроченных платежей по прежним долгам. «Телеграфируйте ваше заключение, — писал Клемм, — а равно размер той суммы, которую пришлось бы фактически предоставить персам, и как вы полагали бы обставить это дело».

[2] Тел. от 16/3 июля за № 3428 Персиани передавал тел. Бенкендорфа от 14/1 июля за № 466 (см. № 315).

[3] См. стр. 405, прим. 3. В письме от 10 сент./27 авг. Эттер писал Сазонову: «Занятие Бушира и поднятие над городом английского флага представляет собой главнейшее затруднение между правительством и английской миссией в данную минуту. Компромисс не найден, и затруднение грозит разрастись в серьезное столкновение. Подогреваемое германо-турецкими агитаторами возбуждение южного населения против англичан быстро растет, и расправа в скором времени воинственных племен с малочисленным, к сожалению, десантом весьма вероятна».

трудпительности для нас в настоящую минуту давления на Севере, английский посланник тем не менее признавал бы проявление нами солидарного образа действий весьма своевременным. Не могу не согласиться с тем, что дальнейшее воздержание от репрессивных мер с нашей и английской стороны и наш выжидательный и впредь образ действий не могут не послужить поощрением деятельности германо-турецких (агентов) как внутри Персии, так и в направлении к Афганистану. Английские консульские агенты снабжены, правда, денежными средствами для возможного использования местных племен Кермана и Хорасана, между которыми однако, к сожалению, находятся и сунниты, более сочувствующие туркам и афганцам.

Эттер.

№ 356. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

Телеграмма № 3516. **21/8 июля 1915 г.**

Общее политическое положение в Персии приняло столь смутный и тревожный характер, что, если нами не будет принято в близком будущем энергичных мер для водворения там спокойствия, я не могу не предвидеть возникновения в самой Персии и в Афганистане положений, весьма для нас опасных. Поэтому прошу ваше высокопревосходительство доложить от моего имени августейшему верховному главнокомандующему нижеследующее:

В Персии ведется немцами и турками широкая агитация с целью восстановить против нас население страны и руководящие круги. Центром избрана Исфагань, куда за последние месяцы беспрестанно прибывали германские офицеры и нижние чины, между прочим, бежавшие из России германские и австрийские пленные, транспорты оружия, пулеметы, снаряды и даже, по слухам, орудия. Подробности вы найдете в документах, периодически сообщаемых директору дипломатической канцелярии при главнокомандующем. На агитацию тратятся большие средства, формируются банды из разбойничьих племен и из подонков городского населения. Немцам удалось заручиться симпатиями персидской жандармерии. Хотя шведские инструкторы последней ведут себя теперь корректно по отношению к русским, однако их симпатии вовсе не на нашей стороне, и, в случае осложнений, жандармерия, вероятно, окажется в числе наших противников. Длительность министерского кризиса, выхода из которого до сих пор не видно, а в особенности возможность вступления во власть враждебного нам кабинета, способствуют еще большему ухудшению общего положения

В Афганистане тоже наблюдается глухое брожение. Британское правительство, еще недавно уверенное в том, что Афганистан останется нейтральным, начинает теперь питать сомнение на этот счет и, продолжая верить в решимость самого эмира соблюдать нейтралитет, считает все же возможным, что у него не хватит энергии и, может быть, реальной силы, чтобы воспротивиться движению внутри страны, если население само подымется против России и Англии. В настоящий момент из Исфагани двигаются, повидимому, по направлению в Афганистан караваны немецких агитаторов с военным снаряжением, в сопровождении шаек, набранных из местного населения. Если они дойдут до Афганистана, то их агитация там будет происходить беспрепятственно, и тогда останется очень мало надежды на то, что[бы] афганцы не вмешались в войну. Поэтому в Лондоне и Дели[1] рассматривается вопрос[2] о принятии соответственных со стороны англичан мер. Одновременно британское правительство указывает на крайнюю желательность того, чтобы и мы отправили в Северную Персию некоторое количество войск, чтобы, пока еще есть время, затушить подымающееся брожение и не дать развиться широкому движению против России и Англии.

Излишне говорить, какие затруднения причинило бы нам и в военном, и в политическом отношении открытое движение в Персии против нас, вступление же Афганистана в число наших врагов явилось бы прямо опасным. Не говоря уже об отвлечении наших сил на новый театр, вступление в войну двух мусульманских держав имело бы широкий отзвук в остальных магометанских странах, может быть, повлекло бы за собой осложнения в наших средне-азиатских владениях, в Индии[3], и т. п.

Я считаю, что нет другого выхода из создавшегося положения, как применение открытой силы, то есть отсылка в Персию известного количества войск, присутствие которых в самой стране единственно может прекратить широко развившуюся агитацию и удержать враждебные нам круги населения от выступления против нас.[4] Я пола-

[1] Далее зачеркнуто: «спешно...»

[2] Далее зачеркнуто: «либо о подкупе племен восточной Персии, либо о сформировании целой англо-индийской экспедиции, чтобы захватить эти караваны и не допустить их в Афганистан».

[3] Далее зачеркнуто: «Египте и т. п. и неминуемо взволновало бы и часть верных нам и сражающихся в рядах наших войск мусульман».

[4] Далее зачеркнуто: «Размер потребных на это сил могло бы указать лишь кавказское военное начальство. Британское правительство высказывалось за посылку 5 000 человек, но я считал бы это количество слишком малым».

гаю, что экспедиционный отряд должен быть численностью около 10 000 человек, так как необходимо произвести на персов внушительное впечатление, с придачей ему, конечно, соответствующего количества артиллерии. Отряд этот должен был бы быть расположен на пути от Энзели к Тегерану, так как его задачей было бы держать столицу под постоянной угрозой и, в случае необходимости, выделять нужные силы для захвата агитаторов.

Вышеизложенные политические соображения доложены мной государю императору, и его величеству благоугодно было одобрить мой взгляд на дело и разрешить мне передать таковые на усмотрение августейшего главнокомандующего.

О решении, какое его императорскому высочеству угодно будет принять по настоящему вопросу, прошу телеграфировать [1].

Сазонов.

№ 357. Посол в Лондоне министру иностранных дел

Телеграмма № 480. 21/8 июля 1915 г.

Ai demandé à Grey s'il avait arreté son point de vue au sujet suggestion récente des quatre représentants à Sofia [2]. Il me répondit pu'il réfléchissait encore et se réservait comme [3] à vous et à Delcassé opinion définitive. Il me dit qu'il fallait considérer que suggestion des représentants ne devait être mise en pratique que le jour de la déclaration de guerre de la Bulgarie à la Turquie, que cette entrée en action Bulgarie permettrait peut-être de tirer des troupes agissant aux Dardanelles un détachement suffisant pour occupation de la rive gauche du Vardar et que si par ce moyen coopération bulgare pouvait être obtenue, elle serait d'importance capitale en influant directement sur la Roumanie et probablement sur la Gréce. En tout cas, me dit Grey, rien ne peut être fait sans l'assentiment de la Serbie. Grey me dit qu'il avait raison de croire que Pachitch ces derniers jours était devenu plus traitable. Grey pense que retraite même de nos troupes en Pologne peut avoir contribué à modifier dispositions jusqu'ici intransigeantes de la Serbie. Tout récemment il a eu entretien avec le ministre serbe qui a confirmé ses impressions à ce sujet. C'est après cet entretien qu'il a expédié à Des Graz le télégramme destiné à encourager ces tendances et à sonder terrain. Ce télégramme communiqué à Buchanan est encore sans réponse. Si la Ser-

[1] См. стр. 491, прим. 1.
[2] См. № 338.
[3] Так в оригинале (очевидно, должно быть: «communiquer»).

bie reconnaissait en dernière heure la nécessité des concessions à la Bulgarie après la paix, elle accepterait peut-être l'occupation provisoire d'une partie de la Macédoine qui la garantirait du danger des bandes et d'attaques subites bulgares. Grey me répéta qu'il me communiquait ses réflexions, qu'il désirait mûrir avant de se décider. Grey m'a paru très porté à ne laisser échapper aucune occasion qui pourrait décider Bulgarie et insister sur le point que le danger de conflit serbo-bulgare pourrait être écarté, si la Serbie pouvait être persuadée. Selon ses indications cela serait devenu possible. Il préfère occupation et administration par les alliés, occupation directe bulgare étant beaucoup trop dangereuse. Difficulté sera de trouver nombre suffisant de troupes. D'après mes informations d'aujourd'hui les forces anglaises aux Dardanelles montent à 8 divisions, après arrivée de 3 divisions supplémentaires déjà en route cela fera 11 divisions, ... divisions. Les alliés disposeront par conséquent dès les premiers jours d'août de 13 divisions, à peu près 260 000 hommes.

Benckendorff.

Перевод.

Спросил у Грея, выяснил ли он свою точку зрения на недавнее предложение четырех представителей в Софии. Он мне ответил, что еще обдумывает его и имеет в виду сообщить вам и Делькассе окончательное свое мнение. Он мне сказал что следует признать необходимым выполнить предложенное представителями лишь в день объявления Болгарией войны Турции что это выступление Болгарии позволит выделить из числа войск, действующих у Дарданелл достаточно сильный отряд для занятия левого берега Вардара и что если этим способом содействие Болгарии могло бы быть обеспечено, то оно имело бы решающее значение воздействуя непосредственно на Румынию и, быть может, на Грецию. Во всяком случае, сказал мне Грей, ничего нельзя сделать без согласия Сербии. Грей добавил, что по его сведениям Пашич за последние дни стал сговорчивее. Грей думает, что именно отступление наших войск в Польше могло отчасти повлиять на изменение неуступчивой позиции Сербии. Совсем недавно он вел беседу с сербским посланником, которая подтвердила это его впечатление. После этого разговора он послал телеграмму Де Гра, имеющую целью подкрепить это настроение и позондировать почву. Эта телеграмма, сообщенная Бьюкенену, остается еще без ответа. Если Сербия в последний момент признает необходимость уступок Болгарии после заключения мира, то она согласится, быть может, на временную оккупацию части Македонии, что гарантировало бы ее от опасности набегов банд и внезапного нападения болгар Грей мне повторил, что он поведал мне свои соображения, которым он хотел бы дать созреть, прежде чем принять решение. Грей, мне кажется, очень склонен не упускать ни одного случая, который мог бы заставить Болгарию решиться [на выступление], и настаивать на том, что опасность сербо-болгарского конфликта могла бы быть устранена, если удастся убедить Сербию. По его сведениям, это стало возможным. Он предпочитает союзни

ческую оккупацию и администрацию так как непосредственно-болгарская оккупация чересчур опасна. Затруднительно лишь найти достаточное количество войск. По полученным мной сегодня сведениям, английские военные силы в Дарданеллах достигают 8 дивизий; после прибытия трех дополнительных дивизий, находящихся в пути, это составит 11 дивизий, ... дивизий. Таким образом в первых числах августа союзники будут располагать 13 дивизиями, приблизительно 260 000 человек.

Бенкендорф.

№ 358. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 258. 21/8 июля 1915 г.

Министр иностранных дел отнесся отрицательно к (шаг)у [1] представителей Согласия в Софии. Он считает неисполнимыми как передачу ныне же Македонии в болгарские руки, так и занятие ее державами Согласия. Он высказал убеждение, что не следует запрашивать болгар об их условиях, а надлежит сообщить им в категорической форме, не подлежащей изменению, те выгоды, которые державы предоставят им в случае их выступления, оставив Болгарии затем поступить, как она знает. Он полагает, что такой образ действий отнимет у болгар надежду на возможность выторговать новые уступки и побудит их скорее принять решение.

Гирс.

№ 359. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 260. 21/8 июля 1915 г.

Полагаю, что выраженное Соединенными Штатами согласие отправить военное судно в Смирну за итальянскими подданными и одержанная на-днях итальянцами победа над австрийцами, могущая придать им смелость, создают атмосферу, при которой державы Согласия могли бы указать Италии на необходимость выяснить официальное ее отношение к Турции и Германии. Желательно, чтобы такое указание было сделано в вполне дружеской форме, не задевая самолюбия итальянцев, и по предварительному согласию с Францией и Англией, хотя и не коллективно.

Гирс.

---

[1] Очевидно — «к проекту».

№ 360. Сообщение сербской миссии в Петрограде министру иностранных дел [1].

22/9 июля 1915 г.

Le gouvernement royal de Serbie a l'honneur de soumettre au gouvernement impérial une nouvelle demande d'avance de fonds motivée, cette fois encore, par la nécessité de faire face à nos dépenses de guerre.

Le 5 février dernier nouveau style les ministres des finances de Paris, de Pétrograd et de Londres, réunis à Paris, nous ont accordé 150 millions de francs applicables aux cinq premiers mois de l'année 1915. Nous les avons retirés par fractions et ils seront prochainement épuisés.

Il nous serait nécessaire qu'une somme égale nous fût accordée en principe pour être appliquée aux mois de juin, juillet, août, septembre et octobre.

Il convient de remarquer que nous limitons l'aide demandée au strict minimum et que nous parvenons à ce qu'elle ne dépasse pas le chiffre adopté dès l'origine, de trente millions mensuels. Et cependant nos charges n'ont cessé de croître tant à cause de la hausse considérable des denrées employées à l'alimentation des hommes et des animaux qu'à cause de la refection et de l'extension de nos moyens de transport.

Si la Triple Entente veut bien nous consentir cette avance, nous pouvons lui indiquer dès maintenant les dates auxquelles il importerait que ces versements nous fussent faits. La part de juin et de juillet, soit 60 millions de francs, pourrait être mise à notre disposition à la fin du mois de juillet sans nouvelle demande de notre part.

La part d'août, soit 30 millions, serait attendue pour la fin d'août; la part de septembre, soit 30 millions, serait attendue pour la fin de septembre; celle d'octobre, soit 30 millions, pour la fin d'octobre.

Le gouvernement royal saisit cette occasion de renouveler au gouvernement impérial l'expression de notre profonde gratitude pour l'aide qu'il nous donne si généreusement [2].

Перевод.

Сербское королевское правительство имеет честь представить императорскому правительству новую просьбу об авансе денежной суммы, и на этот раз вызванную необходимостью покрыть военные расходы.

[1] Публикуемый документ препровожден в м-во ин. дел серб. миссией в Петрограде при записке от 22/9 июня за № 1029.

[2] «Запиской» от 22/9 июля за № 782 м-во ин. дел уведомило Спалайковича, что «великобританским правительством выплачена ныне банкирам сербского правительства за счет России соответственная часть авансов в 150 000 000 франков».

5 минувшего февраля нового стиля французский, русский и британский министры финансов съехавшиеся в Париже, предоставили нам 150 миллионов франков на расходы в течение первых пяти месяцев 1915 г. Мы пользовались этим авансом частями, выписывая по мере надобности нужные суммы, и он будет в ближайшее время исчерпан. Для нас необходимо получение такого же аванса на расходы в течение июня, июля, августа, сентября и октября.

Следует отметить, что мы свели просимую нами помощь к строгому минимуму и что нам удастся достигнуть того, чтобы она не превышала принятую с самого начала цифру в 30 миллионов каждый месяц. Тем не менее, наши обязательства не переставали расти как вследствие значительного повышения цен на припасы, нужные для продовольствования и фуражирования армии, так и по причине необходимости исправления и расширения средств нашего транспорта.

Если Тройственное согласие соблаговолит предоставить нам этот аванс, то мы можем теперь же указать сроки, когда нам нужно было бы получить эти деньги: июньская и июльская доли, иначе говоря, — 60 миллионов франков, могли бы быть предоставлены в наше распоряжение к концу июля без новой просьбы с нашей стороны.

Августовская доля (30 миллионов) будет ожидаться к концу августа; сентябрьская (30 миллионов) — к концу сентября; октябрьская (30 миллионов) — к концу октября.

Королевское правительство пользуется этим случаем, чтобы возобновить императорскому правительству уверения в нашей глубокой признательности за столь великодушно оказываемую нам помощь.

№ 361. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

22/9 июля 1915 г.

По ходатайству датского и норвежского посланников государь император принял датчанина Андерсена [2] и норвежца Эйде (Eyde). Последний явился к его величеству с письмом от короля Гаакона, чтобы просить государя личным воздействием облегчить осуществление крупного предприятия, которое желала бы основать в России группа норвежцев, а именно: создания на порогах реки Выга разных заводов. Таким образом этот прием не имел в сущности политического значения.

Андерсен, напротив, принес лишь несколько строк от датского короля с просьбой выслушать устный доклад подателя письма. Андерсен давно лично известен государю, будучи в близких отношениях ко всему датскому королевскому дому. Он также лично знаком императору Вильгельму, а в прежнее время даже считался сторонником Германии.

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 25.
[2] См. т. VII, № 384.

Как государь об этом говорил впоследствии С. Д. Сазонову, Андерсен рассказал его величеству, что он недавно посетил Германию, где был принят императором Вильгельмом и виделся неоднократно с гг. Бетман-Гольвегом и фон Яговым. По его словам, в Германии не замечается недостатка съестных припасов и других предметов первой необходимости, но сильно развитая и раньше система кредита достигла ныне крайнего напряжения, грозя большими осложнениями. По настроению своему немцы делятся, повидимому, на два разряда; одни следуют примеру императора, находящегося под сильным влиянием адмирала Тирпица, опьянены военными успехами последних месяцев и, не сознавая опасности для внутреннего экономического положения Германии, полны надежд на неограниченное торжество последней. Другие, к которым принадлежат Бетман-Гольвег, Ягов и еще некоторые благоразумные представители правительства, весьма озабочены развитием событий и опасаются, что Германия не выдержит настоящего крайнего напряжения. Они поэтому стоят за скорейшее заключение мира, причем между ними существует лишь некоторая разница в том, что одни, и притом большинство, мечтают о заключении отдельного мира с Россией, а другие находят более выгодным сойтись с Великобританией. Все, повидимому, сходятся в одном, а именно, что считают опасной для Германии новую зимнюю кампанию.

№ 362. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

22/9 июля 1915 г.

Встретившись на набережной с великобританским послом, барон Шиллинг совершил с ним прогулку, во время которой сэр Дж. Бьюкенен весьма доверительно сообщил, что, по словам прибывшего накануне из Англии офицера, пользующегося доверием Китченера, последний весьма озабочен создавшимся положением. А именно, на западном фронте противники до такой степени укрепились, что мало надежды на возможность для которого бы из них прорвать линию укреплений и достигнуть решительного успеха. На восточном фронте обнаружившийся недостаток снабжения русской армии также не позволяет надеяться на возможность решительного наступления в близком будущем [2]. Такое положение внушает Китченеру мысль о необ-

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 24.

[2] В письме от 22/9 июля (опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 34) Кудашев писал Сазонову по поводу положения на фронте: «Как будто все больше обозначается, что война принимает характер «отечественной» войны. Это тяжело, так как такая

ходимости изыскания совершенно новых средств сдвинуть военные действия с мертвой точки, и ему, повидимому, кажется, что можно было бы попытаться нанести Австро-Германии удар с юго-востока, если бы удалось перекинуть хотя бы к весне сильную английскую армию либо через Дарданеллы, либо через Грецию и Сербию в Венгрию. Этот проект, конечно, требует еще подробной разработки, вообще является пока лишь простым предположением, осуществимость которого еще не выяснена.

Разговор коснулся также положения дел в Румынии, причем посол указывал на необходимость заключить с последней политическое и военное соглашение, не останавливаясь для этого ни перед какими жертвами, так как только этим путем можно обеспечить себя от провоза военной контрабанды через Румынию в Турцию. По этому поводу барон Шиллинг высказал послу свой взгляд, совершенно расходящийся с выраженной им надеждой. По мнению барона Шиллинга, пока мы еще ведем лишь переговоры о соглашении с Румынией, Братиану, может быть, будет стараться пропускать возможно меньше военной контрабанды из опасения рассердить державы Четверного согласия и заставить их порвать переговоры, если они увидят, что Турция снабжается припасами через Румынию. Напротив того, как только будет подписано соглашение с державами Согласия, Братиану будет, очевидно, дрожать, как бы Германия не узнала о таковом соглашении и не предупредила выступления Румынии нападением на нее; поэтому он естественно будет стремиться успокоить Германию и дать ей заверение в том, что никакого соглашения между Румынией и державами Согласия не существует; а какие же лучшие доказательства мог бы он дать Германии в подтверждение своих заверений, как не разрешение свободно провозить военные припасы в Турцию? Это тем более вероятно, что, с одной стороны, Братиану мог бы при этом надеяться, что державы Согласия все равно не разорвут раз подписанного соглашения, а с другой стороны, Румыния вовсе не заинтересована в утверждении союзников и, следовательно, России на Проливах, а потому ей нет основания препятствовать провозу в Турцию боевых припасов, которые этим самым уходили бы с того именно фронта, на котором ей самой придется сражаться.

война разорит наши коренные губернии. Но это — единственная, которую мы способны вести победоносно, как показали опыты петровских и александровских войн. Кампания 1914 — 1915 гг. показала, что на чисто завоевательные войны мы не способны».

№ 363. Памятная записка французского посольства министру иностранных дел.

23/10 июля 1915 г.

D'après un télégramme du ministre de France à Bucarest, il est presque impossible que des munitions allemandes soient passées par la Roumanie dans la direction de Constantinople. Les légations des Puissances alliées ont en effet des agents spéciaux qui exercent la plus stricte surveillance sur tous les points frontières et le gouvernement roumain leur donne toutes les indications possibles jusqu'à les aviser de l'entrée de wagons suspects sur le territoire roumain.

Or les munitions ne peuvent entrer que par deux frontières étroitement surveillées; puis, un agent très sûr se tient en permanence à Bucarest où tous les trains sont obligés de passer. Enfin, le ministre d'Angleterre a installé un agent à la sortie par Bazardjik, et le ministre de Russie en a un autre à Giurgevo (bateau à vapeur). Quant à l'agent de la légation de France, il ne cesse de se déplacer pour contrôler les entrées et sorties en douanes, en usant des pouvoirs etendus que lui a donné à cet effet le ministre des finances roumain. Il n'a pu jusqu'ici découvrir quoi que ce soit de suspect qui n'ait été aussitôt confisqué par les autorités roumaines. Aussi Mr. Blondel persiste-t-il à croire que, si des munitions arrivent à Constantinople par grandes quantités, ce n'est pas par la Roumanie qu'elles ont été expédiées.

De même un télégramme de Rome avait signalé l'arrivée à Constanza d'un bateau chargé de munitions. Or, d'aprés les renseignements fournis par les consuls des Puissances alliées, aucun navire suspect n'aurait quitté Constanza ou Soulina depuis plusieurs mois. Un seul est récemment arrivé à Constanza chargé d'essence; mais on l'a èmpêché de sortir du port où il se trouve encore actuellement.

Перевод.

Согласно телеграммы французского посланника в Бухаресте, почти невозможно, чтобы отправление германских военных снарядов в Константинополь происходило через Румынию.

Действительно, миссии союзных держав имеют в своем распоряжении специальных агентов, которые проводят самый строгий надзор на всех пограничных пунктах, и румынское правительство снабжает их всеми возможными сведениями вплоть до уведомления о прибытии на румынскую территорию подозрительных вагонов.

Военные снаряды могут прибывать лишь через две весьма строго контролируемые границы. Помимо того, очень надежный агент находится постоянно в Бухаресте, через каковой должны проходить все поезда. Наконец, английский

посланник устроил своего агента в пограничном пункте в Базарджике, а российский посланник своего — в Журжеве (с пароходом). Что касается агента французской миссии, то он постоянно разъезжает с места на место, осуществляя надзор за прохождением товаров через таможни, пользуясь широкими полномочиями, предоставленными ему в этих целях румынским министром финансов. Ему не удалось до сих пор открыть ничего подозрительного, что не было бы немедленно конфисковано румынскими властями. Поэтому г. Блондель продолжает быть уверенным в том, что если военные снаряды прибывают в Константинополь в большом количестве, то они отправлены были туда не через Румынию.

Равным образом телеграмма из Рима сообщила о прибытии в Констанцу парохода с грузом снарядов. На самом деле, по сведениям, доставленным консулами союзных держав, не было ни одного подозрительного судна, которое вышло бы из Констанцы или Сулина в течение нескольких месяцев. Недавно одно только прибыло в Констанцу с грузом бензина, но ему запретили покинуть порт, где оно и находится до сих пор.

№ 364. Английский посол в Петрограде министру иностранных дел.

Письмо. 23/10 июля 1915 г.

Personal.

My dear Sazonow,

I have received through O'Beirne a private telegram from Chirol, whom you may remember as Foreign Editor of the «Times» and who is now at Sofia on a confidential mission from the Foreign Office to the Balkan States[1].

He tells me that from information which reaches him from very trustworthy sources it is imperative that we should either secure the cooperation of the Balkan states, more especially Bulgaria, or else despatch a large expedition from home if we are to terminate the present deadlock before the bad weather which sets in October jeopardises communication with the Gallipoli-Peninsula. He even talks of the possibility of the disastrous alternative of withdrawal.

At Sofia, he tells me, there is a strong consensus of opinion that the prompt cooperation of Bulgaria could be obtained were the Allies to give her an immediate and substantial guarantee respecting the acquisition of the uncontested zone in Macedonia.

As regards Servia he says that he had heard when in Nish that the only effective way of inducing Servia to acquiesce in the cession of Macedonia to Bulgaria would be a direct and emphatic appeal from the Emperor to the Prince Regent on the lines of the telegrams exchanged in 1914[2].

---

[1] См. № 428.

[2] См. т. V, №№ 37 и 120.

Chirol adds that he is certain from the conversations which he had with Pashitch that the appeal, if it is to be effective, must be made to the Prince and to the Army. More pressure on Ministers would only bring about resignation of the Cabinet. He cannot believe that Servia will reject Russias' appeal if it is energetically backed by the Allies and the solution might be rendered less inacceptable to Servia were the cession of Macedonia to be made in the first place to the allies who would then transfer it to Bulgaria as was done in the case of Venice in 1866.

Chirol's views may perhaps interest you and I therefore send them you for your private information, as I do not wish to speak of them before Paléologue.

Buchanan.

Перевод.

Лично.

Дорогой Сазонов,

Я получил через О'Бейрна частную телеграмму от Чироля, которого вы, вероятно, помните, как иностранного редактора «Times». Он находится ныне в Софии с доверительной миссией Foreign Office в балканских государствах.

Он сообщает, что, согласно сведениям, полученным им из заслуживающих доверия источников, настоятельно необходимо, чтобы мы либо добились сотрудничества балканских государств, в особенности Болгарии, либо отправили крупный экспедиционный корпус, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки до начала октябрьской непогоды, которая будет служить препятствием для сообщения с Галлипольским полуостровом. Он даже говорит о возможности катастрофического исхода — отступления.

В Софии, по его словам, все думают, что сотрудничество Болгарии в ближайшем будущем может быть достигнуто, если бы союзники дали ей немедленную и вещественную гарантию получения ею бесспорной зоны в Македонии.

Что касается Сербии, то, как он слышал, единственным действительным способом получения от Сербии согласия на уступку Македонии Болгарии был бы непосредственный и красноречивый призыв императора, обращенный к принцу-регенту, основанный на обмене телеграмм в 1914 г.

Чироль говорит далее о своей уверенности, вынесенной из разговора с Пашичем, в том, что призыв, для того, чтобы иметь надлежащее действие, должен быть обращен к принцу и к армии. Усиление давления на министров может лишь привести к отставке кабинета. Ему представляется невозможным, чтобы Сербия отвергла русский призыв, если он будет энергично поддержан союзниками, а решение может быть сделано более приемлемо для Сербии, если уступка Македонии будет сначала сделана в пользу союзников которые затем передадут ее Болгарии, как это было с уступкой Венеции в 1866 г.

Точка зрения Чироля, быть может, будет для вас интересна а потому я вам сообщаю для вашего личного сведения, так как я не желаю говорить о ней в присутствии Палеолога.

Бьюкенен.

№ 365. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 481. 23/10 июля 1915 г.

Reçu No 3469 [1].

En ai communiqué le contenu à Grey. Il m'a répondu qu'il continuait à sympathiser avec vos projets, mais que ses renseignements ne concordaient pas entièrement avec les vôtres. Il me rappela qu'il y a près d'un an il avait sondé Kato, que celui-ci avait répondu que l'adhésion formelle du Japon au traité du 5 septembre lui paraissait superflue, attendu que, pour la conclusion de la paix, le Japon étant lié par le traité d'alliance à l'Angleterre et celle-ci à la Russie et à la France par le traité du 5 septembre, ce but se trouverait atteint. Kato avait ajouté que le projet de rapprochement ultérieur pourrait être considéré à la conclusion de la paix et comme le résultat de la guerre en commun. Grey me dit qu'à la suite d'un entretien entre Buchanan et Motono, ou celui-ci avait suggéré la possibilité d'un arrangement immédiat, il avait, il y a environ un mois, sondé Kato à neuf et obtenu même réponse que la première. Grey ajouta qu'en ces conditions il devait, avant d'agir selon votre désir, s'adresser encore une fois au gouvernement du Japon sans quoi celui-ci pourrait interpreter son action de façon défavorable. Je répondis à Grey que vos renseignements ne pouvaient pas être sans valeur, que ceci donné, vous teniez à menager l'amour-propre du Japon et que dans votre idée adhésion du Japon au traité du 5 septembre, quelque formelle que soit une pareille adhésion, devait surtout préparer des développements plus importants et constituer l'entrée en matière. Grey me répondit qu'il comprenait parfaitement ce point de vue et qu'il le prendrait en considération dans son langage à Tokio. Je fis observer à Grey que je ne pensais pas qu'il entrait dans votre idée de donner à Tokio l'impression que vous sondiez indirectement par la voie anglaise le gouvernement japonais dans le but prendre l'initiative, qu'au contraire c'est l'initiative indirecte japonaise que vous teniez à ne pas negliger, tant pour garantir nos intérêts que pour ne pas froisser le Japon. Grey me répondit, que pour éviter toute erreur à ce point de vue, il pensait mettre confidentiellement Kato au courant de vos impressions sur les dispositions japonaises et demander à ce sujet des informations qui le mettraient à même d'agir sans paraître user de pression sur le gouvernement japonais, une apparence qu'il croyait nécessaire et utile d'éviter. Grey ajouta qu'il croyait devoir employer ce moyen auquel l'obligeait la dernière et la récente réponse

---

[1] См. № 347.

que le Japon lui avait faite. Grey me dit confidentiellement qu'il avait observé que les ambassadeurs japonais avançaient parfois au delà du désir de leur gouvernements et qu'il se pourrait que Motono soit dans ce cas.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 3469.

Сообщил содержание этой телеграммы Грею. Он мне ответил, что продолжает сочувствовать вашим планам, но что его сведения не вполне совпадают с вашими. Он мне напомнил, что более года назад он зондировал Като, который ему ответил, что формальное присоединение Японии к договору 5 сентября, по его мнению, излишне, так как при заключении мира Япония окажется связанной союзным договором с Англией, а последняя — с Россией и Францией договором 5 сентября, и, таким образом, цель будет достигнута. Что касается проекта сближения в будущем, то Като добавил, что этот проект может быть рассмотрен при заключении мира как результат проведенной сообща войны. Грей мне сказал, что вследствие разговора между Бьюкененом и Мотоно, когда последний указал на возможность немедленного соглашения, он месяц тому назад снова зондировал Като и получил тот же ответ, что и при первом разговоре. Грей добавил, что при этих условиях он должен был бы, прежде чем действовать согласно вашему желанию, еще раз обратиться к японскому правительству, иначе последнее могло бы истолковать его образ действий в неблагоприятном смысле. Я ответил Грею, что ваши сведения не могли не иметь почвы, что при всем том вы считались с необходимостью не задевать самолюбия Японии и что, по вашей мысли, присоединение Японии к договору 5 сентября, как бы формально ни было подобное присоединение, должно подготовить более важные будущие выводы и быть первым шагом в этом направлении. Грей сказал, что он прекрасно понимает эту точку зрения и примет ее во внимание при своих объяснениях с Токио. Я заметил Грею, что, по моему мнению, в ваши планы не входит создать в Токио впечатление, что вы нащупываете почву косвенным путем через посредство Англии, с целью взять на себя инициативу; что, наоборот, вы не желаете пренебречь косвенной инициативой Японии как для гарантирования наших интересов, так и во избежание неприятного для самой Японии впечатления. Грей ответил, что для избежания какой-либо ошибки в этом отношении он предполагает доверительно сообщить Като ваши впечатления насчет японских пожеланий и запросить по этому поводу сведений, чтобы иметь возможность действовать, не придавая этому характера давления на японское правительство, чего, как он полагает, нужно и полезно избежать. Грей добавил, что он должен применить этот способ, к чему его обязывает последний ответ, данный ему недавно Японией. Грей мне доверительно добавил, что, по его наблюдениям, японские послы иногда заходят дальше того предела, до которого доходит их правительство, и что, быть может, с Мотоно это именно и случилось.

Бенкендорф.

№ 366. Посланник при Ватикане министру иностранных дел.

Депеша № 24. 23/10 июля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В дополнение к донесению моему от [29] 16 минувшего июня, за № 23 [1], по предмету беседы папы Бенедикта XV с представителем газеты «Liberté», имею честь сообщить нижеследующее:

По получении секретной телеграммы вашего высокопревосходительства от [3 июля] 20 июня за № 3188 [2] я решил воспользоваться заключавшимся в ней разрешением поместить в газетах опровержение известных фактов, затронутых в упомянутой беседе, так как, несмотря на объяснения, добровольно данные мне кардиналом статс-секретарем по поводу этого места беседы и сообщенные мною вашему высокопревосходительству секретною телеграммою за № 32 [3], самые обвинения против действий императорских войск и властей в Галиции как бы оставались в силе.

Одновременно с официальным сообщением кардиналу статс-секретарю содержания телеграммы штаба верховного главнокомандующего за № 7303 [4], я попросил редакцию газеты «Osservatore Romano» поместить эти сведения, как опровержение со стороны императорской миссии. Я при этом умышленно обошел всякое упоминание об участии папы в этом инциденте, сказав, что сообщение мое имеет целью «de compléter les rectifications apportées par son éminence le cardinal secrétaire d'Etat dans une conversation publiée par le «Corriere d'Italia» [5].

[1] В депеше Нелидова от 29/16 июня за № 23 сообщалось о беседе папы с представителем газеты «Liberté». В беседе этой (см. стр. 248, прим. 1) папа, по словам Нелидова, «с такой неожиданной определенностью высказывался» относительно всех вопросов, возбужденных нынешней войной, как общественных, о способах и орудиях ведения ее, так и чисто политических, например, о положении св. престола в Риме, что подлинность этого разговора, а в особенности, точность его передачи, были немедленно подвергнуты повсеместному сомнению, и с интересом ожидалось опровержение или хотя бы разъяснение со стороны св. престола».

[2] См. стр. 248, прим. 2.

[3] В тел. Нелидова от 26/13 июня за № 32 сообщалось, что согласно объяснениям кардинала статс-секретаря, «упоминанием об обвинениях, возведенных против России австрийцами,.. папа де отнюдь не имел в виду произносить суждений об образе действий России, ни даже признавать эти факты достоверными, а лишь только хотел на примере этом доказать невозможность для него произнести определенное суждение о воюющих и, в особенности, осуждение кого-либо из них».

[4] См. стр. 248, прим. 2.

[5] «Дополнить исправления, сделанные кардиналом статс-секретарем в беседе, опубликованной в «Corriere d'Italia».

Как я телеграфировал вашему высокопревосходительству [7 июля] 24 июня за № 36[1] суть наших опровержений была в точности напечатана в «Osservatore Romano» и перепечатана в «Corriere d'Italia», хотя и без всякой ссылки на предыдущие беседы и в виде как бы самостоятельного «сообщения императорской миссии».

Мой великобританский сотоварищ точно так же не удовлетворился словесными объяснениями, данными ему кардиналом статс-секретарем по поводу места беседы папы с Латапи, касавшегося Англии. Он потребовал письменного подтверждения этих объяснений и принял участие в редактировании соответственного письма к нему от кардинала статс-секретаря. В письме этом, после объяснений, почему именно папа счел возможным доверительно разговаривать с Латапи, заключается категорическое заявление, что, по мнению св. отца, применяемая Англией против Германии строгая блокада, с запрещением ввоза даже продовольствия для мирного населения, не составляет акта, противного законам, ни юридическим, ни нравственным (lois divines et lois humaines)[2], и что, следовательно, упоминая об этом в беседе с Латапи, папа не имел в виду высказать, что Англия нарушила эти законы.

Получив это письмо, сэр Г. Говард заявил намерение опубликовать заключенные в нем разъяснения, но в статс-секретариате ему возразили, что это было бы «противно этикету», так как «частные» сообщения не подлежат огласке. Тогда великобританский посланник согласился ограничиться отсылкою этого письма в распоряжение королевского министерства иностранных дел в Лондон. Он сказал мне однако, что не думает, чтобы объяснения эти были напечатаны, как значительно уже запоздавшие.

В свою очередь, и бельгийский посланник попросил статс-секретариат более точно определить ему истинное значение слов св. отца, сказанных г. Латапи по предмету нарушения бельгийского нейтралитета.

После некоторых переговоров кардинал Гаспарри написал г. Ван-ден-Гевелю официальное письмо, выдержки из коего были опубликованы в газетах и смысл коего сводится к тому, что, хотя св. престол и не имеет возможности высказаться по поводу противоречивых утверждений Бельгии, что ее нейтралитет был нарушен вступлением германских войск, и Германии, — что Бельгия сама, еще раньше войны, его нарушила мнимым соглашением с Англией, — но так как сам гер-

[1] Содержание тел. Нелидова от 7 июля/24 июня за № 36 воспроизведено с некоторыми дополнениями публикуемым документом.

[2] «Законы божеские и законы человеческие».

манский канцлер в речи в рейхстаге признал вступление войск в Бельгию актом незаконным, оправдываемым лишь военною нуждою, — то само собой разумеется, что военные действия немцев в Бельгии составляют одно из тех беззаконий, которые громко были осуждены папою в его речи в консистории 22 января нов[ого] ст[иля], и что и в беседе своей с Латапи папа не мог думать иначе.

Наконец, и замечания свои относительно Франции Бенедикту XV пришлось разъяснять и дополнять в беседе, которую он имел с редактором «Revue Hebdomadaire» г. Лоде (Fernand Laudet), коего он принял, правда, на правах личного знакомства и как бывшего секретаря французского посольства при Ватикане, — накануне того дня, когда кардинал Гаспарри сделал категорическое заявление, что после Латапи никакой журналист не будет более принят папою до конца войны.

В беседе этой, напечатанной в «Figaro» от 3 июля н[ового] стиля, папа заверял своего собеседника, что «нейтральность» его не значит равнодушие, что он горячо любит Францию, «не только католическую, но и Францию вообще», и что искренно стремится доказать это при первой возможности.

Таким образом в результате оказалось, что Бенедикту XV пришлось почти везде отказаться от суждений по поводу войны, приписанных ему г. Латапи, и это отступление, конечно, не послужило на пользу «высшему нравственному авторитету» св. престола и лишь дало новую пищу бесконечным пересудам печати об истинном отношении папы к европейской войне и преследуемых им при этом побочных целях.

Между прочим, целую бурю препирательств подняло появившееся в еженедельном сатирическом журнале «Travase» стихотворение некоего Стекетти по адресу св. отца, все отношение коего к войне и участию в ней Италии диктуется де стремлением к восстановлению светской власти. По форме и некоторым мыслям безусловно талантливое, оно, конечно, не чуждо непочтительности в выражениях относительно папы и даже веры и церкви вообще.

Протесты против этого «оскорбления главы церкви» и письменные выражения негодования и преданности св. престолу со стороны различных епархий и католических организаций были столь многочисленны, что, наконец, из среды самих этих организаций, от председателя одного из римских католических кружков г. Пио Фолки раздался голос призыва к умеренности в полемике с выражением надежды, что итальянское правительство само не допустит выступлений печати, способных нарушить единодушие, столь нужное нации перед испытанием войны.

Интересно отметить, что, пропустив стихотворение, военная цензура не пропустила на другой день первой отповеди на него «Osservatore Romano», который уже только на третий день отозвался, впрочем, довольно сдержанным протестом.

Примите и пр. **Нелидов.**

№ 367. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Телеграмма № 402. **23/10 июля 1915 г.**

No 2[1].

Nous sommes heureux d'apprendre que la Russie et ses alliés seraient disposés à se mettre d'accord avec nos revendications territoriales telles que nous les avons formulées le 25/12 juin[2]. Nous sommes disposés à conclure sur cette base un accord politique, terminant toute discussion sur ce sujet. Bien entendu, par cet accord nous nous obligerions à une coopération militaire et nous prendrions cet engagement dans l'acte réglant les frontières de la future Roumanie.

En ce qui concerne la date de l'entrée en action et afin d'éviter un malentendu, je rappelle que déjà dans notre conversation du 18 juin[3] j'ai nettement indiqué que cette date découlerait des conditions militaires dans lesquelles devait se produire notre action et j'ajoutais qu'elle impliquait aussi une entente avec les alliés en ce qui concerne les fournitures et les opérations militaires. Cependant, quoique de France on ait laissé partir quelques unes de nos fournitures, le retard dans la livraison de nos munitions, malgré les stipulations précises des contrats, est tel que cette question conserve le même caractère de gravité. D'autre part, la situation sur le théatre de la guerre a été modifiée depuis le commencement de juin. Peut on dire que la coopération de notre armée avec les armées voisines se ferait aujourd'hui dans les conditions identiques à celles d'il y a cinq semaines? S'il était reconnu que notre armée pouvait aujourd'hui se trouver pendant sa mobilisation même vis-à-vis de forces ennemies auxquelles leur situation actuelle permettrait de se retourner en masses contre nous, on voudrait bien reconnaître que notre devoir est d'éviter une situation sérieuse pour nous et dénuée d'utilité pour le but général. Le désastre auquel nous serions exposés serait

[1] Под № 402 (№ 1) Поклевский в тот же день сообщал о том, что передает за № 2 ответ Братиану, записанный посланником с его слов. Аналогичная пам. записка была передана Сазонову рум. миссией в Петрограде 26/13 июля.

[2] См. № 185.

[3] См. №№ 132, 133.

sans profit pour personne. N'y a-t-il donc pas imprudence singulière à fixer dès aujourd'hui un terme pour notre entrée en action? Nous devons tous desirer qu'elle se produise avec le plus d'efficacité possible pour le but à atteindre. Je ne doute pas que les gouvernements alliés ne soient aussi désireux que nous mêmes de voir écarté un insuccès préjudiciable à tous. Ils reconnaîtront donc l'impossibilité où nous sommes de préciser aujourd'hui le terme fixé pour notre entrée en campagne. Nous accepterons volontiers, par l'entente politique conclue avec les Puissances alliées, l'obligation de coopérer avec nos armées, mais les circonstances ne peuvent pas ne pas exercer une influence prépondérante sur la mise à exécution de nos projets. Nous sommes convaincus qu'il est nécessaire, que l'examen des conditions militaires détermine, dans la convention militaire même, les circonstances qui décideraient de la date de notre intervention ainsi que les modalités finales de la coopération militaire [1].

Poklevsky.

Перевод.

№ 2.

Мы счастливы узнать, что Россия и ее союзники склонны согласиться на наши территориальные требования, как они были изложены 25/12 июня. Мы готовы заключить на этом основании политическое соглашение, ликвидирующее все споры по этому вопросу. Само собой разумеется, что этим соглашением мы обя-

[1] Ссылаясь на помещенный в тексте документ, Поклевский в тел. от 25/12 июля за № 403 писал: «Военная конвенция должна бы, по мнению Братиану, обеспечить Румынии доставку военных припасов и определить момент нашего наступления на ближайшем к (Румынии) фронте или появление наших войск на известной линии, после чего должно последовать объявление здешним королевством войны Австрии». Коснувшись поставленного Поклевским вопроса о политическом соглашении, Братиану сказал, что «если бы переговоры о военной конвенции не привели к результату, то этим уничтожилась бы сила политического соглашения, так как оно осталось бы без применения». Поклевский отмечал, что на его, Поклевского, замечание о том, что, в случае отсрочки, Румыния «должна соответственно умерить свои политические требования», Братиану ответил, что он «ни в коем случае не может отказаться от выставленных им политических требований и что Румыния не виновна в перемене положения на театре войны, которая произошла за время столь продолжительных переговоров». «Ввиду невозможности при нынешних условиях добиться большего», Поклевский считал, «что подписание нами предложенного Братиану соглашения представило бы известные выгоды», если бы определение срока для выступления Румынии было предоставлено военной конвенции и решению большинства голосов четырех союзных и румынского штабов, но добавлял тут же, что у него «мало надежды на принятие ... Братиану» этого условия.

зались бы оказать военное содействие и что мы приняли бы на себя это обязательство в акте, регулирующем границы будущей Румынии.

Что касается даты выступления, то во избежание недоразумения, напоминаю, что уже в нашем разговоре 18 июня я точно указал на то, что эта дата будет зависеть от военных условий, при которых должно состояться это выступление, и присовокупил, что она также связана с соглашением с союзниками касательно поставок и военных операций. Тем не менее, хотя Францией и были выпущены некоторые наши заказы, но задержка в поставке нам снарядов вопреки точных условий контрактов такова, что этот вопрос сохраняет прежний серьезный характер. С другой стороны, положение на театре военных действий изменилось с начала июня. Можно ли сказать, что совместно с соседними армиями операции нашей армии будут происходить в настоящее время в условиях, тождественных с теми, которые были налицо 5 недель назад? Если признано, что наша армия очутилась бы во время своей мобилизации перед лицом неприятельских военных сил, которым их настоящее положение позволило бы перейти в массовое наступление против нас, то, вероятно, [союзники] согласятся и с тем, что наш долг избегать возможности очутиться в опасном для нас положении, бесполезном с точки зрения общей цели. Поражение, которое мы бы на себя навлекли, не было бы ни для кого полезно. Не является ли поэтому крайней неосторожностью назначить теперь же срок для нашего выступления? Мы все должны желать, чтобы оно состоялось наиболее эффективным, с точки зрения поставленной цели, образом. Я не сомневаюсь в том, что союзные правительства желают так же сильно, как и мы сами, избежать неудачи, невыгодной для всех. Поэтому они признают невозможность для нас указать в настоящее время с точностью срок нашего выступления. Мы охотно примем на себя обязательство, путем заключения политического соглашения с союзными державами, оказывать им содействие при помощи наших армий, но обстоятельства не могут не иметь решающего влияния на выполнение наших планов. Мы убеждены в необходимости того, чтобы условия военной обстановки, указанные в самой военной конвенции, определили обстоятельства, обусловливающие срок нашего выступления а равно все виды и способы военного сотрудничества. Поклевский.

№ 368. Агент министерства финансов министру финансов Барку.

Телеграмма № 1[1]. 23/10 июля 1915 г.

Arrivé ce matin, eu entretien avec Savinsky et de Panafieu, ainsi qu'avec Desclozières et Fitzmaurice.

La situation générale étant modifiée depuis quinze jours, nous sommes

---

[1] № 1 относится к отдельной нумерации телеграмм Грубе: Савинский срочной тел. от 23/10 июля за № 433 (№ 1) сообщал, что за № 2 (нумерация тел. Савинского) передается тел. Грубе м-ру фин. В тел. Сазонова Савинскому от 29/16 июля за № 3659 указывалось, что тел. Грубе «следует набирать нашим шифром и содержание их будет скорее сообщаться министру финансов, нежели при нынешнем порядке» (повидимому, при наборе их шифром м-ва фин. и посылке на имя Барка). Савинский со своей стороны тел. от того же 29/16 июля за № 453 сообщал, что условился с Грубе посылать его тел. своим шифром на имя Сазонова.

d'avis que l'achat des céréales ne doit plus être subordonné à l'entrée en action de la Bulgarie.

Pendant notre absence les Allemands ont travaillé, et, vu que l'exportation des céréales devient libre à partir du 1-er août, ils proposent un achat sur des bases absolument commerciales, sans aucune condition politique.

Conformément à l'avis des ministres de Russie et de France, ainsi que de Mrs. Desclozières et Fitzmaurice, considérons qu'ils est tout à fait nécessaire de me donner d'urgence pleins pouvoirs pour agir dans le même sens et effectuer achat au moment opportun qui sera fixé de commun accord avec eux.

La position des alliés aux Dardanelles est considéré par les Bulgares comme critique.

Ce télégramme est lu et approuvé par Mrs. de Savinsky et de Panafieu[1].

Groubé.

Перевод.

Приехал сегодня утром, имел свидание с Савинским и Панафье, а также с Деклозьером и Фицморисом.

Ввиду изменения общего положения за последние две недели, мы полагаем, что покупка зерна не должна больше находиться в зависимости от выступления Болгарии.

Во время нашего отсутствия работали немцы, и так как вывоз зерна становится с 1 августа свободным, они предлагают покупку на чисто коммерческих основаниях без всяких политических условий.

По соглашению русского и французского посланников, а также гг. Деклозьера и Фицмориса, считаем, что совершенно необходимо снабдить меня срочно полномочиями действовать в том же смысле и произвести покупки в подходящий момент, назначенный с общего согласия.

Положение союзников в Дарданеллах признается болгарами критическим.

Эта телеграмма прочтена и одобрена гг. Савинским и Панафье.

Грубе.

№ 369. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 130. 24/11 июля 1915 г.

Sir E. Grey would be in favour of a communication to Sofia to the effect that we wish to see the situation in the Balkans permanently

[1] В тел. из Софии от 20/7 авг. за № 15 (на франц. яз.) Поляком, заместившим Грубе во время поездки в Петроград, сообщалось, что англ. прав-во предоставило 2 000 000 ф. ст. О'Бейрну и дало полномочие распоряжаться ими Деклозьеру и что он, Поляк, «после повторных бесед с несколькими депутатами-посредниками (plusieurs députés intermediaires) начал снимать в аренду склады на их имя в ожидании ответа по вопросу о полномочиях Деклозьеру».

settled; that we undertake that the condition of Servia receiving extension of territory, which we are prepared to recognise, shall be that Bulgaria receives the cession of the portion of Macedonia, which has been indicated, viz. the uncontested zone; that we will press for the cession to Bulgaria of Kavala and its hinterland when compensating advantages can be secured to Greece; that Bulgaria shall also have the Enos — Midia line in Thrace and assistance in obtaining money and ammunition, provided that she joins us within a specified time [1].

His Majesty's Government consider it would be quite possible to withdraw 1 000 of the Allied forces from the Dardanelles sufficient to make a formal occupation up to the Vardar line on the day when Bulgaria took the field against Turkey. The entry of Bulgaria would enable us to withdraw such a small force. Sir E. Grey would therefore add to Bulgaria that should Servia object to the occupation by Bulgarian troops up to the Vardar line in Macedonia simultaneously with the march of Bulgaria against Turkey, we should be prepared to make an arrangement with the Servian Government by which the occupation should be formally made by the Allied Forces [2].

In the event Bulgaria accepting these proposals a definite time must be named by which she is prepared to take the field and should she not do so in the time named all proposals would lapse.

If Bulgaria did agree to these proposals we should at once have to make the necessary communications to Servia and Greece. Sir E. Grey does not believe that in the existing military situation they would refuse to accept the proposals if the entry of Bulgaria was secured by them.

---

[1] «Приобретение бесспорной зоны Болгарией в конечном счете находится в зависимости от компенсации Сербии в Боснии и т. д. Мы можем просить Сербию уступить ее македонские провинции только в обмен на компенсации в другом месте. Но союзники могут и... если нужно откажут в признании любого расширения Сербии, пока она не уступит бесспорной зоны». Когда же «Болгария выступит против Турции, они сговорятся с Сербией о том, что союзные силы займут территорию до Вардара, в качестве гарантии для Болгарии того, что эта территория будет передана ей без затруднения, когда время для этого наступит. Конечно, Болгария даст в то же время обязательство не разрешать формирования банд для организации беспорядков в Македонии» (тел. Грея Бьюкенену от 28/15 июля за № 1612, расшифрованная и переведенная с английского в м-ве ин. дел).

[2] Гирс телеграфировал 24/11 июля за № 264, что 23/10 июля Родд сообщил Соннино предположение Грея «отделить часть дарданелльского отряда для занятия Македонии до Вардара во исполнение желания Болгарии», а 24/11 июля Империали уведомил Соннино, «будто бы сербский посланник высказал Грею личное свое мнение, что подобное предположение приемлемо для Сербии».

If the above views are shared by Mr. Sazonow, Sir E. Grey thinks that the sooner the communication is made, the better; and he would deprecate waiting until Mr. Gennadieff is ready to assist.

Перевод.

Сэр Э. Грей высказывается за вручение в Софии сообщения, в котором было бы сказано, что мы желаем, чтобы положение на Балканах было прочно урегулировано; что мы согласны на то, чтобы предоставление Сербии расширения территории, каковое мы готовы за ней признать, было обусловлено уступкой Болгарии указывавшейся части Македонии, т. е. бесспорной зоны; что мы окажем давление в целях уступки Кавалы и ее хинтерланда Болгарии, когда соответствующие компенсации будут обеспечены Греции; что мы согласны, чтобы Болгария также получила линию Энос — Мидия во Фракии и содействие в получении денег и военного снаряжения при условии, что она присоединится к нам в определенный срок.

Правительство его величества полагает, что будет вполне возможно выделить 1 000 чел. из союзнических сил в Дарданеллах для формальной оккупации [Македонии] до линии Вардара в день, когда Болгарией будут начаты военные действия против Турции. Выступление Болгарии позволит нам изъять [с дарданелльского фронта] столь незначительные силы. Сэр Э. Грей поэтому полагал бы необходимым, сверх того, сказать Болгарии, что если бы Сербия возражала против занятия болгарскими войсками территории до линии Вардара в Македонии одновременно с выступлением Болгарии против Турции, то мы были бы готовы заключить с сербским правительством соглашение, по которому оккупация формально будет выполнена союзными военными силами.

В случае если Болгария примет эти условия, то должен быть назначен определенный срок, в который она готова начать военные действия, а если она этого не сделает в этот срок, то все предложения теряют свою силу.

Если Болгария согласится на эти условия, мы должны сразу же сделать необходимые сообщения Сербии и Греции. Сэр Э. Грей не думает, что, при создавшемся военном положении, они откажутся принять эти предложения, раз выступление Болгарии благодаря им будет обеспечено.

Если высказанные взгляды разделяются г. Сазоновым, то, по мнению сэра Э. Грея, чем скорее это сообщение [Болгарии] будет сделано, тем лучше, и он очень просил бы не ожидать до тех пор, пока г. Геннадиев будет в состоянии помочь.

№ 370. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 3574. 24/11 июля 1915 г.

No 481 reçu [1].

La décision de Sir E. Grey de consulter le baron Kato au sujet des dispositions du gouvernement japonais pour conclure l'entente poli-

[1] См. № 365.

tique projetée, paraît en remettre encore la réalisation. Il y a pourtant des considérations sérieuses pour la hâter autant que possible. J'ai des raisons de croire que, si nos relations avec le Japon prenaient le caractère d'une alliance, ceci nous faciliterait l'acquistion d'armes au Japon. Il serait en effet difficile au gouvernement japonais de refuser de nous céder une partie considérable des fusils et des canons dont il dispose pour son armée s'il s'agissait d'une cession à des alliés. Par conséquent il est de l'intérêt commun des Puissances luttant contre l'Allemagne de créer avec le Japon des relations plus intimes, qui mettraient à leur disposition les provisions d'armes japonaises.

Veuillez soumettre cette considération à Sir E. Grey.

Sazonow.

Перевод.

№ 481 получен.

Решение сэра Э. Грея переговорить с бароном Като касательно намерений японского правительства по вопросу о заключении политического соглашения, повидимому, сводится к отсрочке осуществления этого плана. Имеются однако серьезные мотивы ускорить его, насколько возможно. Я имею основания полагать, что если наши взаимоотношения с Японией приобретут характер союза, то это облегчит нам приобретение оружия в Японии. Действительно, для японского правительства было бы трудно отказать в уступке нам значительной части ружей и пушек, которыми оно располагает для своей армии, если бы дело шло о снабжении ими союзников. Вследствие этого, в общих интересах держав, сражающихся против Германии, — установить более близкие отношения с Японией, что передало бы в их распоряжение японские запасы оружия.

Благоволите представить сэру Э. Грею эти соображения.

Сазонов.

№ 371. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 492. 24/11 июля 1915 г.

Noubar[1] est revenu me voir. Il me dit qu'il avait reçu à Londres un acceuil sensiblement plus favorable qu'à Paris et avait observé que les projets, dont il avait parlé et qu'il avait développés dans un memorandum rédigé spécialement pour Angleterre dont fond est pourtant le même que celui qu'il avait remis à Paris[2], avaient été discutés avec lui avec sympathie. Il a remis ce mémorandum à Nicolson et m'en a donné copie que vous transmets[3]. Je lui dis pour autant que j'étais renseigné, que

[1] См. № 215.

[2] См. стр. 254, прим. 2.

[3] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

gouvernement impérial penchait pour solution question arménienne qui comporterait autonomie, souveraineté du sultan et protectorat des trois Puissances. Je lui ai demandé, si souveraineté du sultan rentrait dans le projet contenu dans son memorandum. Il me répondit que non, qu'à titre de délégué arménien il ne pouvait pas en prendre initiative, que ce n'etait pas aux Arméniens de demander souveraineté turque, mais que si les Puissances jugeaient qu' une suprématie, purement nominale, était nécessaire, pourvu que les Turcs soient éloignés de l'administration, — les Arméniens n'auraient qu'à se soumettre à la décision des Puissances protectrices. Nubar retourne à Paris.

Benckendorff.

Перевод.

Нубар вторично посетил меня и сообщил, что в Лондоне ему был оказан гораздо лучший прием, чем в Париже. При этом он заметил, что планы, о которых он говорил и каковые он изложил в специально составленной для Англии памятной записке, общий смысл которой тот же, что и записки, переданной им в Париже, сочувственно обсуждались с ним. Он вручил этот меморандум Никольсону и передал мне копию, которую я вам препровождаю. Я ему сказал, что, поскольку я осведомлен, императорское правительство склоняется в пользу такого способа разрешения армянского вопроса, который состоял бы в предоставлении автономии при суверенитете султана и покровительстве трех держав. Я его спросил, включен ли суверенитет султана в проект, изложенный в его памятной записке. Он мне ответил отрицательно, говоря, что, в качестве армянского делегата, не может взять на себя подобную инициативу, что не армянам же просить суверенитета Турции, но что если державы признают необходимым сохранение чисто номинального суверенитета, то армянам останется лишь подчиниться решению держав-покровительниц, но при условии, что турки будут отстранены от административных функций. Нубар возвращается в Париж.

Бенкендорф.

№ 372. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 448. 24/11 июля 1915 г.

Прошу срочных распоряжений.

Ввиду тяжелых условий, в коих находились союзные волонтеры в здешнем иностранном легионе и которые привели даже к весьма печальным недоразумениям, кончившимися расстрелом восьми русских, — французское правительство, во избежание худшего, решило предоставить желающим перейти на службу в родные армии. Эта мера уже осуществлена по отношению к бельгийцам, англичанам и итальян-

цам. Подробности известны нашему военному министерству из телеграмм военного агента №№ 706[1] и 814[2]. Число освобожденных русских около 500, которых, по мнению военного агента, следует безотлагательно выдворить из Франции воинскими командами. Хотя у императорского правительства в данном случае никаких обязательств собственно не существует, тем не менее я вполне разделяю мнение графа Игнатьева о необходимости, в целях ограждения нашего достоинства, принять меры к скорейшему отправлению уволенных добровольцев на родину. Для отправления первой половины их представляется удобный и выгодный случай на пароходе, отходящем [28] 15 июля из Бреста в Архангельск за пшеницей, по цене не выше 150 франков с человека. Ввиду необходимости принять немедленное решение и невозможности долее ожидать ответа, я решил дать в распоряжение военного агента заимообразно нужную сумму для отправки первой партии в 260 человек и был бы крайне признателен, если бы вы нашли возможным энергично поддержать перед военным министерством уже возбужденное графом Игнатьевым ходатайство об утверждении специального кредита на этот расход.

Извольский.

№ 373. Посланник в Сербии товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо. **24/11 июля 1915 г.**

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Пользуюсь верным случаем, чтобы послать вам несколько строк из Ниша, куда приехал вчера. Мне пришлось задержаться сутки в Бухаресте, потому что в Болгарии дожди размыли путь. Из слов Поклевского я понял, что Братиану, не желая связать себя обозначением срока, хочет выпутаться формулой, которая предоставляла бы этот вопрос на решение штабов. Очевидно, румынский штаб обставит, в свою очередь, вопрос условиями, которые фактически не свяжут его сроком. Если это удастся Братиану, то он обойдет нас, и окажемся связанными мы, а не Румыния. Здесь я виделся с Пашичем и Иова-

[1] Тел. за № 706 соответствующего содержания в делах ВИА не обнаружена. (Имеющаяся в делах ВИА тел. за № 706 датирована 31/18 окт. и посвящена вопросу о переброске герм. частей.). В публикуемой нами тел. от 7 июля/24 июня за № 815 (см. № 257) упомянутая в тексте тел. за № 706 в основном изложена.

[2] Тел. за № 814 в делах ВИА не обнаружена. Вопрос, которому посвящен публикуемый документ, освещается в упомянутой в прим. 1 тел. от 7 июля/24июня за № 815 (см. № 257).

новичем, но в первое свидание не затрагивал щекотливых вопросов. Сербы находятся в тревожном наблюдении за тем, что делается, и, повидимому, не знаю как, по всякий раз узнают обо всех предположениях и переговорах держав на их счет гораздо раньше и больше, чем мы, представители держав. Они крайне подозрительны.

В Софии проездом я осведомился у Савинского, которого видел на вокзале, о предложении четырех посланников дать Болгарии право немедленной оккупации Македонии. Очень счастлив был узнать, что С. Д.[1] категорически высказался против этого, ибо это было бы равносильно разрешению Болгарии напасть на Сербию, — последняя сейчас ни за что не согласится отдать Македонию и будет ее защищать с оружием в руках. Предложение оккупировать Македонию союзными войсками не многим лучше, ибо я не вижу, как мы можем взять на себя или благословить наших союзников на подобную роль, которая сделала бы из Сербии нашего злейшего врага. Конечно, легче обнаружить несостоятельность подобных предложений, чем сделать свое, но все дело в том, что нельзя искать спасения в той или иной формуле или способе, раз трудность лежит в существе вопросов.

Я не вижу другого способа, кроме того, который был предложен министерством телеграммой от 8 июля/25 июня[2], а именно, чтобы гарантия Болгарии заключалась в заявлении, что державы не признают прав Сербии на такие-то территории, пока она не отдаст Македонии. Правда, это может не удовлетворить болгар, но тут нечего делать. Если они в известную минуту поймут, что союзники достигли успешного перелома в дарданелльских операциях, то это окажется сильнее всяких дипломатических увещаний, и они перейдут на нашу сторону. До тех пор переговоры, не принося пользы, не будут содействовать и престижу держав на Балканах. Так мне кажется.

Еще два слова о личном составе. Перед отъездом я просил [у] вас разрешения задержать Штрандтмана на месяц на случай, если в этот срок выяснится исход дарданелльских операций, дабы он мог ввести Кудашева в курс дел. Если же через месяц все останется в прежнем неопределенном и затяжном положении, то я просил о скорейшей присылке Обнорского, чтобы он успел ознакомиться здесь с делами.

Возобновляю то же ходатайство с следующей добавкой. Когда выяснится, что мне надо готовиться в путь, я буду просить, чтобы Кудашев выехал сюда безотлагательно, ибо положение здесь настолько

---

[1] С. Д. Сазонов.
[2] См. № 260.

деликатно, требует такой осторожности и такта, что здешний пост нельзя оставлять без вполне солидного представителя.

Обнорский, может быть, обладает отличными качествами, но я боюсь, что он в такую ответственную минуту окажется все же недостаточно авторитетным. Не нашли бы возможным предупредить Кудашева, чтобы он был готов выехать, как только это представится нужным?

Прежде чем кончить, хотел бы добавить одно впечатление, вынесенное мной из ставки, о котором вам не писал. Меня невольно поразила ненормальность отношений между министерством и ставкой. В министерстве я слышал горькие упреки насчет ставки, в ставке я чувствовал такое же настроение против министерства. И там и здесь чувствовались какие-то ведомственные перегородки в деле и в минуту, когда их не должно быть. И я вынес убеждение, что это можно сломить откровенным, взаимным, полным объяснением, и что, следовательно, это должно сделать.

У ставки болезненное самолюбие и негодование на бездеятельность союзников, вместе с тем отношения с союзниками у них совершенно не налажены, они им не раскрывают положения, как следует, как будто ждут этого от министерства, но не хотят просить министерство об «услугах» из того же ложного чувства. Может быть, со стороны военных это мелочность и военное чиновничество, худшее из всех, но мне кажется, в такую минуту министерство не должно бы на этом останавливаться и, будучи выше этого, постараться пойти навстречу, выказать готовность, которая не может не быть оценена.

Со всеми ними можно договориться, и даже это не так трудно, но надо пробить лед. Нельзя друг с друга перелагать ответственность.

Вот мое впечатление, которое я со всей откровенностью счел долгом вам сообщить.

Примите и пр. Трубецкой.

№ 374. Директор дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо[1]. **24/11 июля 1915 г.**

Личное.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Вчера вечером, во время моего доклада начальнику штаба полученных с последним фельдъегерем литографий, в вагон вошел великий

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 35.

князь. Я как раз показывал генералу Янушкевичу телеграмму Извольского [1] и aide-mémoire Палеолога [2] о возможности существования австро-сербских негласных переговоров, причем со своей стороны высказывал сомнение в основательности подозрений французов. На это великий князь заметил, что и он этому не верит. При этом он мне вручил полученное им вчера же и переданное ему прибывшим из Сербии полковником Милоевичем письмо к нему королевича Александра. Он мне поручил снять с этого письма копию и ее прислать вам для личного вашего сведения, так как письмо это указывает на истинную ориентировку Сербии в настоящую минуту. Великий князь просил только, чтобы никому не было известно, что то, о чем пишет королевич, исходит от него и изложено в его письме к великому князю.

Копию эту при сем прилагаю [3].

Великий князь меня очень благодарил за исполнение вами его просьбы относительно Обнорского и приказал мне передать и вам его искреннюю признательность.

После ухода великого князя я еще разговаривал с генералом Янушкевичем о возможном выступлении балканских государств, о военном положении и т. д. По поводу роли Румынии Янушкевич сказал: «Теперь ее выступление, конечно, уже не так важно; лишь бы только она не выступила против нас и лишь бы не пропускала военные грузы в Турцию!» — Относительно военного положения он только вздохнул, заметив: «Придется испить чашу до дна». Затем на мой вопрос, откуда он ждет наибольшую опасность для судьбы нашей армии и Варшавы, он указал на Риго-шавельское направление. В случае дальнейшего наступления там немцев, придется очистить Варшаву и отступать.

Движение немцев, повидимому, ожидается по направлению к Вильне.

Примите и пр.

Н. Кудашев.

---

[1] См. № 341.

[2] См. № 350.

[3] К оригиналу публикуемого документа прилагалось письмо от 17/4 июля (на французском языке) королевича Александра, который, излагая причины, помешавшие серб. наступлению, заверял Николая Николаевича, что Сербия и он «полны решимости и до конца остаться верными на стороне России».

№ 375. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 132. **25/12 июля 1915 г.**

Sir E. Grey is of opinion that the consent of Servia is undoubtedly required to an occupation of a part of actual Servian territory either by Bulgaria or temporarily by the Allies, and His Majesty's Government think that Servia would listen to an appeal based on the exigencies of the political and military situation.

Sir E. Grey thinks a communication should be made to Servia to the effect that a critical stage in the war has been reached when it has become imperative for each ally to put forth his greatest effort and greatest sacrifice in order to bring the war to a successful issue.

In waging this war the Allies have made very heavy sacrifices for the purpose among other things, of preserving the existence of Servia as an independent country. The Allies have given their solemn promise that at the conclusion of a successful war Servia shall be compensated on a most generous scale and shall see the realisation of many of her political and economic aspirations. But it must be clearly understood that Servia must make her share of the sacrifices required to facilitate the stupendous task still before her and her Allies-all of whom are fighting for a common object in a common cause. In this struggle the cooperation of Bulgaria is of the greatest importance and in view of the developments that cooperation would bring about, it is most essential to the interests of Servia that she should be prepared to assist as far as lies in her power.

The Allies have little doubt that Bulgarian cooperation could be secured if Servia would consent to concede the uncontested zone; and if as further proof of her devotion to the common cause, she would consent to the Allies occupying the territories to the east of the Vardar for the duration of the war, the Allies would cede them to Bulgaria with the other portion of the uncontested zone after Servia had received all the new acquisitions which would then rightly be her due. The occupation of these districts by the Allies would guarantee to Servia perfect security from that direction so that she would be able to devote all her forces to the prosecution of the war against Austria-Hungary. The Allies feel convinced that Servia will appreciate the necessities of the situation and be ready to do her best to meet them and they would not suggest these sacrifices to her, especially after the most gallant conduct of her armies, were they not absolutely essential to final success.

Sir E. Grey would be most grateful if Mr. Sazonow would take the matter into his immediate consideration and expresses his earnest hope that Mr. Sazonow will agree to a communication in the above sense being made to Servia. The communication would of course produce for greater effect and would appeal to Servia with far more force if His Majesty the Emperor were to remind the Prince Regent of Servia at the same time that His Royal Highness about a year ago placed the fate of Servia in the hands of His Imperial Majesty and that this great war originated in an attempt to wipe Servia out of existence and in the determination of Russia not to abandon her in her hour of need. Thanks to the exertions of Russia and of her Allies the existence of Servia has been preserved from the fate which it was threatened, though at the cost of heavy sacrifices[1].

Перевод.

Сэр Э. Грей придерживается мнения, что несомненно, требуется согласие Сербии на оккупацию части нынешней сербской территории, Болгарией ли, или временно союзниками; правительство его величества полагает, что Сербия прислушается к призыву, основанному на требованиях политического и военного положения.

Сэр Э. Грей полагает, что Сербии должно быть сделано сообщение, указывающее, что война достигла критического момента, когда долгом каждого союзника становится сделать величайшие усилия, чтобы довести войну до успешного конца.

При ведении этой войны союзники несли весьма тяжелые жертвы в целях, между прочим, сохранить существование Сербии как самостоятельной страны. Союзники дали торжественное обещание, что при успешном окончании войны Сербия получит самые щедрые компенсации и достигнет осуществления многих своих политических и экономических стремлений. Но следует ясно установить, что Сербия должна принять на себя часть жертв, дабы облегчить выполнение громадной задачи, стоящей еще перед ней и ее союзниками, сражающимися за общую цель в общем деле. В этой борьбе сотрудничество Болгарии имеет величайшее значение и, ввиду последствий, которые даст это сотрудничество для интересов Сербии, весьма существенно, чтобы она была готова способствовать ему, насколько это в ее силах. Союзники почти не сомневаются в том, что сотрудничество Болгарии могло бы быть достигнуто, если бы Сербия согласилась уступить бесспорную зону, и если бы, в качестве нового доказательства ее предан-

[1] Пам. запиской от 26/13 июля за № 797 Сазонов доводил до сведения франц. и англ. послов в Петрограде о своей готовности оказать самую действительную поддержку предложенному Греем выступлению в Нише. Непосредственно к этому он добавлял, что «не может однако взять на себя ответственности представить на одобрение его величества проект прямого обращения к сербскому престолонаследнику до тех пор, пока сербское правительство не выразит принципиального согласия принять предложения союзников».

ности общему делу, она согласилась на занятие союзниками территорий на восток от Вардара на время войны и на передачу их Болгарии союзниками с остальной частью бесспорной зоны, после того как Сербия получит все свои новые приобретения, которые по праву будут являться в таком случае ее достоянием. Занятие этих округов союзниками послужит для Сербии гарантией ее полной безопасности с этой стороны и позволит ей направить все силы на продолжение войны против Австро-Венгрии. Союзники убеждены, что Сербия поймет необходимость, диктуемую положением, и будет готова сделать все возможное в связи с этим; и они не просили бы у нее подобных жертв, особенно после блестящих подвигов ее армий, если бы это не было совершенно необходимо для конечной победы.

Сэр Э. Грей был бы в высшей степени благодарен, если бы г. Сазонов неотложно обсудил этот вопрос, и твердо надеется на то, что г. Сазонов согласится, чтобы Сербии было сделано сообщение в указанном смысле. Конечно, сообщение произведет гораздо большее впечатление и сильнее повлияет на Сербию, если его величество император напомнит в то же время принцу-регенту сербскому, что около года назад его королевское высочество вручил его императорскому величеству судьбу Сербии и что великая война была вызвана попыткой уничтожить Сербию и решением России не бросать ее [на произвол судьбы] в момент бедствия. Благодаря усилиям России и ее союзников, и притом ценой тяжелых жертв, существование Сербии было спасено от судьбы, которая ей угрожала.

№ 376. Поденная запись министерства иностранных дел [1].

25/12 июля 1915 г.

Утром английский посол говорил с бароном Шиллингом по телефону о только-что полученном из Бухареста ответе Братиану [2] на поставленный ему Поклевским вопрос, согласится ли он определить срок выступления Румынии, если бы державы исполнили все его требования. Бьюкенен, смеясь, сказал, что ответ этот может быть назван «вполне удовлетворительным» с точки зрения Румынии, так как последняя, соглашаясь все приобрести, отказывается принять на себя какие бы то ни было обязательства. Считая, что подобный ответ едва ли заслуживает внимания со стороны держав, посол сказал, что, по его мнению, единственное, что остается ему сделать, это воспользоваться воскресным днем, чтобы уехать на подгородную свою дачу.

Через час после этого разговора к барону Шиллингу приехал французский посол. Он еще не имел текста ответа Братиану, но уже получил из Парижа телеграмму, выражавшую мнение, что, несмотря на неудовлетворительность означенного ответа, державам следовало бы поспешить заключением политического соглашения с Румынией, хотя

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 26.
[2] См. № 367.

бы и без определения срока ее выступления. Г. Палеолог всецело проникся этим мнением и горячо высказывался в означенном смысле.

В тот же день барона Шиллинга посетил и итальянский посол, который лишь от барона Шиллинга узнал содержание ответа Братиану. Прочитав полученную из Бухареста телеграмму, маркиз Карлотти был крайне возмущен и, вскочив со своего места, воскликнул, что, по его мнению, Братиану после этого заслуживает от держав лишь одного ответа — «un coup de pied dans le bon endroit» [1].

№ 377. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 449. 25/12 июля 1915 г.

Прошу срочных распоряжений.

Французский посланник в Бухаресте телеграфирует о беседе, которую он имел с Братиану вчера, т. е. еще до вручения Поклевскому официального ответа. По словам Блонделя, Братиану заявил ему самым положительным образом, что он готов ныне же подписать политическое соглашение и военную конвенцию с обязательством выступить против Австрии, но что, ввиду оборота, принятого военными событиями в Галиции и Польше, в настоящую минуту ему невозможно с точностью определить срок выступления; впрочем, присовокупил Братиану, военные действия должны будут во всяком случае начаться с таким рассчетом, чтобы ко времени первых снегов румынские войска находились уже по ту сторону Карпат [2]. Делькассе высказал мне живейшую надежду, что, несмотря на нежелание Братиану ныне же связать себя определенным сроком выступления, вы не упустите настоящего случая закрепить обещания румынского правительства и согласитесь на немедленное подписание политического соглашения и военной конвенции. Это, сказал он, не только окончательно свяжет судьбу Румынии с Четверным согласием, но даст возможность ныне

---

[1] «Пинок ногой в соответствующее место».

[2] Это сообщение было передано Сазоновым Поклевскому тел. от 27/14 июля за № 3611, причем указывалось, что в том случае, если Братиану подтвердит Поклевскому это заявление, Поклевский может сообщить ему, что «мы готовы приступить немедленно к обсуждению и подписанию военного и политического соглашения с Румынией на основании предъявленных ею требований». Пам. запиской от 29/16 июля Сазонов сообщал франц., англ. и итал. послам о данном им Поклевскому поручении, добавив, что «как только будет получен ответ г. Братиану, будут устранены препятствия к заключению соглашения с Румынией в момент, когда Франция и Англия придают ему такое большое значение с точки зрения операций против Дарданелл».

же потребовать от румынского правительства прекратить пропуск военных припасов в Турцию и дать Болгарии определенные обещания касательно возвращения Добрича и Балчика. Делькассе телеграфирует Палеологу, поручая ему самым настойчивым образом высказаться перед вами в вышеизложенном смысле. Со своей стороны считаю долгом сослаться на соображения, изложенные в телеграмме моей от [29] 16 июня за № 394 [1]. Ныне под впечатлением военных событий на восточном фронте здесь придают еще большее значение выступлению Румынии и с возрастающей тревогой ожидают исхода переговоров с ней. Если переговоры эти в настоящей их стадии будут прерваны, это произведет здесь крайне тяжелое впечатление и далее может пошатнуть положение Делькассе, против которого на этой почве ведется кампания в партиях и газетных кругах.

Извольский.

№ 378. Памятная записка министерства иностранных дел французскому, английскому и итальянскому послам в Петрограде — Палеологу, Бьюкенену и Карлотти.

№ 796. 26/13 июля 1915 г.

Mr. Sazonow soucieux d'arriver au plus vite à une solution satisfaisante de la situation actuelle dans les Balkans est prêt à se ranger à toute proposition visant ce but et appuyera toutes les démarches que son excellence Sir E. Grey considèrera utile de faire à Sofia, à Nich et à Athènes en conformité du programme exposé dans l'aide-mémoire de l'ambassade de sa majesté britannique en date du 24/11 juillet courant No 130 [2]. La nécessité d'une pareille démarche pourrait devenir pressante, si la réalisation des promesses de Mr. Ghénnadieff se présentait comme douteuse. Dans le cas toutefois, où l'exécution du programme de son excellence Sir E. Grey rencontrerait des difficultés de la part de la Serbie et de la Grèce [3], Mr. Sazonow croit de son devoir d'appeler l'attention du gouvernement de sa majesté britannique sur une autre forme que pourrait revêtir la garantie que les Puissances sont décidées à offrir à la Bulgarie. Celles-ci s'engageraient à refuser à la Serbie l'accès à l'Adriatique jusqu'au moment où cette dernière aurait cédé à la Bul-

---

[1] См. № 203.

[2] См. № 369.

[3] В уже упоминавшейся тел. Грея от 28/15 июля за № 1612 (см. стр. 476, прим. 1) по поводу Греции было сказано, что «уступка» последнею Кавалы «является условием любой экспансии Греции в Малой Азии».

garie la partie de la Macédoine qu'elle lui avait reconnue par le traité d'alliance de 1912. Les Détroits une fois ouverts, les alliés disposeraient de forces suffisantes pour occuper les ports de Spalato et de Raguse qu'ils remettraient entre les mains des Serbes lorsque ceux-ci auraient satisfait aux désirs des alliés. L'occupation des ports ci-dessus présenterait en outre l'avantage de faciliter les opérations militaires de l'Italie sur les côtes de l'Adriatique.

En faisant cette suggestion, Mr. Sazonow n'entend nullement la substituer à celle de son excellence Sir E. Grey: il la propose uniquement pour le cas où l'idée de l'occupation de la ligne du Vardar se buterait à un refus obstiné de la part des Serbes et des Grecs.

Si son excellence Sir E. Grey partageait cette manière de voir, le deuxième alinéa du texte proposé par son excellence Mr. Delcassé [1] pourrait être modifié dans le sens suivant:

«Elles déclarent que la possession de la Macédoine dans les limites ainsi fixées sera garantie à la Bulgarie à la fin de la guerre.

Elles s'engagent en même temps à ne pas reconnaître l'acquisition par la Serbie de la Bosnie-Herzégovine et d'un débouché sur l'Adriatique avant que la Serbie n'ait cédé à la Bulgarie la partie de la Macédoine definie ci-dessus.

En vue de donner à la Bulgarie une garantie réelle de l'exécution de cet engagement les alliés occuperont militairement les ports de Spalato et de Raguse et établiront le blocus du littoral entre ces deux ports dès que les Détroits auront été ouverts et que les forces nécessaires pour l'opération ci-dessus auront été rendues disponibles» [2].

Перевод.

Г. Сазонов, стремясь как можно скорее притти к удовлетворительному урегулированию создавшегося положения на Балканах, готов присоединиться к каждому предложению, имеющему в виду эту цель, и поддержать все шаги, которые его превосходительство сэр Э. Грей сочтет полезным предпринять в Софии, Нише и Афинах, согласно программе, изложенной в памятной записке посольства его британского величества от 24/11 текущего июля за № 130. Необходимость подобного выступления могла бы сделаться настоятельной, если бы осуществление обещаний г. Геннадиева оказалось сомнительным. На случай однако, если выполнение программы его превосходительства сэра Э. Грея встретит затруднения со стороны Сербии и Греции, г. Сазонов считает своим долгом предложить вниманию правительства его британского величества другую возможную форму

[1] См. № 174.

[2] Содержание этой пам. записки было сообщено Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу тел. от 29/16 июля за № 3681/860.

гарантии, которую державы решили предоставить Болгарии. Они могли бы взять на себя не допускать Сербию к Адриатическому морю, пока она не уступит Болгарии часть Македонии, которую она за последней признала по союзному договору 1912 г. Раз Проливы будут открыты, то в распоряжении союзников окажется достаточно сил, чтобы занять порты Спалато и Рагузу, которые они передадут Сербии, как только последняя исполнит желание союзников. Оккупация вышеуказанных портов представляла бы, помимо того, то преимущество, что облегчила бы военные операции Италии на побережьи Адриатики.

Делая это предложение, г. Сазонов нисколько не имеет в виду заменить им предложение его превосходительства сэра Э. Грея, но выставляет его лишь на случай, если бы мысль о занятии линии Вардара встретила упорный отказ со стороны сербов и греков.

Если его превосходительство сэр Э. Грей разделяет эту точку зрения, то второй абзац предложенного г. Делькассе текста мог бы быть изменен в следующем смысле:

«Они заявляют, что обладание Македонией в указанных пределах будет гарантировано Болгарии по окончании войны.

Они в то же время обязуются не признавать приобретения Сербией Боснии и Герцоговины и доступа к Адриатическому морю, прежде чем Сербия уступит Болгарии часть Македонии, определенную выше.

В целях дать Болгарии реальную гарантию выполнения этого обязательства, союзники оккупируют военными силами порты Спалато и Рагузу и установят блокаду побережья между этими двумя портами, как только Проливы будут открыты и освободятся необходимые для указанной операции силы».

№ 379. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3594 [1]. **26/13 июля 1915 г.**

Ввиду того, что мы прибегли к такой решительной мере, как отправка в Персию отряда для захвата немецких караванов, нам нечего больше стесняться с отдельными беглыми пленными, которых мы могли бы захватить на персидской территории. Поэтому консулам в Мешеде, Турбет-и-Хейдари и Бирджанде предписано в случае появления беглых в районе действий наших отрядов, арестовывать их военной силой и отправлять в Россию. Что касается Астрабада, то, ввиду особенного положения там, консулу дается аналогичное предписание, но с указанием на необходимость соблюдать особую осторожность и действовать лишь когда нет риска неуспеха [2].

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] Одновременно за №№ 3595, 3596, 3597 были отправлены аналогичные телеграммы консулам в Астрабаде и Мешеде и туркестанскому ген.-губ.

№ 380. Министр иностранных дел начальнику штаба верховного главнокомандующего Янушкевичу.

*/. Телеграмма № 3602. 26/13 июля 1915 г.

Телеграмма № 2357 [1] получена.

Прошу ваше высокопревосходительство доложить августейшему главнокомандующему нижеследующее, в развитие моей предыдущей телеграммы [2].

Предлагая послать в Персию отряд, который был бы расположен где-нибудь на пути от Энзели к Тегерану, я именно имел в виду, что в этом пункте находились бы главные силы отряда, а отдельные летучие части нужной силы посылались бы в каждый нужный момент в разные пункты, как то и значится в вашей телеграмме. Затем, в зависимости от общего хода дел, отряд мог бы арестовывать агитаторов, задерживать караваны с оружием и боевыми припасами, а в случае крайней надобности — двинуться на Тегеран и занять его, арестовав всех опасных нам лиц, вплоть до дипломатических представителей враждебных держав. Впрочем, последняя мера, ввиду очень крупного ее значения, могла бы быть осуществлена не иначе, как по определенному требованию нашего посланника в Тегеране, или по сношении с министерством иностранных дел.

В настоящее время, ввиду приближения двух германских караванов с оружием к афганской границе [3], из Туркестана отправлен в Турбет-и-Хейдари и далее к Бирджанду отряд из двух казачьих полков с пулеметами, чтобы перехватить эти караваны. Сущность моей просьбы

---

[1] Тел. от 25/12 июля за № 2357 Янушкевич, по поручению главнокомандующего, сообщал Сазонову о невозможности для кавказской армии выделить в Персию 10 000 отряд и возражал против мысли Сазонова расположить данный отряд «на пути между Энзели и Тегераном, с целью держать столицу под постоянной угрозой», так как, по мнению главнокомандующего, «подобное пассивное стояние наших войск без занятия Тегерана и ареста наиболее вредных агитаторов» не произведет должного впечатления на шахское прав-во; далее Янушкевич передавал Сазонову предложение главнокомандующего о посылке в Северную Персию «летучих отрядов..., коим по сему вопросу предположено дать широкие полномочия».

[2] Имеется в виду тел. от 21/8 июля за № 3516 (см. № 356).

[3] Тел. от 26/13 авг. (без номера) Набоков передавал ответ эмира на письмо вице-короля Индии, заключавшее предостережение против допущения в Афганистане «вооруженной деятельности турецко-немецких агитаторов» и совет «поступить с ними в соответствии с нейтралитетом Афганистана». Эмир заявил «самым положительным образом, что, лишь только эта банда проникнет в Афганистан, она будет обезоружена и задержана, пропаганда не будет допущена».

перед августейшим верховным главнокомандующим сводится к тому, чтобы на западе, примерно в указанной в вашей телеграмме зоне, была принята аналогичная мера, но, ввиду большего размера предстоящей задачи, сюда пришлось бы послать более крупные силы, примерно в 10 000 человек.

Я позволяю себе высказать надежду, что, ввиду данных мною объяснений, его императорское высочество не встретит препятствий к этому, тем более, что с точки зрения наших политических и общегосударственных интересов восстановление спокойствия и порядка в Персии неизмеримо важнее, чем продвижение вглубь турецкой территории, по направлению к Мушу и Битлису, где русских интересов значительно меньше[1].

Сазонов.

№ 381. Поденная запись министерства иностранных дел[2].

26/13 июля 1915 г.

[26] 13 июля румынский посланник посетил министра и передал ему памятную записку[3], заключавшую в себе ответ Братиану на запрос Поклевского. С. Д. Сазонов ограничился лишь немногими общими словами, указав на затруднительность для держав делать крайние уступки Румынии без соответствующего обеспечения ее выступления в определенный срок, но не вступал в более подробное обсуждение вопроса, не желая напрасно придавать своему разговору с г. Диаманди неприятный оборот.

От министра румынский посланник зашел к барону Шиллингу. Это посещение было первым после почти трехмесячного перерыва, что побудило г. Диаманди начать со слов: «Je reviens chez vous en enfant prodigue, espérant que vous me ferez le même accueil qu'autrefois, d'autant plus que je viens reprendre ma place accoutumée dans ce salon non seulement en ancien ami, mais, je veux croire, en allié immi-

---

[1] Далее зачеркнуто: «Английское правительство повторно просит об осуществлении этого плана, единственного, по его мнению, способного предотвратить крупные осложнения для всех союзников».

Соображения свои, изложенные в тел. от 21/8 июля за № 3516 (см. № 356) так же, как и в публикуемой тел., Сазонов сообщал Воронцову-Дашкову тел. от 28/15 июля за № 3646.

[2] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 26.

[3] См. № 367 и прим. 1.

nent» [1]. Он объяснил при этом, что избегал за последнее время посещения министерства с тем, чтобы переговоры были сосредоточены между Братиану и Сазоновым, к которому он также приходил лишь всякий раз по особому поручению румынского министра.

Последовавший разговор носил весьма дружественный характер, хотя барон Шиллинг не только не скрыл от посланника своего разочарования по поводу хода переговоров с Румынией, но даже прямо заявил ему, что он лично относится совершенно отрицательно к заключению договора на тех условиях, которые поставлены Братиану. В нынешней войне с самого начала всюду громко провозглашалась необходимость объединения народностей. Этот идеал одинаково вдохновил и сербов, и русских, и румын, и греков, и итальянцев. Между тем требования Братиану идут наперекор такому стремлению к народному объединению, как русских, так и сербов. Добиваясь некоторых земельных прирезок в Буковине и в Банате, Братиану сеет семена будущих распрей между румынами и теми, которые являются их естественными союзниками. Барон Шиллинг более подробно развил эту мысль, с указанием на цифровые данные о количестве русского населения в запрутской Буковине, а также на соотношение румынского и сербского народов в Банате. Диаманди полушутя сказал, что приведенные доводы не лишены известной справедливости, но что он надеется, что барон Шиллинг не убедит С. Д. Сазонова придать им исключительное значение.

№ 382. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 498. 26/13 июля 1915 г.

Grey me dit très confidentiellement avoir reçu information de confidence indiquant que l'Allemagne redoute sérieusement éventualité d'une nouvelle campagne d'hiver. Grey en tire conclusion qu' attaque colossale d'Allemagne contre nous et celle qui se prépare en France a pour but tenter de créer au prix d'un effort ou l'Allemagne risque l'épuisement, une situation qui lui permettrait de faire en automne ouverture de paix dont conditions ne pourront jamais être acceptables et par conséquent le malheur d'une nouvelle campagne d'hiver devindrait inévitable. Il ajouta, que, sans désirer risquer pronostics hasardeux, cette

---

[1] «Я возвращаюсь к вам, как блудный сын, надеясь, что встречу такой же прием, как и прежде, тем более что я хочу снова занять мое привычное место в этой комнате на правах не только старой дружбы, но и, как я хочу этому верить, предстоящего союза».

campagne d'hiver pourra, d'après ce que lui revient, sensiblement transformer situation. Je demandais à Grey, quelles pourraient être au point de vue anglais conditions acceptables. Grey me répondit, que étions tous liés les uns aux autres, que pour point de vue purement anglais il doutait qu'opinion publique se soit arrêtée sur un point concret, mais la formule généralement adoptée est qu'il faut une paix qui rende la répétition d'une attaque allemande sérieusement impraticable. En plus rétablissement de Belgique étant une nécessité, et que ni Australie, ni les Colonies sud-africaines ne renonceraient à leurs conquêtes. Tel lui parraissent les points principaux sur lesquels selon lui l'opinion publique anglaise restera intraitable. De son côté Cambon m'a fait part très confidentiellement, que lui aussi tient de sources de première importance que Allemagne est sérieusement préoccupée de l'idée que guerre puisse se prolonger au delà de l'automne.

Benckendorff.

Перевод.

Грей мне совершенно доверительно сказал, что, по полученной достоверной информации, Германия серьезно опасается возможности новой зимней кампании. Грей выводит из этого заключение, что колоссальное наступление Германии против нас и готовящееся наступление ее во Франции имеют целью создать путем усилия, грозящего Германии истощением, такое положение, которое позволило бы ей обратиться осенью с мирными предложениями, условия которых не могут быть приемлемы, ввиду чего бедствия новой зимней кампании станут неизбежными. Он добавил, что, не желая делать гадательных предсказаний, он считает, по имеющимся у него данным, что эта кампания может значительно изменить положение. Я спросил Грея, какие условия могли бы быть, с английской точки зрения, признаны приемлемыми. Грей мне ответил, что мы все друг с другом связаны; что же касается чисто английской точки зрения, то он затрудняется сказать, что общественное мнение остановилось на чем-либо конкретном, но принятая в общем формула сводится к тому, что нужен мир, который сделал бы повторение германского нападения реально невозможным. Помимо того, восстановление Бельгии является необходимостью, и ни Австралия, ни южно-африканские колонии не откажутся от своих завоеваний. Таковыми ему представляются главные вопросы, по которым, как он думает, английское общественное мнение не пойдет ни на какие уступки. Со своей стороны, Камбон мне совершенно доверительно сообщил, что он тоже осведомлен из достовернейших источников, что Германия серьезно обеспокоена возможностью продления войны долее осени.

Бенкендорф.

№ 383. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 491. 26/13 июля 1915 г.

J'ai eu hier entretien confidentiel avec lord Revelstoke. Il voudrait que le ministre des finances soit informé au même titre, que malgré que

le gouvernement soit autant que jamais décidé à faciliter nos opérations de crédit à Londres dans plus large mesure possible, avance de 25 millions livres sterling a pu, à cause nécessité urgente, être obtenue rapidement en une seule séance, mais non sans que l'examen de la question nous ait démontré difficulté extraordinaire à prévoir pour avenir. En ce sens cette avance a été plus difficile à faire décider que toutes les précédentes[1]. Revelstoke ne m'a pas caché que elasticité de crédit de la place de Londres a ces derniers temps, par ensemble effrayant de la situation financière en Angleterre et partout ailleurs, été mise à une épreuve si colossale que limites sont à prévoir et que mesures tout-à-fait exceptionnelles devront être examinées et arrêtées[2]. Lord Revelstoke me dit qu'il croit arrivée ici du ministre des finances de nécessité de premier ordre et que rien ne viendrait y mettre obstacle pour la date la plus rapprochée possible. Revelstoke ne m'a pas caché certaine inquiétude pour le futur de la situation financière en général. Il désirerait faire parvenir au ministre des finances ce qu'il m'a dit à titre entièrement confidentiel.

Benckendorff.

Перевод.

У меня вчера происходила доверительная беседа с лордом Ревельстоком. Он желал бы, чтобы тем же способом было сообщено министру финансов, что, хотя правительство более твердо чем когда бы то ни было придерживается решения содействовать в возможно более широких размерах нашим кредитным операциям в Лондоне, аванс в 25 миллионов фунтов стерлингов, ввиду крайней необходимости его. мог быть получен ускоренным порядком в течение одного заседания, не без того, что при обсуждении этого вопроса выяснилась для нас чрезвычайная затруднительность опираться на предварительные рассчеты на будущее время. В этом смысле этот аванс было труднее получить, чем все предыдущие. Ревельсток не скрыл от меня, что эластичность кредита на лондонском

[1] Уведомляя Сазонова о том, что «Рутковский и Ревельсток получили второй аванс в 25 000 000 фунтов стерлингов», тел. от 23/10 июля за № 482, Бенкендорф добавлял. что «этот новый аванс будет однако же подчинен условиям, которые будут выработаны совместно с нашим министром финансов во время предстоящего его пребывания здесь» и в заключение обращал внимание Сазонова на «эту новую услугу, оказанную Ревельстоком русскому кредиту в Лондоне», после чего состоялось решение о награждении Ревельстока орденом св. Анны I степени с бриллиантовыми украшениями (тел. директора II деп-та м-ва ин. дел Бенкендорфу от 20/7 авг. за № 4033).

[2] 13 июля/30 июня за № 456 Бенкендорф телеграфировал о своем «частном разговоре» с Ревельстоком, заявившим, что «общее финансовое положение в Лондоне таково, что без пересылки золота из Петрограда в Лондон новые операции будут невозможны».

денежном рынке за последнее время, в силу ужасающего общего финансового положения в Англии, и в особенности в других странах, подвергалась столь колоссальному испытанию, что пределы его уже обозначаются и что необходимо обсудить и принять совершенно исключительные меры. Лорд Ревельсток мне сказал, что, по его мнению, приезд сюда министра финансов — дело первостепенной важности и что ничто не должно помешать этому приезду состояться в ближайший по возможности срок. Ревельсток не скрыл от меня некоторой своей тревоги за будущее по поводу финансового положения вообще. Он желал бы, чтобы сказанное мне было совершенно доверительно доведено до сведения министра финансов.

Бенкендорф.

№ 384. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 499. 27/14 июля 1915 г.

Copie Paris.

Grey m'a dit que concernant accord avec Roumanie il adoptait entièrement point de vue de Delcassé [1] et surtout celui de Sonnino [2], qui ont stipulé que Roumanie s'abstiendrait de laisser passer armes et munitions en Turquie. Grey me dit que l'importance [de la] question de Dardanelles croissait de jour en jour et que rompre négociations avec Roumanie offrait des dangers trop imminents pour que Puissances alliées puissent en ce moment adopter cette attitude. Grey télégraphie à Buchanan d'urgence pour appuyer opinion qui se trouve celle de France, l'Italie et Angleterre. Ce n'est pas que Grey ne se rend pas compte des énormes concessions qui peuvent assurer accord avec Roumanie, mais alliance sera obtenue, Grey la croit indispensable.

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Париж.

Грей мне сказал, что касательно соглашения с Румынией он вполне присоединяется к точке зрения Делькассе, и в особенности Соннино, поставивших условием, чтобы Румыния не допускала транзита оружия и снарядов в Турцию. Грей сказал мне, что значение дарданелльского вопроса увеличивается изо дня в день и что разрыв переговоров с Румынией влечет за собой слишком явную опасность, чтобы союзные державы могли занять подобную позицию. Грей посылает Бьюкенену срочную телеграмму, чтобы защитить мнение, поддержи-

---

[1] См. № 377.

[2] Тел. от 28/15 июля за № 269 Гирс передавал Сазонову, что, по мнению Соннино, было бы крайне желательно немедленное заключение «политического соглашения с Румынией, при условии включения в это соглашение категорического заявления о воспрещении теперь же, еще до заключения военной конвенции, провоза каких-либо военных припасов в Турцию».

ваемое теперь Францией, Италией и Англией. Конечно, Грей отдает себе отчет в громадных уступках, которые могут обеспечить соглашение с Румынией. но союз будет достигнут, Грей считает его необходимым.

Бенкендорф.

№ 385. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 500. 27/14 июля 1915 г.

Confidentiellement Grey m'a entretenu de l'importance que prend question du commerce des neutres. Il pense que dernière note américaine adressée à Allemagne[1] qu'il considère forte crée une situation qui ne peut être négligée. Il assure adresser lui-même une note à gouvernement américain[2]. Il me dit que gouvernement britannique devra se résoudre à déclarer coton contrebande de guerre ce qui permettra à Wilson de maintenir pur et simple point de vue droit international et consolidera sa position contre opposition du pays basée sur arguments du droit international. J'objectais que je ne voyais pas comment les Etats producteurs de coton pourraient en profiter. Grey me répondit que pour résoudre cette difficulté Angleterre devra acheter une partie de la récolte américaine pour que les prix du marché se maintiennent. Grey ajouta qu'il devient nécessaire faire des concessions au commerce neutre. Je lui demandais si Suède y trouvait quelque avantage, esprit public suédois devenant inquiet des sévères mesures imposées jusqu'ici par Angleterre à un point qui pourrait offrir des inconvénients sérieux. Il me dit que si des concessions étaient faites à l'Amérique les négociations actuelles avec Suède seraient certainement facilitées. Grey me dit que mise sur liste de contrebande du coton n'était pas sans avantages directs attendu que coton serait dorénavant confisqué et ne pourrait plus parvenir en Allemagne. Je demandais à Grey pour quels motifs Angleterre s'était abstenue déclarer dès début coton contrebande de guerre. Il répondit que la nomenclature des articles de contrebande de guerre avait été dres-

---

[1] 23 июля н. ст. посол США в Берлине передал ответ своего прав-ва на ноту герм. прав-ва от 8 июля (эти ноты составляли продолжение начавшегося 12 мая обмена нот между США и Германией по поводу потопления «Лузитании»). Ответ этот признавал объяснения герм. прав-ва «весьма недостаточными» и предупреждал что повторение нарушений «права нейтралитета» на море США сочтут «явно недружелюбными действиями» (см. Schulthess. G. K., Bd VI, 1915, Zweite Hälfte, S. 1326 — 1328).

[2] 23 и 30 июля н. ст. послу США были вручены в Лондоне ноты великобрит. прав-ва в ответ на амер. ноты от 2 апр. и 17 июля об охране прав нейтральной морской торговли (Schulthess, G.K., Bd 1. C., 801—807).

sée lorsque Angleterre était encore neutre et qu'au sujet coton il s'était établi en Angleterre une tradition par égard pour industrie du Lancashire et de Manchester qui cette fois encore avait été observée.

Benckendorff.

Перевод.

Грей доверительно переговорил со мной о значении, которое начинает приобретать вопрос торговли нейтральных стран. Он полагает, что последняя посланная Германии американская нота, которую он считает энергичной, создает положение, с которым нельзя не считаться. Он утверждает, что сам собирается послать ноту американскому правительству. Как он говорит, британское правительство будет вынуждено объявить хлопок военной контрабандой, что позволит Вильсону оставаться на исключительно международно-правовой точке зрения и укрепит его положение в стране в отношении оппозиции, опирающейся на международно-правовую аргументацию. Я возразил, что не представляю себе, каким образом страны, производящие хлопок, могут получить от этого выгоду. Грей мне ответил, что для разрешения этого затруднения Англия будет принуждена закупить часть американского урожая, чтобы рыночные цены остались на прежнем уровне. Грей добавил, что становится необходимым предоставить уступки нейтральной торговле. Я его спросил, получит ли Швеция от этого какие-либо преимущества, так как шведское общественное мнение обеспокоено английскими строгими мерами в такой степени, что это может представить серьезные неудобства. Он мне сказал, что раз будут сделаны уступки Америке, то и нынешние переговоры со Швецией будут этим, конечно, облегчены. Грей сказал, что включение хлопка в списки контрабанды не может не повлечь за собой непосредственных выгод, так как хлопок отныне будет конфисковываться и не будет больше проникать в Германию. Я спросил Грея, по каким мотивам Англия не объявила сразу хлопок военной контрабандой. Он ответил, что перечисление предметов военной контрабанды было установлено, когда Англия была еще нейтральной, и что в этой области в Англии существует традиция, считающаяся с промышленностью Ланкашира и Манчестера, которая и на этот раз была соблюдена.

Бенкендорф.

№ 386. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 272 [1]. 27/14 июля 1915 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 251 [2].

Мой английский коллега написал 26/13 июля министру иностранных дел записку, в которой указывает на принятое английским правительством решение использовать остров Митилену в качестве осуществле-

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 228, № 255.
[2] См. № 291.

ния [1] базы для операций против Дарданелл, а равно взять в свои руки и местное отделение почты и телеграфа. Посетив затем лично министра иностранных дел, английский посланник сказал ему, что названная мера вызвана необходимостью военно-морских действий и что остров будет очищен по миновании в нем надобности, и что, ограничиваясь простым объявлением мероприятия, его правительство желало лишь избавить афинский кабинет от разрешения занятия острова. Греческий министр иностранных дел принял это к сведению и в беседе воздержался от протеста.

Демидов.

№ 387. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 52. 27/14 июля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Депешей от [18] 5 июня за № 43 [2] я имел честь донести вашему высокопревосходительству, что японское правительство ответило отказом на предложение Англии запретить взаимным подданным торговлю с австро-германцами в Китае. Вслед за тем, как бы для смягчения этого ответа, здешнее министерство путей сообщения дало предписание японским судовладельцам не принимать для перевозки грузов германских и австрийских подданных.

Распоряжение это встречено было, судя по телеграмме Рейтера от 20 июля нового стиля, весьма сочувственно в английской палате общин, где представитель кабинета высказал, что правительство короля придает большую цену последовавшему со стороны Японии запрещению перевозить вражеские товары на японских судах.

Однако при ближайшем рассмотрении этой меры нельзя не признать, что сделанная Японией частичная уступка английским пожеланиям не сопряжена для нее ни с какими жертвами и имеет только показное значение.

Из доверительных объяснений, которые дал мне по этому поводу министр иностранных дел, оказывается, что японские судоходные линии завалены собственными грузами и никогда не работали так успешно, как в нынешнем году. Грузовики под японским флагом не успевают выполнять свои контракты, и множество товаров ждет очереди в японских портах. Объясняется такое оживление полным отсутствием немецких торговых судов в дальневосточных водах и значительным

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 135.

сокращением прихода английских и французских кораблей за весь минувший год войны. Таким образом отказ японских судов от немногих оставшихся здесь германских грузов не может повлечь за собой ни малейшего убытка японскому торговому мореходству.

Но, кроме того, следует отметить, что самое запрещение, о коем идет речь, издано было не законодательным путем, а административным распоряжением отдельного министерства. Последнее, очевидно, может контролировать деятельность субсидируемых правительством пароходных линий, но не всего японского торгового флота вообще. В газетах были указания и на то, что даже субсидируемые компании не решили еще окончательно, как отнестись к настоящей инструкции министерства путей сообщения, которая, как изданная не в законодательном порядке, не содержит в себе никаких карательных определений и потому должна быть скорее рассматриваема как простая «рекомендация».

На практике дело, вероятно, сведется к тому, что японские пароходы будут воздерживаться от перевозки вражеских грузов, пока имеются в достаточном количестве свои, а также союзные и нейтральные.

Вообще здесь по отношению к торговым интересам австро-германцев замечается не только терпимость, но и некоторая поблажка: так, например, в первых числах июля представитель германской пароходной компании «Гамбург — Америка» в Иокогаме, Иллис, печатными объявлениями довел до сведения заинтересованных лиц, что японские власти ныне разрешили выпустить товары, выгруженные пароходами названной линии в Циндао, принадлежащие австрийским и германским подданным. По силе ст. 4 конвенции № 6 Гаагской конференции 1907 г. японцы, подписавшие эту конвенцию без оговорок, имели полную возможность находящиеся в Циндао германские товары или задержать до конца войны, или реквизиционировать [1]. Однако они предпочли теперь же разрешить их вывоз. Любопытно отметить, что это разрешение близко совпало по времени с изданием вышеозначенной инструкции министерства путей сообщения.

Примите и пр.

Малевский.

---

[1] Так в оригинале.

№ 388. Георг V Николаю II.

Телеграмма [1]. 28/15 июля 1915 г.

You will have seen telegrams which Sir E. Grey has sent to the Russian Minister for Foreign Affairs in regard to the communication which it is proposed to make to Servia and Bulgaria [2]. The speedy cooperation of Bulgaria would be of the greatest value in ensuring the success of the operation in the Dardanelles and every effort should be made to secure it. I sincerely hope that you will see your way to authorising your Goverenement to consent to the proposed steps at Nish and Sofia and that you will be disposed to send a message to the Prince Regent of Servia [3]. I am sure that you will agree with me that it is of the utmost importance to our cause that the Allied forces which are operating in the Straits should be able to achieve this with the least possible delay.

I am full of admiration for the heroic conduct of your gallant troops.

Перевод.

Ты видел уже телеграммы, которые сэр Э. Грей послал российскому министру иностранных дел касательно сообщения, которое предположено сделать Сербии и Болгарии. Скорое содействие Болгарии имело бы большое значение в деле обеспечения успеха операции в Дарданеллах, и надо приложить все усилия для достижения его. Я искренно надеюсь, что ты найдешь возможным уполномочить свое правительство согласиться на предложенные выступления в Нише и Софии и что ты согласишься обратиться с посланием к принцу-регенту сербскому. Я убежден, что ты согласишься со мной, что для нашего дела первостепенную важность имеет возможность для союзных сил, действующих в Проливах, закончить свои операции в возможно кратчайший срок.

Меня приводит в восхищение геройство твоих храбрых войск.

№ 389. Поденная запись министерства иностранных дел [4].

28/15 июля 1915 г.

Получив приказание передать государю императору лично послание от короля Георга [5], великобританский посол испросил высочайшего приема и был принят его императорским величеством в Царском Селе

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 285, № 210. Оригинал на бланке англ. пос-ва; заголовок на русском языке машинописью: «Послание английского короля Георга государю императору, переданное его императорскому величеству английским послом на личном приеме в Царском Селе [28] 15 июля 1915 г.».

[2] См. № 369 и стр. 476, прим. 1.

[3] См. стр. 485. прим. 1.

[4] Опубл. Кр. арх., т. XXXI, стр. 28.

[5] См. № 388.

[28] 15 июля. Послание английского короля заключалось в том, чтобы просить государя, ввиду важного значения для союзников выступления Болгарии, побудить сербов к желательным уступкам в области Македонии путем личного обращения его императорского величества к королевичу Александру. Государь ответил послу, что он не имел бы возражений против подобного личного обращения к королевичу под условием, чтобы в нем приняли участие и главы других заинтересованных союзных государств. Ответ в этом смысле на имя короля Георга был прислан его величеством на другой день письменно для препровождения по назначению [1].

№ 390. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 503. 28/15 июля 1915 г.

Reçu votre No 3574 [2].

En ai communiqué le contenu à Grey. Il a clairement saisi l'argument de l'importance de l'accord avec le Japon, en premier lieu à cause des munitions. Il m'a dit avoir télégraphié à Tokio il y a plusieurs jours en demandant l'opinion du ministre des affaires étrangères et en lui faisant dire qu'il croyait savoir que le gouvernement impérial était sous impressions que le gouvernement japonais penchait vers un accord plus étroit et qu'il croyait aussi savoir que vous-même ne désiriez pas laisser le gouvernement japonais sous l'impression que vous y étiez défavorable. Il ajoutait qu'il lui semblait important que Cabinet de Pétrograd de son côté ne puisse pas tirer de l'attitude de Kato l'impression de disposition peu favorable de sa part. Ce langage ne paraîtrait pas devoir retarder les choses, mais Grey me dit qu'à titre d'allié du Japon il lui était difficile de s'avancer davantage sans avoir sondé les intentions réelles du Japon. J'ai insisté sur les avantages incontestables d'une solution prompte. Grey n'a fait aucune objection.

Benckendorff.

Перевод.

Получил ваш № 3574.

Сообщил ее содержание Грею. Он вполне уяснил себе значение соглашения с Японией прежде всего в отношении снарядов. Он мне сказал, что несколько дней назад он послал телеграмму в Токио, спрашивая мнение министра иностранных дел и поручая ему передать, что, насколько он знает, императорское правительство считает, что японское правительство склонно заключить более тесное

[1] См. № 400.

[2] См. № 370.

соглашение, и, по имеющимся у него, Грея, сведениям, вы сами не могли бы оставить японское правительство под впечатлением, что вы относитесь к этому неблагоприятно. Он добавил, что ему представляется важным, чтобы петроградский кабинет в свою очередь не мог из позиции Като вывести заключение о мало благоприятном отношении с его стороны. Этот способ ведения переговоров, повидимому, не должен замедлить ход дела, но Грей мне сказал, что ему, в качестве союзника Японии, трудно сделать больше, не разузнав предварительно действительных намерений Японии. Я настаивал на бесспорных преимуществах быстрого решения. Грей не сделал никаких возражений.

Бенкендорф.

№ 391. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 451. 28/15 июля 1915 г.

Английский посол передал здесь предложение своего правительства о занятии спорной части Македонии небольшим союзным отрядом из числа дарданелльских войск. Делькассе сказал мне, что по существу он готов согласиться с этим предложением, но что необходимо предварительно удостовериться, приемлемо ли оно для Сербии; он думает впрочем, что, прежде чем предпринимать какие-либо новые шаги в Софии, следует выждать заключения соглашения с Румынией [1].

Извольский.

№ 392. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 268. 28/15 июля 1915 г.

Соннино сказал мне, что ввиду отказа Кадорны исполнить просьбу триполитанского губернатора о присылке подкреплений, последнему было разрешено стянуть все войска к берегу. Положение в Триполитании становится очень серьезным, и не подлежит сомнению, что внутри страны, откуда войска будут отозваны, усилится революционное движение [2]. Гирс.

---

[1] Ссылаясь на публикуемый документ Гирс телеграфировал от 28/15 июля за № 267, что Родд «по приказанию из Лондона... сообщил сегодня, что Грей не может согласиться с мнением Делькассе о желательности выждать заключения соглашения с Румынией», так как «молчание держав Согласия произведет самое неблагоприятное впечатление в Болгарии. Грей выражает надежду, что державы Согласия не будут противиться, чтобы ответ их на последние вопросы болгар был ныне же сообщен в Софии одним английским представителем».

[2] 26/13 июля тел. за № 262 Гирс передавал сообщение Соннино о том, что, между тем как итал. консулы все еще задерживаются турец. прав-вом в Анатолии, «турки продолжают посылать офицеров в Триполитанию».

№ 393. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 260[1]. 28/15 июля 1915 г.

№ 1[2].

Ссылаюсь на свой № 234[3].

То же лицо, вызванное Монкевицем в Мальме, передало мне следующий разговор, имеющий уже характер прямого предложения. М[онкевиц] начал с того, что в Германии существуют якобы две партии сепаратного мира: одна стоит за уступки в пользу Англии, другая — за уступки России. Первая партия представлена главным образом в Гамбурге: к ней принадлежит Дернбург, ее поддерживают американцы и сам Вильсон. Вторую составляет большинство германского народа, который решительно не понимает смысла ожесточенной (борьбы) с Россией, и правительство, понимающее, что в вопросах войны, которая ведется всем народом, нужно считаться с народными чувствами и симпатиями. М[онкевиц] продолжает: 1) Война началась с (того), что Россия вступилась за Сербию, а Германия — за Австрию; если оба клиента сговорятся и помирятся, — а это весьма возможно, — то какой смысл будет в продолжении войны между патронами? 2) Россия доверяет Англии, как верному союзнику, а между тем из Англии делались нам за последние недели предложения о примирении; условиями ставилось полное освобождение Бельгии и взамен того возвращение наших колоний. Англия видит теперь, что ей придется делать огромные денежные пожертвования для поддержки союзников, и начинает понимать, что результаты могут далеко не оплатить издержек. Английская партия в Германии желает, чтобы Россия была отброшена как можно далее на Восток, причем Польша, Литва и Балтийский край образовали бы буфер-штаты. Германские министерства этим воззрениям не сочувствуют, привыкнув издавна к тому, чтобы Россия и Германия экономически дополняли друг друга. 3) Германия понимает, что России нужна полная и обеспеченная свобода Проливов. Взять их силой невозможно, но допустимо, что англо-французы их всетаки возьмут; едва ли они и Италия отдадут их когда-либо в полную собственность России; между тем Россия на это твердо рассчитывает и потому именно так держится своих союзников. Мы же готовы и можем устроить так, чтобы Проливы сделались русско-турецко-германской

---

[1] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 376, № 335.
[2] См. № 394.
[3] См. № 352.

территорией при совершенно срытых укреплениях. Турция очень неохотно пошла бы на разрешение (вопроса) в англо-германском объяснении [1] и, напротив того, горячо бы желала соглашения с Россией через Германию.

Неклюдов.

№ 394. Посланник в Стокгольме министру иностранных дел.

Телеграмма № 260 [2]. 28/15 июля 1915 г.

№ 2 [3].

В 4-х, побочным условием явилось бы некоторое исправление и испрямление границы в Царстве Польском и в Галиции. В 5-х, в Германии поняли, какую ошибку сделали в 80-х годах, отказавшись от участия в русских займах и даже запретив одно время их котировку в Берлине. Россия именно таким образом была брошена в объятия Франции, а потом и Англии. При заключении предстоящего сепаратного мира Германия могла бы обеспечить России заем от 5 до 10 миллиардов марок, зная, что они пойдут на развитие русских богатств. В 6-х, в настоящее время ожидается движение германских войск вперед и занятие... городов. Весьма важно, чтобы негласные переговоры начались и привели к начальному результату ранее этого занятия. Тогда наша армия могла бы приостановить свое движение. Между тем как в случае занятия нами Варшавы и Риги соглашение на вышеизложенных условиях будет уже трудно, ибо общественное мнение Германии, вздутое победой и взятыми залогами, не поймет столь больших уступок в пользу России. В 7-х, Монкевиц закончил предложения, чтобы в Мальме или Копенгагене встретились как можно скорее и самым секретным образом: с германской стороны лица вроде Бедельсона или Варбурга, с русской стороны ... выдающийся финансист, не компрометируя таким образом официальной дипломатии обеих сторон. Помимо германских опасений за исход войны, эти новые предложения Монкевица указывают на усиленные старания немцев внести рознь среди союзников. Я уверен, что все вышеизложенное уже передано англичанам, как якобы русские предложения сепаратного мира с Германией. Позволяю себе выразить мнение, что подобные маневры немцев должны бы быть немедленно сообщаемы союзниками друг другу. Русский со-

---

[1] Так в оригинале.
[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 377, № 336.
[3] См. № 393.

беседник Монкевица — коммерсант, состоятельный русско-польский полуеврей, воспитанник берлинского политехникума ... коммерческие связи и знакомства в Берлине. Здесь он ведет себя безупречно, много и толково помогая нашей транзитной и экспортной торговле. Я ответил ему лишь, что едва ли из планов Монкевица что-либо выйдет [1].

Неклюдов.

№ 395. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 447 [2]. 28/15 июля 1915 г.

За последнее время здесь замечается сильная перемена настроения, находящая себе выражение в политических разговорах и прессе, не исключая официальных органов. Под влиянием военных событий и нашего молчания, которое усиленно толкуется и здесь и болгарскими представителями в четырех союзных столицах как указание, что на нас серьезно рассчитывать нельзя, на смену прежней альтернативы: нейтралитет или кооперация с нами, является другая альтернатива: кооперация с нами или косвенное выступление против нас путем захвата Македонии. Болгары видят, что оставаться нейтральными они дольше не могут, и окончание уборки урожая недель через 6 будет сигналом к принятию того или другого решения, так как они сознают, что им нужно думать о собственных интересах — политических и экономических, сопряженных с вывозом урожая. В данную минуту у болгар закрыты оба выхода — Дунай и Дедеагач, и все газеты и партии в один голос требуют прекращения этого экономического изолирования, особенно ввиду обильного урожая в этом году. Военные меры для занятия Македонии уже приняты: 3 южные дивизии усилены составом, а на конец августа назначены на греко-сербской границе маневры. Если последнюю меру можно считать шантажным средством, то нельзя не считаться с экономическими соображениями, и особенно с

[1] Расшифрованная в росс. м-ве ин. дел тел. Какламаноса греч. м-ру ин. дел от 2 авг./20 июля (опубл. К-поль и Пр., II, стр. 280, № 338) сообщала, что «председатель Deutsche Bank сделал русскому правительству две недели назад через посредство нейтрального правительства предложение о заключении сепаратного мира, заверяя, что Германия могла бы даже предоставить русским Проливы — Константинополь. Этому предложению не было дано никакого хода». В хранящейся в делах б. м-ва ин. дел тел. от 1 сент./19 авг. за № 413 болг. посланника в Лондоне Хаджимишева болг. м-ру ин. дел сообщалось на основании сведений из «достоверного источника», что «Германия сделала через некоторые банки России новое предложение о мире, которое было категорически отвергнуто».

[2] Опубл. Ц.Р., стр. 126, № 217.

ведущейся теперь и здесь, и в Бухаресте сильнейшей пропагандой немцев, поставивших себе целью во что бы то ни стало спасти Турцию и Константинополь и толкающих болгар на Македонию. Они действуют настолько же настойчиво, насколько ловко, так как не предлагают болгарам при этом ни союза с собой, ни открытого разрыва с нами. Думаю, что болгары всетаки предпочли бы получить Македонию от нас, а не от немцев, но для этого нужно предложить им что-нибудь реальное. Ввиду выяснившейся невозможности допустить оккупацию хотя части Македонии даже союзными войсками, нужно было бы найти другое средство. Нельзя ли было бы наряду с гарантией державами по окончании войны, кроме Македонии, предоставить болгарам теперь же право занятия греческих территорий Кавалы, Драмы и Сереса с округами. Резюмирую: нам нужно теперь считаться с возможностью занятия в ближайшем будущем сербской Македонии помимо нас. При этом не известно, какое положение займут тогда Румыния и Греция; по всей вероятности, первых болгары постараются обезвредить путем особого соглашения, а вторая, должно быть, как прошлой зимой не найдет для себя возможным выступить на защиту союзницы. У военного агента есть целый ряд технических указаний, свидетельствующих о твердом намерении болгар занять силой Македонию. В разговорах с Радославовым, Добровичем, Владевым и многими другими я указываю им на новую ловушку, которую готовят немцы, предостерегаю их от авантюры, которая по своим последствиям будет много опаснее, чем авантюра 1913 года, и вообще пользуюсь всеми средствами. Вчера Добрович, пришедший ко мне по собственному почину, после всех моих доводов сказал, что он понимает, что сохранить дальше свой нейтралитет Болгария не может, но что ни король, ни правительство новой авантюры не хотят; что, выступив против Турции, Болгария «заплатила бы долг своей освободительнице» и соблюла бы свои интересы; что слова эти внушены королем. Но каково истинное их значение? Не обычный ли это прием здешних политических людей усыпить внимание пред готовым уже решением?

Савинский.

№ 396. Консул в Турбет-и-Хейдари министру иностранных дел.

Телеграмма № 336. 28/15 июня 1915 г.

Копия в Мешед.

Сегодня ночью, возвращаясь из отряда Бедарева в Мешед, посетил меня отправленный Никольским с отрядом в качестве частного лица

Бове и рассказал, что казаки без нужды ломают двери, врываются в женские половины, бьют и жителей, и правительственных персидских чиновников, навешивают на себя конфискованное оружие и совсем не считаются с тем, что они находятся в незавоеванной стране. Германцы действуют лаской и золотом. Считаю долгом просить о прикомандировании к отряду одного из наших чинов и о снабжении начальника отряда от высшего военного начальства строгой инструкцией, предоставить этому чиновнику всецело сношения с местными властями и населением и ничего не предпринимать без его ведома. Иначе всякое население, самым мирным образом настроенное, поднимется на защиту своих очагов, веры и обычаев, что иногда вполне в интересах германцев, и мы все заплатим своей кровью за ошибки военного начальства [1].

Михайлов.

№ 397. Посланник в Пекине министру иностранных дел.

Депеша № 35. 28/15 июля 1915 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Переговоры, которые, как вашему высокопревосходительству известно, ведутся надворным советником фон Гойером с делегатами китайского правительства по вопросу о постройке железнодорожной линии Харбин — Сахалян, шли до сих пор довольно гладко, и представителю нашего банка удалось по всем наиболее существенным пунктам добиться весьма выгодных для нас результатов.

Вчера однако китайские делегаты совершенно неожиданно весьма ясно дали понять г. фон Гойеру, что министр путей сообщения Лян Дун-ян лишь в том случае готов будет подписать контракт о постройке вышеупомянутой линии, если мы согласимся на замещение китайцами, согласно статье 1-й контракта о постройке Китайской Восточной железной дороги, вакантной с 1900 года должности председателя общества названной дороги. Г. фон Гойер категорически отказался от всякого официального обсуждения с китайскими делегатами означенного вопроса, заявив им, что ни он, ни они не являются на это уполномоченными и что самый вопрос этот совершенно не относится к предмету их переговоров. Он согласился лишь частным образом принять к сведению их сообщение и поставить меня в известность о таковом.

---

[1] 29/16 июля за № 3671 Сазонов телеграфировал туркестанскому ген.-губернатору о том, чтобы последний отправил «срочно инструкцию начальнику отряда... предписав ему немедленно положить предел бесчинствам казаков».

Ваше высокопревосходительство изволите припомнить, что еще летом 1912 года китайское правительство выражало мне желание осуществить свое право назначения председателя общества Китайской Восточной железной дороги [1]. Домогательство это было в то время отклонено мной, согласно с полученными от императорского министерства указаниями [2]. С тех пор китайцы неоднократно пытались окольными путями побудить меня снова поднять этот вопрос перед императорским правительством в желательном для них освещении, от чего однако я всякий раз уклонялся. Несколько времени тому назад мой японский сотоварищ сообщил мне, что китайцы зондировали также и у него почву по поводу назначения ими председателя общества Южно-Манчжурской железной дороги. Высказавшись относительно этого ходатайства китайцев в отрицательном смысле, г. Хиоки отметил аналогию нашего и японского положения в помянутом вопросе и высказал мне надежду, что в случае возобновления китайцами своих настояний императорское и японское правительства сговорятся, чтобы сообща отклонить таковые.

Повидимому, китайцы считают происходящие ныне переговоры о постройке железной дороги от Харбина до Сахаляна удобным случаем для осуществления вышеупомянутого своего домогательства, и я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство почтить меня указаниями, как императорское правительство считает нужным отнестись к этому вопросу, если бы китайцы действительно поставили наше согласие на назначение ими председателя общества Китайской

---

[1] Соответствующее сообщение содержалось в деп. Крупенского от 10 авг./28 июля 1912 г. за № 66.

[2] В ответ на упомянутую в предыдущем прим. деп. Крупенскому при отношении от 12 нояб./30 окт. 1912 г. было препровождено письмо м-ра фин. Коковцова от (6/7 нояб.) 24/25 окт. того же года за № 991, в свою очередь являвшееся ответом на запрос Сазонова от 23/10 окт. 1912 г. за № 1206 (также препровожденный Крупенскому при отношении от 25/12 окт. 1912 г. за № 1218) о точке зрения м-ва фин. на вопрос о назначении кит. председателя общества К. В. ж. д. В своем письме Коковцов указал, что «хотя концессионным договором на постройку и эксплоатацию Китайской Восточной железной дороги (статья 1) точно установлено право китайского правительства на назначение председателя правления общества, ввиду чего с строго формальной стороны мы не имеем оснований для протеста против осуществления китайцами этого права, тем не менее я не могу не разделить отрицательного отношения вашего превосходительства и... посланника в Пекине к вопросу о замещении помянутой должности и, с своей стороны, полагал бы, что при современном политическом положении могущее поступить предложение китайского правительства по сему предмету было бы желательно в той или другой форме отклонить».

Восточной железной дороги непременным условием для подписания контракта на линию Харбин — Сахалян. Насколько я могу предположить, наиболее вероятными кандидатами на замещение помянутой вакансии являются бывший министр иностранных дел Сун Бао-ци, а также и Лу Чжэн-сян, в случае оставления им занимаемого им теперь министерского поста.

По делу о постройке железной дороги Харбин — Сахалян позволяю себе просить указаний вашего высокопревосходительства еще и в отношении нижеследующего вопроса.

Как явствует из сообщенного правлением Русско-Азиатского банка надворному советнику фон Гойеру содержания письма вашего высокопревосходительства на имя г. министра финансов от 28/15 ноября мин. г. за № 780 [1], вы изволили признавать необходимым, чтобы сказанная линия была соединена в Благовещенске с сетью русских железных дорог, для чего в контракте на ее постройку должно бы было быть предусмотрено сооружение моста через Амур между Сахаляном и Благовещенском.

Сообразно с этим г. фон Гойер настоял на включении в вырабатываемый ныне проект контракта нижеследующей оговорки: «Dans le cas où le gouvernement chinois s'entendrait avec le gouvernement russe pour relier par un pont les deux rives de l'Amour entre Heiheifu et Blagovechtchensk, la construction de ce pont sera faite sur les fonds de cet emprunt et les détails de cette entreprise feront le sujet d'un échange de lettres entre les représentants du gouvernement chinois et la banque qui seront annexées à ce contrat»[2]. Китайские делегаты согласились на эту оговорку «ad referendum».

Таким образом во всяком случае предполагается, что до окончательного вырешения делегатами подробностей этого вопроса между императорским и китайским правительствами должно состояться предварительное принципиальное соглашение о постройке моста через Амур для соединения нашей линии с китайской.

Вследствие вышеизложенного я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня, считает

[1] Содержание письма Сазонова изложено в публ. документе.

[2] «В том случае, если китайское правительство заключит соглашение с русским правительством о соединении мостом обоих берегов Амура между Хейхейфу и Благовещенском, постройка этого моста будет произведена за счет этого займа, и детали этого предприятия будут установлены обменом письмами между представителями китайского правительства и банком каковые письма будут присоединены к контракту».

ли императорское правительство предпочтительным ограничиться пока внесением сказанной оговорки в проект контракта, или оно находит желательным, чтобы я незамедлительно приступил к переговорам с китайцами, дабы получить их принципиальное согласие на соединение русских и китайских железнодорожных линий путем постройки моста через Амур между Сахаляном и Благовещенском. В утвердительном случае мне необходимо было бы так же знать, должен ли мост быть сооружен обществом, которое будет строить линию Харбин — Сахалян, или он явится общим русско-китайским предприятием, которое будет осуществлено на иных условиях.

Считаю при этом долгом высказать мнение, что, в случае весьма вероятного нежелания китайцев пойти навстречу нашим требованиям о соединении Благовещенска с Сахаляном железнодорожным мостом, быть может, было бы признано целесообразным добиться от них уступки в этом весьма существенном для нас вопросе ценой удовлетворения их домогательства о назначении председателя общества Китайской Восточной железной дороги. При этом мне представлялось бы лишь желательным для нас обеспечить себя от каких-либо вредных для наших интересов последствий замещения помянутой должности, сведя таковое к простому удовлетворению самолюбия китайцев и сохранив за этим постом характер почетной синекуры. Достичь этого можно было бы, обставив наше согласие известными условиями, как-то: непременным пребыванием председателя в Пекине, ограничением его вмешательства в дела Китайской Восточной железной дороги одним сообщением ему периодических железнодорожных отчетов и т. п.

Примите и пр.

Крупенский

№ 398. Старший секретарь дипломатической канцелярии при ставке министру иностранных дел.

Письмо [1]. 28/15 июля 1915 г.

Доверительно.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Известия с театра войны, к сожалению, продолжают быть неутешительными. За последнее время наше положение значительно ухудшилось вследствие прорывов нашего фронта в двух местах, около Поневежа и на Нареве. Движение немцев в обход нашего правого фланга возбудило особенную тревогу. Для отражения этого удара принимаются меры, посылаются, как я слышал, войска. Есть сведения, что в

[1] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 38. Муравьев заменял Кудашева во время отъезда последнего из ставки.

риго-шавельском районе появились новые германские силы, состав коих еще не выяснен. Всего в этом районе теперь действует около 10 немецких пехотных и 5—6 кавалерийских дивизий. Большая часть этих сил наступает к востоку от Шавель. Против Риги же, повидимому, оставлен заслон. По самым последним сведениям, в движении этой армии, находящейся под командой генерала Белова, произошла некоторая остановка, объясняемая здесь большим пространством, в котором ей приходится действовать.

Центральным вопросом остается судьба Варшавы. Повидимому, здесь главную роль играют события на наревском фронте. Здесь замечены усиление германцев на рожанском и остроленском направлениях и сосредоточение их с намерением, повидимому, развить главный удар в направлении на Вышков. Вышков лежит на Буге, и, в случае прорыва здесь, получается опасность для наших линий сообщений, и отход армий, обороняющих Варшаву, может быть значительно затруднен. Некоторые офицеры генерального штаба уже теперь считают положение в этом отношении опасным. Как вам, вероятно, известно, в руках Алексеева теперь объединено командование всем фронтом за исключением трех левофланговых армий (VIII, XI и IX), которые продолжают быть подчиненными Иванову. Алексееву подчинена и новая XIII армия Горбатовского, действующая на ковельском направлении. Говорят, Алексеев давно решил эвакуировать Варшаву. Оттуда все время вывозят все, что возможно вывезти. Выезжает и часть населения. Принимаются меры и для уничтожения посевов. Здесь считают, что Варшава может продержаться еще несколько дней. Сегодня верховный главнокомандующий выехал в Седлец для совещания с Алексеевым. Мне сообщили, что туда вызван также Иванов, причем это связано, будто бы, с намерением усилить центр силами, взятыми с левого фланга. Это совещание решит, должно быть, окончательно, следует ли начать отход. Пока я знаю, что вчера в Петроград была послана телеграмма с указаниями подготовить общественное мнение и печать к такой возможности [1].

На фронте Люблин — Холм мы, повидимому, держимся, и это направление признается менее опасным. Здесь во время последних боев произошло столкновение между командующим III армией Лешом и командиром гвардейского корпуса. Ходят об этом различные версии, но, повидимому, генерал Безобразов отказался исполнять данные ему приказания и в настоящее время смещен. На его место назначается генерал Олохов, командир 23-го корпуса.

[1] Ср. № 403.

В общем, положение наших армий очень тяжелое. Потери достигли неслыханных цифр, причем нет возможности пополнить части вследствие отсутствия ружей. В одной из лучших дивизий насчитывается сейчас 1 100 штыков.

Я знаю из английских источников, что наши союзники очень боятся нашего предстоящего отступления. Они считают, что сокращение германского фронта, достигнутое их продвижением до нашей линии крепостей, даст возможность немцам перебросить на запад несколько корпусов. Здесь относятся к этим опасениям с пренебрежением, в котором сказывается накипающее неприязненное отношение наших военных кругов к союзникам, в особенности англичанам, за их бездействие. Нужно надеяться, что обещанное наступление Жоффра рассеет это настроение. Я считаю тем не менее долгом его отметить, так как оно во всем проявляется, в особенности же в переговорах о снабжении. Английское военное представительство здесь поставлено в высшей степени ненормально. О нашем военном агенте Ермолове нечего говорить. Теперь, наконец, удалось убедить отправить отсюда для собрания сведений во Францию офицера, по выбор пал на полковника Стаховича, самого неподходящего из офицеров штаба, который ничего не в состоянии улучшить, но может только напортить. Я далек от мысли, что союзники наши в этом вопросе не делают ошибок. В Лондоне либо не отдают себе отчета в положении, либо не умеют организовать с нами связи. Я думаю, что было бы в высшей степени полезно для дела, если бы вы нашли возможным, в случае разговоров с Поливановым[1] на эти темы, обратить его внимание и на политическую сторону вопроса. Могут настать в ближайшем будущем минуты, когда события подвергнут взаимное доверие союзников еще большим испытаниям, и желательно не расшатывать отношений мелкими трениями. Я был бы вам благодарен, конечно, за неуказание меня как источника сведений об этих неладах. Я знаю о них частным образом, отчасти из английской официальной переписки.

Считаю долгом упомянуть о разговоре, который я имел на-днях с генералом Даниловым по вопросам об общественном мнении у нас и за границей. Генерал Данилов жалуется, что нет никакого органа связи между правительством и нашим общественным мнением, а также, что правильное осведомление общественного мнения за границей совершенно не организовано. Он спросил меня, между прочим, почему не была осуществлена мысль о создании для этой цели специального

[1] 28/15 июня 1915 г. Поливанов вступил в управление воен. м-вом.

учреждения под председательством Шебеко. Теперь, когда весь исход войны будет зависеть от моральной выдержки воюющих, особенно важно быть в состоянии знать, какие существуют настроения, и, если нужно, влиять на них в известном смысле. Мне кажется, что этот вопрос в самом деле заслуживает самого серьезного внимания. Война входит в столь серьезный фазис, что правительству будет необходима живая и постоянная поддержка общества и народа. Здесь это хорошо сознают. Но вместе с тем сталкиваются с чисто практическими трудностями, невозможностью за отсутствием соответствующего органа иметь постоянное общение, с кем следует из общественных деятелей и журналистов.

Следует отметить также, что сведения, получаемые нами из иностранных газет, поступают к нам неравномерно и случайно. Насколько я знаю, есть нейтральные страны, за прессой которых мы вовсе не следим. Посланникам же на местах и корреспондентам телеграфного агентства работа эта не всегда доступна, так как они не всегда знают, что в данную минуту особенно важно. Между тем в нейтральной печати попадаются иногда статьи весьма интересного содержания. Препровождаю с этим курьером барону Шиллингу появившуюся недавно в шведской газете статью о мирных течениях в Германии [1].

В. Муравьев.

№ 399. Старший секретарь дипломатической канцелярии при ставке директору канцелярии министерства иностранных дел Шиллингу.

Письмо [2]. **28/15 июля 1915 г.**

Дорогой барон,

Посылаю вам при сем очень интересную статью [3], переведенную с шведского Карасевым, о мирных течениях в Германии. Вопрос о мире с некоторого времени усиленно стал обсуждаться в печати наших противников. Здесь на это обращают внимание, но, я думаю, полезно подчеркивать в глазах военных, что это пока только имеет значение как симптомы, и то весьма неясно выраженные.

Генерал Данилов очень обрадовался, прочтя ответ Братиану. Он мне сказал, что для него особенно важно то обстоятельство, что румыны идут на соглашение с нами теперь, когда наши дела неважны. Это до-

[1] Упомянутая в тексте публикуемого документа статья в деле отсутствует.
[2] Опубл. Кр. арх., т. XXVII, стр. 40.
[3] См. прим. 1.

казывает, что, по их мнению, Германия, несмотря на свои временные успехи, не может выиграть войну. Иначе румыны не высказывались бы так открыто. Сведения же о состоянии наших врагов у них должны быть. Я согласился с этим, но сделал оговорку, что здесь есть и другая сторона. Румынам очень выгодно сейчас, когда мы слабы, получить от нас обещание больших уступок. С выступлением же они еще помедлят.

Посылаю вам также переданный мне помощником английского военного агента aide-mémoire по вопросу о железной дороге через Кольский мыс [1].

Англичане придают очень большое значение этой дороге и боятся, что мы не выстроим ее во-время, в каковом случае подвоз из Англии в зимние месяцы будет крайне затруднен. Этот aide-mémoire представлен Янушкевичу. Мне же копия дана частным образом, с просьбой, если возможно, повлиять в министерстве для оказания поддержки этому предприятию. Об этом, кажется, уже был разговор у Сергея Дмитриевича с английским послом, но сейчас вопрос снова заглох, и желательно было бы его поднять. Главное — время не терпит. Я спрашивал об этом наших инженеров и получил ответ, что к зиме будет готова только перешивка на широкую колею Архангельского пути и новая дорога до Петрозаводска; между тем, конечно, самое важное иметь сообщение с свободным портом, каковым является Александровск. Paulings — серьезная фирма, строившая дороги в Африке и других экзотических странах.

В. Муравьев.

№ 400. Николай II Георгу V.

Телеграмма [2]. **29/16 июля 1915 г.**

The King.

Hearty thanks for your telegram [3]. I fully recognise the necessity of Bulgaria's cooperation. But I am no sure that a message from me to the

[1] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружен.

[2] Опубл. К-поль и Пр., II, стр. 286, № 211. Оригинал тел. написан рукой Николая II, имеет помету: «Прошу передать английскому послу», — и хранится в обложке, на которой рукой Базили написано: «Ответное послание его императорского величества королю Георгу, присланное государем императором министру [29] 16 июля 1915 г. вечером. Письменно переданное министром лично английскому послу [30] 17 июля 1915 г. утром».

[3] См. № 388.

Prince Regent of Servia would have any result. I therefore propose that you, the King of Italy, the President of the French Republic and I should send him simultaneously that message.

Перевод.

Прошу передать английскому послу.

Королю.

Сердечно благодарю за твою телеграмму. Я вполне признаю необходимость болгарского содействия. Но я не уверен в том, что мое послание принцу-регенту сербскому будет иметь какой-либо результат. Поэтому я предлагаю, чтобы ты, итальянский король, президент Французской республики и я обратились к нему с таким посланием одновременно.

№ 401. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 134. 29/16 июля 1915 г.

His Majesty's Embassy has the honour to inform the Imperial Ministry for Foreign Affairs that further telegraphic correspondence has passed between Sir E. Grey and Mr. Marling respecting the proposed accomodation to be accorded to the Persian Government by the two Powers to which reference was made in the Embassy Aide-Mémoire No 87 of July 3/June 20 last [1].

The British Treasury assent to the sum of £ 10 500 per month being released from the Southern Customs on condition that the Russian Government will similarly consent to the release of £ 20 000 per month from the Northern Customs. The British Treasury, however, stipulate that the sum released from the Northern Customs shall, if possible, be in Persian currency and not in roubles, as the equivalent in roubles of £ 20 000 at nominal gold par would be worth at the present rate of exchange considerably less.

The British Treasury will advance on public loan half the £ 31 250, if the other half is advanced by the Government of India all sums chargeable on the Southern Customs and other assigned revenues to remain chargeable on future receipts. In this connection it is noted that the opium and excise revenues were included in the estimated deficit of £ 350 000, and though nominally available on failure of primary securities for the Anglo-Indian Loan, they are in some districts being collected by the Gendarmerie for their own expenses.

[1] См. № 231.

As to the conditions to be attached, the Russian Minister and Mr. Marling think that it might prove inconvenient to define any special point and they would prefer to insert in the Note informing the Persian Government of the proposal, a stipulation to the effect that the moratorium can be at any time suspended merely by notification to either party. But it might be made clear, by an introductory statement, that in granting this accomodation the two Powers, are inter alia, influenced by the wish to assist Persia in maintaining her neutrality in the face of German intrigues.

Sir E. Grey is disposed to consider favourably this proposed stipulation, but in the meantime he would like to be informed whether the Imperial Government are prepared to take action on the lines suggested by the British Treasury.

Перевод.

Посольство его величества имеет честь уведомить императорское министерство иностранных дел, что между сэром Э. Греем и г. Марлингом состоялся дальнейший обмен телеграмм касательно предполагаемых уступок обоих правительств в пользу персидского правительства, которые указывались в памятной записке посольства № 87 от 3 июля/ 20 июня.

Британское казначейство согласно на возвращение [Персии] суммы в 10 500 фунтов стерлингов ежемесячно из доходов южных таможен, при условии, что российское правительство равным образом согласится на возвращение 20 000 фунтов стерлингов из доходов северных таможен. Британское казначейство ставит однако условием, чтобы возвращаемая северными таможнями сумма была выплачена, если возможно, не в рублях, а в персидской валюте, так как сумма в рублях, составляющая эквивалент 20 000 фунтов в золотом исчислении, при нынешнем курсе представляла бы значительно меньшую ценность.

Британское казначейство авансирует в счет государственного займа половину суммы в 31 250 фунтов стерлингов, если другая половина суммы будет авансирована индийским правительством, причем все [эти] суммы будут получены по южным таможням, другие же предусмотренные доходы должны быть начислены на будущие поступления. В связи с этим отмечается, что опиумные и акцизные сборы были учтены в предполагаемом дефиците в 350 000 фунтов, и хотя они номинально предназначались, в случае недостаточности первичного обеспечения англо-индийского займа, для платежей по последнему, в некоторых округах они взимаются жандармерией для ее собственных нужд.

Что касается условий, имеющих быть связанными с этой операцией, то российский посланник и г. Марлинг полагают, что было бы неудобно ввести специальный пункт, и они предпочитали бы включить в ноту, извещающую персидское правительство об этом предложении, условие, по которому мораториум может быть в любой момент отменен нотификацией. Но может быть объяснено во вводной части, что, предоставляя эту льготу, обе державы действуют, между прочим, в силу желания помочь Персии сохранить свой нейтралитет вопреки интригам Германии.

Сэр Э. Грей склонен благоприятно отнестись к предлагаемому решению вопроса, но предварительно он желал бы быть осведомлен, намерено ли императорское правительство придерживаться образа действий, предлагаемого британским казначейством.

№ 402. Министр иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Риме — Извольскому, Бенкендорфу и Гирсу.

Телеграмма № 3678. 29/16 июля 1915 г.

Вследствие новых[1] настояний наших союзников[2] я согласен заключить с Румынией политическое и военное соглашение на поставленных Братиану условиях, хотя считаю это и не отвечающим достоинству четырех великих держав и не достигающим цели, так как Румыния сохранит полную возможность остаться бездействующей, заручившись только обещанием с нашей стороны полного удовлетворения ее пожеланий. Отдают ли себе отчет в Париже и Лондоне, что слова Братиану к Блонделю, упомянутые в моей телеграмме Поклевскому № 3611[3], прямо указывают, что если Румыния не выступит достаточно рано, чтобы перевалить через Карпаты до первых снегов, на ее выступление нельзя будет рассчитывать до будущей весны[4]. Соглашаясь тем не менее на заключение вышеозначенных договоров[5], Россия это делает только во внимание к просьбе Франции и Англии, ввиду облегчения

---

[1] Далее зачеркнуто: «усиленных».

[2] См. №№ 377, 384 и прим. 2 к № 384.

[3] См. стр. 487 прим. 2. В ответ на приведенную в этом примечании тел. Поклевский сообщал тел. от 31/18 июля за № 423, что Братиану, по словам Блонделя, никогда не делал последнему приведенного в № 376 заявления и что он, Блондель, «вообще ничего подобного не доносил в Париж».

[4] В уже упоминавшейся в пред. прим. тел. Поклевского от 31/18 июля за № 423 Сазонову передавался разговор посланника с Братиану, заявившим, что время выступления Румынии должно быть «определено военной конвенцией исключительно на основании условий военной обстановки и даже других побочных обстоятельств, каковыми для Братиану являются климатические соображения».

[5] Тел. на имя Поклевского от 3 авг./21 июля за № 3756 (опубл. Ц.Р., стр. 199, № 100) за подписью Сазонова сообщалось, что «императорское правительство согласно удовлетворить все поставленные Братиану требования под условием, чтобы Румыния обязалась отныне же не пропускать никаких военных припасов для наших врагов и дала нам возможность действительного надзора за этим, а также чтобы незамедлительно был прислан в ставку верховного главнокомандующего уполномоченный для выработки военного соглашения, долженствующего установить условия и срок румынского выступления». Относительно политического соглашения в тел. указывалось, что оно должно быть выработано Поклевским совместно с Братиану и сообщено на одобрение держав.

им военных действий против Дарданелл путем воспрепятствования провоза военной контрабанды через Румынию[1].

Сазонов.

№ 403. Министр иностранных дел послам: в Париже — Извольскому, в Лондоне—Бенкендорфу, в Риме—Гирсу, в Вашингтоне—Бахметеву, в Токио — Малевскому и в Мадриде — Будбергу, посланникам: в Стокгольме — Неклюдову, в Христиании — Арсеньеву, в Копенгагене — Буксгевдену, в Гааге — Свечину, в Берне — Бахерахту, в Афинах — Демидову, в Сербии — Трубецкому, в Софии — Савинскому, в Бухаресте — Поклевскому, в Лиссабоне — Боткину и поверенному в делах в Цетинье — Обнорскому.

Телеграмма № 3680[2]. 29/16 июля 1915 г.

№ 1.

Ввиду предстоящего, вероятно, в близком будущем очищения Варшавы благоволите подготовить к тому общественное мнение, пользуясь соображениями, изложенными в телеграмме № 2, конечно, не передавая их в подлинном виде.

№ 2[3]. При оценке положения надлежит иметь в виду нижеследующее: Во-первых, огромность направленных против нас сил и средств. Кроме части турецкой армии, отвлекающей часть наших войск на кавказском театре, на нашем фронте сосредоточена вся австро-венгерская армия, за исключением сил, выделенных для обороны со стороны Италии, и до 70 германских дивизий, усиленных почти всей германской кавалерией. Благодаря исключительно развитой германской и отчасти австрийской промышленности, противник наш снабжен огромным количеством артиллерии, пулеметов, ружей и обильнейшим запасом огнестрельных припасов. Во-вторых, мы встречаем в снабжении наших войск в размере, требуемом для борьбы с столь обильно снабженным противником, временные затруднения, для устранения коих принимаются самые действительные меры. Недостаток снаб-

---

[1] Далее вместо: «ввиду облегчения»... до конца предложения, в подлиннике тел. зачеркнуто: «придающих этому такое важное значение с точки зрения военных действий против Дарданелл, которые мы всячески желаем облегчить нашим союзникам».

[2] Царск. экз.

[3] В делах б. м-ва ин. дел обнаружен только царск. экз. публикуемой тел., в котором № 2 непосредственно следует за № 1.

жения вынуждает нас временно, как известно, к оборонительному образу действий. В-третьих, при меньших технических средствах нам однако, благодаря геройскому упорству наших войск, удалось в течение почти трех месяцев не только сдержать натиск неприятеля, но и, нанося ему неисчислимые потери, постепенно ослабить силу его натиска и, как свидетельствует физическое состояние взятых нами пленных, довести его до значительного утомления. В-четвертых, вопрос войны не решается переходом той или иной части территории во власть одной из сторон, а конечными результатами столкновения живой силы, которую необходимо стремиться сохранить до конца. Перемещение фронта может оказаться необходимым в интересах постановки армии в более выгодные условия борьбы. В-пятых, наши средства неистощимы, и мы начинаем только развертывать наши силы, тогда как силы австро-германцев достигли кульминационного пункта и в будущем должны падать. В-шестых, очертание нашей западной границы всегда составляло слабую сторону нашего стратегического положения. При разработке наших планов войны мы не рассчитывали на удержание в первое время войны Завислинского и прилежащего к Висле района. Нами поэтому в 1910 году оттянута была часть наших сил во внутренние губернии. Нашей основной линией обороны была избрана линия среднего Немана и далее на юг до Бреста. В связи с этим тогда же было приступлено к переустройству крепостей.

Сазонов.

№ 404. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 449. 29/16 июля 1915 г.

Французский посланник, по просьбе Геннадиева, сообщил мне следующее. Геннадиев, посетив его в субботу [24] 11 июля, поведал о тех преследованиях, которым он подвергается за последнее время со стороны австро-немцев и своих врагов — болгар [1], и о серьезной опасности, грозящей его жизни. Для него может явиться необходимость бежать из Болгарии, и он просил Панафье выяснить, мог ли бы он рассчитывать в этом случае на разрешение выехать в Россию из Бухареста, куда он пробрался бы собственными средствами под чужим именем. Панафье телеграфировал французскому посланнику в Бухарест, от которого получил утвердительный ответ. Сообщаю на случай, если Поклевский не донес. Панафье сказал мне, что приведенные Геннадие-

[1] См. стр. 411, прим. 3.

вым соображения о существовании заговора серьезны и основательны. Геннадиев прибавил, что если его доведут до необходимости бежать, то, поселившись где-нибудь за границей, например, в Париже, он будет вести неумолимую кампанию против теперешнего правительства, покуда его не свалит.

Савинский

№ 405. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Письмо. 29/16 июля 1915 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Положение вещей в Персии с каждым днем становится сложнее. Вызванный политиканствующей оппозицией кризис уже длится четыре с половиной недели, благодаря главным образом слабости, с первой минуты проявленной лично принцем Эйн-эд-Доуле. В стремлении своем заручиться непременно всеобщим доверием, он в результате лишился поддержки всех партий [1]. Он ныне сознает свою ошибку, и единственным утешением является для него, по его же словам, сознание, что, хотя бы в минуту удаления от политического поприща, он добился доверия России.

Убедившись в конце концов в невозможности обойтись без поддержки императорской и английской миссий, Мушир-эд-Доуле (кандидат демократов) и Мостоуфи-оль-Мемалек (кандидат шаха) упорно до сих пор отказываются от премьерства.

Партии в меджлисе раскололись и перепутались, печать негодует, одновременно нападая на бывших министров, на министерских кандидатов, на меджлис, на русскую и английскую миссии.

Помимо безвластия и произвола, здесь в данное время царит полная растерянность среди политических кругов. Это заметно, между прочим, по поведению некоторых несочувствующих нам деятелей, ныне старающихся установить или возобновить прерванные отношения с миссиями.

Эйн-эд-Доуле, так поспешно и малодушно подавший в отставку, серьезно, повидимому, удручен, отдавая себе отчет, что Персия по своей вине ныне на краю гибели.

Ходят слухи о возможности еще для Мохтешам-эс-Солтане, Самсам-

---

[1] 22/9 июля в письме к Сазонову Эттер передавал: «Меджлис во время вчерашнего заседания большинством двух голосов высказался против министерства Эйн-эд-Доуле—Ферман-Ферма, предложив образование кабинета Мушир-эд-Доуле».

эс-Солтане, Ала-эс-Солтане и других второстепенных деятелей взять на себя сформирование правительства. Но трудно думать, чтобы им удалось восстановить порядок и нормальное течение государственной жизни, — во всяком случае, — скоро.

Произвол, о котором я упомянул выше, само собою должен был распространяться на провинции, — на образ действий губернаторов. Некоторые из последних, как оказывается, также подпали под финансовое давление немцев, получивших возможность рассчитывать на их содействие вооруженным караванам, продвигающимся к Афганистану.

Реальное воздействие с нашей стороны представлялось тем более неотложным, и известие об отправлении казачьего полка из Асхабада в пределы Персии явилось поэтому как нельзя более своевременным. Одновременно я узнал о новой высадке 500 пограничников в Энзели и 1 000 человек индийской пехоты и кавалерии в Бушире.

События эти уже произвели здесь известное впечатление, сразу почувствовалось более предупредительное к нам, под влиянием угрозы, отношение со стороны персов. Но следует надеяться, что посланный из Асхабада казачий полк окажется достаточным для благополучного выполнения возложенного на него поручения на востоке Персии, так как я сильно опасаюсь, что индийский отряд, идущий через Белуджистан, запоздает.

Возвращение к власти принцев Эйн-эд-Доуле и Ферман-Ферма, еще возможное, могло бы, может быть, отозваться на образе действий губернаторов; тем не менее столкновения с нашими войсками едва ли во всяком случае будут избегнуты. Очень правдоподобно, что последствием их явятся репрессии в тех центрах, в которых немцы чувствуют себя хозяевами положения. Если предвидения эти оправдаются, нам необходимо будет действовать более решительно, так как дальнейшие безнаказанные расправы с их стороны казались бы совершенно недопустимыми.

Мне кажется, что маневр части Казвинского отряда в сторону Тегерана представил бы собою полезную предупредительную меру [1], и я предполагаю снестись по этому вопросу с войсковым старшиной Беломестновым, чтобы выяснить, считает ли он свой отряд достаточно для сего сильным [2].

[1] В письме от 22/9 июля (см. пред. прим.) Эттер писал: «Опыт показал, что даже демонстративные передвижения наших войск успокаивающим образом действуют на персов».

[2] В письме от 30/17 июля Беломестнов сообщает Эттеру о нежелательных последствиях, к которым может привести «военная прогулка на 2-3 дня в сторо-

Марлинг, как и я, находит, что наше достоинство не может допускать дальнейшего произвола со стороны наших врагов и попустительства со стороны персов. В то же время мы за отсутствием правительства уже более месяца не имеем, к кому обращаться, с кем вести переговоры. Положение это не изменится в случае появления у власти не сочувствующего нам кабинета.

Принимая во внимание наше вынужденное бездействие, некоторые из моих иностранных сотоварищей высказывались в пользу переезда, в крайнем случае, союзных миссий в Казвин, — под покровительством наших войск.

Это могло бы, конечно, в известной мере отрезвить персов, но, с другой стороны, могло бы легко довести дело и до формального разрыва нашего с Персией, чего именно и добиваются наши враги, и чего мы желаем избежать. К тому же положение наших консульств и учреждений в центральных провинциях оказалось бы еще более опасным.

Нам остается, следовательно, выжидать предстоящих событий близ афганской границы в надежде, что они повернутся в нашу пользу, не скрывая одновременно от персов, что час расправы с нашей стороны наступит по окончании войны.

Молодой шах, как известно, настаивает на своей преданности конституционным началам. Я поэтому косвенным путем довел до его сведения, что для вывода страны из настоящей неурядицы ему следовало бы взять дело в свои руки, — образовать министерство из самых выдающихся политических деятелей всех оттенков, на определенный срок, с миссиею провести в жизнь, на законных началах конституции 1907 года, меджлис с его 120 депутатами и сенат [1].

ну Тегерана». «Представьте только, — писал он, — что движение российского отряда вызовет встречное движение персидских вооруженных сил и немецких банд, на полдороге неминуемый бой, который, раз начатый, должен быть доведен до конца, включительно до занятия Тегерана». Если же «для предупреждения боевого столкновения отряду прикажут вернуться назад, — позор, срам, всякий престиж русский окончательно будет там подорван». Далее он указывал на необходимость немедленного увеличения отряда до 4 000 штыков, 2 000 сабель, дивизиона артиллерии и 2 туземных команд, говоря, что отряду такой силы «всякая задача в Персии будет по плечу, и я берусь водрузить русский флаг на всех воротах Тегерана. На будущей неделе с пробной целью устрою с 5-6 сотнями прогулку в сторону Тегерана с целью охоты на джайранов на 25 часов. Проследите, какое будет впечатление в Тегеране».

[1] В письме Сазонову от 5 авг./23 июля Эттер, сообщая о том, что «старания шаха и меджлиса составить министерство остаются без результатов», приписывал неудачу м-ров в деле образования прав-ва тому факту, что «они, за

Это, во всяком случае, явилось бы для нас выигрышем времени, но едва ли интриги его приближенных допустят даже обсуждение плана, предусматривающего временный роспуск меджлиса.

В общем позволяю себе повторить, что дальнейшее затягивание здешнего неопределенного положения, без слишком большого ущерба для нашего достоинства, возможно только при условии проявления с нашей стороны внушительной, реальной угрозы, что, впрочем конечно, в данную минуту, не может, к сожалению, соответствовать видам нашего военного ведомства.

Примите и пр. Эттер.

№ 406. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 136. 30/17 июля 1915 г.

The following is an amended copy of the communication which Sir E. Grey proposes should be made to the Servian Government by the allied Representatives at Nish (Embassy Aide-Mémcire No 132) [1].

«A critical stage in the war has been reached when it has become imperative for each ally to put forth his greatest effort and greatest sacrifice in order to bring the war to a successful issue. In waging this war the Allies have made very heavy sacrifices for the purpose, among other things, of preserving the existence of Servia as an independent country. The Allies have given their solemn promise that at the conclusion of a successful war Servia shall be compensated on a most generous scale and shall see the realization of many of her political and economic aspirations. But it must be clearly understood that Servia must make her share of the sacrifices required to facilitate the stupendous task still before her and her Allies — all of whom are figthing for a common object in a common cause. In this struggle the cooperation of Bulgaria is of the greatest importance, and in view of the developments which that cooperation would bring about, it is most essential to the interests of Servia that she should be prepared to assist in obtaining that cooperation as far as lies in her power.

The Allies have little doubt that Bulgarian cooperation could be secured if Servia would consent to cede the uncontested zone to Bul-

исключением Эйн-эд-Доуле, Ферман-Ферма, не могут рассчитывать на поддержку русской и английской миссий, а также на финансовую с их стороны поддержку».

[1] См. № 375.

garia or to the Allies; and if, as further proof of her devotion to the common cause, she would consent, on the day when Bulgaria entered the field on our side, to the Allies occupying the territories to the east of the Vardar for the duration of the war, the Allies would cede them to Bulgaria with the other portion of the uncontested zone, after Servia had received all the new acquisitions which would then rightly be her due. The occupation of these districts by the Allies would guarantee to Servia perfect security there from disturbance or attack by bands so that she would be able to devote all her forces to the prosecution of the war against Austria-Hungary [1]. The Allies feel convinced that Servia will appreciate the necessities of the situation and be ready to do her best to meet them; and they would not suggest these sacrifices to her, especially after the most gallant conduct of her armies, were they not absolutely essential to final success. In any case a territorial connection between Servia and Greece would be maintained.

This great war originated in an attempt to wipe Servia out of existence and in the determination of Russia not to abandon her in her hour of need. Thanks to the exertions of Russia and of her Allies, the existence of Servia has been preserved from the fate with which it was threatened, though at the cost of heavy sacrifices» [2].

Sir E. Grey would be glad if Mr. Sazonow could see his way to sending instructions in this sense to the Russian Representative at Nish.

Перевод.

Нижеследующий текст является исправленным проектом сообщения, которое сэр Э. Грей предлагает сделать сербскому правительству через посредство союзных представителей в Нише (памятная записка посольства № 132).

«Наступила критическая стадия войны, когда для каждого из союзников настоятельно необходимо сделать величайшее усилие и принести величайшую жертву в целях довести войну до успешного завершения. При ведении этой войны союзники принесли весьма тяжелые жертвы, чтобы, между прочим, обеспечить

[1] 1 авг./19 июля англ. пос-вом в Петрограде пам. запиской за № 138 был вручен Сазонову новый проект заявления серб. прав-ву, существенное отличие которого составило отсутствие в этой редакции предложения сербам согласиться на союзническую оккупацию территорий к востоку от Вардара.

[2] В упомянутой в пред. прим. второй редакции пам. записки этот абзац также отсутствовал; заканчивалась она заявлением, что если Болгария не примкнет к державам Согласия, то все делаемые ей предложения отпадают, и никакие обязательства в отношении ее не сохраняются.

существование Сербии как независимой страны. Союзники дали торжественное обещание, что при успешном окончании войны Сербия будет щедро вознаграждена и увидит осуществление многих своих политических и экономических стремлений. Но должно быть ясно понято, что Сербия должна принести свою долю жертв, необходимых для облегчения осуществления огромной задачи, стоящей перед ней и ее союзниками, которые все сражаются в общих целях за одно и то же дело. В этой борьбе содействие Болгарии имеет величайшее значение, и ввиду результатов, которые будет иметь это сотрудничество, крайне существенно для интересов Сербии, чтобы она была готова содействовать обеспечению указанного содействия, насколько это в ее силах.

Союзники почти не сомневаются в том, что содействие Болгарии могло бы быть достигнуто, если бы Сербия согласилась уступить бесспорную зону Болгарии или союзникам, и если бы, как дальнейшее доказательство ее преданности общему делу, она согласилась в день выступления Болгарии на нашей стороне на оккупацию союзниками на время войны территории к востоку от Вардара. Эти территории союзники уступят Болгарии с остальной частью бесспорной зоны, после того как Сербия получит все новые приобретения, право на владение которыми будет тогда за ней закреплено. Оккупация этих округов союзниками явится для Сербии полной гарантией против смуты или нападений банд. Таким образом, Сербия будет иметь возможность посвятить все свои силы продолжению войны с Австро-Венгрией. Союзники убеждены, что Сербия поймет, чего требует положение, и выкажет готовность сделать все, что в ее силах, в этом смысле. Они бы не советовали ей пойти на эти жертвы, в особенности после доблестных подвигов ее войск, если бы указанные жертвы не были безусловно существенны для конечного успеха. Во всяком случае территориальная связь между Сербией и Грецией была бы сохранена.

Эта великая война была вызвана попыткой стереть Сербию с лица земли и решимостью России не бросать ее на произвол судьбы в критическую для нее минуту. Благодаря заступничеству России и ее союзников существование Сербии спасено от угрожающей ей судьбы, хотя и ценой тяжелых жертв».

Сэр Э. Грей был бы рад, если бы г. Сазонов нашел возможным послать инструкцию в этом смысле российскому представителю в Нише.

№ 407. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Эттеру.

Телеграмма № 3696[1]. 30/17 июля 1915 г.

Телеграмма от [29] 16 июля[2] получена.

Не видим решительно никакой возможности посылать казаков в столь отдаленный пункт, как Керман. К тому же они и не успели бы притти туда во-время.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 29/16 июля (без номера) Эттер передавал просьбу англ. консула в Кермане о пересылке туда казаков, мотивированную опасением беспорядков, в связи с прибытием герм. консула и его усиленной агитацией.

Соглашаясь на английское предложение отправить отряд для захвата немецкого каравана, мы именно условились с англичанами, что возьмем на себя охрану северной пограничной к Афганистану полосы Персии. Индийское же правительство озаботится охраной южной полосы.

Сазонов.

№ 408. Товарищ министра иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Телеграмма № 3700. 30/17 июля 1915 г.

Копия сообщена в Пекин.

С начала войны находящиеся в Южной Манчжурии, и особенно в полосе отчуждения Южно-Манчжурской железной дороги, немцы дают нам повод подозревать их в подготовке покушения на Китайскую Восточную железную дорогу. Деятельность их направляется из германского консульства в Мукдене. В последнее время под предлогом вербовки рабочих для несуществующей мельницы, китаец, находящийся в сношениях с подозрительными инстанциями, вербовал шайку китайцев в Мукдене [1].

Благоволите обратить внимание министра иностранных дел на опасность для Китайской Восточной железной дороги, которую представляет такая деятельность немцев в японской сфере Манчжурии, и просить его, не сочтет ли он возможным поручить своему посланнику в Пекине условиться с нашим посланником относительно мер противодействия этой вредной деятельности [2].

Нератов.

[1] В письме Крупенского Нератову от 14/1 июля передавалось мнение посланника, что «деятельности немцев в Манчжурии был бы положен предел, если бы японцы выслали из полосы отчуждения Южно-Манчжурской железной дороги всех германских правительственных и тайных, но несомненно известных им агентов». «Я не раз обращал на этот вопрос внимание моего здешнего японского коллеги — писал Крупенский, — но без какого-либо существенного результата, ибо, как я неоднократно имел честь доносить императорскому министерству, отношение японцев к немцам, по крайней мере, здесь в Китае, очень мало соответствует отношению к последним других воюющих, носит порой прямо-таки характер попустительства и может быть, по моему мнению, изменено лишь путем соответствующего обращения к токийскому кабинету».

[2] В цитированном в предыдущем прим. письме Крупенский сообщал, что он указывал в «вай-цзяо-бу на попустительство, оказываемое китайскими властями деятельности германских агентов, во главе с консулом, — попустительство, совершенно не согласующееся с объявленным Китаем нейтралитетом», и

№ 409. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому.

Телеграмма № 3701. 30/17 июля 1915 г.

Барон Мотоно неоднократно высказывался в разговорах со мною относительно желательности тесного единения между Россией и Японией. Так как его слова совпадали с тем, что вы сообщаете о настроении среди японских старейших государственных деятелей [1], то я решил сделать новую попытку осуществить мысль о политическом соглашении между Россией, Англией и Японией. Мне казалось опасным пренебрегать косвенной инициативой японцев в этом направлении, чтобы не затронуть их самолюбия и не толкнуть их на путь сближения с враждебными нам государствами. Для начала мне казалось желательным официальное приступление Японии к русско-франко-английскому соглашению [5 сентября] 23 августа о совместных военных действиях против Германии и Австрии. Сообщая об этом сэру Э. Грею, я просил его высказаться в этом смысле перед японским послом, дабы дать понять японскому правительству, что его формальное приступление по сказанному соглашению [2] должно служить в наших глазах преддверием для установления политического единения Японии с Россией и ее союзниками. Сэр Э. Грей, ссылаясь на дважды высказанное японским м-ром ин. дел мнение, что осуществление политического соглашения между Россией, Англией и Японией должно быть отложено до конца войны, поручил великобританскому послу в Токио выяснить у барона Като теперешнее отношение японского правительства к такому соглашению.

Вышеизложенное сообщается вам для сведения.

Сазонов.

№ 410. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 454. 30/17 июля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 3345 [3].

Передал ее содержание частным образом через А. Г. Рафаловича. Ныне узнаю от действительного статского советника Батчева, что это

советовал «удалить из пределов Манчжурии нарушающих этот нейтралитет германских агентов».

В письме Барку от 5 июля/22 июня за № 346 Сазонов, обсуждая вопрос об экспедиции герм. офицеров в Монголию и создающуюся вследствие этого угрозу К. В. ж. д., писал: «Едва ли мы можем рассчитывать, что китайцы будут принимать действительные меры против деятельности германских агентов».

[1] См. № 320.

[2] Так в оригинале.

[3] См. № 303.

произвело неблагоприятное впечатление на Мелина, который не решился даже передать сообщения членам... убежден, что преследуемые комиссией цели могут быть достигнуты лишь при непременном условии заблаговременной, до окончания войны, подготовки вопроса, так чтобы ко времени заключения мира можно было оформить и приступить к осуществлению своей задачи. Между тем из инструкций, полученных Батчевым от управляющего канцелярией министра торговли и промышленности, усматривается, что речь шла об (делегате) не до окончания войны, а лишь «по крайней мере, до осени». Сия последняя постановка вопроса была бы, конечно, гораздо более приемлема для Франции; если она действительно соответствует взглядам императорского правительства, то я покорнейше просил бы разрешить мне сделать здесь новое сообщение в этом смысле.

Извольский.

№ 411. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 455. 30/17 июля 1915 г.

Копии в Лондон и Рим.

Делькассе сказал мне, что он поручил французскому посланнику в Софии выработать совместно с тремя своими товарищами протест [1] болгарскому правительству в смысле последнего английского предложения [2], но он предвидит, что Радославов ответит на это сообщение требованием вполне определенной гарантии относительно Македонии, и думает, что, если четыре державы не заручатся предварительным согласием Сербии на предположенное занятие ими Македонии, это поставит их в весьма затруднительное положение. Поэтому Делькассе готов принять только-что переданное ему английским послом предложение касательно нового сообщения в Нише, хотя он сильно сомневается, чтобы при господствующем там настроении оно встретило со стороны сербского правительства благоприятный прием.

Извольский.

---

[1] Так в оригинале; очевидно, д. б.: «проект ответа».

[2] Тел. от 29/16 июля за № 452 Извольский сообщал о полученном Делькассе в этот день новом англ. предложении (см. № 405) с упоминанием оккупации союзниками бесспорной зоны Македонии, которое, по словам Делькассе, будет им внесено на рассмотрение совета министров.

№ 412. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 179. 30/17 июля 1915 г.

Me référant à mon télégramme No 177 [1].

Le ministre français, ayant reçu ses instructions, nous avons fait au gouvernement monténégrin la déclaration suivante: «Les Puissances, dès juillet... ant l'envoi de forces monténégrines en Albanie tandis que celles-ci devraient avoir pour objet une action offensive contre l'Autriche, ne reconnaissent pas l'occupation par le Monténégro de territoires albanais, occupation qui est en contradiction directe avec les conseils donnés par les Puissances au gouvernement du roi Nicolas. Les consuls à Scutari ont reçu l'ordre de se borner à l'expédition des affaires courantes et d'éviter d'entretenir des relations officielles avec les autorités monténégrines. La promesse du gouvernement monténégrin de ne donner à l'occupation de Scutari qu'un caractère temporaire qui ne peut en aucune façon préjuger de son sort, lequel dépend exclusivement de la volonté des grandes Puissances, est une promesse dont ces dernières ont pris acte, mais ne peut influer sur les jugements que les Puissances porteront ultérieurement sur les agissements des Monténégrins qui devraient diriger sans délai leurs forces contre l'ennemi commun». Fin du texte.

Obnorsky.

Перевод.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 177.

После того как французский посланник получил свою инструкцию, мы сделали черногорскому правительству следующее заявление:

«Державы с июля месяца... отправку черногорских войск в Албанию, в то время как они должны были быть использованы для наступательных действий против Австрии, не признают оккупацию Черногорией албанской территории,— оккупацию, находящуюся в прямом противоречии с советами, данными держа-

[1] Обнорский, сообщая тел. от 27/14 июля за № 177, что «здешние представители держав, ссылаясь на статью 43-ю 4-й Гаагской конвенции, сделали... заявление о недопустимости нарушения прав иностранных подданных в оккупированных черногорцами областях Албании», передавал, что черног. прав-во ответило: «Все вытекающие из режима капитуляций права подданных дружественных и союзных с Черногорией государств будут властями уважены и охранены». Далее, сообщая, что «подписанное заявление общего характера об отношении держав к занятию черногорцами Скутари пока еще не могло быть сделано ввиду неполучения французским посланником инструкций», Обнорский просил ускорить их доставление, «ибо... урегулирование этого вопроса облегчило бы Италии принятие во внимание ходатайства Черногории о содействии итальянского флота доставке сюда продовольствия».

вами правительству короля Николая. Консулы в Скутари получили предписание ограничиваться ведением текущих дел и избегать поддерживать официальные отношения с черногорскими властями. Обещание черногорского правительства придать оккупации Скутари лишь временный характер, не могущий никоим образом предопределить его судьбу, каковая зависит исключительно от усмотрения великих держав, является обещанием, принятыми последними к сведению, но не может повлиять на суждение, каковое державы выскажут впоследствии о действиях черногорцев, которые должны были бы направить незамедлительно свои силы против общего врага». Конец текста.

Обнорский.

№ 413. Управляющий вице-консульством в Урмии министру иностранных дел.

Телеграмма № 41. 30/17 июля 1915 г.

Епископ Сергий просит через министерство передать митрополиту Владимиру и копию обер-прокурору:

«Настоятельно необходимо удаление ханов-руссофобов Сердара и Бали Зергама. Они виновны косвенно в избиении и грабеже, имеют много оружия, могут присоединиться в случае чего к курдам, начинающим показываться. Нужно вооружить христиан, их с горцами 25 000 [1]».

Я считаю никакие резкие меры недопустимыми, нужно умиротворение доступными теперь способами. Каковы полномочия епископа в смысле направления политики? [2]

Полагал бы, что дело наше и теперь здесь также военное [3].

Никитин.

---

[1] См. № 339 и прим.

[2] Тел. от 20/7 июля за № 196 Беляев передавал тел. Никитина за № 34 о том, что епископ Сергий «сразу занял непримиримую позицию», вследствие чего, несмотря на достигнутые «за месяц крайне тяжелой работы» результаты в деле «умиротворения Урмии», он (Никитин) вынужден «просить об отозвании ... отсюда, так как бороться с нетерпимостью и фанатизмом не в силах».

В ответ на эту тел. 22/9 июля Персиани телеграфировал за № 3530: «Передайте доверительно Никитину, что вопрос о пребывании в Урмии епископа Сергия будет пересмотрен на-днях», и просил до разрешения этого вопроса поддерживать корректные отношения с епископом.

24/11 июля Беляев за № 200 телеграфировал: «Я считаю полезным и необходимым отозвание Сергия и присылку сюда более мягкого человека».

[3] Так в оригинале.

№ 414. Памятная записка министерства иностранных дел английскому, французскому и итальянскому послам в Петрограде — Бьюкенену, Палеологу и Карлотти.

№ 820. 31/18 июля 1915 г.

Mr. Sazonow est prêt à autoriser le ministre de Russie à Sofia de se joindre à son collègue de la Grande Bretagne pour faire à Mr. Radoslavoff la déclaration projetée par son excellence Sir E. Grey [1]. Il hésiterait toutefois vu le secret promis à Mr. Bratiano de mettre le gouvernement bulgare au courant des négociations entre les alliés et la Roumanie qui permettront à la Bulgarie de recouvrer Baltchik et Dobritch [2].

Перевод.

Г. Сазонов готов уполномочить российского посланника в Софии присоединиться к его великобританскому коллеге, дабы сделать г. Радославову сообщение, проектируемое его превосходительством сэром Э. Греем. Однако он сомневается ввиду обещания, данного г. Братиану о соблюдении тайны, следует ли посвящать болгарское правительство в переговоры между союзниками и Румынией, которые позволят Болгарии получить обратно Балчик и Добрич.

№ 415. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 3706. 31/18 июля 1915 г.

По получении представителями Франции, Англии и Италии предписания передать королевичу Александру обращения к его высочеству [3] короля Георга V, короля Виктора-Эммануила и президента Пуанкаре, благоволите испросить аудиенцию у престолонаследника для вручения по возможности одновременно с вашими сотоварищами высочайшей телеграммы следующего содержания:

«La guerre devant laquelle ni moi, ni mes alliés nous n'avons reculé

---

[1] См. стр. 554, прим. 1. Далее зачеркнуто: «Il croirait toutefois imprudent de promettre à la Bulgarie l'occupation de la ligne du Vardar par les alliés avant que la réponse du gouvernement serbe à ce sujet ne soit connue». («Однако он считал бы неосторожным обещать Болгарии оккупацию союзниками линии Вардара, прежде чем будет получен ответ сербского правительства по этому вопросу».)

[2] Сазонов телеграфировал 31/18 июля за № 3718 Савинскому, что он «одобрил текст, выработанный великобританским правительством [см. стр. 554, прим. 1], но без упоминания о тех уступках, которые державы намерены предоставить Румынии. Ссылка же на возврат Добрича и Балчика болгарам вполне уместна. Не задерживая выступления, сообщите по телеграфу выработанный вами и сотоварищами текст».

[3] См. №№ 388, 400.

pour sauvegarder la dignité et l'indépendance de la Serbie est arrivée à un moment où les plus grands sacrifices s'imposent à nous tous pour la terminer à brève échéance par une victoire décisive sur l'ennemi. Seule une défaite [1] de l'Allemagne et de l'Autriche-Hongrie peut assurer à la Serbie un avenir digne des actes de valeur accomplis durant cette année par son peuple et son armée, — seule cette défaite peut lui permettre de s'ouvrir un accès à la mer et de libérer les populations slaves gémissant sous le joug de l'oppresseur. La victoire sur les deux Empires du Centre ne peut être obtenue de sitôt que si des facteurs nouveaux viennent augmenter les forces actuelles des alliés. Je fais donc appel à votre altesse royale, à la sagesse [2] et à l'esprit d'abnégation du peuple serbe dans l'espoir que la Serbie [3] voudra consentira des sacrifices que les alliés jugent necéssaires en vue de s'assurer la coopération d'autres Etats. Celle-ci permettrait de réduire les maux causés par cette guerre, d'en rapprocher le terme et de l'acheminer vers l'issue heureuse que mérite la juste cause pour laquelle combattent les alliés». Signé Nicolas [4].

Конец высочайшей телеграммы [5].

Сазонов.

Согласен.

Царское Село, [30]17 июля 1915 г.

---

[1] Далее зачеркнуто: «complète» (полная).

[2] Далее зачеркнуто: «de son gouvernement» (вашего правительства).

[3] Слова: «dans l'espoir que la Serbie... permettrait de réduire» вписаны вместо зачеркнутых: «pour les amener à des sacrifices qui doivent nous assurer la coopération de la Bulgarie dans le but unique» (чтобы побудить их к жертвам, которые должны нам обеспечить сотрудничество Болгарии в общих целях).

[4] «Война, перед которой ни я, ни мои союзники не отступили для спасения достоинства и независимости Сербии, достигла момента, когда от нас всех требуются величайшие жертвы, дабы закончить ее в короткий срок решительной победой над врагом. Лишь поражение Германии и Австро-Венгрии может обеспечить Сербии будущее, достойное подвигов, совершенных в течение истекшего года ее народом и армией, — только это поражение может ей позволить проложить себе доступ к морю и освободить славянские народы, стонущие под игом поработителя. Победа над обеими центральными империями может быть одержана в ближайшее время лишь при условии присоединения новых участников, которые увеличат нынешние силы союзников. Я обращаюсь поэтому с призывом к вашему королевскому высочеству, к мудрости и к духу самопожертвования сербского народа в надежде, что Сербия согласится на принесение жертв, которые союзники считают необходимыми в целях обеспечения содействия других государств. Это содействие позволит уменьшить вызванные войной бедствия, ускорить ее окончание и привести ее к окончательному исходу, достойному правого дела, за которое сражаются союзники». Подписано Николай.

[5] 30/17 июля за № 3692 Сазонов телеграфировал Трубецкому (с копиями в Париж, Лондон и Рим): «... Вы получите завтра текст высочайшего обращения к

№ 416. Памятная записка министерства иностранных дел английскому, французскому и итальянскому послам в Петрограде — Бьюкенену, Палеологу и Карлотти.

№ 821. 2 августа/20 июля 1915 г.

Le ministre de Russie à Sofia a reçu les instructions de se conformer pour la déclaration à faire au gouvernement bulgare au texte suggéré par son excellence Sir E. Grey [1]. Appréhendant que Mr. Radoslavoff ne trouve insuffisantes les garanties offertes par les alliés quelque réelles qu'elles soient Mr. Sazonow a autorisé Mr. Savinsky [2] d'ajouter le cas échéant de vive voix à titre personnel et confidentiel ce qui suit: les Puissances disposent encore d'un autre moyen de pression sur la Serbie excluant la possibilité d'un conflit armé entre celle-ci et la Bulgarie. Ce moyen consisterait dans l'occupation du littoral promis à la Serbie jusqu'à la remise par cette dernière de la zone incontestée de la Macédoine à la Bulgarie.

Mr. Sazonow serait reconnaissant aux Cabinets alliés s'ils voulaient bien munir leur représentants à Sofia d'instructions similaires.

Перевод.

Российский посланник в Софии получил инструкцию руководствоваться для предполагаемого сообщения болгарскому правительству текстом, предложенным его превосходительством сэром Э. Греем. Опасаясь, что г. Радославов найдет недостаточными гарантии, предоставленные союзниками, как бы реальны они ни были, г. Сазонов уполномочил г. Савинского в случае надобности лично и доверительно добавить на словах следующее: державы располагают еще другим способом оказать давление на Сербию, исключающим возможность вооруженного конфликта между ней и Болгарией. Этот способ состоял бы в оккупации обещанного Сербии побережья до передачи последнею бесспорной зоны в Македонии Болгарии.

Г. Сазонов был бы благодарен союзным кабинетам, если бы они согласились снабдить своих представителей в Софии тождественными инструкциями.

королевичу Александру, которое вам надлежит передать его величеству одновременно с представителями Франции, Англии и Италии». Далее Сазонов предлагал Трубецкому «сделать сербскому правительству заявление согласно с инструкциями, данными великобританскому посланнику».

[1] См. стр. 554, прим. 1.

[2] Тел. Савинскому от 2 авг./20 июля за № 3729. — Радославову это сообщение (без упоминания о занятии Далматинского побережья) было дополнительно сделано Савинским письмом от 4 авг./22 июля.

№ 417. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 139. 2 августа/20 июля 1915 г.

Sir E. Grey has sent instructions to Sir F. Elliot to communicate to the Greek Prime Minister on August 3rd (n. s.) that part of the note to the Bulgarian Government which concerns Kavala (see Paragraph 6 of the Embassy Aide-Mémoire No 137 of July 31st/18th) [1].

Sir E. Grey has further informed Sir F. Elliot that the communication to Bulgaria offers a guarantee of the cession of the uncontested zone in Macedonia by Servia in a similar form, but territorial connection between Greece and Servia will be provided for.

On making this communication to the Greek Government on August 3rd, Sir F. Elliot is, unless he sees some objection to such a course, to inform the Prime Minister that we are making this communication at Sofia, that we do not forget the Greek protest [2] against our offer to Bulgaria of May 29th [3], and do not of course expect him to express acquiescence at this time our views, but that we think it right that he should know what our policy is in matter, and we believe, as the war progresses, that the Greek people will recognize it both as just and as of solid benefit to Greece, whose claims to a future extension of territory are now explicitly, although conditionally, recognized in what we are saying to Bulgaria.

Sir F. Elliot's instructions continue as follows:

«You can further point out that if Greece desires conditions to assure the future stability of her territorial possessions, this can be arranged when the time comes to discuss the cession of Kavala and its Hinterland to Bulgaria.

If the proposals now made at Sofia fail to secure the cooperation of Bulgaria, they will lapse and the cession of Kavala will not become a practical question.

If the proposals now made succeed, a Balkan Agreement will be accomplished that will ensure the complete success of the war in the Eastern theatre, and with it a gain of territory to Greece and Servia such as was not dreamt of a year ago.

The alternative is, I fear, a new war between the Balkan States which would make the realization of Greek and Servian aspirations doubtful,

---

[1] См. стр. 554, прим. 1.
[2] См. № 42.
[3] См. №№ 37, 38.

where as a Balkan Agreement based on reasonable concessions to Bulgaria would make those aspirations certain».

His Majesty's Embassy is to inform Mr. Sazonow of the substance of the above instructions to Sir F. Elliot, in which Sir E. Grey hopes His Excellency will concur, and the Embassy is to enquire, whether Mr. Sazonow would be so good as to instruct Mr. Demidow to concert with Sir F. Elliot as to the best method of making this communication [1].

Перевод.

Сэр Э. Грей послал инструкцию сэру Ф. Эллиоту сообщить греческому премьер-министру 3 августа (н. ст.) ту часть ноты болгарскому правительству, которая касается Кавалы (см. § 6 памятной записки посольства № 137 31/18 июля).

Помимо того, сэр Э. Грей уведомил сэра Ф. Эллиота, что сообщение Болгарии содержит предложение гарантии уступки бесспорной зоны в Македонии Сербией в тождественной форме, но территориальная связь между Грецией и Сербией будет обеспечена.

При передаче этого сообщения греческому правительству 3 августа, сэр Ф. Эллиот уполномочен, если он не встретит к этому каких-либо препятствий, уведомить премьер-министра, что, делая это сообщение в Софии, мы не забываем греческий протест против нашего предложения Болгарии от 29 мая, и, конечно, не ожидаем от него в настоящее время выражения согласия с нашей точкой зрения, но считаем уместным, чтобы он [премьер-министр] знал нашу политику в этом вопросе, и уверены, что по мере развития войны греческий народ признает ее и справедливой и предоставляющей серьезные выгоды Греции, чьи стремления к расширению ее территории в будущем явно, хотя и условно, признаны в том, что мы заявляем Болгарии.

Инструкции сэру Ф. Эллиоту гласят далее:

«Вы можете затем указать, что если Греция желает создания условий для закрепления в будущем ее территориальных владений, то это может быть достигнуто, когда наступит время обсуждения уступки Кавалы и ее хинтерланда Болгарии.

Если предложения, сделанные теперь в Софии, не обеспечат сотрудничества Болгарии, то они потеряют силу, и уступка Кавалы выйдет из области практического обсуждения.

Если делаемые теперь предложения будут иметь успех, то будет достигнуто балканское соглашение, которое обеспечит полный успех войны на восточном ее театре, а тем самым такое приращение территорий и для Греции и для Сербии, о котором нельзя было мечтать год назад.

[1] Тел. Сазонова от 2 авг./20 июля за № 3751 Демидову предлагалось «присоединиться к заявлению, которое поручено великобританскому посланнику сделать греческому правительству... (3 августа) 21 июля относительно Кавалы». Извещая Сазонова тел. от 3 авг./21 июля за № 287 о состоявшейся передаче представителями четырех держав в Афинах предписанного заявления, Демидов писал, что, не дав окончательного ответа, «лично министр иностранных дел высказался против возможности отчуждения части национальной территории».

Иным исходом была бы, как я этого опасаюсь, новая война между балканскими государствами, каковая поставит под сомнение осуществление идеалов Греции и Сербии, в то время как балканское соглашение на базе разумных уступок Болгарии обеспечит их осуществление».

Посольству его величества поручено довести до сведения г. Сазонова о сущности вышеприведенных инструкций, с которыми, как надеется сэр Э. Грей, его превосходительство будет согласен; посольство уполномочено также узнать у г. Сазонова, не соблаговолит ли он поручить г. Демидову сговориться с сэром Ф. Эллиотом о лучшем способе передачи этого сообщения.

№ 418. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 140 [1]. 2 августа/20 июля 1915 г.

His Majesty's Embassy has been instructed to communicate to Mr. Sazonow the following urgent telegramm which Sir E. Grey has addressed to His Majesty's Ambassador at Rome:

«To secure Bulgarian cooperation, I regard it as certain, that we shall have to promise Bulgaria when she takes the field against Turkey occupation at least by the Allies of Macedonia up to the Vardar at the earliest possible moment after the communication at Sofia which we are about to make on August 3rd. Both the Italian and Russian Ministers for Foreign Affairs have now agreed to the offer being made and I would have made it at once, had I not been convinced, that it must be preceded by action at Nish far more definite than that proposed in my telegramm to Mr. Des Graz (Embassy Aide-Mémoire No 136) [2].

The only course which holds out hopes of securing the Alliance of Bulgaria without risking the final alienation of Servia is to give Mr. Pashitch a definite guarantee of the territories which Servia will receive as the result of a victorious war. I wish therefore to offer him, in exchange for the occupation of the Vardar line by Bulgaria or the Allies and the cession of the whole of the uncontested zone after the war, a definite guarantee that, when this war is brought to a successful conclusion. Servia, Montenegro and Croatia shall have for division between them the whole of the territory west and south of the Drave and the Danube line as far west as, and including Agram, and as far south as the Dalmatian frontier with portions of the Adriatic coast including Fiume, Spalato, Ragusa, Cattaro and San Giovanni di Medua with their respective hinterlands, subject only to the reservation that we may

[1] Лит. копия. Рукой Гулькевича над текстом написано: «Единственный».
[2] См. № 406.

have to stipulate for the neutralisation of a part of or the whole of the Dalmatian and Albanian coasts so guaranted. Further we should guarantee to facilitate the union of Servia, subject only to the express desire of the Croatian people. I should further wish to invite Servia, as a pledge of our good faith, to become a party to the Alliance of September 5th. I am aware of Baron Sonnino's objections to any such announcement, but I feel compelled to make a personal appeal to him to reconsider his attitude. I am already personally pledged to the acquisition by Servia of «Bosnia and Herzegovina and a wide access to the Adriatic in Dalmatia». An attitude of reserve as to the precise definition of these territories cannot make this pledge less binding but can only lessen its effect on Servian opinion. Baron Sonnino appears to fear the effect on Italian opinion of committing himself on these points, but he should consider that Italy's identification with a definite pledge to Servia would be of inestimable value in winning the adhesion of the Slavs over whom she is so soon to rule. An attitude of opposition on the part of Italy in this matter puts her in an invidious position. Her claims, now recognized, in Istria and Dalmatia have already made our task in the Balkans harder; they are even now exposing us to possible failure in the Dardanelles with all that such failure would entail. Servia believes that the Slavs are about to lose more to Italy than is really the fact. If Italy now still further increases our difficulties and compromises our success in the war by refusing to remove the unfounded Servian apprehensions, she will incur a heavy responsibility for no more tangible gain than the maintenance of a diplomatical, almost non-commital attitude.

I appreciate the point previously made by Baron Sonnino as to the possibility of a separate peace with Hungary, but that possibility is now so remote, especially in view of our discussions with Roumania, that I cannot believe it is wise to maintain the attitude of keeping our hands free all round to the destruction of all possibility of a decisive diplomatic action. We must have strong weapons in order to enable Mr. Pashitch to recover his influence with the Servian army and people, which he has now so largely lost by the persistent manner in which the allies have kept him in the dark. I do not in the least feel that the Servian apprehensions are unreasonable; indeed I share them myself, for if Baron Sonnino is right that the Italian people in the first flush of victory cannot bear to commit themselves to the recognition of Servia's claims, what garantee can we have that they will do so when after war they are fully conscious of the great sacrifices they have made. — You should immediately make this appeal to the minister for Foreign Affairs and

the Prime Minister in the strongest terms, using all possible arguments to support it and you should urge him to consent to my making an immediate communication to Mr. Pashitch pledging myself that the Allies will take the action stated in the second paragraph of this telegramm [1]».

Перевод.

Посольству его величества поручено сообщить г. Сазонову следующую срочную телеграмму, которую сэр Э. Грей послал послу его величества в Риме:

«Я считаю несомненным, что для обеспечения болгарского содействия мы должны обещать Болгарии оккупацию, когда она начнет военные действия против Турции, по меньшей мере, союзниками Македонии до Вардара, в ближайший по возможности срок после сообщения, которое мы намерены сделать в Софии 3 августа. Оба министра иностранных дел, итальянский и российский, согласны теперь на то, чтобы предложение было сделано, и я бы его сделал немедленно, если бы я не убедился, что ему должно предшествовать выступление в Нише, гораздо более определенное, чем то, которое было предложено в моей телеграмме г. Де-Гра (памятная записка посольства № 136).

Единственным образом действий, позволяющим добиться союза с Болгарией, не рискуя окончательно оттолкнуть Сербию, было бы дать г. Пашичу определенную гарантию в приобретении территорий, которые Сербия получит в результате победоносной войны. Поэтому я желаю предложить ему, в обмен за оккупацию линии Вардара Болгарией, или союзниками, и уступку всей бесспорной территории после войны, определенную гарантию того, что, если война будет доведена до успешного завершения, Сербия, Черногория и Хорватия получат для раздела между собой всю территорию на запад и на юг от Дравы и линию Дуная до Аграма, со включением последнего, и в южном направлении до границы Далмации с частями Адриатического побережья, включая Фиуме, Спалато, Рагузу, Каттаро и Сан-Джиованни-ди-Медуа с их соответственными хинтерландами при одном возможном с нашей стороны условии нейтрализации части или всего таким образом гарантированного Далматинского и Албанского побережья. Помимо того, мы должны гарантировать содействие объединению Сербии при условии изъявления на то желания хорватского народа. Затем я желаю предложить Сербии, в виде доказательства нашей добросовестности, стать участницей союза 5 сентября. Я учитываю возражения барона Соннино против такого заявления, но я сочту должным обратиться к нему с личным призывом изменить свою позицию. Я лично уже поручился за приобретение Сербией «Боснии и Герцеговины и широкого доступа к Адриатическому морю в Далмации». Уклонение от точного определения этих территорий не может умалить значение поручительства, но

[1] Тел. от 2 авг./20 июля за № 3752 Сазонов извещал Бенкендорфа и Извольского о том, что им поручено Гирсу (тел. от 2 авг./20 июля за № 3753) «присоединиться к английскому послу в Риме, чтобы просить Соннино согласиться на сообщение Сербии точного перечня земельных приращений, которые она должна получить за счет Австро-Венгрии взамен уступок Болгарии в Македонии». При этом Сазонов просил Бенкендорфа передать Грею, что он сомневается «в целесообразности приступления Сербии к договору 5 сентября», так как «это может встретить затруднения со стороны Италии».

может лишь уменьшить его влияние на сербское настроение. Барон Соннино, повидимому, опасается впечатления, которое может произвести на итальянское общественное мнение, что он примет на себя обязательство в этом отношении, но он должен принять во внимание, что участие Италии в данной Сербии поруке имело бы неоценимое значение для привлечения тех славян, над которыми Италия призвана так скоро главенствовать. Оппозиция со стороны Италии в этом деле возбуждает негодование против нее. Ее ныне признанные домогательства в Истрии и Далмации затруднили нашу задачу на Балканах, они подвергают нас опасности неудачи в Дарданеллах со всеми теми последствиями, которые подобная неудача может за собой повлечь. Сербия уверена, что славянам придется сделать в пользу Италии бо́льшие, чем в действительности, жертвы. Если в настоящее время Италия еще больше увеличит наши затруднения и подвергнет риску наш успех в войне, отказываясь опровергнуть неосновательные сербские опасения, то она примет на себя тяжелую ответственность в погоне за выгодой, сводящейся к сохранению дипломатической, едва ли обязательной для кого-либо позиции.

Я учитываю поданную ранее бароном Соннино мысль о возможности сепаратного мира с Венгрией. Эта возможность столь далека, главным образом ввиду наших переговоров с Румынией, что я не могу верить, что разумно сохранить позицию полной и повсеместной свободы действий, подрывая тем самым всякую возможность решительной дипломатической акции. Нам нужны сильные средства убеждения, чтобы дать возможность г. Пашичу восстановить свое влияние на сербскую армию и народ, которые он потерял теперь в значительной степени в силу постоянно применяемой союзниками системы держать его в неведении. Я отнюдь не думаю, что сербские опасения неразумны, в действительности я сам их разделяю, так как, если барон Соннино прав, что итальянский народ в упоении первой победы не желает связывать себя признанием притязаний Сербии, то какую можем мы иметь гарантию, что он на это пойдет, когда после войны народ отдаст себе вполне отчет в принесенных им бо́льших жертвах.

Вы должны немедленно в самых сильных выражениях переговорить об этом с министром иностранных дел и премьер-министром, приводя все возможные доводы, чтобы поддержать это предложение, и склонить его согласиться на немедленную передачу мною сообщения г. Пашичу с личным моим ручательством в том, что союзники выполнят изложенное в втором абзаце этой телеграммы».

№ 419. Министр иностранных дел посланнику в Сербии Трубецкому.

Телеграмма № 3749. 2 августа/20 июля 1915 г.

Ваша телеграмма № 691 получена [1].
Ссылаюсь на мой № 3692 [2].

[1] Трубецкой тел. от 1 авг./19 июля за № 691 сообщал Сазонову, что англ. посланник ознакомил его с содержанием предположенного на 3 авг./21 июля англ. прав-вом заявления в Нише и что «крайне желательно было бы добиться определенного согласия держав на присоединение Кроации, а также [на] раздел Албании, что послужило бы обеспечением для Сербии общей границы с Грецией и недопущением Болгарии к Адриатике. Желательно, — добавлял Трубецкой, — иметь возможность ответить Сербии на вероятный запрос о судьбе Баната».

[2] См. стр. 533, прим. 5.

Делая порученное вам и вашим сотоварищам общее заявление Пашичу, можете доверительно добавить от себя, в целях его успокоения: 1) что о допущении Болгарии к Адриатическому морю не может быть речи, ввиду решения держав предоставить Сербии и Греции общую границу в Албании и 2) что в случае согласия на то хорватов, Россия будет содействовать осуществлению их соединения с сербами [1].

Сазонов.

№ 420. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 3750 [2]. 2 августа/20 июля 1915 г.

Полагаю весьма желательным задержать выдачу сербам 150 миллионов франков, о коих они ходатайствуют, до получения ответа на совместные заявления в Нише. Благоволите высказаться в этом смысле перед правительством, при коем вы аккредитованы [3].

Сазонов.

№ 421. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 457. 2 августа/20 июля 1915 г.

Копии в Лондон и Рим.

Получил ваш № 3681 [4].

Делькассе, которого я ознакомил с ее содержанием, сказал мне, что он не преминет обдумать вашу мысль о временном занятии Рагузы и Спалато, но что, по первому впечатлению, ему кажется, что мысль эта встретит затруднения со стороны Италии, крайне ревниво относящейся ко всему, что касается Адриатического моря.

Извольский.

---

[1] 5 авг./23 июля за № 700 Трубецкой телеграфировал, что публикуемая тел. Сазонова получена была им после свидания с Пашичем (см. № 434).

[2] К оригиналу приложена записка, написанная карандашом, рукой Нератова: «Не сказать ли послам о задержании обещанных сербам 150 миллионов франков до получения ответа на наши общие заявления в Нише?»

[3] Извольский ответил тел. от 7 авг./25 июля за № 468, что Делькассе, по его словам, «лично кажется, что в настоящую минуту вряд ли было бы удобно произвести на Сербию предлагаемое вами воздействие».

[4] См. стр. 489, прим. 2 и № 416.

№ 422. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 458. 2 августа/20 июля 1915 г.

Палеолог телеграфировал о согласии государя императора на сделанное королем Георгом предложение [1], чтобы три союзных монарха и президент Французской республики телеграфировали сербскому наследному королевичу по вопросу об уступках Сербии в пользу Болгарии. Делькассе сказал мне, что он вполне сочувствует этой мысли, но что при этом следовало бы настоять перед итальянским правительством, чтобы оно согласилось на сообщение Сербии о предназначенных ей приращениях за счет Австро-Венгрии.

Извольский.

№ 423. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 460. 2 августа/20 июля 1915 г.

Получил вашу телеграмму № 3678 [2]. Копии в Лондон и Рим.

Вчера, тотчас по получении ее, с точностью передал ее содержание Делькассе, который высказал мне живейшее удовлетворение по поводу вашего согласия на немедленное заключение с Румынией политического и военного соглашения. Сегодня Делькассе, не получивший никакого сообщения о сем от Палеолога, сказал мне, что он не преминул поставить французского посланника в Бухаресте в известность о вашем решении.

Извольский.

№ 424. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 274 [3]. 2 августа/20 июля 1915 г.

Соннино сообщил мне содержание телеграммы Кадорны, что из 15 австрийских бригад, вновь обнаруженных на итальянском фронте, большинство прибыло, будто бы, с сербского фронта. Кадорна просит соответствующих дипломатических воздействий на Сербию.

Гирс.

---

[1] См. № 388.
[2] См. № 402.
[3] Царск. экз.

№ 425. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 463. 2 августа/20 июля 1915 г.

Срочная.

Прошу срочных указаний.

Получил ваш № 3718 [1].

Английский посланник получил последовательно две инструкции: в первой шла речь об оккупации до-вардарской Македонии, а в последней — об оккупации не упоминалось [2]. Прошу срочно телеграфировать, к какой из этих двух инструкций относится ваш № 3718 [1]. Французский и итальянский посланники пока имеют только инструкции, упоминающие об оккупации. О'Бейрн объясняет свою вторую инструкцию, которую ему предписано выполнить, если даже коллеги не получат аналогичных указаний, опасением в Лондоне, что нападение Болгарии на Сербию может произойти не сегодня-завтра. Мы все, продолжая считать это нападение вполне возможным, думаем однако, что нет оснований опасаться, чтобы оно произошло столь скоро, и считаем, что наше выступление должно быть непременно одновременным и идентичным.

Савинский.

№ 426. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

№ 141. 3 августа/21 июля 1915 г.

According to a telegramm received from His Majesty's Minister at Athens, the Greek Government will not admit that a Balkan Agreement can be brought about by the cession of Kavala to Bulgaria. They are convinced, on the contrary, that they would only have to fight for Salonika afterwards.

The Agreement between Turkey and Bulgaria is regarded at Athens as proof that not only is Bulgaria entirely on the side of our enemies but that Roumania is an accomplice also. The Greek Government are more than ever suspicious of Bulgarian designs after learning that no

---

[1] См. стр. 532, прим. 2.

[2] См. № 406 и прим. 2. Гирс тел. от 3 авг./21 июля за № 270 сообщал о получении Роддом этих двух инструкций: первой — 2 авг./20 июля, второй — 3 авг./21 июля. Согласно этой тел., Соннино предписал итал. послам «присоединиться ко всяким предложениям, принятым другими представителями держав Согласия для выигрыша времени и избежания проволочки».

sooner was the Agreement between Bulgaria and Turkey signed, than Germany proceeded to give financial facilities to Bulgaria by postponing the payment of the Treasury Bonds now due for one year and promising to pay at the end of the war the balance of the last loan.

Перевод.

Согласно телеграмме, полученной от посланника его величества в Афинах, греческое правительство не считает, что балканское соглашение состоится благодаря уступке Кавалы Болгарии. Оно, наоборот, убеждено, что ему придется в будущем взяться за оружие для защиты Салоник.

Соглашение между Турцией и Болгарией признается в Афинах не только доказательством того, что Болгария находится вполне на стороне наших врагов, но что и Румыния является также соучастницей. Греческое правительство относится более чем когда-либо подозрительно к планам Болгарии, после того как узнало, что, как только было подписано соглашение между Болгарией и Турцией, Германия оказала Болгарии финансовую поддержку, отсрочив платежи, следуемые по бонам казначейства, на один год и обещая к концу войны произвести рассчет по последнему займу.

№ 427. Памятная записка французского посольства в Петрограде министру иностранных дел.

3 августа/21 июля 1915 г.[1].

Dans ses instructions à Mr. le ministre de France à Nich Mr. Delcassé a indiqué qu'il y aurait lieu de compléter comme suit la phrase de la note collective qui vise les compensations à consentir à la Serbie:

«Les alliés sont prêts à s'engager à ce que la Serbie reçoive, à la conclusion de la paix, dans l'Adriatique, en Bosnie—Herzégovine et ailleurs, les amples compensations qu'ils lui ont déjà réservées et qui réaliseront et satisferont pleinement ses aspirations politiques et économiques les plus importantes[2].

Mr. Delcassé estime que ces précisions sont nécessaires pour amener la Serbie à se résigner aux sacrifices territoriaux que les alliés réclament d'elle en faveur de la Bulgarie.

Перевод.

В своих инструкциях французскому посланнику в Нише г. Делькассе указал, что следует дополнить фразу коллективной ноты, касавшуюся компенсаций в пользу Сербии, следующими словами:

---

[1] Оригинал пам. записки датирован «3/21 августа»; на нем имеется надпись карандашом: «21 июля 1915 г.».

[2] Предложенное Делькассе дополнение вошло в текст заявления от 4 авг./22 июля (см. № 429).

«Союзники готовы принять на себя обязательство в том, что Сербия получит при заключении мира в Адриатике, в Боснии — Герцеговине и в других местах значительные компенсации, которые они ей уже предназначили и которые вполне осуществят и удовлетворят ее самые важные политические и экономические стремления».

Г. Делькассе думает, что это уточнение необходимо, чтобы побудить Сербию примириться с территориальными жертвами, которых союзники от нее требуют в пользу Болгарии.

№ 428. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

⁄. Депеша № 30. 3 августа/21 июля 1915 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я имел уже честь сообщить вам по телеграфу [1] о пребывании здесь известного английского журналиста, бывшего редактора «Times» г. Чироля. Г. Чироль имеет официозное поручение от своего правительства и путешествует в сопровождении секретаря английской миссии при Ватикане г. Грегори. Проехав через Ниш в Софию, он вновь вернулся сюда и имел продолжительные беседы с Пашичем и Иовановичем, а также съездил в Крагуевац, где был принят престолонаследником. Сегодня он вновь поехал в Софию и дальше в Бухарест.

В беседах со мною г. Чироль следующим образом объяснил положение дел. По его словам, предприятие па Галлипольском полуострове было задумано «с преступным легкомыслием». Проливы могли быть форсированы лишь в том случае, если бы военные действия были начаты в самом начале войны, пока Турции не была дана возможность принять все меры для укрепления Проливов. После того как время было упущено, дело явно было безнадежным, и союзники совершенно зря потеряли крупные суда. После этого возник вопрос о сухопутном завладении полуостровом. Английский генерал Бедрум, командующий австралийскими войсками и имевший возможность ознакомиться с состоянием обороны Дарданелл до войны, нашел положение неузнаваемым. Операция высадки союзников стоила им половины их контингентов. Первые действия с целью упрочения на суше были сопряжены со столь же тяжелыми потерями. С тех пор Англия принуждена была посылать все новые вспомогательные части, но благодаря потерям общая численность экспедиционного корпуса немногим превосходит первоначально посланный отряд.

[1] Соответствующая тел. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

Союзники подошли к высотам Критии и Ачи-Бабы, взять кои почти невозможно при наличных силах. Равным образом, благодаря географическим условиям, не представляется возможным обход этих позиций. Между тем, если операции не будут закончены в сентябре, то положение союзников может стать почти критическим, потому что с переменою погоды могут явиться крайние трудности в причаливании судов, предназначенных для подвоза людей, военных материалов и продовольствия. При таких условиях военное содействие Болгарии представляется крайне желательным. Этими военными соображениями определяется политический план, усвоенный великобританским правительством.

В Софии Чироль убедился, что единственным способом привлечения Болгарии является передача ей Македонии в пределах союзного сербо-болгарского договора 1912 года. Мало однако одного обещания, Болгария может быть сдвинута только реальной гарантией. Г. Чироль сомневается даже, достаточно ли ощутительной приманкой была бы международная оккупация Македонии. Наиболее действительным средством сдвинуть Болгарию было бы предоставление ей занять Македонию своими войсками одновременно с наступлением против Турции.

С такими мыслями г. Чироль покинул Софию и приехал в Ниш... Здесь, конечно, он ознакомился с обратной стороной вопроса, которая естественно ускользает от наблюдения в Софии. Беседы с Пашичем и престолонаследником убедили его в полной непримиримости в этом вопросе обоих. Престолонаследник весьма любезно принял г. Чироля, но сказал ему, что сомневается в возможности найти министра, который взял бы на себя ответственность отдачи Македонии Болгарии. Из бесед с иностранными представителями в Нише г. Чироль ознакомился с общим впечатлением моих коллег, полагающих, что занятие Болгариею Македонии, по всей вероятности, было бы сигналом к войне Сербии в союзе с Грецией против Болгарии. Г. Чироль был склонен признавать, что он несколько поторопился в своих советах великобританскому правительству. Лично он высказывал мне сожаление по поводу того, что державы, пропустив столько времени, ныне обнаруживают торопливость, которая может не способствовать успеху дела.

Английский текст обращения к Сербии представляется ему слишком резким по форме. Главный недостаток его он признает в том, что, требуя от Сербии вполне определенные жертвы в пользу Болгарии, он оставляет в тумане вопрос о приобретениях Сербии. При таких

условиях угроза, что державы не в состоянии добыть Сербии эти приобретения, теряет существенную долю своего значения. Справедливость этих соображений представляется неоспоримой с местной точки зрения, о чем я счел долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства моими последними телеграммами[1].

Путешествие г. Чироля является, вероятно, результатом сознания английским правительством неудовлетворительной постановки политики Четверного согласия на Балканах.

Со времени начала войны союзные кабинеты не перестают обмениваться взглядами по этим вопросам. Необходимость сговориться сначала втроем, а в настоящее время вчетвером создает промедление и заставляет пропускать благоприятные минуты для выступления. В балканских столицах чувствуется неустановленность общего направления союзников, переговоры и колебания коих быстро становятся достоянием не только дипломатии, но и широких кругов общества и печати. Быть может, недостатки эти отчасти происходят от того, что союзники действительно не договорились сами между собой относительно разрешения некоторых вопросов, всего ближе интересующих балканские правительства. Какая судьба ожидает Кроацию, как смотрят державы на будущность Албании, — все это ряд вопросов, на которые представителям держав в Нише нет возможности ответить, когда их ставит сербское правительство. Приходится избегать упоминания даже таких вопросов, насчет которых были даны положительные заверения в свое время, как, например, вопрос об обеспечении национальных интересов Сербии в Банате. Можно ли удивляться, что при таких условиях дело до сих пор не сдвинулось с мертвой точки и что авторитет союзников далеко не возрос в балканских столицах? Торопливость, сменяющая медлительность, едва ли меняет сущность дела, и вопрос, как мне кажется, сводится к следующему: для успеха выступлений на Балканах державам следовало бы раньше самим себе выяснить определенно отношения ко всем сторонам балканской проблемы. Только тогда явится возможность вполне определенно сказать каждому балканскому государству, на что оно может рассчитывать в случае подчинения требованиям держав и чем рискует в случае отказа. Пока этого нет, отсутствуют главные элементы для принятия решений на месте, а именно определение выгоды и степени ответствен-

---

[1] См. стр. 540, прим. 1; также в тел. от 2 августа/20 июля за № 693 Трубецкой писал, что считает «долгом отметить необходимость точных обещаний Сербии, как единственного средства воздействия здесь».

ности каждого. На деле, в настоящее время перед каждым выступлением союзные кабинеты обращают гораздо больше внимания на его форму, чем на его содержание. Между тем балканские государства, привыкшие строить все свои рассчеты на несогласованности держав, из каждого выступления извлекают только то, что для них выгодно, и все более и более привыкают к скрытым угрозам. Порою кажется, что недостаток полной откровенности между союзниками, особенно в оценке военных событий, служит одним из главных недостатков системы Четверного согласия.

Я не решился бы высказать подобного впечатления, находясь здесь в Нише, если бы во время недавнего моего пребывания в Петрограде я не убедился в том, насколько по-разному оценивалось военное содействие Болгарии английским и французским послами. Недостаточность контакта с союзниками было одно из самых моих сильных впечатлений во время краткого пребывания в ставке верховного главнокомандующего.

В откровенной беседе со мной Чироль высказал мне совершенно одинаковые наблюдения, заговорив об английском главном командовании. — Кроме того, по его словам, лорд Китченер ни с кем не делится своими соображениями. В его отзыве по этому поводу звучала заметная нотка раздражения, и он говорил мне о том, как необходима полнейшая откровенность для возможно полного объединения союзников в нынешней беспримерной борьбе.

Насколько мысль эта носится в воздухе, — я убедился из того, что на ту же тему со мною заговорил прибывший одновременно с Чиролем в Ниш бывший французский министр иностранных дел г. Крюппи, который едет в Россию. Хотя у г. Крюппи нет официозной миссии, однако его видное общественное положение заставляет его собеседников относиться с известным вниманием к его словам. Для сербов, я полагаю, не могло, между прочим, пройти незамеченным то обстоятельство, что в то время как Чироль говорил исключительно о необходимости отдачи Македонии, г. Крюппи отдавал все свое внимание отношениям Сербии с Италией. На этом примере ярко обнаруживалась та разница в оценке положения и самых исходных точек, которая до сих пор составляла слабость держав Согласия на Балканах.

Примите и пр.

Трубецкой.

№ 429. Текст заявления четырех держав сербскому правительству, сделанного четырьмя посланниками в Нише Пашичу [1].

4 августа/22 июля 1915 г.

La guerre est arrivée à une phase critique où le devoir impérieux de chacun des alliés est de faire tous les efforts et tous les sacrifices nécessaires pour qu'elle puisse être menée jusqu'au succès.

La Serbie voudra sans doute reconnaître qu'en conduisant cette guerre, les alliés ont fait des sacrifices énormes pour maintenir, entre autres choses, la conservation de la Serbie comme état indépendant. Elle doit comprendre qu'il faut aussi que de son côté elle fasse des sacrifices afin de faciliter la tache gigantesque qu'elle a encore devant elle ainsi que ses alliés qui combattent ensemble pour une cause commune et pour l'accomplissement d'un but commun.

La coopération de la Bulgarie est, la Serbie devrait le comprendre, un facteur très important dans cette grande lutte et il y a un réel danger que la Bulgarie, à moins qu'elle ne soit assurée de compensations considérables, puisse non seulement s'abstenir de coopérer, mais même entreprendre telle action qui mettrait la situation générale sérieusement en péril et rendrait dangereuse la position de la Serbie elle-même. Tout en appréciant hautement la conduite vaillante et la loyauté sincère de la Serbie, les alliés se sentent obligés de demander à la Serbie de consentir à céder à la conclusion de la guerre la zone non contestée en Macédoine à la Bulgarie si cette dernière accorde la coopération effective et immédiate de ses armes. Les alliés sont prêts à s'engager à ce que la Serbie reçoive à la conclusion de la paix dans la mer Adriatique, en Bosnie — Herzégovine et ailleurs les amples compensations qui lui ont été déjà réservées et réaliseront et satisferont pleinement ses aspirations politiques et économiques les plus importantes. Mais la Serbie doit aussi comprendre que, une fois que la coopération bulgare sera assurée à des conditions que les alliés ont l'intention de porter à la connaissance de la Bulgarie, à savoir que la Bulgarie sera en possession de la zone non contestée et recevra aussi des compensations en Thrace et ailleurs à la conclusion de la guerre, les alliés ne pourraient réaliser leur intention de faire obtenir à la Serbie des acquisitions larges, amples et don-

[1] Опубл. Ц. Р., стр. 127, № 118. Заголовок оригинала. Приложенный к деп. Трубецкого от 4 авг./22 июля за № 31, текст этот, по объяснению Трубецкого, «является точным переводом инструкций, полученных английским посланником», с «небольшими вариантами, предложенными французским и итальянским правительствами». См. №№ 427 и 436.

nant satisfaction au désir national, qu'à la condition que la Serbie ne soulevera aucune difficulté aux compensations en question.

Dans tous les cas une frontière commune sera maintenue entre la Grèce et la Serbie.

Перевод.

Война достигла критического фазиса, когда настоятельным долгом каждого из союзников является приложить все свои силы и принести все жертвы, необходимые для того, чтобы она могла быть доведена до успешного конца.

Сербия, несомненно, не откажется признать, что, ведя эту войну, союзники понесли громадные жертвы, чтобы добиться, между прочим, сохранения Сербии как независимого государства. Ей следует понять, что, со своей стороны, она также должна принести жертвы, в целях облегчить гигантскую задачу, стоящую перед ней и ее союзниками, которые совместно сражаются за общее дело и за осуществление общей цели.

Сотрудничество Болгарии является, как Сербия должна была бы понять, весьма важным фактором в этой великой борьбе, и надвигается реальная опасность, что Болгария, если ей не будут обеспечены значительные компенсации, может не только отказаться от сотрудничества, но предпринять такие действия, которые создадут серьезную угрозу общему положению и поставят в опасное положение Сербию. Высоко ценя храбрость и безупречную лойяльность Сербии, союзники вынуждены признать своей обязанностью просить ее согласиться на уступку, при окончании войны, бесспорной территории в Македонии Болгарии, если последняя пойдет на оказание действительного немедленного вооруженного содействия. Союзники готовы поручиться, что Сербия получит по окончании войны на Адриатическом море, в Боснии — Герцеговине и других местах обширные компенсации, которые ей были уже предназначены и вполне осуществляют и удовлетворяют самые важные ее политические и экономические стремления.

Но Сербии следует также понять, что раз сотрудничество Болгарии будет обеспечено на условиях, которые союзники намерены сообщить Болгарии, а именно, что Болгария будет обладать бесспорной зоной, а также получит компенсации во Фракии и в других местах по окончании войны, союзники будут иметь возможность осуществить свое намерение добиться получения Сербией обширных, всеобъемлющих и удовлетворяющих национальные стремления приращений лишь при условии, что Сербия не будет ставить никаких препятствий указанным выше компенсациям.

Во всяком случае, между Грецией и Сербией будет сохранена общая граница.

№ 430. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 462. 4 августа/22 июля 1915 г.

Копии в Лондон и Рим.

Лишь сегодня получил вашу телеграмму от [30] 17 июля № 3692 [1].

Делькассе сказал мне, что текст обращения г. Пуанкаре к короле-

[1] См. стр. 533, прим. 5.

вичу Александру будет установлен лишь завтра по возвращении с фронта. Что касается заявления сербскому правительству, Делькассе сказал мне, что предположенное им редакционное изменение, известное вам через Палеолога [1], принято лондонским кабинетом. Делькассе подтвердил мне, что, по его мнению, крайне желательно сообщить, кроме того, Сербии вполне определенным образом о предположенных ей приращениях на Адриатическом побережьи и о согласии союзных держав на эвентуальное слияние Сербии с Хорватией. Так как он уже несколько раз безуспешно настаивал на этом пред Соннино, он просил Грея предпринять в этом смысле новые шаги в Риме, на что Грей охотно согласился [2].

Извольский.

№ 431. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 279. 4 августа/22 июля 1915 г

Копия в Париж.

Получил ваш № 3753 [3].

Я присоединился сегодня к выступлению английского посла с целью добиться согласия Италии на сообщение в Нише пределов славянских земель, предоставляемых Сербии, Черногории и Хорватии. Я сказал Соннино, что присоединяюсь к смыслу переданной мне Роддом записки по сему поводу; министр упорно отказывается согласиться на упоминание Хорватии. Он не находит возможным сходить с почвы Лондонского соглашения, связывая себя уже ныне обещанием слияния Хорватии с Сербией. Он находит необходимым оставить этот вопрос открытым ввиду недостаточно выяснившейся еще политической обстановки, при которой будет установлена возможная судьба Хорватии и последнего выхода к Адриатике, остающегося еще свободным от какого-либо предрешения. Не подлежит сомнению, что министр имеет в виду возможность отделения Венгрии от Австрии и вероятной в таком случае необходимости поощрить первую из них. По совещании с председателем совета министров Соннино высказал, что Италия могла бы согласиться на сообщение Сербии, что ей будут предоставлены порты Спалато и Рагуза при условии нейтрализации первого пункта. При этом Сербия, согласно данному ею неоднократно обещанию, очищает Тирану и Эльбасан до вступления во владение назван-

[1] См. № 427.
[2] См. № 431.
[3] См. стр. 539, прим. 1.

ными далматинскими портами. Соннино не настаивает на немедленном очищении Сербией албанских городов. Соннино предпочел бы, чтобы вышеозначенное обращение было разъяснено Пашичу Греем, а не всеми представителями держав Согласия в Нише.

Гирс.

№ 432. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 469. 4 августа/22 июля 1915 г.

№ 1.

Сегодня представители четырех держав вручили Радославову идентичную ноту, текст которой передается за № 2 [1]. Перед самой передачей ноты английский посланник получил телеграмму Грея с предписанием сказать частным образом, что ввиду неполучения еще согласия Сербии в ноте не упоминается об оккупации союзниками до-вардарской части Македонии, но что если наши предложения будут приняты, то державы предпримут в Нише самые энергичные шаги... для этого занятия. Ваш № 3729 [2] получен после передачи ноты. Считая предлагаемое в нем заявление Радославову весьма полезным, сделаю его завтра.

Савинский.

№ 433. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 470. 4 августа/22 июля 1915 г.

No 2 [3].

Texte de la note identique. «Les gouvernements des quatre Puissances alliées ont examiné avec grand soin et ont pris en très bienveillante considération la note remise par le gouvernement royal de Bulgarie à leurs représentants à Sofia le 14/1 juin [4]. Animés par le ferme désir de voir la situation dans les Balkans réglée d'une façon permanente, ils ont l'honneur de faire aujourd'hui au gouvernement bulgare les déclarations suivantes qui définissent leur politique. Les Puissances alliées garantissent à la Bulgarie la possession de la «zone incontestée» en Macédoine — telle qu'elle est indiquée sur la carte annexée au traité serbo-bulgare de 1912 — en prenant l'engagement que tout agrandissement

---

[1] См. № 433.

[2] См. стр. 534, прим. 2.

[3] № 1 см. № 432.

[4] См. № 117.

territorial de la Serbie à la suite de la guerre actuelle sera absolument subordonné à la condition que la Serbie cède à la Bulgarie la dite zone non-contestée. Elles estiment que cette déclaration donne à la Bulgarie un gage de la possession future de cette zone.

En ce qui concerne Kavala — il est manifestement impossible dans les circonstances actuelles de fixer, même approximativement, les acquisitions territoriales qui pourront être obtenues par la Grèce en Asie Mineure. De l'étendue de ces acquisitions dépendrait nécessairement l'importance du hinterland de Kavala que les Puissances alliées inviteront la Grèce à céder.

La Bulgarie peut être toutefois assurée de l'intention des quatre Puissances alliées de donner une interprétation équitablement large au terme hinterland ... prennent l'engagement que la reconnaissance de tout agrandissement territorial par la Grèce en Asie Mineure à la suite de la guerre actuelle sera absolument subordonnée à la condition que la Grèce cède à la Bulgarie Kavala et un hinterland en proportion des agrandissements qu'elle obtiendrait ailleurs. La possession immédiate de la Thrace jusqu'à la ligne Enos — Midia était déjà garantie à la Bulgarie par la note des représentants des quatre Puissances du 29/16 mai[1]. En faisant la présente communication au gouvernement bulgare les quatre Puissances alliées désirent souligner le fait que le délai qui s'est écoulé avant la réponse aux demandes qu'il a formulées ne signifie en aucune façon le désir ni l'intention de revenir sur propositions faites à la Bulgarie le 29/16 mai ou de laisser une ... de ces propositions sans précision. Les Puissances alliées considérent que la garantie offerte aujourd'hui à la Bulgarie basée sur le refus de reconnaître toute extension des frontières actuelles de la Serbie ou de la Grèce à moins de la cession par celles-ci des territoires garantis à la Bulgarie, sera pour la Bulgarie un gage de l'exécution pleine et entière des promesses qui lui sont faites par la présente note. Si le gouvernement bulgare accepte ces propositions les gouvernements alliés demanderont qu'un arrangement précis soit prochainement conclu pour fixer la date à laquelle la Bulgarie déclarera la guerre à la Turquie et (l'importance) des forces militaires qui entreront en campagne contre celle-ci. Si la Bulgarie n'entrait pas en action à la date et... manière qui auront été fixés, les propositions contenues dans cette note seraient considerées comme annulées par consentement mutuel. Enfin, sauf le cas où ces propositions seraient acceptées, les Puissances alliés demanderont au gouvernement bulgare de prendre

[1] См. № 38.

toutes les mesures possibles pour empêcher le passage des munitions de guerre destinées à la Turquie»[1]. Fin du texte.

Savinsky.

Перевод.

Текст тождественной ноты: «Правительства четырех союзных держав весьма тщательно и с особенным доброжелательством изучили ноту, врученную королевским болгарским правительством их представителям в Софии 14/1 июня с. г. Руководимые твердым желанием, чтобы положение на Балканах было урегулировано прочным образом, они имеют честь сделать болгарскому правительству в данный момент следующие заявления, определяющие их политику. Союзные державы гарантируют Болгарии обладание «бесспорной зоной» в Македонии в пределах, указанных на карте, приложенной к сербо-болгарскому договору 1912 г., принимая обязательство, что всякое территориальное расширение Сербии в результате нынешней войны будет непременно обусловлено уступкой Сербией Болгарии указанной бесспорной зоны. Они считают, что это заявление является для Болгарии ручательством будущего обладания этой зоной. Что касается Кавалы, то, очевидно, невозможно при нынешних обстоятельствах определить, даже приблизительно, территориальные приобретения, которые могла бы получить Греция в Малой Азии. От размеров этих приобретений будут неизбежно зависеть размеры хинтерланда Кавалы, который союзники предложат Греции уступить. Как бы то ни было, Болгария может быть убеждена, что четыре союзные державы дадут достаточно широкое и справедливое толкование термину «хинтерланд» ... ручаются, что признание всякого территориального расширения Греции в Малой Азии в результате нынешней войны будет в полной мере обусловлено уступкой Грецией Болгарии Кавалы и хинтерланда, соответствующего приращениям, которые она получит в других местах. Немедленное приобретение Фракии до линии Энос—Мидия было уже гарантировано Болгарии нотой представителей четырех держав от 29/16 мая. Четыре союзные державы, делая настоящее заявление болгарскому правительству, желают подчеркнуть, что срок, который истек до ответа на вопросы, которые оно поставило, отнюдь не означает намерения отказаться от предложений, сделанных Болгарии 29/16 мая, или оставить какое-либо ... из этих предложений без уточнения. Союзные державы считают, что гарантия, предложенная ныне Болгарии, основанная на отказе признать какие бы то ни было расширения нынешних границ Сербии или Греции без уступки ими территорий, предназначенных Болгарии, явится для Болгарии залогом полнейшего выполнения обещаний, даваемых ей в настоящей ноте. Если болгарское правительство примет эти предложения, то союзные правительства

---

[1] 31/18 июля англ. пос-вом в Петрограде была вручена пам. записка за № 137, начинавшаяся с заявления о том, что «важность и срочность сообщения болгарам об уступках, на которые союзники готовы пойти, столь велики, что это сообщение должно быть сделано без дальнейших проволочек». Передавая далее проект текста сообщения болг. прав-ву (совпадающий с текстом, приведенным в пуб. тел.), Грей выражал надежду, что Сазоновым будут посланы соответствующие инструкции Савинскому (см. № 414 прим. 2). 6-й абзац этой пам. записки заключал в себе пункт об уступке Грецией Кавалы, также дословно воспроизведенный в публ. документе (см. первый абзац на стр. 553 и № 417).

предложат, чтобы в ближайшее время было заключено точное соглашение для определения даты объявления войны Турции и определения размеров военных сил, имеющих выступить против нее. Если Болгария не выступит в тот срок и тем порядком, какой будет определен, то заключающиеся в этой ноте предложения рассматривались бы как потерявшие силу с обоюдного согласия. Наконец, в случае если эти предложения будут приняты, то союзные державы попросят болгарское правительство принять все возможные меры, чтобы воспрепятствовать транзиту военных снарядов, направляемых в Турцию». Конец текста.

Савинский.

№ 434. Посланник в Сербии министру иностранных дел.

Телеграмма № 699. 4 августа/22 июля 1915 г.

Копии в Париж, Лондон и Рим.

Сегодня утром Пашич принял по очереди четырех посланников, вручивших ему тождественный текст заявления[1]. Передавая его, я в кратких, но сильных выражениях повторил аргументы, ранее высказанные мной Иовановичу, и вновь остановил внимание Пашича на том обстоятельстве, что отказ на наше требование создаст для него ответственность гораздо более серьезную, чем та, которую он опасается принять, выразив согласие. Дело идет о будущности Сербии и ее отношениях с Россией. Твердость заявления я старался сочетать со всей возможной дружественностью. Пашич, крайне взволнованный, но спокойный[2], ответил, что он понимает, что для Сербии стоит вопрос жизни и смерти, так что лучше с честью погибнуть, чем итти на самоубийство. Дело требует, конечно, обсуждения совместно с министрами, вождями партий и затем с королем и наследником, которые наверно сюда приедут. Он высказал однако личное мнение, что едва ли окажется возможным удовлетворить требование держав, о котором Сербия осведомлена уже с неделю назад из Софии, откуда пришло также известие о предположенной союзной оккупации Македонии. Я воспользовался этим замечанием, чтобы дать личный совет просить союзников о вооруженной помощи, которая послужила бы нам менее тягостным способом передачи территории Болгарии чрез посредство союзников. Пашич ответил, что вопрос заключается в размерах требуемой жертвы, которая превышает возможное. Моим коллегам Пашич высказался в том же смысле. Боппу он сказал, что Австрия покушалась на независимость Сербии, а союзники делят ее тер-

---

[1] См. № 429.
[2] Так в оригинале.

риторию. Де Гра он отметил, что, кроме тяжести жертвы самой по себе, отдача Македонии создает невозможную границу с враждебной Болгарией, стремящейся к Адриатике, и что узкая полоса земли, которая соединила бы Сербию с Грецией, не спасет от этого. В этом последнем замечании я вновь черпаю убеждение в необходимости достигнуть согласия Италии на раздел Албании между Сербией и Грецией, за вычетом Валоны с окрестностью. Только упирающаяся в море сербо-греческая граница представляется серьезной. Узкий коридор, окруженный с одной стороны Болгарией, с другой—Албанией, которая будет игрушкой в чужих руках, не может считаться стратегическим обеспечением для Сербии и Греции [1].

Трубецкой.

---

[1] В пам. записке англ. пос-ва в Петрограде от 9 авг./27 июля за № 152 передавался проект представителей четырех держав в Нише, предлагавших включить в перечень серб. компенсаций:

1. Общую границу между Сербией и Грецией, которая может получиться благодаря разделу Албании, за исключением Валоны и ее хинтерланда.

Узкая пограничная полоса, общая для Сербии и Греции, разделяющая будущую Болгарию от Албании, не дает гарантии безопасности, а когда Сербия не будет больше иметь железнодорожного сообщения с Салониками, она потребует доступа к морю для своей торговли.

2. Боснию и Герцеговину и их побережье, как это уже предусматривается соглашением с Италией.

3. Провинцию Хорватию вместе с побережьем, как указано в соглашении с Италией.

4. Славонию, Бачку и Сирмию.

5. Что касается Баната, то, если Румыния присоединится к союзникам, — обеспечение стратегической границы для Белграда, а если Румыния не присоединится, то условное признание сербских пожеланий.

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

[1] Цифры обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты [1].

[1] Цифры обозначают номера документов.

Дания.

Испания.

Италия.

Китай.

Монголия.

Нидерланды.

Норвегия.

Персия.

Португалия.

Румыния.

Сербия.

Соединенные Штаты.

Франция.

Черногория.

Швейцария.

Швеция.

Япония.

Переписка других ведомств.

Записки и справки.

Соглашения.

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки[1]

Австро-Венгрия.

Албания.

Англия.

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках обозначают соответствующие пункты рубрик.

Греция.

Италия.

Китай.

Константинополь и Проливы.

Мир.

Монголия.

Персия.

Польша.

Россия.

Румыния.

Сербия.

Соединенные Штаты Америки.

Союзники.

Турция.

Франция.

Хива.

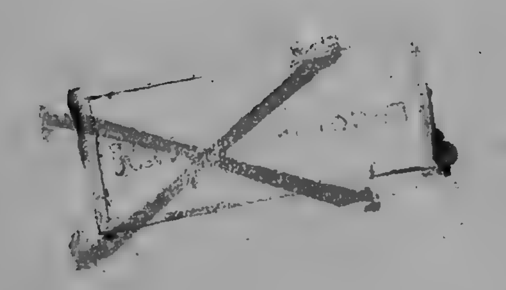
Черногория.

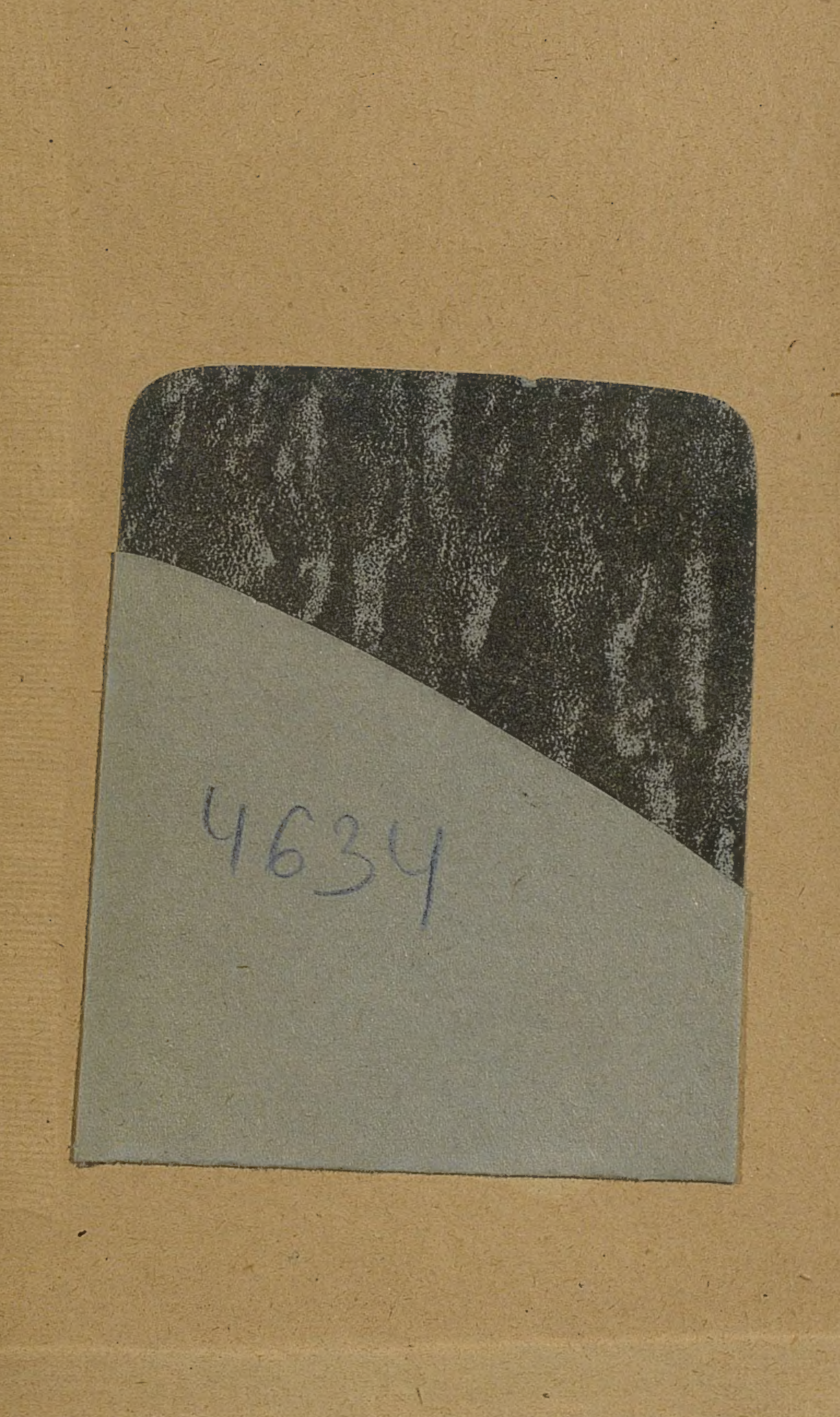
Чехи.

Швеция.

Югославяне.

Япония.

4634

